

КОРОЛЕВЫ КРИМИНАЛА

ШАРЛОТТА ЛИНК

ХОЗЯЙКА
РОЗАРИЯ

Annotation

Сорок лет жизни Беатрис Шэй посвятила разведению роз, хотя эти цветы никогда не нравились ей. Почти семьдесят лет она провела на острове Гернси, хотя мечтала о Кембридже или Франции. Умирили надежды, уходили люди, крутила свои жернова война. Звенел мир, игрались свадьбы, рождались дети и покидали дом. Только розы продолжали цвести. По Беатрис Шэй жители острова Гернси могли проверять часы.

И снова пришла осень. И ветер сбросил лепестки роз. И расстелил ковер по тропам и дорогам... алый, кроваво-красный ковер. Но вот, Беатрис Шэй не разводила рдяных роз...

Современную немецкую писательницу Шарлотту Линк не зря называют «королевой криминала» и «мастером психологического триллера». Ее романы — образцы с точки зрения жанра.

- [Шарлотта Линк](#)
 - [Пролог](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Шарлотта Линк
Хозяйка розария

Пролог

Иногда она просто ненавидела розы. Не могла их видеть. В такие моменты ей становилась невыносимой их красота, вид их шелковистых пестрых лепестков, высокомерие, с каким они смотрели на солнце, словно его теплые лучи предназначались исключительно для них. Розы могли быть капризнее пресловутых мимоз; то им слишком сыро, то холодно, то ветрено, то жарко; часто, по совершенно непонятной причине, они вдруг свешивали головы, словно умирая, и стоило невероятных трудов, усилий и нервов, чтобы удержать их от этого. Но потом, столь же необъяснимо, они вдруг начинали демонстрировать невероятную живучесть — цвести, благоухать и расти, невзирая на ужасную погоду и небрежный уход. Словом, розы — жуткая головная боль для всякого, кто имеет с ними дело.

«Мне не стоит, — думала она, — так агрессивно реагировать на розы. Это, в конце концов, глупо. И неуместно».

Сорок лет своей жизни она посвятила разведению роз, но так и не научилась обращаться с ними с виртуозной легкостью. Вероятно, дело заключалось в том, что эти цветы никогда ей не нравились, и она всю жизнь хотела заниматься чем-нибудь другим. Правда, ей удалось создать пару удачных сортов скрещиванием чайных роз, да, ей действительно повезло: она смогла добиться соединения изящества с устойчивостью и крепостью. Продавались ее сорта хорошо. Во всяком случае, до сих пор ей всегда удавалось заработать достаточно на пропитание своей маленькой семьи, но она часто думала, что если бы ей явилась добрая фея с золотыми сокровищами, то она никогда в жизни не стала бы заниматься розами.

Иногда, когда Беатрис Шэй особенно остро чувствовала, что не любит розы, да, собственно говоря, не умеет толком с ними обращаться, она неизменно спрашивала себя, к чему, на самом деле, лежало ее сердце. Время от времени ей становилось до боли ясно, что это что-то и в самом деле существовало, ибо осознание того, что ее жизнь целиком занята предметом, к которому она не испытывала ни малейшей симпатии, повергало ее в глубокую печаль и заставляло размышлять о смысле бытия. Правда, сама она весьма цинично отзывалась о людях, ищущих смысл жизни. Смысл жизни Беатрис всегда объясняла словом «выживание», не вкладывая в него, впрочем, ничего драматического. Выживание означало необходимость действий: вставать утром с постели, выполнять

необходимую работу, есть, пить, ложиться спать. Все остальное было блестящими и мишурой: шерри, искрящееся в бокале золотистыми пузырьками. Музыка, гремевшая в комнате и заставлявшая сердце биться сильнее, а кровь — скорее течь по жилам. Книга, от которой было невозможно оторваться. Садящееся в море за Плейнмонтской башней солнце, красный диск которого трогал Беатрис до глубины души. Прижимающийся к лицу мокрый и холодный собачий нос. Теплый, тихий летний день, покой которого нарушали лишь крики чаек и ленивый рокот прибоя в заливе Мулен-Гюз. Горячие камни под босыми ступнями. Аромат заросших лавандой полей.

Собственно, все это и давало ответ на вопрос: она любила Гернси, свою родину, маленький островок в Ла-Манше. Она любила Сент-Питер-Порт, живописный портовый город на восточном берегу. Она любила нарциссы, каждую весну распускавшиеся на обочинах дорог, любила буйные синие гиацинты, пробивавшиеся сквозь почву напоенных светом перелесков. Любила тропинку, вьющуюся в скалах над морем, особенно, ту ее часть, что вела от мыса Плейнмонт к Пти-Бо. Она любила свою деревушку Ле-Вариуф, любила свой каменный дом, расположенный на верхнем краю селения. Она любила даже раны, уродовавшие остров, отвратительную сторожевую башню, укрепления, возведенные здесь немецкими оккупантами, безотрадный «German Underground Hospital», вырубленный в скале подневольными рабочими. Беатрис любила вокзалы, перестроенные немцами, возившими через них строительные материалы для своего Западного Вала. К тому же в этом островном ландшафте она любила многое из того, что, кроме нее, не видел и не слышал никто: воспоминания образов и голосов, неизгладимо запечатлевшиеся в ее памяти. Воспоминания о семидесяти годах жизни, почти целиком проведенной здесь. Наверное, всякому человеку близко и дорого то, с чем он прожил долгую жизнь. Хороши они, или плохи, но знакомые с детства картины находят путь в те уголки сердца, где зарождаются симпатии. Наступает момент, когда человек не спрашивает больше, чего он хотел; он видит, что из него вышло и довольствуется этим.

Естественно, время от времени она вспоминала свою жизнь в Кембридже. В такие вечера, как этот, перед глазами часто вставал университетский город в Восточной Англии. В такие моменты у нее, в тысячный, наверное, раз, возникало чувство — как сегодня — когда она сидела в порту и пила шерри, что это лишь символ жизни, суррогат той жизни, какой она жила в Кембридже. Возможно, это был суррогат и возможной жизни во Франции. Если бы тогда, после войны, она смогла

уехать во Францию с Жюльеном...

«Но зачем, — мысленно прикрикнула она на себя, — изводить себя бесконечными сомнениями и раздумьями?» Все произошло так, как, наверное, должно было произойти. Жизнь — Беатрис была в этом твердо убеждена — изобилует загубленными возможностями и упущенными шансами. Кто посмеет сказать о себе, что всю жизнь был последовательным, целеустремленным и бескомпромиссным?

Она смирилась с ошибками и заблуждениями своего бытия. Она рассеяла их среди других событий, и в их множестве ошибки и заблуждения затерялись, стали незаметными и блеклыми. Со временем ей удалось научиться не замечать их, а многие неприятности она даже забыла.

По ее разумению это означало, что она смирилась.

Только не с розами.

И не с Хелин.

Хозяин «Моряка» приблизился к стоявшему у окна столу, за которым сидели две пожилые дамы.

— Два шерри, как всегда? — спросил он.

Беатрис и ее подруга Мэй обернулись к нему.

— Два шерри, как всегда, — ответила Беатрис, — и два салата из авокадо и апельсинов.

— С удовольствием.

Он помедлил. Хозяин обычно охотно болтал с посетителями, а в этот ранний час — еще не было и шести часов — в ресторанчике пока не было никого, кроме двух старых дам.

— Вы слышали, у нас опять украли судно, — понизив голос, сказал хозяин. — Большую белую парусную яхту. Она называется «Heaven Can Wait», — он покачал головой. — Своеобразное название, не правда ли? Но едва ли она теперь сохранит его, как и свой чудесный белый цвет. Глаз на нее, видимо, положили уже давно, и теперь ею распоряжается какой-нибудь француз с континента.

— Воровство яхт старо, — сказала Беатрис, — как сами острова. Оно существует и будет существовать всегда. Кого это еще волнует?

— Людям не следовало бы оставлять яхты без присмотра, — озабоченно произнес хозяин. Он взял с соседнего столика пепельницу и поставил ее перед дамами, пододвинув ее к вазе с розами, которые всю неделю украшали обеденный зал. Поставив пепельницу, хозяин указал на маленькую белую табличку. — Столик зарезервирован на девять часов.

— К тому времени нас уже здесь не будет.

«Моряк» находился на территории гавани Сент-Питер-Порта, главного города острова Гернси. Из двух больших окон ресторана открывался красивый вид на бесчисленные яхты, стоявшие на якоре в бухте. Создавалось даже впечатление, что сам ресторан расположен среди ослепительно белых судов и тоже покачивается на невысоких волнах.

Из ресторана были видны люди, ходившие по деревянным сходням, игравшие на палубах дети и собаки, а вдалеке виднелись большие пароходы, доставлявшие с континента отдыхающих туристов. Подчас этот вид казался нереальным в своей живописной красоте — слишком прекрасным, слишком совершенным — как фотография из туристического каталога.

Был понедельник, тридцатое августа. Стоял тихий, теплый, солнечный вечер, но в нем уже чувствовалось приближение осени. В хрустальном воздухе не было уже летней мягкости — было прохладно и свежо. Дувший с моря ветер отдавал горечью. Чайки взмывали в небо и пикировали оттуда с громкими криками, словно понимая, что близятся осенние шторма и холода, что уже скоро над островом ляжет густой туман, сырость которого пропитает крылья невыносимой тяжестью. Лету оставалось дней десять, самое большее — две недели, после чего оно минует безвозвратно.

Женщины говорили мало. Они единодушно решили, что салат, как всегда, превосходен, и что нет ничего лучше шерри, особенно, когда его наливают в высокие бокалы для игристых вин. Но, по большей части, обе молчали, глубоко погруженные в свои мысли.

Мэй внимательно смотрела на Беатрис, пользуясь тем, что она этого не замечала. Мэй нашла, что ее визави одевается отнюдь не так, как подобает семидесятилетней женщине, но на эту тему они спорят уже много лет, и все дискуссии неизменно заканчивались ничем. Беатрис буквально до дыр занашивала одни и те же джинсы, к которым надевала выцветшие футболки или бесформенные свитера, единственное достоинство которых заключалось в том, что они защищали свою хозяйку от холода и ветра. Седые, вьющиеся волосы Беатрис зачесывала назад и связывала простой резинкой.

Мэй, охотно носившая облегающие светлые костюмы, раз в две недели ходившая в парикмахерскую и старавшаяся умелым макияжем скрыть проступавшие на лице неумолимые следы возраста, без устали пыталась убедить подругу ухаживать за внешностью.

— Ну нельзя же вечно одеваться как девочка-подросток! Нам уже по семьдесят лет, и от этого факта невозможно отмахнуться. Эти твои джинсы

слишком узки, а...

— Это будет катастрофа, только если я растолстею.

— ...уж эти вечные кроссовки и...

— ...это самая практичная обувь на свете, если весь день приходится быть на ногах.

— Свитер у тебя весь в собачьей шерсти, — укоризненно, но без возмущения произнесла Мэй, понимая, что от ее слов Беатрис не станет чистить свитер, менять кроссовки на туфли и не откажется от потертых джинсов.

Сегодня, однако, Мэй промолчала. С Беатрис они были дружны с детства, и Мэй очень чутко улавливала нюансы настроения подруги. Мэй чувствовала, что сегодня Беатрис пребывает в дурном расположении духа, погружена в неприятные мысли, и будет лучше не раздражать ее замечаниями по поводу внешнего вида.

«У нее хорошая фигура, — подумала Мэй, — фигура — просто на зависть». Очевидно, с двадцатилетнего возраста Беатрис не прибавила в весе ни грамма. Она двигалась с такой легкостью, словно старческие недомогания были изобретены для кого угодно, только не для нее. Мэй снова вспомнила об украденной яхте, о которой говорил хозяин. «Heaven Can Wait».^[1]

«Действительно, странное название», — подумалось ей.

Беатрис, мелкими глотками пригубливая шерри, смотрела из окна на гавань, но, полностью погруженная в свои мысли, женщина едва ли замечала, что там происходило.

Первой молчание нарушила Мэй.

— Как дела у Хелин? — спросила она.

Беатрис пожала плечами.

— Как всегда, жалуется на жизнь, хотя совершенно непонятно, отчего ей так плохо.

— Может быть, она и сама этого не понимает, — заметила Мэй. — Она так привыкла жаловаться, что просто не может остановиться.

Разговор о Хелин был неприятен Беатрис.

— Как поживает Майя? — спросила она, в свою очередь, только для того, чтобы сменить тему.

Мэй начинала нервничать всякий раз, когда ее спрашивали о внучке.

— Боюсь, что она возвращается в дурном обществе, — ответила она. — Недавно я видела ее с мужчиной, от вида которого меня пробила дрожь. Мне редко случалось видеть такие зверские физиономии. Боже мой, я была бы просто счастлива, если бы у нее, наконец, все наладилось с Аланом!

Но Беатрис не хотела говорить о своем сыне Алане.

— Поживем, увидим, — ответила она таким тоном, что Мэй сразу поняла, что подруга не испытывает ни малейшего желания развивать эту тему дальше.

Мэй тотчас замолчала. Подруги заказали еще по бокалу шерри и продолжали молча сидеть, созерцая в окно мягкий свет уходящего августовского дня.

И вдруг в этом умиротворяющем свете, в стремительно падающих сумерках, Беатрис увидела показавшегося ей знакомым человека, человека, с которым она в последний раз виделась много лет назад. Лицо это, мелькнувшее в толпе, заставило Беатрис вздрогнуть и побледнеть — но всего лишь на секунду. В следующий момент она убедила себя в том, что ошиблась. Но Мэй тотчас заметила перемену в лице подруги.

— Что случилось? — спросила она.

Беатрис сморщила лоб и отвернулась от окна. За окном с каждой минутой становилось все темнее, так что немудрено было и ошибиться.

— Мне вдруг показалось, что я увидела одного человека... — сказала она.

— Кого?

— Жюльена.

— Жюльена? Нашего Жюльена?

«Он никогда не был *нашим Жюльеном*», — раздраженно подумала Беатрис, но оставила вопрос Мэй без комментариев.

— Да. Но, вероятно, мне показалось. Зачем ему приезжать на Гернси?

— Бог мой, как он, должно быть, переменялся с тех пор, — сказала Мэй, — ведь ему, наверное, уже около восьмидесяти.

— Семьдесят семь.

— Невелика разница. Не могу себе представить, что мы вообще смогли бы его узнать, — она хихикнула, и Беатрис на секунду задумалась, что мог означать этот смешок. — Боюсь, что и он едва узнал бы двух старых вешалок.

Беатрис промолчала и снова посмотрела в окно, но, даже если бы она и смогла бы хоть что-то рассмотреть, то мужчину, которого она на короткое, умопомрачительное мгновение приняла за Жюльена, конечно же, уже давно исчез, смешавшись с толпой.

«Это ошибка», — подумала Беатрис, и нельзя допускать, чтобы из-за ошибки так сильно билось ее сердце!

— Пойдем, — сказала она Мэй. — Давай рассчитаемся и поедем домой. Я устала.

— Пойдем, — согласилась Мэй.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

То утро было похоже на все остальные. В шесть часов зазвонил будильник Беатрис. Открыв глаза, она полежала в кровати еще пять минут, наслаждаясь теплом и покоем постели. Покой этот нарушали лишь издавна знакомые звуки: щебетание птиц в саду, тихий шум прибоя, когда ветер дул с моря. В доме скрипели деревянные половицы, почесывались собаки, тикали часы. Потом дверь спальни приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулся нос Мисти. У Мисти был серовато-голубой окрас, как у тумана, ложившегося осенью на залив Пти-Бо. Отсюда и кличка, которая сразу пришла в голову Беатрис, когда она впервые взяла на руки щенка. В то время Мисти являла собой соединение больших неуклюжих лап, мягкого пушистого меха и живых, угольно-черных глаз. Сегодня собака была размером с доброго теленка.

Мисти равнулась с места и впрыгнула на кровать, которая жалобно застонала и заскрипела под тяжестью большой собаки. Псина улеглась на одеяло, опрокинулась на спину, подняла в воздух все четыре лапы и стремительно лизнула Беатрис в лицо, изъяснив мокрое, идущее от сердца доказательство любви.

— Мисти, прочь с кровати, — с притворным негодованием приказала Беатрис, и Мисти, прекрасно знавшая, что за послушание ей ничего не будет, осталась на месте.

Пять минут мечтательной утренней лени истекли. Она рывком поднялась с постели, не обращая внимания — насколько это было возможно — на некоторую скованность суставов, напоминавшую, что она уже не так молода, как ей подчас казалось. Беатрис ни в коем случае не желала уподобляться Мэй, которая с утра до вечера занималась своим телом, прислушиваясь к нему, и через день бегала к врачу — каждый раз, когда ей казалось, что с ее организмом что-то не так. Беатрис считала, что Мэй таким образом сама навлекает на себя болезни и недомогания. Они часто обсуждали эту тему, но каждая так и осталась при своем мнении. Вообще, их давняя дружба, вероятно, заключалась в том, что они все время с удивлением взирали друг на друга, недоуменно и укоризненно покачивая головами.

Стоя в ванне под душем, Беатрис думала, что ей надо сделать сегодня. Она могла позволить себе размышления такого рода, ибо теперь почти полностью отстранилась от своих прежних занятий, определявших

распорядок дня. Розарием она теперь занималась только ради собственного удовольствия, причем слово «удовольствие» в данном случае не вполне соответствовало своему исходному смыслу. Правда, розы продолжали расти, и она даже ухаживала за ними. Она продавала цветы людям, проходившим мимо и желавшим купить розы, прежде всего, туристам. Но теперь Беатрис перестала помещать объявления в специальных журналах и полностью прекратила заниматься рассылкой. Не пыталась она больше и выводить новые сорта. Теперь она предоставила это другим; впрочем, это занятие и раньше доставляло ей мало радости. Когда Беатрис вышла из ванной, в голове ее вертелись сотни вещей, которые надо было сделать. Движения ее, как и всегда, отличались быстротой и нетерпеливостью. Все, что Беатрис делала, она делала торопливо и поспешно, что весьма болезненно воспринимали окружающие ее люди.

С половины седьмого до половины восьмого Беатрис гуляла с собаками. Помимо Мисти, у нее было еще две крупные собаки — невообразимые помеси добрых пород с немислимыми дворнягами. Беатрис любила всех собак без исключения, но дома держала только псин размером с пони или теленка. Собаки рванулись на улицу тотчас, как только Беатрис открыла входную дверь. Дом возвышался над деревней Ле-Вариуф, и от самой двери открывался вид на море. В окружавшем дом пейзаже преобладали широкие луга, на которых там и сям виднелись купы деревьев. По лугам к морю, журча, стремились ручьи, по берегам которых стояли заброшенные, обветшавшие мельницы, когда-то приводившиеся в действие силой воды. Каменные стены ограждали участки лугов, на которых паслись коровы и лошади. В воздухе пахло солью и водой, водорослями и песком. Чем ближе к морю, тем свежее становился ветер и прозрачнее воздух. Вскоре Беатрис добралась до вырубленной в камнях тропинки и увидела воду. По обочинам тропинки виднелись редкие, изуродованные постоянным ветром деревья. Дорожку обрамлял дикий колючий кустарник — улекс попеременно с ежевикой, на ветках которой темнели крупные спелые ягоды. Собаки, слышав крики чаек и почуяв ноздрями ветер, с громким лаем понеслись вперед. Беатрис знала, что собакам знакома каждая пядь этой местности, и нисколько не тревожилась за них. Остановившись на возвышении, она повернулась лицом к воде и всей грудью вдохнула свежий морской воздух.

Несмотря на ранний час, солнце уже светило довольно высоко над восточным горизонтом, отбрасывая косые красноватые лучи на гребни волн. Сентябрьский день обещал быть ясным и напоминал о лете. Всю последнюю неделю стояла необычайно теплая для начала осени погода. На

утесах красным ковром цвел вереск, на берегах бухт светло блестел песок. Бакланы и крачки не спеша взлетали с берега, отправляясь на утреннюю охоту.

Беатрис пошла по тропинке дальше. То и дело наклоняясь, она срывала ягоды ежевики и с наслаждением отправляла их в рот. Это был своего рода отвлекающий маневр. Эти минуты дня, эта прогулка высоко над морем, были самыми опасными моментами ее повседневного бытия. С заливом Пти-Бо, куда вела тропа, были связаны главные воспоминания ее жизни — все равно, плохие или хорошие. В плохих воспоминаниях просыпались прежние страхи, до сих пор не утратившие своей прежней силы. К хорошим воспоминаниям примешивалось чувство невозвратимой утраты, печаль о том, что моменты счастья скользнули по жизни, но не укоренились в ней. Беатрис давно запретила себе любые поползновения жалеть себя, но временами она все же не могла удержаться от горьких мыслей о том, что жизнь подарила ей не слишком много счастья. Она невольно принималась сравнивать себя с Мэй, которая жила легко и без проблем, если не считать надуманных болезней и мрачных прогнозов, касающихся судеб мира и вселенной. Мэй ни разу в жизни не пришлось пережить истинную трагедию. Самым болезненным событием стала смерть ее отца пять лет назад. Отцу было девяносто два года, он умер в превосходном лондонском доме престарелых от сердечного приступа, и Беатрис была убеждена в том, что закат его жизни прошел лучше, чем у большинства других людей, а конец его был легким и безболезненным. Мэй изо всех сил делала вид, что переживает ужасную драму, в то время как ее престарелая мать, оставшаяся одна в том же доме престарелых, приняла удар судьбы с куда большим достоинством.

Муж носил Мэй на руках, дети ее не разочаровали, и даже внуки оказались образцовыми, за исключением, возможно, Майи, перед которой не мог чувствовать себя в безопасности ни один мужчина на острове, но и она успокоилась после того, как пережила свой период бури и натиска. Нет, жизнь никогда не была по-настоящему жестокой к Мэй.

«А со мной? — спросила себя Беатрис. — Со мной жизнь обошлась жестоко или нет?»

Этот вопрос неизменно возникал в ее мозгу, когда она оказывалась на этой тропинке, и поэтому Беатрис иногда думала, что ей следовало бы избегать залива и его окрестностей. Но до сих пор ей счастливо удавалось оставлять вопрос без ответа и вытеснять его прочь из сознания, и каждое утро она, с непреодолимым упрямством возвращалась на знакомую тропу, по которой ходила уже несколько десятков лет. Эта прогулка стала

укоренившейся привычкой, от которой Беатрис не желала отказываться из-за пары мучительных мыслей.

Вот и сегодня Беатрис отбросила в сторону вопрос о превратностях жизни и громко кликнула собак — настала пора возвращаться домой. Хелин наверняка уже сидит в кровати и ждет чашку утреннего чая. Беатрис знала, с каким нетерпением Хелин ждет ее возвращения с прогулки. И дело было не в том, что ее мучила жажда или донимал голод. После долгой ночи Хелин жаждала увидеть человека, которому можно было бы поплакаться в жилетку. Хелин много и охотно плакала и, подобно Мэй, погружена в свои мелкие болячки и недомогания, но в то время как Мэй могла быть веселой и жизнерадостной, Хелин была воплощением неудовлетворенности и вечной воркотни.

— Мальчики, пошли! — крикнула Беатрис собакам, не делая исключения для Мисти — единственной сучки в этой маленькой своре. — Нам пора домой, поухаживать за Хелин!

Собаки пронеслись мимо и впереди Беатрис устремились к родному дому. Если до этого их возбуждала перспектива вольно побегать возле моря, то теперь их также неудержимо влекла перспектива обильного завтрака.

«Они всегда всем довольны, — подумалось Беатрис, — потому что для них важны самые простые вещи. Они не задают себе вопросов, они просто живут».

Обратный путь она проделывала быстрее, чем путь на прогулку, а войдя на порог, стряхнула все мучительные мысли.

Дом, сложенный из коричневатого островного гранита и окруженный розами, рододендронами и огромными синими гортензиями, выглядел в утреннем свете, как маленький, мирный райский уголок. Зеленые ставни на всех окнах были широко открыты, кроме ставен в комнате Хелин на втором этаже. Было ровно половина восьмого. Все жители острова Гернси могли проверять часы по Беатрис.

Без десяти восемь Беатрис вошла в комнату Хелин с подносом, на котором стояла чашка чая и тарелка с двумя поджаренными тостами. Несмотря на то, что Хелин утверждала, что по утрам не в состоянии даже смотреть на еду, хлебцы каждый раз непостижимым образом исчезали с тарелки. Однажды Беатрис прямо спросила об этом Хелин, и та ответила, что скормила хлеб птичкам, но Беатрис поверила ей только наполовину. Хелин была стройной и тонкой, но назвать ее истощенной было нельзя, и было ясно, что ест она больше, чем признает.

Она включила лампу на ночном столике и сидела в постели, опершись на подушки. Вероятно, Хелин уже побывала в ванной, так как волосы ее были аккуратно расчесаны, а губы блестели только что наложенной светло-розовой помадой. Беатрис ощутила укол раздражения: неужели Хелин, уж коли она встала, была не в состоянии открыть окна и ставни? В комнате было темно, жарко и душно, как в склепе, но Хелин, видимо, сознательно добивалась такого впечатления. Ей было восемьдесят лет, и временами ей изменяли память и логика, но она всегда проявляла удивительную сообразительность, когда хотела возбудить сочувствие окружающих.

Хелин хотела, чтобы ее жалели с утра до вечера. Беатрис знала, что она не всегда была такой, но у нее всегда была склонность напускать на себя вид полной беспомощности, чтобы окружить себя людьми, готовыми из сочувствия и сострадания в любой момент подставить ей плечо. С годами, однако, эта склонность усилилась настолько, что теперь не осталось почти никого, кто выносил вечную слезливость Хелин.

— С добрым утром, Хелин, — сказала Беатрис и поставила поднос на столик у кровати. — Как тебе спалось?

Она слово в слово знала ответ, и Хелин не замедлила его дать.

— Честно говоря, я почти не сомкнула глаз и ворочалась всю ночь. Два раза я включала свет и пыталась читать, но от утомления просто не могла сосредоточиться и...

— У тебя просто слишком жарко, — перебила ее Беатрис. Она пробыла в комнате Хелин всего пару минут, но ей казалось, что она вот-вот задохнется в спертом липком воздухе. — Я не могу понять, почему ты летом спишь с закрытыми окнами!

— Сейчас уже не лето. Сегодня второе сентября!

— Но на улице тепло, как летом!

— Я боюсь, что ко мне может кто-нибудь залезть, — уныло произнесла Хелин.

Беатрис презрительно фыркнула.

— Послушай, Хелин, ну как можно к тебе залезть? Здесь нет лестницы, по которой можно взобраться на второй этаж!

— Стена не совсем ровная, и любой ловкий вор-верхолаз смог бы...

Беатрис решительно открыла окно и распахнула ставни. В комнату хлынул живительный поток свежего воздуха.

— С тех пор, как я нахожусь в здравом уме, я все время сплю с открытыми окнами, Хелин, и ко мне пока еще никто не забрался — даже когда я была молода и привлекательна, — добавила она, стараясь шуткой сгладить сквозившее в ее тоне раздражение.

Но Хелин не улыбнулась. Она на мгновение зажмурила глаза от яркого света, потом взяла с подноса чашку и отхлебнула чай.

— Что ты сегодня собираешься делать? — спросила она.

— С утра поработаю в саду, а во второй половине дня встречу с Мэй в Сент-Питер-Порте.

— Да? — с надеждой в голосе спросила Хелин. Беатрис и Мэй иногда, собираясь на прогулку или в магазины, брали с собой Хелин. Она очень любила общество Мэй, что и неудивительно, ибо Мэй была неизменно заботлива и обращалась с Хелин куда теплее и сердечнее, чем Беатрис. Мэй всегда живо интересовалась самочувствием Хелин, участливо и терпеливо выслушивала ее жалобы. Мэй никогда не раздражалась, не затыкала ей рот, как Беатрис, никогда не давала Хелин почувствовать себя докучливой старухой, которая только и делает, что действует всем на нервы. Мэй неизменно была очаровательна и мила. Но, к несчастью, не она решала, что и как будет происходить; тон здесь задавала Беатрис, а она никогда не горела желанием брать с собой Хелин.

Вот и сейчас Беатрис не сочла нужным ответить на исполненное отчаянной надежды «да?». Вместо этого она принялась наводить порядок в комнате Хелин. Беатрис убрала вчерашнее белье, достала из комода свежее и положила его на кресло.

— И что вы будете делать в Сент-Питер-Порте? — не отставала Хелин. — Пить кофе?

— Я никуда не езжу только для того, чтобы просто попить кофе, — нетерпеливо отрезала Беатрис. — Нет, нам надо сделать кое-какие дела. С нами поедет Майя. Она выберет подарок, который Мэй хочет сделать ей на день рождения. Да и я куплю ей какую-нибудь безделушку.

— День рождения у Майи будет только в следующем месяце, — брюзгливо заметила Хелин. К внучке Мэй она испытывала смешанные чувства, но всегда старалась быть беспристрастной. — И сколько ей исполнится?

— Двадцать два. По случаю дня рождения она устроит вечеринку, для которой хочет купить такой сексуальный костюм, чтобы мужчины бросались на нее, как пчелы на мед. Она сама так выразилась.

Хелин вздохнула. Приличная женщина не может испытывать ничего, кроме презрения, к распутному образу жизни Майи, но временами к этому презрению, к вящему удивлению самой Хелин, примешивалось нечто вроде зависти, прячущейся под пластами отвращения, негодования и нравственного неприятия, находящих удовлетворение в том, что Майе временами приходилось расплачиваться за свою необузданность —

синяком под глазом, полученным от обиженного любовника, или болезненным вмешательством, избавляющим от нежелательных последствий бурно проведенной ночи. Майя уже сделала два аборта — во всяком случае, Хелин знала о двух случаях, но, возможно, их было и больше. Мэй по секрету поведала Хелин, что Майя — и в этом с ней не может сравниться ни одна женщина в мире — постоянно забывает принимать противозачаточные пилюли. Хелин была убеждена, что на всем Гернси — да и на всех соседних островах — едва ли найдется человек, готовый жениться на Майе, на женщине, которая ложится в постель почти с каждым встретившимся ей мужчиной. Нет, завидовать тут нечему! Но все же что-то продолжало грызть ее изнутри; Хелин не могла с уверенностью сказать, откуда являлось это чувство, да ей и не хотелось никаких объяснений, ибо знание означало неизбежную боль. Хелин пыталась утешить себя тем, что она была молода в иное время, что тогда жизнь подчинялась иным моральным ценностям, но и в этом случае она неизбежно упиралась в сравнение молодой Хелин с молодой Майей. И именно это сравнение каждый раз оборачивалось невыносимой душевной болью.

«Ты могла бы куда больше получить от жизни, если бы *брала*», — сказал ей однажды ехидный внутренний голос, и с тех пор этот голос не умолкал.

— Я бы с удовольствием тоже что-нибудь подарила Майе, — торопливо произнесла Хелин. — Я поеду с вами, пусть она что-нибудь выберет.

Беатрис тяжело вздохнула. Она чувствовала, что Хелин скажет нечто подобное.

— Хелин, ты ничего не должна дарить Майе, и никто от тебя этого не ждет, — сказала она. — Ты недолюбливаешь Майю и имеешь на это полное право, и не стоит тебе в день ее рождения притворяться, будто это не так.

— Но...

— Ты просто хочешь поехать с нами, просто потому, что не знаешь, чем себя занять. Мне эта идея не нравится. Ты же знаешь, как ведет себя Майя, выбирая подарки — она исходит вдоль и поперек все магазины. Мы с Мэй едва поспеваем за ней. Если же взять на буксир и тебя, то мы вообще не сдвинемся с места. Подумай о крутых улицах и лестницах Сент-Питер-Порта и не забудь о своем ревматизме.

Хелин вздрогнула и съезжилась. Глаза ее наполнились слезами.

— Какая ты холодная, Беатрис. Почему ты не говоришь прямо, что я буду вам в тягость?

— Чтобы не показаться тебе еще более холодной, — отрезала Беатрис и отвернулась. Она убралась в комнате, расставила все по местам, испытывая неотвязное чувство, что вот-вот задохнется, если будет и дальше слушать нудный голос Хелин и смотреть в ее бледное лицо.

— Сегодня будет погожий день, — сказала она. — Ты можешь пойти в сад, посидеть там, почитать и порадоваться, что тебе не надо ходить по городу.

Хелин поджала губы. Этот жест делает несимпатичными большинство людей, но не Хелин. С поджатыми в ниточку губами она вызывала еще большую жалость.

— Если уж ты с таким усердием печешься о Майе, то может быть, подумаешь о том, что скоро будет *мой* день рождения?

— О твоем дне рождения я не смогу забыть при всем желании, — ехидно ответила Беатрис.

Забыть было решительно невозможно, потому что Хелин и Беатрис родились в один день — пятого сентября. Правда, Хелин родилась на десять лет раньше и не на Гернси, как Беатрис.

Хелин родилась в Германии.

С утра знакомый фермер из Ле-Вариуфа привез ей коровий навоз. Беатрис решила удобрить им розы — последний раз в этом году. Коровий навоз лучше всего подходит для роз, лучше, чем все другие удобрения, продающиеся в садовых магазинах. Сэм, фермер, привез навоз после завтрака и разгрузил подводу. Удобрение уже лежало в сарае и воняло так, что отбивало всякое желание приступить к работе. Может быть, все дело было в жаре. Сэм тоже пожаловался на жару — необычную для начала сентября.

— Я заметил это сразу, как только встал и вышел из дома, — сказал он, сдвинув шляпу на затылок и отирая пот со лба. — Я сразу подумал: сегодня будет чертовская жара. Утром-то еще хоть дул легкий бриз. А сейчас ветра вообще нет, замечаете? Ни один листочек не шелохнется! Тяжело будет сегодня работать!

— И как раз сегодня мне надо быть в городе, — сказала Беатрис, — но с этим ничего не поделаешь. Это я переживу.

— Это точно. Вы переживете все, миссис Шэй! — он рассмеялся, и, несмотря на жару, выпил рюмку водки, предложенную ему Беатрис. Сэм с удовольствием пропускал рюмку-другую, но делал это тайно, так как жена постоянно пилила его за это.

Беатрис невольно вспомнила слова Сэма, когда, надев широкополую шляпу, направилась в сад, неся с собой соломенную корзину и садовые

ножницы, чтобы обрезать увядшие ветки и подровнять дикие побеги. Спокойная и приятная работа, вполне соответствующая погоде.

«Вы переживете все, миссис Шэй!»

Она знала: ее призвание быть несокрушимой, не покоряться никому и ничему, и временами Беатрис удивлялась тому упорству, с каким ее близкие придерживались этого убеждения. Сама она не чувствовала себя и вполнину настолько сильной, какой считали ее люди, но думала, что ей посчастливилось соорудить себе по-настоящему крепкий панцирь, отражавший любой внешний натиск и защищавший ее внутренний мир от любопытных взглядов. Там внутри, под панцирем, чувствовала Беатрис, продолжали сочиться кровью многочисленные раны. Благо, что никто из окружающих не мог их увидеть.

Она ловко и умело работала ножницами, срезая лишние побеги с роз, но при этом не говорила им ни слова. Отец всегда разговаривал с розами и утверждал, что это очень важно.

«Они — живые существа. Им нужна забота, им необходимо чувствовать, что их воспринимают всерьез и любят. Они чувствуют, когда к ним хорошо относятся, уважают их характер и особенности. Точно также они замечают, когда к ним относятся равнодушно и пренебрежительно».

Беатрис была тогда маленькой девочкой и с благоговением слушала отца, ни секунды не сомневаясь в его правоте. Но ее отец, Эндрю Стюарт, был для нее на втором месте после господина Бога, и Беатрис верила всему, что исходило из его уст. В известном смысле, она и сегодня была убеждена в его правоте, но сама она так и не смогла следовать его правилам на деле. Когда-то, в тяжелые годы войны и в трудное послевоенное время ей изменила способность следовать отцовскому задушевному, нежному образу жизни, пронизанному истинной любовью ко всему живому. Эндрю был слишком ранимым, а она не хотела и не могла позволить себе ничего подобного. Беатрис, при всем желании, не могла отделаться от ощущения, что человек, беседующий с розами, подставляет ударам жизни незащищенную грудь. Возможно, стремление не подставляться было идефикс, предрассудком, но именно оно стало причиной того, что Беатрис была не в состоянии сказать розам хотя бы одно слово. Она перестала разговаривать с розами в пятнадцатилетнем возрасте, и внутренний голос твердил, что стоит ей это сделать, как тотчас рухнет возведенная ею плотина.

Когда Хелин крикнула из дома, что Беатрис зовут к телефону, она была рада возможности хотя бы на пару минут уйти со становившегося невыносимым солнцепека.

— Кто там? — спросила она, войдя в прихожую. Хелин, одетая в розовый шелковый халат, стояла перед зеркалом и держала в руке телефонную трубку.

— Это Кевин, — сказала она, — он хочет тебя о чем-то попросить.

Кевин тоже занимался разведением роз, но, в отличие от Беатрис, находился в самом расцвете сил. Тридцативосьмилетний гомосексуалист Кевин был трогательно привязан к двум пожилым дамам из Ле-Вариуфа. Сад Кевина был расположен в двадцати минутах езды, на юго-западной оконечности острова.

Кевин звонил часто; он никак не мог найти себе постоянного партнера и чувствовал себя очень одиноко. Длительная связь с одним молодым человеком по имени Стив давно прекратилась, как и отношения с каким-то французом-бисексуалом. В настоящий момент у Кевина не было никого. Гернси — не самое подходящее место для гомосексуалистов. Кевин мечтал когда-нибудь переехать в Лондон и найти там настоящего «спутника жизни», но все, кто знал Кевина, понимали, что он никогда не покинет остров. Кевин не был создан для суровой жизни в большом городе.

Беатрис взяла у Хелин трубку.

— Кевин? Как дела? Ты не находишь, что в такую жару совсем не хочется работать?

— К сожалению, не могу себе позволить ни одного дня безделья, ты же знаешь, — сказал Кевин. У него был бархатистый низкий голос, способный по телефону свести с ума любую женщину. — Послушай, Беатрис, мне нужна твоя помощь. Мне, честное слово, очень неловко, но... не могла бы ты одолжить мне немного денег?

— Я? — удивленно спросила Беатрис. Кевин часто занимал деньги, особенно в последние полгода, но со своими проблемами он почти всегда обращался к Хелин. Она была без ума от Кевина, и он практически никогда не уходил от нее с пустыми руками.

— Мне очень неловко снова обращаться к Хелин, — застенчиво произнес Кевин, — она и так уже не раз выручала меня довольно крупными суммами. Я подумал, что, может быть, ты...

— И сколько тебе нужно?

Он помедлил с ответом, потом сказал:

— Тысячу фунтов.

Беатрис вздрогнула.

— Это очень много.

— Я знаю, но я непременно верну. Можешь не сомневаться.

Но в отношении Кевина сомневаться все же приходилось. Беатрис

знала, что, постоянно занимая деньги у Хелин, Кевин до сих пор не вернул ей ни одного пенни. У него просто не было денег. У него никогда не было денег.

— Я дам тебе денег, Кевин, и с возвращением можешь не спешить, — сказала она. — Но я не понимаю, зачем тебе постоянно требуются такие большие суммы. Неужели твои дела идут так плохо?

— Чьи дела сейчас идут хорошо? — сумрачно ответил Кевин вопросом на вопрос. — Конкуренция велика, да и общее экономическое положение не назовешь безоблачным. Кроме того, я купил еще две теплицы, и пока они себя окупят, пройдет какое-то время. Тогда я, конечно...

— Ладно. Будешь завтра проезжать мимо, зайди, я дам тебе чек, — Беатрис страшно не хотелось выслушивать его многоречивые обещания, как не хотелось и упрекать. По мнению Беатрис, Кевин просто жил не по средствам. Изящные шелковые галстуки, кашемировые свитера, шампанское... Все это стоит больших денег.

«Из него никогда не будет толка», — подумалось ей.

— Ты просто сокровище, — облегченно вздохнув, затараторил Кевин. — Я отблагодарю тебя при первой же возможности.

— Буду рада, — сказала Беатрис. Расплачивался Кевин всегда одинаково. Он был кулинар от бога и умел создавать за обедом неповторимую атмосферу — с цветами, свечами, хрусталем и камином. Кевин любил принимать и баловать гостей. Он часто приглашал к себе Хелин, но делал он это с известным расчетом. Напротив, Беатрис он говорил, что она единственная женщина, в которую он мог бы влюбиться.

Закончив разговор, Беатрис некоторое время задумчиво постояла в прихожей. Кевин был возбужден, и Беатрис показалось, что для него от получения денег зависит что-то очень и очень важное. «Может быть, дела его не так уж плохи», — подумала она.

— Что хотел Кевин? — спросила Хелин. На время разговора она скромно вышла на кухню, но теперь снова появилась в прихожей, якобы случайно, хотя это вовсе не соответствовало действительности. Хелин никогда и ничего не делала случайно. Внутренне она всегда была настороже, всегда напряжена, всегда в боевой готовности, чутко улавливая, что происходило в доме, особенно, если это касалось Беатрис. Хелин всегда интересовалось, что она делала, с кем говорила, с кем встречалась и что собирается делать.

«У тебя невротическая потребность все держать под контролем!» — как-то, в сердцах, сказала ей Беатрис. Хелин расплакалась, но это ничего не

изменило в ее поведении.

— Кевину нужны деньги, — ответила Беатрис. Ей было ясно, что Хелин слушала разговор, и не было смысла что-то скрывать. — И я их ему дам.

— Сколько?

— Тысячу фунтов.

— Тысячу фунтов? — Хелин, казалось, была искренне ошеломлена. — Опять, и так скоро?

— Что такое? Ему что, совсем недавно нужна была тысяча фунтов?

— На прошлой неделе. На прошлой неделе я дала ему тысячу фунтов. Почему он не обратился ко мне?

— Наверное, поэтому и не обратился, — Беатрис изо всех сил старалась сдержать раздражение, но даже короткий разговор с Хелин неизменно выводил ее из себя. — Не хочет вытанцовывать перед тобой с протянутой рукой.

— Зачем ему все время нужно столько денег?

— Этого я не знаю. Мне кажется, что здесь что-то нечисто. Могу предположить, что он завел нового, дорогого любовника. Это было бы очень характерно для Кевина.

— Но почему...

— Господи, Хелин, перестань донимать меня своими вопросами! Я понятия не имею, что делается у Кевина. Если тебе так хочется об этом узнать, походи к нему и спроси!

— Ты опять разговариваешь со мной на повышенных тонах!

— Потому что ты обязательно все должна знать! Может быть, я должна рассказывать тебе свои сны и говорить, когда я хожу в туалет?

Глаза Хелин наполнились слезами.

— Как же ты на меня зла! При каждом удобном случае даешь мне понять, что я действую тебе на нервы. Я целыми днями сижу здесь одна, и никому до меня нет дела, я абсолютно никому не нужна. Если же я хочу хотя бы чуть-чуть принять участие в твоей жизни, то...

Если Хелин начинала жаловаться на жизнь, то это могло продолжаться бесконечно долго и заканчивалось морем слез. Сегодня Беатрис была не готова все это выносить.

— Хелин, давай мы в другой раз обсудим твое плачевное положение. Сейчас мне надо вернуться в сад, обработать розы и уехать, чтобы встретиться с Мэй. Ты не возражаешь?

Сейчас она заговорила с той ледяной вежливостью в тоне, которую, как она знала, Хелин панически боялась. Действительно, старуха плотно

сжала губы и отвернулась. Сейчас она отправится в свою комнату и там даст волю слезам.

Беатрис смотрела, как Хелин взбирается по лестнице на второй этаж и спрашивала себя, почему она не испытывает сочувствия к несчастному, пораженному неврозом человеку. Хелин была глубоко несчастной женщиной, и была ею всегда. Она так и не обрела душевного покоя даже в старости.

«Но у меня не получается ее жалеть», — думала Беатрис. Она ужаснулась второй своей мысли: у меня не получается ее жалеть, потому что с каждым днем я все больше и больше ее ненавижу.

Еще в самолете Франка поняла, что из этого путешествия не выйдет ничего хорошего. Началось с того, что она села на чужое место, а мужчина, которому оно принадлежало, отчитал ее так, словно она покусилась на его частную собственность. После этого она долго блуждала по салону, до тех пор пока стюардесса, сжалившись над ней, не посмотрела ее билет и не проводила на место. Чувствуя, что у нее вот-вот начнется паническая атака, Франка опустила в кресло и принялась лихорадочно рыться в сумочке в поисках таблеток. К своему ужасу она обнаружила, что коробочка была почти пуста. Такого с ней никогда еще не случалось. Уходя надолго из дома, что, правда, случалось достаточно редко, она по десять раз проверяла, не забыты ли успокаивающие таблетки. На этот раз, уезжая в дальнейшее путешествие, она, естественно, сделала то же, но решила, что две алюминиевые полоски в коробочке заполнены таблетками.

«Как это могло случиться?» — в отчаянии вопрошала она себя. Обе полоски были пусты. У нее оставалась всего одна таблетка!

Первым побуждением было вскочить и опрометью броситься прочь из самолета. Пусть он летит без нее, она не может продолжать путь. На Гернси, то есть, за границей, она не сможет найти нужные медикаменты, не говоря уже о том, что у нее не было с собой рецепта. Но машина уже покатила по полю, чтобы занять исходное положение для взлета. Франка поняла, что шансов покинуть самолет у нее нет. Она полетит на Гернси, и ей придется обойтись одной таблеткой.

Она, между тем, очень хорошо знала, что приступы паники накатывали на нее внезапно, исполинской волной, на бесконечно долгие, мучительные минуты погружая ее в состояние невыносимого ужаса и отчаяния. Она предчувствовала панику, нахлынувшую на нее в самолете: механизм был запущен, когда на нее накричал мужчина, чье место она заняла, а сам приступ начался, когда она обнаружила, что осталась без лекарства. Франка понимала, что приступ неминуем, но все же попыталась его избежать, сделав несколько глубоких вдохов, сопротивляясь наваливающейся на нее тяжести. Через секунду легкий хлопчатобумажный свитер насквозь пропитался потом, ноги стали ватными, биение сердца отдавалось в голове частыми тяжелыми ударами, как будто Франка только что пробежала марафон. Она начала отчаянно мерзнуть, понимая, что холод исходит изнутри и ни одна сила в мире не сможет ее согреть. Зубы

выбивали неслышную дробь. Франка знала, что в такие моменты лицо ее становилось пепельно-серым, придавая ей сходство с призраком.

Но мало этого. Помимо телесных симптомов — дрожи, пота, холода и сердцебиения — Франку с быстротой лесного пожара, охватил нутряной животный страх. Она тотчас явственно услышала раздраженный нервный голос Майкла.

«Что это, черт его возьми, за страх?» Майкл постоянно задавал этот вопрос, а ей никогда, ни одного раза, не удалось внятно ответить на него.

«Это не просто страх. Это слишком бледное обозначение. Это паника! Но неопределенная паника. Чувство ужаса. Чувство невероятной муки. Чувство безысходности. Безымянный страх, которому невозможно противостоять, потому что не знаешь, откуда он берется».

«Не существует безымянного страха, — говорил на это Майкл. — Нет неопределенной паники! Человек всегда знает, перед чем он испытывает страх и от чего впадает в панику!»

«Страх это перед всем. Перед жизнью. Перед людьми. Перед будущим. Оно представляется темным и угрожающим. Это...»

Но каждый раз Франка отступала, не в силах описать испытываемое ею чувство. «Майкл, я просто этого не знаю. Но это ужасно, и я совершенно беззащитна перед этим страхом и этой паникой».

«Чепуха. Человек никогда не бывает абсолютно беззащитным. Это вопрос воли. Но ты уже давно заняла очень удобную позицию — вообще не иметь воли. В результате ты со спокойной совестью опускаешь руки и впадаешь из одного приступа паники в другой».

Она явственно слышала его голос — беспощадный, словно молот, вгоняющий гвозди в ее мозг. Тем временем самолет выкатился на взлетную полосу, взревели двигатели, и машина понеслась по бетону. Франка тщетно пыталась овладеть собой.

Таблетка... Франка знала, что стоит ее принять, как приступ уляжется через минуту, но потом таблеток больше не будет. Действие лекарства продолжается от пяти до шести часов, а покинуть Гернси она сможет только послезавтра.

— Вам плохо?

Голос соседки донесся до слуха Франки словно сквозь туман. Повернувшись, Франка увидела неясный контур обрамленного седыми волосами лица пожилой дамы, ее добрые глаза.

— У вас посерели губы, вы дрожите, как осиновый лист. Позвать стюардессу?

— Нет, нет, спасибо, — сейчас самое главное — не привлекать

всеобщего внимания. По опыту Франка знала, что от этого ей станет только хуже. — У меня есть таблетка... Когда я ее проглочу, мне сразу станет легче.

— У вас страх перед полетами?

— Нет... у меня просто затянувшаяся простуда... — объяснение было абсолютно неправдоподобным, но это было первое, что пришло Франке в голову. Выдавить таблетку из алюминиевой полоски она смогла лишь с третьей попытки. Дрожащими пальцами Франка отправила таблетку в рот. Таблетку Франка проглотила без воды — за прошедшие годы ей приходилось так часто принимать лекарство в самых неподходящих обстоятельствах, что она научилась легко глотать лекарства, не запивая их водой.

— У меня раньше был ужасный страх перед полетами, — заговорила пожилая дама, пропустив мимо ушей слова Франки о затянувшейся простуде. — Иногда я просто не могла заставить себя подняться на борт самолета. Но потом я сказала себе, что с этим страхом надо бороться. Моя дочь вышла замуж на Гернси, и, понятно, что время от времени мне хочется повидаться с ней и внуками. На машине ехать очень неудобно и далеко, а по железной дороге — избави бог! — она махнула рукой. — Я стала тренировать себя полетами, и постепенно они перестали быть проблемой, — дама улыбнулась. — Вам надо взять это на вооружение.

Франка закрыла глаза. Таблетка начала действовать. Унялась дрожь. Исчез внутренний холод. Пот высох. Паника постепенно отступила. Франка глубоко вздохнула.

— У вас порозовели щеки, — констатировала соседка. — Эти таблетки действуют просто фантастически. Что это за лекарство?

— «Балдриа», — ответила Франка и поспешно спрятала упаковку в сумочку. По всему телу разлилась приятная истома. Франка откинула голову на спинку кресла.

Шесть часов. Шесть часов — и это при самом оптимистическом раскладе. Сейчас, сразу после приема лекарства, Франка была полна оптимизма. Ей гарантированы шесть часов покоя.

Но что будет потом?

«Что будет со мной утром в банке? — думала она. — Как я перенесу выход из гостиничного номера?»

Ужин и завтрак можно будет пропустить и остаться в номере. Если повезет, она сможет купить в аэропорту Сент-Мартина сэндвич, и тогда голод ей не грозит. Но в банк ей придется идти в любом случае, и как она перенесет этот поход, оставалось для Франки загадкой.

«Об этом я подумаю завтра, — решила она. — Может быть, никакой атаки не будет, а, значит, не будет и никаких проблем».

Каким-то дальним уголком мозга она сознавала, что атака непременно будет, так как она случалась всегда, но сейчас сознание Франки было притуплено лекарством, и мысль эта так и не оформилась окончательно. Восприятие покрылось полупрозрачной пеленой. Ничего страшного, проживем, увидим.

Реза Карим, возбужденно размахивая руками, затараторил что-то на своем родном пакистанском наречии, но быстро опомнился и перешел на свой тяжеловесный отрывистый английский.

— Я не знаю! Я действительно не знаю, как такое могло случиться. У меня нет записи о бронировании! Миссис Палмер, я просто в отчаянии. Может быть, вы просто забыли поставить меня в известность?

Франка оперлась обеими руками о стол и принялась сверлить Резу Карима гипнотизирующим взглядом.

— Мистер Карим, мой муж забронировал для меня номер. Мало того, это сделала его секретарь. До сих пор этот способ прекрасно работал.

— Да, но на этот раз никто не забронировал для вас номер! — Карим лихорадочно листал регистрационный журнал. — Здесь ничего нет! Здесь мы записываем все, но сейчас здесь нет ничего!

— Мне нужен номер, мистер Карим, — она начала потеть, но это было следствием жары, царившей на острове. Приступ Франке не грозил — транквилизатор пока действовал. Но, господи, что же она будет делать, если не сможет получить номер?

Прилетая на Гернси, она всякий раз останавливалась в гостинице «Сент-Джордж Инн», недорогой и не слишком комфортабельной. Иногда Франка думала, что Майкл мог бы забронировать для нее что-нибудь более аристократическое, нежели это зажатое между другими домами непрезентабельное здание, в котором постоянно витал запах подгоревшей пищи, толстые кроваво-красные ковры лоснились от грязи, на второй этаж вели узкие крутые лестницы, а в ваннных комнатах не было даже следов элементарного комфорта — не говоря о том, что в крошечных каморках было тесно даже одному человеку, а уж если захочешь уложить волосы феном, то будешь неизбежно стучаться локтем о стену. Но каким-то непостижимым образом Франка привыкла к тесным душным номерам и к самому мистеру Кариму, в чем и заключался расчет Майкла: в конечном счете Франка крепко хваталась за то, к чему привыкла. Пусть даже она не очень хорошо чувствовала себя в этом отеле, но зато ей было легче

перенести приступ знакомого ужаса, нежели попробовать что-то новое и оказаться в ужасном, но незнакомом положении.

— Конечно, вам нужен номер, конечно, — сказал Карим, — но, к великому сожалению, все номера забронированы. Вы же знаете, я никогда не жаловался на недостаток гостей! — он рассмеялся. Франка только теперь осознала, поняла и прочувствовала, что Карим не лжет, обрисовывая ситуацию, в которую она попала. Если бы у него была свободна хотя бы комнатка в подвале, он непременно засунул бы ее туда.

— Я могу позвонить? — спросила Франка.

— Разумеется! — Карим пододвинул ей аппарат, старомодный черный монстр, из тех, какие Франка видела только в ностальгических телевизионных фильмах. Франка набрала прямой номер Майкла в лаборатории.

Он сам взял трубку.

— Да?

— Майкл, это я, Франка. Я стою в вестибюле «Сент-Джордж Инн». Ты не представляешь себе, какая произошла неприятность. Номер для меня не забронирован.

— Этого не может быть.

— Но это так. Мистер Карим не получал заказ.

— Ну тогда пусть предоставит тебе любой номер.

— Все номера забронированы. Нет ни одного свободного.

Майкл тяжело вздохнул.

— Этого не может быть!

Весь его тон, все интонации можно было бы выразить и по-другому: «Что ты испортила на этот раз? Существует ли на свете вещь, хотя бы единственная вещь, которую ты смогла бы сделать правильно?»

Франка почувствовала, что где-то в теле болезненно завибрировал нерв. Это была какая-то своеобразная боль, она возникла непонятно где и ее было невозможно описать. Как будто это была старая, полученная много лет назад рана, которая при малейшем раздражении разряжалась иррадиацией мучительной боли.

— Не знаю, может ли это быть, — сказала она, — но так есть. Номер для меня не забронирован.

— Тогда это какое-то недоразумение, — произнес Майкл. — Я, во всяком случае, дал Соне поручение.

Соня была его секретарем, и все поручения шефа выполняла обычно очень добросовестно.

— Так что мне делать? — с отчаянием в голосе спросила Франка.

Майкл снова вздохнул.

— Думаю, что ты вполне в состоянии найти другой отель и снять номер там! Господи, ну не могу же я сделать это для тебя отсюда!

— Майкл, я боюсь. Лучше я вернусь домой. Я... — она помедлила, боясь признаться в своей забывчивости, но затем все же заговорила. — У меня нет ни одной таблетки. Оставалась всего одна, но мне пришлось принять ее в самолете. Теперь я просто не знаю...

— Нет, такое не может происходить на самом деле! — если бы кто-то услышал Майкла, то подумал бы, что он говорит с душевнобольным, который надоел ему до смерти и все больше и больше действует ему на нервы. — Я отправляю тебя на Гернси. Я оплачиваю поездку. Я один раз попросил тебя что-то сделать. И...

— Для тебя я уже довольно часто летала на Гернси.

— Фактически это единственное, что от тебя требуется. Видит Бог, больше я тебя никогда и ни о чем не просил. Я уже давно не требую от тебя ничего, что требуют мужчины от своих жен. Я прошу тебя только об одной вещи, и прошу всего два раза в год! И ты считаешь, что это слишком? Ты считаешь, что я слишком много от тебя требую? Для этого ты слишком изысканна, нежна и чувствительна?

— Я этого не говорила, — вибрация заметно усилилась. Действие лекарства продолжалось, но Франка понимала, что если этот разговор сейчас не закончится, ее покой рухнет раньше, чем через шесть часов.

— Ты не можешь сегодня улететь с Гернси! Слышишь? Завтра ты пойдешь в банк, и только после этого вернешься домой. Если не хочешь ждать до субботы, то постарайся купить билет на завтра, на вечерний рейс. Но ты обязательно пойдешь в банк! Мы договорились?

— Да, — едва слышно выдохнула она. Как обычно, слыша его голос, она чувствовала, что становится меньше ростом, внутренне съеживается. Когда-нибудь она станет такой маленькой, что ее перестанут замечать, а потом она и вовсе исчезнет.

Майкл немного смягчился, и голос его стал более дружелюбным. Кажется, он вспомнил, что приступы паники Франки были очень сильны, и подумал, что будет лучше, если он подбодрит ее, а не лишит остатков уверенности в себе.

— Ты наверняка с этим справишься. Сейчас иди и ищи место ночлега. Может быть, мистер Карим тебе что-нибудь посоветует. Вечером позвонишь мне и расскажешь результат. У тебя все получится! — Майкл закончил разговор, и в трубке раздались частые гудки. Франка хотела что-то добавить, но, проглотив невысказанные слова, тоже положила трубку.

— Вы не поможете мне, мистер Карим? — Франка повернулась к Кариму.

Тот почесал затылок.

— Это будет трудно. Чертовски трудно. Похоже, забронирован весь остров.

Алан Шэй самому себе казался жалким и смешным, когда припарковал машину перед домом, в котором жила Майя. Он уставился на окна и двери дома с таким видом, словно ожидал, что за ними в любой момент может произойти что-то особенное.

«Подлый, мелкий соглядатай, — отругал он себя. — Если Майя меня увидит, она просто умрет от смеха».

Мимо проезжали автомобили, с трудом объезжавшие машину Алана на крутой узкой улочке. Некоторые водители крутили пальцем у виска, другие укоризненно качали головами, но Алан не обращал на них ни малейшего внимания. Он не отрывал взгляд от окон третьего этажа, представляя себе, что там может происходить.

Хотя, собственно, он прекрасно это знал. Алан хорошо знал Майю, вероятно, лучше, чем самого себя. Она уединялась с мужчиной в своей квартире отнюдь не для того, чтобы попить чаю или поболтать. Майя имела весьма конкретные представления о том, как должно выглядеть наслаждение. На мужчин она смотрела просто: могут ли они в наивысшей степени доставить ей сексуальное удовлетворение? Есть ли у них деньги, и готовы ли они щедро поделиться ими с нею? Не будут ли они предъявлять на нее прав собственности, удовольствуются ли тем, что получили, и не станут ли неистово ревновать, узнав, что делят постель Майи с дюжиной других любовников? Дело было в том, что единственный мужчина не мог удовлетворить Майю.

«Это все равно, как мне пришлось бы все время читать одну и ту же книгу, — ответила она однажды Алану, когда он попробовал упрекнуть ее за разгульный образ жизни. — Или как если бы я знала в мире только одну страну. Я не могу все время есть только спагетти. Все время пить одно и то же вино. В этом случае мои представления о вещах оказались бы слишком ограниченными».

«Но это невозможно сравнивать! Нельзя чесать под одну гребенку еду, питье, путешествия, чтение и мужчин. Мужчин нельзя пробовать, как вино, или сравнивать, как туроператоров!»

В ответ она рассмеялась.

«Но почему нет? Назови мне хотя бы одну причину разницы! Почему я

не могу посмотреть, что мне предлагают, прежде чем я приму решение?»

«Никто не говорит, что ты должна остаться со своим первым мужчиной».

Она снова засмеялась.

«Ты говоришь так, потому что не ты был моим первым мужчиной. Иначе ты бы потребовал от меня и этого!»

«Майя, то, что ты делаешь, выходит далеко за пределы дегустации и выбора. Ты потребляешь все и всех без разбора. Ни с одним мужчиной ты не была так долго, чтобы хоть как-то судить о нем. Для тебя это своеобразный спорт. Ты вообще не хочешь ничего решать. Мне кажется, что ты и дальше хочешь вести такую жизнь».

Майя обняла его и улыбнулась. При всей своей картинной красоте она вдобавок умела быть обворожительной.

«О, Алан! Ты говоришь, как гувернантка! Ты такой серьезный и строгий. Но смотри, по-своему я тебе верна! Мы вместе уже четыре года. Неважно, что я делаю, но я тебя никогда не покину!»

Он высвободился из ее объятий. Эти слова были смехотворны, они были унижительны.

«Это неправда, что мы вместе четыре года. Четыре года ты время от времени включаешь меня в число своих любовников. Тебе нравится иногда побыть со мной. Но ты не готова строить со мной отношения».

«Но это и есть наши отношения!»

«Извини, но, возможно, каждый из нас по-разному определяет это понятие. Для меня отношения — это значит на самом деле полагаться друг на друга. Понимаешь? В свою очередь, это исключает присутствие третьего. Я не ложусь в постель с другими женщинами, когда я с тобой».

«Ты вполне мог бы это делать».

«Если ты говоришь серьезно, значит, ты меня не любишь!»

«Ах!»

Она отвернулась, напустив на себя раздраженный и, одновременно, скучающий вид. — «Любовь? Мне двадцать один год, Алан! Что ты от меня хочешь? Клятвы на вечную верность? Заявления типа: ты и никто другой? Такое возможно только в твоём возрасте, я же для этого слишком молода!»

Здесь она, конечно, попала в самую точку. В этом заключалась вся проблема. Он снова принялся раздумывать над ней в этот жаркий сентябрьский день, сидя в припаркованной возле ее дома машине. Разница в возрасте была чересчур велика. Ему сейчас сорок два года. Майя скоро будет праздновать свой двадцать второй день рождения. Он старше ее на

двадцать лет. Он ни в коем случае не чувствовал себя *старым*, но в сравнении с ней он *был* старым. У него были другие представления, ибо он находился в иной фазе жизни. Он не помнил, правда, что в свои двадцать лет вел такой же разгульный образ жизни, как она. Среди его знакомых вообще не было ни одного человека, который жил так в настоящее время или раньше.

«Забудь ее, — устало подумал он, — отцепись от нее!»

В этот раз, прилетев на Гернси, он не собирался с ней встречаться. После их последней встречи летом — это было где-то в начале июня — он сказал ей, что намерен порвать с ней отношения. В ответ она передернула плечами. «Мы и так редко видимся, — сказала она. — Ты в Лондоне, я здесь... всего два раза в год, когда ты бываешь здесь... но ты же не хочешь по-другому!»

«Я хотел, чтобы ты приехала в Лондон!»

«Да, но на твоих условиях. Ты хотел, чтобы я получила образование, чтобы я работала, чтобы я...»

«Да, я хотел, чтобы ты закончила среднюю школу. Тем временем мы могли бы жить вместе. Я бы заботился о тебе. Ты это знаешь».

«Ты настоящий маленький морализирующий апостол, Алан. Я должна каждый день работать, а ты будешь меня за это вознаграждать. Но не надо обращаться со мной, как с маленькой девочкой. Я уже взрослая женщина».

«Но тогда и веди себя, как взрослая женщина. Постарайся упорядочить свою жизнь. Жизнь делается не так, как ты себе это представляешь. Ты живешь одним днем, спишь до полудня, вечерами болтаешься без дела, а по ночам пьешь и танцуешь. Тебя содержит бабушка, и ты, кажется, вообразила, что так будет продолжаться всегда!»

«Так и будет продолжаться. Почему я сейчас должна думать о том, что будет через десять лет? Даст Бог день, даст Бог и пищу!»

«Мэй не будет жить вечно».

«Значит, найдется кто-то другой».

«Ты имеешь в виду мужчину?»

«Да, какой-нибудь мужчина обязательно окажется под рукой».

Он задумчиво посмотрел на нее, на ее беспечно смеющийся рот, на ее искрящиеся глаза.

«Тебе не всегда будет двадцать лет, Майя. Ты не всегда будешь такой привлекательной, как сейчас. Понимаешь? Не всю жизнь к тебе будут липнуть мужчины».

«Вечно ты каркаешь, Алан. Вечно рисуешь все в черном цвете! Иногда ты бываешь таким ужасно пресным и скучным! Вечно ты нагоняешь

тоску!»

При этом она смеялась, не выказывая ни малейших признаков тоски.

Когда Алан сегодня прилетел лондонским рейсом в аэропорт Сент-Мартин, он думал о том, что ему едва ли удастся избежать встречи с Майей. Наверное, она придет на день рождения своей матери в воскресенье. Он страшно злился на себя за то, что вообще об этом думает, но испытывал страх перед возможной встречей. Он боялся, что лицо его выдаст чувства, которые он холил и лелеял, и с которыми, одновременно, ожесточенно и безуспешно боролся. Он все время спрашивал себя, почему он не может раз и навсегда вырвать Майю из своего сердца. Почему в его мыслях она всегда с ним? В его лондонской квартире, в его рабочем кабинете. Она не оставляет его, когда он с друзьями или даже с другой женщиной. Майя не желала его отпускать.

«Какое постыдное бессилие», — думал он иногда.

В аэропорту он взял напрокат автомобиль, и, вместо того чтобы сразу ехать к матери в Ле-Вариуф — ехать ему не хотелось, и к тому же было еще слишком рано — направился в Сент-Питер-Порт, на улицу, где стоял дом Майи. Она жила там в уютной двухкомнатной квартире, которую снимала для нее ее бабушка Мэй. Из задних окон открывался чудесный вид на море и замок Корнет — господствовавшую над гаванью городскую крепость.

Он уже собирался выйти из машины, когда вдруг увидел Майю. Разморенная жарой, она медленно поднималась по крутой улочке к дому. На Майе была короткая узкая юбка и белая футболка, открывавшая пупок. Длинные ноги были покрыты красивым загаром. Обута девушка была в кроссовки, и, как обычно, имела весьма беззаботный вид.

Сопровождавший Майю мужчина показался Алану более чем подозрительным. Южный тип с напомаженными черными волосами и в зеркальных солнцезащитных очках. Он был худ, но жилист и, вероятно, силен. Выглядел он как сутенер из городского предместья.

«И, наверное, — подумал Алан, — был им на самом деле».

Естественно, он остался сидеть на месте, от души надеясь, что Майя его не заметит. Автомобиль был ей незнаком, да, впрочем, она и не особенно к нему приглядывалась. Сияя, она во все глаза смотрела на шедшего с ней рядом типа, который и не думал отвечать ей улыбкой. «Самое лучшее, что он может сейчас сделать, — подумалось Алану, — это нажать педаль газа и уехать прочь». Все остальное было бы чистым мазохизмом, и зачем, спрашивается, ему причинять себе ненужные страдания, сидеть в машине и ждать, когда эти двое удовлетворят свои физиологические потребности? Но что-то цепко удерживало Алана на

месте, вынуждало добровольно согласиться на эту пытку, сидеть под окнами Майи, за которыми получала удовольствие эта сладкая парочка. Он не имел ничего против ее сексуальных игривостей с напыленным типом. Алана возмущала ее одержимость. Ничего, однажды утром он проснется и обнаружит, что не любит больше Майю Эшуорт. Поймет, что она осталась в прошлом, а он снова обрел свободу. Поймет, что может любить других женщин и снова наслаждаться жизнью.

В шесть часов он не выдержал. Его уже давно мучила жажда, что не удивительно при такой погоде. Однако с каждой минутой он все отчетливее понимал, что не сможет утолить эту жажду обычным способом. Он не испытывал желания пить воду или апельсиновый сок. Ему нужно было что-нибудь покрепче. Как всегда. Как почти каждый день.

Возле дома Майи, ниже по улице, находился бар, открывшийся в шесть часов. Когда Алан вошел, в баре не было никого, если не считать четверых молодых людей, сидевших за стойкой. Большой плакат на стене извещал, что по вечерам здесь бывает живая музыка. Алан заказал виски и сел возле большого, сложенного из грубого камня, камина напротив стойки. Бар был большой, с высоким потолком на уровне второго этажа, с тяжелыми потолочными балками и с множеством массивных деревянных столов и стульев. Ближе к ночи — это Алан знал хорошо — бар будет заполнен до отказа. Но сейчас, после ухода молодых людей, он три четверти часа был в зале один, пока не вошли двое мужчин, очевидно, местных рыбаков, зарабатывавших на жизнь перевозкой туристов на Сарк. За это время Алан выпил еще два виски и трижды сходил в туалет. Он хотел было заказать четвертую порцию, но передумал — ему еще предстояло вести машину, да и мать будет недовольна, что от него пахнет спиртным. Алан все время смотрел на входную дверь, почти с нетерпением ожидая, что в бар вот-вот войдет Майя с черноволосым типом. Алан знал, что Майя иногда захаживает в это заведение. Но сегодня, она, очевидно, предпочла поваляться в постели, а, может быть, насытившись, они отправились куда-то в другое место. Алан тяжело поднялся, подошел к стойке, рассчитался и вышел на улицу.

Теперь приближение осени стало заметным. Солнце спряталось за домами, и в тени повеяло прохладой. Прохожие натянули теплые свитера.

«Скоро дни станут серыми и сумрачными, — подумалось Алану. — Особенно, в Лондоне. Предстоят долгие, темные и одинокие вечера. Без виски будет трудно их пережить».

Света в окнах Майи не было, но это не значило, что ее нет дома. Может быть, она просто уснула. От выпитого виски Алану стало легче.

«Не мое это дело, — подумал он, — меня все это, вообще, не касается».

Эту женщину он увидел только тогда, когда собирался открыть дверь машины. Женщина стояла у противоположной стороны автомобиля на тротуаре. В первый момент Алан подумал, что она не может пройти между его машиной и домом, что он так неудачно припарковался, что блокировал и тротуар. В следующий миг он однако заметил, что женщина обеими руками держится за крышу машины. Лицо женщины было бледным как полотно, губы — серыми, лицо блестело от пота.

— Вам плохо? — спросил он, понимая, что не сможет отъехать, если она по-прежнему будет держаться за автомобиль. — Вам нужна помощь?

Вероятно, до сих пор женщина не замечала Алана, так как от его вопроса она вздрогнула и удивленно воззрилась на незнакомого мужчину. В глазах женщины читалось такое отчаяние, что от неожиданности Алан мгновенно протрезвел.

— Вы, наверное, слишком быстро поднимались в гору, — предположил он, — а при такой жаре это может привести к печальным последствиям. Может, хотите на минутку присесть?.. Подождите, я открою машину.

Центрального замка в автомобиле не было, и Алану пришлось обойти машину, чтобы открыть дверь со стороны пассажирского сиденья.

— Вот. Садитесь, а то, похоже, вы сейчас упадете в обморок.

В ответ женщина беззвучно шевельнула серыми губами, и Алан не смог понять, что она хотела сказать.

— Говорите громче. Что с вами случилось?

Женщина тяжело опустилась на переднее сиденье, бесконечно усталым движением откинула назад голову и закрыла глаза. Алан взял из багажника сумку, порылся в ней, вытащил упаковку таблеток глюкозы, вернулся к женщине и вытряхнул из целлофана кусочек.

— Съешьте это, вам станет лучше.

Женщина никак не отреагировала, и Алан осторожно просунул кусочек глюкозы ей в рот. Некоторое время женщина пыталась вытолкнуть сахар языком, но затем успокоилась.

— Не жевать, — озабоченно произнес Алан. — Таблетка должна медленно рассосаться во рту.

Женщина открыла глаза.

— Мне... кажется... лучше, — с трудом пробормотала она.

— Но выглядите вы пока плохо. Может быть, мне отвезти вас к врачу?

Она отрицательно покачала головой.

— Мне негде переночевать, — медленно и с усилием вымолвила она.

Только теперь до Алана дошло, что его раздражало в этой женщине: ее английский, несмотря на то, что она хорошо им владела, выдавал в ней иностранку. Она, точно, родилась не на острове, и она — не англичанка. Вероятно, туристка. Ей негде ночевать? Но на бродягу она не похожа. Женщина снова закрыла глаза, и Алан получил возможность без помех ее внимательно разглядеть.

Он не мог сказать, красива она или нет. На его вкус, она была слишком бесцветна — тощая, бледная и без макияжа. Светлые волосы схвачены на затылке безвкусной резинкой. На женщине были джинсы и светлый хлопчатобумажный свитер — помятый и пропитанный потом. Возможно, она выглядела бы лучше, если бы привела себя в порядок, но, вероятно, эту даму совершенно не интересовал ее внешний вид.

— Вам негде ночевать? — спросил он. — Когда же вы приехали?

Она снова подняла веки. «Какие у нее красивые глаза, — подумал Алан, — поразительного сине-серого цвета, оттененные длинными ресницами».

— Я прилетела сегодня, — сказала она, — из Германии.

— И вы не нашли гостиницу?

— Что-то... не сложилось с бронированием, — взгляд ее постепенно становился более осмысленным. Она выпрямилась. — Мне стало лучше. Да, действительно, мне уже лучше.

Алан и сам заметил, что щеки женщины немного порозовели.

— Да, вы теперь выглядите лучше, но не вставайте! — торопливо добавил он, видя, что незнакомка пытается встать. — Вам еще не настолько хорошо!

— Секретарша моего мужа хотела забронировать мне номер, — принялась объяснять женщина, — но что-то не получилось.

— И где же вы должны были остановиться?

— В «Сент-Джордж Инн». Я оставила там свои вещи. Мистер Карим — владелец гостиницы — при мне обзвонил множество отелей, но и он не смог найти свободный номер. Я решила обратиться в туристическое бюро, там внизу, в гавани, и так я оказалась в... — она наморщила лоб, вспоминая, — как же она называется? Там еще ресторан самообслуживания, рядом с церковью. Довольно экзотическое место...

Он понял, о чем она говорит.

— Это «Терраса». Скорее всего, вы были там.

— Да, я встала в очередь к стойке, взяла еду и уже подходила к кассе, когда...

Он испытующе посмотрел на нее.

— Что?

— У меня началась паника, — тихо ответила она, — помещение закружилось у меня перед глазами. Вокруг было так много людей... Через мгновение я совершенно растерялась. Надо бежать. Это было единственное, о чем я тогда могла думать... Я бросила на пол поднос со всем, что на нем было...

— И бросились вон из ресторана?

— Да, я просто убежала оттуда. Я хотела вернуться в гостиницу, где были мои вещи... Я выбежала на улицу, и вдруг поняла, что не могу сделать ни шагу. Ноги стали ватными, и мне пришлось ухватиться за ваш автомобиль, чтобы не упасть... — она снова попыталась встать, но Алан, мягко взяв ее за плечо, усадил на прежнее место.

— Подождите еще немного, вы все еще бледны.

— Но я вас задерживаю...

— Вы меня не задерживаете. Знаете что? Давайте зайдем в «Петуха и быка», — он жестом указал на бар, из которого только что вышел, — и выпьем чего-нибудь крепкого. Это вам поможет.

— Нет, я должна подумать о гостинице.

— На этот счет у меня есть еще одна идея. Моя мать временами сдает одну из комнат своего дома. Я позвоню ей, и если комната свободна, то вы сможете ее занять. Ле-Вариуф, правда, находится довольно далеко, почти на самой южной оконечности острова, но ведь вам все равно, не так ли?

— Да, это мне совершенно безразлично. Я просто должна знать, что сегодня мне будет, где переночевать.

Она медленно взялась рукой за открытую дверь машины. На ногах женщина стояла пока не очень твердо, но ей, определенно, стало лучше.

— Мне надо вернуться в «Террасу», — сказала она, — и заплатить за разбитую посуду.

— Боюсь, что они уже закрылись. Вы можете сделать это и завтра, спешить некуда.

Он хотел было взять ее под руку, но потом передумал. Он пойдет рядом, и в любой момент сможет подхватить женщину, если ей вдруг снова станет хуже. Но однако с каждым шагом походка ее становилась тверже и увереннее.

Зачем он все это делает? Женщина ему не особенно нравилась, но он, в известном смысле, взвалил ее себе на шею. Пошел с ней выпить и, к тому же, обязался устроить ее на ночлег. У матери могло не оказаться свободной комнаты, она может не захотеть брать постояльца — это было возможно, а

уж если мать закапризничает, то она закапризничает — и тогда он не сможет просто так избавиться от этого комка нервов. Придется что-то организовывать.

«Думаю, — признался он себе с беспощадной честностью, — что ты делаешь это единственно потому, что тебе просто хочется еще выпить».

За время его отсутствия народу в «Петухе и быке» заметно прибавилось. Большая часть столпилась у стойки, другая группа расселась возле камина. Музыканты уже собрались и распаковывали свои инструменты. Один уже настраивал виолончель.

Женщина застыла в дверях. По ее глазам было видно, что она готова повернуться и бежать прочь.

— Здесь так много людей...

— Это немного. В большом зале их вообще незаметно, — он от души надеялся, что она не убежит, так как, учуяв спиртное, он уже не мог отказаться от выпивки. — Сядьте недалеко от двери. Тогда у вас будет ощущение, что вы в любой момент можете уйти.

Он уговаривал и увещевал ее, проявляя поистине ангельское терпение. Наконец, он убедил ее занять самое ближнее к двери место. Она села, и по ней было видно, что она готова в любой момент вскочить и бежать из бара. Казалось, она страшно боится какой-то обступившей ее со всех сторон опасности. Алан подошел к стойке и спросил, можно ли ему позвонить. При этом он заказал и выпил первую рюмку. Незнакомка сильно действовала ему на нервы, и алкоголь помогал справиться с раздражением. Кроме того, спиртного должно было хватить на то, чтобы спокойно вынести упреки матери, которые, как он наверняка знал, ему непременно придется выслушать.

Естественно, она волнуется. Она же знала, когда приземлился его самолет, и терялась в догадках, где он находится до сих пор.

— Ты что, не мог хотя бы позвонить? Где ты сейчас? В кабаке?

Вокруг стоял такой шум, что отпираться было бессмысленно.

— Да, с одной знакомой, — он не знал даже ее имени, но сейчас оно едва ли могло заинтересовать мать. — Послушай, мамочка, твоя комната для гостей случайно не свободна? Не хочешь ли принять гостью?

Как он и ожидал, мать принялась капризничать.

— Вообще-то, нет. В воскресенье будет праздник, нам надо подготовиться и...

— Эта женщина не потребует никаких хлопот, — то, что незнакомка — законченная невротичка, Алан предусмотрительно предпочел скрыть. — Я привезу ее с собой. Дело в том, что ей негде

остановиться. С твоей стороны было бы очень любезно, если бы ты согласилась ей помочь.

Мать тяжело вздохнула.

— Главное, что я, наконец, смогу тебя увидеть. Ты так давно не был на Гернси, но стоило тебе один раз приехать, как ты сразу застрял в каком-то баре. Меня это очень тревожит, Алан. Ты же знаешь, что для тебя очень опасно начинать пить. Ты...

Слушать дальше он был не в силах и перебил мать.

— Я скоро приеду, мамочка. Еще совсем не поздно!

Он положил трубку, взял два виски и направился к столу. Незнакомка сидела на самом краешке стула и так сильно подалась вперед, что Алану показалось, что она вот-вот упадет.

— Вот! — он поставил перед ней стакан. — Выпейте. Между прочим, меня зовут Алан Шэй.

— Франка Пальмер. Я из Берлина, — она пригубила виски, лихорадочно огляделась по сторонам, а потом впилась взглядом в Алана. — Что сказала ваша мама?

— Все в порядке, комната свободна и находится в вашем распоряжении, — он сел рядом с Франкой. Запах солода действовал на него расслабляюще. Алан понимал, что ему не следовало возвращаться в бар. Теперь ему будет трудно остановиться, и он знал, чем все это закончится: несчастный Алан Шэй будет ползать по полу, невнятно что-то бормоча.

При этом он заметил, что Франка начала понемногу успокаиваться. Перспектива получить на ночь комнату придала ей сил.

— Боже мой, — сказала она, — ну и денек мне выдался!

— Наверное, нагрузка оказалась для вас непомерной, — произнес Алан, — и ваше кровообращение выбилось из сил. Завтра вам, наверняка, будет намного лучше.

Глаза Франки снова тревожно забегали. Алан со злостью отметил, что она едва пригубила свой виски, в то время как его собственный стакан был уже пуст. Больше всего на свете ему сейчас хотелось допить и ее стакан.

— Завтра, — сказала женщина, — я должна быть в банке.

— С этим не будет никаких проблем. Из Ле-Вариуфа вы сможете уехать автобусом. Но, возможно, кто-нибудь поедет туда на машине и захватит вас с собой. Мать, наверняка, поедет завтра в Сент-Питер-Порт, да и я, может быть, тоже. Так что не тревожьтесь.

Повертев в руках стакан, она тяжело вздохнула.

«Чего, — подумал он, — она так панически боится? Она выглядит, как кролик под дулом пистолета».

— Я пробуду на Гернси до понедельника, — сказал Алан. В принципе, у него не было никакого желания рассказывать незнакомке о своей жизни, но он хотел поддержать беседу — в первую очередь, для того чтобы отвлечься от мыслей о втором стакане виски.

— Я живу в Лондоне, но родился и вырос я на острове. Семья моей матери живет здесь уже много поколений.

— Что вы делаете в Лондоне? — вежливо поинтересовалась Франка. — Я хочу сказать, кто вы по профессии?

— Я адвокат.

— У вас интересная профессия.

— Мне нравится. С тех пор, как себя помню, я мечтал стать юристом, — помолчал. — Лондон мне тоже нравится. Я бы не смог жить ни в одном другом городе. Вы бывали в Лондоне?

— Нет. В детстве я несколько раз путешествовала, но в Лондоне никогда не была.

— А теперь вы вообще не путешествуете?

Она отрицательно покачала головой.

— Последние десять лет я никуда не езжу.

— Почему?

Он заметил, что его вопрос погрузил Франку в глубокую задумчивость.

— Если мой вопрос кажется вам нескромным...

— Нет, нет, — она снова задумалась. — Я просто не знаю, как вам ответить. Это очень длинная история.

У Алана не было ни малейшего желания выслушивать ее исповедь, тем более, что он подозревал, что исповедь эта окажется невероятно скучной. Но домой ему не хотелось. Он понимал, что крепко набрался, а причитания матери были сейчас для него невыносимы. Не хотел он и спать. Стоит ему лечь, как он начнет думать о Майе, потом о себе, а закончится это, как всегда, мучительным самоанализом.

— Однако расскажите мне вашу историю, — подбодрил он Франку, — уж коль вы едва не упали без памяти под мой автомобиль.

Она изобразила на лице вымученную улыбку.

— С чего бы начать? Я... — она вдруг замолчала, а лицо ее приняло деловое, осмысленное выражение, показавшееся Алану весьма привлекательным. Во всяком случае, Франке оно шло намного больше, чем страдальческая маска, которую она до сих пор носила. — Знаете, всю эту историю можно рассказать двумя словами. Когда-то я работала учительницей. Но в этой профессии я потерпела полное фиаско. Душевно я

после этого так до конца и не оправилась. Уже несколько лет я держусь только на сильнодействующих успокаивающих средствах. Без этих таблеток я практически, не могу выйти на улицу.

— О... — удивленно произнес Алан. Он ни за что бы не сказал, что эта скучная личность страдает лекарственной зависимостью. «Но, — тотчас спросил он себя, — а как, собственно говоря, должны выглядеть люди с лекарственной зависимостью? Внешне это абсолютно нормальные люди, с которыми просто что-то происходит».

— Так, значит, сегодня... — решил предположить Алан.

Франка кивнула.

— Дело было не в жаре и не в кровообращении. Я просто забыла таблетки — дома, в Германии. Я взяла с собой одну-единственную таблетку и приняла ее в самолете — это помогло мне перенести полет. Но потом действие ее закончилось — в очереди в «Террасе». Вот так, — она пожалала плечами. — Остальное вы знаете.

— Да. Остальное я знаю, — он встал. — Извините, но я возьму себе еще виски.

Он с большим трудом добрался до стойки бара. Его пошатывало, но он все же надеялся, что сумеет на машине доехать до дома. «Мне нельзя больше пить...» — подумал он, с беспощадной отчетливостью понимая, что не сможет удержаться. Все тело, весь организм, требовал алкоголя. Алкоголя жаждала его душа. С каждым глотком Майя становилась для него безразличнее. Но пока это безразличие не достигло нужного градуса. Еще пара стаканов, и ему будет наплевать, что она спаривается со всеми мужчинами острова.

Покачиваясь на ослабевших ногах, держа в руках стакан, он вернулся к столу, за которым, на самом краешке стула балансировала незнакомка из Германии, вертела в руках почти полный стакан виски и расширенными от ужаса глазами смотрела на каждого нового посетителя.

«Как же она слаба!» — подумал он с неожиданной злостью, но тут же едва не расхохотался. Кто он такой, чтобы так думать? Он держался за алкоголь так же крепко, как она держится за свои таблетки. Ее страхи, мучительные мысли, фобии, возможно, имели иную природу, нежели его собственные, но в сущности это не играло никакой роли. Для него жизнь была невыносима без виски, а она была вынуждена глотать транквилизаторы только для того, чтобы просто выйти на улицу.

«Нашлись двое, сидящих в одной лодке», — подумал он, глядя на искаженное страданием лицо Франки, и мысль эта показалась ему крайне неприятной. Не может быть, чтобы и он создавал такое же жуткое

впечатление. Или он уже находится в таком же состоянии и просто этого не замечает?

— Но все же, время от времени, вы путешествуете, — констатировал он, — иначе как бы вы оказались здесь?

— Я путешествую два раза в год, — ответила она. — Два раза в год я летаю сюда на два-три дня. И это все.

— И вы справляетесь с этими поездками?

Она виновато приподняла плечи.

— Справляюсь — с помощью таблеток.

— Почему ваши поездки так коротки? Такие полеты не окупаются, к тому же, за столь короткое время вы не успеваете познакомиться с островом.

Она нерешительно оглянулась и посмотрела по сторонам.

— Я приезжаю сюда по делам, по поручению мужа.

— Понимаю.

Он действительно все понял. Речь, вероятно идет о налоговой истории. Вероятно, Франка изымала с банковского счета деньги, которые ее муж, минуя германское налоговое ведомство, переводил на Гернси. Дела такого рода здесь проворачивают постоянно. Правда, его, Алана, это не касается. Даже если за этими поездками стоят противозаконные махинации, его это не волнует.

— Вам стоит как-нибудь задержаться на острове, — произнес он. — Например, в этот раз. Погода — просто чудо. Она продержится всю следующую неделю. Вы сможете побродить по острову, поплавать, прийти в себя и восстановить силы.

В ответ Франка лишь устало улыбнулась.

— Об этом не может быть и речи. Я должна как можно быстрее вернуться домой. Мне нужны таблетки и рецепт моего лечащего врача. Вы не понимаете... — она сморщила лоб, напряженно раздумывая, как объяснить Алану свое трудное положение, — без лекарства мне бывает очень плохо. Без него я не могу за себя поручиться. У меня случаются страшные панические атаки, и я не знаю, чем может закончиться любая из них.

— Но с сегодняшней атакой вы справились.

Она удивленно посмотрела на Алана.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, смотрите: в «Террасе» у вас началась очередная паническая атака. Это было два часа назад. При этом у вас не было возможности принять таблетку. Но вы же пережили приступ.

— Ну, я...

— Нет, не возражайте. Вы его пережили. Вам было плохо, вам было страшно, но вы не умерли и остались живы.

— Но я всерьез думала, что умру. Я уже не сознавала...

Теперь он, не колеблясь, решил до нее дотронуться и положил ладонь ей на плечо, ощутив легкую дрожь, сотрясавшую ее тело.

— Вы думали, что умрете. Это я могу понять. Вы думали, что не переживете приступ. Но что было потом?

— Потом появились вы и позаботились обо мне.

Он отрицательно покачал головой.

— Я всего лишь предложил вам место в моем автомобиле. Но не это решило исход приступа. Так или иначе, но паника отступила. Так что все очень просто.

— Откуда вы можете это знать?

— Думаю, что это общий принцип. Происшедшее с вами его подтверждает. Думаю, что впервые за много лет вы допустили, чтобы паника достигла своего наивысшего пункта. Это было вынужденно, потому что в этот раз вы не смогли прервать приступ приемом таблетки. Но ничто на свете не может подняться выше своего пика. По достижении пика начинается снижение. Это похоже на морскую волну. Она поднимается все выше и выше, угрожая смести все на своем пути. Она нависает над вами. Но вот она достигает своей высшей точки, останавливается, опрокидывается и стремительно рушится вниз, чтобы затем, пенясь, улечься на поверхность и плавно выкатиться на песок.

Она подняла свой стакан к глазам.

— Я ужасно устала. Вы не думаете, что нам пора ехать?

Его собственный стакан был уже пуст. Обычно в такой ситуации Алан продолжал пить до потери сознания, и сейчас был уже на пути к этому. Но на этот раз, наверное, надо будет уступить ее просьбе и считать это подарком судьбы. Он отвезет ее домой, и это избавит его от страшного и постыдного падения — и, кроме того, от утреннего похмелья.

— Ладно, — сдался он, — едем.

Алан встал. Ему было невыносимо смотреть на золотистую жидкость в стакане Франки — на виски, который она не выпила, и который надо было бы... Нет, он не сделает этого. Даже эта нервическая дама сумела обойтись без своих лекарств; он мог расквитаться с ней только отказом от спиртного.

— Вам надо всегда думать об этом дне, — сказал он, когда они вышли из бара в темноту. Прохладный, насыщенный солью воздух подействовал

на них освежающе. — Вы должны помнить, каково вам было, когда возникла паника, а вам нечего было ей противопоставить. Вы должны помнить, каково вам было, когда она нарастала, когда у вас перехватило дыхание, и вы думали, что вот-вот умрете. Вы должны помнить и то, как паника вдруг съежилась и отступила, как вы снова обрели способность дышать — спокойно и ровно, как улеглась дрожь, как прояснилось мышление, и вы осознали, что не умрете. И так будет всегда.

— Как? — недоуменно спросила Франка.

— Вы не умрете от паники. Вы всякий раз ее переживете. Это означает, что вы не должны испытывать и половину того страха, какой мучает вас сейчас.

— Но страх есть, — очень тихо ответила она. — И я уверена, что никогда не смогу от него избавиться.

— Нет, сможете, если будете думать о том, что произошло сегодня, — он открыл дверь автомобиля. — Ведь сегодня вы впервые сумели преодолеть панику, не так ли?

— Да.

— Вы должны этим гордиться. Вы должны чувствовать себя победительницей. То, что вы смогли сделать сегодня, вы сможете сделать и в следующий раз.

Она на мгновение закрыла глаза.

— Прошу вас, давайте поедem.

— Сначала мы заедem к Резе Кариму за вашими вещами, — предложил он. — Идет?

Франка не ответила. Она откинула голову на спинку сиденья и доверчиво, как ребенок, закрыла глаза.

«Этот день не мог закончиться иначе, — обреченно подумал Алан. — Мне вообще не следовало приезжать».

Он бросил взгляд на окна Майи.

В ее квартире было по-прежнему темно.

«Опять этот жуткий двойной день рождения, опять эта повторяющаяся каждый год пустая суета», — раздраженно подумала Беатрис.

Сама она не стала бы возражать, если бы день пятого сентября прошел тихо и незаметно, как и всякий другой. Беатрис не думала, что день рождения — это безусловный повод для веселья. Чему радоваться, если человек стал на год старше, мало того, разменял восьмой десяток? Теперь уже не приходится ждать от жизни чего-то хорошего, и Беатрис были ненавистны попытки поздравителей подсластить горькую пилюлю, утверждая, что все самое лучшее — еще впереди.

— Вот увидишь, Беатрис, жизнь еще преподнесет тебе приятный сюрприз, — сказала ей Мэй, крепко обняла и подарила роскошную косынку. Беатрис никогда в жизни не носила косынок, и Мэй прекрасно это знала, но была преисполнена решимости превратить подругу в стильную даму.

— Капля камень точит, — часто говорила Мэй, но Беатрис неизменно опровергала старую поговорку.

— Но, Мэй, у меня нет ни малейшего желания ждать каких-то приятных сюрпризов, — сказала Беатрис, и Мэй ответила, что жизнь не спрашивает человека, чего он хочет — радостей или горестей, во всяком случае, как правило не спрашивает. Мэй обожала философские беседы, и Беатрис втайне, про себя, называла эту склонность безмозглой любительской психологией.

В свой день рождения Беатрис держалась в стороне от общего веселья, предоставив Хелин быть средоточием празднества. Год шел за годом, но всякий раз Беатрис не хватало духу отказать Хелин в этом удовольствии. В день рождения Беатрис чувствовала себя отвратительно, но примирилась с совершаемым ею над собой насилием, видя счастливое лицо Хелин. Обычно она выглядела невеселой и подавленной, но в этот день она улыбалась, а в глазах появлялся несвойственный им блеск. Сегодня на Хелин было летнее платье с цветами, для которого она была, пожалуй, чересчур стара, но Хелин вообще носила одежду, предназначенную для женщин лет на тридцать моложе ее. Мало того, лицо Хелин было сильно нарумянено, на губах лежал толстый слой помады, а к волосам приколоты искусственная роза. Держа в руке бокал шампанского, она оживленно болтала с гостями и чувствовала себя свободно и раскованно.

Беатрис посмотрела на Кевина, который стоял у буфета и недоверчиво пробовал заказанные блюда. Непревзойденный повар-любитель, он был очень взыскателен в своих кулинарных вкусах и редко удерживался от едких замечаний о качестве еды. К удивлению Беатрис, он, видимо, и сегодня нашел в блюдах какие-то изъяны. Буфет был организован одним из лучших поставщиков Сент-Питер-Порта, но Кевин наверняка найдет волосинку в супе, назавтра позвонит поставщикам и сделает им выговор своим неповторимым бархатным голосом.

— Привет, Беатрис, — раздался за ее спиной хриловатый женский голос, — ты выглядишь так, словно ожидаешь конца света.

Беатрис оглянулась. К ней шла Майя, окидывая ее насмешливым взглядом. На Майе было надето какое-то немыслимо крошечное платьице, черное ничто, открывавшее на всеобщее обозрение ее безупречное, покрытое ровным загаром тело. Длинные распущенные волосы спускались до осиной талии. Ногти на руках и ногах были покрыты черным лаком, а на правом запястье позвякивали многочисленные серебряные браслеты-обручи.

— Привет, Майя, — ответила Беатрис. Как всегда, она — если не видела Майю хотя бы один день — была поражена привлекательностью этой молодой женщины. Майя излучала юность и эротику, при виде которых многие люди просто лишались дара речи. Казалось, ее тело дышало истомой вечного ожидания, а единственным вызовом были маленькие крепкие груди.

«Этой девушке, — сказала как-то Мэй, — достаточно сделать одно движение, сказать одну фразу или просто остановиться, чтобы у стоящего рядом мужчины возникло желание с ней переспать. Я задаю себе вопрос: что это? Наверное, она и сама этого не осознает».

«Все она осознает, — подумала Беатрис, — она осознает свое влияние на мужчин в любой момент и расчетливо им пользуется».

— Сейчас мне следовало бы поздравить тебя с днем рождения, — сказала Майя, — но, думаю, тебе уже надоело выслушивать поздравления, поэтому вместо этого не могу ли я сделать для тебя что-нибудь полезное?

— Спасибо, нет. Мне, правда, непонятно, как вы можете в такую жару пить столько шампанского?

— Ах, шампанское я могу пить целыми днями, — Майя оглянулась и задержала взгляд на Кевине, который, с видимым отвращением, накладывал в свою тарелку очередную порцию еды. — Кевин, как всегда выглядит превосходно, не правда ли? — сказала Майя. — Ни разу в жизни мне не приходилось видеть мужчину с таким потрясающим телом. К тому

же, он умеет одеваться. Его джинсы — просто фантастика!

Для Беатрис все джинсы были одинаковы; она так и не смогла до сих пор понять, по каким критериям молодые люди считают одни джинсы дрянью, а другие — последним писком моды. Но, в любом случае, Майя была права: Кевин выглядел фантастически хорошо. Если не считать Майи, он был самым красивым человеком на этом празднике.

— Вы бы составили очаровательную и очень зрелищную пару, — заметила Беатрис, — но, к великому сожалению, из этого ничего не выйдет.

— Да, это так и останется чистым зрелищем, — сказала Майя, — к тому же, очень недолгим.

— Прежде всего, для тебя, — Беатрис рассмеялась. — Для этого тебе пришлось бы пережить духовный кризис.

Майя тоже засмеялась.

— Наверное, ты права. О боже, боюсь, что и мне надо идти поздравлять Хелин. Она снова смерит меня таким взглядом, что я почувствую себя ветреной и легкомысленной особой в вызывающем наряде. Комично, не так ли? Хелин — единственный человек, способный меня запугать. Или все дело в том, что она — немка? Говорят, что немцы...

— Осторожнее, — предостерегла Майю Беатрис. — Не вздумай сказать это ей. От таких слов она может впасть в истерику. Она до сих пор не может примириться со своим происхождением.

— Хелин усложняет абсолютно простые вещи. Она немка, и что из этого? Старой вражды больше нет.

— Ее нет для тебя и твоего поколения, и это хорошо. Однако на Гернси много людей, которые до сих пор переживают войну. Хелин приехала сюда, как жена офицера-оккупанта. Она не может это забыть, как не могут забыть и другие.

— Но, между прочим, она тоже здешняя. Никто ее ни в чем не упрекает.

Беатрис посмотрела на Хелин, которая разговаривала с маленькой девочкой, только что преподнесшей ей букетик цветов.

— То время, — сказала Беатрис, — так или иначе травмировало всех нас. Каждый справляется с этой травмой, как может, но есть вещи, которые не забываются никогда.

По глазам Майи было видно, что мысли ее витают где-то далеко, и Беатрис сразу это поняла. Молодые люди не желают ничего знать о войне, о периоде немецкой оккупации островов в проливе. Это было давно и не имеет к новому поколению никакого отношения. Молодых не интересует, что происходило тогда, а Майю, с ее страстью к ночным клубам, мужчинам

и случайным связям, это не интересует и подавно.

— Сейчас я пойду и покончу с неприятной обязанностью, — сказала Майя. — Мы еще увидимся, Беатрис, пока!

Она подошла к Хелин, лицо которой при виде девушки сразу помрачнело.

Они с Майей никогда не найдут общего языка.

Беатрис поймала себя на мысли, что с большим удовольствием незаметно исчезла бы с собственного дня рождения, но в этот момент увидела, что в залу входит Алан. Все утро он не показывался матери на глаза. Беатрис тяжело вздохнула. Не может же она уйти в тот миг, когда единственный сын пришел поздравить ее с юбилеем.

Чем старше становился Алан, тем явственнее проступало в нем сходство с его отцом. У Алана были темные волосы и темные глаза и вообще он был очень похож на южно-французского бонвивана. Он был привлекателен, хотя на лице его явственно проступали следы злоупотребления алкоголем. Алану было всего сорок два года, но кожа его уже становилась дряблой. Под глазами наметились мешки. Ее сын был алкоголиком, в этом Беатрис не обольщалась, но, несмотря на это, внешне его жизнь пока была вполне респектабельной — он был отличным профессионалом и умело скрывал от окружающих свое болезненное пристрастие. Беатрис знала, что несколько лет назад у Алана была интрижка с Майей — по крайней мере, она тогда была убеждена, что это всего лишь интрижка. Однако со временем ей стало ясно, что эта связь с юной девицей задела Алана намного глубже, чем он сам мог предполагать. Он был буквально одержим этой женщиной. Беатрис не могла понять, как мог интересный, образованный мужчина так сильно привязаться к столь поверхностной персоне. Как бы ни была красива и привлекательна Майя, ни один находящийся в здравом уме мужчина не может, не имеет права рассчитывать на длительную связь с ней. Майя никогда не станет верной женой. Она, не задумываясь, наставит рога мужу, и Беатрис надеялась, что Алан, поняв это, с омерзением отвернется от Майи.

— Привет, Алан, — сказала она, когда сын подошел к ней. — Сегодня воскресенье, одиннадцать часов утра, но ты уже на ногах. Должна ли я расценить это как проявление твоего ко мне расположения?

Алан, едва прикоснувшись, поцеловал мать в щеку. От него сильно пахло мятой, но конфеты, которые он сосал для маскировки, не могли полностью заглушить витавший вокруг него дух виски.

— Мои искренние пожелания счастья по случаю твоего дня рождения,

мамочка. Для своего возраста ты выглядишь просто великолепно!

— Вероятно, это надо понимать, как комплимент. Спасибо, Алан, — она заметила, что сын шарит взглядом по залу. — Майя стоит вон там, возле Хелин, если тебе хочется знать, здесь ли она, — сказала Беатрис. — Так что у тебя есть возможность ее приветствовать.

По лицу Алана скользнула вымученная улыбка.

— Я вовсе не ищу встречи с Майей, мама. Мне просто интересно, что за люди здесь собрались. Кажется, в основном, это пожилые дамы. Неужели у тебя столько подруг? Или это подруги Хелин?

— Это знакомые. Ни одна из этих старых вешалок не является моей близкой подругой, но когда появляется возможность задарма поесть и выпить, они набегают сюда толпами. Честно говоря, я не стала бы их приглашать, если бы не Хелин. Ей, как воздух, необходимо ощущение, что день рождения — это особенный праздник, и я ей в меру сил подыгрываю.

— Гм, — на мгновение Алан задержал взгляд на Майе, которая все еще болтала с Хелин, но быстро перевел взгляд, заметив, что мать внимательно на него смотрит.

— Да, мама, как вообще твои дела? — как бы вскользь поинтересовался он. — Как поживают твои розы? Удалось ли тебе вывести новый сорт?

— Я уже давно не пытаюсь этим заниматься. Нет, нет, от дел я уже отошла. Живу одним днем и делаю только то, что доставляет мне удовольствие, — она поморщилась — не то весело, не то грустно. — Когда подходит старость, жизнь, знаешь ли, становится скучной.

— Только не твоя жизнь, мама! — Алан подхватил бокал шампанского с подноса проходившего мимо официанта и жадно выпил половину. — У тебя всегда есть какие-то замыслы, и, думаю, я никогда не увижу тебя сидящей без дела.

— Это так, но ты не представляешь себе, насколько скучны дела, которыми мне приходится заниматься. Но давай лучше сменим тему. Расскажи, как обстоят твои профессиональные дела? У тебя все в порядке?

— Конечно, — бокал был уже пуст, но Алану повезло, официант с шампанским снова оказался поблизости, и Алан взял себе добавку. — Знаешь, в моей работе очень важны связи, а с этим у меня никогда не было проблем. Я знаю в Лондоне многих влиятельных людей, и это очень облегчает мне жизнь и работу.

— Это прекрасно. Очень рада, что у тебя все хорошо, — сказала Беатрис. Легкая дрожь в пальцах сына, сжимавших пустой бокал, огорчила ее. Он напился в день приезда на Гернси, в тот вечер, когда, выйдя из

какого-то кабака в Сент-Питер-Порте, привез домой какую-то молодую женщину, которую подобрал на улице. Ее страшно раздражало то, что приехав домой, он первым делом направился в кабак, и вечера как такового не получилось. В пятницу и субботу Алан пробыл дома, вечерами пил за ужином вино, но не слишком много. Но сейчас было только утро, но он уже выпил виски. «Может быть, — подумала Беатрис, — он пил и в предыдущие дни, просто она этого не заметила».

Эта мысль сильно расстроила ее. Падение Алана продолжалось, как она и предчувствовала.

— Как твоя... личная жизнь? — осторожно спросила она. — Что нового?

— В личной жизни все замечательно, — тотчас ответил Алан — слишком быстро и слишком весело. — То одна женщина, то другая, но ни к одной из них я так и не привязался надолго. Видно, нормальные буржуазные отношения — не для меня.

Беатрис понимала и чувствовала, что нормальные буржуазные отношения — это как раз то, к чему он стремится всей душой, но она прекрасно понимала и то, что он ни за что ей в этом не признается.

— В жизни обязательно надо иметь надежного спутника, — сказала она, — и тогда жизнь становится лучше. Прелесть так называемой свободы обманчива. Она, в конечном счете, приводит к пустоте и пресыщенности.

— Мама... — начал было Алан, но Беатрис не дала ему договорить.

— Я понимаю, что это твоя жизнь. Я не имею никакого права в нее вмешиваться. Но я все же спрашиваю себя: настолько ли хороша твоя личная жизнь, как ты мне рассказываешь. Тот факт, что ты даже по утрам не можешь обойтись без спиртного, говорит о том, что у тебя есть весьма важные проблемы.

— Что значит: я не могу обойтись без спиртного? — раздраженно спросил Алан. — Сегодня праздник или нет? Посмотри, здесь все, кроме тебя, пьют шампанское! Зачем ты вообще заказывала алкоголь, если недовольна тем, что его пьют?

— Я не имела в виду шампанское, Алан, — мягко сказала Беатрис. — Ты выпил еще до того, как пришел сюда. Я сразу почувствовала запах, и выпил ты немало.

— Бог мой! Всего лишь пара глотков виски после завтрака! Ты считаешь это катастрофой?

Беатрис отрицательно покачала головой.

— Нет, но это может стать катастрофой. Ты глушишь себя, Алан. Я уверена, что пустота, о которой я тебе говорила, уже завладела тобой, и ты

пытаешься ее заполнить. Но виски — очень поверхностный утешитель. Он лживо внушает тебе, что все хорошо, но на самом деле от него становится только хуже.

Алан раздраженно опрокинул второй бокал шампанского.

— Знаешь, мама, у меня есть идея, как тебе покончить со скукой старческого существования, — зло произнес он. — Стань проповедником в обществе анонимных алкоголиков. К этому делу у тебя истинный талант. Ты сможешь наставить на путь истинный многих заблудших овец. И, кроме того...

— Алан, тебе следовало бы...

— У меня есть более подходящий объект для твоих проповедей. Правда, речь идет не о спиртном, но о чем-то подобном, — он окинул взглядом зал и указал матери на угол, где на краешке стула сидела Франка Пальмер, глядя перед собой расширенными от страха глазами. От нее только что отошел явно раздосадованный мужчина, который до этого перекинулся с Франкой парой фраз, видимо, желая завязать беседу. Однако разговаривать с Франкой было чрезвычайно трудно.

— Франка Пальмер страдает лекарственной зависимостью, мама. Она ежедневно принимает сильнодействующие успокаивающие таблетки, так как страдает фобиями и паническими атаками. Тебе стоит полечить ее, у тебя прекрасно это получится.

Беатрис посмотрела на Франку.

— Для меня загадка, как ты вообще смог ее подцепить. Она совершенно не похожа на женщин, с которыми ты обычно имеешь дело.

— Я же говорил тебе, что это получилось случайно. Она едва не упала под мой автомобиль. Позаботься о ней! Может быть, она примет твои усилия с большей благодарностью, чем я.

Он повернулся и пошел прочь, демонстративно взяв с подноса еще один бокал шампанского. Он остановился возле Хелин и Майи и пустился в громкий монолог, сопровождая его отрывистыми нервными жестами.

— Дурак! — не сдержавшись, в сердцах произнесла Беатрис. Все, с нее довольно. У нее не было больше желания оставаться на этом бесконечно раздражавшем ее празднике. Наверное, стоит вытащить из угла эту бедную мышку, Франку Пальмер, и прогуляться с ней по саду. Беатрис было интересно больше узнать о женщине, которую Алан подобрал на улице и привез в дом. Пусть даже он случайно познакомился с ней, но, видимо, она чем-то тронула его до такой степени, что он предложил ей свою помощь. Кто знает, может быть, из этого удастся слепить что-то стоящее. Беатрис многое бы отдала за то, чтобы оторвать сына от

несносной Майи Эшуорт, и решила, что не будет никакого вреда, если она повнимательнее присмотрится к молодой немке.

Кроме того, ей и без того хотелось выйти из дома. Стояла чудесная летняя погода, но Хелин, как обычно, не желала покидать дом, чем вынуждала и гостей отказаться от солнца и свежего воздуха. Хелин всегда была недовольна погодой. Ей всегда было либо слишком жарко, либо слишком холодно, либо слишком сыро, либо слишком сухо. Беатрис не помнила случая, когда Хелин бы сказала, что на дворе хорошая погода.

Взяв с подноса два бокала шампанского, Беатрис направилась к Франке. Беатрис надоело смотреть, как Хелин наслаждается праздником, а Алан влюбленно смотрит на Майю. Мало того, при этом он еще и беспрерывно пил. Еще пара часов, и он забудет как его зовут.

— Сегодня я прочла интересную книгу, — сказала Франка. — Историю человека, пережившего немецкую оккупацию английских островов в Ла-Манше.

— Да? — усталым и бесцветным тоном отозвался Михаэль. Был уже поздний вечер. Оставшийся позади трудный день совершенно измотал Михаэля. Он страшно хотел спать, но у него уже не было сил, чтобы встать, подняться по лестнице на второй этаж, раздеться и почистить зубы. Обессиленный, он молча сидел за кухонным столом, держа в руке бокал с красным вином. Франка сидела напротив мужа. Она была живее, чем обычно, и казалась менее подавленной. Через открытое окно в кухню постепенно вползла бархатная сентябрьская ночь. В доме царила странная тишина — странная своей таинственностью и обещанием неведомых перемен.

«Сулящая нежданное счастье ночь, — подумалось Франке, — какое глупое чувство, только мое чувство... можно держать пари, что Михаэль сейчас не чувствует ничего похожего».

Кажется, прошла целая вечность с тех пор, когда они в последний раз вот так, вместе сидели за столом: усталые, пьющие вино и ничего не ждущие друг от друга. Время от времени перебрасывались несколькими словами, потом снова надолго замолкали. Правда, теперь в этом молчании не было той парализующей неловкости, которую обычно в такие моменты ощущала Франка. Наверное, все дело было в том, что Михаэль выглядел таким усталым, что она могла не опасаться нападков с его стороны. После тяжелого рабочего дня и выпитого вина Михаэль, как правило, терял свойственную ему язвительность и колкость. Сегодняшний вечер напомнил Франке о самом начале их отношений. Тогда они часто сидели так вечерами — правда, в комнате ее студенческого общежития в Кройцберге — и пили дешевое вино. Оно было невкусным, от него болела голова, но они тогда любили его и друг друга.

Отчуждение между ними нарастало медленно. Причиной стали профессиональные неудачи Франки, из-за которых поколебалась ее уверенность в себе, а затем возникла депрессия. Другой причиной стала быстрая карьера Михаэля, его стремление к большим деньгам, жадность, с которой он двигался к цели и, в конце концов, достиг ее. Трещина между ними становилась все шире. В конечном счете они оказались стоящими на

двух вершинах, разделенных пропастью, через которую не было перекинуто ни одного моста. Едва ли теперь между ними было возможно какое-то взаимопонимание.

— Я же рассказывала тебе о женщине, у которой я жила на Гернси, — продолжила Франка. Она говорила торопливо, стараясь воспользоваться моментом доверительности и покоя. — Ее зовут Беатрис Шэй. Беатрис живет вместе с другой пожилой дамой, с немкой, Хеленой Фельдман. Поэтому Беатрис в совершенстве говорит по-немецки.

— Тебе крупно повезло, не пришлось напрягаться с английским, — не проявляя никакого интереса, заметил Михаэль и зевнул. — Господи, как же я устал! Мне уже давно пора спать.

— Во время немецкой оккупации немецкий язык стал обязательным предметом во всех школах английских островов Ла-Манша, — сказала Франка. — Ты знал об этом?

— Нет.

— Хелена Фельдман приехала тогда на Гернси, как жена немецкого офицера. Они заняли дом, где жила Беатрис. Ее родители бежали, и она росла в семье Фельдманов.

— Я не понимаю, что, собственно, так заинтересовало тебя в этих людях, — сказал Михаэль. — Это совершенно обычные люди, с которыми ты не имеешь ничего общего. Ты их вообще больше никогда не увидишь.

— Но я же все равно поеду на Гернси по твоим делам.

— Да, но жить ты, естественно, будешь в отеле! Комната в этом — как его, Ле-Вариуфе? — была вынужденным решением. Впредь тебе не придется ютиться в этой глуши!

— В книге, которую я читаю, — Франка упрямо вернулась к началу разговора, — как раз упоминается Эрих Фельдман. Сначала он был майором, но за время войны дослужился до подполковника. Он отвечал за доставку на остров строительных материалов — всего, что требовалось для сооружения укреплений и подземных бункеров. При этом, он, понятно, распоряжался работавшими на строительстве заключенными, подневольными рабочими. Автор книги описывает Фельдмана как совершенно непредсказуемую личность. Если он был в хорошем настроении, то мог распорядиться выдать рабочим дополнительный пищевой рацион. Но в следующий момент он мог превратиться в сущего живодера, вводившего жесточайшие наказания, и допускаявшего любой произвол, если ему надо было выпустить накопившуюся ярость.

— В то время было полно таких типов, — сказал Михаэль. — Третий рейх извлек этих замаскированных садистов из всех щелей и дыр и вознес

их к вершинам власти. Тогда они получили неограниченную возможность проявлять свои наклонности, да еще получать за это ордена. Этот Эрих Фельдман — один из многих тысяч.

— На его совести расстрелы и другие преступления. Он совершил множество злодеяний.

— Полагаю, он давно умер?

— Он был убит в начале мая 1945 года, незадолго до капитуляции островного гарнизона. Обстоятельства его гибели неясны, но в хаосе тех дней на его смерть вообще не обратили внимания.

— Наверное, его линчевали освобожденные заключенные, — заметил Михаэль. — Во всяком случае, надеюсь, что именно так и случилось. Но почему ты вдруг заинтересовалась этим мерзким типом?

— Я познакомилась с его вдовой. Я встретила женщину, которая жила с ним под одной крышей, когда была маленькой девочкой. Мне хочется больше узнать о них.

— Иди в газетные архивы. Перелистай подшивки того времени. В этой работе я не вижу особого смысла, но, по крайней мере, ты будешь занята делом и перестанешь с утра до вечера думать о своем неврозе. Я и раньше всегда говорил, что тебе надо быть журналисткой или кем-нибудь в этом роде. Но ты захотела...

— Знаю. Я захотела сама принять решение. Оно оказалось ложным, и с этим я теперь живу и буду жить. Мы много об этом говорили.

— Человек не должен с чем-то жить. Человек может все изменить.

— Мне тридцать четыре года. Я...

— Я еще раз повторяю: человек может все изменить. В тридцать четыре года, в восемьдесят четыре — неважно, надо лишь сильно захотеть. Ты же понимаешь, что предпосылка и обязательное условие — это хотя бы немного воли, а воле можно научиться. Силе тоже можно научиться! — глаза Михаэля горели непреклонной решимостью.

«Эта несокрушимая сила, — подумала Франка, — эта беспощадная энергия. Каждый раз, когда он так на меня смотрит, я теряю последние остатки моей жалкой уверенности в себе».

Она вдруг почувствовала свинцовую усталость и тихо произнесла:

— Я не собиралась говорить об этом. Мне просто хотелось рассказать тебе...

— Но мы должны об этом говорить.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому, — упрямо ответила она.

Михаэль покачал головой. Он преодолел усталость и сонливость, а значит снова стал опасным.

— Иногда ты ведешь себя как малое дитя. Только ребенок говорит «потому», так как у него просто нет аргументов для внятного ответа. Господи, ты когда-нибудь повзрослеешь?

— Я...

— В переносном смысле, Франка, ты — человек, который живет, опустив руки. Ты сдалась и принялась отчаянно жалеть себя. Да, у тебя в жизни что-то не заладилось, но ты не можешь найти в себе мужество начать все сначала. Ты проводишь массу времени на кушетке психоаналитика, глушишь себя таблетками, с помощью которых чувствуешь, что у тебя, якобы, все в порядке. Но на самом деле от них ты становишься все слабее и слабее...

— На Гернси, — произнесла Франка бесцветным тоном, — я прожила целых три дня без таблеток.

Он резко провел ребром ладони по столу, словно отметая прочь это возражение.

— И ты видишь в этом свою великую победу? У тебя просто не было другого выхода, и поэтому ты обошлась без лекарств. Причем, обошлась плохо, если верить твоему рассказу. Разве тебе не пришлось — кстати, моими деньгами — заплатить за посуду, которую ты разбила в ресторане, где с тобой приключился истерический припадок? Получается, что ты не смогла все же обуздать свою зависимость!

— Это был не истерический припадок, а паническая атака. Ты не можешь...

— Какая между ними в сущности разница? Истерика, паника... Факт заключается в том, что тысячи женщин, которые ходят в рестораны, могут вести себя абсолютно нормально, не так ли? Эти женщины не выбегают, как полоумные, прочь, оставляя за собой гору разбитых тарелок!

У Франки начало жечь в глазах. Сейчас потекут слезы. Он безмерно преувеличивал, и в этом преувеличении была вся его подлость. И дело было не только в том, что он говорил. То, как он это говорил, усиливало коварство его слов — ядовитых стрел, пущенных твердой рукой точно в цель.

— Я не оставила за собой гору... — начала было она, но осеклась на середине фразы. Какой смысл говорить, если он не собирается ее слушать? Женщина-психотерапевт не один раз упрекала Франку в том, что она слишком поспешно переходит к обороне.

— Не защищайтесь! Ребенок притворяется и оправдывается. То же

самое делает обвиняемый в суде. Вы — не ребенок и не подсудимый. Вы — взрослая женщина, которая не обязана отчитываться во всех своих действиях.

«Она просто не знает Михаэля, — подумала Франка, — не знает его агрессивности, его напора, его натиска. Ей незнакомо чувство, какое испытываешь, когда тебя припирают к стенке, и тебе остается лишь беспомощно махать руками и переступить с ноги на ногу».

— Что же касается твоих изысканий по поводу этого Эриха Фельдмана, — продолжал тем временем Михаэль, и тон его не оставлял сомнений в том, что он считает бессмысленным и чрезмерным ее интерес к этому мертвому нацистскому офицеру, — то и это твое начинание увянет в песке. Заниматься этим, конечно же, пустая трата времени, но, как я уже сказал, это отвлечет тебя от круглосуточного самоанализа. Если ты действительно пойдешь в архивы и библиотеки, то это будет совершенно иное, нежели целыми днями сидеть дома и копаться в своих фобиях в отношении других людей и всего мира. Но знаешь, что я тебе скажу? Ты этого не сделаешь! Ты даже не шагнешь за дверь, не говоря уже о том, чтобы показаться в каком-нибудь общественном месте. Ты давно перестала приходить ко мне в лабораторию. Часто ты не способна пойти даже в супермаркет. Ты переоцениваешь свои силы и в этой истории. Но возможно ты лучше себя чувствуешь, паря в своих иллюзиях, которые никогда не воплотятся в жизнь.

Распалаясь, Михаэль пришел в ярость, голос его гремел, как артиллерийские залпы. Франка распознала давно тлевший в нем гнев, чувствовала раздражение, копившееся в его душе все прошедшие годы. Естественно, ситуация надоела ему до смерти. Красивый, успешный мужчина, владелец крупной зубопротезной лаборатории, культурный, интересующийся общественной жизнью человек — прикован к женщине, которая из-за своих страхов и навязчивостей не может выйти из дома, не может принимать гостей и не может сопровождать мужа на общественные мероприятия. К женщине, впавшей в совершенную бесцветность, носящей круглый год одни и те же вещи, к женщине, которая не смеет осветлить волосы или надеть юбку, которая не прикрывала бы колени. Франка понимала, чувствовала, что Михаэль жаждет другой партнерши, другой женщины, с которой он мог бы по-настоящему делить свою жизнь.

— Но все-таки, — сказала она, — я же еще раз одна слетала на Гернси.

В преувеличенном благодарственном жесте Михаэль воздел руки к потолку.

— Ты слетала на Гернси! Еще раз! Господь все милостивый, благодарю

тебя за то, что ты простер свои спасительные крылья над моей женой во время этого опаснейшего путешествия! И какую драму ты разыграла, прежде чем сесть в самолет! Целый день слезы, отговорки, паника, а потом полное фиаско, когда ты обнаружила, что забыла дома таблетки. К тому же тебе не достался номер в гостинице. Господи, я думал, что мир погиб. Но нет, это всего лишь было твое путешествие на Гернси. Ты всего лишь слетала на этот островок, чтобы выполнить мое необременительное поручение и оказать мне услугу. И, между прочим, себе, — добавил он более спокойно, но ледяным тоном, — тоже. На эти деньги ты, надо сказать, неплохо живешь.

— Я прожила четыре дня без таблеток. В другой стране, среди чужих людей. Мне пришлось пережить паническую атаку без лекарств. Неужели для тебя это ничего не значит?

Он допил вино и встал. Он взял себя в руки. Сегодня не будет больше никаких нападков. Но это не означало, что Михаэль станет дружелюбно искать примирения.

— Прошу тебя, не требуй от меня одобрения по поводу того, что один раз ты была ажитирована меньше, чем обычно, — устало произнес он. — Я не могу его тебе дать. Я не буду тебе лгать, не буду лицемерить. Я не могу понять тебя со всеми твоими проблемами. Я не могу больше выслушивать твои объяснения, оправдания и отговорки, мне надоели твои крошечные успехи, которые не ведут к большому успеху, но остаются лишь проблесками в безнадежно темном туннеле. Я не могу дать тебе то, чего ты от меня ждешь. Я не могу гладить тебя по головке и приговаривать: «Молодец, Франка! Какой прогресс! Я горжусь тобой!» Я не горжусь тобой. Я не горжусь тем, что ты говоришь и делаешь. Я всегда презирал слабость. Возможно, это плохая черта, но я такой. Почему я должен поступать так, словно я другой человек?

С этими словами он повернулся и вышел из кухни. Шаги его звонко отдавались от плиток пола. Потом он начал подниматься на второй этаж — под его ногами заскрипели ступени лестницы.

Франка тупо смотрела на лакированную белую дверь, которую Михаэль, уходя, плотно за собой прикрыл. Он не швырнул ее с грохотом в подвал. В конце он даже перестал злиться. Злость сменилась усталостью и разочарованием. Наверное, она легче перенесла бы его бешенство. Но спокойствие, с которым он высказал ей свое презрение, отдавалось в душе Франки невыносимой болью. Он говорил не в аффекте, он не бросал ей в лицо обвинений, единственное назначение которых — избавиться от накопившейся агрессии, дать ей выход. Он не выкрикивал слов, о которых

позднее мог сказать — или подумать — что он имел в виду совсем другое. Но сейчас он сказал ей именно то, что думал. И сейчас и в будущем его слова будут соответствовать истине.

«Это низшая точка падения», — подумала она. Она замерзла, ею овладело какое-то странное спокойствие. Это дно. Более сильной боли он причинить ей уже никогда не сможет. И никто не сможет.

Франка напряженно прислушалась к тишине. Ей вдруг подумалось, что в ночи что-то изменилось, и после этого она услышит все, что осталось недосказанным. Но ничего не изменилось. Над холодильником продолжали тикать часы. Сам холодильник, как всегда, негромко жужжал. Где-то вдалеке, вероятно, за несколько улиц, кто-то завел автомобиль. Залаяла и тотчас замолчала собака. Стояла тихая теплая ночь.

«Может быть, мне уже недолго осталось жить», — подумала Франка. Это была чудная, утешительная мысль.

15 сентября 1999 года

Дорогая Беатрис,

надеюсь, я не слишком докучаю Вам своим письмом. Как хорошо мне было те три дня, что я провела в Вашем доме — в волшебной сельской тиши, среди красот дикого романтического ландшафта. Мне бы хотелось от всего сердца поблагодарить Вашего сына за то, что в тот ужасный день он помог мне в Сент-Питер-Порте и привез меня к Вам. В тот день я была не в состоянии позаботиться о себе сама. К сожалению, я не знаю его лондонского адреса. Не передадите ли Вы ему мою искреннюю благодарность? Это было бы очень любезно с Вашей стороны.

Как чудесно, что Вы позволили мне присутствовать на дне Вашего рождения. Мне было приятно гулять с Вами по саду и слушать рассказ о прошлом — Вашем и Хелин Фельдман. Должно быть, Вам пришлось много пережить, если Вы провели на Гернси все время оккупации. В то время я мало знала о том, что тогда происходило на острове. Мое знание предмета ограничивалось рамками школьной программы, да и оно почти выветрилось из головы. Все, кто интересуется этими вещами, знают, что происходило в оккупированной Франции, в Голландии, Польше и во всех других местах, но о положении на оккупированных британских островах в Ла-Манше неизвестно почти ничего. Забытая земля. Разве нет? Я читала, что когда союзники высадились в Нормандии и начали шаг за шагом освобождать Европу, острова продолжали оставаться под немецкой оккупацией, и никто не думал о них и судьбе живших там людей.

В одной книге, документальном рассказе о тех днях, упоминается Эрих Фельдман, муж Хелин. В этом повествовании он предстает в не слишком выгодном свете. Мне было бы интересно узнать, каким он был в

обыденной жизни — дома, в общении с Хелин и с Вами.
Если вы сочтете меня и мой интерес слишком
назойливым, то не отвечайте на это письмо.

*С сердечным приветом, искренне
Ваша Франка Пальмер.*

22 сентября 1999 года

Дорогая Франка,

уверяю Вас, что Вы мне абсолютно не докучаете! Правда, я нахожу немного странным, что Вас интересуют эти вещи. Вы — молодая женщина, думаю, что Вам нет еще и тридцати пяти. Когда я заговариваю с молодыми людьми о тех временах, они начинают зевать, всем своим видом показывая, что мне надо поскорее заканчивать с этими старыми историями. В лучшем случае, они из вежливости делают вид, что внимательно меня слушают, проявляя интерес, которого на самом деле не испытывают. Но я уже достаточно стара для того, чтобы понимать, когда передо мной разыгрывают спектакль.

Вероятно, с немцами дело обстоит по-другому; история их сложилась так, что они вынуждены внимательно выслушивать все, что связано с теми временами. Такова цена искупления, возложенного на поколения немцев. Вы не можете просто сказать: мне все равно, меня это не интересует!

Или я ошибаюсь, и молодые люди в Германии ведут себя так же, как их ровесники в Англии? Я никогда не была в Германии, а на Гернси не общаюсь с немецкими туристами. Поэтому я не имею ни малейшего понятия о склонностях немецкой молодежи.

В прочтенной Вами книге упоминается Эрих Фельдман? Хорошо, что его отвратительные деяния — надо надеяться! — оказались документально подтвержденными. Да, я имела сомнительное удовольствие пять лет прожить в доме этого психически ущербного человека, больная душа которого слишком часто проявлялась необузданным и непредсказуемым садизмом.

Собственно, все обстояло как раз наоборот. Это он жил в моем доме. Он оккупировал и занял его. Он

распространился по моему дому, как сорняк, отнявший у других растений жизненное пространство, отнявший у них воздух, которым они дышали. Главным было удовлетворение его потребностей — только и исключительно. В другое время он был бы, скорее всего, средней руки чиновником, и тиранил бы только свою семью и нескольких подчиненных. К несчастью, национал-социалистический режим дал ему куда большую полноту власти и снабдил опасными орудиями ее исполнения. Для многих людей он стал полновластным хозяином их жизни и смерти. Он пользовался своим положением — и во зло, и во благо. Удовлетворение он получал от обеих возможностей: сегодня я могу поднять большой палец вверх, а завтра опустить его вниз.

Я мало знаю об этой стороне его жизни. Я видела его дома. К тому же я была тогда ребенком, жила в маленьком мирке и редко выглядывала за его тесные пределы. Тем не менее, за несколько лет жизни под одной крышей с Эрихом Фельдманом я составила о нем довольно верное представление.

В то время я затруднилась бы сказать, какие чувства он во мне возбуждал. Ненависть, симпатию, благодарность, страх... Его настроение менялось чаще, чем очертания облаков над бурным морем. Сегодня мне думается, что основным чувством все же была ненависть. Ненависть к человеку, который временами навязывал мне поистине отеческое отношение, но неизменно меня обманывал, стоило мне всерьез воспринять его симпатию ко мне и робко на нее положиться. Да, в конечном счете, главным чувством была ненависть...

ГЕРНСИ, ИЮНЬ 1940 ГОДА

Мало того, в первый момент он показался ей ангелом-спасителем. Она испытывала жуткий страх и одиночество, и, кроме того, ей очень хотелось

есть. Два дня над островом непрерывно кружили самолеты, и гудение их моторов повергало Беатрис в панику. Все это время она пряталась в гостиной между цветастым диваном и креслом-качалкой. Сил двигаться у нее не было. Сил на это не было даже тогда, когда голод и жажда становились нестерпимыми, и ей надо было пойти на кухню, чтобы поесть и попить. Ноги стали ватными и перестали ее слушаться. Она пробежала почти весь неблизкий путь от Сент-Питер-Порта до дома, выбилась из сил и конец дороги прошла, задыхаясь и хватая ртом воздух. В гору она взбиралась уже на четвереньках. Когда Беатрис вползла в гостиную, ее начала бить безостановочная дрожь.

Те первые дни... Сколько их было? Один, два, неделя? Тогда она еще время от времени выползала в кухню, брала там яблоко, корочку хлеба, делала несколько глотков воды и сразу же возвращалась в свою норку в гостиной, чтобы притаиться, как маленький, насмерть перепуганный зверек. Потом самолеты перестали летать, а она перестала покидать свое убежище. Всем своим существом Беатрис чувствовала, что неминуемо должно произойти что-то страшное, а рядом не было никого, кто мог бы ей помочь. Она ждала, со страхом думая, что скоро умрет.

Когда на пороге гостиной внезапно возник незнакомый человек, его появление не вызвало у девочки страха. Она смотрела на незнакомца почти безучастно. На человеке была серая военная форма и высокие черные кожаные сапоги. Фуражку он снял и держал в руке. Он был рослым и громадным, но не казался опасным.

— Кто это здесь? — спросил он. Он говорил по-английски, но очень комично коверкал слова. Определенно, он не был англичанином. — Как тебя зовут, крошка?

Беатрис отнюдь не была уверена, что сможет что-то произнести в ответ, сможет выдавить из себя хоть один звук. Подчинятся ли ей мускулы, сможет ли она двигать губами и языком? Но, к ее удивлению, заговорить она смогла.

— Беатрис, — пропищала она, как птичка. — Беатрис Стюарт.

— Ага. Беатрис. Скажи, Беатрис, ты не хочешь вылезти из своего угла? Мне трудно с тобой разговаривать, когда ты лежишь под креслом и я не вижу твоего личика.

Она согласно кивнула и попыталась встать, но ноги предательски задрожали, и девочка повалилась на пол. Незнакомец решительно наклонился. Беатрис почувствовала, как сильные руки обхватили ее и подняли высоко над полом. Она ощутила запах травы, и он ей понравился. Пахло лосьоном после бритья; у отца он пахнул хуже. Незнакомец посадил

девочку на цветастый диван и вышел. Через минуту он вернулся со стаканом воды.

— Выпей воды, — сказал он. — Не знаю, сколько времени ты здесь просидела, но выглядишь ты совсем обессиленной. В доме есть какая-нибудь еда?

Мелкими глотками Беатрис выпила воду. Но есть она сейчас не могла.

— Я... я не голодна, — пробормотала она.

Незнакомец сел на стул напротив Беатрис.

— Сколько же тебе лет? — спросил он.

— Одиннадцать.

— Так-так. И где же твои родители?

— Их нет.

— Нет? Куда же они уехали?

Девочка допила воду и почувствовала, что к ней начали возвращаться силы. Исчезла ватность в ногах, и она поняла, что, пожалуй, уже сможет без опаски на них встать.

— Они уплыли, — сказала она. — Уплыли на корабле.

— Их эвакуировали. Да, с островов было эвакуировано двадцать тысяч человек, — сказал человек и удивленно добавил: — Твои родители оставили тебя здесь одну?

Все время, что она пробыла здесь одна, Беатрис не плакала. Она словно оцепенела, все чувства притупились и куда-то исчезли. Но теперь невидимый шнур сдавил ей горло, оттаявшие слезы были готовы хлынуть из глаз неудержимым потоком.

Конечно же, Дебора и Эндрю, ее родители, не оставили ее здесь нарочно. Такое никогда бы не пришло им в голову. Это был несчастный случай.

— Они сели на корабль, — сказала Беатрис, — а я — нет.

Человек понимающе и сочувственно кивнул.

— Вы потеряли друг друга в толпе, — предположил он.

Беатрис кивнула. Она никогда не забудет необозримую толпу на пристани. Гавань Сент-Питер-Порта была черна от массы скопившихся там людей. Беатрис никак не могла взять в толк, почему в этот погожий июньский день она должна покинуть свой чудесный сад и взойти на переполненный людьми пароход. Дебора попыталась объяснить:

— Может так случиться, что немцы попытаются захватить наши острова. Это значит, что скоро немцы будут здесь. Все, кто может, должен поэтому покинуть остров. Нас отвезут в Англию.

Беатрис всегда хотелось побывать в Англии, прежде всего, в Лондоне,

потому что Дебора, которая там родилась, постоянно восторгалась этим городом. Но предстоящая неожиданная поездка почему-то совсем не радовала девочку. Все произошло очень быстро, но мрачная атмосфера царила на острове и до этого. Все с утра до вечера слушали радио, у всех были серьезные, озабоченные лица, люди собирались вместе и говорили, говорили, говорили...

Беатрис узнала, что немцы ворвались во Францию, и ей стало страшно, потому что страшно было и взрослым. Бретонский берег был близко, очень близко, а немцы были опасны, слишком опасны. Имя Гитлера витало в воздухе, как злой дух, и Беатрис представляла его себе как демона, как нечистую силу.

Потом было объявлено, что Париж пал, а французское правительство капитулировало. Беатрис все чаще слышала слово «эвакуация».

— Что такое эвакуация? — спросила она у матери.

— Это значит, что нас увезут отсюда, — объяснила Дебора, — в Англию, где мы будем в безопасности. Нас не будет здесь, когда придут немцы.

— Но что будет с папиными розами?

Дебора пожала плечами.

— Нам придется оставить их здесь.

— Но... наш дом! Наша мебель! Наша посуда! Мои игрушки!

— Мы возьмем с собой только самое необходимое. Но, кто знает, может быть, с вещами ничего и не случится за время нашего отсутствия.

— Мы вернемся домой? — тихо и серьезно спросила Беатрис.

На глазах матери выступили слезы.

— Конечно, мы обязательно вернемся. Английские солдаты прогонят немцев, и тогда мы вернемся домой и будем жить, как прежде. Смотри на это, как на поездку на каникулы, ладно? Как на долгие приятные каникулы.

— Где мы будем жить?

— У тети Натали в Лондоне. Тебе у нее понравится.

Тетя Натали была сестрой Деборы, и Беатрис ее недолюбливала, но никто не интересовался отношением маленькой девочки к планам эвакуации. Чемоданы были упакованы быстро, паника распространялась по острову, как заразный вирус. Беатрис должна была решить, какую игрушку она возьмет с собой, и девочка выбрала клоуна, который висел у нее над кроватью, и у которого не хватало ноги и одного глаза. Эндрю напоследок удобрил и полил свои розы. Было видно, что у него разрывается сердце. Дебора тщательно заперла дом и закрыла ставни. Лицо ее было неподвижно, покрасневшие глаза — сухи.

— Мэй и ее родители тоже едут, — еще раз, убеждая себя, сказала Беатрис.

— Да-да, — подтвердила Дебора, но Беатрис не была уверена, что это правда. Ей казалось немыслимым уезжать в Англию, если ее лучшая подруга останется на Гернси. Только с Мэй можно будет выдержать вынужденное пребывание в Лондоне.

Казалось, в Сент-Питер-Порте собралось все население острова. Автомобили и автобусы останавливались у въезда в гавань, так как улицы и переулки были забиты народом, и машины не могли проехать сквозь толпу.

Гуще всего народ толпился возле временных справочных бюро. Всем хотелось в последний момент узнать, действительно ли необходимо эвакуироваться.

— Самое главное — не потеряться, — строго произнес Эндрю, когда они вышли из автобуса, который привез их в Сент-Питер-Порт из Ле-Вариуфа. — Вы двое идите за мной и не отставайте. Беатрис, крепко держи маму за руку!

Беатрис изо всех сил вцепилась в руку Деборы. От людского водоворота кружилась голова. Она никогда не думала, что на Гернси живет так много людей! Они толкались и наступали на ноги, по ребрам били локти, сумки и чемоданы, над головой говорили, кричали и ругались. Дебора шла очень быстро, и Беатрис едва поспевала за матерью. Глазами девочка искала Мэй, но подруги нигде не было видно. Конечно, в такой сутолоке обнаружить человека можно только случайно. Каким-то образом, им все же удалось подойти к судам, стоявшим на якоре в гавани. Рейд прикрывал мрачный и тяжеловесный замок Корнет, выдвинутый в бухту для защиты острова. Но замок не сумел их защитить. Многие корабли были сильно повреждены, паруса порваны и кое-как залатаны. В леерных ограждениях виднелись закопченные черные пробоины. Беатрис слышала, как один мужчина спросил другого, что это значит, и тот ответил, что часть кораблей участвовала в эвакуации британских солдат из Дюнкерка. «Им пришлось действовать под сильным немецким обстрелом», — сказал второй мужчина. Все происходящее начало казаться Беатрис страшным и угрожающим. Это нисколько не походило на веселые каникулы, скорее, на опасное приключение.

Беатрис и сама не поняла, как случилось, что она разжала руку и отстала от матери. Все произошло, когда они уже подходили к сходням одного из кораблей. Здесь стало особенно тесно, протолкнуться сквозь такую толпу было просто невозможно. Люди словно обезумели; все хотели любой ценой попасть на борт и занять лучшие места. Какой-то толстяк

оттолкнул Беатрис в сторону, она споткнулась и выпустила руку матери.

— Мама, мама! — отчаянно закричала девочка.

Она услышала в ответ крик Деборы, пронзительный, как крик кошки, ищущей своих котят. Чья-то рука крепко схватила Беатрис, и какой-то человек крикнул:

— Я ее держу! Все в порядке! Я ее держу!

Человек был ей не знаком. Много позже Беатрис пришла к выводу, что Дебора, которую дочь тотчас потеряла из вида, наверное, подумала, что кричал Эндрю, взявший Беатрис за руку. В таком шуме было немудрено перепутать голоса. Во всяком случае, Дебора перестала окликать дочь, или Беатрис просто ее уже не слышала. Все это продолжалось всего несколько секунд. Толпа оторвала Беатрис от незнакомца, и он исчез в человеческом водовороте. Девочка громко зарыдала, но никто не обращал на нее никакого внимания. Люди все дальше оттесняли ее назад, и вскоре Беатрис оказалась у входа на трап. Если бы она тогда попыталась снова подняться по нему...

Должно быть, это была паника, которой она поддалась тогда, испугавшись толпы людей на сходнях. Ею овладела одна мысль: скорее домой. Прочь от этого шума и толпы. Прочь от массы, которая могла задушить и растоптать ее. Это чувство Беатрис помнила много лет. Но, может быть, она тогда ничего не чувствовала и ни о чем не думала. Она была в шоке, и поступки ее были безрассудны и нелепы. Каким-то образом, усталая и измотанная, она добралась до дома, трясущимися руками извлекла из тайника под клумбой запасной ключ, отперла дом и вползла в него, как вползает в нору лиса, спасающаяся от охотников и своры их псов.

Незнакомец ободряюще улыбнулся.

— Все это не беда, крошка, — сказал он, — теперь ты не одна.

— Вы отвезете меня к моим родителям? — спросила Беатрис.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Нет, не получится. Пока никто не может уехать отсюда в Англию, и, то же самое, никто не может из Англии приехать сюда.

— Но когда...

— Когда мы займем всю Англию, тогда это будет не проблема, — ответил он.

Собственно, только в этот момент Беатрис осознала, что напротив нее сидит немец. Поэтому он так смешно произносит английские слова, поэтому на нем какая-то странная форма. Он был не таким страшным, какими она представляла себе немцев. Он принес ей воды, вместо того чтобы ее застрелить, и, кажется, был готов и дальше ей помогать. Но одновременно Беатрис охватило бездонное отчаяние; теперь, когда

оцепенение прошло, она с беспощадной ясностью поняла, что Дебора и Эндрю далеко, и что пройдет немало лет, прежде чем она сможет снова их увидеть.

— Что мне теперь делать? — прошептала она.

— Мы люди, а не звери, — сказал человек, — с тобой не случится ничего плохого.

— Но я хочу к маме! — Беатрис понимала, что ведет себя как малое дитя; она была готова расплакаться.

— Теперь ты должна стать мужественной юной дамой, — произнес человек, и в его голосе впервые проскользнули нотки нетерпения. — Не будет никакой пользы, если ты станешь плакать и жаловаться. Когда-нибудь ты снова увидишь своих родителей, а до этого веди себя так, чтобы они могли тобой гордиться.

Беатрис сдержала слезы и кивнула. Возможно, этот человек и сам не понял, что произнес решающую фразу, которая помогла Беатрис пережить все предстоявшие годы.

Она поведет себя так, что Дебора и Эндрю смогут ею гордиться.

— И зачем ты вступила в переписку с этой женщиной? — удивленно спросил Кевин. — Ведь ты с ней едва знакома!

— Я знаю, — ответила Беатрис, — но она задает очень интересные вопросы. Она, кажется, действительно хочет больше узнать обо мне, Хелин и нашей жизни. Почему бы мне не рассказать ей об этом?

Она сидела за столом на кухне Кевина и смотрела, как он готовит. Кевин пригласил ее на ужин в благодарность за одолженные ему деньги, но предложил Беатрис прийти пораньше, чтобы составить ему компанию, пока он будет готовить. Он знал, что Беатрис это нравится. Она с удовольствием сидела в его уютной небольшой кухне, обставленной белой лакированной мебелью, пила вино, курила сигареты и непринужденно болтала с хозяином. Беатрис часто говорила, что ни одна вещь на свете так ее не успокаивает и не умиротворяет, как эти встречи, особенно, если на них не было Хелин.

— Эта... как ее? — Франка? Эта Франка живет в Германии и интересуется биографиями двух совершенно незнакомых ей женщин с островка в Ла-Манше? Я нахожу этот интерес в высшей степени странным. Надеюсь, у этой Франки нет несерьезных намерений.

Беатрис рассмеялась. Она прикурила сигарету и с наслаждением затянулась.

— Какого рода могут быть эти несерьезные намерения?

Кевин задумался.

— Может быть, она хочет каким-то образом добыть денег.

— Как это вообще возможно? Я уж не говорю о том, что у нас с Хелин и взять-то особенно нечего.

Кевин задумчиво покачал головой.

— Ты слишком доверчива и немного наивна. Я бы никогда не стал рассказывать о себе незнакомому человеку.

— Она совершенно безвредна. Это молодая женщина с какими-то сложными проблемами. Она почему-то кажется мне очень одинокой.

— Она замужем?

— Да.

— Значит, она не одинока!

— Тот факт, что человек состоит в браке, еще не говорит о том, что он не страдает от одиночества! Одиноким можно быть и в браке! — Беатрис

поморщилась. — Долго еще ты собираешься тереть эти помидоры? От них скоро вообще ничего не останется.

Кевин перестал трудиться над помидорами.

— С овощами лишняя предосторожность не повредит, — заметил он. — Ты же не хочешь, чтобы я тебя отравил?

— Я думаю, что это твои собственные овощи, с экологически чистого огорода.

— Ну ладно, уговорила. Но дело ведь не только в пестицидах. Есть еще и бактерии, которые вокруг нас летают.

— Такой старухе, как я, пережившей на своем веку массу бактерий, они уже не страшны, — сказала Беатрис. Она откинулась на спинку стула и окинула Кевина озабоченным взглядом.

— Последнее время ты чем-то сильно встревожен, часто отсутствуешь. Тебя что-то сильно удручает.

— У меня небольшие финансовые трудности, ты же знаешь.

— До сих пор?

— Твой чек мне очень помог. Даже не знаю, как тебя отблагодарить, — сказал Кевин, но улыбка, сопровождавшая его слова, показалась Беатрис искусственной. — У меня все в порядке.

— Точно?

— Да, точно. Беатрис, прошу тебя, не надо на меня так пронизательно смотреть! Давай поговорим о чем-нибудь другом. Мы хотим приятно провести вечер, не будем поэтому касаться неприятных тем.

Она откликнулась на его просьбу.

— Ну, хорошо, — проговорила она, — не будем о грустном. У тебя в доме очень красиво, Кевин. Я не знаю ни одного человека, у которого была бы такая прелестная, такая кристально чистая кухня. Когда я вспоминаю кухню Алана в Лондоне, то понимаю, что там тоже чисто, но неуютно и холодно.

— Несмотря на это, ты, конечно же, рада, что твой сын не я, а Алан. Матери часто не могут примириться с нетрадиционной ориентацией сыновей.

Беатрис на мгновение задумалась.

— Думаю, что они не могут примириться с тем, что их сыновья несчастливы. Стиль и качество отношений, в которые мы вступаем — вот что решает, будем мы счастливы или нет. Гомосексуальность влечет за собой массу разных проблем, и ты знаешь это лучше меня. Но то, как живет Алан, видит бог, очень сильно меня огорчает. Он нигде не чувствует себя дома. Думаю, что у него множество мимолетных любовных связей, но

нет надежных, серьезных отношений.

— Может быть, это как раз та жизнь, которая ему нравится, — предположил Кевин. Он собрался подвергнуть салат той же экзекуции, что и помидоры. — И я думаю, что для него лучше менять женщин в постели, чем липнуть к этой шлюшке Майе!

Беатрис покачала головой.

— Боюсь, что к Майе он уже прилип, и в этом состоит его единственная проблема. Он одержим этой женщиной. Он не может представить себе ни одну другую женщину на ее месте. Это мешает ему завязать по-настоящему серьезные отношения. Иногда я отчаянно боюсь за него.

— Он еще на острове?

— Нет, вечером моего дня рождения он улетел в Лондон. Вероятно, теперь я увижу его только на Рождество.

Кевин внезапно насторожился, лицо его приняло напряженное выражение.

— Ты ничего не слышала?

Беатрис удивленно воззрилась на него.

— Нет, а что?

— Мне показалось, что кто-то ходит у дверей.

— Пойди, посмотри! Между прочим, любой, кто захочет прийти к тебе в гости, может просто войти в дом.

— Нет, — ответил Кевин, — я запер дверь. Ты уверена, что ничего не слышала?

Беатрис встала.

— Пойду, посмотрю, — с этими словами она вышла в маленькую прихожую. Кевин действительно запер дверь, а для верности, еще и накинул цепочку. Беатрис открыла дверь и выглянула наружу. За дверью никого не было, только на заборе лежала кошка, гревшаяся на теплом сентябрьском солнышке. Неподалеку от дома, на фоне голубого вечернего неба четко вырисовывались контуры церкви Святого Филиппа де Тортеваля. Цветы и кусты, которыми густо порос двор, поблескивали красноватым оттенком в лучах клонившегося к закату солнца. Беатрис сделала глубокий вдох. «Как же здесь хорошо», — подумалось ей. Деревушка Тортеваль на юго-западной оконечности острова нравилась ей даже больше, чем ее родной Ле-Вариуф. От Тортеваля можно было пешком дойти до подножия Плейнмонт-Пойнта, а дикие скалы, пенящийся прибой, жесткая плоская трава, которую гнул на гребнях сильный ветер, нравились ей куда больше, чем милый пейзаж юга. Плейнмонт был любимым ее

местом. Если ей хотелось побыть одной, отдаться своим мыслям и чувствам, она приезжала в Плейнмонт.

Она вернулась на кухню.

— Там никого нет, — объявила она, — кроме кошки.

— Значит, мне показалось. Ты заперла дверь?

— С каких это пор ты начал запирается? Нет, я оставила дверь открытой.

— В наше время нельзя быть таким легкомысленным. Кругом полно воров.

Она рассмеялась.

— Но не на Гернси!

Она посмотрела, как он укладывает в миску отмытый, наконец, до нужной кондиции салат. «Кевин становится каким-то странным, — подумалось ей. — Болезненная страсть к чистоте, боязнь взлома... Наверное, он слишком долго живет один». Насколько она могла судить по своему опыту, у одиноких людей часто начинаются странные чудачества. Такие люди склонны заниматься только собой, с утра до вечера носят с одними и теми же мыслями о себе и своих проблемах. Тут-то и появляются странности.

Бедный Кевин.

Чуткий Кевин сразу уловил, что Беатрис думает о нем, и решил сменить тему.

— Ты будешь и дальше писать этой женщине в Германию?

— Почему нет? В старости становишься болтливым, и если появляется человек, готовый с интересом тебя слушать, то почему бы этим не воспользоваться?

— Потому что не стоит беречь старые раны и баламутить то, что уже давно осело.

Беатрис принялась внимательно рассматривать дым сигареты.

— Не знаю, осело оно или нет, — произнесла она наконец. — Думаю, что нет. Есть вещи и мысли, которые никогда не исчезают. Их вытесняют, но это не значит, что с ними раз и навсегда покончено.

— Люди почему-то говорят, что вытеснение — это плохо, но на мой взгляд, это вздор, — сказал Кевин. — Модная болтовня психологов. Почему нельзя вытеснить неприятности, если так легче жить? Я уверен, что тебе будет спокойнее, если ты не будешь будоражить ужасные воспоминания о прошлом. Зачем, собственно? У тебя есть твое прекрасное, хорошо налаженное бытие. Забудь вещи, которые когда-то разрывали тебе сердце.

— Забыть их я, так или иначе, все равно не смогу. Есть воспоминания,

липкие, как клей. От них, как ни крути, все равно не избавишься. Иногда говорить о них легче, чем все время пытаться не выпустить их наружу.

— Тебе виднее, — коротко заметил Кевин.

Огненно-красные лучи заходящего солнца достигли окна, и кухня вспыхнула, как костер. Кевин расставлял на столе тарелки и столовые приборы. Еще пара минут, и солнце опустится за горизонт. Над землей разольются мягкие, смутные сумерки позднего лета.

Мысли Беатрис блуждали. Всю вторую половину дня она занималась тем, что писала письмо Франке, но письмо она не отослала и не была уверена, что сделает это. Кевин считает ее поведение в высшей степени странным, это она заметила, и, возможно, он прав. Она слишком плохо знает эту женщину, чтобы вот так, с готовностью, раскрывать перед ней свою жизнь.

«С другой стороны, — подумала Беатрис, — я ничего особенного ей и не раскрываю. Она немка, пару раз побывала на Гернси, заинтересовалась событиями, которые происходили на островах больше пятидесяти лет назад. Я описала ей пару фактов, вот и все».

Но Беатрис чувствовала, что обманывает себя. Она честно описала незнакомому человеку чувства и страхи покинутой маленькой девочки, забившейся в угол гостиной и с ужасом слушавшей рев самолетов, доставлявших на остров немецких оккупантов. Она позволила этой незнакомке заглянуть в свою душу, открылась перед ней так, как не открывалась перед собственным сыном. Впрочем, Алан отреагировал бы на такую откровенность зевком, сказав, что его не интересуют «покрытые пылью веков истории», как он их обычно называл.

«Может быть, действительно стоит покончить с этой перепиской, — подумала Беатрис. — Франка воспитанная, осторожная женщина. Если я хотя бы намекну ей, что не хочу дальнейшего общения, она тотчас от меня отстанет. Да, я могу в любой момент прекратить переписку».

Во-первых, ей надо меньше думать об этом деле. Она попыталась внимательно слушать Кевина, который пустился в рассуждения о растущей во всем мире преступности. Ей стало интересно, почему у Кевина в последнее время появилась навязчивая идея о взломе: по ее мнению, у него просто нечего было брать. Она была почти уверена в том, что он скоро появится в Ле-Вариуфе и снова попросит чек. Вероятно, на этот раз он обратится к Хелин.

Хелин питала явную слабость к Кевину, которого считала образцовым молодым человеком. Он был вежлив, опрятен, ухожен и не менял, подобно другим холостякам, женщин, как перчатки. Типичным для Хелин было то,

что она успешно вытеснила мысли о его гомосексуальности, не допуская размышлений о том, что Кевин постоянно бегаёт за *мужчинами*. Так же мало беспокоил её и тот факт, что Кевин, несмотря на свою любовь к порядку и педантичность, до сих пор не смог устроить свою жизнь, жил не по средствам и, в отличие от Алана, все время попрошайничал. «Хелин, — подумалось Беатрис, — была великим мастером избирательного восприятия реальности. Она подправляла положение вещей до тех пор, пока они не начинали составлять угодную ей картину».

Но со временем Хелин не сможет помогать Кевину. Неважно, сколько она сумела скопить, деньги все равно когда-нибудь, да кончатся.

Мыслями она вернулась к Хелин, а, значит, и к Франке. Сегодня она написала ей длинное письмо. В саду она удобно расположилась на плетеном стуле, положила ноги на другой стул, а на колени, вместо стола, подложила толстую книгу. День опять был необычайно теплым, но кусты уже пожелтели, а небо было холодного, светло-голубого цвета.

Хелин не было дома, она отправилась на чай к Мэй, и Беатрис надеялась, что она пробудет в гостях до вечера. Ей было лучше, когда Хелин отсутствовала, ей, казалось, было легче дышать без неё.

Беатрис так начала письмо к Франке: «Хелин Фельдман украла у меня жизнь».

Она тотчас зачеркнула это предложение и замазала его так, чтобы никто и никогда не смог его прочесть. Это было слишком, такого она не могла доверить незнакомке. Мало того, такого она не могла доверить кому бы то ни было. Такого она ни разу не говорила даже Мэй. Больше того, она никогда так не думала. Ощущение жило внутри неё, но жило молча, и она сама никогда не осмеливалась внятно его сформулировать — слишком ужасным было бы такое осознание правды. Украденная жизнь — это не украденный автомобиль. Абсолютная невосполнимость утраты повергла Беатрис в панику, душила, лишала воздуха. Когда она зачеркивала написанную фразу с такой силой, что едва не порвала обложку подложенной книги, Беатрис одновременно пыталась изгнать фразу из памяти, прекрасно при этом понимая, что ей это не удастся. То, что когда-то жило, невозможно уничтожить одним росчерком пера. Было ясно, что отныне эти роковые слова ещё сильнее запечатлелись в её мозгу.

Новое письмо она начала с ничего не значивших банальностей, с пары фраз о погоде, о том, что на острове очень давно не было дождя. Только после этого она начала писать о прошлом, о *тех* временах, с того момента, когда в родительском доме появился Эрих Фельдман.

ГЕРНСИ, ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1940 ГОДА

Он так и не ушел. Он осмотрелся и с непоколебимой убежденностью в голосе произнес: «Здесь хорошо. Просто отлично. Я остаюсь здесь».

В комнату вошел второй немецкий солдат, очень молодой, почти мальчик. Они с офицером о чем-то заговорили, но так как говорили они по-немецки, то Беатрис не поняла ни одного слова. Человек, который ее обнаружил и извлек из укрытия, сказал, что его зовут Эрих Фельдман, и теперь она мысленно снова и снова произносила это трудное имя. Эрих Фельдман.

Эрих указал на девочку и что-то сказал. Молодой солдат послушно кивнул, потом подошел к Беатрис и взял ее за руку.

— Пойдем, посмотрим, не осталось ли на кухне еды.

У солдата были теплые дружелюбные глаза, а по-английски он говорил почти безупречно. Беатрис пошла за ним на кухню. Там очень плохо пахло. Солнечный жар застоялся в четырех стенах, отчего скисло оставленное в кухне молоко.

— Нам нужен лед, — сказал солдат после того, как открыл дверь холодильника и сморщил нос от отвращения, — здесь все растаяло.

Он порылся в шкафах, что Беатрис восприняла очень болезненно, как невыносимое вторжение. Это же кухонный шкаф Деборы! Но она сказала себе, что у солдата были самые добрые намерения. Он хотел найти еду для нее.

— Как вас зовут? — тихо спросила она.

— Вильгельм, но все называют меня просто Виль. А как зовут тебя?

— Беатрис.

— Красивое имя, Беатрис. Как называют тебя люди?

— Они называют меня так, как меня зовут.

— И папа? И мама? Разве у них нет для тебя уменьшительного имени?

В горле Беатрис встал ком.

— Моя мама... — голос девочки прозвучал сдавленно, — моя мама часто называет меня Би.

— Если не возражаешь, я тоже буду тебя так называть, — он испытующе посмотрел на ребенка. — Или этим именем тебя может называть только мама?

Ком в горле стал давить сильнее. Еще секунда, и она расплачется. Но Беатрис не хотела плакать, не хотела, чтобы он взял ее на руки, погладил по голове и принялся утешать. Она чувствовала, что он непременно это

сделает. Солдат смотрел на нее с искренним сочувствием и теплотой.

Она справилась. Она глотала, глотала и глотала и, наконец, проглотила подступившие к глазам слезы.

— По мне лучше, если вы будете называть меня Беатрис, — сказала она наконец.

Он тихо вздохнул.

— Ну, ладно. Слушай, Беатрис, в кухне ничего нет. Все заплесневело или протухло. Боюсь, что тебе придется еще немного потерпеть. Но вечером ты обязательно поешь, это я тебе обещаю.

Собственно говоря, есть ей не хотелось, но она промолчала. Взрослые всегда упрямо пытаются запихнуть в ребенка как можно больше еды. Наверное, немцы в этом отношении ничем не отличаются от англичан.

— Можно я пойду в свою комнату? — спросила она.

Виль кивнул. Было видно, что он огорчен. Беатрис почувствовала, что обидела его — ведь ему так хотелось ее утешить и успокоить.

«Но, может быть, я не хочу утешения от немца», — злобно подумала она. Не сказав больше ни слова, она повернулась и поднялась к себе.

В ее комнате все было как всегда. Здесь ничего не изменилось с момента панического бегства семьи. Розовый коврик, небесно-голубой комод с зеркалом, маленькие картины с видами острова, кровать, на которой рядком сидели куклы и игрушечные звери, письменный стол, белый лакированный платяной шкаф — все казалось мирным, не тронутым пронесшейся бурей. Толстая пчела с ожесточенным гудением отчаянно билась в оконное стекло. Беатрис открыла окно, и пчела исчезла в синеве неба, облегченно и деловито зажужжав.

В комнату полилось тепло летнего дня, запахло розами, которые росли под окном — аромат их был сладким и томным. Розы — больше, чем все остальные предметы — внушали ей покой, который до сих пор был основой, непоколебимым, как скала, устоем ее жизни. До сих пор она не понимала, как размеренность и несокрушимость определяли для нее каждый день и каждый час жизни. Предчувствие говорило ей, что старые времена никогда не вернуться, но она изо всех сил цеплялась за надежду, что весь этот кошмар минует, и все станет таким, каким было когда-то.

Всю вторую половину дня Беатрис просидела на кровати — выпрямив спину и сведя ноги — как храбрая школьница, которой, правда, не шли всклокоченные волосы, усталое лицо и голодные глаза. Она слышала, что в доме происходит какая-то шумная суэта. Подъезжали и отъезжали автомобили, из всех комнат доносились громкие голоса и восклицания. Звуки немецкой речи казались ей угрожающими, потому что она не

понимала ни единого слова, и не могла поэтому знать, не говорят ли эти люди о ней и о том, что с ней будет дальше.

Она преодолела желание взять в руки куклу или игрушечную зверюшку. Это показалось ей неуместным. Мир вокруг нее перевернулся и показал ей лицо, не имевшее ничего общего с прежним. Детство кончилось. Оно кончилось внезапно, без постепенного, легкого перехода к новой жизни. Беатрис никогда больше не найдет утешения, обняв плюшевого мишку или любимую куклу.

Ранним вечером в комнату заглянул Виль и сказал, чтобы Беатрис спускалась к ужину. Беатрис по-прежнему не ощущала голода, но подчинилась требованию солдата. Внизу, в прихожей, стояли ящики и коробки. Сквозь распахнутую настежь входную дверь Беатрис увидела вездеход, в котором сидели и болтали двое немецких солдат. Они подставляли лица вечернему солнцу и весело смеялись. Они ничем не напоминали о войне, они были похожи на двух молодых людей, наслаждающихся отпуском и свободой.

«Для них это игра», — содрогнувшись, подумала Беатрис.

В столовой находились Эрих и еще три немецких офицера. Они стояли вокруг обеденного стола, курили и разговаривали на своем языке. Стол был уставлен лучшим фарфором Деборы, стояли на нем хрустальные фужеры, а рядом с тарелками лежали серебряные ножи и вилки. Этой посудой и столовыми приборами в семье пользовались только по праздникам — на Рождество, Пасху и на дни рождений. Но немцы превратили эту фамильную ценность в обычную посуду. Или для них сегодня был особый день? Наверное, они решили отпраздновать захват острова. Во всех канделябрах горели свечи. На буфете стояла большая стеклянная ваза, из которой торчали розы самых разных оттенков и размеров. Дверь в сад была открыта. Солнце ярко освещало зелень лужайки. Впервые за много дней в небе не было слышно рева авиационных моторов. В саду щебетали птицы и свистели сверчки. Беатрис вдруг ощутила раздражение от того, что несмотря на разыгравшуюся на нем драму, остров несколько не изменился.

Эрих обернулся к Беатрис, когда она вошла в столовую и улыбнулся.

— Это и есть та самая юная дама, — сказал он на своем ломаном английском. — Господа, позвольте представить вам мисс Беатрис Стюарт.

Он ничего не добавил к этим словам — но, может быть, он сказал офицерам об этом раньше — что в отсутствие ее родителей это был ее дом. Он обращался с Беатрис как с запоздавшей гостьей, которую поэтому пришлось представлять особо.

Имена господ ускользнули от слуха Беатрис, она их не поняла, и они

были ей неинтересны. Она поняла лишь, что все они были офицеры. К самому Эриху все почтительно обращались «герр майор». Он держал себя как хозяин дома, приказав Вилью, который, как поняла девочка, был его денщиком, принести из подвала и разлить вино. Беатрис помнила, как гордился отец своим винным погребом; она пришла в ярость, видя, как Эрих Фельдман в своей гордыне пренебрегает этикетом и правилами приличия, ведя себя так, словно это вино принадлежало ему.

Повар принес еду. Этот человек был худ и бледен, но дело свое, видимо, знал превосходно. Во всяком случае, он приготовил отличный ужин из пяти блюд. Весь день Эрих занимался доставкой в дом провизии. Беатрис не могла понять: немцы привезли все эти продукты с собой или просто конфисковали их у жителей острова? Она едва притронулась к пище и пила только апельсиновый сок, который поставил перед ней Виль. Мужчины разговаривали по-немецки и громко смеялись, видимо, пребывая в прекрасном настроении. Только когда перешли к десерту, Эрих повернулся к Беатрис.

— С завтрашнего дня Виль будет каждый день по два часа учить тебя немецкому языку. Думаю, ты быстро выучишь наш язык. В твоём возрасте люди ещё очень восприимчивы.

— Кроме того, выглядит она, как умная маленькая леди, — заметил один из офицеров и по-отечески подмигнул Беатрис.

— Зачем мне учить немецкий? — спросила она. — Я же не собираюсь жить в Германии.

После этих слов в столовой повисла оглушительная тишина. Виль, собиравшийся долить вино в бокалы, застыл на месте с бутылкой в руке. Потом Эрих расхохотался — громко, но — как показалось Беатрис — не весело, а, скорее, злобно.

— Нет, моя дорогая девочка, это и правда просто восхитительно! Но в твоём возрасте люди не способны трезво взглянуть в глаза реальности. Ты уже живешь в Германии. Разве тебе это ещё не понятно?

— Я... — начала было Беатрис, но Эрих не дал ей договорить.

— Ты должна уяснить это раз и навсегда, и чем скорее, тем лучше. Все здесь, все ваши острова — это уже Германия!

Одному из офицеров, вероятно, показалось, что Беатрис, наверное, потрясена событиями последних дней и сейчас не самый подходящий момент пичкать её идейным багажом национал-социализма.

— Малышка наверняка устала, — робко сказал он, — и, к тому же, она...

— Она устала, да, но это она должна знать! — заорал Эрих. Язык его

заплетался, и говорил он очень громко. В глазах его появился стальной блеск. Беатрис показалось, что выпил он не так уж много, наверное, он просто не умел пить или плохо переносил алкоголь. Ей даже показалось, что если он встанет и выйдет из-за стола, то будет шататься.

— Весь мир, — изрек Эрих, — станет Германией. Понимаешь? Север, восток, юг, запад — куда ни посмотришь, куда ни пойдешь, везде будет Германия. Неужели ты не замечаешь, с какой неудержимостью мы занимаем одну страну за другой? Где народ, который смог бы оказать нам сопротивление? Назови мне его! Скажи, кто сильнее нас? — вызываясь сверкнув глазами, он посмотрел на Беатрис.

— Она же еще совсем ребенок, — снова заговорил другой офицер.

Эрих стремительно обернулся к нему, как хищная птица, нацелившаяся на свою жертву.

— В этом-то все и дело! Именно поэтому она должна понять, как сильно изменился мир, в котором она живет. От старого мира не осталось камня на камне. Ничто — и она должна твердо это усвоить — ничто не будет таким, каким было раньше!

Все молчали. В наэлектризованном воздухе висело эхо слов Эриха. Виль снова принялся наливать вино. Какое-то время был слышен лишь тихий стук ножей и вилок и звон бокалов. Беатрис искоса взглянула на Эриха. Щеки его горели неестественно ярким румянцем. Он торопливо опрокинул бокал вина. Беатрис почти физически ощутила угрозу, исходившую от этого человека. В нем чувствовалось какое-то необузданное злодейство. Днем, когда Беатрис увидела его впервые, она этого не почувствовала, но теперь его жестокость была ей ясно видна. Наверное, надо было немного спиртного, чтобы пробудить в нем эту сторону его натуры.

Покончив с едой, Беатрис тотчас встала и пошла наверх. Мужчины внизу, видимо, пили много, так как их голоса и смех становились все громче. Но голос Эриха можно было узнать безошибочно — он орал громче всех.

Беатрис попыталась отсечь эти голоса от сознания. Она встала у широко открытого окна и глубоко вдохнула тепло ясного, светлого июньского вечера. Она подумала о маме и папе, постаравшись как можно ярче представить себе их. Где они сейчас? Удачно ли добрались до Англии? Конечно же, они сходят с ума от тревоги за свое дитя. Думает ли сейчас о ней Дебора? Может быть, их мысли сейчас встретились где-то на середине разделившего их расстояния. Беатрис чувствовала и знала, что мама, точно так же, как и она, всматривается в ночную темноту и тоскует по дочери.

— Не тревожься, мама, — прошептала она, — я уже большая и смогу все это перенести. Не бойся за меня, мы скоро встретимся, это не может длиться вечно.

Она почти надеялась, что Виль поднимется к ней в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, но он не пришел, и Беатрис разделась и легла в кровать. Она не пошла в ванную, хотя вода, мыло и зубная паста были бы ей сейчас очень приятны после долгого перерыва, но она боялась по дороге в ванную встретить Эриха, и от одной этой мысли ей стало очень беспокойно на душе. Но, без сна пролежав в постели целый час, она поняла, что может, конечно долго воздерживаться от мытья, но без туалета она не продержится и десяти минут. Она встала и тихонько прошмыгнула в ванную. Снизу не было слышно ни единого звука. Беатрис заперла за собой дверь и, облегченно вздохнув, прислонилась к ней спиной. Увидев в большом зеркале свое отражение, девочка испугалась: на нее смотрел бледный призрак. Она сильно похудела и осунулась, щеки ввалились, заострились черты лица, в ставших огромными глазах застыло испуганное выражение. Длинные темно-русые волосы свисали с головы прямыми, как солома, прядями, сваялись на плечах, потеряли упругость и блеск. Неужели длинная белая ночная рубашка и раньше так свободно на ней болталась?

Оказавшись в ванной, Беатрис умылась, почистила зубы и причесалась. После этого она стала выглядеть лучше, и лучше стало ее самочувствие. Она оценивающе смотрела на себя в зеркало, когда ее внезапно посетила отчетливая мысль: мне нельзя здесь оставаться. Это мой дом, но они его заняли, а этот человек очень опасен. Мне надо найти способ уйти.

Эта мысль так напугала Беатрис, что у нее бешено застучало сердце, и ей, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за раковину. До сих пор она считала дом надежным оплотом среди царившего вокруг хаоса, и сама мысль о том, чтобы оставить эту крепость, внушала ей страх. Но это было не так, потому что дом перестал быть родным. Он находился в руках врага, и в каждый момент мог стать для нее ловушкой. Теперь для Беатрис были важны люди — люди, которые бы ее любили и смогли бы защитить.

На острове у нее было много друзей; проблема заключалась только в том, что она не знала, кто из них остался здесь. Она видела гигантское скопление людей в гавани, и ей теперь казалось, что на острове не осталось не только ни одного местного жителя, но и ни одной английской кошки. В конце концов, она стала последней, кто...

— Ты узнаешь это только в том случае, если начнешь искать, — тихо

сказала она себе.

Дебора говорила, что Мэй и ее семья тоже эвакуируются, но точно мама этого не знала, и вполне возможно, что Мэй и ее родители все еще находятся на Гернси. Тоска по любимой подруге стала почти нестерпимой. Нельзя терять ни одной минуты, надо идти.

Она прошмыгнула в свою комнату и с быстротой молнии оделась. Надела она школьную форму, так как она ей понадобится, когда настанет время идти в школу. В маленький, обтянутый полотном чемоданчик, который раньше принадлежал ее куклам, она положила белье, длинные брюки и свитер. Пока этого хватит, в случае чего, можно будет одолжить какую-нибудь одежду у Мэй. Если бы только она была здесь! Беатрис коротко помолилась, бесшумно открыла дверь своей комнаты, проскользнула по коридору и начала спускаться по лестнице, ловко переступая скрипучие ступеньки, которые она знала, как свои пять пальцев.

В маленькой прихожей она перевела дух. Она уже собралась взять из гардероба круглую матросскую шляпу, когда услышала за спиной негромкий шум. Обернувшись, девочка увидела Эриха, неподвижно стоявшего в проеме двери гостиной.

Комната за его спиной была залита лунным светом, превратившим Эриха в темный безликий силуэт. Беатрис слышала, как он дышал, распространяя вокруг себя запах спиртного. Она тоже не произнесла ни слова, и так они некоторое время стояли, молча глядя друг на друга. Потом тень сделала какое-то движение и вспыхнул свет.

Беатрис зажмурилась, потом открыла глаза. Лицо Эриха было бледным, как у призрака. Выглядел он совсем не так, как три часа назад за ужином, когда щеки его были багрово-красными, а сам он выглядел жирным и противным. Теперь же даже его губы потеряли цвет, он весь выглядел эфемерным, бессильным и больным.

— Ах, вы только посмотрите на нее, — сказал Эрих. Он сильно тянул слова, но Беатрис уже заметила, что по-английски он говорил намного медленнее, чем по-немецки. — Ты хочешь переехать отсюда?

У ног Беатрис стоял чемодан, поэтому было бессмысленно говорить, что она собралась в сад полюбоваться луной.

— Я хочу уйти к моей подруге Мэй, — сказала Беатрис.

— К твоей подруге Мэй? И где, позволь узнать, она живет?

— Внизу, в деревне.

— Гм. Так она не эвакуировалась?

Точно Беатрис этого не знала, но смело ответила:

— Нет, она не эвакуировалась.

Бледность Эриха стала еще более мертвенной, но голос звучал, по-прежнему уверенно и спокойно.

— Ага. Но почему ты решила прокрасться к ней сейчас, сквозь ночь и туман? Почему не подождала утра, чтобы обсудить это дело со мной?

Беатрис не знала, хватит ли ей смелости сказать ему правду, но потом решила, что в сущности терять ей нечего.

— Я была уверена, что вы не разрешите.

Он улыбнулся. Улыбка не была злой, но в ней не было и дружелюбия.

— Ты была в этом уверена? И ты подумала: давай-ка я из осторожности обведу старика вокруг пальца и пушусь из дома в ночь и туман.

— Мэй и ее родители для меня все равно, что вторая семья. Я...

Он еще раз улыбнулся.

— Ты хотя бы на момент задумалась о том, какие хлопоты ты бы мне причинила?

«Она бы причинила ему хлопоты? Может быть, и так», — подумалось ей. Он действительно позаботился о ней, хорошо к ней отнесся с первого же момента, да и вообще она не могла сказать о нем ничего плохого, если не считать его злобных речей за ужином. Они ей совсем не понравились. Беатрис молчала.

Пот, выступивший на лбу Эриха, собрался в мелкие блестящие капельки. Кажется, ему было плохо.

— Тебе надо знать, Беатрис, что я чувствую за тебя ответственность, — сказал он, — и, точнее было бы сказать, что я не просто чувствую свою ответственность, я и в самом деле за тебя отвечаю. Это я нашел тебя в гостиной, дрожащей от страха и отчаяния, покинутую всем миром, и с этого момента я за тебя отвечаю. Возможно, ты чувствуешь себя взрослой, и ты, без сомнения, развита не по годам, но ты — ребенок, и нуждаешься в человеке, который бы о тебе заботился. Твоих родителей здесь нет, и, как я уже сказал, пройдет еще какое-то время, прежде чем ты с ними увидишься. На это время — и я хочу, чтобы ты хорошенько это поняла — этим человеком буду я. Я, можно сказать, твой опекун. Это означает... — он сделал короткую паузу, а затем заговорил — медленно, но четко и отдельно. — Это означает, что ты будешь делать то, что я тебе скажу. Ты живешь в моем доме, под моим присмотром. Это ясно?

— Я вас поняла, — холодно сказала Беатрис.

Надежда увидеть Мэй рухнула. Было бы неразумно пытаться во второй раз покинуть дом.

— Возможно, ты попытаешься убежать еще раз, — сказал Эрих,

словно прочитав мысли Беатрис, — но ты должна понять, что это абсолютно бессмысленная затея. Мы живем, как тебе известно, на острове, и этот остров забит немецкими солдатами. Здесь нет ни одного уголка, который бы мы не контролировали. Это значит, что я всегда без всякого труда тебя найду, стоит мне лишь пошевелить пальцем. У тебя нет никаких шансов, Беатрис, и ты должна хорошо это понять.

— Зачем вам непременно нужно, чтобы я осталась здесь? — спросила Беатрис. — Зачем, если я могла бы жить у подруги?

Он поморщился, и девочка поняла, что он сыт по горло этим объяснением и не намерен дальше продолжать дискуссию.

— Я решил, что ты останешься здесь, — сказал он, — и это решение неизменно и окончательно, и чем скорее ты смиришься с этой мыслью, тем проще будет нам обоим. А теперь поднимайся наверх, снимай свою красивую школьную форму и ложись спать. Ты выглядишь усталой.

«А ты выглядишь больным», — злобно подумала Беатрис, но ничего не сказала и, молча повернувшись, стала подниматься по лестнице, держа в руке свой кукольный чемодан. Войдя в свою комнату она решительно закрыла за собой дверь. Через несколько секунд до нее донесся звук тяжелых шагов Эриха. Он сходил в ванную, а потом направился в спальню родителей Беатрис. Из всех угрожающих, отчуждающих и страшных моментов сегодняшнего дня этот подействовал на девочку наиболее угнетающе. Было невыразимо тяжело слышать, как немецкий офицер, не колеблясь, занял спальню Деборы и Эндрю, сделав ее своей собственностью.

Ровно через три недели на Гернси приехала Хелена Фельдман.

За эти три недели Беатрис постепенно оправилась от потрясения, которое едва не свалило ее с ног, но все же каждый день воспринимался как кошмарный сон, ужас которого заключался, прежде всего, в том, что было ясно, что этот кошмар повторится и завтра и через месяц. Не было никаких признаков того, что немцы собираются покинуть острова или что произойдет событие, которое их к этому принудит. Целых две недели Беатрис надеялась на приход британской армии, ждала, что вот-вот в небе появятся английские самолеты, в море — английские корабли, а на остров ворвутся доблестные английские солдаты и к дьяволу прогонят нацистов. Но ничего такого не произошло, и она начала догадываться, что в Лондоне — по крайней мере, пока — лишь пытаются понять, как справиться с тем, что случилось.

Все знают, что немцы работают основательно, быстро и очень организованно. Говорят, что они без лишних разговоров приступают к делу

и выполняют его умело и энергично. Оставшиеся на островах местные жители с удивлением убедились в том, что немцы полностью оправдали свою репутацию.

Улицы быстро изменились до неузнаваемости. Мало того, что на улицах кишмя кишели люди в немецкой военной форме, а на общественных зданиях развевались флаги со свастикой — менялись на немецкие английские названия улиц, больших зданий и учреждений.

Замок Корнет, мощная крепость, главная часть облика Сент-Питер-Порта, стал называться Гафеншлоссом. Живописная деревушка Тортеваль превратилась в Шпицкирхен из-за высокого шпиля местной церкви. Был обнародован указ пользоваться только новыми названиями, но местные жители и не думали его выполнять, и, в конечном счете, немцы так и не смогли их к этому принудить.

Для англичан хуже было то, что немцы ввели новые правила дорожного движения. Если прежде оно было левосторонним, то теперь стало — как в континентальной Европе — правосторонним. Это приводило к путанице даже среди немцев, так как дорожные указатели были приспособлены к старым правилам, а быстро поменять знаки было не под силу даже организованным немцам. Но автомобили и без того остались лишь у очень немногих жителей острова. У многих машины были конфискованы, для того, чтобы иметь машину, требовалось особое разрешение, а их, как правило, давали только владельцам сельскохозяйственных машин и товарных фургонов. Бензин был нормирован, продавали его только за марки, так же, как и продукты питания.

Немцы объявили о запрете всех объединений и ассоциаций, включая даже такую безобидную, как ассоциацию любителей бриджа. На острове был введен комендантский час. Местным жителям было запрещено вечерами выходить из домов. Было предписано как можно быстрее восстановить полностью разрушенное незадолго до оккупации школьное здание. Главной задачей школы стало теперь преподавание немецкого языка.

Июль выдался жарким, сухим и очень грустным. Беатрис не делала больше попыток уйти из дома. Она теперь все время занималась розами, которые внушали ей чувство связи с отцом. Эрих наблюдал за занятиями Беатрис со снисходительной усмешкой, но терпел.

— Сейчас не время для цветов и всяких безделушек, — говорил он. — Идет война. Но я, в конце концов, не против того, чтобы ты занималась садом, Беатрис.

Эрих, как и обещал, настоял на том, чтобы девочка каждый день учила немецкий язык с Вилем. Беатрис ненавидела эти уроки, но она сказала себе, что оккупация острова закончится не завтра, и, поэтому будет даже полезно знать язык врага.

Тем не менее, она хорошо ладилась с Вилем. Между ними довольно скоро завязалась дружба. Виль заменил ей старшего брата, которого Беатрис всегда хотела иметь. Она надеялась, что Виль будет жить в их доме, вместе с ней и Эрихом, но Эрих, видимо, считал это неуместным и поселил Вилю в маленькой комнатке под крышей сарая, где обычно ночевали помощники, которых время от времени нанимал Эндрю. Дебора уютно обставила комнатку с косыми побеленными стенами; чердачное окно она занавесила цветастыми занавесками, колыхавшимися от дуновений летнего ветерка; кровать могла днем служить кушеткой. В комнате стоял круглый стол и плетеное кресло. В углу стоял умывальник с зеркалом и маленькая электрическая плита с чайником. Виль сказал, что на уроки будет приходить в дом, но Беатрис заявила, что лучше будет сама приходить в сарай к Вилю. Виль согласился без лишних вопросов, и Беатрис догадалась, что солдат понял ее: так у девочки появлялась возможность хотя бы на два шага выйти из круга, очерченного для нее Эрихом. Ему она сказала, что в доме невозможно сосредоточиться, и Эриху нечего было на это возразить, так как в доме постоянно толпились офицеры, происходили совещания, подъезжали и отъезжали автомашины и вообще постоянно происходила суэта и стоял вечный шум.

Итак, каждый день, в три часа, Беатрис взбиралась по крутой лесенке во владения Виля, чтобы до пяти часов сражаться с трудными запутанными правилами немецкой грамматики. Виль неизменно встречал ее кружкой чая и парой бодрых, приправленных юмором, слов. Виль ни разу не рискнул в присутствии Беатрис плохо отзываться об Эрихе, но она очень скоро поняла, что Виль недолго любит своего начальника. Не нравилась Вилю и роль солдата оккупационной армии, но и это свое отношение он остерегался облекать в слова.

Только один раз он едва не коснулся этой взрывоопасной темы; это случилось, когда Беатрис пришла на урок на несколько минут раньше положенного и застала его за столом, когда Виль писал письмо. Он как раз положил ручку на стол и принялся смотреть в окно на раскаленное, пылавшее жаром и обещающее грозу июльское небо. Близость непогоды вселяла в людей и животных странное волнение. Лицо Виля было печальным, что почему-то глубоко тронуло Беатрис.

— Виль, — нерешительно окликнула она его.

Он вздрогнул, оттого, что не слышал, как она вошла.

— Ах, это ты, — сказал он. Лицо его разгладилось, перед Беатрис был прежний веселый Виль, умевший и подбодрить и рассмешить. Но Беатрис видела, что Виллю совсем не до смеха.

— Я как раз только что поставил чайник, — сказал он. — Или ты не хочешь пить чай в такую жару?

— Я бы лучше выпила холодной воды, — ответила Беатрис, и после короткой паузы добавила: — У тебя было такое грустное лицо, Виль. Что-нибудь случилось?

Виль налил воду в два стакана и поставил их на стол.

— Я только что написал письмо родителям. И как-то... — он пожал плечами.

— У тебя ностальгия? — спросила Беатрис.

Виль помедлил, потом кивнул.

— Я скучаю по семье. Но ты и сама знаешь, как это бывает.

Они серьезно посмотрели друг на друга — одиннадцатилетняя девочка и взрослый мужчина. В этот миг они были объединены общей болью, которая крепко связала их, невзирая на стены, воздвигнутые языковым барьером, происхождением и войной. Наконец Беатрис тихо произнесла:

— Но я не по своей воле разлучилась с моими родителями. Они...

— Ах, знаешь, Беатрис, не все так просто. Если ты думаешь, что я хотел оказаться в том положении, в котором сейчас нахожусь... — в его голосе прозвучала такая горечь, какой она никогда в нем не подозревала. — Не думай, что все немецкие солдаты рады тому, что происходит, — торопливо произнес он, но, вдруг сообразив, что зашел, пожалуй, слишком далеко, он улыбнулся и сказал: — Но не будем касаться этих тем. Ты пришла, чтобы заниматься немецким языком. Покажешь мне домашнее задание? Я уверен, что ты опять не сделала ни одной ошибки!

«Он боится Эриха», — догадалась Беатрис. Эриха боялись все. Многие солдаты, ежедневно приходившие в дом, вели себя с унижительной покорностью, которую Беатрис замечала, даже не понимая языка. Никто не осмеливался перечить ему даже в мелочах. Беатрис решила, что такая осторожность вызвана полной непредсказуемостью этого типа. Никогда еще она не встречала человека, настроение которого менялось бы в течение дня так часто и так разительно. Иногда ей казалось, что она имеет дело с совершенно разными людьми, но постепенно Беатрис заметила, что колебания настроения Эриха подчиняются известной закономерности.

Ранним утром он выглядел утомленным, разбитым, плохо выглядел и почти не разговаривал. Он едва притрагивался к завтраку, пил только

крепкий черный кофе, с которым лихорадочно выкуривал свою первую сигарету. Потом настроение его быстро поднималось, и одновременно улучшался внешний вид. Щеки розовели, глаза начинали блестеть. Эрих становился словоохотливым, оживлялся и даже проявлял известную сердечность. В этой фазе его не смущали даже плохие новости, а каждого, кто к нему обращался, Эрих щедро одаривал сигаретами и шнапсом.

После полудня настроение Эриха Фельдмана снова начинало катиться под гору, но теперь не было и следа утренней усталости и разбитости. Теперь Эриха сотрясала лихорадочная нервозность. Он не мог усидеть на месте, носился взад и вперед, курил, как одержимый, одну сигарету за другой и набрасывался на всех, кто попадался ему под руку. Руки его дрожали так сильно, что он с трудом подносил к губам чашку кофе. В пять часов — в этот момент можно было проверять часы — он достигал низшей точки, после чего происходил перелом. Эрих становился болтливым и добродушно, хотя и весьма своеобразно настроенным человеком, каким Беатрис запомнила его по первому ужину. После шести часов он пил аперитивы с гостями — каждый вечер Эрих приглашал на ужин офицеров — а потом принимался за вино, от которого быстро краснел, как рак, и при разговоре начинал бешено жестикулировать. Он смеялся и громко вещал, излагая свои теории о положении в мире, но потом неизбежно наступал момент, когда он вдруг съеживался и изнемогал. На него сразу, без перехода и видимой причины наваливалась свинцовая усталость, и он впадал в меланхолию, граничившую с депрессией. Кожа белела, губы становились пепельно-серыми. В таком состоянии Эрих часто принимался бродить по комнатам и что-то невнятно бормотать себе под нос.

Однажды, в конце июля, перед началом урока немецкого, Виль понизил голос и с таинственной улыбкой сказал:

— Сегодня мы ждем миссис Фельдман. Она приедет в пять часов.

До этого момента Беатрис даже не догадывалась, что Эрих женат.

— Правда? — удивленно спросила она.

Виль кивнул.

— Говорят, она не хотела приезжать, но майор Фельдман настоял на своем. Ну да, наверное, ему не очень весело живется здесь одному.

Беатрис потребовалось несколько секунд, чтобы оправиться от охватившего ее ужаса. Нет, ей, конечно, не нравилось быть в доме весь день наедине с Эрихом, но это положение стало ей привычным и, по меньшей мере, знакомым. Неизвестная миссис Фельдман вселяла страх. Может быть, она окажется тиранкой и сделает жизнь Беатрис окончательно

невыносимой.

— Ах, Виль, — вздохнула девочка. — И какая она, эта миссис Фельдман?

— Я ее не знаю, — огорченно ответил Виль, — но говорят, что она очень красивая.

Это еще больше обескуражило Беатрис. Она живо представила себе элегантную светскую даму, которая ворвется в дом, как киношная дива, и начнет над всем насмехаться. Наверное, дом покажется ей слишком убогим, и она примется все здесь переделывать и перестраивать. У Эриха, занимавшего на острове высокий пост, и жена должна быть выдающаяся.

В этот день у Беатрис и без того было плохое настроение. Она весь день ждала, что вдруг получит какую-нибудь весть от родителей, но ни писем, ни открыток не было, да и телефон молчал, хотя Беатрис смотрела на него, как заклинатель на змею. Да еще Виль сказал, что это не поможет, потому что нет никакого сообщения между Англией и островами. Но Беатрис, вопреки голосу рассудка, надеялась, что родители найдут какой-нибудь способ передать дочери весточку из Лондона. Но весточка не пришла, и на душе у девочки было пасмурно. Она все еще была не в состоянии плакать от жестоких перемен, случившихся в ее жизни, но переполнявшая душу боль становилась все сильнее. К тому же за завтраком Эрих грубо отругал ее. Он обратился к ней по-немецки, и, убедившись, что она его не поняла, страшно разозлился, так как, по его мнению, она слишком медленно делала успехи.

— Чем вы с Вилем занимаетесь в этом сарае каждый день по два часа? — заорал он. Обычная утренняя сонливость сменилась приступом ярости. — Вы, что, в бирюльки играете, или как? — он злобно уставился на Беатрис. — И вообще, это неприлично, что ты сидишь в комнатке наедине с молодым человеком, мне бы давно следовало об этом подумать. Отныне он будет приходить сюда и заниматься с тобой под моим надзором, понятно?

К счастью, к полудню он пришел в хорошее расположение духа, и когда Беатрис попрощалась с ним, чтобы идти к Вилю, Эрих, кажется, забыл о своем утреннем распоряжении, так как лишь рассеянно кивнул и добавил:

— Да, иди и будь прилежной, слышишь? Я возлагаю на тебя большие надежды.

Беатрис не поняла, что Эрих хотел сказать последней фразой, но она ее успокоила.

Она пожаловалась Вилю на непредсказуемость настроения Эриха, и молодой человек осторожно ответил, что многие замечают за ним эту

особенность, и она давно стала притчей во языцех на острове.

— Правда, я приблизительно знаю, когда не надо попадаться ему на глаза, — сказала Беатрис и тихо добавила: — Когда же все это, наконец, кончится?

Урок в этот день не задался. Виль никак не мог сосредоточиться, а Беатрис делала больше ошибок, чем обычно. Под конец Виль вручил ей какую-то книгу и сказал, что к завтрашнему дню она должна постараться прочесть первую главу.

— Теперь иди, — сказал он, — и не переживай. Может быть, миссис Фельдман окажется очень милой.

У Беатрис не было ни малейшего желания сталкиваться даже с одним из четы Фельдманов, и она сбежала в сад, к своему любимому месту — к известняковой белой стене, у которой отец выращивал виноград. Остров был не самым подходящим местом для лозы, но если ее поддержать, выбрать для нее защищенное от ветра солнечное место, то лоза благодарно отвечала на заботу. Белая стена, которую Эндрю построил своими руками, отражала свет и тепло, делясь ими с лозами, и семья каждый год собирала неплохой урожай винограда. Но Беатрис заметила, что запустение проникло и сюда. Из-под земли выползли сорняки и распространились по всему винограднику.

— Бедный сад, — прошептала девочка, — но я ничем не могу тебе помочь. Я ничего не могу сделать.

Она полистала книгу и попыталась читать первый рассказ, но слишком многие слова оказались ей непонятны, и смысл предложений ускользал от нее. Потеряв терпение и расстроившись, Беатрис закрыла книгу. «Наверное, я никогда не выучу этот язык», — устало подумала она.

От жары девочку стало клонить в сон, и она действительно, на какое-то время задремала. Она проснулась от каких-то звуков, и в первый момент не могла понять, что это. Однако вскоре до нее дошло, что где-то неподалеку плачет женщина. Беатрис встала, решив посмотреть, кто это.

Женщина, согнувшись, сидела по ту сторону известняковой стены, возле сложенной из камней поилки для птиц. Воду в поилку давно никто не наливал, и изо всех щелей торчали толстые подушки мха. Женщина выпрямилась, и Беатрис заметила зеленые травяные пятна на ее белом летнем платье. Женщина закрывала лицо руками, рыдания были сдавленными, но становились все сильнее. Светлые волосы женщины отблескивали красноватым цветом вечернего солнца. Волосы были собраны в высокую прическу, но некоторые заколки выпали, и длинные пряди ниспадали на плечи женщины.

Инстинктивно Беатрис сразу поняла, что видит перед собой миссис Фельдман.

— Привет, — нерешительно произнесла она.

Миссис Фельдман рывком подняла голову и уставилась на Беатрис. Лицо женщины было мокрым от слез, глаза сильно покраснели. Может быть, из-за этого женщина показалась Беатрис очень молодой, вероятно, она была вдвое моложе Эриха. На женщине было красивое элегантное платье из дорогой материи, но ничего великосветского в ней не было. Скорее, она была похожа на маленькую, заблудившуюся девочку, которая никак не может найти дорогу домой.

— Привет, — ответила женщина и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Она, кажется, решила встать, но не могла собраться с силами.

— Должно быть, ты — Беатрис, — сказала женщина. По-английски она говорила с меньшим акцентом, чем ее муж, но чаще запинаясь, подыскивая нужное слово. — Мой муж рассказал мне о тебе. Меня зовут Хелин Фельдман.

Хелин порылась в кармане, вытащила платок и вытерла нос.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я думала, что в саду никого нет. Наверное, я произвела на тебя странное впечатление, — голос ее дрожал. Казалось, она вот-вот снова заплачет.

— Я сидела там, за стенкой, — сказала Беатрис, — и пыталась читать эту книгу, — она подняла книгу, которую дал ей Виль. — Но я почти ничего не понимаю. Я стараюсь выучить немецкий, но дело продвигается очень плохо.

— У тебя все получится, — сказала Хелин. — В твоем возрасте учатся быстро. Иногда кажется, что ничего не выходит, но тут вдруг открываются шлюзы, и потом уже не понимаешь, как все это могло казаться трудным. Вот увидишь, скоро тебе будут сниться сны на немецком языке.

Эта перспектива не утешила Беатрис, но она поняла, что Хелин желала ей добра. Страх перед неведомой миссис Фельдман рассеялся, но вспыхнувшая на секунду надежда найти человека, который бы обнял ее и вник в ее боль, исчезла так же быстро, как и появилась. Наверное, Хелин хотела казаться взрослой женщиной, но на деле была похожа на выпавшего из гнезда птенца. Ее утешение ограничивалось беспомощными попытками подыскать нужные слова, и пока она их искала, в ее глазах можно было прочесть отчаянную мольбу об утешении.

Хелин снова расплакалась и сквозь слезы, заикаясь, принялась извиняться, но никак не могла остановиться, несмотря на все свои старания. Беатрис немного подождала, потом села на край поросшей мхом

поилки рядом с Хелин и нерешительно положила ей руку на плечо.

Этого движения оказалось достаточно, для того чтобы Хелин потеряла всякие остатки самообладания. Она разразилась рыданиями и уронила голову на плечо Беатрис.

— Все будет хорошо, — сказала Беатрис, сама не веря в истинность этих слов и не понимая, в чем заключаются страдания Хелин. Хелин плакала долго, но постепенно успокоилась и перестала дрожать. Казалось, у нее появилась надежда, хотя она, вероятно, и сама не могла бы сказать, что это за надежда. Но в одиннадцатилетней Беатрис она нашла долгожданную опору, за которую и ухватилась изо всех сил.

— И так остается до сих пор, — произнесла Беатрис вслух, и Кевин, который только что поставил на стол миску с овощами, удивленно посмотрел на свою гостью.

— Что остается?

— Ничего. Просто я только что подумала о Хелин. О нашей первой встрече в саду среди роз.

— Я же говорил тебе, что не надо так много думать о прошлом.

— Странно, — задумчиво сказала Беатрис, — но когда начинаешь о чем-то вспоминать, всплывает так много мелких деталей. Вспоминаешь вещи, которые, казалось бы, давно улетучились из памяти. Но вдруг они оказываются рядом.

— И что же тебе вспомнилось? — спросил Кевин. — Какие важные детали?

— Я отчетливо вспомнила платье, которое было на Хелин в тот день. Я очень ясно вижу его перед собой. Еще вчера я ни за что не смогла бы его описать, а теперь очень хорошо представляю, как оно выглядело.

Кевин поставил на стол картошку.

— И что же особенного было в том платье?

— Ничего. Меня заинтересовал сам процесс припоминания. Платье Хелин было точно таким же, как ее нынешняя одежда. Романтическая, вычурная, девическая. Она так и не поменяла стиль. Как будто застыла на одной ступени и не смогла подняться выше.

— Да, она такая.

— Но я думаю о другом. Хелин сидела в моих объятьях и плакала. Она плакала долго, а когда слезы ее иссякли, она растворилась во мне. И тогда она сказала...

— Что она сказала? — быстро спросил Кевин, так как Беатрис запнулась.

— По существу, она сказала, что я отважная маленькая девочка, что я сильная, что я сама буду направлять свою жизнь и... и бесстрашно встречу все, что приготовит мне судьба.

— Умная женщина, — заметил Кевин. — Она была права. При этом она тебя совсем не знала.

Беатрис устала встать на пламя свечей, отблеск которого плясал на стенах.

— Еще она сказала, что сама она никогда не станет такой и не сможет так жить. Она никогда не будет жить так, как ей хочется.

Кевин аккуратно разложил картофель, овощи и рыбу в заранее подогретые тарелки.

— В этом вся Хелин, — сказал он, — но это не новость. Она все время так говорит.

— Но тогда, — упрямо произнесла Беатрис, — она сказала это в первый раз. Мне следовало бы поостеречься. Она не просто жаловалась и плакалась, как она делает это сегодня. В ее голосе была зависть. Неприкрытая, отвратительная зависть. Позже я не слышала ноток зависти, так как она сумела подавить ее, точнее, она выработала подходящую тактику, чтобы скрывать это чувство. Она просто решила — возможно, подсознательно, но от этого не менее жестко — уподобить мою жизнь ее жизни. При этом своими страхами, заботами и сотнями предосторожностей она сузила и ограничила мою жизнь, сделав ее такой же стесненной, как и ее собственное существование. Чтобы облегчить свое положение, она нашла товарища по несчастью. Тем, что Хелин принесла меня в жертву, сама она избавилась от этой роли. В тот день в саду она начала превращать меня в часть своей неудавшейся, ограниченной и несчастной жизни.

Кевин разлил вино и сел за стол напротив Беатрис.

— Если бы ты тогда смогла это предвидеть, — сказал он, — что, на мой взгляд, было совершенно невозможно для одиннадцатилетней девочки — но если бы ты тогда распознала ее зависть и сделала из этого правильные выводы, то что бы это изменило? Была бы у тебя возможность поступить по-другому?

— Нет, — ответила Беатрис. — давай есть, пока все не остыло.

Среди ночи Франка проснулась от кошмарного сновидения. Она не смогла тотчас вспомнить содержание сна, но все ее тело было мокрым от пота, сердце сильно стучало, а внутри она ощущала странную дрожь. Лежа на спине, она смотрела в темноту, и в этот миг перед ее внутренним взором возникли картины сновидения. Франка тихо застонала. Рядом заворочался Михаэль, и Франка затаила дыхание, чтобы не разбудить мужа. Спал он очень чутко и к тому же обладал безошибочным чутьем на душевное состояние Франки. Он бы тотчас заметил, что ей нехорошо, стал бы осыпать ее раздраженными упреками или советами, от которых она чувствовала себя еще более несчастной. Дело дошло до того, что она охотнее поделилась бы своими неприятностями с трубочистом, чем с собственным мужем, хотя, по ее разумению, их брак вступил уже в такую фазу, когда супруги в критических ситуациях могут безусловно положиться друг на друга.

Но, наверное, их кризис слишком затянулся. Видимо, так бы возразил ей Михаэль, если бы она вздумала изложить ему свое понимание брака.

— Естественно, в критических, тяжелых положениях надо стоять друг за друга, — сказал бы он, — но если кризис длится годами, то партнеры теряют точки соприкосновения. В этом случае жертва должна каким-то образом научиться вытаскивать себя из болота за волосы.

Михаэль очень часто и охотно употреблял это выражение. Вероятно, вытаскивание себя за волосы из болота представлялось ему воплощением силы и решительности. Сам Михаэль искренне считал, что не меньше десятка раз сам вытаскивал себя за волосы из болота, но Франка была твердо убеждена, что, во-первых, Михаэль никогда в жизни не оказывался в болоте, а, во-вторых, такой трюк просто физически невозможен.

«Люди нуждаются в помощи, — думала Франка, — люди всегда нуждаются в помощи».

Подумав, она решила, что слово «люди» здесь не подходит. Надо говорить «я». Это она, Франка, нуждается в помощи. Михаэль в ней просто никогда не нуждался.

Она бесшумно встала. Франка не стала искать халат из опасения разбудить Михаэля, а просто выскользнула из комнаты и спустилась вниз. Ей стало холодно, тело было мокрым от пота. Так недолго и простудиться, надо одеться. В гостиной она нашла шерстяное одеяло, завернулась в него

и села в кресло у окна. За косо висевшими жалюзи не было видно никаких признаков рассвета. Ночь была черна и глубока, беспросветная октябрьская ночь, от которой пахло сыростью, опадающей листвой и холодом, который продлится теперь долго — до самой весны. Франка дрожала под толстым, мягким одеялом, но это была внутренняя дрожь, дрожь неизбывного одиночества.

Утром она написала Беатрис письмо. Оно касалось рассказа Беатрис о ее первой встрече с Хелин Фельдман и об Эрике, о перепадах его настроения и о его непредсказуемости. «Возможно ли, что он принимал психотропные лекарства? — писала Франка. — Это могли быть успокаивающие, возбуждающие средства или антидепрессанты — по потребности? То, что Вы пишете, подтверждает такую мысль. Вероятно, ему приходилось принимать все большие и большие дозы, и фазы поведения становились все более и более отчетливыми».

Потом Франка рискнула написать кое-что и о себе — о своих сильно мучивших ее кошмарных снах, о некоторых событиях из своей жизни, которые до сих пор не дают ей покоя, но не довела свой рассказ до конца, написав в заключение несколько ничего не значащих фраз. Франке казалось, что Беатрис едва ли проявит интерес к тому, что она собиралась ей сказать. Сама Беатрис уже многое поведала Франке и, вероятно, будет делать это и дальше, потому что ей многое надо высказать. Но так же вероятно, что она внезапно прекратит писать Франке, решив отступить и больше не тревожить свою память. Но совершенно очевидно, что Беатрис не имеет ни малейшего желания вступать в переписку по поводу ее, Франки, проблем. По сравнению с тем, что пережила Беатрис, проблемы Франки — суцая банальность.

В кошмаре, который только что ей приснился и из-за которого она теперь, съжившись, в холодном поту, с дрожью и бьющимся как у загнанного зверя сердцем, сидела, свернувшись под одеялом, она снова стояла перед классом, и свора бешеных псов неистово радовалась ее мучениям.

Михаэль, которому она рассказывала об этом повторяющемся сне, держался того мнения, что Франка в своем толковании преувеличивает истинное положение вещей.

— Никакая это не свора, которая радуется твоим мукам! Это всего лишь пара-другая детей, тихо сидящих на своих местах и пытающихся уследить за твоими объяснениями, каковыми они уже сыты по горло — и не только твоими, но и объяснениями всех твоих коллег. Ну, разве что они чувствуют, что при тебе они могут немного подебоширить, а при других

учителях — нет. Дети — как щенки. Они просто испытывают, насколько далеко им позволят зайти. Но только ты решаешь, где должна проходить эта граница.

Она часто думала об этом, думала, что, наверное это так, что жестокость ее учеников направлена не против нее, как личности, а против всякого, кто не может от этой жестокости защититься. Правда, в итоге, результат оказывается именно таким. Она была жертвой, а жертвы редко возбуждают сострадание. В лучшем случае, оно бывает окрашено легким презрением. В худшем — жертва навлекает на себя все новые и новые мучения и издевательства. Наступает момент, когда травля жертвы превращается в спорт, и ученики наперегонки начинают пробовать, существует ли на свете такая жестокость, которая заставит Франку Пальмер либо покончить с собой, либо, сломя голову, бежать прочь из школы.

Они не останавливались ни перед чем. Они блокировали двери лифта, когда она хотела выйти, и ей приходилось возвращаться на первый этаж. Они брызгали чернила на ее одежду, прикрепляли бумажки с непристойностями к спине ее жакета. Они прокалывали шины ее автомобиля, рисовали на доске уродливые шаржи и подкладывали ей в сумку собачий кал. Стоило ей во время урока произнести слово, как оно тут же тонуло в воплях и улюлюканье. Коллеги стали жаловаться на шум, доносившийся из классов, где Франка вела уроки. Кто-то пожаловался директору, и тот неожиданно явился в класс во время урока. Вероятно, у него возникло впечатление, будто во вверенной ему школе началась гражданская война. Ученики пускали на уроках бумажные самолетки, стреляли из рогаток бумажными шариками, скакали по столам и стульям, некоторые царапали на доске каракули и с громкими воплями стирали их мокрой губкой. В открытые окна летели куски мела, а две девочки, устроившись у зеркала над умывальником, старательно красили ресницы. Где-то среди всего этого хаоса стояла Франка и рассказывала об английской революции семнадцатого века. В это время она как раз испытывала новую тактику, с помощью которой хотела справиться с катастрофическим положением. В тот день она решила игнорировать шум и вести урок так, словно в классе царит идеальный порядок. Вопли и гул продолжались, как ни в чем не бывало, новое средство наведения порядка себя не оправдало, а Франка и без того была слишком утомлена, чтобы и дальше продолжать борьбу.

Директора она сначала не увидела, но зато сразу заметила, что ученики прекратили крик, мел и бумажные шарики перестали мелькать в воздухе, а девочки у зеркала торопливо попрыгали тушь в косметички и шмыгнули на

свои места. Франка не обольщалась ни секунды, понимая, что в ее поведении ничто не могло вызвать такую метаморфозу. Она уже давно потеряла веру и в свои силы и в чудо, которое одно могло ее спасти. Потом она почувствовала за спиной какое-то движение воздуха и обернулась, почувствовав, что сильно побледнела, увидев директора.

Директор дождался полной тишины — она наступила уже через секунду, а потом загредел на весь класс: «Что здесь происходит?»

Ответом было гробовое молчание. Ученики трусливо смотрели в пол, боясь ненароком улыбнуться. Директора уважали и побаивались.

— Кто староста? — спросил он.

Староста смущенно поднял руку. Директор еще раз поинтересовался причинами беспорядка, и староста, естественно, ничего не смог ответить.

— Скоро выходные, — нерешительно пролепетал он, и теперь на некоторых лицах появились робкие улыбки.

Директор обернулся к Франке, которая, беспомощно опустив руки, стояла у стола, страшно боясь, что от нее разит потом.

— На перемене зайдите ко мне, коллега, — сказал директор, направился к двери и, не попрощавшись, вышел в коридор.

Во время беседы директор выказал даже некоторое дружелюбие; скорее, он был озабочен, огорчен и полон сострадания. Такого унижения Франка не испытывала за всю свою жизнь. Очевидно, на нее пожаловались коллеги, и она, сама того не зная, давно стала обузой для школы. Директор тактично, но недвусмысленно посоветовал Франке обратиться к психологу, так как у этих трудностей есть какие-то реальные основания.

Даже сейчас, ежась под одеялом в гостиной, Франка отчетливо помнила это ощущение: как будто ей прилюдно дали пощечину. Вспомнила она и свое, как всегда, глубоко затаенное, возмущение: «Почему меня? Почему никому не приходит в голову послать на кушетку психоаналитика этих взбесившихся чудовищ?»

Припомнила она и жестокое равнодушие коллег. Как часто она словом и взглядом молила их о поддержке. Она постоянно заговаривала об особенно трудных учениках, всем своим видом прося коллег сказать что-нибудь вроде: «О, я понимаю, о чем Вы говорите. У меня самой большие проблемы с...» Но такой фразы она так никогда и не услышала. Напротив, всем им доставляло какое-то поистине садистское удовольствие говорить нечто противоположное тому, что она хотела слышать. Они охотно твердили, что именно с этим учеником, и именно с этим классом у них никогда не было никаких трудностей. У них вообще никогда не было никаких трудностей. Она видела, как сильно они настроены против нее,

чувствовала, как они топчут ее «я», вместо того чтобы поделиться с ней хотя бы малой толикой своих сил. Франке открылась жестокая правда старого высказывания, которое она прежде всегда воспринимала, как штамп: кто лежит на полу, того пинают.

Так оно и есть. Они пинали ее ради собственной потехи. Утром Франка принимала успокаивающие таблетки, чтобы только заставить себя идти в школу. Она начала страдать нарушениями сна и приступами удушья. У нее появились боли в животе, и она пошла к врачу, который нашел у нее гастрит.

— У вас скоро будет язва, — предостерег он Франку. — Вам надо уменьшить стресс и избегать волнений.

В ответ Франка горько рассмеялась. Этот смех до сих пор звучал у нее в ушах. С равным успехом доктор мог посоветовать ей достать луну с неба и повесить в гостиной. Стресс и волнение усиливались с каждым днем. Франка килограммами теряла вес, так как практически не могла есть. Если же она пыталась что-нибудь съесть, ее немедленно рвало. Все это продолжалось на удивление долго, прежде чем Михаэль, наконец, заметил, что здоровье Франки серьезно расстроено. Поплотнее завернувшись в одеяло, Франка подумала, что в этом-то как раз не было ничего удивительного. Это было типично для мужа. Рядом с Михаэлем можно было издохнуть, и он бы этого не заметил.

Правда, однажды — насколько Франка помнила, это было за завтраком — он внимательно посмотрел на жену и почти с упреком сказал, что она, кажется, стала более стройной.

— Если не сказать, тощей. Что случилось? Ты сидишь на диете?

Естественно, он уже слышал истории о проколотых шинах, видел пятна чернил на одежде Франки, но не представлял себе и малой доли тех издевательств, которым ежедневно подвергалась его жена.

— Мне нехорошо, — невнятно пробормотала она. Предстоял рабочий день, и Франка в зеркале видела, что лицо у нее уже приняло зеленоватый оттенок.

— Если ты плохо себя чувствуешь, то надо показаться врачу, — сказал Михаэль снова, на этот раз внимательнее присмотрелся к жене и добавил: — Ты и правда плохо выглядишь. Какая-нибудь затянувшаяся болезнь?

— Наверное, простуда.

— Сходи к врачу, — повторил он, поднялся из-за стола и стоя допил кофе. Михаэль, как всегда, куда-то опаздывал.

Она осторожно пошевелилась в коконе одеяла. Это сидение в коконе

было символом ее существования — ущербного, дрожащего, под колпаком, защищавшим ее от мира. «Откуда, — в который раз спрашивала она себя, — берут люди силу, чтобы жить? Где тот таинственный источник, из которого они черпают?» Откуда брала маленькая Беатрис силы, чтобы перенести крах своего раз и навсегда устоявшегося мира? Беатрис, как поняла из ее писем Франка, обладала замечательной способностью применяться к обстоятельствам, но при этом не отрекалась от собственной личности. Она ни к кому не примазывалась, не втиралась ни к кому в доверие, не смотрела ни к кому в рот, но не противилась неизбежному и наилучшим образом пользовалась тем, что было у нее под рукой. Она учила немецкий, чтобы понимать врагов. Она завязала дружбу с Вилем, чтобы иметь союзника, на которого в случае нужды можно было опереться. Она изо всех сил старалась не попадаться на глаза Эриху, так как чувствовала исходящую от него опасность, но встретившись с ним, всякий раз была вежлива и обходительна. Сумела она справиться также с тревогой и страхом за родителей. В письмах не было ни одного слова о нытье и жалобах, хотя у Франки создалось впечатление, что Беатрис много недель пребывала в состоянии тяжелого потрясения. Больше всего она страдала от осознания самоуверенности, с какой Эрих присвоил себе дом ее родителей. Она оказалась под бесконтрольной властью Эриха Фельдмана, и все ее существо восстало против нее.

Франка попыталась представить себе ощущения Беатрис, видящей, как чужаки захватывают ее дом и ведут себя так, словно это их собственность. Это было нечто куда более унижительное, нежели просто захват чужого имущества. Чужие сапоги, топавшие по ступеням лестницы, чужие руки, закрывавшие и открывавшие окна и двери, чужие рты, пьющие вино из бокалов — все это причиняло душе неизгладимые, вечные раны, грозившие навсегда уничтожить исконную уверенность в себе, уничтожить чувство неприкосновенности собственной территории.

На лестнице послышались тихие шаги, и Франка затаила дыхание. Вспыхнувший свет ослепил ее. В дверях стоял Михаэль, выставив напоказ свою безупречную фигуру — на муже не было ничего, кроме плавок. В глазах Михаэля застыло удивление.

— Франка, — сказал он, — что ты здесь делаешь?

Она сама понимала, что являет собой довольно странное зрелище. Она не произнесла в ответ ни слова, только робко и виновато улыбнулась.

— Время — половина третьего, — сказал Михаэль, — почему ты не в постели?

— Я была в постели, — ответила Франка.

— Знаю. Но почему ты встала? Почему сидишь здесь и пялишься в темноту? Могла бы почитать или посмотреть телевизор.

«Конечно, — подумала она, испытав прилив раздражения, — если человек не спит, то он непременно должен что-то делать, а не просто таращить глаза».

— Я думала, — сказала она.

Михаэль тяжело вздохнул; он чувствовал себя воспитателем, столкнувшимся с трудным ребенком, со строптивостью которого он никак не может справиться.

— О чем же ты думала? — раздраженно спросил он. — О твоих учениках? О старых временах?

Он не мог знать о содержании ее кошмарного сновидения, но своим замечанием о «старых временах» Михаэль — и он прекрасно это знал — попал в самую точку. Франка не испытывала ни малейшего желания что-то ему рассказывать.

— Тебя разочарует мой ответ, — сказала она, — но я думала не об этом.

— Ты в этом уверена?

— Да, уверена.

— Ну-ну, — произнес Михаэль, переступив с ноги на ногу. Очевидно, ему стало холодно. — В таком случае, ты наверняка думала о своей подруге англичанке.

— И что?

Михаэль передернул плечами.

— Боже мой, ты же говорила, что старухе уже за семьдесят! Чем же она тебя так очаровала?

— Не думаю, что тебя это на самом деле интересует.

Он прищурил глаза, почувствовав в голосе жены непривычную резкость — резкость, которую она давно не проявляла или тщательно подавляла.

— Я бы не стал спрашивать, если бы это меня не интересовало.

Удивительно, но у Франки не было никакого желания что-то ему объяснить. Вместо этого она посмотрела на свои длинные, голые ноги и подумала: когда он в последний раз с ней спал? Это было, пожалуй, года полтора назад. Он в тот раз ходил на какой-то официальный ужин, ходил, как всегда, без нее. Домой он вернулся далеко за полночь, немного навеселе и в превосходном настроении. Франка уже спала, но проснулась, когда он лег рядом и обнял ее обеими руками.

— Что такое? — сонно спросила она. Как обычно, она приняла на ночь

снотворное, и теперь ей смертельно хотелось спать.

— Ты красивая, — пробормотал он, — ты потрясающе красивая.

Практически, он никогда ей этого не говорил, и его слова так ее удивили, что она, пожалуй, даже обрадовалась. Она позволила ему ласкать себя, хотя секса ей не хотелось. Она чувствовала себя слишком несчастной и разбитой, чтобы испытывать какие-то эротические чувства. С тихим стоном Михаэль перекатился на нее, а Франка все время пыталась убедить себя в том, что все в порядке, что прекрасно быть желанной и пробуждать в мужчине телесный интерес. Но внутренний голос был неумолим: Михаэль жаждал вовсе не ее. На вечере какая-то другая женщина — участница торжества — возбудила его, а она, Франка, стала случайным эротическим объектом, подвернувшимся ему под руку. Потом такие случаи не повторялись, и Михаэль ни разу больше не сказал, что она красивая.

— Ты вообще воспринимаешь меня, как женщину? — спросила она. — Как женщину в сексуальном смысле?

— Что ты хочешь знать? — раздраженно спросил он.

— Я хочу знать то, о чем только что спросила.

По лицу Михаэля пробежало какое-то подобие улыбки, она мелькнула и исчезла, но ее оказалось достаточно, чтобы Франка поняла, какой видит ее муж. В его улыбке, она как в зеркале увидела саму себя — завернутую в одеяло, замерзшую, мучимую кошмаром, изгнавшим ее из постели, слабую. Она разглядела в этом зеркале слабого человека. В мимике мужа она прочитала, что он видит в ней только одно это качество, и вопрос ее показался ему глупым и неуместным.

Она встала и стряхнула с себя одеяло, но не почувствовала себя от этого ни более свободной, ни более сильной.

— Забудь, — сказала она, — просто забудь мой вопрос. С моей стороны было глупо об этом спрашивать.

— Послушай... — начал он нерешительно, но она тотчас перебила его:

— Я не хочу больше об этом говорить. Я сказала глупость, и, прошу тебя, не думай больше об этом.

— Ну, хорошо, — он не стал настаивать, но Франка была слишком сильно уязвлена, чтобы радоваться одержанной ею маленькой победе.

Михаэль повернулся и направился к лестнице.

— Ты пойдешь спать? — спросил он.

— Нет, ты иди, а я, пожалуй, действительно посмотрю телевизор. Едва ли я смогу заснуть.

Михаэль, казалось, хотел сказать что-то еще, но передумал и зашлепал босыми ногами по плиткам прихожей.

Франка прижала пылающий лоб к холодному стеклу окна. Свобода. Только бы ей освободиться. Освободиться от мучительных воспоминаний, от старых образов и чувств. Освободиться от самой себя.

24 декабря 1999 года

Дорогая Франка,

сегодня Рождество, и я отправляю Вам целую кипу писем. Наверняка Вы уже подумали, что я больше ничего не хочу о вас знать, так как долго не подавала Вам никаких вестей. Но, как видите, я прилежно написала Вам целых десять писем — я их аккуратно пересчитала — просто какое-то чувство мешало мне вовремя их отправить. Не спрашивайте меня, что это за чувство. Возможно, мне мешает то, что пока Вы для меня чужой человек, что, с одной стороны, располагает меня к тому, чтобы делиться с Вами вещами, которые я, до сих пор, держала при себе; но это же обстоятельство и останавливает меня и заставляет о многом задумываться. Я все время спрашиваю себя: зачем я Вам пишу, и каждый раз не могу дать на этот вопрос удовлетворительного ответа. Эти размышления делают меня сдержанной и неразговорчивой, или, лучше сказать, мало расположенной к письмам. Еще точнее было бы сказать, что я готова писать, но не готова отсылать Вам написанное. Каждый раз мне думается: я делаю это для себя. Я пишу о плохих и хороших воспоминаниях, а потом складываю написанное в ящик стола, где оно медленно покрывается пылью.

Написание писем напоминает мне лавину. Сначала с горы скатывается немного снега, но потом его становится все больше и больше, и вот вместе с ним уже катятся валуны, земля и вырванные с корнем деревья. В конце концов, обвал с грохотом рушится в долину, и никакая сила на свете не может его остановить. Я уже не могу и не хочу прекращать писать. Так как мне, естественно, не чуждо тщеславие, а Ваш интерес мне очень льстит, я сегодня соберусь с духом и отправлю Вам всю пачку накопившихся у меня писем.

Сейчас раннее утро, но я уже в полной темноте

погуляла с моими собаками. Снега у нас нет; на островах он выпадает крайне редко, но мне помнится, что на Рождество 1940 года, первое Рождество под немецкой оккупацией, тонкий слой снежной пудры лежал на лугах, деревьях и каменных заборах. Немцы страшно любят снег на Рождество, и они были тронуты так, словно это мы приготовили им на Гернси этот приятный сюрприз. За много, много лет, прошедших с тех пор, снег, разумеется, иногда выпадал, но я не помню точно, когда. Но Рождество 1940 года я не забуду никогда.

Двадцать четвертого декабря у Эриха был день рождения. Думаю, что, с одной стороны, он был горд тем, что появился на свет в такой знаменательный день, но, с другой стороны, его страшно раздражало, что Христос испортил весь праздник. В отличие от нас, англичан, главный праздник у немцев приходится именно на двадцать четвертое, и как Эрих ни старался, чтобы его достойно чествовали, он не мог добиться, чтобы даже самые покорные из его соотечественников не думали в этот день об ином празднике. В течение всех пяти лет, что я имела удовольствие прожить под одной крышей с Эрихом Фельдманом, каждое Рождество — вплоть до самого последнего — заканчивалось настоящей катастрофой, ибо Эриху казалось, что ему уделили слишком мало внимания.

Наше настоящее английское Рождество мы будем праздновать завтра. Надеюсь, что этот день пройдет в полной гармонии. Для Хелин я приготовила подарки — пару полезных вещей, книги, компакт-диски и марципаны. Она просто сходит по ним с ума, хотя, как обычно, утверждает, что не может их есть.

Она подарит мне духи, те же духи, которые она дарит мне на Пасху, на день рождения и на Рождество. Кроме того, она склеила для меня фотокалендарь. Она делает это каждый год. Мотив календаря — розы. Для каждого месяца своя роза. Иногда целый букет, иногда один закрытый цветок, иногда раскрытый, на лепестках которого, как жемчужины, поблескивают капли росы, иногда стеклянная ваза, в которой плавают разноцветные

розы. Хелин не жалеет усилий на этот календарь, она подбирает для него афоризмы и стихи, которые подписывает под каждой фотографией. Эти подписи соответствуют месяцам. Эти календари она делает уже около пятидесяти лет. Хелин, как одержимая, все время фотографирует розы в саду, должно быть, у нее скопилось уже тысячи снимков. Больше всего ей нравятся розы, которые растут между белой стеной и поилкой для птиц, на том самом месте, где мы с ней познакомились. Здесь она снимает с таким тщанием, как будто ей за это платят. Я каждый раз испытываю странное злое чувство, когда вижу, как она осторожно двигается с камерой среди цветов, словно боится неосторожным движением убить розу или осквернить это место.

Вся глупость заключается в том, что я не пылаю особой любовью к розам, и весь календарь — напрасная трата любовных сил. Я не рассказывала Вам об этом? О моем отвращении к розам? Обычно от людей, занимающихся разведением роз, ждут любви к этим растениям, которым эти люди, собственно говоря, посвятили жизнь. Ведь профессия — это жизнь; или Вы думаете по-другому, Франка? Передо мной стоит проблема: проклятые розы определили мою жизнь. А ведь я собиралась устроить ее совсем по-иному.

После окончания школы в Саутгемптоне мне хотелось вырваться в мир, но сначала был Кембридж, и это было нормально. Кембридж — это небольшой городок, но его атмосфера очень мне нравилась. Но после Кембриджа я, вместо того чтобы окунуться в большой мир, вернулась на Гернси и с переменным успехом занялась разведением роз. Я умру в том же доме, в котором родилась и в котором прожила всю жизнь. В случае, если Хелин не умрет раньше меня — она на десять лет старше, но это ничего не значит — то в мой смертный час над моей кроватью будет висеть календарь с розами. Может быть, у меня найдутся силы перевернуть его или вообще сорвать со стены. Мне бы хотелось, чтобы, когда я буду умирать, собака лизала мне

лицо — я люблю их горячее, немного гнилостное дыхание. Моя рука утонет в мягкой лохматой шерсти. Тогда у меня будет чувство, что я возьму с собой кусочек жизни. Но Хелин обязательно сунет мне под нос только что распустившуюся розу — чтобы «подсластить» мои последние минуты, а я не могу гарантировать, что меня не вырвет от этой пилюли.

Ох, Франка, веселенькое же у меня получается рождественское письмо! Я рисую свой смертный час, и Вы, наверное, думаете, что старуха совсем свихнулась. Сегодня же не тот день, когда надо предаваться мрачным раздумьям. Совсем наоборот! Вчера приехал Алан. Он спит в комнате для гостей, и, думаю, что я не увижу его до полудня, потому что когда мой сын в отпуске, он поднимается только к обеду. Особенно, если к вечеру приложится к стакану. Вчера он один выпил бутылку французского красного вина, несколько рюмок водки, а до этого опрокинул на аперитив пару виски. Не могу понять, как его печень справляется с такой нагрузкой. Наверное, когда-нибудь она все-таки сдаст.

Еду на сегодняшний вечер будет готовить Кевин. Это значит, что придет он днем, чтобы приступить к процессу. Он принесет с собой все свои кухонные принадлежности, ибо искренне считает, что на моей утвари невозможно приготовить что-нибудь по-настоящему вкусное. Вероятно, нам было бы проще пойти к нему, но у нас традиция — накрывать рождественский стол дома, а с традициями надо считаться. Это будет королевский ужин, и Хелин, как всегда будет брюзжать, что не может проглотить ни кусочка. Она будет брюзжать, потому что любит Кевина и знает, что он взаимно любит ее. Они, кстати, очень похожи друг на друга своей привередливостью. Они самые великие ипохондрики, каких я когда-либо встречала. Никогда они не радуются чужим недугам и с большим вниманием и сочувствием выслушивают один другого.

На праздник я пригласила Мэй и Майю. То есть, я, конечно, пригласила одну Мэй, но вчера она позвонила и

спросила, не соглашусь ли я позвать Майю. Она снова поссорилась со своими родителями, и было бы неплохо, если бы Рождество она провела отдельно от них.

Я не смогла сказать «нет». Майя — нимфоманка, но меня это никогда не беспокоило, напротив, мне будет приятно видеть возмущение Хелин. Но я знаю, что Алан находится в полной зависимости от Майи, и поэтому я бы предпочла, чтобы сегодня он находился где-нибудь на другом краю земли. Надеюсь, что его пристрастие к спиртному не связано с Майей, но даже если это и так, я все равно ничего не могу изменить.

Мне бы, конечно, очень хотелось поставить на место его тупую голову, повлиять на его невыносимо дурной вкус в том, что касается женщин. Майя стерва, причем, холодная до мозга костей стерва, но Алан ни за что не пожелает меня слушать. Проклятье в том, что всегда остаешься матерью. Заботишься, как о цыпленке, о сорокалетнем адвокате с алкогольными проблемами.

Но, в любом случае, все будет очень мило. Пока Кевин будет готовить, мы отправимся на прогулку, а потом с радостью вернемся в теплый дом, где пахнет вкусной едой, сядем за стол и примемся за ужин, который продлится несколько часов. Потом Хелин начнет жаловаться на усталость (она не может просто сказать, что она устала, ей обязательно надо пожаловаться) и пойдет спать, Алан будет пить и во все глаза смотреть на Майю, а она не будет обращать на него внимание и получать от этого садистское удовольствие.

Что будете делать на Рождество Вы, Франка? Вы так мало пишете о себе. Наверное, не хотите выставлять напоказ свои проблемы. Общение наше становится односторонним, но это Ваш грех, а не мой, поэтому изменить положение должны Вы, а не я, не правда ли?

Merry Christmas, Франка. Желаю Вам счастья в новом тысячелетии. У меня такое чувство, что наступающий год будет для меня знаменательным, но, возможно, это всего лишь самовнушение. Никто не может знать будущее, и это делает жизнь тревожной и беспокойной. Как хорошо, что на свете все же

существуют надежные и предсказуемые вещи. Я, например, точно знаю, что завтра получу духи и календарь с розами.

Возможно, Франка, у Вас найдется время для чтения. Почитайте о том, что дальше происходило в те давние времена со мной, Хелин и Эрихом.

Желаю Вам удачи.

Ciao, Ваша Беатрис.

ГЕРНСИ, АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1940 ГОДА

Какое-то время Беатрис думала, что она избрана Эрихом на роль жертвы — на случай, если таковая ему потребуется — и всячески старалась подготовиться, но вскоре она поняла, что эта роль уготована не ей, а Хелин. Она не была жертвой на всякий случай — нет, она была жертвой всегда. Но, может быть, ему просто всегда была нужна жертва. Хелин же идеально подходила для такой роли.

Ей был двадцать один год, скоро должно было исполниться двадцать два. Однажды она обмолвилась, что родилась пятого сентября, и Беатрис сказала, что это и ее день рождения. Хелин пришла в восторг от этого совпадения.

— Это не случайно! — воскликнула она. — Это наверняка что-то значит.

— И что это может значить? — раздраженно спросил Эрих. — Ты вечно ищешь какое-то волшебство в самых банальных вещах.

Хелин от обиды закусил губу, по щекам ее пошли красные пятна. Но в этот день Эрих злился и на Беатрис.

— Послушай, барышня, эта твоя упрямая оппозиция со мной не пройдет, — сказал он. — Ты станешь послушным членом нашей семьи, это я тебе обещаю.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — огрызнулась Беатрис.

— Все ты прекрасно понимаешь. Сейчас конец августа. До твоего дня рождения остается неделя. Но ты молчишь. Если бы Хелин об этом не заговорила сама, то день твоего рождения так и прошел бы незамеченным. Мы все живем здесь под одной крышей, и должны знать, когда у кого день рождения. Ты не возражаешь?

— Меня никто об этом не спрашивал.

— Ты будешь говорить мне обо всем, даже если я тебя не спрашиваю. Ты будешь все говорить, просто потому, что ты воспитанная девочка, которая знает, как себя вести. Конечно, я могу с тобой манерничать, но подумай, не проще ли тебе заранее вспомнить о том, что ты и так уже знаешь?

— Сколько тебе исполнится? — писклявым голосом спросила Хелин. Она всегда так говорила, когда муж ставил ее на место.

— Двенадцать.

— В двенадцать ты становишься настоящей молодой дамой, — благосклонно вымолвил Эрих. — Наверное, нам стоит устроить для тебя маленький праздник, хотя ты его и не заслужила!

— Мы можем устроить праздник для нас обеих, — предложила Хелин, но этим лишь вызвала у Эриха новую вспышку недовольства.

— Ты можешь хотя бы один раз в жизни не думать, в первую очередь, о себе? Для тебя это решительно невозможно? Не можешь поступиться чувством собственной важности, даже когда речь идет о дне рождения двенадцатилетней девочки?

— Нет, я только подумала...

— Ты никогда не думаешь, Хелин, и это главная проблема. У тебя просто появилось чувство, что тебя могут обойти, и ты тут же хочешь занять главное место. Господи, когда ты только повзрослеешь?

Глаза Хелин наполнились слезами. Отодвинув назад стул, она вскочила и бросилась к двери, но Эрих рывкнул:

— Стой! Мы обсуждаем день рождения Беатрис!

Беатрис ни разу в жизни не слышала, чтобы Эндрю говорил с мамой в таком тоне, она не могла себе представить, что Дебора, в свою очередь, смогла бы примириться с таким тоном. Но Хелин остановилась, словно собака, хозяин которой внезапно натянул поводок. Лицо ее было бледным и напряженным.

— Итак, — сказал Эрих, снова повернувшись к Беатрис, — как ты представляешь себе свой праздник?

Беатрис ничего не представляла, и лишь выжидающе посмотрела на Эриха.

— Надо пригласить гостей. Кого ты хочешь здесь видеть?

У Беатрис не было ни малейшего желания что-то праздновать, но она угадывала бьющую через край агрессивность, прячущуюся за отеческим дружелюбием, и решила, что разумнее будет принять предложение.

— Я хочу пригласить Виля, — сказала она.

Эрих удивленно вскинул брови.

— Виля? Великая дружба. Да-да, понимаю. Ну, в конце концов, это твой день рождения, тебе виднее, — было видно, что выбор Беатрис ему не по душе. — Кого еще? — он раздраженно побарабанил пальцами по столу.

Беатрис решила во второй раз попытать счастья.

— Мэй, — сказала она.

— Мэй? — переспросил Эрих. — Это та самая подруга, к которой ты хотела переехать в первую ночь?

— Да.

— Но ты ведь даже не знаешь, находится ли она на острове.

— Нет, не знаю, но, может быть, она здесь, и я хотела бы, наконец, с ней увидеться.

— Хорошо, мы это выясним. Ну, хорошо, значит, придут Виль и эта Мэй. Хелин, ты все организуешь. Еду, выпивку и все такое. Ты не против, если я тоже побуду с вами? Добрый Виль нуждается в поддержке. Не могу же я оставить его наедине с двумя прекрасными дамами.

С этого момента Беатрис жила лихорадочным предчувствием, что Мэй все еще находится на острове, и что скоро она, может быть, увидит свою подругу. Эрих обещал об этом позаботиться, он записал фамилию Мэй и ее адрес. Беатрис надеялась, что Эрих все сделает сразу после завтрака, но он решил потянуть время, получая немалое удовольствие от нервозности Беатрис.

Придя на урок немецкого, Беатрис передала Виллю приглашение, но при этом не преминула заметить, что идея праздника принадлежит Эриху.

— Я не хотела никакого праздника, но боялась, что он разозлится и придет в бешенство.

Виль медленно кивнул.

— Он любит давить на людей, даже своими благодеяниями.

— Сколько ему лет?

— Майору Фельдману? Думаю, что около сорока.

— Хелин будет двадцать два. Она намного моложе его, и он очень плохо с ней обращается.

Виль снова кивнул.

— Да, я тоже это заметил. Он обращается с ней, как с маленькой девочкой. Но, может быть, он и правда думает о ней, как о маленькой девочке — ведь она вполнину моложе его.

После урока Беатрис задумалась о том, зачем вообще Хелин вышла замуж за Эриха. Они с Мэй часто хихикали по поводу любовных отношений, хотя и сами не знали толком, о чем говорили. Мэй в то время

увлеклась одним мальчиком из Сент-Мартина, и говорила, что очень его любит и теперь понимает, что заставляет людей жениться и выходить замуж. Беатрис рассказала об этом Деборе, но мать сказала, что Мэй пока мала для любви.

— Всеу свое время, — сказала Дебора, — настанет день, и чувства сами откроются вам и вскружат вам головы.

Во всяком случае, Беатрис поняла, что любовь может толкать человека к неверным поступкам. Эрих был красив, и поэтому Хелин соблазнилась и захотела выйти за него замуж. Но теперь она влипла и наверняка, жалеет о своей опрометчивости. Беатрис дала себе слово, что сама будет осмотрительнее.

Выйдя на дорожку, ведущую к дому, Беатрис издали услышала голос Эриха. В его голосе было столько злобы и ненависти, что Беатрис стало холодно, несмотря на ласковое августовское солнце, которое по-летнему грело землю. Было пять часов, в это время Эрих обычно находился в хорошем настроении, но сейчас он был почему-то раздражен и зол.

У ворот стоял вездеход, возле него — четверо вооруженных до зубов немецких солдат. Один из них держал карабин на изготовку.

Перед солдатами стояли два человека, чей жалкий вид являл собой разительный контраст в сравнении со здоровой упитанностью оккупантов. Оба были высокие и рослые, но стояли, ссутулив плечи и опустив головы. На худых телах болталась рваная грязная одежда. Щеки у обоих мужчин ввалились, лица были худыми и серыми. Свои шапки они нервно мяли в руках. Они явно испытывали сильный страх, а во всем их облике сквозила жуткая безнадежность. Эрих с надменным видом расхаживал взад и вперед и по-английски говорил этим людям:

— Вы будете содержать в порядке сад, и если я говорю «в порядке», то именно это я и имею в виду. На лужайке не должно валяться ни одного опавшего листа, а розы должны цвести, и не дай бог, если хоть одна из них поникнет. Вы лично отвечаете за это, вы поняли? Вы понимаете, что вам крупно повезло? Другие строят Атлантический вал и подземные бункеры. Они на самом деле надрываются, а перевозка камней — это очень тяжелая работа, уверяю вас. Но если вы сильно радуетесь и думаете, что у вас будет здесь вольготная жизнь, то вы очень ошибаетесь, — Эрих остановился и посмотрел на более высокого из двоих. — Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю. Как тебя зовут?

Человек поднял голову. В темных глазах застыла неизбывная печаль. Он ответил по-английски с сильным французским акцентом:

— Меня зовут Жюльен.

— Ага. Жюльен. А тебя?

Теперь он обратился ко второму человеку, такому же подавленному, как и его товарищ.

— Меня зовут Пьер.

— Отлично. Жюльен и Пьер. Вы будете здесь работать, не правда ли? Действительно работать. Вы будете беспрекословно исполнять приказы — мои и миссис Фельдман, и вы будете очень прилежны. Очень прилежны. Знаете ли вы, как меня зовут? Я — майор Фельдман. Для вас я — герр майор. Вы будете приветствовать меня каждый раз, когда увидите. Не забываете, — он повысил голос, перейдя почти на злобный крик, — не забываете, что вы — ничто! Вы — два куска дерьма. Вас тысячи. Если вы мне не подойдете, я тотчас вас заменю. Если в мире станет на два куска дерьма меньше, он не изменится, он просто этого не заметит. Миру все равно, есть дерьмо или оно исчезло. Вы со мной согласны?

Ответа не последовало. Эрих зло прищурился.

— Я спросил, согласны ли вы со мной. Жюльен? Пьер?

— Да, — сказал Жюльен.

— Да, — сказал Пьер.

Лицо Эриха осталось неподвижным.

— Теперь принимайтесь за работу. Сад сильно запущен. Дел у вас будет много.

В этот момент он увидел Беатрис, медленно подошедшую к воротам. Эрих улыбнулся.

— Привет, Беатрис. У меня для тебя хорошая новость. Твоя любимая Мэй действительно вместе с родителями осталась на острове. Она непременно придет на твой день рождения.

Беатрис вздрогнула от неожиданности. Сейчас на несколько мгновений она забыла о Мэй. Сердце ее сильно забилося, она почувствовала, что лицо ее вспыхнуло ярким румянцем. Эрих заметил это, и было видно, что он очень рад тому, что смог сделать Беатрис счастливой.

— Вот видишь, все не так плохо, — сказал он.

Оба пленника, сопровождаемые вооруженным солдатом, исчезли в саду. Беатрис посмотрела им вслед.

— Кто это?

— Военнопленные. Из Франции.

— Военнопленные?

— Да, Германия, как наверное тебе известно, победила Францию. Держись от них подальше. В большинстве своем французы недостойные люди. Ненадежные и лживые. Среди них много преступников.

На взгляд Беатрис, эти люди едва ли были опасны, но она решила на всякий случай быть начеку. Правда, сейчас ее беспокоили куда более важные вещи.

— Может быть, вы позволите мне сейчас навестить Мэй? — с надеждой в голосе спросила она.

Эрих в ответ, естественно, снова нахохлился.

— Послушай, надо все-таки уметь ждать. Ты, безусловно, хотела отпраздновать свой день рождения, и я тебе это разрешил. Теперь наберись терпения и жди!

У Беатрис не было никакого желания напоминать ему, что она не просила ни о каком празднике. Она уже достаточно хорошо его знала и понимала, что Эрих не станет вступать в дискуссии, а если надо, то и извратит факты. Она ничего не ответила, убежала в свою комнату и плотно прикрыла за собой дверь. Она встала у окна и принялась смотреть на деревья, листва которых уже начала понемногу желтеть. Дебора когда-то сказала ей, что силой мысли можно поддерживать связь с далеко уехавшим человеком. «Если ты будешь сильно о нем думать, пошлешь ему все свои мысли и чувства, то он обязательно это почувствует, и между вами установится невидимая, но очень крепкая связь».

Она попыталась изо всех сил сосредоточиться на Эндрю и Деборе.

— Я думаю о вас, — шептала она, — я очень, очень сильно думаю о вас. Я хочу почувствовать, что и вы тоже думаете обо мне. Я уверена, что вы думаете. Я знаю, что ты боишься за меня, мамочка. Но не тревожься. Со мной не случится ничего плохого, и я уверена, что когда-нибудь мы снова будем вместе.

Она очень долго простояла у окна, отдавшись чувству близости с родными. Она и в самом деле чувствовала эту близость, и от души надеялась, что это не мираж. На сад постепенно упала вечерняя тень, солнце, подернутое туманной дымкой, клонилось к горизонту.

Беатрис ощутила голод. Странно, никто пока не звал ее к ужину. Она вышла из комнаты, чтобы спуститься вниз, но в этот момент до ее слуха донесся какой-то шум. Беатрис остановилась.

Звуки доносились из спальни родителей, которую теперь занимали Эрих и Хелин. Звуки были устрашающими. Девочке показалось, что в спальне кого-то сильно терзают и мучают. Еще более удивительным было то, что жалобные звуки издавал Эрих.

Беатрис медленно подошла ближе. Дверь спальни была приоткрыта, и было видно, что происходит внутри. Она увидела родительскую кровать, на ней — Эриха и Хелин. Оба были голые, тяжело дышали и потели. Эрих

лежал на спине, запрокинув голову и жалобно стонал. Хелин сидела на нем и торопливо двигалась вверх и вниз. Светлые волосы, которые она обычно заплетала в косу и высоко закалывала, были распущены и золотистым шелком ниспадали на спину до бедер. В тусклом вечернем свете ее кожа светилась белизной слоновой кости. Хелин была невероятно стройна, все ее члены отличались совершенством форм, бедра были длинными и крепкими. Маленькие упругие груди заканчивались острыми набухшими сосками, на лице лежало торжествующее, удовлетворенное выражение, какого Беатрис никогда раньше у Хелин не видела. Она выглядела почти счастливой, во всяком случае, не было и следа страха и робости. Она была сильна. Она была сильнее стонавшего под ней Эриха. Чудесным образом мир встал с ног на голову. Эти двое, так сжившиеся со своими жизненными позициями, внезапно поменялись ролями. В течение каких-то нескольких часов с этими людьми произошла разительная перемена, которая могла бы лишить Беатрис дара речи, если бы она и без того не онемела от страха.

То, что они делали, показалось Беатрис отвратительным, хотя она и не вполне понимала, чем они занимаются. Конечно, она кое-что знала об «этом деле», но когда она спрашивала о нем Эндрю, он неизменно отсылал ее к Деборе, а та говорила дочери, что она еще слишком мала, и что ей все объяснят позже. В лучшем случае, она могла кое-что узнать от Мэй, у которой был старший брат, который снабжал сестру обильными сведениями на эту тему — о половых отношениях между мужчинами и женщинами. Все эти рассказы были настолько фантастическими, что Беатрис считала их вымыслом. То, что она сейчас видела, подтверждало то отвращение, какое Беатрис всегда испытывала к рассказам Мэй. Голые тела, покрытые блестящей пленкой пота, агрессивные движения, стоны, искаженные лица — все это создавало впечатление борьбы не на жизнь, а на смерть, которую двое людей ведут непонятно по какой причине.

Дыхание Эриха становилось все более частым, а Хелин двигалась с такой силой, что ее волосы развевались, как флаг на ветру. Потом Эрих задышал, как издыхающий зверь, все мышцы его тела напряглись, а потом он, внезапно обмякнув, застыл лежа на спине и растекаясь в облегчающей истоме.

Хелин перестала двигаться. Несколько секунд она неподвижно сидела на Эрихе, а потом соскользнула с него и легла рядом с мужем. Она тесно прильнула к нему, обвила его рукой и спрятала лицо в его плече. Беатрис не смогла бы словами выразить, откуда к ней пришло это понимание, но она отчетливо осознала, что в течение считанных минут соотношение сил снова вернулось в исходное положение. Хелин снова стала слабой, а

Эрих — сильным. Наверное, это было видно по тому, как Хелин изо всех сил домогалась нежности, а Эрих грубо ей в этом отказывал. Он просто терпеливо сносил ее ласки, не отвечая на них ни единым жестом. Потом он внезапно сбросил с кровати обе ноги и встал. Руку Хелин он при этом сбросил с себя, как докучливое насекомое.

— Эрих, — позвала Хелин. Голос ее звучал грустно и обиженно.

Он ответил жене по-немецки, и Беатрис ничего не поняла. Но тон был отсутствующим и холодным. Беатрис видела темные контуры его обнаженного тела на фоне светлого прямоугольника окна. У Эриха были длинные ноги и очень широкие плечи. Он был красивый мужчина, как Хелин была красивой женщиной. Они были замечательной парой, излучавшей внешнюю гармонию. Кто бы мог подумать, что их отношения больны, как прогнившее дерево?

Хелин натянула одеяло до подбородка. Торжествующее выражение, до неузнаваемости изменившее ее лицо всего несколько минут назад, исчезло без следа. Теперь она выглядела, как затравленная раненая косуля, из глаз ее, казалось, вот-вот польются слезы.

Эрих надел форму и причесался перед зеркалом. Теперь он полностью владел собой, он снова стал Эрихом, внушавшим страх всем окружающим, снова стал человеком, о котором никто не мог сказать, что он скажет или сделает в следующий момент.

— Время ужинать, — сказал он. На этот раз Беатрис поняла его слова. Теперь она все чаще и чаще понимала отдельные предложения или, по крайней мере, их части.

Хелин не шевелилась. Глаза ее просили ласки, но она с равным успехом могла молить о ней камень.

— Время ужинать, — повторил Эрих, и на этот раз в его тоне прозвучали угрожающие нотки.

Хелин еще глубже забралась под одеяло. Она ни за что не хотела вставать с постели; вид у нее был бледный и униженный. Эрих натянул высокие черные сапоги, и был теперь готов к выходу. Он схватил со стула грудку одежды и бросил ее на живот Хелин.

— Одевайся и выходи, — приказал он и направился к двери.

В последнюю секунду Беатрис успела шмыгнуть в ванную, прежде чем Эрих загремел сапогами, спускаясь по лестнице.

Вечером пятого сентября пришла Мэй и ее родители. Когда Беатрис увидела подругу, у нее, впервые за все время этого ужаса, выступили на глазах слезы, но она тотчас их удержала — она поклялась, что Эрих

никогда не увидит ее плачущей.

Беатрис и Мэй обнялись, как двое утопающих. Мэй попеременно то всхлипывала, то смеялась, и, не дожидаясь ответов, засыпала Беатрис сотней вопросов.

— Мы думали, что ты в Англии! — кричала Мэй. — Я чуть не сошла с ума, когда узнала, что ты здесь!

Миссис Уайетт, мать Мэй, была огорчена и озабочена.

— Девочка моя, если бы мы только знали, что ты здесь, то мы бы непременно о тебе позаботились. Но твои родители сказали, что покидают остров, и нам даже в дурном сне не могло присниться, что ты осталась здесь!

— Беатрис теперь принадлежит мне и моей жене, — сказал Эрих. — Можете за нее не тревожиться.

Родители Мэй враждебно покосились на оккупанта, но ничего не сказали в ответ. Как и все оставшиеся на острове англичане, они терпели многочисленные немецкие притеснения — запрет собраний и ассоциаций, комендантский час, нормирование всех мыслимых предметов потребления. У родителей Мэй конфисковали автомобиль, и немцы вернули его только после энергичных протестов доктора Уайетта; собственно, немцы и сами должны были понять, что как врач он просто не мог обойтись без машины. Миссис Уайетт не могла больше ходить в клуб бриджа, а многие ее знакомые были интернированы. Она видела подневольных рабов, которых привозили на остров с материка, чтобы они строили укрепления, бункеры и валы. Эдит Уайетт вообще казалось, что немцы помешаны на укреплениях, бункерах и валах. За те несколько недель, что немцы здесь пробыли, они до неузнаваемости изуродовали остров. Колонны заключенных, армейские вездеходы, вооруженные солдаты, флаги со свастикой, мощные автомобили, доставленные из Франции для перевозки гранитных глыб и обломков скал, — все это выглядело, как гигантская военная машина, великолепно функционирующая и абсолютно несокрушимая. Нацисты в совершенстве владели беспощадным искусством подчинять все, с чем они сталкивались. Они все организовывали быстро и основательно, и с тем совершенством, которое можно было назвать сверхчеловеческим или нечеловеческим. Миссис Уайетт, которая до сих пор вела размеренную и приятную жизнь супруги сельского врача, вдруг увидела, что привычный ей мир перевернулся и стал угрожать ей безликой и безымянной опасностью. Она страшно жалела сейчас, что не эвакуировалась. Она не решилась оставить свой уютный домик, а ее муж считал врачебным долгом остаться со своими больными. Теперь же она каждый день тряслась от

страха, ожидая, что оккупанты отнимут у них с мужем дом. Это произошло уже со многими; захватчики конфисковали дома, которые им нравились, и только в редких случаях позволяли хозяевам остаться в родном доме, сгрудившись в одной комнате.

Доктор Уайетт обратился к Эриху:

— Мы бы охотно взяли Беатрис к себе. Мы были дружны с ее родителями. Думаю, что Дебора и Эндрю Стюарты не стали бы возражать против того, чтобы мы позаботились об их дочери.

Эрих улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Думаю, что речь скорее идет о моих возражениях. Беатрис останется здесь, с нами. Мэй может время от времени ее навещать, но я не желаю, чтобы Беатрис ходила к вам.

Доктор Уайетт ничего на это не ответил, но погладил Беатрис по волосам, желая этим ободряющим и успокаивающим жестом сказать, что, несмотря ни на что, будет заботиться о ней и следить, как она живет.

Хелин накрыла стол в саду. Вечерами было уже прохладно, но днем ласковое сентябрьское солнце заливало землю теплыми золотистыми лучами. Пахло спелыми фруктами, а розы, как летом, источали свой чудесный аромат.

На Хелин было надето простенькое деревенское платье. Беатрис сразу поняла, что Хелин надела его только по приказу Эриха, так как сама она такие платья не любила. Вид у Хелин был снова измученный и несчастный, и выглядела она еще моложе, чем обычно.

Доктор Уайетт и его жена вежливо, но настойчиво заявили, что должны уйти, и Эрих пообещал, что Виль вечером приведет Мэй домой.

Потом странное общество направилось в сад и уселось за стол, который Хелин любовно устала красивейшим фарфором Деборы.

Эрих взял в руку одну из веджвудских чашек и поднес ее к глазам.

— Ты можешь многому поучиться у моей жены, Мэй, — сказал он, — действительно, очень многому.

Лицо Хелин покрылось лихорадочным румянцем, а Мэй смотрела на Эриха недоуменным взглядом.

Эрих с тихим звоном отставил чашку, потом движения его стали более резкими.

— Хелин обладает особым даром готовить девочек к самостоятельной жизни, — продолжал он, — это, действительно дар, потому что Хелин — очень одаренный человек.

Эрих любовно провел пальцем по золотому ободку чашки.

— Мы устроили сегодня садовый вечер, не так ли? Мы так решили

утром, потому что погода обещала быть солнечной и теплой. Поэтому я сказал Хелин, чтобы она накрыла стол в саду, и она именно так и поступила. И как хорошо она все сделала.

— Эрих, — сказала Хелин. Ее мольба прозвучала, как жалобный писк.

Эрих снова взял чашку, поднял ее над головой и отпустил. Чашка разлетелась на сотню осколков, ударившись о твердую сухую землю.

За столом все оцепенели.

— Хелин с большой охотой показывает маленьким девочкам, как не надо делать, — сказал Эрих, взял со стола свою тарелку и бросил на землю.

— Твоя мать когда-нибудь накрывала в саду стол этой посудой? — обратился Эрих к Беатрис.

— Я не помню, — тихо ответила она.

— Ты не помнишь? Как странно, ни за что бы не подумал, что у тебя плохая память. Но какая бы она ни была, я никогда не поверю, что твоя мать была настолько глупа, чтобы тащить в сад тончайший фарфор, где он в любую минуту может разбиться, — Эрих встал, и прежде чем кто-нибудь смог его остановить, резко сдернул со стола скатерть. С громким звоном на землю посыпались тарелки и чашки, кофейник, столовые приборы и блюда. Во все стороны брызнули кофе и какао. Пирожные лежали на траве, превратившись в месиво из теста, яблок, мирабелы и сливок.

— Не делай этого, Эрих! — закричала Хелин. — Я тебя прошу!

Но, конечно, было уже поздно, да она в любом случае не смогла бы остудить его ярость. Все повскакали с мест и ошеломленно смотрели на осколки у своих ног.

— Господи, что вы наделали, господин майор, — пробормотал Виль.

Хелин громко расплакалась, и Мэй, кажется, была готова последовать ее примеру.

Эрих заорал обоим французам:

— Жюльен! Пьер! Живо ко мне!

Оба тотчас вынырнули откуда-то из глубины сада и покорно, со страхом приблизились, как две собаки, привыкшие к жестокому обращению.

— Убрать здесь все, чтобы я не видел здесь ни единого осколка, — приказал Эрих, — иначе плохо вам придется.

Широко шагая, Эрих пошел прочь. Вскоре взревел мотор, и машина, визжа шинами по дорожке, выехала со двора.

— Девочки, вам лучше пойти в комнату Беатрис и немного поговорить, — предложил Виль, — а я пока займусь миссис Фельдман.

Хелин, между тем, захлебывалась неудержимым плачем, грозившим

перейти в настоящую истерику.

— Он всегда такой? — со страхом спросила Мэй.

— Иногда такой, иногда другой, — ответила Беатрис.

Сейчас, глядя на грудку осколков, она не испытывала ничего, кроме гнева. Как любила Дебора этот сервиз, как она оберегала и лелеяла его. Мама ставила его на стол только по исключительно важным поводам. К своему собственному удивлению, Беатрис была почти солидарна с Эрихом: действительно, было глупостью выбрать этот сервиз для ужина в саду. Но, наверное, она хотела сделать, как лучше. Эрих мог наорать на нее, если бы она поставила на стол не самый лучший сервиз. Постепенно до Беатрис дошла суть этой бесчеловечной системы: когда Эрих искал отдушину для своей злобы, ему было все равно, как вела себя Хелин, что она говорит и что она делает. Она все равно окажется неправа и навлечет на себя его ярость.

Виль увел плачущую Хелин, а оба француза, ползая по земле на коленях, собирали осколки.

Беатрис увела Мэй за белую стену, туда, где рос созревший уже виноград.

— Мэй, это очень хорошо, что мы можем поговорить с тобой наедине, — сказала она без всякого предисловия. — Я очень хочу передать родителям, что у меня все хорошо, и узнать, как дела у них. Но отсюда я не могу ничего сделать. Как ты думаешь, твой папа мог бы попытаться связаться с ними?

— Я спрошу у него, — пообещала Мэй, но в глазах ее не было никакой уверенности. — Папа сказал, что у нас нет никакой связи с Лондоном. Немцы все перекрыли. Они побеждают везде, куда ни приходят. Папа говорит, что они хотят завоевать весь мир.

— Никто не может завоевать весь мир, — возразила Беатрис, хотя и не была уверена, что этого не смогут сделать немцы. Похоже, что и у Мэй сильно поколебались надежды на то, что в один прекрасный день все снова будет хорошо. Уже несколько недель она видела «немцев» на всех улицах и переулках острова, но до сих пор она ни разу не соприкасалась с ними по-настоящему. Но сегодня она во всей красе увидела Эриха, и он стал для нее воплощением того ужаса, который сквозил в голосах людей, когда они говорили о «немцах». Теперь только поняла она вечный страх матери и вечную озабоченность отца.

— Было бы лучше, если бы мы уехали, — сказала она, но Беатрис тихо возразила:

— Я очень рада, что ты здесь, иначе я чувствовала бы себя совсем

одинокой.

Они еще немного молча посидели в траве, подставляя лица солнцу и вдыхая аромат роз. Потом они услышали голос Виля. Они встали и вышли из-за стены, чтобы он их увидел. Французы ушли, на земле не осталось и следа от разбитого кофейного сервиза. В саду было тихо и спокойно.

— Сейчас я отвезу тебя домой, Мэй, — сказал Виль. — Беатрис, тебе придется пока присмотреть за миссис Фельдман. Она в своей комнате, и, боюсь, не очень хорошо себя чувствует.

Мэй и Беатрис попрощались. Настроение у обеих было подавленным. Девочки боялись грядущих несчастий.

— Мы скоро увидимся, — пообещала Мэй, но Беатрис знала, что теперь все зависит от Эриха, и что он получит громадное удовольствие, обставляя надуманными препонами ее общение с подругой.

Беатрис взглядом проводила автомобиль, на котором Виль повез домой Мэй, а потом вошла в дом и, взбежав вверх по лестнице, робко постучалась в спальню. Никто не ответил. Осторожно открыв дверь, Беатрис увидела, что в комнате пусто. На кровати лежал раскрытый чемодан, куда было наспех брошено несколько платьев и какое-то нижнее белье. Шкаф был открыт, перед ним на полу лежали две юбки. Все это выглядело так, словно кто-то в спешке решил уехать, выбрал наугад какие-то вещи, но, принявшись заталкивать их в чемодан, потерял вдруг всякое терпение. Беатрис почему-то подумала, что на этот беспорядок в спальне Эрих отреагирует вспышкой ярости. Как может Хелин так безрассудно его провоцировать? Да и вообще где она?

Пока она нерешительно раздумывала, надо ли ей разыскивать Хелин, или лучше самой убраться в спальне, из ванной донесся приглушенный стук. Она бросилась туда, на мгновение задержалась перед дверью, потом рывком ее распахнула. Дверь была не заперта. Беатрис застыла на пороге, стараясь понять, что произошло.

Ванна была до краев полна воды. Она переливалась через край, и на каменном полу образовалась большая лужа. Перед ванной лежала Хелин. На ней не было ничего, кроме абрикосового купального халата. Халат распахнулся впереди, выставив на обозрение стройное девическое тело Хелин. Длинные волосы, потемневшие от влаги, окружали голову, словно подушка. Лужа была красна от крови, которая сильными ритмичными толчками вытекала из запястья женщины.

Вид крови потряс Беатрис, хотя рассудок в первый момент отказывался понять, что здесь случилось. Она переступила через лужу, и только теперь поняла, что весь пол ванной был скользким от крови.

Первым делом Беатрис закрыла кран, опустилась возле Хелин на колени, увидела рядом с ней лезвие бритвы и глубокую, уродливую рану на запястье.

— О, боже мой, — прошептала Беатрис.

Хелин не шевелилась, и была так бледна, что на бесконечно долгое мгновение Беатрис показалось, что она уже мертва. Но потом девочка заметила, что грудь Хелин едва заметно то поднимается, то опадает. Значит, она просто потеряла сознание, но пока жива.

— О, боже, — снова пробормотала Беатрис. Она вскочила на ноги и громко позвала Виля, но потом сообразила, что как раз сейчас он везет Мэй домой. Мэй! Надо немедленно позвонить ее папе!

Она опрометью бросилась вниз, в гостиную, дрожащей рукой набрала номер телефонной станции и попросила соединить ее с доктором Уайеттом. Она молила Бога, чтобы он оказался дома. Она ничего не понимала, но чувствовала, что это не может продолжаться долго, и что Хелин вот-вот умрет.

К телефону подошла мама Мэй и сразу занервничала, услышав срывающийся голос Беатрис.

— Что случилось? Что с Мэй?

— Ничего, она с минуты на минуту будет дома. Миссис Уайетт, у нас произошло нечто ужасное! Миссис Фельдман перерезала себе вены. Она лежит в ванной, там все в крови, и я думаю, что она скоро умрет!

В трубке послышался щелчок и вздох телефонистки. В голове Беатрис промелькнула мысль о том, что новость о попытке самоубийства жены майора Фельдмана облетит остров с быстротой молнии, и Эрих будет очень раздосадован, что вся эта история не осталась тайной.

— Я сейчас пришлю к вам мужа, — сказала Эдит Уайетт и положила трубку.

Беатрис снова побежала в ванную, где лужа крови достигла уже устрашающих размеров. Девочка сорвала с полки стопку полотенец и плотно обернула запястье Хелин в надежде остановить кровотечение, но тщетно. Материя тотчас насквозь пропиталась кровью. Ничто не могло остановить жизнь, струей вытекавшую из тела Хелин.

Беатрис изо всех сил старалась не поддаваться нараставшей панике. Не было никакого смысла терять самообладание. Она сбежала по лестнице вниз, выскочила на улицу в надежде увидеть выезжающий из-за угла автомобиль доктора Уайетта, но на дороге было пусто. Из сада веяло прохладой, трава подернулась росой. На улице стемнело.

В голове Беатрис билась одна-единственная мысль: она умрет, она

сейчас умрет! Боль была неожиданно сильной, но Беатрис и сама не знала ее причину — было ли ей жаль Хелин, или она боялась снова остаться в доме наедине с Эрихом. В отчаянии она принялась искать Жюльена или Пьера или кого-нибудь из солдат, но никто из них не попался ей на глаза. Но в этот момент во двор въехал автомобиль доктора Уайетта и, взвизгнув тормозами, остановился у крыльца.

— Где она? — без предисловий спросил врач.

Беатрис, не говоря ни слова, повернулась и бросилась вверх по лестнице в ванную, ставшую похожей на бойню.

— Проклятье, как бы нам не опоздать! — воскликнул доктор Уайетт, отодвинул в сторону Беатрис и бросился к истекавшей кровью Хелин.

— Она выживет? — спросила Беатрис, чувствуя, как стучат ее зубы.

— Молись за нее, — ответил врач, и в голосе его Беатрис не услышала надежды.

Виль вскипятил для Беатрис молоко с медом и жестом предложил ей переодеться, так как ее одежда была сверху донизу залита кровью. Беатрис надела халатик и примостилась в гостиной возле камина, в котором Виль развел огонь. Дрожа всем телом, она мелкими глотками пила горячее молоко. Виль ушел наверх, чтобы убраться в ванной, и это заняло у него довольно много времени. После того как доктор Уайетт оказал Хелин первую помощь, приехала машина скорой помощи и увезла больную в клинику, в Сент-Мартин. Виль, который как раз в этот момент вернулся домой, уже знал от миссис Уайетт, что случилось, и, бросив взгляд на Хелин, пришел в ужас. Он тоже решил, что она уже умерла. Доктор Уайетт сказал ему, что Хелин еще жива, но он опасается, что она не выживет.

— Я поеду с ней в клинику, — добавил он, — а вы присмотрите за Беатрис. Бедняжка, кажется, совсем лишилась сил. Ее ни в коем случае нельзя оставлять одну.

— Конечно, конечно. Я присмотрю за ней, — пообещал Виль. Таким потрясенным Беатрис его еще ни разу не видела.

— Есть ли возможность немедленно связаться с майором Фельдманом? — спросил доктор Уайетт. — Его надо поставить в известность о состоянии его жены.

— Я не знаю, где он находится, — с отчаянием в голосе ответил Виль. — Я весь вечер пытаюсь связаться с ним по рации, но безуспешно. Его аппарат выключен. Однако он должен скоро вернуться, — Виль нервно пригладил ладонью волосы. Вид у него был несчастный и подавленный. — Мне не надо было уходить. Она была вне себя, и у меня было, было

нехорошее чувство. Но она ругала меня, кричала, что хочет остаться одна и ушла в спальню. Не мог же я вломиться туда против ее воли. Я побыл в своей комнате, а потом повез домой Мэй, и...

— Не переживайте так, — попытался успокоить солдата доктор Уайетт. — Не могли же вы знать, что она схватится за лезвие. Да и кто мог бы ей помешать, если она так решительно хотела это сделать? — он ободряюще похлопал Виля по плечу и сел в машину, чтобы ехать вслед карете скорой помощи, которая уже выезжала со двора.

В промежутках между кипячением молока, разведением огня в камине и уборкой в ванной Виль еще несколько раз безуспешно пытался связаться с Эрихом по рации.

Когда он, наконец, сел рядом с Беатрис в гостиной, вид у него был совершенно измученный.

— В ванной все убрано, — сказал он. — Боже, она потеряла не меньше литра крови. Мне надо было подумать... — он не договорил фразу, и, вместо этого, добавил: — Тебе пора идти спать, Беатрис. Ты, должно быть, смертельно устала. Сегодня был какой-то кошмарный день.

— Я сейчас все равно не смогу заснуть, — ответила Беатрис. — Лучше я посижу здесь.

— Ну, хорошо. Если бы я только знал, чем обернется вся эта история! Господи, хоть бы майор Фельдман скорее вернулся!

— Как вы думаете, нам позвонят из больницы, если... — Беатрис не знала, как сформулировать невысказанное.

— Нам позвонят, если что-нибудь случится, — сказал Виль, уставившись на телефонный аппарат. — То, что они не звонят — это хороший знак.

В половине одиннадцатого Виль не выдержал и сам позвонил в больницу. Состояние миссис Фельдман остается прежним, сказали ему. В сознание она не пришла. С ней неотлучно находится доктор Уайетт.

— Во всяком случае, она жива, — произнес Виль. Он был очень бледен, и Беатрис вдруг подумала, что он боится не столько за Хелин, сколько за себя. Как отреагирует Эрих, когда узнает, что случилось? Он примется искать виноватых, но ни за что не признает виновным самого себя. Первым будет отвечать Виль. Он оставил Хелин одну в критическом состоянии, а потом вообще уехал из дома. Беатрис была уверена, что Эрих разозлится, в первую очередь, на Виля.

Вскоре после полуночи за окнами раздался шум мотора, потом хлопнула дверь автомобиля. Эрих вошел в комнату почти сразу. Он был в хорошем настроении, выглядел немного утомленным, но был спокоен.

Удивленным взглядом он окинул гостиную.

— Так-так. Что вы здесь делаете, почему не спите?

Виль встал. Беатрис показалось, что у него дрожат колени.

— Господин майор, — начал он. Виль говорил по-немецки, но Беатрис схватывала суть того, что он говорил. Заикаясь, он доложил о том, что случилось. Эрих все понял, потом заорал Вилю, чтобы тот соединил его с больницей в Сент-Мартине.

— Почему, черт возьми, вы не нашли немецкого врача? — проревел он.

— Беатрис знала только... — начал было Виль, но Эрих тотчас перебил его.

— Где вы были? Как вы могли оставить мою жену одну в таком истерическом состоянии, наедине с двенадцатилетним ребенком?

Виль протянул Фельдману телефонную трубку.

— Больница, господин майор.

Эрих прорычал в трубку свое имя и потребовал к телефону лечащего врача Хелин. Какое-то время он внимательно слушал, потом сказал:

— Да, да, спасибо. Да, это очень мило с вашей стороны, спасибо.

Он положил трубку и обернулся к Вилю.

— Она пришла в сознание. Состояние ее стабилизировалось. Врач говорит, что она выкарабкается, — лицо Эриха блестело от пота. — Мне надо выпить виски.

Виль налил требуемое и протянул майору стакан. Эрих опрокинул содержимое в рот.

— Еще.

Второй стакан он выпил так же быстро, как первый. Беатрис показалось, что Эрих и по возвращении был не вполне трезв, и если он и дальше продолжит в том же духе, то скоро будет сильно пьян. Она изо всех сил сжала рукой кружку с горячим молоком, чувствуя, как ей в душу вползает леденящий страх.

Эрих устался на Виля злобным взглядом.

— Виль, вы можете идти к себе и лечь спать. Эта история будет иметь для вас последствия, но вы и сами прекрасно это знаете. Я подумаю, что делать с вами дальше.

— Если бы я мог что-нибудь сделать... — пробормотал Виль, но ответом ему была лишь циничная ухмылка. Опустив голову, Виль вышел. Со двора послышалось шуршание гравия под его сапогами.

Эрих налил себе еще виски. Движения его стали неуверенными.

— Как хорошо, что ты была здесь, Беатрис, — сказал он

заплетающимся языком. — Как хорошо, что ты есть. Ты — храбрая, осмотрительная девочка. Наверное, моя Хелин была бы уже мертва, если бы ты не повела себя так умно, так рассудительно.

Беатрис немного успокоилась. На нее он, во всяком случае, не злится. Она решила воспользоваться этим, чтобы защитить Виля.

— Сэр, Виль повез Мэй домой, потому что вы сами днем приказали ему это сделать. Он хотел сделать то, что от него ждали.

Эрих налил себе четвертый стакан виски и елевым голосом произнес:

— Наверное, ты еще слишком мала, чтобы это понять, Беатрис. Как мой личный адъютант, Виль пользуется некоторыми привилегиями. Поэтому к нему надо предъявлять и повышенные требования. Он должен делать то, что от него ждут, да, это так, но чего от него, собственно, ждут? Да, выполнения моих приказов. Но, помимо этого, он должен уметь и самостоятельно разобраться в положении, когда оно того требует. Я должен быть уверен, что могу на него положиться. Мне не нужен раб. Рабы у меня есть — это два француза, которые ухаживают в саду за розами, это рабочие, строящие дороги, бункеры и укрепления. Мне нужен человек, умеющий самостоятельно мыслить.

По голосу Эриха было заметно, что он много выпил, но был холоден и бесстрастен, но Беатрис знала, что в таком состоянии он очень опасен. Когда он откровенно бушевал, как сегодня днем, повергая в животный страх Хелин и всех окружающих, было, по крайней мере, ясно, что он не держит камня за пазухой. Но следовало быть начеку, когда Эрих становился мягким, когда говорил тихо, внятно излагая свои мысли и доводы. Потом следовал холодно и расчетливо спланированный удар, и это делало Эриха опасным.

Но тем не менее Беатрис рискнула:

— Виль не мог знать, что это случится. Никто не мог это предугадать.

Эрих улыбнулся холодной, как железо, улыбкой.

— Хелин — законченная истеричка. Ты этого не знаешь, потому что слишком мало с ней знакома. Виль тоже знает ее недавно. Но он — взрослый человек, а взрослый человек должен уметь оценивать такие ситуации. Уверен, что ему давно стало ясно, что он имеет дело с невротической личностью. С личностью, склонной к самоубийству.

Беатрис широко раскрыла глаза.

— Она уже пыталась?..

— ...лишить себя жизни? Нет. Но можешь мне поверить: с ней я пережил массу неприятных моментов. Рыдания, обмороки, приступы лихорадки. Просто удивительно, сколько болезней может придумать Хелин,

чтобы заставить окружающих плясать под ее дудку или отчетливо показать мне, что я плохо с ней обращаюсь. Она изобретательна. Ее ни в коем случае нельзя оставлять одну, когда на нее накатывает истерика. В этом состоянии она способна на все — что она сегодня и доказала.

— Она очень расстроилась из-за того, что вы накричали на нее, сэр.

— В самом деле? — Эрих достал из кармана кителя сигарету и закурил. — Вот что я тебе скажу, Беатрис. Хелин расстроена всегда. Это заложено в ее натуре. С утра и до вечера Хелин занята только собой, своими мелкими заботами и капризами, своими надуманными бедами и проблемами. Она думает только и исключительно о себе, и это приводит к тому гротескному поведению, какое мы видим.

Беатрис не видела ничего гротескного в том, что Хелин сникла после вспышки мужа, хотя, конечно, перерезать себе из-за этого вены было, пожалуй, чересчур.

— И что мы будем делать? — сухо, по-деловому, спросила она.

Эрих удивленно воззрился на девочку.

— Как это понять: что мы будем делать?

— Ну, сэр, как я понимаю, миссис Фельдман скоро вернется домой, и я... мы должны что-то придумать, чтобы она больше не пыталась... что-то с собой сделать. Ее ни в коем случае нельзя больше оставлять одну.

Эрих нетерпеливым движением стряхнул пепел на столешницу.

— Послушай, Беатрис, мы ни в коем случае не должны дать ей почувствовать, что ее поступок глубоко нас потряс. Если она поймет, что своим идиотским поступком возбудила в нас заботу и участие, то в любой момент она будет готова сделать нечто подобное. Любой ценой она хочет оставаться в центре всеобщего внимания, пусть даже для этого ей придется каждую ночь резать себе вены.

— Может быть, она ищет тепла?

Глаза его сверкнули — как показалось Беатрис, угрожающе.

— Ты хочешь сказать, что она не находит его во мне? Этого тепла?

— Я не знаю, сэр.

— Но ведь ты что-то думаешь по этому поводу. Уверен, что в твоей голове много разных мыслей. Скажи, что ты об этом думаешь, Беатрис.

Она пожала плечами, но ничего не ответила. Эрих потушил сигарету о столешницу. «Как мама берегла этот полированный стол», — невольно подумалось Беатрис. Фельдман встал.

— Я еще раз позвоню в больницу, — сказал он.

Состояние Хелин было относительно удовлетворительным. Кровообращение стабилизировалось, она уснула.

— Нам можно идти спать, — сказал Эрих. — Теперь нам можно не переживать. Хелин в безопасности, и сегодня с ней уже ничего не случится.

Он снова потянулся к бутылке виски.

— Ты все хорошо сделала, Беатрис. На самом деле, хорошо. Ты разумная девочка. Я горжусь тобой.

«Почему он решил, что должен мной гордиться», — раздраженно подумала Беатрис, но ничего не сказала. Напряжение постепенно отпускало; ею овладела свинцовая усталость. Было уже три часа ночи, и Беатрис хотела только одного: скорее лечь в постель, уснуть и забыть ужасы последних нескольких часов — истекающую кровью Хелин, бледного Виля и пьяного Эриха.

«Обо всем этом она может подумать и завтра», — устало сказала она себе.

Она проснулась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Каким-то образом чувство присутствия чужого человека смогло проникнуть сквозь глубокий сон и постучаться в сознание. Она спала без сновидений, как и хотела. Теперь же она, проснувшись, сквозь полудрему, видела серый тусклый утренний свет, пробивавшийся в окна. Должно быть, было еще очень рано, и едва пробуждавшийся рассвет был еще окутан ночной тенью. По серой окраске света Беатрис поняла, что на улице висит густой туман.

В нос ударил запах виски. Наклонившись к ней, на краю кровати сидел Эрих.

— Ты проснулась? — прошептал он.

В первый момент она решила притвориться спящей, но потом подумала, что он этим не удовольствуется. Он не успокоится до тех пор, пока ее не разбудит, поэтому стоит, пожалуй, открыть глаза.

Живот скрутило от непонятно откуда взявшегося страха. До сих пор Эрих уважал неприкосновенность ее комнаты. Весь дом принадлежал ему, но в комнату Беатрис он пока не входил, как будто между ними был заключен негласный договор о границах, которые они оба до сих пор не переступали.

Но теперь Эрих нарушил границу. Он не только вошел в ее комнату, но и сел на ее кровать.

«Слишком близко, — сказал внутренний голос, — слишком близко. Нельзя так близко его подпускать». Она, наконец, открыла глаза.

В комнате было достаточно светло, и Беатрис отчетливо различала черты лица Эриха. Он был бледен, но это могло быть и обманом зрения — утренний свет был лишен всяких красок и придавал всем предметам

белесый оттенок. Глаза Эриха неестественно блестели, лоб был покрыт потом.

— Ах, ты проснулась, — с облегчением в голосе произнес он.

— Что случилось? — спросила Беатрис и села. — Который теперь час?

— Ровно восемь. Нет... — он заметил, что она хочет встать и положил ей руку на плечо. — Лежи, лежи. Это была очень длинная ночь. Тебе надо хорошенько отдохнуть.

— Я не устала, — она снова попыталась сесть, — я буду...

Он снова заставил ее лечь, мягко, почти нежно, но недвусмысленно.

— Нет, моя храбрая маленькая девочка. Ты будешь отдыхать. Никому не будет никакой пользы, если ты свалишься с ног от усталости.

Она не совсем поняла, что он хотел сказать — что за заботливость его обуяла и почему он относится к ней так, словно она сделана из хрупкого фарфора? Она понимала лишь, что нет никакого смысла ему сопротивляться.

«С ним это вообще никогда не имеет смысла», — устало подумала она.

Он тихонько сжал ладонями ее левую руку и нежно ее погладил.

— Если бы тебя не было, Беатрис, если бы тебя у меня не было...

Она не осмелилась отнять руку, но очень захотелось, чтобы он куда-нибудь исчез. Сердце ее сильно забило. Она окончательно проснулась и была готова бежать — хотя и понимала, что убежать она не сможет.

— Во всем мире нет ни одного человека, который бы меня понимал, — сказал Эрих, — ни одного. Можешь ли ты себе это представить, маленькая Беатрис? Ты понимаешь, как чувствует себя человек, которого не понимает ни одна живая душа на свете?

— Вас понимает Хелин, сэр.

— Хелин? Ну, она-то, как раз понимает меня меньше всех. Хелин только делает вид, что она нежна, мила и добра. Хелин хочет подчинить всех своей воле и делает это самым коварным и подлым способом — закатыванием глаз, ангельским голоском и вечными жалобами, которые вызывают у меня чувство вины, и поэтому я делаю все, что она захочет, чтобы избавиться от вины, которой на самом деле не существует.

Эрих на мгновение умолк, мрачно глядя перед собой. Несмотря на то, что он, несомненно, был пьян, мысли свои он формулировал ясно и отчетливо, и Беатрис они казались логичными и взвешенными. Она вспомнила, как отец однажды сказал, что некоторые люди в пьяном виде начинают мыслить очень отчетливо. Видимо, это в полной мере относилось к Эриху.

— Ты, наверное, думаешь, что в моих отношениях с Хелин я сильнее,

чем она, — снова заговорил Эрих. — Все так думают, потому что Хелин постоянно ноет и жалуется. Но на свой манер, Беатрис, она сильна, очень сильна. Ты наверное сама скоро в этом убедишься. Она наденет ярмо на любого человека. И на меня тоже.

«Зачем он мне все это рассказывает, — испытывая страшную неловкость, думала Беатрис. — Это же, в конце концов, его личное дело. Я вообще не хочу этого знать».

— Я так давно ищу человека, который бы меня понял, — плаксиво произнес Эрих. — Человека, с которым я мог бы делиться всеми своими чувствами. У меня в голове много мыслей, как ты, наверное, уже поняла. Часто это очень хорошие мысли. Глубокие мысли, понимаешь? Но иногда это очень, очень печальные мысли.

Он внимательно посмотрел на нее. Беатрис почувствовала, что он ждет ответа.

— Мне очень жаль, сэр, — пробормотала она.

— Меня гложет великая печаль, — торжественно произнес Эрих. — Я хочу, чтобы ты об этом знала, Беатрис. Это поможет тебе лучше меня понять. Я знаю, что временами кажусь тебе очень странным. Но это бывает, когда печаль крепко хватает меня своими когтями.

Беатрис показалось, что он перестал понимать, о чем говорит. Но она при этом вспомнила о его странных перепадах настроения, которые так неприятно ее удивляли. Его настроение часто и быстро колебалось между эйфорией и отвращением к миру, между агрессией и меланхолией. Когда он затихал, Беатрис думала, что в это время он вынашивает какие-то коварные планы, роившиеся в его голове, для маскировки напустив на лицо непроницаемую тень. Но, может быть, на самом деле в это время его мучили грустные мысли.

— У меня внутри сидит жестокий враг, — сказал Эрих. На лице его внезапно появились глубокие морщины, мгновенно состарившие его на много лет. — Он намного хуже и опаснее любого внешнего врага. Он сидит глубоко в моей душе. Это значит, что я не могу от него избавиться. Я не могу его и победить, ибо как я могу вести войну против моего «я»?

«Ждет ли он от меня ответа?» — подумала Беатрис. Отвечать ей не хотелось, и, после недолгого молчания, Эрих продолжил:

— Мы, немцы, победоносный народ. Мы намерены завоевать весь мир. Знаешь ли ты хоть одну страну, которая смогла оказать нам достойное сопротивление? Нет ничего и никого, кто мог бы нас остановить. Мы — раса, которой принадлежит мир — и я ее часть. Я часть победоносной и гордой нации. И тем более жалким я себя чувствую оттого, что я

никогда... — он положил руку себе на грудь, — никогда не смогу справиться с этим беспощадным внутренним врагом. Он сильнее меня, чертовски сильнее. Иногда, правда, мне удастся его усыпить. Тогда он на некоторое время засыпает и оставляет меня в покое, но, кажется, что за это время он только набирается сил. Когда он просыпается, он снова силен и здоров, как молодой пес. Он снова нападает на меня и вонзает клыки в мою плоть и повисает на мне.

— Может быть, он не так силен, как вы думаете, — неуверенно сказала Беатрис. Она бы с удовольствием села, так как лежа чувствовала себя в подчиненном и унижительном положении, но понимала, что он снова заставит ее лечь, если она приподнимется, и она решила не повторять обреченную на неудачу попытку. — Может быть, это просто игра.

Эрих удивленно посмотрел на девочку.

— Что ты хочешь сказать?

Беатрис задумалась, сама не понимая, что она имела в виду. Речь шла о вещах, которые было трудно понять и трудно сформулировать. Эндрю часто говорил с ней о страхах, и о том, как можно их обойти или преодолеть. Эндрю хотел убедить дочь в том, что она может овладеть любым своим страхом, чтобы не дать ему овладеть ею.

— Если вы кого-нибудь боитесь, — сказала она, повторяя отцовские слова, — то, обычно, начинаете отступать. Ваш противник, соответственно, делает шаг вперед. У него становится больше места, а у вас меньше. Поэтому он становится сильнее, потому что вы освободили ему место.

— И что ты предлагаешь?

Она задумалась.

— Наверное, надо просто остаться на месте. И внимательно следить за противником. Может быть, он не так силен, как кажется.

Он вымученно улыбнулся.

— Как просто все это звучит в твоих устах, маленькая Беатрис. Как это... — он испытующе взглянул на нее. — Ты меня боишься?

— Нет, — ответила Беатрис.

— Это правда?

— Думаю, да.

В его глазах проступило изумление.

— Я тебе верю. Ты сильная. Сильнее, чем Хелин и я. Иди ко мне! — он приподнял Беатрис и привлек ее к себе. — Обними меня. Сможешь ты это сделать? Всего на один миг.

Беатрис непроизвольно отпрянула. Эрих нежно коснулся ее щеки.

— Мне действительно не нужно ничего иного. Только обними меня.

Помедлив, Беатрис обвила Эриха руками, ощутив колючую ткань его мундира. Эрих прижался лицом к ее щеке. Запах виски стал сильнее, щеку колола жесткая щетина. Несмотря на витавший вокруг Эриха алкогольный дух, его близость не была противна Беатрис. От Эриха приятно пахло смесью хорошего лосьона и его кожи, пахнувшей сухой травой.

— Ты придаешь мне сил, — пробормотал он, уткнувшись ей в плечо. — Ты нужна мне, Беатрис.

Она с удивлением почувствовала, что в этот момент он не лгал, а говорил то, что чувствовал. Он прижимался к ней, как маленький, всеми покинутый ребенок. «Как все это трудно, — подумала она, — и как трудно еще будет».

Эрих тихо заплакал.

«Нет в году месяца, более мрачного и тоскливого, чем январь», — подумала Франка. Многие считают самым беспросветным месяцем ноябрь, но Франка думала по-другому. Ноябрь ей наоборот нравился. Короткие серые дни, туман и холодный ветер дарили ей чувство защищенности. Ноябрь давал ей законное право спрятаться в четырех стенах, оправдывал уход от мира, погружение в свет свечей, горячий чай, рождественскую музыку и огонь камина. Ноябрь на короткое время внушал Франке чувство приобщения к миру, гармонии с ним.

В январе все было по-другому. Январь был широко распахнутой дверью, через которую в жизнь вламывался новый год, чреватый тысячами опасных возможностей. Однажды Франка попыталась объяснить Михаэлю это чувство и хорошо запомнила то раздражение, которым он отреагировал на ее рассказ.

— Опасные возможности! Бог мой, Франка, если бы это сочетание не было бы для тебя таким ужасающе типичным! Опасные возможности! Само слово «возможности» ты непременно связываешь с негативными ассоциациями. Тебе никогда не приходило в голову, что возможности могут быть и позитивными?

— Ну, я...

Он не дал ей договорить.

— Ты предчувствуешь опасности во всех углах, Франка, а это уже просто болезнь. Самое плохое во всем этом то, что ты никогда не справишься. Неужели ты даже не можешь себе вообразить, что хоть что-то в твоей жизни может быть безопасным? Или, если выразиться смелее: что ты можешь преодолеть и пережить опасность?

Мысль об этом и в самом деле представлялась Франке настоящим подвигом.

«Он не может меня понять, — подумала Франка, — до него это просто не доходит».

В этом году январь был еще хуже, чем обычно. Он не только принес с собой новый год, но и новое столетие и даже новое тысячелетие. Франке казалось, что все опасности учетверились и с затаенной враждебностью ждут своего часа.

— Как бы мне хотелось, чтобы сейчас было лето, — сказала она.

Они завтракали за кухонным столом. Пахло кофе и яичницей. На окне

лежал высохший рождественский венок и догоревшие почти до конца четыре красные свечи. Пыльный, погибший реликт былого праздника.

— Все ждут лета, — вяло ответил Михаэль на замечание Франки. В тоне его, как всегда, сквозило нетерпение. — Лето тепло, светло и приятно пахнет. От зимы всерьез не добьешься никакого толка.

— От января, — сказала Франка. — Я не могу добиться никакого толка от января.

Михаэль помешал ложечкой в чашке.

— Опять ты со своим январем! Если бы ты сказала, что в январе холодно и противно, и поэтому ты его не выносишь, то тебя можно было бы понять. Но речь-то идет о каком-то непонятном диффузном страхе, не так ли?

Франка с испугом подумала, что он прав.

Михаэль тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Сейчас он производил впечатление человека, обреченного Богом на то, чтобы до конца нести свой крест — вечно обсуждать одну и ту же навязшую в зубах тему, но не желавшего скрывать раздражение и скуку.

— Неужели ты не можешь попытаться, ну хотя бы только попытаться раз и навсегда справиться со своим страхом? Я просто не могу понять эту странную фобию. Если бы ты, по крайней мере, конкретизировала, чего ты боишься и с какими вещами ты опасаясь столкнуться! Но ты и сама этого не знаешь. Ты не можешь назвать по имени ни одну из угрожающих тебе опасностей. Ты превращаешь все это в какую-то бессмыслицу. В безнадежную бессмыслицу.

«Безнадежная бессмыслица, — подумала Франка. — Вот определение, которое он нашел для моих чувств, а в конечном счете, и для меня».

— У меня снова должно быть какое-то занятие, — сказала она. Голос ее зазвенел высокими нотами, как бывало всякий раз, когда она вступала в диалог с Михаэлем.

— Ага, вот мы и вернулись к нашей старой, излюбленной теме. Тебе понадобилось занятие. И о каком именно занятии ты думаешь?

Он, конечно, превосходно знал, что она не думала ни о чем конкретном. Конечно, было несколько дел, которыми она бы охотно занялась, но вся беда была в том, что она не верила, что сможет с ними справиться. В этом заключалась вся ее проблема.

— Я не знаю, — честно сказала она.

— Но если ты говоришь, что тебе нужно занятие, то наверняка же ты о чем-то думала.

— К своей прежней профессии я не вернусь.

— Об эту тему мы уже обмозголили языки. Ты не находишь, что пора бы от нее отойти? Вместо того чтобы обсуждать, чего ты не можешь, надо поговорить о том, что ты можешь!

«Я ужасно действую ему на нервы», — подумала Франка. Перебросившись с ним всего парой фраз, она уже чувствовала себя разбитой и усталой, как будто провела всю ночь в изматывающей дискуссии. Было уже ясно, что из этого разговора не выйдет ничего путного, она не добьется ни единой искры тепла и сочувствия от этого человека, за которого восемь лет назад вышла замуж. Франка уже жалела, что начала этот разговор.

— Это не так уж важно, — вяло сказала она.

Но Михаэль явно не желал так быстро заканчивать эту перепалку. Франка уже давно подозревала, что Михаэль ведет себя с ней как кошка с мышкой. Кошка долго играет с мышкой, прежде чем ее сожрать. Мышка может даже отпрыгнуть на пару шагов, но цепкая кошачья лапа в следующий же момент неминуемо ее настигнет.

«Почему я всегда мышка?» — в отчаянии подумала Франка.

— Что значит — это неважно? Ты затронула эту тему именно потому, что она очень важна. Иначе ты бы об этом не заговорила, верно? Я исхожу из того, что едва ли ты за последним спокойным завтраком, в последний день перед выходом из отпуска, начала разговор, который был бы для тебя совершенно неважен!

— Михаэль...

— Ты сказала, что тебе нужно занятие. Я спросил, о каком занятии ты думаешь. Я предложил как-то по-другому запрячь лошадь и обсудить пару реальных возможностей. И тут ты заявляешь, что, в общем-то, этот разговор абсолютно не важен. Такое поведение не кажется тебе, мягко говоря, невротическим?

Кошачья лапа настигла мышку. Франка получила новое определение. Мало того, что она — безнадежная дура, она еще и невротик.

Она уже раскаивалась, что затронула эту тему, тему, которая касалась ее самой. С Михаэлем такое не проходит. В мгновение ока она оказывается припертой к стенке, и ей приходится отчаянно отбиваться. Но разве она попадает впросак только с ним? В отношениях с другими людьми она тоже очень быстро оказывается в таком же положении. Почему-то почти все — даже те, кто не блещет умом и не способен сосчитать до трех — почти мгновенно нащупывают ее слабое место. Они сразу замечают ее страх и нерешительность и немедленно переходят в наступление. Добрые люди анализировали, советовали, сочувствовали Франке. Агрессивные натуры,

однако, своим натиском тотчас загоняли ее в угол.

— Что ты собираешься сегодня делать? — спросила она, надеясь перестать быть предметом разговора. — Сегодня у тебя последний день отпуска. Ты должен...

Михаэль состроил насмешливую гримасу.

— Ага, мадам желает сменить тему. Разве мы не собирались поговорить о твоём профессиональном выборе? Или тебя это больше не интересует?

— Это бесполезный разговор.

Он вздохнул в третий раз. Положительно, Франка ведет себя, как капризный, упрямый ребенок.

— С такими представлениями, как у тебя, из этого и правда ничего не получится, если ты с самого начала не веришь в результат... Это действительно проблема, Франка. Если ты сама не веришь в себя, то никто не сделает это за тебя.

Франка так часто слышала от Михаэля эту фразу, что она вызывала у нее физическую тошноту. Как это делают — верят в себя? — хотелось спросить Франке. Я бы тотчас поверила в себя, если бы знала, как это делается. Есть ли на свете рецепт: как стать такой, как ты?

Она посмотрела на него, как он сидит, откинувшись на спинку стула и сцепив руки на затылке. Франка всегда находила его красивым, она и сейчас видела его красоту, но сегодня впервые она вдруг поняла, насколько он несимпатичен. Это была опасная, испугавшая ее ересь, но Франка уже не могла приукрашивать действительность и при этом не лгать самой себе. Михаэль был ей несимпатичен.

В его улыбке проступала надменность, которая раньше едва намечалась, но теперь стала очевидной. Его медлительные, тщательно рассчитанные движения, высоко вскинутые брови, длинноватые, зачесанные назад волосы, начавшие благородно сесть виски лишь усиливали впечатление человека, сознающего свое влияние и охотно им пользующегося.

«Что, однако, видит он, когда смотрит на меня?» — подавленно подумала Франка. Наверное, он смутно помнит то время, когда ее считали привлекательной женщиной. В университете ее постоянно засыпали комплиментами. Мужчинам нравились ее длинные ноги и светлые глаза, обрамленные густыми ресницами. Теперь на нее уже давно никто не оборачивается. Она знала, что глаза ее утратили блеск и тепло, что она очень редко смеется, что страх и подавленность наложили неизгладимый горький отпечаток на ее лицо. Она выглядела так же, как себя чувствовала:

серой, незаметной, нервной и боязливой.

Она вдруг подумала, что Михаэль скоро потеряет терпение и заведет себе другую женщину — если, конечно, он уже этого не сделал.

— Ну и, — Франка снова задала вопрос, на который Михаэль так и не удосужился ответить, — что же ты собираешься сегодня делать?

Он смял салфетку, бросил ее на стол и встал.

— Мне кажется, что я уже не в отпускном настроении, — ответил он, и по его тону было ясно, кого он считает виновником. — Поеду в лабораторию. Там сегодня никого нет, и я смогу спокойно заняться бухгалтерией.

Он так небрежно поцеловал ее на прощание, что Франка даже обиделась. От Михаэля пахло дорогой туалетной водой, и Франка вдруг подумала, что другая женщина у него, наверное, уже давно. От этой мысли ей стало больно, но смирение ее было так сильно, что она не почувствовала даже тени гнева.

«В январе Гернси не блещет своими обычными красотами», — подумал Алан. Два часа он просидел в жарко натопленном кафе в Сент-Питер-Порте, ел лепешки, пил чай с молоком, и теперь, когда он вышел на улицу, ледяной ветер с удвоенной силой хлестнул его по лицу. С ветром летели мелкие дождевые капли. Холодная вода противной пленкой покрыла кожу и волосы. Когда он до этого шел из машины в кафе, погода не казалась ему до такой степени сырой и неприятной, как сейчас. Ветер сменил направление и дул теперь с северо-востока. Метеорологи обещали дожди на всю следующую неделю.

Алан и сам не понимал, ради чего он покинул теплое уютное кафе. До вылета в Лондон оставалось еще целых два часа, и зачем ему садиться в холодный автомобиль и приниматься за газету? «Ну, ты же и сам знаешь, зачем ты это сделал, — издевательски шепнул ему внутренний голос. — Если бы ты еще немного посидел в кафе, то скоро заказал бы первый коньяк, и ни за что бы на этом не остановился. Он же никогда не ограничивается одним бокалом, не так ли? Ты можешь собой гордиться — уже одиннадцать часов утра, но ты еще не выпил и капли спиртного».

Бывали дни, когда он пытался доказать самому себе, что способен держать в узде свою тягу к алкоголю. То, что он с удовольствием пьет, еще не значит, что алкоголь необходим ему для хорошего самочувствия. Иногда он оттягивал первый стакан виски или бокал вина до вечера. Временами это ему удавалось, временами — нет, но в каждом случае находилось подходящее объяснение. Например, ужин с клиентом, когда не выпить с

ним означало бы верх неприличия. Или слабость кровообращения, бороться с которой можно было только коньяком. Или неприятности на работе, которые требовали немедленно глотнуть добрую порцию виски. Большинство его знакомых в течение дня пропускали несколько стаканчиков, и поэтому Алан не чувствовал, что выпадает из общих рамок.

«Сегодня, к несчастью, никакого повода нет, — подумал он и поплотнее запахнул пальто. — Вот, разве только холод. Стакан чудесного горячего грога...

Мысль была настолько соблазнительной, что он поспешно сделал еще один шаг прочь от кафе. Наверное, подумалось ему, он делает ошибку, что так часто и много думает о спиртном. Именно поэтому тема кажется такой важной. Но, конечно, свою роль играет здесь и Беатрис. Как она наседала на него в Рождество, считала стаканы, сердилась, упрекала его в том, что он где-то прячет заветную бутылку. На его беду, она в новогоднюю ночь в два часа заглянула в гостиную и застала его сидящим в кресле со стаканом виски в руках и в облаке дыма от трех выкуренных им сигарет. На Алане был халат, но не было ни тапочек, ни носков. Он помнил, что сильно мерз, но у него не было сил встать и добраться до кровати.

— Что ты здесь делаешь? — укоризненно и холодно спросила Беатрис, высоко вскинув брови.

— А что ты здесь делаешь? — раздраженно ответил он вопросом на вопрос.

С наигранной развязностью — в которой она всегда упрекала сына — она взяла из шкафа стакан и налила себе двойную порцию виски — во всяком случае, Алану так показалось.

— Что-то я никак не могла заснуть, — сказала она и села на диван, — и решила пойти что-нибудь выпить. Кто знает, может быть, поможет.

— Верится с трудом, — сказал Алан, — но со мной было точно то же самое. У нас сегодня не полнолуние?

— Нет, — Беатрис сделала большой глоток и поморщилась от отвращения. — Собственно, я вообще не люблю виски.

— Зачем же ты тогда пьешь?

— Бутылка уже открыта. Это меня и соблазнило. Но, может быть, запах твоего стакана или твой запах — кто его знает. Здесь, в гостиной, сильно пахнет алкоголем, несмотря на дым. Какой это у тебя по счету стакан?

Алан почувствовал, что его разрывают два противоположных желания: объяснить, что ему уже за сорок и он не обязан давать ей отчет в своих действиях, и детское желание шокировать мать — назвать ей такое число,

чтобы потрясти ее до основания.

— Шестой или седьмой, — лениво ответил он и налил себе еще виски.

— Ерунда, от такого количества ты бы уже лежал под столом. Но меня очень тревожит, что ты в одиночку пьешь здесь среди ночи.

— Но ты делаешь сейчас то же самое.

— Для меня это исключение.

— Ах, вот как? Мое дело — верить тебе или нет. Но я по ночам обычно сплю.

— Алан, — она отставила в сторону стакан и пристально посмотрела сыну в глаза. — Что-то здесь не сходится! Ты слишком много пьешь, это видно всякому невооруженным глазом. И эти ночные блуждания... Я не знаю, делаешь ли ты то же самое в Лондоне, но я спрашиваю себя: почему ты не можешь спать, и от чего ты спасаешься, прибегая к алкоголю?

— Я же сказал тебе, что в Лондоне я этого не делаю. Может быть, все дело в доме. Везде скрипят и стонут какие-то деревянные балки. При таком шуме не уснет ни один нормальный человек.

— Алан...

Он со звоном поставил стакан на стол.

— Мама, прошу тебя, прекрати этот инквизиторский допрос. Я уже взрослый и отдаю себе отчет в своих действиях.

— Ты несчастлив.

— Откуда тебе это известно?

— Я вижу. Это видят даже те, кто знает тебя хуже, чем я. Это видно по выражению твоего лица, это написано в твоих глазах, тебя выдает твое поведение. Тебе сорок два года, ты успешный и красивый мужчина — и ты живешь один. Твое одиночество можно пощупать руками. Мне очень больно за тебя, я хочу, чтобы ты поговорил со мной, и, может быть, мы вместе придумаем, что с этим делать.

Еще и сегодня, неделю спустя, в нерешительности стоя на холодном ветру, он помнил, как плохо стало ему от этих слов. Он всегда испытывал душевную муку, когда Беатрис начинала навязывать ему свою близость, злоупотребляя словом «мы» и предлагая совместные действия. У Алана тотчас появлялась свинцовая тяжесть в груди, становилось жарко, перехватывало дыхание. Он и сам не знал, отчего это происходило: может быть, все дело в том, что он прекрасно понимал лживость слова «мы». Для Беатрис всегда существовало только слово «я». Говоря: «Мы можем вместе подумать», она, на самом деле, хотела сказать: «Я разработаю план, и ты его примешь».

Поэтому он ненавидел моменты, когда она начинала потрясать своим

орудием притеснения. Наверное, и правда, в его жизни что-то было не так, но он, по крайней мере, сам распорядился своей жизнью, и если он действительно был несчастлив, то до сих пор ему удавалось так далеко оттеснить это обстоятельство, что, по большей части, он его просто не замечал. Он ни в коем случае не мог допустить, чтобы какой-то человек, пусть даже его собственная мать, небрежно гуляя, подошла к нему, запустила пальцы в старые раны и приговаривала бы при этом, какой он, Алан, горемыка и бедолага. Беатрис была великой мастерицей на этом поприще. Она видела людей насквозь, как на рентгене, сразу обнаруживала их слабые места и вцеплялась в них мертвой хваткой. Естественно, под маской заботы и готовности помочь.

«На самом деле, — думал Алан, — она просто удовлетворяет свою жажду власти». Он не переставал удивляться тому, что продолжает ездить на Гернси, жить в ее доме, позволяет ей надзирать за собой, придирается к нему и ругать за любую мелочь. И так продолжается уже целую вечность.

В этот раз он приехал на Гернси в канун Рождества, но вот уже миновала первая неделя января, а он все еще здесь. Отпуск закончится девятого января, и он сам не понимал, как можно было сделать такую глупость — потратить на Гернси драгоценные дни отдыха. С таким же успехом он мог бы слетать на Юг и погреться на солнышке.

Правда, там он был бы совсем один. И в Лондоне, и на «Юге». И дело было не в том, что он не мог в пивной или в баре отеля познакомиться с какой-нибудь девочкой. Женщины охотно отвечали ему взаимностью, радостно откликаясь на его взгляд или улыбку. Но череда легких, мимолетных интрижек научила его тому, что даже в самом интимном телесном слиянии с другим человеком можно остаться одиноким. Еще более одиноким, чем в пустой лондонской квартире перед телевизором. В какой-то момент Алан полностью отказался от знакомств на одну ночь. Ему не надо было больше спать с женщинами, чтобы лишний раз убедиться в собственной неотразимости. Теперь ему было интереснее беседовать с женщинами, а не тащить их сразу в постель.

«Вероятно, я старею, — подумал он, — или мамочка все же права: я так одинок, что секс перестал доставлять мне удовольствие».

Им овладело уныние, да и ветер становился с каждой минутой все холоднее и холоднее. Желание выпить стало почти непреодолимым. Он знал, что стоит ему выпить, как он сразу почувствует себя лучше. Он живо представил себе жжение в горле, тепло в желудке и легкость в голове. Серый январский день заиграет яркими красками, ветер станет мягким и ласковым. Он остановился, оглядел улицу и в этот момент увидел ее, и в

тот же миг до него дошло, зачем он снова и снова приезжает на Гернси, почему задерживается здесь сверх всякой меры, он ощутил всплеск детской надежды, которая вынуждала его заново посещать место, которое он, в сущности, ненавидел.

Он увидел Майю и подумал: нет, черт возьми, это не кончится никогда. Он сохнет по ней, он молится на нее, как глупый школьник, и, вопреки всякой логике, где-то, глубоко в его мозгу, или в сердце, или в душе, упорно гнездились представления о том, что все — жизнь, повседневность, будущее — все станет лучше и прекраснее, если она, наконец, выберет его.

— Привет, Алан, — сказала она, подойдя ближе.

— Привет, Майя, — ответил он, сумев, по счастью, придать своему тону легкую небрежность. На самом деле, сердце его стучало в груди, как паровой молот, и он еще больше захотел виски, который вернул бы ему душевное равновесие.

— Я думала, ты уже давно уехал, — сказала Майя. — Как приятно так неожиданно тебя встретить.

Улыбка ее, как улыбка мадонны, источала любовь, но глаза блестели кокетливо и соблазнительно, выдавая расчетливость всех ее жестов и взглядов.

«Либо она нечувствительна к холоду, — подумал Алан, — либо она немилосердно мерзнет, но готова платить и такую цену за возбуждающий желание вид». На Майе была такая узкая и тесная юбка, что было совершенно непонятно, как в ней можно сидеть. Свитер был ей мал, по меньшей мере, на один размер, а длинные ноги были затянуты блестящими черными чулками. Туфли на каблучке делали Майю еще выше и стройнее, чем она была на самом деле. И она, в самом деле, была стройна, еще более стройна, чем на Рождество, когда он видел ее в последний раз. Но почему его так трогает ее худоба? С усилием он заставил себя вспомнить, что в ней нет ничего, что могло бы вызвать умиление или растроганность. Майя была холодна, расчетлива и умна и откровенно демонстрировала всем свои подлинные интересы. Если иногда она выглядела, как нежное дитя, то это значило, что в эти моменты она хотела выглядеть нежным ребенком.

Пальто она перекинула через руку, и Алан не удержался от ехидного вопроса:

— Тебе не кажется, что так недолго и простудиться? Ходишь по такой погоде полуголая.

Она насмешливо поморщилась.

— Тебя, наверное, плохо греет кровь. Я, во всяком случае, не мерзну.

Он явственно видел синий ободок вокруг ее губ — мягких, полных,

теплых губ — и знал, что она лжет. Ей было холодно, но пальто слишком сильно прикрыло бы ее тело.

«Выбрось ее из головы, — подумал он с гневом и, одновременно, отчаянием. — Ты никогда не будешь с ней счастлив. С ней вообще не будет счастлив ни один мужчина. Женщина, которая при такой погоде щеголяет без пальто только затем, чтобы все видели ее груди и ноги, не стоит и ломаного гроша».

Он ужаснулся этой мысли. Ни разу еще он не судил ее с такой беспощадностью, и он уже раскаивался в жестокости, которую проявил к ней. Нет, он несправедлив. Она молода и любит жизнь, она делает глупости, но их делают все молодые люди — одни меньше, другие — больше, а Майя, наверное, еще больше... Но это не повод считать ее никчемной, женщину, по которой он томился и которую так желал...

— Мой рейс только через два часа, — сказал он, — не хочешь выпить со мной кофе?

Она ненадолго задумалась.

— Твоя машина далеко? Мы могли бы прокатиться на побережье. Я люблю море в такую погоду.

Он вытащил из кармана ключ.

— Ладно, поехали.

Иногда Хелин спрашивала себя, зачем она должна была непременно остаться на Гернси. В такие дни, как сегодня, она задавала себе этот вопрос с особенной растерянностью. Иссинья-серое небо подавляло ее, как и завывание ветра, вид голых ветвей в саду, гнущихся под напором зимней бури. По какой-то неведомой причине в такие дни Хелин страдала ностальгией, ностальгией по стране, в которой не была уже больше полувека. В теплые тихие, благоухающие цветами дни Гернси смягчал тоску по утраченной Германии. Но в темные, пасмурные, холодные дни ностальгия прорывалась, как старая, плохо зарубцевавшаяся рана. Тогда она неотступно думала о Берлине, о старом доме, об улицах, по которым ходила, о людях, которых знала. Она вспоминала школьных подруг, мужчин, с которыми встречалась до того, как на горизонте появился Эрих. До него были невинные влюбленности, пара нежных поцелуйчиков, романтические прогулки по заснеженному Груневальду. Ни один из этих романов не задел Хелин за живое, и только с Эрихом у них началась серьезная связь. Но сегодня, по прошествии времени, многие из тех невинных романов казались ей упущенными возможностями, шансами на другую жизнь, но она сама перечеркнула их, и они безвозвратно канули в

прошлое. Конечно, это безумие, вообще думать об этом, тем более в ее возрасте. Беатрис по этому поводу сказала бы, что нельзя понапрасну тратить жизненную энергию, думая о вещах, которые невозможно изменить, или о событиях, принадлежащих прошлому. Но Беатрис другая: прагматичная, трезвая и самым радикальным образом настроенная смотреть только вперед. Беатрис никогда не поддавалась мрачным или печальным мыслям. Или она просто хорошо умеет скрывать плохое настроение?

Хелин вышла из комнаты, по которой она довольно долго расхаживала взад и вперед, безуспешно пытаясь одновременно навести порядок. Но дело кончилось тем, что она переложила несколько вещей с места на место, но в комнате от этого ничего не изменилось.

Она спустилась по лестнице, прислушалась, не доносится ли откуда-нибудь звук, говорящий о присутствии в доме чужого человека. Но все было тихо. Беатрис, вероятно, отправилась за покупками, как обычно в это время дня. Хелин прошла в гостиную. Здесь целый день топили, и теперь в гостиной было тепло и уютно, но Хелин подумала, что неплохо было бы затопить камин, ибо вид пламени и потрескивающих поленьев всегда действовал на нее успокаивающе.

Эрих растапливал этот камин при каждом удобном случае — в туманные зимние дни и прохладными летними вечерами. Она вдруг вспомнила свою первую осень на Гернси, вспомнила первые недели после выписки из больницы. Хелин тогда отвратительно себя чувствовала, сильно ослабла и постоянно жаловалась на усталость. В октябре и ноябре бабьего лета не было, на острове, стоял необычный для этого времени года холод, и мало того, целыми днями шли бесконечные дожди. Поправлялась Хелин долго и трудно; скорее всего, из-за погоды, но, вероятно, и из-за того, что ее дух не мог помочь телу выздороветь. Она была угнетена, мучилась ностальгией и вообще не находила себе места.

Единственной отрадой в то время стала необычная заботливость Эриха, которую Хелин раньше за ним не замечала. Правда, он упрекал ее за безумный поступок, но не впадал при этом в ярость, и Хелин заметила, что на этот раз муж был действительно не на шутку потрясен. Он начинал заметно нервничать, если не мог сразу отыскать ее в доме или если она не тотчас откликнулась, когда он ее звал. Иногда она была так глубоко погружена в свои мысли, что не слышала его голоса, хотя в это время она не спала, а просто смотрела в окно или пыталась согреться перед пламенем камина. Эрих тогда страшно накричал на Виля, как будто это он был во всем виноват, но Хелин заступилась за солдата, сказав, что он ни в чем не

виноват и настояла на том, чтобы Эрих оставил Виля у себя в адъютантах. Это был один из тех редких случаев, когда она осмелилась возразить Эриху и высказать свое желание, а он ее желание уважил, что тоже случалось крайне редко. Депрессия требовала лечения, Эрих горстями глотал таблетки, но все равно был подвержен сильным колебаниям настроения. Хелин, правда, потребовалось некоторое время, чтобы заметить, что Эрих все чаще стал бегать к Беатрис, когда ему было по-настоящему плохо.

До сего дня помнила она тот неопиcуемый ужас, какой испытала, узнав, что между ее мужем и двенадцатилетней девочкой завязывается странная общность. Это никоим образом не походило на сексуальное сближение, и было маловероятно, что до этого когда-нибудь дойдет; Хелин знала моральные принципы Эриха и понимала, что он никогда не посягнет на Беатрис. Он хотел чего-то другого, хотел сделать ее своей наперсницей, соучастницей, желал добиться ее понимания и благосклонности.

Ревность поразила Хелин, как удар кулака, но вражда ее обратилась не на Эриха, а на Беатрис. Перепады настроения и непредсказуемость Эриха настолько истожили Хелин, что ей было только на пользу, что муж ищет другого человека, на груди которого может выплакаться и дать волю своим чувствам. Но этим человеком не должна была стать Беатрис. Она не должна быть его добычей, Беатрис принадлежит ей, Хелин, и он должен прекратить свои попытки завладеть девочкой.

Она до сих пор очень живо помнила тот день, когда она случайно услышала их разговор. Это был январский день сорок первого года, стоял такой же, как сегодня, день — было холодно, сильный ветер гнал по небу тяжелые серые облака. В тот день Хелин долго спала и проснулась только в полдень. Встав, она спустилась вниз. На ней был надет только халат, и она страшно мерзла. Впрочем, она постоянно мерзла после того сентябрьского дня и примирилась с мыслью, что, видимо, будет теперь мерзнуть до конца жизни. Ей очень хотелось выпить чашку горячего черного кофе, но, подойдя к двери столовой, она резко остановилась, так как из-за двери услышала голос Эриха, который, как она думала, давно уехал из дома.

— Это холод, — говорил Эрих, с тем чувством, которое, по иронии судьбы, очень нравилось Хелин. — Это жуткий холод внутри меня. И пустота. Они меня не отпускают и никогда не отпустят.

— Я не знаю, что сказать вам на это, сэр. Мы уже часто об этом говорили, — это была Беатрис. Она говорила по-немецки с сильным акцентом, но почти без ошибок.

«Как быстро она учится, — удивленно подумала Хелин, — какая она все же умненькая девочка».

Чувство удивления залило ее теплом, и это было невыразимо приятно, но одновременно сильная болезненная судорога скрутила ей желудок. Они уже часто об этом говорили. Он ей доверяет. Он говорит ей о демонах в своей душе, о враге, засевшем в его мозгу, о мучительных мыслях, которые так часто его посещают. И она позволяет ему открываться, дарит ему свое время, понимание и говорит с ним нежным ласковым голосом.

— И дело не в том, что у меня нет цели, — говорил Эрих, — естественно, она у меня есть. У нас, немцев, одна цель. Мы ведем великую борьбу за новый миропорядок, и эта борьба есть та задача, которой я служу. Поэтому моя жизнь имеет смысл. Это великий смысл, ты не находишь? Великий и важный смысл.

Беатрис не ответила — да и что ей ответить, ей, гражданке захваченной страны, — но наверное она очень внимательно смотрела на него своими прекрасными глазами.

Эрих был в отчаянии.

— Но почему я не чувствую этот смысл? Я его знаю, его знают моя голова и мой разум, но я его не чувствую. Я чувствую полную бессмыслицу. Но это же абсурдно, абсурдно и противоестественно в отношении великой задачи, которая переполняет меня. Я не могу понять, как такое может быть. Если бы я это понял, то, наверное, мне стало бы легче.

Колени Хелин стали ватными. Она отошла от двери и села на нижнюю ступеньку лестницы. Отсюда она не смогла разобрать ответ Беатрис; вероятно, она сказала что-то уклончивое, ибо она не могла дать напрашивавшийся сам собой ответ, вытекавший из ситуации, да и могла ли двенадцатилетняя девочка понимать эту ситуацию? Ответ был прост: великое дело, которому присягнул Эрих, было довольно сомнительным, оно тяготило его, вероятно, больше, чем он осознавал, и не столько из моральных соображений, сколько из-за сомнений в благополучном исходе этого дела.

«Он боится», — тотчас и очень отчетливо поняла Хелин, эта ясность была безошибочной, как инстинкт: он панически боится конца, и бежит в депрессию, чтобы не видеть этого страха.

Дверь открылась и из столовой вышел Эрих. Он был бледен, глаза — красны от усталости. Хелин знала, что по ночам он почти не спит.

— А, Хелин! — сказал он, не выразив ни малейшего удивления. — Что ты здесь делаешь? Ты же простудишься.

— Я хотела позавтракать, но у меня закружилась голова и я присела на ступеньку.

— Ты принимаешь препараты железа, которые прописал тебе доктор Мэллори? — он наклонился к жене и легонько поцеловал ее в лоб. — Мне надо идти. Здесь Беатрис. Она составит тебе компанию за завтраком.

Расправив плечи и вскинув голову, он пересек прихожую и вышел из дома. Ему стоило больших усилий сохранять молодцеватый вид. Хелин знала, чего ему стоили гордо поднятая голова и прямая спина: Эриху требовалась вся сила его воли, чтобы являть образец статного офицера и не дать никому заметить, насколько ему в действительности паршиво.

Входная дверь захлопнулась за Эрихом, и в этот момент из столовой вышла Беатрис. Этим утром она была красивее, чем обычно. В выражении ее лица проступала зрелость, не свойственная обычно девочкам такого возраста.

— Почему, — резко спросила Хелин, — ты не в школе?

— Мы сегодня начинаем позже. У нас не будет урока немецкого.

Немецкий язык стал обязательным предметом во всех школах острова, но учителей не хватало, и уроки проводились спорадически.

— Ага, и почему же его не будет?

— Учительница заболела гриппом, а замены не нашли.

Хелин с трудом встала; чтобы удержать равновесие, ей пришлось ухватиться за перила.

— И вместо того чтобы хоть один раз навестить меня, ты весело целый час болтаешь с Эрихом, — укоризненно произнесла она.

Беатрис удивленно посмотрела на Хелин.

— Мы говорили всего четверть часа, не больше.

— Со мной ты сегодня вообще не говорила. Даже четверть часа!

— Но вы же спали.

— Кто тебе это сказал? — голос Хелин перешел в нестерпимый визг. — Кто тебе сказал, что я спала? Что я не лежала без сна и надеялась, что кто-нибудь зайдет меня проведать?

— Я не могла этого знать, — вежливо ответила Беатрис, давая, однако, понять, что весь этот разговор ей смертельно надоел. — Мне очень жаль.

— О, нет, тебе нисколечко не жаль! — закричала Хелин. — Я не играю никакой роли в твоей жизни! Мне интересно, почему ты тогда просто не оставила меня умирать. Так было бы лучше для всех нас!

Беатрис не ответила, и Хелин, повернувшись, опрометью бросилась вверх по лестнице.

— Я могу сделать это снова! И я это сделаю! — она вбежала в ванную, захлопнула за собой дверь и задвинула засов. Тяжело дыша, она села на край ванны и вытерла пот с лица. Пот был холодный, ледяная пленка,

выступавшая на коже при каждом движении. Она ощутила моральное удовлетворение, услышав, как Беатрис бежит вверх по лестнице. Девочка забарабанила в запертую дверь.

— Хелин, откройте! Прошу вас! Выходите!

Хелин не отвечала. Она предоставила Беатрис невозбранную возможность стучаться в дверь и грозить, не шевелясь сидя на краю ванны. Беатрис, наконец, исчезла и вернулась с Пьером, который взломал дверь. Дерево треснуло, и щеколда вылетела из петель, грохнулась в раковину и отколола кусок эмали. Пьер, Беатрис и немец-охранник ворвались в ванную с расширенными от страха глазами. Хелин, не меняя позы, сидела, как статуя, уставившись на всех троих.

— Все в порядке, мадам? — спросил Пьер на ломаном немецком языке, быстро поискав глазами брызги крови и другие следы попытки самоубийства.

— Никогда больше этого не делайте, — сказала Беатрис, которой потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя, — это нечестно. Не делайте этого больше.

Естественно, она все-таки сделала это снова. Выходки такого рода стали потом правилом. Чем яснее она замечала, что действие их ослабевает — иногда Пьер не ломал замок, а иногда Беатрис не бледнела, как призрак от таких сцен — тем более взвинченным становилось поведение Хелин. Как только ее поведение переставало вызывать нужную реакцию, Хелин тотчас меняла тактику. Она заболела приступами лихорадки, мигренью. Она переставала есть. Однажды она так исхудала, что все боялись, что ее придется отправить в больницу.

«Ко всему прочему, — думала она, — я потеряла любовь Беатрис. Если она вообще когда-нибудь меня любила. Я всегда была для нее обузой, и остаюсь ею по сей день».

Она подошла к окну и выглянула на улицу. Ветер крепчал, к вечеру, наверное, будет шторм. Где-то в доме хлопнула дверь, и Хелин с надеждой обернулась.

— Привет? — крикнула она.

Ответа не было.

Они остановились у бухты Пти-Бо, прямо напротив старой каменной мельницы, где летом открывали бистро. В саду стояли оставленные на зиму столы и стулья. Было безлюдно. По гравию важно расхаживали чайки и что-то искали между камнями. За пустынным пляжем было видно море; темно-серые волны прибоя с ревом накатывались на пологий берег.

Ступени лестницы, ведущей от вырубленной в скале тропы, блестели от висевшей в воздухе сырости. Голые скелеты деревьев опасно гнулись под сильным ветром, безвольно раскачиваясь из стороны в сторону. Чайки с пронзительными криками, словно стрелы, рассекали небо замысловатыми спиралями, спасаясь от шторма.

«Полет до Лондона будет не из приятных», — подумалось Алану.

Он попытался открыть дверь машины, но ветер дул с такой силой, что Алан едва смог отжать от себя дверь.

— Кажется, от прогулки нам придется отказаться, — нервно произнес он.

Майя рассмеялась.

— Да, до тропы мы едва ли доберемся, задохнемся по дороге. Давай лучше спокойно, в тепле, выкурим по сигарете.

Она вытащила из кармана пачку и протянула Алану, но он отрицательно покачал головой. Зато он взял у нее из руки дешевую пластиковую зажигалку с надписью «Цвета радуги» и дал ей прикурить. При этом он вспомнил, что «Цвета радуги» — это название дискотеки где-то в пригороде Сент-Питер-Порта. Эта дискотека из-за множества неприглядных историй пользовалась на острове дурной славой. «Когда она была там последний раз? — спросил он себя. На прошлой неделе? Позавчера? Прошедшей ночью?»

Он знал, что в танце Майя выглядит умопомрачительно. Тело ее было гибким, движения грациозными, как у настоящей артистки. Она обладала невероятным чувством ритма и темпа, а ее сексуальность могла свести с ума любого мужчину. Она производила фурор, входя в супермаркет, а уж на дискотеке все остальные женщины безнадежно блекли на ее фоне. Со сколькими мужчинами танцевала она в последнее время? И со сколькими из них легла потом в постель?

Как больно становилось ему от этих мыслей! Он стыдился этой боли, стыдился юношеского чувства безнадежной влюбленности, против которой был бессилён его разум. Она играла с ним, водила его за нос. Какую цель она при этом преследовала — если у нее вообще была цель — оставалось для него загадкой.

От ветра машину качало из стороны в сторону. Майя засмеялась.

— Машина качается так, словно мы здесь занимаемся сексом, — весело произнесла она. — Глядя издали, так подумает каждый.

Алан искоса посмотрел на нее.

— Ты хочешь сейчас заняться сексом?

Она глубоко затянулась дымом.

— А ты хочешь?

— Это я спросил.

— Мне всегда было с тобой очень хорошо, — она говорила как будто искренне, но Алан знал, что нельзя быть уверенным в ее искренности. — Это ты не захотел больше заниматься со мной любовью!

— Это не совсем так, — поправил он ее. — Я не хотел этого на твоих условиях.

— Ну, да, правильно. Я должна была отказаться от всех радостей жизни, стать серьезным человеком или кем-то в этом роде!

— Я хотел, чтобы мы поженились.

— Это то же самое.

— Я не думаю, что брак и отказ от радостей жизни — одно и то же, если, конечно, не считать радостями жизни число партнеров, с которыми проводишь ночь. От этих привычек приходится отказываться, когда вступаешь в брак.

Она вызывающе выпустила струю дыма в лицо Алану.

— Бог мой, ты даже не замечаешь, как снова впадаешь в менторский тон.

Алан опустил стекло окна и ладонью демонстративно смахнул дым на улицу. Буря ворвалась в машину, окатив Майю и Алана ледяным душем.

— Ну, нельзя же, в конце концов, обзывать ментором каждого человека, который говорит, что в твоей жизни что-то не ладится, Майя. Оставим в стороне романы с мужчинами. Ты не находишь, что тебе пора подумать о выборе профессии? Не можешь же ты вечно болтаться по барам и ресторанам, жить за счет бабушки и ставить с ног на голову распорядок дня. Должна же ты когда-нибудь начать делать что-то осмысленное!

Она снова выдохнула клуб дыма ему в лицо.

— Да что ты говоришь! Видно, у тебя сегодня очень неудачный день. Ты без конца придираешься и говоришь такие скучные вещи, что я сейчас просто усну. Так ты не хочешь заняться сексом?

«Она не стала бы со мной играть, если бы я для нее ничего не значил, изо всех сил стараясь оправдать в своих глазах ее поведение. Играют только с тем человеком, которому придают какое-то значение».

— Я хочу с тобой поговорить, а не наскоро перепихнуться в машине. Мне нужно от тебя нечто большее.

Она нетерпеливо положила ногу на ногу.

— Я же сказала тебе, что поеду с тобой в Лондон. Хоть сейчас. Только ты должен...

— Я должен предоставить тебе отдельную квартиру и машину,

выплачивать тебе содержание и покупать тебе дорогие шмотки. Нет, в таких играх я не участвую.

«Надо любой ценой сохранить хотя бы остатки собственного достоинства, — подумал он. — Остатки самоуважения».

— Для этого у тебя достаточно денег, и если ты и в самом деле серьезно ко мне относишься...

— Мне кажется, достаточно того, что я предлагаю тебе выйти за меня замуж. Этого довольно для доказательства моих чувств.

Она опять дохнула на него сигаретным дымом, и он не выдержал:

— Прекрати!

— Прекратить что?

— Прекрати меня провоцировать. Прекрати прикидываться душой. Стань, наконец, взрослой!

— Я поступаю так, как хочу. Ты это знаешь, и что ты хочешь делать? — со скучающим видом сказала она.

— Я мог бы, наконец, вырвать тебя из моей жизни, — упрямо произнес он, чувствуя, что ведет себя как маленький мальчик, топающий ногами и выкрикивающий пустые угрозы.

Она звонко рассмеялась, бросила окурочек на пол и затушила его ногой. Всем своим видом она демонстрировала подчеркнутую грубость.

— Какой ты милый, Алан! Ты и в самом деле хочешь уйти из моей жизни? Ты никогда не сможешь этого сделать!

Она была права, и Алан был готов проклясть себя за свою непростительную слабость. Он, действительно, не сможет это сделать. Неважно, как плохо, пренебрежительно и наплевательски будет она с ним обращаться, с какой бессердечностью будет она приманивать его, а затем отталкивать, с какой холодностью будет выставлять свои требования и лелеять надежду, что в один прекрасный день он сдастся и сделает все, что она захочет. Он знал, что Майя всей душой стремится в Лондон и будет без усталости искать такую возможность. Рано или поздно она, конечно, найдет богатого парня, который будет ее содержать, закрыв глаза на ее эскапады. Она была хороша, бесстрашна и обладала поразительной жизненной энергией.

«Я люблю ее, — смиренно подумал он, — и буду любить всегда».

— Мне пора в аэропорт, но сначала я отвезу тебя в Сент-Питер-Порт.

— Да, сделай это, — вяло ответила она. Глаза ее подернулись сонливостью. — Пойду домой и лягу в постель. Сегодня такой день, что хочется спать.

— Другие люди днем работают, — сказал Алан, хотя понимал, что

Майя сейчас снова назовет его ментором, что он всегда теряет привлекательность в ее глазах, когда начинает читать проповеди.

— Зато другие люди, — возразила Майя, — спят по ночам.

— Ага, а вот ты не спала в эту ночь?

Пелена, затянувшая ее глаза, стала гуще, на лице обозначилась мимолетная улыбка.

— Нет, я не спала.

Ее взгляд красноречиво сказал ему все. Алан изо всех сил попытался сохранить беспечный вид, но ревность с каждой секундой все сильнее давила ему на горло, не давала дышать, словно яд, пропитывая его тело и душу.

— Наверное, у тебя была прекрасная компания.

Улыбка стала веселее. Она потянулась, как кошка, нежащаяся на солнышке.

— Да, компания была хорошая. Знаешь, жизнь... — она наклонилась в сторону и на мгновение зажмурила глаза, — жизнь чертовски прекрасна и разнообразна.

Алан резким движением повернул ключ зажигания, заводя мотор.

— Хорошо, что ты так думаешь, Майя. Я рад за тебя.

Она снова засмеялась, подалась вперед и прижалась лбом к ветровому стеклу.

— Посмотри, это не Кевин? — удивленно спросила она.

Действительно, из-за стены, отделявшей пляж от берега, вынырнул Кевин. Ветер едва не сдувал его с места, а от сырости, напитавшей воздух, он, кажется, совсем промок. Выглядел он действительно странно, ибо Кевин был не тот человек, который в дождь и бурю высовывает нос из дома. Он ненавидел сырость и всегда боялся выглядеть неухоженным и насквозь промокшим.

— Странно, — задумчиво произнесла Майя, — что он здесь делает? Не могу поверить, что он приехал сюда просто для того, чтобы прогуляться по пляжу.

— Кстати, то, что он делает, не совсем безопасно, — сказал Алан. — В бухте очень высокий прибой.

— Может быть, он встречался здесь с любовником и трахался с ним в пещере, — предположила Майя. Она надавила на ручку двери, с трудом ее приоткрыла и крикнула:

— Кевин! Эй, Кевин, куда это ты направился?

Ветер сорвал слова с ее губ и мгновенно унес, разорвав их в невнятные ключья. Однако Кевин с усилием поднял голову и увидел машину. Он

вздрагнул и с таким ужасом уставился на автомобиль, словно увидел привидение. Потом он неуверенно приблизился.

Майя призывно замахала обеими руками.

— Кевин!

Он подошел к машине и наконец разглядел, кто в ней сидит. Выражение ужаса исчезло с его лица.

— Майя! Алан! — голос его был едва слышен в реве бури. — Почему вы здесь стоите?

— Полезай в машину! — изо всех сил заорала Майя. — Не то схватишь воспаление легких.

Кевин открыл заднюю дверь и упал на сиденье. Дышал он с натугой и тяжело.

— Святые небеса, — выдохнул он, — ну и погода!

— Что вы делали на пляже? — спросил Алан и осторожно повел машину по узкой извилистой дороге. Кевин отбросил со лба мокрые пряди волос.

— Захотелось погулять. Что-то стукнуло мне в голову и я решил: а не пройтись ли мне по берегу?

— Кевин, либо ты болен, либо рассказываешь какие-то небылицы, — возразила Майя. — Чтобы ты рискнул вылезти из своих четырех стен, на небе не должно быть ни облачка.

— Как видишь, у тебя обо мне абсолютно превратное представление, милая Майя, — ответил Кевин с нехарактерным для него ехидством. — Не такой уж я законченный неженка, каким ты меня считаешь.

«Ого, — подумал Алан, — его сегодня точно какая-то муха укусила!»

Он внимательно посмотрел на отражение лица Кевина в зеркале заднего вида. Кевин был бледен, напряжен, и выглядел очень утомленным. Не было и следа того шарма, которым он так гордился. Губы его были плотно сжаты в ниточку.

— Должно быть, ты сегодня встал не с той ноги, — сказала Майя и засмеялась. — Как ты вообще сюда попал? Где твоя машина?

— Я приехал на автобусе.

— На автобусе? Но каким образом?..

— Майя, может быть, ты прекратишь этот допрос? Может быть, тебе рассказать, ходил ли я утром в туалет, и если да, то зачем. А если нет, то почему?

— Боже, как страшно! — обиделась Майя. — Все, молчу. У тебя сегодня и правда поганое настроение.

— Я бы с радостью отвез вас домой, Кевин, но я должен сначала

высадить Майю в Сент-Питер-Порте, а в Тортеваль я уже не успею, так как тогда опоздаю на самолет.

— Нет проблем. У меня еще пара дел в Сент-Питер-Порте. Я выйду вместе с Майей.

Они молча приехали в город, Алан остановил машину перед трехэтажным домом на Отвиль-Роуд, где жила Майя. Кевин тотчас выскочил из машины, пробурчав на прощание нечто невразумительное.

Майя, покачав головой, посмотрела ему вслед.

— Нет, здесь что-то нечисто. Ты когда-нибудь видел Кевина таким?

— Нет, но, честно говоря, мне нет до Кевина никакого дела, — он внимательно посмотрел на Майю. — Мне пора ехать. Желаю удачи.

— Когда мы снова увидим тебя на Гернси?

— Не знаю, — он нервно побарабанил пальцами по рулевому колесу. — Вероятно, теперь я пробуду в Лондоне долго.

Майя наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

— Я буду тебе звонить. Кстати. Я могла бы навестить тебя в Лондоне.

— Посмотрим, — официальным тоном ответил Алан, чувствуя, что Майя не принимает его всерьез. Она засмеялась и легко выпорхнула из машины. Ее смех звучал у него в ушах, пока он ехал сквозь усилившийся ветер в аэропорт; он продолжал звучать и тогда, когда самолет поднялся в воздух и остров превратился в крошечное пятнышко, затерянное в морском просторе. Но каким значимым и важным было для него это пятнышко.

Вечером Франка спросила Михаэля, есть ли у него женщина, и он — без обиняков и околичностей — ответил: да. Его прямою потрясла ее даже больше, чем сознание того, что она оказалась права в своих предположениях.

— Что значит: да? — испуганно спросила она, поразившись его краткому и четкому ответу.

— Да — это значит, да, — нетерпеливо ответил он, и, скорее, с любопытством, нежели виновато, добавил: — Откуда ты об этом узнала?

— Я ничего не узнала, я просто предположила.

— Ага, вопрос-ловушка. Старо, как мир, но прекрасно сработало. — Ему, видимо, было досадно, что он с такой легкостью попался на ее удочку. — Даже красиво, надо признать.

Франка на мгновение замолчала, ожидая, что он скажет хоть что-нибудь в свое оправдание. Но он ничего не сказал. Он сидел напротив жены за кухонным столом, играл бокалом красного вина, окидывая Франку холодным отчужденным взглядом.

— Кто она? — глухо и машинально спросила наконец Франка.

— Ты ее не знаешь.

— Но у нее есть имя, возраст, профессия. Она живет не в вакууме!

— Какое это имеет значение? — он налил в бокал еще вина. На запястье блеснули дорогие часы. У него были красивые руки — сильные, но изящные. — Какое значение это имеет для тебя?

— Мне хотелось бы знать, из-за какой женщины я теряю мужа.

— Из-за которой ты теряешь мужа! Ты снова устраиваешь театр, понимаешь? Откуда ты можешь знать, что теряешь меня из-за нее?

— Я и так уже тебя потеряла.

— Чепуха. До этого еще не дошло.

— Так, значит, это просто роман?

— Этого я не знаю. Дальше будет видно. Я должен выложить тебе все, до мельчайших подробностей?

— Я должна подождать, пока ты это сформулируешь? — озадаченно спросила Франка.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Как долго все это продолжается?

— Ровно год.

— Где вы познакомились?

— В баре. Я задержался в лаборатории, мне захотелось выпить, я зашел в бар и... ну, да, она была там.

— Она моложе меня?

«Как глупо, — подумалось Франке, — задавать такой вопрос в тридцать четыре года. Обычно молодых соперниц начинают бояться женщины, которым за пятьдесят».

Но не существует правил без исключений. Всегда можно обмануться, и соперница может оказаться моложе. Или старше. В сущности, какая разница?

— Она немного моложе тебя, — сказал Михаэль, — но лишь немного. Думаю, года на полтора.

Если это не двадцатилетняя красотка, то что он мог в ней найти? В чем ее очарование, оказавшееся столь привлекательным для Михаэля? Хотя Франка приблизительно знала ответ, она все же задала вопрос и услышала то, о чем и без того догадывалась.

— Господи, Франка, она — полная твоя противоположность. Она уверена в себе, сильна и очень надежна. Она просто излучает оптимизм. Она полна радостью жизни и энергией. Быть с ней — настоящее приключение. Она умеет удивлять, у нее живая фантазия.

Славословия лились неудержимым потоком, и каждое слово было как пощечина. И дело было не только в том, что муж возносил другую женщину до небес, дело было в том, что своими словами он уничтожал ее, Франку. Это она деградировавшая женщина без лица, без блеска, без изюминки, которая могла бы заинтересовать мужчину. В его глазах она была жалким ничтожеством, и так было всегда: одним словом он умел вывернуть наизнанку любую точку зрения Франки, причем так, что она не могла ничего ему противопоставить.

Он видел в ней лишь ничтожество, и она чувствовала себя ничтожеством.

Она судорожно сглотнула и еще раз подумала: это дно. Это самый черный момент. Хуже уже не будет. Но никогда уже не будет и лучше.

В глазах Михаэля она прочитала презрение. Инстинктивно она понимала, что он презирает ее неспособность защищаться, протестовать, возмущаться. Ей следовало бы плеснуть ему в лицо вином, швырнуть в него пепельницу, пригрозить страшной мстью. Нельзя было замыкаться в себе, становиться серым, несчастным комочком. Михаэль ненавидел слабость, а Франка в его глазах была воплощением слабости.

Она встала, так как сидеть ей было уже невозможно, и подошла к окну,

за которым зимняя чернота поглотила весь знакомый вид.

— И что будет дальше? — спросила она наконец.

Михаэль очевидно об этом вообще не задумывался.

— Как это понимать: что будет дальше? Все останется, как есть. Бог ты мой, Франка, мы уже несколько лет просто сосуществуем рядом. Все идет своим чередом, все стабильно, не так ли? Думаю, что нам не надо ничего менять.

— Если не считать того, что теперь ты не будешь говорить, что придешь поздно, потому что у тебя очень много работы. Отныне ты будешь прямо говорить, что поедешь к ней, так?

— Если ты находишь это приличным...

Она резко повернулась к нему. Возмущение нарастало в ней, как снежный ком, и она с давно забытой, поразившей ее саму резкостью спросила:

— А то, что ты делаешь, ты находишь приличным?

Он едва заметно вздрогнул. Очевидно, ее тон удивил и его.

— Наверное, это неприлично, — произнес он через несколько секунд, — но у меня тоже всего одна жизнь.

— Которую ты не хочешь даром тратить на такое ничтожество, как я?

Он тоже встал; Франка видела, что разговор действует ему на нервы, но что он все равно его продолжит, чтобы покончить с этой темой.

— Если тебе так угодно... Франка, посмотри на себя! Ты вся состоишь из сомнений, неуверенности и страха. Когда только ты наконец решишься сделать шаг вперед! Ты без конца глотаешь успокаивающие таблетки, но от них тебе становится хуже, а не лучше. С тобой я не могу ни поехать в отпуск, ни пойти в ресторан. Я не могу пригласить домой делового партнера, потому что у тебя начинается паническая атака, стоит появиться в доме хоть одному чужому человеку. Я не могу никуда тебя взять, потому что шесть дней в неделю ты твердишь, что не можешь выйти из дома. Неужели ты всерьез воображаешь, что это та жизнь, которая меня устраивает?

У Франки зачесались ладони. Она вот-вот впадет в панику. Что может она ему ответить? Он прав. Каждым сказанным словом он подтверждает свою правоту.

— Мне очень жаль, — прошептала она и подумала, что, наверное, она — единственная в мире жена, которая извиняется, уличив мужа в неверности. — Я знаю, что для тебя я — сплошное разочарование.

Он окинул взглядом фигуру Франки, и она уловила в его глазах не презрение, а сочувствие — что, наверное, было еще хуже.

— Когда-то ты была другой, — сказал он, — и я был на самом деле влюблен в тебя. Ты нужна была мне, как воздух. Я думал, что все зависит от того, станешь ли ты моей.

— Что — все? — спросила она.

Он всплеснул руками.

— Абсолютно все. Счастье, полнота жизни. Все, что я знаю!

— У нас был хороший шанс, — тихо сказала Франка.

— Да, он, определенно, был, — равнодушно ответил Михаэль.

И Франка поняла: он настолько отдалился от нее, что ему уже не жаль упущенного шанса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Я бы ни за что не пришел к тебе, Хелин, если бы это не было так важно, — сказал Кевин.

Вид у него был взвинченный, бледный и невыспавшийся. Для необычно теплого апрельского дня он был слишком тепло одет: вельветовые брюки и синий шерстяной свитер. Он сильно потел; лицо влажно блестело, пряди темных волос липли ко лбу.

— Зачем ты все это на себя натянул? — спросила Хелин. — На улице настоящее лето!

— С утра я сильно замерз, но сейчас мне действительно жарко. Я даже не знаю... — Кевин нервно провел рукой по лицу, — может быть, у меня грипп.

— Выглядишь ты, во всяком случае, и правда плохо, — озабоченно произнесла Хелин, наливая Кевину чай. — Пей. Или ты хочешь чего-нибудь прохладительного?

— Нет, нет, я с удовольствием выпью чаю, — было видно, что Кевин едва ли замечает, что пьет. Руки его слегка дрожали.

— Да, так я ни за что не пришел бы к тебе, Хелин, если бы не крайняя нужда, — нервно заговорил он. — Конечно, ты думаешь, что такие большие деньги я никогда не смогу вернуть, но я клянусь, что...

— Об этом нет и речи, — попыталась успокоить его Хелин. — Я убеждена, что придет день, когда ты сможешь за все рассчитаться и...

— С процентами и с процентами на проценты!

— Нет вопросов. С друзей я не беру проценты. Нет, Кевин, меня просто тревожит твое состояние. Тебе постоянно нужно так много денег... Должно быть, ты слишком неразумно их тратишь.

— Теплица в Перель-Бэй обошлась мне в целое состояние. Мне приходится выплачивать более высокий банковский кредит, чем я рассчитывал. Теперь у меня проблемы с выплатой процентов.

— Как идут дела? — осторожно поинтересовалась Хелин.

Кевин пожал плечами.

— Идут. Теперь лучше. Но общее экономическое положение... ты же знаешь.

Хелин вздохнула. Конечно, времена нынче трудные. Теперь мало кому удастся проворачивать такие выгодные дела, как во время бума восьмидесятых. Но все же она не могла уяснить, что происходило с

Кевином.

— И сколько денег тебе нужно? — спросила она.

Они сидели в столовой, в сумраке, которым заканчивался чудесный весенний день. На стол падала зеленоватая тень растущей во дворе вишни. Они с Беатрис посадили это дерево сразу после войны: им хотелось сотворить что-нибудь живое, растущее, красивое. Тогда эта вишня была больше похожа на кривую палку от швабры.

— За жизнь, — сказала тогда Хелин, бросив последнюю лопату земли. Она откинула со лба растрепавшиеся пряди волос, и тут у нее началось такое головокружение, что пришлось сесть. Она тогда сильно ослабла от голода. При ее и без того хрупкой конституции она сильно страдала от скудного пищевого рациона. Она часто падала в обмороки, а стоявшая тогда жара добивала ее окончательно.

Деревце долго не хотело приниматься, и несмотря на то, что Хелин обильно его поливала, у нее было впечатление, что растение вот-вот погибнет. Но вдруг, когда Хелин уже потеряла всякую надежду, полузасохшее деревце начало поправляться, расправились повисшие листочки и даже — кто бы мог подумать! — на ветках расцвели два прекрасных белых цветка. «И какое оно теперь крепкое, наше дерево, — думала Хелин, — какое большое!»

Собственно, она хотела напоить Кевина чаем в саду, под вишней, но он попросил, чтобы она поговорила с ним в доме, и она сразу поняла, что речь снова пойдет о деньгах.

— Мне нужна тысяча фунтов, — сказал Кевин.

У Хелин перехватило дыхание.

— Это очень большие деньги!

— Вообще-то, тысяча двести было бы еще лучше. С ними я на какое-то время выкручусь.

— Тебе не кажется, что теплицы можно покупать и дешевле?

— Если что-то делаешь, то надо делать прилично и основательно, — Кевин беспомощно поднял руки. — Я понимаю, что веду себя отвратительно. Ты наверняка чувствуешь себя ограбленной и думаешь, что я тебя просто использую. Но мне больше не к кому обратиться. Ты — единственная.

Как обычно, тактика Кевина польстила Хелин — его расчет был ей, конечно, ясен, как день — он возвышал ее в собственных глазах, как единственный источник спасения и надежды. Ей было хорошо оттого, что ею беззастенчиво пользовались; несмотря на то, что она уже стара, немощна и никому, собственно, не нужна. Кевин превосходно все это

понимал и использовал к своей выгоде. При этом Хелин была убеждена, что он и на самом деле хорошо к ней относится. Она заменила ему мать, бабушку и старшую сестру. Других родственников и близких у Кевина не было. Он клятвенно заверял Хелин, что если бы не она, он бы чувствовал себя еще более покинутым и одиноким.

— Я сейчас поднимусь к себе и принесу чек, — сказала Хелин и легко встала со стула, заметив, как напряжение исчезло с лица Кевина. Наверняка, он боялся, что на этот раз Хелин ему откажет. Поднимаясь по лестнице, Хелин думала, сколько всего денег он ей должен. Выходило что-то около десяти тысяч фунтов.

Спускаясь в столовую, Хелин столкнулась с Беатрис, только что вернувшейся из сада. Беатрис была в рабочих рукавицах, а волосы были подвязаны шелковой косынкой. Хелин была хорошо знакома эта косынка, она купила ее в Париже и подарила Беатрис. Вещица стоила целое состояние, а теперь Беатрис подвязывает ею волосы, чтобы они не падали ей на лоб во время работы.

«При каждом удобном случае, — подумалось Хелин, — при каждом удобном случае она показывает мне, как мало я для нее значу!»

— Я видела в столовой Кевина, — сказала Беатрис. — К кому он пришел — к тебе или ко мне?

— Ко мне, — ответила Хелин. Она хотела было спрятать за спину чек, но было поздно, Беатрис его уже увидела.

— Ты опять даешь ему деньги! Еще и трех недель не прошло с тех пор, как он был здесь в прошлый раз. Приходил он и в начале февраля, и...

— Ничего страшного. У меня достаточно денег.

— Я, наверное, никогда не смогу понять, — сказала Беатрис, — как тебе это удастся — нести такие расходы. У тебя не такая уж большая пенсия. Должно быть, тебе приходится сильно экономить и во всем себя ограничивать — и все это только ради того, чтобы выбрасывать деньги на Кевина.

— Я не выбрасываю деньги. Что мне, старухе, делать с большими деньгами? Я считаю, что будет умно помогать молодому человеку, которому надо строить жизнь.

— Кевин ее давно построил. То, что он до сих пор постоянно нуждается в деньгах, говорит о том, что он живет не по средствам.

— Он купил теплицы в Перель-Бэй.

— Это было еще в прошлом году. Эти драгоценные теплицы я однажды видела. Судя по тому, что он все время трясет из тебя деньги, их покупка была просто страшным расточительством.

— Мне всегда казалось, что ты любишь Кевина.

— Конечно, я люблю Кевина, но он не умеет обращаться с деньгами. Неважно, идет ли речь о теплицах или о чем-то другом. Он никогда не может правильно рассчитать расходы. Он вообще как бездонная бочка.

— С моими деньгами, — помолчав, сказала Хелин, — я могу делать все, что мне угодно.

Беатрис подняла руки.

— Само собой разумеется. Никто не имеет права тебе указывать, что с ними делать. Но будь хоть немного осмотрительнее, ладно?

Прежде чем Хелин успела ответить, зазвонил телефон. Беатрис поспешила к аппарату, а Хелин направилась в столовую, где Кевин нервно расхаживал взад и вперед. Он ухватился за чек, как утопающий за соломинку.

— Спасибо, Хелин. Просто не знаю, что бы я стал без тебя делать, — он аккуратно положил чек в портфель. — Мне пора. Не придешь ко мне в субботу? Я приготовлю для тебя что-нибудь совершенно сногшибательное.

— Я приду, — пообещала Хелин. Его дружелюбие, его улыбка действовали на нее так же благотворно, как теплый летний ветерок, как аромат травы и цветов. Кевин в совершенстве владел колдовским искусством ласкать людские души. За такую нежность Хелин была готова заплатить и втрое.

Она проводила Кевина до дверей и осталась стоять на пороге, чтобы посмотреть, как он садится в машину. Прошлой осенью он какое-то время был без машины; кто-то въехал в нее на парковке, и машина долго была в ремонте. Ремонт оплатила Хелин, так как виновника так и не нашли. Это был несчастный случай, объяснила она Беатрис, в котором Кевин был не виноват.

Она махала ему до тех пор, пока автомобиль не скрылся из вида. Только после этого она закрыла дверь и вернулась в дом. Беатрис вышла ей навстречу.

— Звонила Франка, — сказала она. — Помнишь, та молодая женщина, которую Алан привез к нам в сентябре. Она завтра приезжает на Гернси и спрашивает, не сдам ли я ей ненадолго комнату.

— Наверное, и правда ненадолго, — сказала Хелин, — так как ей придется быстро принять решение.

— Говорила она как-то странно, — задумчиво произнесла Беатрис. — Мне показалось, что она сильно нервничает и волнуется. Я спросила, надолго ли она приедет, и она ответила, что пока сама не знает. Потом она

добавила: «Может быть, я не вернусь домой». И положила трубку.

Прежде всего, она, не разбирая, побросала в чемодан свои вещи. Ей так и не удалось сосредоточиться. Она открыла шкаф и принялась вытаскивать оттуда все, что попадалось ей под руку. Наконец, до нее дошло, что так она, скорее всего, возьмет с собой абсолютно ненужные и бесполезные вещи. Она выбросила их из чемодана и попыталась собраться с мыслями. На дворе апрель. Тепло. Надо взять несколько легких вещей, футболки, шорты, пару платьев. Но для холодных вечеров нужен свитер, джинсы, дождевик. Она поедет на машине, поэтому багаж может быть сколь угодно большим. Справится ли она? Она точно определила маршрут по карте. Сначала надо доехать до Саарбрюккена, потом пересечь границу с Францией, доехать до Парижа, оттуда в Бретань, в Сен-Мало, а дальше на пароме в Гернси.

Франка закрыла чемодан и бросила белье и чулки в приготовленную дорожную сумку. Беатрис немного удивилась ее телефонному звонку, но было слышно, что она ему рада.

— Конечно приезжайте, Франка! Весной комната будет свободна, и она в полном вашем распоряжении!

Сердечность Беатрис была приятна. Как ей повезло. Ведь могло так случиться, что комната была бы занята. Франка была не уверена, что у нее хватило бы мужества и сил найти другое жилье. Вероятно, тогда вообще пришлось бы отказаться от этого плана.

Хотя иного выбора у нее уже не оставалось. Она перестала торопливо паковать вещи и поставила чемодан и сумки на кровать — на кровать, в которой она двенадцать лет проводила ночи с Михаэлем, включая и вчерашнюю — наверное, последнюю.

Вчера он снова пришел очень поздно, но не позвонил и не сказал утром за завтраком, что надолго задержится. С некоторого времени он перестал утруждать себя подобными любезностями, приходил и уходил, когда хотел и вообще вел себя так, словно Франки больше не существовало. Она смотрела телевизор и пила красное вино, стараясь вытеснить осаждавшие ее мысли о том, как бездарно растрчивает она свою жизнь, вечер за вечером сидя перед телевизором и постепенно погружаясь в алкоголизм. Ей тридцать четыре года. Все говорят, что возраст между тридцатью и сорока пятью годами — это лучший период в жизни женщины. Для Франки он грозил превратиться в нескончаемый кошмар. В половине двенадцатого она легла спать, усталая и пьяная от выпитого вина, но едва она выключила свет, как сонливость как рукой сняло. Она

заметалась по комнатам, прислушиваясь к малейшему шороху, включила свет и взяла книгу. Ей не удалось толком прочесть ни одного предложения и уловить суть содержания.

В час ночи внизу хлопнула дверь, и Михаэль начал подниматься по лестнице. По стремительности походки Франка поняла, что он пребывает в великолепном настроении. Оказавшись на втором этаже, он стал двигаться тихо и осторожно. «Наверное, ему вдруг пришло в голову, что я все-таки еще существую», — горько подумала Франка. На цыпочках он вошел в спальню и вздрогнул, увидев, что в комнате горит свет, а жена еще не спит.

— Ты почему до сих пор не спишь? — укоризненно спросил он. На какой-то момент хорошее настроение его несколько потускнело.

— Ты очень поздно пришел, — вместо ответа сказала Франка. Было ясно, что он пришел от возлюбленной, это было видно, хотя Франка не смогла бы точно определить, как она это заметила. Галстук на нем сидел безупречно, на лице не было следов губной помады, волосы были аккуратно причесаны. От него не пахло, насколько она могла судить, чужими духами. Но всем своим видом он излучал что-то... сытую удовлетворенность, уверенность в себе, гармоничное согласие с собой и своей жизнью. Он источал счастье...

«Да, вероятно, так оно и есть, — подумала Франка, и укол в груди дал ей понять, насколько сильно задела ее эта мысль: он счастлив.

До сих пор она отказывалась связывать понятие счастья, которое, на ее взгляд, было неотделимо от чистоты и старомодной романтики, с тривиальной внебрачной интрижкой. Но вероятно она заблуждалась. Михаэль был счастлив, он выглядел счастливым, а, значит, и был им. Его счастье останется прежним, даже если она его проигнорирует.

— Который теперь час? — ответил Михаэль на ее слова, сел на кровать спиной к жене и принялся стаскивать с ног ботинки. Франка бросила взгляд на стоявший рядом с ней будильник, хотя и без того знала, сколько времени.

— Пять минут второго. Я не думаю, что ты до сих пор был в лаборатории.

Он справился с ботинками, встал и взялся за конец галстука.

— Черт возьми, конечно нет. Что бы я стал делать в своем кабинете до полуночи?

— Значит, ты был с ней?

— Да.

— Вам было хорошо?

Она ждала, что он отмахнется от ее вопроса, начнет злиться и

говорить, чтобы она не приставала к нему с такой бессмыслицей. Но вместо этого он, помедлив, ответил:

— Да, это был чудесный вечер.

В голосе его прозвучала душевная мягкость. Франка смутно вспомнила, что уже слышала в его тоне такие нотки, но было это много лет тому назад. Она давно забыла об этом и не верила, что он сумел сохранить в себе задушевность. Михаэль околдовал ее. Ей показалось, что с тех давних пор не прошло и дня, что ничего не изменилось, что за прошедшее время мир не перевернулся.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Помолчав, она хрипло сказала:

— Мой вечер не был таким чудесным. Я смотрела телевизор, но не смогу тебе рассказать, что там показывали. Я выпила бутылку вина. Мне никто не звонил. Я ни с кем не разговаривала.

Михаэль пожал плечами.

— Это как раз то, что тебе нравится, разве нет? Никаких звонков, никаких разговоров. Не было никого, кто мог бы нагнать на тебя страху. Это та жизнь, какую ты хочешь вести, так что будь довольна.

— Ты всерьез думаешь, что это та жизнь, какую я хочу вести?

— Это жизнь, которую ты ведешь. Поэтому я думаю, что она тебе нравится.

— Ты считаешь, что если человек что-то делает, то только потому, что это ему нравится? В обязательном порядке.

— В противном случае он бы этого не делал, я не прав? — Михаэль разделся, нырнул под одеяло и, зевая, потянулся. — Я чертовски устал. Будь любезна, выключи свет.

Она встала.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что мне может потребоваться помощь? Твоя помощь.

Настроение Михаэля портилось на глазах. Он провел роскошный вечер, ему хотелось думать о его приятных моментах и уснуть с этими воспоминаниями, он ни в коем случае не желал вникать сейчас в вечные проблемы своей жены. Он не мог их решить, не говоря о том, что они уже давно стояли у него поперек горла.

— Нам обязательно надо обсуждать все это именно сейчас? — спросил он и снова зевнул. — Уже час ночи. Мне вставать в шесть, и я хочу хоть немного поспать.

— Не моя вина, что ты так поздно ложишься спать.

— Я не говорю, что это твоя вина. Я просто прошу тебя дать мне

отдохнуть. Не откажи, пожалуйста, в такой любезности.

В его голосе зазвучала плохо замаскированная резкость, которую Франка успела хорошо изучить, и знала, что эту резкость не стоило игнорировать. Но разве она не замолкала всякий раз, когда он давал ей понять, что не желает больше ее слушать?

— Так дальше продолжаться не может, — вырвалось у нее, — ты должен мне сказать, что ты собираешься делать дальше. Как долго продлится эта связь, и как долго будет длиться фарс нашего с тобой брака?

Надо было говорить жестко и хладнокровно, чтобы пробить броню его равнодушия, но, как и всегда, голос ее звучал жалобно, плаксиво и по-детски. «Я веду себя, как ребенок, — подумала она, — как ребенок вымаливающий любовь и понимание».

— Михаэль, — умоляюще сказала она, и этим переполнила чашу его терпения. Он сел и уставился на нее сверкающими глазами. Голос его дрожал от гнева.

— Франка, пойми раз и навсегда, что я не хочу вникать в твои проблемы! Я не могу тебе ничем помочь. Единственное, что я могу сделать в лучшем случае, это вместе с тобой погрузиться в омут твоих переживаний, но у меня нет ни малейшего желания это делать! Ты ведешь себя, как малое дитя, которое садится в уголок, плачет, хнычет и ждет, что придет кто-то, возьмет его за руку, защитит, прикроет и сделает еще бог знает что! Но этот номер у тебя не пройдет, Франка! Никто не придет! Либо ты вытащишь себя из болота сама, либо ты погрузишься в него еще глубже. И прекрати просить о помощи. Ты только даром тратишь силы, потому что той помощи, какую ты ждешь, ты ни от кого не получишь!

Он тяжело дышал, в глазах его Франка не видела ни сочувствия, ни внимания — только отвращение и раздражение.

— А теперь оставь меня в покое, — с этими словами он снова лег и уткнулся лицом в подушку.

Он и в самом деле быстро уснул. Франка поняла это по его спокойному, ровному дыханию. Сама же она всю ночь не могла сомкнуть глаз. Его слова эхом отдавались у нее в голове, и после того как улеглись возмущение и обида, Франка, к своему ужасу, поняла, что, несмотря на всю свою жестокость и равнодушие, Михаэль был прав.

Она уже не ребенок. Мама не придет и не возьмет ее на руки. Никто не уберет камешки с дорожки, никто не научит ее ходить по жизни так, чтобы не упасть и не пораниться.

На дороге жизни она стоит одна.

Надо решить, что делать дальше. Надо взять на себя ответственность и

действовать, невзирая на риск ошибки. Она должна делать все сама и сама нести ответственность. От беспощадности этого понимания у Франки закружилась голова; одновременно росло чувство безысходности, отсутствия выбора, и от этого в груди зашевелился панический страх. У нее было ощущение, что она находится в свободном падении, но она могла спокойно падать и дальше, так как не было никакого смысла сопротивляться.

«Перестань сучить ножками и звать на помощь, — сказал внутренний голос, — и перестань липнуть к своему страху. Просто живи, большего от тебя не требуется».

К утру у Франки созрело решение уехать на Гернси. Сердце стучало, желудок схватывали болезненные спазмы, но Франка изо всех сил пыталась не обращать внимания на эти истерические реакции. Она дождалась, когда уставший, не выспавшийся Михаэль, молчаливый и явно расстроенный, ушел на работу. Она не стала спрашивать, когда он вернется, так как теперь ей это было абсолютно безразлично. Было такое впечатление, что ее сдержанность его раздражает, и это сразу улучшило ее настроение.

Сумка была упакована. Теперь надо собрать обувь, потом пойти в банк, чтобы снять и поменять деньги. Сначала она хотела воспользоваться счетом Михаэля в банке Сент-Питер-Порта, но потом подумала, что он может заблокировать счет, и тогда на Гернси она останется без денег. Надо взять столько, чтобы хватило, по меньшей мере, на полтора месяца.

Она отнесет вещи в машину и уедет завтра утром, сразу же после того, как Михаэль уйдет на работу. Она подумает, надо ли оставить ему записку с указанием места ее пребывания и с объяснениями. «Собственно, — подумала она, — ему совершенно не обязательно знать, где я нахожусь». Пусть пару дней спокойно посидит и все обдумает. Она всегда сможет потом ему позвонить.

Весь день она провела в каком-то трансе. Паника все время подстерегала ее, ожидая удобного момента, и Франка приняла две таблетки, чтобы сохранить ясную голову. Она была убеждена, что после вчерашней стычки Михаэль придет домой в обычное время; поэтому она накрыла стол, приготовила еду и поставила на стол бутылку охлажденного вина. Она воображала, как будет сидеть за столом напротив него, молча смотреть на его кислую мину и при этом знать, что завтра он будет сбит с толку и обескуражен, обнаружив ее исчезновение. Эта мысль заранее наполняла ее торжеством. На этот раз она его обойдет. Она знает то, чего не знает он. От этой мысли вкупе с принятыми таблетками Франка чувствовала себя победительницей.

Вечером Михаэль так и не появился. Франка выбросила еду в мусорное ведро, выпила вино и подумала, стоит ли убрать со стола, но потом оставила все как есть. Пусть отныне Михаэль сам занимается домашним хозяйством, ее теперь это не касается. Она легла в постель, поняв, что Михаэль не появится до утра. Всю ночь она провела без сна, и с рассветом — около пяти утра — встала и стала готовиться к отъезду. Приподнятое настроение испарилось, уступив место унынию и страху. Надо немедленно уезжать, пока ее не охватила паника. Тогда она вообще не сможет ничего сделать.

Она проглотила еще две таблетки, несмотря на то, что ей предстояло вести машину, но без таблеток она не смогла бы решиться на отъезд. Она рыдала, когда, выехав со двора на нагруженной машине, она еще раз оглянулась на свой дом. Он уютно и мирно нежился в лучах восходящего солнца и казался Франке единственным надежным местом в этом опасном мире. Она плакала от страха, у нее дрожали колени, но она свернула за угол и погнала машину дальше, давя педаль газа и безостановочно плача. Теперь она знала, что никогда сюда не вернется.

На Хелин было белое летнее платье с буфами. Оно было слишком молодежным, и Хелин выглядела в нем несколько гротескно, но, по непонятной причине, она была страшно привязана именно к этому платью и надевала его в особо важных случаях. Очевидно, ужин с Кевином казался ей достаточно выдающимся поводом.

— Ну, и как я выгляжу? — спросила она, войдя на кухню и сделав пару танцевальных па — весьма грациозных, как была вынуждена признать даже Беатрис. — Все в порядке? Как мои волосы? Украшения?

— Вы превосходно выглядите, Хелин, — сказала Франка.

Она сидела на стуле в углу, держа в руке бокал вина. Вид у Франки был усталый. Она приехала на Гернси накануне вечером и до сих пор не могла понять, как ей удалось без проблем выдержать эту авантюру. Она отправилась в путь на свой страх и риск и приехала туда, куда хотела. Она была оглушена и находилась в состоянии болезненного возбуждения.

От ее комплимента Хелин просияла.

— Огромное спасибо, Франка, — как всегда, в присутствии Франки она говорила по-немецки, так же, как и Беатрис. — В этом платье я всегда чувствую себя молодой и окрыленной.

«К несчастью, это всего лишь обманчивое чувство, — подумалось Беатрис, — на самом деле выглядишь ты чертовски старо, Хелин!»

Хелин достала из шкафа бокал и налила себе глоток вина. На шее Хелин красовалось гранатовое ожерелье, подарок Эриха на день свадьбы, насколько знала Беатрис. Камни пламенели ярким красным цветом в лучах заходящего солнца, светившего в окно кухни.

— Мы с Франкой проведем приятный уютный вечер, — сказала Беатрис. — Мы заказали пиццу, а вина в доме, слава богу, достаточно. Жаль, что становится прохладно и нельзя накрыть стол в саду.

День был очень теплым, но стоило солнцу склониться к западу, как с моря подул холодный, пробиравший до костей ветер.

Хелин мурлыкала под нос какую-то мелодию. Беатрис смотрела на нее, опершись на сервант, испытывая странную смесь раздражения и невольного веселья.

Несколько минут все молчали, но пауза не успела затянуться слишком надолго, так как с улицы донесся шум мотора подъехавшего автомобиля. Приехал Кевин.

Он без стука вошел в кухню, так как дверь была открыта, а Кевин давно считал себя членом семьи. В этот вечер он был одет красиво и роскошно, так как знал, какое значение придает Хелин таким событиям. Волосы, уложенные феном, блестели, по случаю ужина Кевин надел свой самый красивый галстук.

«Но выглядит он жалко, — подумала Бестрис, — да и спит он, видимо, неважно. Вообще, Кевин производит впечатление человека, которого одолели тяжкие заботы».

Кевин сделал Хелин пару экзальтированных комплиментов по поводу ее платья, обнял Беатрис и лучезарно улыбнулся Франке.

— Франка, как чудесно, что вы снова здесь. Беатрис не говорила, что у нее гость!

— Все произошло очень быстро, — вставила слово Беатрис. — Кевин, мы, конечно, завидуем, что сегодня ты накрываешь стол для Хелин, а нам придется довольствоваться пиццей. Надеюсь, что скоро ты пригласишь в гости и нас!

— Клянусь. Во всяком случае, это произойдет до отъезда Франки. Вам непременно надо отведать мою кухню, Франка. После этого вы не захотите ничего другого, — он улыбнулся и взял Хелин под руку. — Идем, нам надо спешить, пока еда не потеряла праздничный вид. Мы проведем чудесный вечер. Беатрис, после ужина я доставлю Хелин домой в целости и сохранности.

Лицо Хелин сияло. Она чувствовала себя молоденькой девушкой, которую ее поклонник пригласил на танцы, за которыми последует многообещающая прогулка при луне светлой весенней ночью. Она забыла, что ей восемьдесят, а Кевину тридцать, что Кевину нет дела до женщин. Время от времени Хелин надо было погрузиться в ирреальный мир, почувствовать, что вся жизнь еще впереди и что она еще получит от нее все, что жизнь может ей преподнести. Беатрис, которой никогда это не удавалось, смотрела на Хелин с презрением, к которому, впрочем, примешивалась немалая толика зависти.

Когда Кевин и Хелин ушли, Франка удивленно сказала:

— Странно, зачем Кевину все эти хлопоты? Он еще молодой человек и наверняка он может в субботний вечер позволить себе нечто лучшее, чем ужин для старой дамы.

Беатрис закурила сигарету.

— Конечно, он может позволить себе что-нибудь более приятное. Но не стоит переживать за Кевина, что он жертвует своим временем ради Хелин. Кевин прекрасно знает, зачем он это делает. В конце концов, он уже

много лет сосет из нее деньги, а она снова и снова подпадает под его чары. Так что у него в этом смысле все в порядке. Он никогда не сможет с ней расплатиться, но Хелин дает ему понять, что никогда не будет требовать от него возвращения долга. Она никогда этого не сделает.

— Но значит у нее так много денег, что она может без конца их ему одалживать?

Беатрис покачала головой.

— Денег у нее не так много, и поэтому я не могу оправдать поведение Кевина. Хелин получает сравнительно скромную пенсию, но за много лет ей удалось скопить некоторую сумму, из нее-то она и одалживает деньги Кевину, покупая этим его расположение. Кевин это знает и беззастенчиво этим пользуется. Естественно, он говорит, что она не должна ему ничего давать, но ясно же, что с одинокой старой дамой можно делать все, что угодно, ведь она, в известном смысле, абсолютно беззащитна. Вы же сами видели, что для нее означает этот вечер. Ради таких вечеров она готова отдать Кевину последний грош.

— Неужели Хелин так одинока? — спросила Франка. — Мне казалось...

— Бог видит, что есть люди и более одинокие, чем она. Она живет со мной под одной крышей, о ней заботятся Мэй и Кевин. Но я думаю... — Беатрис стряхнула пепел в раковину, — что страдание всегда субъективно. Если Хелин страдает, то она страдает, несмотря на то, что все вокруг считают, что у нее все хорошо. Она страдает от весьма своеобразного одиночества. Она считает, что жизнь обошла ее стороной, что она была лишена всего, что составляет суть и смысл жизни. Она хочет вернуть себе юность, а так как это, естественно, невозможно, то она хочет предаваться, на худой конец, иллюзии юности. Вы же сами видели это немислимое девчоночье платье, которое она выбрала для сегодняшнего вечера. Здесь прячется тот самый пунктик, который и позволяет безнаказанно ею манипулировать. Кевин очень хорошо почувствовал эту слабость. Для Хелин он играет роль кавалера старой школы, кавалера, который целует ей ручки и говорит, как сказочно она выглядит. От такого поведения она просто тает.

— Может быть, во всем этом и есть какой-то смысл, — задумчиво произнесла Франка. — Конечно, можно сказать, что со стороны Кевина это подло, заставлять Хелин платить деньги за его внимание, но, тем не менее, она получает от него то, что позволяет ей легче переносить старость. Думаю, что последние годы жизни не просты, и такие вечера и радостное их ожидание стоят дороже всех денег мира.

— Хелин очень капризное и избалованное создание, она не знает меры своим претензиям, — раздраженно ответила Беатрис. — Она всегда считала, что жизнь должна гладить ее по головке, и она действительно, пользуясь своими вечными жалобами, долго находила людей, готовых баловать и ублажать ее. Но это же чистое безумие так выбрасывать деньги на ветер. В конце концов, вполне возможно, что я умру раньше, чем она, и ей потребуются деньги, чтобы оплачивать уход. Она просто не думает, что с ней может приключиться такое несчастье.

— Как давно умер ее муж? — спросила Франка.

— Эрих? В мае сорок пятого, — коротко ответила Беатрис и потушила сигареты в тарелке. — Он покинул нас ровно пятьдесят пять лет тому назад.

Жесткий тон Беатрис немного обескуражил Франку, но она все же спросила:

— И... это было плохо для Хелин? Это было плохо для вас?

— Плохо? — Беатрис закурила следующую сигарету, выдохнула дым и принялась задумчиво рассматривать синеватые кольца, вьющиеся в воздухе. — Видите ли, люди всегда испытывают потрясение, когда кто-то внезапно умирает. Пусть еще он достиг бы возраста, когда смерти можно ждать, но к Эриху это не относится. Ему было сорок четыре года, когда он умер, и это был настоящий шок. Вероятно, для Хелин больше, чем для меня, но и я тоже была потрясена.

Она на мгновение замолчала. Франка смотрела на нее, ожидая продолжения. Она хотела больше знать об Эрихе, о том, что происходило в этом доме много лет назад. Она и сама не понимала, побуждает ли ее к этому искренний интерес, или она просто пытается заглушить внутренний голос, напоминавший ей о Михаэле, внушавший ей страх и доходчиво объяснявший, что своим немислимым бегством она совершила поступок, который не может кончиться ничем хорошим. Но Франка не желала сейчас слушать внутренний голос. Она была слишком сильно измотана, чтобы разбираться во всех свалившихся на нее проблемах.

«Об этом я буду думать завтра. Или послезавтра. Когда-нибудь, когда пройдет эта свинцовая усталость».

— Но шок прошел, — снова заговорила Беатрис. — И, в конечном счете, мы испытали облегчение. Я не могу сказать, что Эрих был совершенно законченным злодеем, но фактически он был вредным и опасным человеком. Он приносил другим несчастье даже тогда, когда был преисполнен самых добрых намерений. Честно говоря, я не могу утверждать, что сожалею о его смерти.

— Он до самой смерти продолжал плохо обращаться с Хелин?

Беатрис покачала головой.

— Он очень старался. Попытка самоубийства подействовала на него сильнее, чем он нам показывал. Вероятно, он опасался за свою репутацию. На службе могли косо посмотреть на то, что его жена постоянно стремится вскрыть себе вены. Тем более, что на маленьком островке эта история скоро стала известной всем. Естественно, Эрих собрался. Он пытался демонстрировать всем, что счастлив в браке, но он демонстрировал то, чего в действительности не существовало, да и, кроме того, нельзя сказать, что его упреки в адрес жены были совсем беспочвенными. Но он был неприятен в другом. Даже очень неприятен.

ГЕРНСИ, ИЮНЬ 1941 — ИЮНЬ 1942 ГОДА

Поначалу Беатрис испытала большое облегчение от того, что отношения между Эрихом и Хелин в какой-то степени наладились. Но потом она заметила, что под тонким покровом показного благополучия осталось прежнее напряжение, и в этой неявной, скрытой форме, оно внушало Беатрис еще больший страх. Было такое впечатление, что она сидит на бочке с порохом, которая вот-вот взорвется.

Летом 1941 года обстановка в доме стала еще хуже. Весенняя депрессия Эриха осталась позади. Весной он, по большей части, был подавлен, погружен в себя, но к окружающим относился с необычной для него мягкостью. Но теперь он вступил в другую фазу. Он преодолел депрессию, снова обрел энергию и силу. Иногда он вел себя приветливо и покровительственно, но чаще бывал агрессивным и злобным. Так как теперь он не отваживался обрушивать свой гнев на Хелин, Эрих отыгрывался на Жюльене и Пьере. Он награждал их издевательскими кличками, вечно был недоволен их работой, хотя они надрывались изо всех сил.

— Вы лодыри, ленивое дерьмо, — сказал он однажды, обойдя сад и увидев, что не высохла краска на свежеразкрашенной скамейке. Эрих из-за этого решил, что французы очень медленно работают. — Вы знаете, отчего так происходит? От хорошей жизни вы стали тяжелыми, толстыми и неповоротливыми. Вы слишком много жрете, много спите, но дальше так продолжаться не может. Не так ли? Вы сами не находите, что надо что-то изменить?

Пьер и Жюльен молча стояли перед ним, держа в руках шапки и опустив головы. Однако Беатрис, издали наблюдая эту сцену, видела, что Жюльен иногда поднимал на Эриха темные глаза, в которых сверкала ярость, и девочка поняла, как невыносимо для него это унижение, которое он вынужден был молча терпеть.

— Сегодня вы больше не получите ни еды, ни питья, — сказал Эрих, — а с завтрашнего дня я вдвое уменьшаю ваш рацион. Посмотрим, может быть, после этого работа пойдет веселее.

Было еще утро, за завтраком Жюльен и Пьер выпили по чашке кофе и съели по два куска хлеба. Предстоял долгий рабочий день, к тому же, очень жаркий. Обычно оба француза могли в любое время подойти к двери кухни, которая через веранду выходила в сад, и попросить воды. Кроме того, пленных кормили обедом и ужином. Хелин была в ужасе, когда Эрих приказал ей не давать сегодня французам ни еды, ни питья.

— Это бесчеловечно, Эрих. Должны же они хотя бы пить воду! Они ничем не заслужили таких мучений.

— Они оба должны понять, что значит работать, — строго возразил Эрих, — и я буду учить их так, если они не понимают по-другому. Вот увидишь, как сразу улучшится их дисциплина.

Эрих ненадолго задумался, потом вышел в сад и объявил, что с сегодняшнего дня начнется сооружение альпинария. Эрих и раньше говорил об этих своих планах. Он буквально влюбился в идею насыпать живописную груду камней в том месте, где одна сторона сада круто спускалась к дороге, а в промежутках насадить розовые кусты. Обломки скал можно было натаскать из Пти-Бо.

Солдату, охранявшему французов, было приказано сопровождать их к бухте и обратно, чтобы им в голову не пришла какая-нибудь глупая мысль.

— Им придется изрядно походить, — сказал он, — и я надеюсь уже сегодня вечером увидеть результат. Никаких долгих перерывов. Они оба должны понять, что значит трудом зарабатывать хлеб насущный. Мне в этой жизни тоже ничего не дарят.

Он сел в машину, и Виль повез его на объект. Оккупанты начали строить неподалеку от Ле-Вариуфа подземный госпиталь, и Эрих надзирал за ходом строительства. Отсутствовать он будет целый день.

Беатрис пошла в школу, но весь день думала об обоих французах. Мэй сразу поняла, что подруга сильно расстроена, и когда спросила, в чем дело, Беатрис ответила, что очень боится за Жюльена и Пьера.

— Мои родители говорят, что пленным рабочим очень плохо, — сказала Мэй, понизив голос. — Папа несколько раз лечил их, когда они

заболевали. Обычно немцы привлекают для этого своих врачей, но иногда их не бывает... Папа говорит, что часть рабочих в ужасном состоянии. Многие умирают.

Она откусила от бутерброда с сыром, принесенного из дома и озабоченно посмотрела на Беатрис.

— Ты думаешь, что мистер Фельдман хочет уморить французов голодом?

— Ерунда, — раздраженно ответила Беатрис. Широко раскрытые синие глаза Мэй и писклявый голос частенько вызывали у нее раздражение. — Он хочет их помучить, а это тоже очень плохо. Никогда не знаешь, что взбредет ему в голову в следующий момент.

Школа закрылась уже в полдень, что случалось нередко из-за нехватки учителей. Было очень жарко, в воздухе дрожало марево, а над морем стлался прозрачный туман. Последним был урок немецкого. Мэй ничего не понимала, и Беатрис всю дорогу от Сент-Мартина до дома объясняла ей правила. Для нее самой чужой язык уже не представлял никаких трудностей. Она бегло говорила по-немецки с Эрихом и Хелин, и даже сны снились ей иногда по-немецки. У Мэй, напротив, были с немецким большие трудности: у нее заплетался язык и она так сильно заикалась, что понять ее не могли ни англичане, ни немцы.

Когда они вошли в деревню и оказались перед домом доктора Уайетта, Мэй все еще ничего не поняла, и подруги договорились встретиться завтра утром и еще раз повторить материал. Дальше Беатрис пошла одна. Слева и справа, в садах, зеленела высокая трава, цвели последние одуванчики, буйно росли папоротник и наперстянка. Дни стали бесконечно длинными, а ночи светлыми, исполненными какого-то буйства, не дававшего спать ни людям, ни животным. Беатрис вспомнила, что Дебора всегда говорила, что в июне чувствует себя так, словно выпила игристого вина. «И томительно! Так томительно! Когда до поздней ночи я вижу на западном горизонте светлую полоску, мне всегда кажется, что там, за этим освещенным горизонтом меня кто-то ждет, кто-то зовет и манит меня, и мне так хочется откликнуться на этот зов...»

Эндрю в таких случаях обычно удивленно вскидывал брови.

— Должен признаться, что такие слова заставляют меня задуматься, — говорил он. — Ты похожа сейчас на молоденькую девушку, которая грезит о великой любви. Наверное, я перестал тебя удовлетворять.

Дебора смеялась и обнимала Эндрю, показывая Беатрис, что они просто шутят. Но Беатрис знала, что мать иногда всю ночь напролет просиживала в саду и, не отрываясь, смотрела на светлую полоску на

западе. Мать удивила ее этим три или четыре раза, когда Беатрис тоже не спалось. Все тело Деборы было напряжено, в глазах проступало отчуждающее, пугающее отчаяние. Беатрис не осмелилась спросить мать, в чем дело, на цыпочках поднялась в свою комнату и зарылась в одеяло. Уверенность ее в том, что она живет в святом мире, сильно поколебалась; Беатрис не могла объяснить поведение Деборы, но почувствовала, что на самом деле ее мать не так счастлива и спокойна, как кажется. Однако за прошедшие годы Беатрис убедилась, что беспокойство матери начиналось в мае, достигало кульминации в июне, а в июле неизменно проходило. Все дело было в белых ночах. Как только ночи становились темнее, к Деборе возвращалась ее жизнерадостность и веселый смех.

Июнь наступил, и теперь мысли о матери стали неотвязными. Может быть, она и в Англии выходит по ночам на улицу, садится в траву и дрожит от предчувствия неведомого ей события, наступления которого она ждет так, как не ждала ничего в жизни? Или мысли и тревога за дочь так сильны, что отодвинули все остальное на второй план?

Беатрис была уверена, что когда-нибудь снова увидит своих родителей. Любая другая мысль была бы для нее невыносимой, но иногда девочка боялась, что в промежутке что-то произойдет, и это что-то изменит все настолько, что станет невозможно начать жизнь с того момента, в который она так внезапно прервалась. Они никогда не обретут прежнего покоя. Они будут жить с запечатленными в памяти картинками, со страхом, который будет преследовать их в сновидениях. Да и сколько времени еще пройдет до того, как немцы завоюют весь мир или сдадутся своим противникам?

«Может быть, все это продлится так долго, что я стану взрослой, — со страхом думала Беатрис, — и мама и папа при встрече просто не узнают меня. Я стану другой, и при встрече мы просто не будем знать, о чем говорить». Она была расстроена, когда дошла до дома. Жара тоже не улучшала настроение. Раньше на нее не действовали ни солнце, ни ветер, ни дождь, но с некоторых пор у Беатрис появились головокружения, особенно, когда было слишком жарко или слишком холодно, и тогда она чувствовала себя усталой и изможденной.

— Ты просто очень быстро растешь, — сказала ей Хелин. — С прошлого года ты выросла на целых десять сантиметров.

Беатрис тащилась по дорожке к крыльцу. Ей страшно хотелось есть и пить. Вдруг она увидела Жюльена и Пьера, которые под присмотром охранника укладывали друг на друга каменные глыбы, притащенные ими с берега моря. Лица французов заливал пот, одежда липла к телу. У Жюльена был такой вид, словно он вот-вот упадет, что только силой воли он еще

держится на ногах. Солдат уютно устроился в тени бука и лениво покуривал, время от времени отхлебывая воду из фляжки. В правой руке он держал пистолет.

Беатрис со всех ног бросилась в дом. Хелин стояла в кухне и резала помидоры на салат.

— Как хорошо, что ты пришла! — воскликнула Хелин. — Салат почти готов. Тебе обязательно надо поесть, ты такая бледненькая!

Беатрис поставила в угол школьную сумку.

— Надо дать поесть Жюльену и Пьеру. И попить тоже. Они оба почти без сил.

Хелин подняла на Беатрис несчастные глаза.

— Я не могу. Ты же слышала, что сказал Эрих.

— Но они же так тяжело работают! На улице страшная жара. Хелин, мы должны им что-нибудь дать!

— Мы не можем рисковать. Солдат все расскажет Эриху. В этом нет никакого смысла, Беатрис. Мне очень жалко их обоих, но мы ничего не сможем изменить.

Они молча принялись есть салат. Полчаса спустя они увидели, как оба француза идут в сад. За ними шел охранник. Очевидно, у них был перерыв, так как оба, тяжело дыша, без сил повалились в траву, вытирая с лиц пот. Солдат закурил следующую сигарету. Сделав пару шагов назад и вперед, он внимательно посмотрел на измотанных людей, решил, что едва ли они смогут встать, и торопливо исчез в кустах.

Едва он скрылся из вида, как приподнялся Жюльен. Он шатаясь встал на ноги и неуверенно шагнул. Мокрое от пота лицо было бледным, как у мертвеца. Он побрел к приоткрытой двери кухни.

— Пожалуйста, — хриплым, надтреснутым голосом произнес он, — воды. Всего один глоток.

Беатрис тотчас подставила стакан под водопроводный кран, но Хелин схватила ее за руку.

— Нет! Ты представляешь, как он разозлится!

Беатрис отдернула руку.

— Мне все равно! Он же сейчас потеряет сознание!

Губы Жюльена потрескались, он тяжело дышал. Глаза лихорадочно блестели.

— Прошу вас, — повторил он, — всего один глоток. Мне и Пьеру.

Пьер тоже встал и дотащился до кухни.

— Пожалуйста, немного воды, — повторил он просьбу товарища.

Беатрис не успела наполнить стакан, как из сада вынырнул солдат и

тотчас снял пистолет с предохранителя.

— Что здесь происходит? — заорал он.

Беатрис вышла на порог со стаканом воды.

— Им нужна вода. Они же иссохли от жажды.

— Так скоро не иссохнешь, — сказал солдат. — Вылейте воду, барышня! У меня приказ господина майора!

— Вы не можете так поступать, — умоляюще воскликнула Беатрис, — они же так тяжело работают, а на дворе так жарко!

Но солдат был неумолим.

— Это вы можете обсудить с господином майором. У меня приказ, и мне ни на черта не нужны неприятности!

Беатрис взглянула на Хелин.

— Хелин...

Та беспомощно подняла руки.

— Я не могу ничего сделать. Мне очень жаль, но я не могу ничего сказать.

— Я только выполняю приказ, — стоял на своем солдат и направил оружие на обоих пленных. — Прочь, пошевеливайтесь. Пора приниматься за работу.

Беатрис почувствовала сильное головокружение.

«Ну что это такое, — подумала она, — почему мне все время так плохо?»

— Вы не люди, — закричала она. — Как вы можете это делать? Как вы сами можете выносить то, что вы делаете?

— Пожалуйся господину майору, — ответил солдат, но голос его звучал теперь как будто издали, сквозь ватную стену, внезапно возникшую между ним и Беатрис. Она поймала взгляд Жюльена, взгляд, исполненный печали и ненависти и немой благодарности Беатрис за ее мужество, с каким она бросила вызов приказу Эриха. Этот взгляд пробудил в ней какое-то незнакомое чувство, которое она не смогла бы выразить или объяснить словами. Но она не успела разобраться в нем. Ватная стена надвинулась на нее, заползла в глаза и уши, окутала все тело, и наконец весь мир вокруг погрузился в черный непроглядный мрак.

Она лежала на кровати и пыталась вспомнить, что с ней произошло. Она с удивлением обнаружила, что лежит в кровати, одетая в школьную форму. Почему она легла в ней спать?

Но в этот момент над ней склонилось хорошо знакомое лицо доктора Уайетта.

— Ну, вот, теперь юная дама наконец-то вернулась к нам. Долго же ты спала, Беатрис, а до этого, вообще, отсутствовала.

— Что случилось? — спросила она и торопливо села, но тут же почувствовала такую слабость и головокружение, что тихо застонала.

Из угла тотчас вышла бледная Хелин.

— У тебя что-то болит? — спросила она.

— Нет, у меня только кружится голова. Но мне уже лучше.

— Я оставлю здесь капли. Ты будешь принимать их каждое утро и скоро снова будешь здорова, — сказал доктор Уайетт. — Все дело в том, что в последнее время ты слишком быстро растешь, вот и все. Рост тела иногда сильно обременяет организм, — добавил он и повернулся к Хелин. — Вот кровообращение и выбивается из сил, — доктор говорил медленно, отчетливо выговаривая английские слова, чтобы Хелин могла его понять. — К тому же эта невыносимая жара... давненько не было такого жаркого июня. Но не стоит волноваться, все будет хорошо.

— Она так неожиданно упала, — сказала Хелин, — и я так разволновалась, что просто не знала, что мне делать.

— Ничего страшного не случилось, — успокоил ее доктор Уайетт, — и я не думаю, что такой обморок повторится, — он закрыл саквояж, дружески подмигнул Беатрис и махнул рукой, видя, что Хелин хочет его проводить. — Не стоит труда, я сам найду дорогу. Оставайтесь с больной.

— Какой милый человек, — сказала Хелин, когда врач вышел за дверь. — Как хорошо, что он пришел.

Хелин выглядела усталой и встревоженной.

«Она всегда все драматизирует», — подумалось Беатрис.

— Ты пришла в себя еще на кухне, — пустилась в объяснения Хелин, — но не могла встать. Пьер попытался отнести тебя в комнату, но у него не хватило сил. Помог солдат... — она нервно сглотнула.

— Здесь, наверху, ты сразу заснула. Я позвонила доктору Уайетту, и он, к счастью, смог сразу приехать, — Хелин вздохнула. — Я так за тебя испугалась. Но, кажется, доктор Уайетт не нашел ничего необычного для твоего возраста. Боже мой, ну и денек!

Беатрис наконец полностью пришла в себя и поняла, что в саду происходит что-то странное. Из сада доносились голоса, команды, крики. Хлопали двери, отъезжали и подъезжали автомобили. Бешено лаяли какие-то собаки.

— Что там случилось? — спросила Беатрис. — Отчего такой шум?

— Пусть тебя это не волнует, — торопливо и одновременно смущенно ответила Хелин. — Я все объясню тебе завтра утром.

От этих слов Беатрис, естественно, пришла в себя окончательно.

— Нет, я хочу знать все сейчас. Мне уже хорошо, и я не упаду, что бы ты мне ни сказала.

— Ах, — сказала Хелин, — Эрих, конечно, страшно зол... но я ничего не могла поделать. Это... это просто несчастный случай. Ты упала в обморок, и нам всем пришлось что-то делать... мы же не могли просто тебя бросить, и...

— Хелин, — перебила ее Беатрис, — что случилось?

Хелин отвела взгляд.

— Жюльен исчез, — тихо сказала она, — во время этой суматохи. Он ухитрился бежать и бесследно исчез.

Бегство француза стало для Эриха личным оскорблением. В течение нескольких недель он делал все возможное и невозможное, нажал на все педали, чтобы выследить и схватить Жюльена. Он разослал по всему острову солдат со строжайшим приказом «перевернуть все камни и посмотреть, не прячется ли там этот тип!»

Тайная полевая жандармерия, чины которой вербовались, вероятно, в гестапо, провели обыски во всех городках и деревнях. Жителей острова будили по ночам, вытаскивали из постелей и заставляли смотреть, как полицейские переворачивали все в доме вверх дном, устраивали невероятный беспорядок и грубо задавали оскорбительные вопросы. Если до сих пор оккупанты соблюдали известные рамки в отношениях с местными жителями, то теперь они показали себя с той стороны, с какой их изо дня в день, в течение нескольких лет видели люди в других оккупированных немцами странах. Они показали, какими опасными, необузданными и жестокими могут быть. Они пришли как противники, с которыми было можно — и должно — договориться. Но они могли стать и смертельными врагами.

Между тем, Жюльен словно сквозь землю провалился.

— У него, наверняка, были помощники! — орал Эрих. — Без них он ни черта бы не выжил! Конечно, он мог залезть в какую-нибудь расщелину на берегу, где мы никогда его не найдем, но что, интересно, он будет есть? Он не мог сделать это один!

— Может быть, он уже покинул остров, — робко вмешалась Хелин. — До Олдерни не так уж далеко, и он...

— Чепуха. На Олдерни ему придется еще труднее. Там вообще нет британского населения и полно наших людей. Может быть, на Джерси... — Эрих погрузился в мрачные раздумья, потом грохнул кулаком по столу так,

что все вздрогнули. — Этому парню потребовалось бы больше везения, чем ума, чтобы это сделать! Нельзя же просто так сесть в лодку и переплыть с одного острова на другой! Кругом полно патрулей. Ночи стоят светлые и ясные, его бы заметили издалека. Это бред, если бы он рискнул!

Пьера солдаты увели в тот же день, когда бежал Жюльен. Когда его уводили, он был бледен, как смерть. Беатрис вся извелась от переживаний за него, и вечером, не выдержав, спросила Эриха о том, что с Пьером.

— Его допрашивают, — ответил Фельдман. — Возможно, он знал о намерениях Жюльена, и знает, где он прячется.

— Я не думаю, что он это знает, — вмешалась в разговор Хелин, — потому что Жюльен ничего не планировал. Он просто воспользовался суматохой, которая поднялась из-за Беатрис. Но он же не мог предвидеть ее обморока.

Эрих мрачно посмотрел на девочку.

— Это могло бы показаться подозрительным, Беатрис, если не знать, что ты слишком умна, чтобы решиться на такую глупость. Правда, все это можно было подстроить и заранее. Но ты бы не рискнула, не правда ли?

— Пока я этого не делала, — неохотно ответила Беатрис.

Пьер вернулся через неделю и снова принялся за работу. Ему сломали нос, под глазом расплылся большой кровоподтек, к тому же он хромал и волочил правую ногу. Он получал теперь еду и питье, но Эрих приказал кормить его так скудно, что было ясно, что при такой тяжелой физической работе Пьер долго не протянет. Теперь ему приходилось одному строить альпинарий, заниматься домом и садом. Эрих ни за что не желал брать второго работника. Пьер должен был отвечать за побег Жюльена.

— Что они с тобой сделали? — шепнула Беатрис, подавая ему в дверях кухни кружку с водой.

Пьер жадно выпил воду.

— Пытали, — хрипло прошептал он на своем неуклюжем английском, — но я ничего не сказать. Ничего не знать. Не знаю, где Жюльен!

Беатрис спросила, что будет с Жюльеном, если его поймают. Ответ Эриха был недвусмысленным и четким.

— Его расстреляют.

Эрих не мог продолжать поиски с тем же рвением, с каким он их начал. Для этого у него просто не было достаточно солдат. Но зато он приказал напечатать листовки и расклеить их по всему острову.

— Кто-нибудь обязательно его увидит, — мрачно произнес он, — и, может быть, этот кто-нибудь заинтересуется в сотрудничестве с нами,

немцами.

На острове действительно было немало британцев, питавших такой интерес. Число доносов — по большей части, анонимных — было удивительно велико. Чаще всего доносили на людей, имевших радиоприемники, но многие граждане проигнорировали приказ оккупационных властей сдать радиоприемники. Кроме того, процветал черный рынок, на котором важные сведения меняли на продуктовые карточки. Здесь тоже стоило поискать, и Эрих надеялся, что человека, приютившего беглого француза, рано или поздно выдаст сосед или застарелый враг.

В начале последней недели июня Германия напала на Россию. В школе все оживленно обсуждали эту новость. Учительница немецкого языка объявила, что окончательная победа теперь близка, как никогда. Она показала ученикам на карте, как велика Россия.

— Вы только подумайте, какой могучей станет Германия, когда все это будет нашим, — сказала она с такой гордостью, словно сама вела в бой полки завоевателей. — После этого ни один народ в мире не сможет оказать нам серьезного сопротивления.

Беатрис все же показалось, что Германия очень мала по сравнению с Россией, и Гитлер, наверное, сильно рискует, напав на такого сильного противника. Но потом, посмотрев на заштрихованные части карты, которыми были обозначены страны, уже захваченные Германией, девочка горестно вздохнула. Нацисты уже многого достигли. Наверное, их самоуверенность оправдана. Когда-нибудь они завоюют весь мир, и тогда по мостовым будут вечно стучать кованые солдатские сапоги, движение навсегда станет правосторонним, все будут говорить по-немецки, а вместо юнион-джека видеть на флагштоках флаги со свастикой. Утешало, правда то, что тогда она сможет, наконец, встретиться с родителями.

Жаркое и сухое лето прошло, но Жюльена так и не нашли. Его удачное бегство означало конец особых отношений между Эрихом и Беатрис: она перестала быть его наперсницей. Он знал — да она и не пыталась это скрыть — что она на стороне Жюльена, а значит надеется, что его не поймут. Она и раньше никогда не строила из себя поклонницу Эриха или, тем более, нацизма. В душе она всегда была за побежденных, а не за победителей. Но до сих пор у нее не было случая заявить об этом открыто, а теперь линия фронта обозначилась вполне отчетливо. Эрих заново осознал, что силой оккупировал дом, где жил теперь с Беатрис, что его приняли в дом отнюдь не по доброй воле. Беатрис была противником, и он поведал противнику слишком много сокровенных вещей. Теперь ему

пришлось отступить. Он избегал общества Беатрис, не вступал с ней в разговоры, не касающиеся насущных обыденных проблем. Беатрис чувствовала, что он стал постоянно за ней следить, ощущала на себе его пристальный взгляд. Видела, как он сопротивлялся желанию обратиться к ней со своими бедами. Выглядел Эрих плохо. Он стал много пить, часто выпивал первый стакан, едва успев вернуться домой. От жары после выпивки он становился вялым и сонливым. Беатрис была рада возможности ужинать наедине с Хелин, в то время как Эрих храпел на диване или даже уже в кровати. Правда, Хелин тоже изрядно действовала ей на нервы, хотя и не проявляла враждебности. Она плакалась и жаловалась, но никого не обвиняла.

Этим двоим, с горечью думала Беатрис, когда-нибудь приходило в голову, что *ей* со своими проблемами идти было не к кому?

Раньше она всегда обсуждала свои дела с родителями, а если не хотела говорить с ними, то шла к Мэй. Но нормально общаться с Мэй было теперь невозможно. Беатрис чувствовала, что стала на много лет старше своей подруги. Беатрис пришлось пережить много такого, о чем Мэй не имела ни малейшего представления. Да, Мэй, как и Беатрис, пришлось жить под немецкой оккупацией и приспособливаться к тяжелым изменениям, но она, как и прежде, находилась под защитой семьи, отца и матери, и могла, как и прежде, оставаться маленькой девочкой. *Она* же на собственной шкуре почувствовала, что такое немецкая оккупация. *Она* была разлучена с родителями и не знала, когда она снова с ними встретится. Это *ее* жизнь день ото дня приходила в полное расстройство, *она* должна была сама позаботиться о том, чтобы уцелеть в новых условиях. Рядом с Мэй Беатрис иногда чувствовала себя старухой. Мэй постоянно хихикала, рассказывала о каком-то парне из Сент-Мартина, от которого была без ума и была готова без умолку его превозносить, хотя сам он не обращал на нее ни малейшего внимания. От этих рассказов Беатрис либо раздражалась, либо скучала, чувствуя, что отныне ее вообще никто не понимает.

Немцы вошли в Россию, как горячий нож в масло. Каждый вечер Эрих громко вещал о новых победах и о новых занятых городах.

Острова в проливе мало-помалу превращались в крепость, в форпост, прикрывающий французское побережье. Немцы приводили с материка караваны, груженные строительными материалами, строили новые железные дороги и пускали в эксплуатацию старые заброшенные пути. Повсюду возникали стены, башни, подземные ходы. По улицам конвоиры вели колонны заключенных, оборванных, с изможденными голодными лицами, с застывшим в глазах страхом. С тех пор, как Гитлер напал на Россию, на

острове стали появляться русские военнопленные. Среди местных жителей поползли ужасающие слухи о жестокостях, бессудных расстрелах, о людях, падавших от голода и истощения, брошенных в грязные бараки без всякой медицинской помощи. Многие из них умирали. Говорили, что на Олдерни построили концентрационный лагерь, куда свозили евреев с материка. Положение явно обострялось с каждым днем. Оккупанты нервничали и от этого становились еще более опасными.

— В России немцы побеждают, — сказал однажды доктор Уайетт за ужином, на который Мэй пригласила Беатрис. Все сидели в маленькой уютной столовой. — Пока у них все идет хорошо, но они ведут теперь войну с сильным противником, и скоро начнут выдыхаться.

Люди говорили о бомбежках Лондона, и многие жители острова тревожились за своих близких, бежавших в Англию. Как и прежде с родиной не было никакой связи; просачивались лишь смутные новости, слухи и сплетни.

Говорили, что люди в Лондоне перестали спать по ночам. Они сидят в подвалах и бомбоубежищах, а на улицах рушатся их дома и горят целые кварталы. Детей вывезли в сельскую местность, много погибших.

«Может быть, мама и папа тоже уехали в сельскую местность», — с надеждой думала Беатрис.

Эрих стал все чаще отлучаться из дома — на несколько дней, а иногда и на неделю-две, не предупреждая ни Хелин, ни Беатрис. Ездил он во Францию, но никогда не рассказывал, чем он там занимался. Хелин предполагала, что он надзирал за доставкой из Франции строительных материалов — в первую очередь, железобетона. Беатрис каждый раз облегченно вздыхала, когда Эрих уезжал. В такие дни она могла чаще бывать у Уайеттов, и хотя ей теперь было неинтересно с Мэй, она все же с большим удовольствием проводила время в семье английского врача, чем в обществе вечно недовольной и хныкающей Хелин. Она, правда, всегда пыталась уговорить Беатрис остаться дома, но прямо, как Эрих, ничего ей не запрещала. Беатрис чувствовала себя свободнее, и даже несколько раз оставалась ночевать в доме Уайетта, и Хелин не могла требовать, чтобы девочка выходила на улицу в комендантский час.

Осенью и зимой депрессия Эриха становилась все хуже и хуже, достигая апогея к двадцать четвертому декабря, ко дню его рождения. По немецкому обычаю Рождество надо было справлять в сочельник, с елкой, свечами и канителью. Пьер и Виль принесли елку и поставили ее в гостиной, а Хелин и Беатрис днем принялись ее украшать. Эрих уединился в спальне и целый день не показывался на глаза. Хелин, наконец,

занервничала и послала Беатрис посмотреть, что делает муж.

— В конце концов, сегодня день его рождения, а он еще не распаковал свои подарки, и, кроме того, надо порезать торт. Скажи ему, чтобы он пришел.

— Почему бы тебе самой его не позвать?

У Хелин был вид испуганного кролика.

— Я не знаю... В день рождения он становится каким-то... Может быть, ты?..

«В конце концов, это ее муж, — раздраженно подумала Беатрис, поднимаясь наверх. — Почему она всегда подставляет меня, когда хочет что-то ему сказать?»

Эрих не отреагировал на стук, но дверь была открыта, и Беатрис, в конце концов, просто вошла в спальню. В нос сразу ударил сильный запах спиртного, облако витавшего в комнате виски было, кроме того, пропитано мерзким запахом пота. Эрих стоял у окна, созерцая ранние зимние сумерки, неотвратимой чернотой опускавшиеся на сад. Свет Эрих не включил, но в комнате можно было различить очертания мебели.

— Беатрис? — спросил он, не обернувшись. — Это ты?

— Сэр, мы хотели бы знать, не спуститесь ли вы в гостиную. Хелин хочет порезать торт.

— Какое мрачное время года, не правда ли? — он не ответил на вопрос Беатрис и не обернулся. — Темно, холодно. Ты заметила, что весь день на небе не было ни одного просвета? Только тяжелые серые облака. День, который никогда не будет светлым. Утренняя темнота переходит в темноту вечернюю. Места для света не остается.

— Сэр...

— Ты никогда не задумывалась над тем, какую роль в жизни человека играет время года, в которое он родился? В теплое и светлое, или в холодное и темное? Ты не думаешь, что это накладывает отпечаток на всю его жизнь?

— Нет, я так не думаю.

— Ты родилась в начале сентября, Беатрис. Это конец лета, мир цветет и благоухает, с каждым днем все сильнее пламенея живыми красками. Ты пришла в мир, и он приветствовал тебя светом и красотой. Должно быть, тебе казалось, что ты явилась в рай.

Он говорил с видимым усилием, делал долгие паузы между словами, связность давалась ему с трудом, но, видимо, он так давно вынашивал эту мысль, что мог и сейчас, в пьяном виде четко ее формулировать.

— Я родился в самое темное время года, — продолжал он. — Двадцать

четвертого декабря. Двадцать первое декабря — самый короткий день. Двадцать четвертое не лучше. Собственно, это даже и не день, это нескончаемая ночь.

За окном продолжала сгущаться тьма. Беатрис понимала, что возразить ей нечего.

— Но это день Рождества, — сказала она наконец, — а это особенный день.

— О да, — иронически отозвался Эрих, — очень особенный. Это проклятое двадцать четвертое декабря настолько особенное, что ни один человек в мире не думает, что в этот день может произойти рождение кого-то, кроме Иисуса. Например, мое. Но это никогда никого не интересовало.

Он наконец обернулся. В сумраке лицо его было почти неразличимо. Эрих казался ей сейчас серым, старым и изможденным.

— Я никогда и ни для кого не был важен. Ни для кого. Знаешь, что говаривала мне моя мать? «Эрих, — говорила она, — ты испортил мне Рождество. Все сидели под елкой и праздновали, а я валялась в кровати и рожала тебя. Неужели ты не мог выбрать другой день для своего появления на свет?»

— Это же была шутка, — сказала Беатрис.

— Конечно, это была шутка. Конечно. Но во всякой шутке есть доля правды, понимаешь? В каждой шутке есть искра истины и серьезности. В ту святую ночь 1899 года моя мать наверняка думала: «Черт возьми! Почему, как нарочно, сегодня? Неужели этот парень не мог родиться раньше или позже? Почему сегодня?»

— Но этого же никто не выбирает, — по-деловому сухо отрезала Беатрис. Как всегда, при разговоре с Эрихом у нее вдруг начала болеть голова. Казалось, что мозг сдавило железным обручем. Почему он не может сам разобраться со своими проблемами?

Он устал на нее немигающий взгляд.

— Моя жизнь темна, как день, в который я родился.

— Вы не хотите все же спуститься в столовую?

— Я приду позднее, — ответил он и снова повернулся к окну.

К ужину он не явился. Хелин и Беатрис сидели одни за вином и селедочным салатом. Хелин нервничала и была очень напряжена.

— Каждый год в этот день у нас драма, — сказала она, нервно вертя в руке кольцо для салфеток. — Я не могу понять, что его не устраивает. Может быть, то, что он стал на целый год старше.

Эрих пришел, когда Хелин и Беатрис уже собрались спать. Свечи на елке догорели, стол был убран, сонное настроение витало в воздухе. Вино

отуманило мозг Беатрис. Сегодня она впервые в жизни пила спиртное и ей было трудно сосредоточиться.

Эрих был сильно пьян и пребывал в превосходном настроении. Видимо, принял таблетки, чтобы подстегнуть себя. Есть он не хотел, но очень расстроился, увидев, что свечи погасли. Хелин пришлось найти новые, вставить их в подставки и снова зажечь. Эрих сказал, что теперь они должны все вместе спеть «Тихую ночь», но пели только они с Хелин, потому что Беатрис не знала немецкого текста. Потом Эрих вышел на середину комнаты и начал делать доклад о положении на фронтах. Конечная победа близка, фюрер намерен показать миру все свое блистательное величие, раса господ очистит землю от недочеловеков. Эрих громоздил высокопарные выражения друг на друга, размахивал руками, вещал горячечным пьяным голосом, но выражение его глаз было до странности фальшивым. Эта фальшь сочилась из него, проглядывала в жестах и мимике.

«Он сам не верит в то, что говорит, — подумала Беатрис, — он говорит отштампованные слова, потому что не хочет думать. Но это слабоумие, и он прекрасно знает, что это слабоумие».

— Я пойду спать, — сказала она и встала, но Эрих силой снова усадил ее на стул.

— Сиди, я еще не закончил.

Продолжая вещать, он откупорил еще одну бутылку вина, налил Хелин и Беатрис, несмотря на их протесты, выпил стакан, потом, без перерыва, еще один. Слова его стали совсем невнятными, предложения бессвязными, потом в них проглядывал какой-то смысл, но это было лишь повторение перлов, которые постоянно выплевывала нацистская пропагандистская машина.

Постепенно догорели и новые свечи, Эрих уже не мог стоять и сел, крепко ухватился руками за стол и объявил, что его зовут Эрих Фельдман и никто не смеет против этого возражать.

— Давайте, может быть, отведем его наверх, — предложила Беатрис.

Эрих, не сопротивляясь, но сильно раскачиваясь из стороны в сторону, дал отвести себя наверх. Он пытался говорить, но не мог внятно произнести ни одного слова. Наверху Хелин и Беатрис оттащили его в спальню, уложили в кровать, и он тотчас уснул.

— Завтра ему будет ужасно плохо, — вздохнув произнесла Хелин. — Интересно, будет ли у нас с ним хоть одно не такое ужасное Рождество?

Беатрис подумала, что с ним ужасен каждый день, но ничего не сказала вслух. Ей страшно не хватало Деборы и Эндрю и очень хотелось

спать.

На следующий день Беатрис проснулась очень рано, несмотря на то, что поздно уснула. За окном начинался новый день, туманный, серый и холодный. Она вспомнила, что говорил вчера Эрих об этом времени года, и на какой-то момент она представила себе ужас, который охватит его, когда он откроет глаза и увидит холодный туман. Потом она вспомнила, что двадцать пятого декабря Эрих обычно пребывал в безоблачном настроении, невзирая на холод и туман. В гостиной теперь должен жарко гореть камин, в доме — пахнуть кофе и яичницей на сале. Она наденет халат, спустится в гостиную, опустится на ковер и будет распаковывать подарки. Ее будет переполнять чувство тепла и любви, слух ее будут ласкать рождественские песенки, которые так любила мурлыкать себе под нос Дебора.

Она встала, оделась и спустилась вниз. В гостиной было промозгло и неуютно. Под потолком висел холодный дым свечей, на столе стояли пустые бокалы и бутылки, следы вчерашних возлияний Эриха.

Беатрис поняла, что не сможет вынести в обществе Эриха и Хелин этот день, обещавший быть тусклым и безрадостным. Она надела пальто, выскользнула из дома и направилась к Мэй.

Воздух был сырой и холодный, туман был настолько густой, что Беатрис могла видеть перед собой лишь несколько метров дороги. Луга справа и слева от дороги были покрыты серебристым инеем. Время от времени, сквозь редкие просветы в облаках проглядывало солнце, бросая лучи на замерзшую траву и стены дворов. Стояла мирная тишина, до слуха Беатрис не доносилось ни звука. Полная тишина накрыла остров, туман, казалось, поглотил все живое. Беатрис зябко поежилась, понимая, что мерзнет не только от зимнего холода.

Беатрис уже видела стоявший у выезда из деревни уютный дом Уайеттов с квадратными окнами, фруктовые деревья в их саду. Свет в окнах не горел, и это вызвало у Беатрис раздражение. Неужели семья до сих пор спит? Однако ставни были открыты, и Беатрис постучала в дверь латунным молоточком.

В доме по-прежнему было тихо. Она снова постучала, но безрезультатно. Она обошла дом, поднялась на кухонное крыльцо, сквозь окно заглянула внутрь и увидела Жюльена. Он сидел за столом и пил кофе.

Он увидел ее тотчас и вскочил на ноги. Короткий миг Беатрис казалось, что он сейчас опрометью бросится прочь из кухни, чтобы спрятаться, но, видимо, до него дошла бессмысленность бегства. Он остался стоять на месте, и они во все глаза смотрели друг на друга —

Беатрис с удивлением, а Жюльен с ужасом.

Потом Жюльен подошел к двери, отодвинул засов и открыл дверь.

— Беатрис! — хрипло произнес он. — Ты одна?

— Да, со мной никого нет. Жюльен, я бы ни за что не подумала, что...

Он сделал шаг назад.

— Заходи! — прошептал он, и как только она вошла, тотчас запер дверь на засов.

— Я стучалась, — Беатрис тоже непроизвольно перешла на шепот. — Но никто не открыл...

— Я тоже ничего не слышал, — сказал Жюльен. Он был еще бледен от пережитого страха. — Боже, это была глупость с моей стороны сидеть на кухне. Могли прийти немцы и тоже заглянуть в окно.

— Или сосед, который мог бы вас выдать, — сказала Беатрис. — Давно вы здесь?

— С третьего дня после побега. Сначала я спрятался в скалах на берегу, но там я, конечно, не выжил бы. Доктор Уайетт был единственным человеком, которого я знал на острове и которому доверял. Он сразу же забрал меня в свой дом.

— Я так часто бываю здесь, — удивленно сказала Беатрис, — но ни разу вас не заметила.

— Я живу на чердаке, — Жюльен поморщился. — Это, конечно, не самое лучшее место для жизни зимой, но все же лучше, чем работать на немцев. Доктор Уайетт все время думает, как переправить меня с острова, но говорит, что это очень опасно. Немцы охраняют все побережье.

— Мэй знает? — спросила Беатрис, и Жюльен утвердительно кивнул.

— Конечно. У нас ничего бы не получилось, если бы ее не посвятили в это дело. Очевидно, она умеет держать язык за зубами.

— Да, — удивленно сказала Беатрис. Простоватая инфантильная Мэй оказалась способной молчать. Раньше Беатрис ни за что бы в это не поверила.

— Где Мэй и ее родители? — спросила она.

— У друзей. Их пригласили на рождественский завтрак. Они вернутся днем. Беатрис, хочешь кофе? Садись! — он пододвинул ей стул. Кажется, он немного успокоился. — Я иногда спускаюсь с чердака. Там можно сойти с ума. Иногда мне хочется выбить окно и что-нибудь заорать, но, конечно, я этого не делаю, — он достал из шкафа вторую чашку, поставил ее перед Беатрис и налил кофе. — Вот, пей, а то ты совсем продрогла.

От горячего кофе Беатрис стало хорошо. Она обхватила чашку окоченевшими пальцами, чувствуя, как от тепла по ним побежали

мурашки.

Как хорошо сидеть здесь с Жюльеном и пить кофе, а не слушать вздор Эриха или жалобы Хелин.

— Что вы здесь делаете целыми днями? — спросила Беатрис.

Жюльен даже покраснел от гордости.

— Учю английский. Я немного знал его со школы, но у меня, естественно, не было практики. Теперь я читаю английские книги, а доктор Уайетт дал мне грамматику. Ты не находишь, что я уже довольно неплохо говорю по-английски?

— Просто в совершенстве, — его английский, действительно, стал намного лучше, хотя, как и раньше, он говорил с сильным французским акцентом, который Беатрис находила интересным. Она могла бы часами слушать этот приятный акцент.

— Я же не знаю, вернусь ли я когда-нибудь на родину. Мне кажется, что свободной Франции больше не будет. Немцы расползаются по Земле, как раковая опухоль, стремительно и беспощадно. Если мне удастся покинуть остров, то я смогу попасть только в Англию. Будет лучше, если к этому времени я овладею языком.

Темные грустные глаза Жюльена затуманились, на лице отразились печаль и уныние, тронувшие Беатрис. Ей захотелось взять Жюльена за руку, но она постеснялась.

— Это ностальгия, да? — спросила она.

Жюльен кивнул.

— Иногда мне кажется, что я умру от ностальгии. Мне не хватает родителей, братьев, сестер, мне не хватает моей страны. Я тоскую по моим друзьям, по родному языку, по свободе, — он тяжело вздохнул. — Твоя одежда, Беатрис, пропиталась холодом и сыростью, но как я тебе завидую! Как часто возникает у меня желание выйти из дома, пробежаться по лугам, вскарабкаться на прибрежные скалы, уйти в лес, прижаться головой к земле, вдохнуть запах травы, цветов и коры, ощутить лицом порывы холодного ветра. Думаю, что я сойду с ума, если не испытаю свою силу, не почувствую мышцы и тело... — он согнул руку в локте. — Каждый день я тренируюсь с гирями. Не могу сидеть на одном месте и смотреть, как мое тело становится дряблым и слабым.

— Долго это, наверное, не продлится, — утешила его Беатрис. — Говорят, что в России дела у немцев идут неважно.

Жюльен вскинул вверх руки.

— Кто может это знать? Гитлеру помогает дьявол, а дьявол силен, — он резко сменил тему. — Что с Пьером? Он все еще у вас?

— Да. Тогда его допрашивали и пытали.

— Этого я и боялся. Мне не надо было бежать, не так ли? Но я так долго вынашивал эту мысль, строил планы. Я пытался уговорить и Пьера бежать вместе со мной. Но он оказался слишком робким. Говорил, что никогда не отважится на побег. Постепенно я понял, что бежать мне придется одному, что у Пьера не хватит на это мужества.

— Сейчас ему живется сравнительно неплохо, — сказала Беатрис. — Сейчас зима, работы в саду мало. Еды ему дают мало, но обращаются с ним хорошо.

Жюльен, думая о своем, рассеянно кивнул. Потом встрепенулся и нервно оглянулся.

— Нам надо быть очень осторожными, — озабоченно сказал он. — Ты уверена, что за тобой никто не шел?

— Нет, никто. И я ничего никому не скажу. Я только надеюсь... — она не договорила, зная, что Жюльен догадывается, о чем она думает. Облавы и обыски были на острове в порядке вещей, и дом доктора Уайетта не был от этого застрахован. Жюльен день и ночь находился в страшной опасности.

— Мы выстоим, — она жестом обвела маленькую кухню, подразумевая весь остров. — Мы перенесем все. Эту войну, немцев, все это проклятое несчастье.

Жюльен улыбнулся. Улыбка осветила его мрачное лицо, и Беатрис вдруг увидела, как он, на самом деле, молод.

— Все это проклятое несчастье, — повторил он. — Я тоже убежден, что мы выдержим.

К весне 1942 года военное счастье стало изменять немцам, и несмотря на все усилия оккупантов перекрыть все источники информации, кроме собственной пропаганды, население острова знало, что происходит на фронтах по всему миру: едва ли не в каждом доме люди тайно слушали Би-Би-Си. Сведения распространялись от деревни к деревне, от дома к дому. В России дела у немцев шли все хуже и хуже, а население Германии по ночам страдало от налетов английских бомбардировщиков. Поговаривали, что скоро в войну всерьез вступит Америка, другие, правда, возражали, что это никогда не произойдет. Говорили также, что Черчилль планирует вторжение на континент, но другие считали, что это абсурд, потому что Черчилль никогда не сможет собрать для этого достаточно войск. Возмущение нарастало, но, хотя никто не знал ничего определенного, было понятно, что ход войны переменился: каким-то неуловимым образом изменилась пронизанная лучами побед аура немцев. Она утратила свой

блеск. Нацисты были уверены, что никто и ничто не сможет их остановить, но теперь эта вера пошатнулась. Немцы тоже оказались уязвимыми.

— Им долго сопутствовала удача, — говорил доктор Уайетт. — Но счастье не возьмешь в вечную аренду. Оно приходит и уходит, от немцев тоже, как и от всех остальных.

Беатрис стала еще чаще, чем прежде, ходить к подруге, потому что Эрих продолжал часто и надолго уезжать во Францию, а Хелин — хотя и пыталась удержать Беатрис дома — не отваживалась запрещать эти визиты. Беатрис замечала, что Мэй ревнует к ней Жюльена; до сих пор она была единственным ребенком, знавшим эту тайну, а теперь в нее была посвящена и Беатрис. При этом она больше времени проводила на чердаке у Жюльена, вместо того чтобы хихикать, болтать и гулять с Мэй. Она часами говорила с Жюльеном, экзаменовала его в английском и училась у него говорить по-французски. Он читал ей вслух Виктора Гюго и рассказал, что этот французский поэт долгое время жил на Гернси.

— Читай дальше, — попросила она. Беатрис настолько захватил «Собор Парижской Богоматери» — история звонаря Квазимодо — что она не хотела прерывать чтение.

— Мне кажется, что скоро ты вообще перестанешь со мной знаться, — обиженно сказала однажды Мэй, когда Беатрис, придя к ней, коротко поздоровалась и собралась на чердак. — Ты совсем перестала обращать на меня внимание!

— Я обещала Жюльену, что... — начала было Беатрис, но Мэй не дала ей договорить.

— Жюльен, Жюльен, Жюльен! — закричала Мэй. — Ты вообще не можешь думать ни о чем другом! Знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты влюблена в Жюльена, вот что! Ты втюрилась в него по уши, и поэтому все время к нему бегаешь!

— Таких глупостей я от тебя раньше не слышала, — раздраженно ответила Беатрис, но слова подруги весь день, до самого вечера, продолжали звучать у нее в ушах. «Мэй права», — подумала Беатрис, и эта мысль потрясла ее. Конечно, она в него влюблена, влюбленность и была тем странным чувством, которое переполняло ее все последнее время. С того момента, когда Жюльен в день своего бегства так странно на нее посмотрел, в ее душе что-то изменилось, но она и сама не понимала, что. Теперь, когда все вдруг стало ясно, она ощутила в груди невыносимое стеснение. Вернувшись домой, она заперлась в своей комнате и принялась разглядывать себя в зеркале, стоявшем на комод, и пытаясь посмотреть на себя глазами Жюльена. Из зеркала на нее смотрела высокая тонкая девочка

с длинными руками и ногами, с узким, немного заостренным, и, как ей показалось, не вполне законченным, лицом. На лице выделялись слегка раскосые глаза — «кошачьи глаза», как часто говорила Хелин — которые серьезно и немного скептически смотрели на мир. Она выглядит старше, чем Мэй, подумала Беатрис, и, вообще, старше, чем тринадцатилетняя девочка. Ей не понравились ее волнистые, темно-каштановые волосы — они были густые, непослушные и растрепанные. Как ей хотелось, чтобы они были мягкими и шелковистыми.

Беатрис вздохнула и повернулась к зеркалу боком, чтобы рассмотреть себя в профиль. Откинув назад волосы, она попыталась изобразить кокетливую улыбку, но безуспешно. Она не родилась кокеткой и догадывалась, что никогда ею не станет.

Немного подумав, Беатрис стянула с плеч платье. Это было одно из летних платьев Хелин, которое она перешила специально для Беатрис. Платье ей шло, и поэтому она охотно его надевала, когда ходила к Жюльену. Светлая зелень переливалась в ее глазах и придавала что-то колдовское ее каштановым волосам. Так во всяком случае утверждал Жюльен. Сама она этого не замечала, но ей было довольно и того, что такой ее видел Жюльен.

Платье скользнуло вниз по телу и ногам и с шелестом упало на пол. Помедлив, Беатрис стянула через голову льняную нижнюю рубашку, осмотрела — сначала застенчиво, потом критически — свое костлявое туловище. Под белой кожей выпирали ребра, маленькие груди были покрыты синеватой сеточкой вен, вызывающе торчали розовые соски. Она не стала снимать трусы — ей было неловко это делать перед зеркалом, тем более, думая о Жюльене. Но и сквозь трусы были видны выступающие кости, а бедра были длинными и ровными, как палки.

«Мне надо стать немного покруглее, — подумала она, кажется, мужчинам это нравится». Она вспомнила, что Дебора иногда жаловалась, что прибавила в весе, а Эндрю всегда говорил, что она должна беречь и лелеять каждый свой грамм, и даже немного добавить.

— Должен же я хоть за что-то ухватиться, — смеясь, говорил он. — Или я должен, в конце концов, остаться с пустыми руками.

— Нас слушает ребенок! — смущенно прикрикнула на мужа Дебора, но «ребенок» правильно понял папины слова, так же, как и взгляд, которым Эндрю ласкал тело жены. «Как Жюльен, — подумала Беатрис, — когда смотрит на меня».

От этой мысли в животе возникло странное чувство, по телу пробежал легкий озноб, девочка почувствовала тихую приятную истому.

Может быть, Жюльен тоже в нее влюблен.

Мысль взволновала ее, но это было счастливое волнение. Это означало, что в ее жизни что-то может измениться, или уже изменилось. Но, может быть, она просто предается безумным мечтаниям: может ли двадцатилетний мужчина влюбиться в тринадцатилетнюю девочку?

«Мне скоро будет четырнадцать, — мысленно поправила она себя, — в сентябре».

Пару дней спустя Беатрис, словно невзначай, сказала Жюльену, что у нее скоро день рождения, и он спросил, что она хотела бы получить в подарок. Они сидели на чердаке, только что закончив чтение «Собора Парижской Богоматери». На улице было жарко, и они открыли слуховое окно, но липкий горячий воздух не шевелился. На чердаке было душно и пахло пылью. Жюльен вел себя очень беспокойно. Он то и дело прерывал чтение и принимался взад и вперед расхаживать по чердаку. Скоро исполнится год с того дня, когда он бежал от Эриха. Эта мысль приводила его в отчаяние.

— Год! Целый год! — говорил он, сильнее, чем обычно, коверкая слова. — Уже год я сижу здесь, в этой кладовке, как запертый в клетке зверь, и ничто не меняется. Немцы все еще здесь, моя Родина оккупирована, как и этот остров. Так могут пройти годы, десятилетия! Всю жизнь я буду прозябать на этом чердаке! Наступит день, когда я уже не захочу, чтобы было по-другому, так как не смогу существовать в мире. Знаешь, можно разучиться жить. Может быть, немцы уйдут, когда я буду уже глубоким стариком, я выйду отсюда и увижу, что мир совсем не похож на тот, который я когда-то знал.

— Все говорят, что недолго уже немцам осталось побеждать.

— Этого никто не знает. Может быть, это так, а, может, и нет. Но время идет. Я сижу здесь, и никто не может мне помочь. Никто!

Он понемногу успокоился, сел и снова начал читать, но никак не мог сосредоточиться, и читал так быстро, что Беатрис с большим трудом его понимала. Наконец, он закрыл книгу, посмотрел на Беатрис и спросил, когда у нее день рождения и что она хотела бы получить в подарок.

— Не знаю, до дня рождения еще так далеко.

— Неважно. Я хочу знать, что ты желаешь получить в подарок.

Она задумалась.

— Я бы хотела получить эту книгу, историю звонаря собора Парижской богоматери.

Жюльен тотчас пододвинул ей книгу по столу.

— Вот, возьми. Конечно, ты должна ее иметь — твой первый роман на

французском языке. Но все же эта старая, потрепанная книжка — не настоящий подарок.

Беатрис спросила себя, что бы она, в самом деле, хотела бы получить. У него же ничего нет. Даже одежда принадлежала не ему, а доктору Уайетту.

— Это чудесный подарок, — сказала она.

— Нет, нет, — возразил Жюльен, встал и снова принялся мерить шагами комнату, напряженно что-то обдумывая. Затем он резко остановился.

— У меня есть идея, — объявил он. — Я не могу ничего тебе подарить, но мы можем придумать что-нибудь особенное на твой день рождения. В твой день рождения мы проведем ночь на море. Мы будем лазить на скалы, будем сидеть на песке под луной, может быть, даже искупаемся в море и...

Беатрис рассмеялась.

— Ничего не выйдет. Это слишком опасно.

— Нет, выйдет. Мы будем осторожны, и нас никто не увидит.

— После комендантского часа никто не имеет права выходить из дома. Вдоль берега курсируют немецкие корабли. Нас точно заметят. Конечно, ночи в начале сентября не такие светлые, как сейчас, но...

— Но?..

— Мы не должны этого делать, — сказала Беатрис, но в голосе ее не было уверенности.

Сделав два шага, он стремительно подошел к ней, поднял со стула и заключил в объятия. Такого он еще ни разу себе не позволял.

— Мы должны это сделать, — тихо сказал он. — Нет никакого смысла все время сидеть в норе, замирая от страха. Давай сделаем что-нибудь сумасшедшее, дикое, опасное!

Она отрицательно покачала головой, но сопротивления ее хватило ненадолго. Пусть даже она будет сходить с ума от страха, это все же лучше, чем провести всю ночь дома, стоя у окна, смотреть в черное ночное небо, прислушиваться к шелесту травы и деревьев, и думать, что могло бы сейчас происходить, будь у нее немного больше мужества.

— В ночь того дня, когда мне исполнилось четырнадцать лет, он стал моим любовником, — сказала Беатрис, — и оставался им несколько лет. Я была уверена, что никогда не буду никого любить так, как его. В этом возрасте любовь очень сильна, она поглощает всего человека без остатка. От этой любви почва уходит из-под ног. День и ночь я думала только о Жюльене. Иногда мне в голову приходила мысль о том, что следовало бы подумать и о родителях, и тогда меня начинали грызть муки совести. Но ничто не помогало. Я была влюблена в Жюльена и просто лучилась счастьем. Я была счастлива, несмотря на войну и все ее ужасы.

— И никто не видел вас в ту ночь? — спросила Франка.

Беатрис в ответ покачала головой.

— Ночь была ясной и очень светлой. Мы бегали по скалам, и нас, конечно, было видно издалека. Но в ту ночь счастье и удача были на нашей стороне. С нами ничего не случилось. Немцы оставили нас в покое до утренней зари.

— Романтическая история, — сказала Франка.

— Иногда я думаю, — ответила Беатрис, — что тяжелые времена вынуждают людей к романтическим историям. Для того чтобы что-то получить, приходится сильно рисковать.

Было уже далеко за полночь. Беатрис и Франка все еще сидели на кухне. По земле резко стучали капли сильного апрельского дождя. Вечером к ним пришел разносчик и принес пиццу. На столе лежали пустые картонные коробки, в кухне витал запах расплавленного сыра, томатов и майорана. Беатрис зажгла свечи, и их пламя сверкало на стенках бокалов с красным вином. Взаимное доверие и симпатия были почти зримыми, раньше такой близости между Беатрис и Франкой не было, но за последние часы между ними возникло то необыкновенно теплое чувство, какое возникает только между женщинами. Им не мешало то, что они принадлежали разным поколениям. Они прекрасно понимали друг друга.

— Теперь я иногда спрашиваю себя: действительно ли Жюльен меня любил? — снова заговорила Беатрис. — Я хочу сказать, испытывал ли он такую же жертвенность и преданность, какие испытывала я? Мне думается, что я олицетворяла для него связь с жизнью. Он чувствовал себя заживо погребенным, отсеченным от мира, часто впадал в отчаяние от безысходности. Когда же он обнимал меня, любил меня, он становился

просто молодым человеком, любившим девушку. Он снова жил. На моем месте могла быть любая другая женщина.

— Во всяком случае, Мэй не стала ею, — вставила Франка. — За те полгода, что они провели под одной крышей, между ними вполне могло что-то возникнуть. Но этого не произошло.

— Нет, с Мэй не произошло. Но она тогда была сущим ребенком — в отличие от меня. Кроме того, она была дочерью людей, спрятавших Жюльена и поставивших ради него на карту свою жизнь. Если бы Жюльен стал с ней спать, то испытывал бы невыносимые угрызения совести. И он не стал этого делать.

— Но вы тоже были совсем юной девочкой.

— В нашу первую ночь мне было четырнадцать. Разве в наше время этим не занимаются еще более молодые девочки? Тогда это, конечно, было необычно, но... — Беатрис пожала плечами, — но так сложились обстоятельства. Во всяком случае, для нас.

— Вы не боялись забеременеть?

— Конечно, я все время этого боялась. Мы, как могли, старались предохраняться. Но, в конечном итоге, нам просто повезло. За все эти годы ничего не случилось.

— И Уайетты ни о чем не догадывались?

— Они уже привыкли к тому, что я часами пропадаю у Жюльена на чердаке. Да и доктор Уайетт редко бывал дома. Чердак был заперт, лестница убрана. Такие меры предосторожности были необходимы, потому что немцы могли в любой момент нагрянуть с обыском. Когда же Мэй или ее мать чего-то от нас хотели, то они привлекали наше внимание, и мы отпирали чердак и спускали через люк лестницу. Неожиданных визитов они нам не наносили.

— Но все равно было бы естественно, если бы миссис Уайетт что-то заподозрила. Молодой человек и девушка... проводят наедине столько времени...

— Миссис Уайетт все время сходилась с ума от страха из-за Жюльена. Мне кажется, что у нее не хватало сил на то, чтобы думать о моей невинности. Два года назад я навестила ее в Лондоне, в доме престарелых, и мы вспомнили те времена. Тогда у нее не было ни малейших подозрений. Втайне она была наверное даже довольна, что в моем лице Жюльен нашел приятное общество, которое отвлекало его от мрачных мыслей и планов нового побега. Конечно, она была бы рада, если бы Жюльен вдруг оказался где-нибудь на краю света, но она была убеждена, что если его поймают, то он их выдаст. Она была постоянно бледна и подавлена.

— А Мэй...

— С Мэй было еще тяжелее. Она понимала, что что-то происходит, но не могла ничем подкрепить свои подозрения. Это было тяжкое испытание для нашей дружбы, но это, целиком и полностью, моя вина. Мне не было никакого дела до Мэй. Должно быть, она чувствовала себя сильно уязвленной.

Франка взяла со стола бутылку и налила себе вина. Она уже довольно много выпила, чувствовала приятную легкость. Может быть, с нее достаточно? Но теперь ее не мучила совесть от мысли, что она может хватить через край. Сейчас она пила совсем не так, как всю прошлую неделю перед телевизором, когда она была расстроена и подавлена и пыталась вином заглушить страдание, хотя и знала, что на следующее утро у нее будет озноб и жуткая головная боль.

Сегодня же она пила, потому что ей было хорошо, потому что ей нравился вкус вина. Ей было легко, тепло и приятно в этой уютной кухне. Легкий умиротворяющий шум дождя успокаивал ее. В душе постепенно, почти неосознанно, крепло убеждение в том, что жизнь может быть прекрасной.

— Подозрения были у Хелин, — продолжала, между тем, рассказывать Беатрис. Она прикурила свою двадцатую за вечер сигарету и затянулась с таким наслаждением, словно она была первой. — При этом, понятно, что она ничего не знала. Но она все время говорила мне, что я изменилась, что изменилась моя аура. Я излучала какой-то тревоживший ее свет.

— Сейчас она знает? — спросила Франка.

Беатрис кивнула.

— Она узнала обо всем позже, после войны, но тогда она уже ничего не могла сделать.

Они слышали, как два с половиной часа назад Хелин вернулась домой. Кевин таинственным шепотом попрощался с ней у двери. Вероятно, это внушило ей такое чувство, будто она — молоденькая девушка, которую ее поклонник привез домой и что-то шепчет на ухо, чтобы не разбудить родителей.

— Он хорошо знает, как это обставить, — с саркастической улыбкой заметила Беатрис.

Хелин на минутку заглянула в кухню, сделав какое-то замысловатое танцевальное движение, отчего вихрем взметнулся подол ее белого платья.

— Вы еще не спите?

Глаза Хелин сверкали. Она действительно была одета немислимо для своего возраста, но в ее лице Франка разглядела следы ее былой

привлекательности.

— Вечер был бесподобный! Кевин приготовил для меня поистине божественный ужин. Я не могла остановиться, хотя чуть не лопнула. Мы слушали музыку, а когда стемнело, Кевин зажег в комнате все свечи. Ах, сегодня я буду по-настоящему хорошо спать! — она послала им воздушный поцелуй. — Пусть вам приснятся прекрасные сны!

Она исчезла, и было слышно, как она с необычным для ее возраста проворством вспорхнула на второй этаж.

— Ей хорошо, — сказала Франка, — а это самое главное.

— Кевину тоже неплохо, — с горечью возразила Беатрис, — так как она будет теперь готова отсчитать ему сколько угодно денег, чтобы только пережить еще один такой вечер.

Помедлив, она задумчиво произнесла:

— Думаю, что в то время Хелин меня по-настоящему ненавидела. Она понимала, что со мной что-то происходит, но что у меня нет ни малейшего желания поверять ей мои тайны. От безысходности она в конце концов обратилась к Эриху. Она сказала ему, что я все время где-то болтаюсь, и она опасается, что я могу попасть в дурную компанию. Эрих был вне себя. Он так часто отсутствовал, что ничего этого не знал, и теперь почувствовал, что его обманули и предали. Подло предали. Он орал, как безумный, хотел знать, где и с кем я провожу так много времени. Я сказала, что часто бываю у Мэй — это было опасно, потому что в ее доме прятали Жюльена, но было бы еще хуже, если бы я стала это отрицать, так как о моих визитах к Мэй Эрих и без того знал. Однако я начала говорить о долгих одиноких прогулках, объяснила ему, что тяжело переживаю разлуку с родителями, что нахожусь в таком возрасте, когда часто ищут уединения. Не могу сказать, что он принял все это за чистую монету. Он смерил меня пристальным взглядом и сказал, что я изменилась. Я ответила, что ему так только кажется, потому что он давно меня не видел, и за это время я просто стала старше.

— Нет, нет, не только это, — сказал он, наморщив лоб, — в тебе появилось что-то такое... что мне не нравится, очень не нравится!

Как бы то ни было, он потребовал, чтобы впредь я после школы сразу шла домой и оставалась дома весь день и вечер. Хелин он поручил, чтобы она проследила за выполнением приказа. Я надеялась, что мне удастся провести Хелин, как только Эрих снова уедет, но это оказалось очень трудным делом. У Хелин был свой интерес в том, чтобы запереть меня дома. Она не выносила одиночества, и она начинала буквально сходить с ума, когда меня не было рядом.

— Вам стало очень трудно встречаться с Жюльеном, — предположила Франка.

Беатрис медленно кивнула.

— Да, но нельзя сказать, что это стало невозможным. Но встречи стали намного реже, тем более, что теперь они стали во много раз более рискованными. Ибо, как бы я ни скрывалась, Хелин могла просто последовать за мной или даже, в своей истерии, снарядить за мной команду солдат. Это был бы конец не только для Жюльена, но и для семьи доктора Уайетта. Думаю, что с этого момента я и стала ненавидеть Хелин. Нет, она всегда, с самого начала, действовала мне на нервы, но я ее жалела и никогда не испытывала к ней подлинной вражды. Но теперь я познакомилась и с ее неприятными чертами. Я поняла, насколько она эгоистична и какое железное упорство прячется за девической внешностью. Она становилась беспощадной, если речь шла о соблюдении ее интересов и исполнении ее желаний. Впервые я поняла это тогда, но потом она не раз укрепляла меня в моем мнении. Правда, с некоторых пор я начала ее просто презирать.

Франка задумалась.

— Но несмотря на это, — сказала она наконец, — вы провели под одной крышей всю жизнь.

Беатрис устала на Франку неподвижный взгляд и зло затушила сигарету.

— Понимаю, в это, наверное, трудно поверить, да? Она сумела это сделать. Это хрупкое существо с большими голубыми глазами смогло найти способ до сих пор меня терроризировать. Это большое достижение, не так ли? Такое едва удалось бы даже более крепким людям.

Франка поняла, что ее замечание было неуместным.

— Прошу меня извинить, если я...

Но Беатрис лишь махнула рукой.

— Вам не за что извиняться, Франка. Ваше замечание вполне справедливо. Нам однако пора спать. Уже час ночи, а завтра нелегкий день.

Не убравшись в кухне, они поднялись наверх. Франка вдруг почувствовала непомерную усталость. От выпитого вина ей страшно хотелось спать, и это желание становилось еще сильнее от шумевшего за окном дождя. Она уснула тотчас, как только коснулась головой подушки.

Разбудил ее телефонный звонок. По странному свойству человеческих сновидений, звонок этот поначалу внедрился в сон. Франке снилось, что она дома и ждет возвращения Михаэля, и в это время раздался звонок в

дверь.

«Должно быть, это Михаэль, — подумала она, — надо открыть дверь».

Она села на постели, недоуменно огляделась и попыталась понять, где находится. Ей сразу стало ясно, что она на Гернси, а не дома, и что звонит телефон, а не дверной звонок. Она подумала, не спуститься ли ей вниз, но потом услышала голос Беатрис, хотя и не смогла понять, что она говорит. Потом Франка услышала шаги на лестнице и стук в дверь комнаты.

— Франка? — это была Беатрис. — Франка, вы спите?

— Нет, что случилось?

— Позвонил ваш муж. Он хочет с вами поговорить.

Итак, он все же задумался о том, куда она могла деться и, очевидно, понял, что она уехала на Гернси. Да, в логическом мышлении ему всегда было трудно отказать.

«Или он действительно за меня волнуется, — подумала Франка, спрыгивая с кровати, — или ему просто не понравилось, что я что-то сделала, не спросив его мнения».

Бросив взгляд за окно, Франка убедилась, что дождь продолжал идти, хотя и стал слабее, чем ночью.

— Дождь идет, но с утра уже проглядывает солнышко, — сказала Беатрис, ожидавшая ее у двери. Она была уже одета. На одежде виднелись мокрые пятна, волосы блестели от сырости. Наверное, она уже погуляла с собаками. — Потом наступит хорошая погода.

— Чудесно, — сказала Франка и зевнула. — Боже, который теперь час? Должно быть, я все проспала.

— Еще нет и восьми, так что не волнуйтесь, — Беатрис заговорщически улыбнулась. — Ваш муж, кажется, вне себя от ярости.

Франка босиком сбежала по лестнице вниз и подошла к телефону.

— Да? — произнесла она, не сумев подавить следующий зев.

— Франка? — судя по голосу, Михаэль действительно испытывал сильнейшее раздражение. — Это ты?

— Да. В чем дело?

От изумления Михаэль на мгновение потерял дар речи.

— В чем дело? Это ты спрашиваешь меня?

— Да. В конце концов, это же ты звонишь.

— Послушай... я... скажи, ты вообще в своем уме? Куда-то пропадаешь, уезжаешь, не говоря ни слова, а потом еще грубишь по телефону...

Франка заметила, что у нее задрожали руки. Они всегда дрожали, когда Михаэль начинал злиться.

«Почему, собственно, я всегда его боюсь, — подумала она, и ей тотчас явилась другая мысль: — На этот раз мне нечего бояться. Он находится в сотнях километров от меня, и если он будет мне очень неприятен, то я просто положу трубку».

Дрожь в пальцах прекратилась. Франка переступила с ноги на ногу, но не от волнения, а от холода плиток пола.

— К сожалению, у меня не было возможности известить тебя о моих планах, — равнодушно ответила она, — потому что в ночь моего отъезда ты вообще не соизволил явиться домой.

— Ага. И это, по твоему мнению, дает тебе право исчезать, не оставив даже записки? — это была изумительная смесь возмущения и жалости к себе. — Ты соображаешь, как я волновался?

— А ты соображаешь, что я, как это ни странно, тоже волновалась, когда тебя всю ночь не было дома?

— В конце концов, ты знаешь, что... — он не закончил фразу. Очевидно, иногда и ему бывает стыдно.

— ...что у тебя есть любовница, и, вероятно, ты остался у нее, — закончила Франка фразу мужа. — Ты не находишь, что мы живем в каком-то гротескном положении? Наверное, в нем надо что-то менять.

— Твоим бегством из дома? Ты что, всерьез думаешь, что этим можно что-то изменить?

Она задумалась, хотя и понимала, что он не ждет от нее серьезного ответа.

— Может быть, да, — сказала она, наконец. — У нас появится время и возможность спокойно обдумать положение.

По молчанию Михаэля она поняла, что он озадачен.

Вероятно, он теряет, если его перестают бояться и говорят с ним, сохраняя полное хладнокровие.

— Обдумать? — рявкнул он. — Обдумать! Что, черт возьми, ты собралась обдумывать?

Она изо всех сил постаралась сохранить прежний тон, хотя она после этой вспышки была уже склонна принять его непонимание за откровенную наглость.

— Будущее, — ответила она. — Я хочу понять, каким оно должно быть.

— Так, и ты будешь решать это одна, живя на Гернси?

— С тобой мне будет чрезвычайно тяжело найти правильное решение. У меня не создается впечатления, что ты хочешь каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию. Ты ею доволен, так как у тебя есть все,

что тебе нужно.

Михаэль задумался. Франка знала, что сильнее всего он злится, когда ему приходится задумываться.

— Знаешь, — сказал он наконец, — все опять возвращается на круги своя. Складывается неудобная для тебя ситуация, тебе что-то не нравится, жизнь идет не так, как ты ее себе представляла — и все, ты тут же выбрасываешь белый флаг. Ты, Франка, лишена стойкости, у тебя, как кто-то хорошо сказал, нет зубов. Ты не выдерживаешь трудностей и не готова идти навстречу неприятностям. Ты делаешь самый простой выбор: спасаешься бегством. Ты забиваешься в щель, прячешься, зарываешь голову в песок и надеешься, что все неприятности как-нибудь, сами собой пройдут. Но ты не замечаешь, что становишься от этого еще боязливее и слабее. Менее способной к...

Голос его гремел, как пулеметная очередь. Франка почувствовала, что у нее снова задрожали руки, колени подогнулись, по всему телу выступил холодный пот.

— Михаэль... — прохрипела она.

— И вот что я тебе еще скажу, Франка, хотя это и жестоко: ты самый большой трус из всех, с кем мне приходилось встречаться. Ты самый слабый человек. И моя возлюбленная, о которой ты так презрительно отзываешься, превосходит тебя мужеством, силой, способностью смотреть в глаза неприятной правде и бороться с ней. Ты же, наоборот...

Он взял над ней верх. В течение секунды он все обратил себе на пользу. Быстротечное преимущество Франки рухнуло, как карточный домик. Михаэль справился с недоумением. Он учуял ее слабость и ударил, как хищная птица, обрушившаяся с неба на раненого кролика.

— Михаэль... — снова попыталась произнести она, но голос его доносился уже издалека, как сквозь туманную пелену, дрожащие пальцы, державшие трубку, онемели. В этот момент кто-то мягко, но решительно отнял у нее трубку.

Стоявшая рядом Беатрис улыбнулась и положила трубку на рычаг.

— Пока вы не упали, — сказала она, — заканчивайте этот разговор. Пойдемте выпьем крепкого кофе, и вы расскажете мне, что случилось.

После завтрака Франка решила погулять. Дождь прекратился, ветер разогнал облака, и на небе снова светило яркое солнце. Блестели мокрые от дождя луга. Чайки с громкими пронзительными криками сновали в воздухе. Пахло сырой землей, только что распустившимися цветами и солью моря.

Франка подбежала к краю скалы и всей грудью вдохнула чистый воздух, чувствуя, как с каждым шагом ей становится лучше. Она рассказала Беатрис, что с ней произошло. Ей не помешало даже то, что во время разговора к ним присоединилась Хелин и тоже выслушала исповедь Франки. Не спеша, словно в замедленной съемке, рассказывала она о своем профессиональном провале, о своих страхах и панических атаках, о лекарственной зависимости, о презрении Михаэля и о его уходе к другой женщине.

Как ни странно, она не плакала. Голос ее был спокоен и по-деловому сух. Хелин, в своей обычной сентиментальной манере, вставила пару сочувственных слов, но Франка восприняла их как утешение. Беатрис слушала молча, и лишь один раз, когда снова зазвонил телефон, сказала:

— Пусть себе звонит. Бьюсь об заклад, что это ваш муж. Пусть немного помучается.

Когда Франка умолкла, Беатрис откинулась на спинку стула, посмотрела на молодую женщину и сказала:

— Боже мой, да не сходите вы с ума! Выбранную профессию по тем или иным причинам бросает великое множество людей. У многих панические атаки в порядке вещей. Вы бы страшно удивились, узнав, как много людей живет на успокаивающих таблетках. Но кто-то сумел внушить вам, что ваш случай самый безнадежный и необычный из всех, и вот вы сидите и не знаете, как вам пережить ваше состояние.

— Я думаю, что у меня совершенно нет уверенности в себе, — сказала Франка.

Беатрис рассмеялась.

— Нет, сейчас вы похожи на испуганную мышку. Что же касается уверенности в себе, то ей можно научиться, поверьте мне. Все люди теряют эту уверенность в какой-то период своей жизни. Это совершенно нормально.

Впервые за долгое время в это утро Франка ощутила веру в свои силы. Конечно, она приняла таблетку после разговора с Михаэлем, но хладнокровие, с каким отреагировала Беатрис на ее рассказ, вселило в нее мужество. Она наконец увидела все в совершенно новом свете, жизнь больше не казалась ей абсолютно беспросветной. Возможно, дело было в том, что она была сейчас далеко от Михаэля. Она чувствовала себя лучше с каждым следующим километром, пролежавшим между ними. Она много раз бывала без него на Гернси, но те поездки она совершала по его указанию, по его плану. Собственно говоря, она никогда от него не уезжала. Он всегда удерживал ее длинными, невидимыми, но прочными нитями, которыми

направлял любое ее движение. Как добровольная марионетка она выполняла его приказы, снимала с банковского счета деньги, которые Михаэль, уходя от немецких налогов, переводил на Гернси и накапливал на счетах, укладывала их в чемодан, а потом до безумия нервничала на паспортном и таможенном контроле. Для того чтобы сделать то, что он от нее требовал, Франке приходилось принимать горы таблеток. Она ревностно старалась угодить мужу, вела себя, как цирковая лошадь, которая, выполнив трудный номер, ждет вознаграждения в виде кусочка сахара. Но она никогда не получала сахара. Она не получала даже благодарного похлопывания по плечу. Михаэль был так в ней уверен, что даже не пытался в благодарность за участие в своих темных делах поддержать у жены хорошее настроение.

«Может быть, он боится, что она снимет все деньги с его счетов?» — спросила себя Франка, и эта мысль сильно ее порадовала. Разговаривая по телефону, он страшно злился, он сумел, как всегда, очень быстро, подчинить себе ее волю, но она успела почувствовать его смущение, вызванное ее исчезновением, его неспособность поверить в реальность происходящего. Этого он не ожидал никогда в жизни. Она вдребезги разбила привычную для него картину мира, чего она сама не могла бы себе даже вообразить всего несколько дней назад.

Небо быстро очистилось, и вскоре на нем не было ни единого облачка. Море засверкало чистой синевой, хотя ветер продолжал гнать по нему волны, увенчанные белой пеной. Солнце начало припекать так сильно, что Франка сняла куртку и завязала ее вокруг бедер. Если такая погода сохранится, то скоро лицо и руки ее покроются красивым загаром. Она шла по тропинке, погруженная в свои мысли, и сильно испугалась, вдруг увидев шедшего ей навстречу человека. Это был Кевин.

— Не бойтесь, — успокаивающе произнес он. — Это всего лишь я.

Вид у него был измученный, Франка сразу это заметила и вспомнила безоблачное и приподнятое настроение Хелин, в котором она утром спустилась в кухню. Очевидно, для Кевина прошедший вечер был не столь приятным, как для Хелин. Но, может быть, какая-то неприятность случилась у него уже утром.

— Ах, Кевин, — сказала Франка, — я просто не ожидала здесь кого-нибудь встретить.

— Дождь закончился, и мне было просто необходимо хоть немного пробежаться по воздуху, — объявил он. Это выглядело как извинение. Франке показалось странным, что он гуляет здесь, близ залива Пти-Бо, а не возле своего дома в Тортевале, но она не стала ни о чем спрашивать. Если

бы хотел, он бы и сам об этом сказал.

Кевин театральным жестом схватился за голову.

— Боюсь, что я вчера немного переборщил. Я отвез Хелин домой, а потом решил прибраться на кухне. Заодно я выпил еще бутылку вина и добавил пару рюмок граппы... Это излишество хорошо чувствуется утром.

— Хелин у вас очень понравилось, — сказала Франка. — Она в превосходном настроении.

— Да? Это меня радует. Она очень милая женщина. Иногда она, правда, утомляет, ну... что поделаешь. Она почему-то льнет ко мне, — он пожал плечами. — Все старые дамы льнут ко мне. Я воплощаю для них мужчину их мечты, которого им так хотелось встретить в юности, — он улыбнулся, лицо его разгладилось и немного порозовело. Франка принялась внимательно его разглядывать: правильные, красивые черты лица, темные волосы, широко расставленные серо-зеленые глаза, теплая улыбка. Такой мужчина неотразимо действует на женщин, и не только на пожилых. Жаль, что он никогда не станет испытывать на них свои чары.

Они нерешительно потоптались на месте, а потом Кевин предложил:

— Если вы не возражаете, то я немного провожу вас. Мне пока не хочется возвращаться домой. Такая чудесная погода, вы не находите?

— И море пахнет так чудесно. Я так давно здесь не была. Иногда даже забываешь, что значит хорошо себя чувствовать.

Они пошли рядом по тропе, вырубленной в скале. Франка ощущала на губах вкус соли.

«Если бы я могла остаться здесь навсегда», — подумала она вдруг.

Кевин, словно прочитав ее мысли, спросил:

— Надолго вы к нам?

— Не знаю... — она замолчала. Кевин искоса бросил на нее внимательный взгляд.

— Естественно, это не мое дело, — сказал он, — но если у вас есть какие-то проблемы, то здесь вы найдете время для раздумий, а, может быть, даже и для решения. Расстояние иногда сильно помогает.

— Думаю, какой-нибудь путь мне откроется, — ответила Франка, хотя и не была в этом уверена.

— Я нахожу, что сейчас вы выглядите не так, как прошлой осенью, — заметил Кевин. — Тогда вы показались мне ужасно напряженной. Вы... — он запнулся.

— Что? — спросила Франка.

— Вы были очень скованны и зажаты. На дне рождения Беатрис и Хелин вы ни разу не улыбнулись. Было такое чувство, что вы пугались

всякий раз, когда к вам обращались. На этот раз все по-другому.

Она рассмеялась.

— Мне сейчас действительно лучше, чем обычно. Я чувствую себя совершенно свободной. Наверное, надо иногда делать такие вещи, которые тебе самому кажутся абсолютно невероятными. Но какое прекрасное чувство испытываешь, когда все получается.

— Конечно, это прекрасное чувство. Это победа над собой. Никакая другая победа не придает такой внутренней силы, — Кевин помолчал, потом задумчиво добавил: — И ни одна другая победа не дается с таким трудом.

«Ему совсем плохо, — подумала Франка, — он вынужден решать массу каких-то проблем».

Она вспомнила слова Беатрис о его вечной нужде в деньгах. Может быть, Кевин пригласил к себе Хелин вовсе не потому, что хочет купаться в роскоши за счет ее денег. Может быть, серьезные деловые проблемы не дают ему спать по ночам. Он плохо выглядит не только по причине похмелья. Он выглядит, как человек, который уже давно не может избавиться от напряжения и обрести покой. В глазах его было выражение затравленного зверя.

— Не знаю, можно ли в моем случае говорить о победе, — сказала Франка, отвечая на его слова, — кто знает, чем закончится вся эта история? Может быть, под конец я, стуча зубами, вернусь домой и послушно заползу в кровать.

Она рассмеялась, но Кевин, остановившись, серьезно на нее посмотрел.

— Этого вы не сделаете, — сказал он. — Держу пари, что этого вы не сделаете.

Она перестала смеяться.

— Почему вы так в этом уверены?

— По выражению вашего лица, — ответил Кевин. — Вы вошли во вкус, во вкус свободы, и он вас больше не покинет.

Он взял ее руку и крепко ее пожал. В этом жесте Франка ощутила тепло и участие.

— Думаю, вы задержитесь здесь надолго, — произнес он.

«Нет, — думала Майя, — жизнь на этом острове становится просто невыносимой».

Зима выдалась тусклой и беспросветной. Почти не было туристов, сплошные дожди, скучные ночи на дискотеках с такими же скучными местными малолетками. Когда Майя еще ходила в школу, местные мальчики казались ей умопомрачительными; они были сильными и загорелыми, спортивными и падкими на таких, как она, девочек, которые охотно отдавались им на заднем сиденье автомобиля, на заброшенных дебаркадерах, на мягком песке карьеров. Но большинство из них ничего не знало о мире, и говорить с ними было не о чем. Самые умные из них пошли работать в банки, другие унаследовали пансионаты и отели своих родителей, а остальные отправились на рыболовный промысел или в портовые рабочие. Майя уже знала, что от рыбака всегда воняет рыбой, даже если он только что вышел из душа. Запах моря пропитал все их поры. Майя до сих пор с содроганием вспоминает одно торопливое совкупление, когда ей казалось, что на нее опрокинули ведро креветок.

Потом она переключилась на туристов — по большей части, на французских и немецких отпускников. Некоторые из них и в самом деле были интересными и щедрыми, но громадное их большинство составляли белокожие толстые обыватели, чувствовавшие себя неотразимыми Казановами, когда им удавалось подцепить смазливую местную девочку. В порыве своих чувств они даже не замечали, что вечер с такой девочкой обходился им в целое состояние. Иногда Майя находила их полными глупцами и испытывала ужасное чувство пустой траты невозвратимого времени, как и в обществе рыбаков и банковских стажеров.

Наступил апрель, и они снова толпами хлынули на остров со своими фотоаппаратами, в бейсболках и в туристских ботинках. Ночами они сидели в барах, рассчитывая на легкую добычу. Раньше Майя регулярно совершала рейд по барам, представляясь такой добычей, но, на самом деле, высматривая себе подходящую жертву. Это развлечение казалось ей теперь все более и более скучным.

«Надеюсь, я еще не очень стара», — с ужасом думала она.

Она стояла в операционном зале Королевского Шотландского банка в Сент-Питер-Порте и недоумевала, почему в обычное утро понедельника ко всем окошкам выстроились длиннющие очереди. Очевидно, сегодня все

вдруг решили уладить свои банковские дела. Прежде всего, пенсионеры. С невероятной обстоятельностью и медлительностью они клали на свои сберкнижки мизерные суммы или снимали такие же суммы со своих счетов, и у Майи возникло ощущение, что их медлительность преднамеренна, что они хотят сделать поход в банк главным событием дня.

Очередь, в которой стояла Майя, сделала судорожный шаг вперед, и Майя смогла искоса взглянуть на себя в зеркало, укрепленное возле входной двери. Она опасливо взглянула на свое лицо. Она уже спрашивала себя, не сильно ли она постарела, и теперь почти ожидала увидеть складки и морщины вокруг глаз и в уголках рта.

«Еще чуть-чуть, и мне будет тридцать», — подумала она.

То, что Майя увидела, ее успокоило. Мальчишеская фигура делала ее похожей на подростка. Тяжелые туфли на платформе делали ноги длиннее и стройнее, короткий свитер открывал часть плоского загорелого живота. Шею плотно облегалo жемчужное ожерелье, волосы были распущены и, как львиная грива, падали на плечи и спину. Глаза были подведены черной тушью, губы — темно-красной помадой. В искусственном свете помещения кожа казалась бледной, но Майя знала, что на самом деле у нее прекрасный цвет лица. Она заметила, что почти все находящиеся в зале мужчины украдкой бросают на нее заинтересованные взгляды. Это было приятно и придавало уверенности.

«Когда я говорю, что мне восемнадцать, мне верят», — удовлетворенно подумала она. Она собиралась снять со счета все деньги и надеялась, что их хватит на поездку в Лондон. Бабушка Мэй бесперебойно снабжала ее деньгами, иначе наступил бы полный крах, но Майя в последнее время потратила много денег на шмотки, и не знала, сколько денег у нее осталось.

Ей хотелось к Алану.

Неделю назад она вдруг отчетливо поняла, что не может так жить и дальше. Она уже заплесневела на этом острове, пресытилась третьесортными приключениями и преисполнилась решимости испробовать новую жизнь по ту сторону окружавшего Гернси моря. В какой-то момент она даже впала в беспокойство, граничившее с паникой, у нее даже начались приступы удушья. Как непростительно долго она тянет время! Надо взять жизнь в руки и сделать это как можно скорее, она и так уже потеряла столько месяцев. По ночам она лежала без сна и напряженно думала, перебирала возможности, отбрасывала неудачные планы и тут же переходила к новым.

И вот однажды, в холодную, ветреную мартовскую ночь она вдруг,

совершенно неожиданно, вспомнила об Алане. Она села в постели, сердце ее неистово застучало, и она подумала: «Вот оно! Алан — это мое спасение! Почему я раньше о нем не подумала?»

Алан сразу же стал светом в окошке, решением всех ее проблем. Она вспомнила их последнюю встречу в январе, вспомнила все, что он ей говорил. Он, как обычно, читал ей моральные проповеди, но по его глазам она видела, как сильно он до сих пор ее желает. Что бы он о ней ни думал, он не сможет отправить ее назад. В конце концов, он был воском в ее руках, хотя он постоянно твердил ей, что не желает финансировать ее представления о роскоши, шикарные платья и визиты в фешенебельные ночные клубы.

Если она все с умом обставит, то он скоро будет есть у нее с руки. Конечно, некоторое время ей придется поскучать, но рано или поздно она будет вести ту жизнь, о которой она сейчас грезит.

Но почему она была так глупа, почему она все время отталкивала Алана, хотя он был лучшим из всех, кто с ней был?

Ей было приятно, честно призналась она себе, держать его на длинном поводке. Приманивать его или отталкивать, в зависимости от настроения. Можно было грубо с ним обойтись, а потом с удовольствием наблюдать, как он снова бежал к ней, когда она вдруг ласково ему улыбалась. Она зарывалась, как игрок в покер. Как далеко она может зайти? Когда он раскричится? Когда — наконец! — придет в ярость?

Но он не приходил в ярость, и Майе становилось скучно. Он поучал, но не принимал ее объявление войны, не бил ее своим оружием. Майя понимала, что он оставил бы ее в дураках, если бы вступил в серьезные отношения с другой женщиной. Майя сделала бы все, чтобы отвоевать его назад, и он бы торжествовал, видя ее безнадежную борьбу и хитрые уловки. Но он никогда не пользовался своей властью над ней. Бедный Алан! Даже теперь, после всего того, что было, он почтет за счастье, если она будет рядом с ним.

Очередь не двигалась. У соседнего окна дело продвигалось быстрее, и Майя перешла в другую очередь. Она слишком поздно заметила, что оказалась за спиной Хелин Фельдман. Она не заметила старую даму, да и она, по счастью, не видела Майю. Отступать было некуда, ей бы пришлось снова занимать очередь в хвосте, и она от души надеялась, что старуха не обернется. Можно себе представить, какой словесный водопад польется на ее бедную голову. Хелин могла быть невыносимо многословной. Она воображала, что и Бог и мир должны трепетно выслушивать ее никчемные истории о прошлом; она не понимала, что эти истории уже давно никого не

греют.

Хелин подошла к окну.

«Сейчас она снимет со счета три фунта пятьдесят пенсов и потратит на это целый час», — с ненавистью подумала Майя. Эта старуха настолько глупа, что не может снять такие деньги в банкомате!

Скучая, Майя принялась рассматривать свои черные ногти и вдруг к своему безмерному удивлению услышала, что Хелин хочет снять со счета пятнадцать тысяч фунтов.

Майя вскинула голову. Пятнадцать тысяч фунтов! Однако у старухи крепкие нервы, если она может позволить себе такие расходы! Едва ли у нее такие большие деньги, или? Мэй всегда говорила о скромной пенсии Хелин, когда Майя принималась издевательски говорить, что эта Хелин вечно сидит дома и жалуется, вместо того, чтобы путешествовать и наслаждаться жизнью.

— У нее же нет денег, Майя! Она не может позволить себе никаких удовольствий.

Ничего себе! Майя презрительно поджала губы. Тот, кто может вот так, в обычный понедельник прийти в банк и, не моргнув глазом, снять со счета пятнадцать тысяч фунтов, тот, конечно же, не беден, как церковная мышь. Даже если есть кредит, то банк не станет направо и налево раздавать такие деньги. Но может быть, Хелин вовсе не роскошествует. Майя прислушалась, но не услышала, чтобы операционист говорил о кредитном лимите или перерасходе. Очевидно, не было никаких проблем с тем, чтобы отсчитать Хелин требуемое число банкнот. Хелин сунула деньги в сумочку, похоже, взятую напрокат у ученицы школы танцев пятидесятых годов, и повернулась, чтобы уйти. Она тотчас увидела Майю, на мгновение смутилась, но быстро взяла себя в руки.

— Ах, Майя! Я тебя и не заметила! Как дела? Выглядишь ты превосходно! — она торопливо сыпала словами.

«Она нервничает, — подумала Майя, — она не знает, видела ли я, сколько денег она берет, но не хочет, чтобы об этом кто-нибудь знал».

— Все о'кей, — ответила она и поспешила к окну, так как операционист уже нетерпеливо поглядывал на нее. Она поинтересовалась состоянием своего счета и узнала, что на ее сберкнижке лежат какие-то смехотворные сорок восемь фунтов. Этого ей не хватит. Надо подоить Мэй, и если она откажет, то проявить мудрость.

«А эта старая карга запросто приходит в банк и снимает пятнадцать штук», — недовольно подумала она.

Хелин дождалась Майю и рядом с ней засемила к выходу. Старуха

шла медленно, Майе тоже приходилось тащиться, подлаживаясь под Хелин, и это страшно ее нервировало.

— Сегодня печальная дата, — хрипло произнесла Хелин, — семнадцатое апреля.

Майю ни в малейшей степени не интересовало, почему Хелин считает этот день печальной датой, но, решив быть вежливой, она спросила:

— Почему?

Хелин остановилась и тяжело вздохнула.

— Сегодня исполняется пятьдесят пять лет, — сказала она, с тех пор, как начался кошмар. В этот день мой муж начал впадать в панику. Почва стала уходить у него из-под ног. Приближалась гибель.

Она продолжала говорить, и пока Майя судорожно старалась найти подходящие слова для ответа, старуха вдруг резко сменила тему.

— Между тобой и Аланом еще что-то есть?

— Думаю, что да, — ответила Майя, мысленно добавив: «Во всяком случае, я очень на это надеюсь».

— Я бы с удовольствием вам что-нибудь подарила, — сказала Хелин, — в благодарность за то, что вы отвезли меня в Сент-Питер-Порт.

Она подошла к автомобилю, который Франка припарковала у приходской церкви. Майя, торопливо пробормотав какие-то извинения, ушла. Франка вышла из машины, чтобы помочь Хелин сесть, но та вовсе не собиралась возвращаться домой. Несмотря на протесты Франки, она настаивала на своей идее пойти вместе с ней за покупками.

— Я знаю здесь один чудный модный магазин, — сказала она, — может быть, там вы что-нибудь себе найдете.

— Нет, нет, это будет слишком дорого. Я с удовольствием вас привезла, Хелин, я...

— Это доставит мне большое удовольствие. Кроме того... — Хелин помедлила, но затем продолжила: — Кроме того, я думаю, что вы просто обязаны побаловать себя какой-нибудь шикарной вещицей. Вы такая красивая женщина, Франка, но мне иногда кажется, будто вы делаете все, что в ваших силах, чтобы скрыть этот факт. Все вещи на вас просто болтаются, и...

— У меня не особенно красивая фигура. Я не могу выставить ее напоказ.

У Хелин заблестели глаза.

— Кто сказал вам эту глупость? — воскликнула она. — Насколько я могу разглядеть вас под всей этой грудой тряпья, вы — стройная,

длинноногая женщина, к тому же, прекрасно сложенная. Мы тотчас пойдём в магазин, и ещё раз в этом убедимся, поговорив с продавщицей.

Франка упиралась, но Хелин и не думала сдаваться, и, в конце концов, они направились в маленький магазин, расположенный в тихом переулке. «Клер. Женская одежда» — было написано над высокой витриной. К радости Франки, в зале не было ни одного покупателя. Когда она в последний раз покупала себе одежду? С тех пор прошла, можно сказать, целая вечность — почти пять лет. Она всегда испытывала неуверенность относительно своей внешности. Правда, надо признать, что Михаэль никогда не отзывался о ней пренебрежительно. Однако он никогда не находил слов, чтобы похвалить ее красоту. Вероятно, ему уже давно нет никакого дела до ее внешности.

— Вы хотите купить что-то определенное? — поинтересовалась продавщица.

Франка задумалась, потому что ничего определенного она не хотела, но тут в разговор вмешалась Хелин.

— Нам нужно летнее платье. Оно должно быть коротким и облегающим. У этой молодой дамы красивая фигура, и мне кажется, что ее стоит показать.

Продавщица по-деловому оглядела Франку и кивнула.

— Действительно. Вам не стоит прятаться под бесформенными свитерами. У вас длинные ноги. Короткое платье вам пойдет.

Продавщица добросовестно натащила целую гору вещей. Хотя поначалу Франка стеснялась, действие вскоре захватило ее и пришлось очень по вкусу. Это было настоящее приключение. Она носила в кабинку вещь за вещью, примеряла платья, юбки, брюки и пестрые футболки. К своему удивлению, она обнаружила, что может, и правда, без стеснения выставить напоказ свою фигуру. Она была намного стройнее, чем ей казалось, и ноги у нее очень красивые. Хелин и продавщица были в полном восторге.

— Вы выглядите совсем по-другому в этой одежде, — сказала продавщица, а Хелин добавила:

— Мужчины будут оборачиваться вам вслед, Франка. Вы выглядите просто фантастически.

Франка, наконец, купила два коротких летних платья — одно белое, другое — красное, несколько мини-юбок с подходящими футболками, пару шорт и топики без бретелек, чтобы загорали плечи. Хелин хотела заплатить за покупки, но Франка сказала, что согласилась бы, если бы речь шла об одном платье. Большого она принять не может. Она расплатилась картой с

их общим с Михаэлем счетом и улыбнулась при мысли о том, как он разозлится, когда заметит убыль. Сумма оказалась довольно приличной, но Франка напомнила себе, сколько Михаэль сэкономил на ней за все прошедшие годы — ведь он никогда ничего ей не покупал. Наверное, он делает дорогие подарки своей любовнице, и поэтому нечего ей, Франке, мучиться угрызениями совести.

Она покинула магазин окрыленная и в прекрасном настроении, неся в руках многочисленные пакеты.

— Хелин, — сказала она, — пойдете куда-нибудь, пообедаем. Я зверски голодна.

Они остановились в «Нино», итальянском ресторанчике, спрятавшемся в тихом уютном дворике. Заказали они скампи, потом лазанью, а сверх того бутылку красного вина. Франка выбрала один из самых дорогих сортов.

— Все это оплатит мой муж, — сказала она, — и я считаю, что это в порядке вещей. Поэтому наслаждайтесь прекрасным вкусом, Хелин.

— Вы сильно переменились, — сказала Хелин, кивком подтвердив свои слова. — Вам пошла на пользу покупка новых платьев, не правда ли? У вас порозовели щеки и вы стали чаще улыбаться.

Ей и в самом деле было хорошо. Франка чувствовала себя легко и свободно — впервые за последние семь или восемь лет. Ей доставило неопишное удовольствие рассматривать себя в зеркале и находить себя красивой. Видеть себя такой, какой она может быть: привлекательной, желанной молодой женщиной, о прелести которой она даже не подозревала. Когда установится хорошая погода, она посмотрит, как идет ей загар.

Официант принес вино.

— Как приятно снова видеть вас, миссис Фельдман, — сказал он. — Давно вы к нам не заглядывали. Вы сегодня что-то празднуете?

Лицо Хелин затуманилось.

— Сегодня начинается мое самое тяжелое время, крестный путь, — ответила она замогильным голосом.

По лицу официанта было видно, что он напряженно думает, как отреагировать на эти слова. Но, видимо, он ничего не придумал, так как вид у него стал совершенно беспомощным.

— Мадам? — вопросительно произнес он.

Хелин умела выглядеть, как раненая лань, но сегодня это удавалось ей лучше, чем обычно.

— Начинается время, когда все покатило к концу, — объявила

она. — Я имею в виду время, которое закончилось смертью моего мужа.

Официант скорчил подобающую мину, застыв, словно в минуте молчания.

«Знает ли он, что ее муж был нацистским бонзой?» — подумала Франка. Она оглядела официанта, молодого, красивого итальянца, не старше двадцати пяти лет. Он не видел нацистского террора, да едва ли и знал о нем.

— Мои соболезнования, — пробормотал он и с радостью исчез.

Франка подумала, не сменить ли ей тему, и принялась ломать голову, о чем бы заговорить. Но Хелин, по всей видимости, не желала отвлекаться от своих мрачных воспоминаний.

— Неважно, сколько лет прошло с тех пор, — тихо произнесла она, — каждый раз, когда приходит весна и наступает апрель, мне кажется, что все это было только вчера... как будто все случилось только что.

— Да, это нелегко, стать вдовой в таком молодом возрасте, — произнесла Франка, испытывая некоторую неловкость.

— Ах, знаете, это было еще не самое худшее, — сказала Хелин. Она торопливо отпила из бокала. Вино подействовало быстро, развязывая ей язык.

— Ужасными были обстоятельства, — сказала она, — это от них я не могу отделаться, — она уставилась на свой, выпитый почти до дна, бокал. — Вероятно, это вас шокирует, Франка, но я никогда особенно не страдала от того, что не стало Эриха. Наш брак... был не особенно счастливым. Я всегда чувствовала себя подавленной, когда Эрих был рядом. Впоследствии мне стало это окончательно ясно. В его присутствии я не могла смеяться, не могла чувствовать себя свободной. Я не могла быть молодой. Мне было восемнадцать, когда я вышла за него замуж, и с первого дня чувствовала себя старухой, которой лишь, по случайности, досталось молодое тело.

— Наверное, он был очень тяжелый человек, — сказала Франка, вспомнив рассказ Беатрис, — с ним было бы трудно ужиться и женщине постарше, но восемнадцатилетней девушке с ним было, видимо, совсем плохо.

— Он был капризный, склонный к депрессии, вспыльчивый, мстительный и сентиментальный, — сказала Хелин, и Франка удивилась, насколько четко и по-деловому она перечислила присущие характеру Эриха черты. — Я начала по-настоящему жить только после его смерти. Поскольку... — она не договорила, казалось, ей мешал какой-то суеверный страх.

— Ну, все равно, — проговорила она, — таким уж он был человеком. Он так же мало мог стать другим, как и все мы. Да и давно это было.

Она прислушалась к внутреннему эху своих слов. Казалось, она всматривается сквозь прошедшие годы в свою юность и до сих пор верит, что жизнь еще исполнит свои обещания.

— Давно это было, — повторила она.

— Как... — нерешительно начала Франка, — я хочу сказать, как именно умер ваш муж?

Казалось, Хелин до сих пор было тяжело думать или говорить об этом.

— Гитлеровская Германия рухнула, — сказала она. — Понимаете ли вы, каким страшным был ее конец? Было чувство гибели мира. Впереди маячил суд победителей, и всем было ясно, что пощады не будет. Девятого мая немецкий гарнизон острова капитулировал. Но за восемь дней до этого, первого мая, Эрих ушел из жизни.

— Он покончил с собой?

— Как его фюрер. То есть он хотел последовать примеру фюрера и выстрелить себе в голову. Не знаю, то ли в последний момент ему не хватило мужества, то ли выстрел оказался неудачным... Пуля попала ему в грудь. Умер он не сразу. Истек кровью. Это продолжалось несколько часов. Он ужасно мучился.

— Вы были с ним?

Хелин кивнула.

— Все это время. Я положила его голову себе на колени и все время пыталась его успокоить. Говорила, что все будет хорошо. Но найти врача было невозможно, и это было самое худшее. Царил полный хаос. Все рассыпалось и рухнуло. Никого не интересовала судьба Эриха. У него началась лихорадка, он звал на помощь... Стояла страшная жара... голод... кровь... — Хелин сильно вздрогнула.

— Никогда, — сказала она, — не забуду я эти страшные дни. Никогда прежде не приходилось мне переживать ничего более ужасного. И я надеюсь, что не придется до конца моих дней.

Она не стала дожидаться официанта и сама налила себе вина.

— Может быть, нам стоит поговорить о чем-нибудь другом, — сказала она после довольно долгого молчания.

Дома, в своей комнате, Франка еще раз примерила перед зеркалом новую одежду. Поворачиваясь перед зеркалом, она, разглядывая свое отражение, радостно ему улыбалась. Правда, лицо показалось ей бледноватым. Со старыми балахонами и мешковатыми брюками оно

смотрелось терпимо, но теперь безнадежно портило общее впечатление. Порывшись в косметичке, она достала тушь для ресниц и губную помаду. Она осторожно подкрасила ресницы и от произведенного эффекта пришла в полный восторг. Глаза стали более выразительными и живо заблестели. Стоит ли подкрасить губы? Помада была ярко-красной, ей дали ее бесплатно на пробу в какой-то аптеке.

«Ладно, — подумала она, — я в любой момент могу ее стереть».

Эффект снова оказался потрясающим: красный цвет превосходно гармонировал с цветом надетого на ней льняного платья и чудесно шел к ее светлым волосам. Губы стали более полными и чувственными, придав лицу весьма соблазнительное выражение. Выглядела она теперь женственно, самоуверенно и вызывающе.

«Теперь я похожа не на робкого кролика, — подумала она, — а, скорее, на...»

Она задумалась, с каким животным ей теперь себя сравнить. Из всех домашних животных она больше всего любила кошек.

«Как кошка?» — спросила она у своего отражения и улыбнулась. Естественно, она — стройная, гибкая кошечка с зелеными глазами и светлой, блестящей шерсткой. Она еще раз улыбнулась, а потом подумала: «Боже, какой вздор! Как может такой слабоумный бред прийти в голову взрослой женщине?» Резким движением ладони она стерла с губ помаду. Это же идиотизм: решила в один миг превратиться в роковую женщину! Эта роль не для нее, она никогда ее не играла, и для этого были веские причины. Нет никакого смысла наряжаться в шикарные платья, размалевывать лицо и воображать, что от этого можно стать другим человеком. Обворожительная женщина — это не только элегантные платья и дорогой макияж. Такая женщина должна всем своим видом излучать чувство собственного достоинства, надежность, уверенность в себе и в своей неотразимости. Она должна воплощать спокойствие и самостоятельность.

Франка понимала, что начисто лишена всех этих качеств. Она не была уверена, что потеряла их. Наверное, их у нее никогда и не было.

В дверь постучали, и в комнату заглянула Беатрис.

— Франка, я не помешала? Я хотела... — она осеклась на полуслове, потом удивленно произнесла: — Вы хорошо выглядите. Это новое платье? Оно очень вам к лицу!

Франка попыталась расстегнуть молнию.

— Я... это была глупая идея... Хелин сказала, что мне надо купить кое-что из одежды, но... — она едва не впала в панику из-за того, что никак

не могла дотянуться до молнии.

Беатрис вошла в комнату.

— На этот раз Хелин в голову пришла не такая уж глупая идея. Вы привлекательная женщина, Франка, и должны показать это всем. Пстойте, я вам помогу, вы же порвете платье!

Франка через голову стянула платье, как вторую кожу, в которой она не слишком уютно себя чувствовала.

— Вопрос заключается в том, — сказала она, — зачем покупают новую одежду! Должна быть какая-то цель, а в моем случае все это не имеет никакого смысла!

Беатрис удивленно воззрилась на Франку.

— Сколько вам лет?

— Тридцать четыре.

— Тридцать четыре! Прекрасный возраст! Хочу вам сказать, Франка, что следующие двенадцать лет будут самыми лучшими в вашей жизни. Не прячьтесь снова в свою скорлупу, и не говорите, что все это не имеет никакого смысла!

Франка надела шорты и футболку.

— Это какое-то сумасшествие, что я верчусь перед зеркалом из стороны в сторону. Это, по-моему, так смешно.

— А по-моему, вы просто начинаете медленно становиться нормальным человеком. Знаете что, не хотите ли вместе со мной прогуляться с собаками? От этого у вас точно улучшится цвет лица.

Когда они, в окружении трех радостно бегавших собак, шли по тропинке, вырубленной высоко в скалах, Франка сказала:

— Я сегодня обедала с Хелин. Она рассказала мне о смерти своего мужа. Должно быть, тогда ей было очень плохо.

— Да, так и было, — подтвердила Беатрис. — Вы знаете, что он выстрелил себе в грудь? Потом он очень долго боролся со смертью. Но рядом не оказалось ни одного врача.

— А где был отец Мэй?

— Он ездил в это время по острову. Врачи были нужны везде, но их не хватало. Люди буквально умирали от голода. В течение года остров был практически отрезан от внешнего мира. Снабжение продовольствием превратилось в острейшую проблему.

— Мне кажется, что Хелин так и не смогла окончательно преодолеть то потрясение от страшной смерти мужа.

— Но тогда она проявила редкостное мужество. Она оставалась с ним до последней секунды, все время, час за часом. На ее месте другой мог бы

сбежать, не выдержав этого зрелища. Но она выдержала, — Беатрис задумчиво замолчала. — Это был один из немногих моментов, — вновь заговорила она, — когда Хелин меня поразила.

Каменистая дорога стала круче и уже. Собаки с громким беспечным лаем бежали внизу, рядом с тропинкой.

Франка удивленно смотрела, с какой смелостью и легкостью семидесятилетняя Беатрис преодолевает подъем. Она попыталась представить себе молоденькую девочку, которая светлыми ночами ранней осени встречалась здесь, среди пещер и скал, с молодым человеком, встречалась, подвергая опасности свою жизнь. И эта опасность не могла их остановить.

— Вы еще встречались с Жюльеном на берегу моря? — спросила она. — Как в первый раз?

Они спустились вниз. На каменной стене, отделявшей бухту Пти-Бо от дороги, висел щит с надписью, запрещающей выход с собаками на берег, начиная с первого мая, так что пока они еще могли прогулять псов по пляжу. В этот день море было мирным и спокойным, мелкие волны прибоя откатывались назад, оставляя на песке тину, водоросли и мелкие ракушки. Собаки принялись носиться по берегу вдоль прибоя. Они перелезли через пару валунов и оказались на светлом песке. Беатрис остановилась и, глядя на море, счастливо вздохнула.

«Она любит этот остров, она родилась и выросла здесь, — подумала Франка, — и куда бы ее раньше ни тянуло, теперь она не сможет жить в каком-то другом месте».

— Мы часто встречались с ним по ночам на воле, — ответила Беатрис на вопрос Франки. — Вы только представьте себе, что Жюльен был вынужден прятаться целых четыре года. Иногда мне казалось, что он этого, в конце концов, не выдержит. Этот тесный чердак, косой потолок, под которым он мог только в одном месте выпрямиться в полный рост, скука, тоска... Молодой сильный мужчина, он просто не мог целыми днями, с утра до вечера, сидеть в тесной комнатке и читать. К этому надо прибавить страшные вести с родины, тревогу за семью, за друзей. Иногда, когда он выходил ночами из дома, создавалось такое впечатление, будто он преднамеренно ищет случая, чтобы его поймали, что он сознательно идет на риск только ради того, чтобы в его жизни хоть что-то изменилось. Наверное, ему хотелось, чтобы его расстреляли, чтобы настал конец его мучениям.

— Но ведь он подвергал опасности и вас!

— Это не совсем так. Ведь мы встречались далеко не каждый раз,

когда он уходил из дома, — ответила Беатрис. — Часто он гулял один, а я узнавала об этом только несколько дней спустя. От этого я начинала дрожать еще больше. Положение немцев ухудшилось на всех фронтах, они стали вести себя, как загнанные в угол звери. Они стали еще опаснее. Вначале они разыгрывали из себя победителей — хвастались и бахвалились, были просто противны и неприятны. Опьянение победами делало их легкомысленными, их было довольно легко перехитрить, заниматься у них под носом своими делами. Теперь же дела у них постепенно стали идти все хуже и хуже. Победное опьянение прошло. Внешне никто из них по-прежнему не сомневался в конечной победе, но, думается мне, очень немногие из них продолжали искренне в нее верить. Они стали более агрессивными, за каждым углом им чудилась угроза. Катастрофа под Сталинградом стала переломным пунктом, все покатило под гору, что бы ни трубила по этому поводу пропаганда коричневых властителей по ту сторону пролива. Это было начало конца. Я снова и снова пыталась втолковать это Жюльену. Говорила ему, что я уверена, что ему недолго осталось терпеть, но он не воспринимал моих слов. Отчаяние его продолжало расти.

— Но он вас еще любил? — спросила Франка.

Беатрис села на валун и приглашающим жестом хлопнула ладонью по камню рядом с собой.

— Садитесь. Хочу ненадолго подставить лицо солнышку. Я расскажу вам о нашей любви, а вы уж сами решите, была ли это, на самом деле, любовь.

— Значит, вы думаете, что ее не было? — спросила Франка и села. Камень оказался теплым, уютным и гладким. Дул легкий ветерок, солью осаждавшийся на губах. «Какой чудесный день», — подумалось Франке.

— Я уже говорила, — ответила Беатрис, — что мне кажется, для Жюльена я была просто ниточкой, связывавшей его с жизнью. Он нуждался во мне, я была последним бастионом, защищавшим его от полного отчаяния. Наверное, это прозвучит самонадеянно, но именно я не допустила того, чтобы он не свихнулся, не сдался добровольно немцам и не подставил себя под их пулю. Таково было мое значение для его жизни... более решающее, чем то обстоятельство, что мы — каждый по своему разумению — любили друг друга.

ГЕРНСИ, ЛЕТО 1943 ГОДА

С лета 1943 года снабжение острова еще более ухудшилось. После нападения японцев на военную базу в Пирл-Харборе Америка наконец всерьез вступила в войну, и американские бомбардировщики, вместе с английскими, начали совершать налеты на немецкие города, разрушая дома и кварталы, убивая мирных жителей. В Сталинграде была уничтожена шестая армия; ее остатки сдались в плен третьего февраля.

В рейхе начала ощущаться нехватка продовольствия; всеобщие бедствия коснулись и сельского хозяйства. Никто уже не думал о том, чтобы посылать суда с продовольствием на острова, которые, как передовые опорные пункты, маячили перед французским побережьем и со все большим рвением превращались немцами в неприступные крепости — хотя едва ли кто-то всерьез верил, что они могут стать преградой на пути сил вторжения. На работах немцы использовали тысячи заключенных и пленных, заставляя их трудиться до полного изнеможения. Подневольные рабочие умирали от голода и бесчеловечных условий жизни. Чем безнадежнее становилось положение на фронтах, тем с большей решимостью немцы строили на островах неприступные укрепления.

Нормирование продовольствия стало намного строже, стало меньше оккупационных марок. Уайеттам стало нелегко кормить еще одного человека, ибо у Жюльена, естественно, не было карточек и всю еду он получал от приютившей его семьи. Раньше многие жители острова расплачивались с врачом натурой, но теперь все это осталось в прошлом: людям уже и самим нечего было есть. Очень редко доктору перепало яйцо или кусок ветчины.

Беатрис казалось, что Жюльен проявляет чрезмерное нетерпение и слишком много жалуется. Другие рискуют за него жизнью, делятся с ним последним куском хлеба, а он занимается только тем, что впустую злится на свою судьбу. Она понимала, как ненавистно ему его положение, но были люди, которым приходилось куда хуже в эти страшные времена. Он все чаще убегал ночами из дома и бродил неизвестно где, несмотря на то, что Беатрис не раз говорила ему, что боится за него, что он подвергает смертельной опасности приютивших его людей.

— О, боже! — в ярости кричал он. — Неужели ты думаешь, что я их выдам, если меня поймут? Кем ты меня считаешь?

— У них есть способы развязывать языки, — ответила Беатрис. Она вспомнила, как выглядел вернувшийся Пьер. — Кроме того, они могут выследить тебя до твоего убежища, а это было бы великим несчастьем.

— Значит, я должен медленно сойти здесь с ума или, в конце концов, застрелиться? — закричал Жюльен. — Неужели ты думаешь, что я смогу

долго это выдержать?

Она обняла его и принялась гладить по волосам, и, хотя он не плакал, ей казалось, что она слышит его всхлипывания. Он страдал от ностальгии, от тоски по свободе. Жажда жизни, движения, воздуха переполняли его, не давали жить.

— Иногда я боюсь, что он не выдержит и сорвется, — озабоченно сказала однажды миссис Уайетт Беатрис. Стоял солнечный ветреный августовский день; облака стрелой неслись по невообразимо синему небу, деревья гнулись под напором ветра, на листьях переливался золотистый свет. После школы Беатрис пошла к Мэй, невзирая на строгий запрет Хелин. Она надеялась хоть на минутку увидеться с Жюльеном. Чувство ее к нему стало глубже и сильнее, несмотря на все препоны, какие ставили ей на пути Эрих и Хелин. Каждую секунду она думала о нем, о Жюльене. В школе, на прогулке, перед сном и при пробуждении. Ее переполняло какое-то лихорадочное волнение. Сексуальность, которая вначале была невинной и незаметной, стала осознанной, острой и голодной. Аппетит пришел во время еды. Скоро ей должно было исполниться пятнадцать, и каждый опытный наблюдатель по блеску глаз, по цвету лица, по ее движениям мог легко догадаться, что с ней происходит.

— В такие дни, как сегодня, — ответила она на тревожное замечание миссис Уайетт, — ему особенно тяжело.

— Иди наверх и утешь его, — едко произнесла Мэй. Беатрис всегда остерегалась откровенничать с Мэй, но она, тем не менее, была единственной, кто отчетливо представлял себе, что происходит между Беатрис и Жюльеном. В этом отношении Мэй была не так наивна, как ее мать.

Беатрис забралась по лестнице на чердак и увидела злого взъерошенного Жюльена, сидевшего за столом и пившего отвратительный эрзац-кофе. Теперь на острове водился только этот сорт. Настоящий кофе стоил огромных денег на черном рынке, да и вообще стал большой редкостью.

— Можешь сегодня ночью пойти на Пти-Бо? — спросил Жюльен вместо приветствия. — Мне надо выйти. Мне надо на море. Мне надо видеть тебя.

— Это очень опасно, — сказала Беатрис, подумав, что он, наверное, начинает тихо ненавидеть ее за эту фразу, которую она произносила всякий раз, когда он делал ей предложения подобного рода. Она чувствовала себя озабоченной гувернанткой, которая портит окружающим ее людям все удовольствие, но ведь речь шла не о невинном полуночном купании в море.

— В одиннадцать часов я буду в бухте, — сказал он. — Так или иначе. Придешь ты или нет.

Он поднял голову, выглянул в окно, посмотрел на штормовое небо, окрашенное в голубые, светлые тона приближающейся осени.

— Жизнь течет, как песок сквозь пальцы, — в отчаянии произнес он. — Видишь, как несутся облака? Так же быстро летит и время, а я сижу здесь! — он с силой грохнул кулаком по столу. — Я сижу здесь!

— Это продлится недолго. Все говорят...

— Все эти годы все говорят, что им вздумается. Никто не остановит немецких дьяволов, когда вы наконец это поймете? Возможно, сейчас у них и возникли какие-то трудности, но потом дела у них все равно пойдут лучше. Это никогда не кончится! Никогда!

Это были обычные стенания, обычные речи, на которые Беатрис постепенно научилась просто не реагировать. Каждый раз она убеждала его в скором окончании войны, в конце оккупации, но Жюльен упрямо держался за свои мрачные пророчества, говоря, что конца всему этому не будет. Она пыталась его понять, понять, что его положение вынуждает его к пессимизму, но потом, с печалью, осознавала, что не может ему помочь, не может избавить его от паники.

— Ты придешь? — спросил он.

Она вздохнула.

— Я постараюсь. Но не могу обещать.

Она знала, что он ни минуты не сомневается в том, что она придет.

В тот вечер из Франции вернулся Эрих, что сильно осложнило ситуацию. Он собирался пробыть на континенте дольше, и никто не знал, почему он вернулся раньше, тем более, что сам он не стал ничего объяснять. Он был в превосходном настроении и даже привез с собой подарки: жемчужную цепочку для Хелин с замком из большого светло-зеленого изумруда и кольцо для Беатрис. Кольцо было из чистого золота, очень широкое и массивное, с золотистым топазом. Кольцо было велико для девочки, оно соскальзывало даже с большого пальца, да и смотрелось оно немного странно на ее детской ручке. Беатрис нашла, что такое кольцо скорее подошло бы толстой старой даме, и что вообще неуместно было со стороны Эриха дарить золотой перстень ей, а не Хелин. Эрих, конечно, сразу заметил, что подарок не особенно понравился Беатрис.

— В чем дело? — спросил он, наморщив лоб. — Тебе не нравится кольцо?

— Оно мне велико.

— Ну, так мы сделаем его уже. У тебя такая тонкая ручка, должен тебе сказать. Будет много лишнего золота. Ну, ничего, из него можно будет сделать подвеску для цепочки.

— Или второе кольцо, — едко подсказала Хелин, — для меня.

Эрих сообразил, что обе дамы встречают его без особого энтузиазма, каковой он в красках живописал в своем воображении. Он таинственно улыбнулся и полез в ранец, который, войдя в дом, небрежно поставил в угол.

— Может быть, вот это зажжет свет в ваших глазах, — произнес он, и, словно фокусник начал извлекать из ранца чудесные вещи, каких на острове уже давно не видели.

— Настоящий кофе в зернах! — зычно объявил он первый номер. — Шоколад! Шелковые чулки, мыло, чай, восхитительное печенье. Что скажете на это?

Действительно, эти подарки произвели на Хелин куда большее впечатление, чем жемчужное ожерелье.

— Бог ты мой, — благоговейно промолвила она. — Живут же во Франции люди, как сыр в масле катаются!

— Большинство не катается. Но склады еще остались. И такие заботливые мужья, как я, о них, естественно, подумали.

— Как обстоят дела на фронтах? — спросила Беатрис, не желавшая продаваться за кофе и шоколад.

— О, на фронтах все обстоит наилучшим образом, — тотчас ответил Эрих. — Конечно, война закончится не сегодня и не завтра, военное счастье переменчиво, но в целом все великолепно. Просто великолепно.

— Я слышала, что немцы отступают на всех фронтах, — с вызовом возразила Беатрис. — И почему нам, на острове, уже стало нечего есть, если дела идут так хорошо?

Эрих заметно помрачнел.

— К черту эту вражескую пропаганду! Естественно, враги пытаются ослабить волю к борьбе и моральный дух, поэтому и каркают по радио. Но в этих воплях нет ни слова правды, — он раздраженно вздохнул. — Если бы можно было конфисковать все приемники на острове! Но, очевидно, это невозможно.

В этот вечер он много пил, что успокоило Беатрис. Напившись, он скорее заснет. Хелин, видимо, неважно себя чувствовала, и за ужином уговорила бутылку вина. Во всяком случае, когда она попрощалась, перед тем как отправиться спать, язык у нее еле ворочался.

Был уже двенадцатый час, когда Беатрис почувствовала себя

достаточно уверенной для того, чтобы выскользнуть из дома и направиться в сторону Пти-Бо. Она знала, что возле дома ночью ходят два патруля, но они ни разу не отклонились от раз и навсегда установленного порядка, и, поэтому надо было лишь дождаться того момента, когда вход и подъездная дорожка останутся вне поля их зрения. Беатрис, тем не менее, понимала, что каждый раз подвергает себя невыносимому риску, выходя ночью со двора. Она должна проявить настойчивость и все же убедить Жюльена отказаться от этих ночных вылазок.

«Как это глупо с моей стороны, — со злостью думала она, пробираясь в темноте, — соглашаться на это безумие!»

Но, как и всегда, раздражение и злость мгновенно испарились, когда она увидела Жюльена, и он, подхлестываемый отчаянием, нетерпеливо и страстно заключил ее в свои объятия. Он ждал Беатрис на берегу бухты — неподвижной тенью застыв среди скал. Он встал и двинулся ей навстречу, убедившись, что за ней никто не идет.

Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и сердце Беатрис сильно стучало от быстрого бега. Стояла теплая ночь, землю окутала бархатистая чернота, по небу скользили облака, в просветах между ними иногда вспыхивала луна и блестели звезды. Таинственно и спокойно шумело море. Казалось, на свете остались только они двое — Беатрис и Жюльен.

Он сказал ей несколько нежных слов по-французски и откинул с ее лба непослушные пряди волос. Здесь, у моря, он был совсем другим человеком, нежели на чердаке. Здесь кровь его быстрее бежала по жилам, подгоняемая ударами ожившего сердца, здесь он дышал полной грудью, здесь он был полон силы, почерпнутой из неведомого источника. Глаза его сверкали, смех был раскатистым и теплым. Здесь он снова становился молодым и полным жизни, сильным и уверенным в себе.

«Он свободен, — подумала Беатрис, — здесь, на воле, он, наконец, свободен, и это делает его совсем другим человеком».

Они любили друг друга на светлом песке пляжа, и чувство витавшей над ними опасности делало их еще более страстными, требовательными и жаждущими. Романтика их встреч оставалась прежней, ибо прежним оставалось их положение. Опасность подстерегала их в настоящем, а будущее было неясным.

Потом они лежали рядом на песке, держась за руки, и Жюльен по-французски говорил ей, что будет после войны. В такие моменты он приходил в хорошее настроение, верил, что ужасы скоро закончатся, что все продлится недолго и скоро минует. Сейчас как раз наступил такой момент. Он лежал под вольным широким небом, видел звезды и облака,

рядом лежала державшая его за руку девушка, которую он любил. Он был молодым мужчиной, таким же, как тысячи других мужчин.

— Я буду зарабатывать много денег, когда кончится эта неразбериха, — сказал он. Это было неплохо, что он говорил «неразбериха» вместо «ужас», «кошмар» или «конец света». «Неразбериха» была безобидным обозначением той беды, которая свалилась на их головы.

— Не знаю пока, как, но вот увидишь, я стану богатым человеком.

Беатрис села и порылась в кармане платья. Она украдкой взяла со стола одну из шоколадок, привезенных Эрихом. Она разломила плитку и протянула шоколад Жюльену.

— Вот, хочешь?

Он резко сел. Из-за облаков выглянула луна, и в ее свете Жюльен показался Беатрис призраком. Она знала, что луна здесь в общем-то ни при чем. Лицо Жюльена было покрыто восковой бледностью и при свете дня. Он уже не был тем крепким загорелым парнем, каким был, когда немцы привезли его на остров. Он превратился в собственную тень.

— Шоколад? Откуда ты его взяла? — он сунул плитку целиком в рот, наслаждаясь ее пикантной сладостью. — Я уже забыл, какой у него вкус.

— Эрих вернулся сегодня из Франции и привез с собой много всяких ценных вещей, — она посмотрела как он жует шоколад, облизывая губы, и сунула ему в рот остаток плитки.

— Когда ты думаешь о том, что будешь делать после войны, — спросила она, — я вхожу в твои планы?

Он искоса бросил на нее удивленный взгляд.

— Конечно, а почему нет?

— Ты никогда об этом не говорил.

— Когда мы говорим о том, что будет? Нет никакого смысла ломать себе над этим голову.

— Ты говоришь о деньгах, которые собираешься заработать, — нерешительно произнесла Беатрис, — но не говоришь обо мне.

— Не вставляй каждое лыко в строку. Сейчас я говорю о деньгах, а в следующий раз буду говорить о тебе, — он встал, внезапно охваченный каким-то волнением. — Знаешь что? Я хочу поплавать в море, почувствовать на губах вкус соли, кожей ощутить прохладу воды.

Беатрис ненавидела свою роль гувернантки, но ей снова пришлось ее играть.

— Не делай этого, Жюльен. Это очень опасно. В воде ты будешь виден издали. Они заметят тебя либо с катера, либо со скал.

— Ночь сегодня темная, — от нетерпения он принялся раскачиваться

на мысках. — Кроме того, здесь никого нет.

Словно предостерегая, луна выглянула в этот момент из-за туч и залила берег мертвенно-бледным светом.

— Не такая уж она темная, — нервно сказала Беатрис, — облака бегут слишком быстро, луна не скрывается надолго. Прошу тебя, Жюльен. То, что мы здесь делаем, и без того очень опасно, но здесь нас хотя бы прикрывают скалы. Там тебя ничто не прикроет.

— Сегодня последняя летняя ночь, — у него не было никаких оснований так говорить, но Жюльен был в этом уверен. — К тому же я не знаю, когда снова выберусь из дома. Сейчас я хочу поплавать.

Она смотрела ему вслед, когда он побежал по пляжу к воде. Его высокая фигура отливала серебром в неверном лунном свете. Двигался он легко, с гибкой грацией. Беатрис почти физически чувствовала, как он счастлив здесь, на вольном воздухе, ощущая под ногами мягкий песок и чувствуя игру своих мышц.

«Как он красив, — подумала Беатрис, — и как бессердечен». Он оставил ее одну, сидящей в тени скал. Она сидит здесь, смотрит, как он входит в воду, освещенный луной. Она постаралась не драматизировать ситуацию, но выходило, что они сейчас поменялись ролями. Он вышел на свободу, оставив ее в клетке. Эта картина вполне соответствовала тому, о чем она подумала в предыдущие минуты. На самом деле, он не любит ее. Она — вещь, облегчающая его жизнь в убежище, и в этом она, конечно, играет для него очень важную роль, но он не чувствует к ней истинной душевной привязанности. Он забудет ее тотчас после того, как окажется на свободе. Он вернется во Францию, окунется в настоящую жизнь, окружит себя смеющимися веселыми девушками, будет флиртовать, танцевать и выпивать с ними, а потом женится на одной из них.

«Кем останусь я в его памяти?» — спросила себя Беатрис. Она оделась и кое-как пригладила волосы.

Она останется там как Беатрис, английская девочка, которой он читал Виктора Гюго, которую он научил французскому языку и лишил девственности. Он будет помнить ее бледную кожу, непослушные волосы и костлявое тело. Вспомнит он и о том, что она была не особенно красива.

Но выбора у него не было. «Все же это было лучше, чем ничего», — со злостью подумала Беатрис. Она засунула руку глубоко в песок и принялась пальцами чертить в нем грубые линии. «И я была настолько глупа, что встречалась с ним на пляже, подвергая опасности свою жизнь».

Жюльен зашел в воду по пояс, а потом бросился вперед на пологую волну. Он поплыл, делая сильные гребки. Отплыв от берега, он

перевернулся на спину и заработал руками и ногами, плескаясь и фыркая от удовольствия. Он поднял страшный шум, нарушив безмолвие тихой ночи. Беатрис с ужасом увидела, что на небе снова показалась луна, ветер окончательно разогнал облака, и ночь стала беспощадно светлой.

«Сейчас что-то случится», — подумала она, чувствуя, как начало колотиться сердце.

Она встала и отважилась сделать несколько шагов к морю.

— Жюльен! — окликнула она его вполголоса. — Прошу тебя, возвращайся! Ты поднял такой шум! Возвращайся!

Естественно, он ее не услышал. Он резвился в воде, как ребенок или жизнерадостный дельфин. Он вел себя, как актер на сцене, либо красуясь, либо забыв обо всем на свете — этого Беатрис сказать не могла.

«Надо уходить, — подумала она, — надо оставить его одного в этом безумии, уйти так, чтобы он видел, как я ухожу».

Когда оглушительно грохнул первый выстрел, Беатрис в первый момент была настолько ошеломлена, что не поняла, что это за звук. Но после первого выстрела прогремел второй и раздался властный, усиленный мегафоном голос:

— Немедленно выйти из воды! Выходите на берег!

Со скал по воде ударили лучи прожекторов. Теперь слышались многочисленные голоса, немецкие голоса. Должно быть, это были солдаты, появившиеся на тропинке, а теперь спускавшиеся к бухте.

Беатрис отступила назад и вжалась в расщелину между камнями. Она почувствовала себя кроликом, загнанным в ловушку между скалами и морем и окруженным вооруженными врагами. Раздался еще один выстрел, пуля ударила по воде, но не задела Жюльена. Сейчас он находился вне досягаемости для немцев, но в этом не было никакой пользы, так как ему все равно придется вернуться к берегу.

«Сдавайся, — мысленно молила она его, — ради Бога, сдавайся, это твой единственный шанс».

Жюльен застыл на месте, когда прозвучал первый выстрел. Видимо, он был так удивлен, словно меньше всего он рассчитывал на появление немецких солдат. Даже после второго выстрела он не двинулся с места, продолжая смотреть на берег и оценивая свое положение.

Только третий выстрел заставил его двигаться. Но вместо того чтобы подчиниться требованию — которого он, скорее всего, и не понял, так как почти не говорил по-немецки, — он стремительно поплыл в противоположном направлении, в открытое море, а затем повернул на запад. Длительное сидение на чердаке, вероятно, ослабило его, но страх

смерти пробудил прежнюю силу. Плыл Жюльен невероятно быстро и целеустремленно.

— Он попытается переплыть в соседнюю бухту! — крикнул кто-то. — Тотчас пошлите туда людей, чтобы его перехватить!

Беатрис еще глубже забилась в расщелину. Она понимала, что это убежище ее не защитит. Ее найдут. Может быть, ее даже застрелят.

Сердце ее неистово билось. На секунду ей даже пришла в голову шальная мысль выйти из укрытия и сдаться, пока ее не вытащили отсюда силком. Но что-то удержало ее от этого, и она решила, что не стоит сразу сдаваться.

«Мне надо уйти, пока они не спустились. Когда они окажутся здесь, у меня не останется ни единого шанса. Надо исчезнуть, пока их здесь нет».

Снова затрещали выстрелы, но Жюльен был уже вне опасности. Он почти пропал за скалами, обрамлявшими выход из бухты.

Солдаты медленно спускались с вырубленной в скале тропы. Они не ориентировались на местности и, кроме того, могли опасаться, что на пляже их ждет засада.

Беатрис, напротив, знала это место, как свои пять пальцев — она здесь родилась и выросла. Она бывала здесь тысячи раз, а по скалам могла бегать, как кошка.

Мозг заработал с лихорадочной быстротой. На западную тропу ей хода нет, это было понятно. С дороги, ведущей к бухте, доносился рев моторов; там сейчас полно мотоциклистов, и этот путь ей тоже заказан. Остается восточная тропа, но она не может подобраться к ее началу — для этого надо было уйти с берега бухты и пересечь дорогу, а там — немцы. Придется карабкаться на скалы без дороги — иного выбора у нее не оставалось. Плохо было то, что сначала ей придется пройти вдоль всего пляжа и только потом начать восхождение. Надо пройти ближе к валунам и камням, обрамлявшим пляж, стать маленькой и незаметной, используя как укрытие каждый камень.

Она уже хотела тронуться в путь, так как была дорога каждая секунда, но в этот момент увидела, что на песке осталась лежать одежда Жюльена. Если немцы узнают, что это одежда доктора Уайетта, то врачу и его семье будет грозить страшная беда.

Она выскользнула из расщелины, оставаясь под каменным козырьком, собрала штаны, рубашку, носки и ботинки и, затаив дыхание, вернулась в укрытие. Потом, словно ящерица, она стала красться вдоль пляжа, прячась за камнями, слыша, как немцы продолжают стрелять со скал, как визжат на дороге тормоза и как бегут по пляжу спустившиеся вниз солдаты.

Больше всего ей мешали ботинки. Прочие вещи она привязала к себе, но ботинки пришлось держать в левой руке, а это значит, что карабкаясь на скалу, она могла пользоваться только одной рукой. Она уходила самой тяжелой, самой отвесной, самой труднодоступной дорогой. Это было чистым безумием — взбираться по этой крутизне, да еще в темноте, да еще пользуясь только одной рукой, да еще со всей возможной быстротой. У Беатрис не было времени рассчитывать шаги и пробовать, куда она ставит ноги, чтобы не наступить на шатающийся камень. Ей пришлось полностью положиться на память — когда-то она не один раз взбиралась по этому пути, соревнуясь в смелости с деревенскими мальчишками. Правда, те состязания проходили днем и без поклажи, а теперь оставалось одно — уповать на удачу.

Чувство опасности придавало сил и мужества. Она двигалась спокойно и уверенно, несмотря на спешку. Она не чувствовала ни паники, ни головокружения. Все это будет потом.

«Я буду плакать, когда все это кончится», — думала Беатрис.

Немцы устроили у бухты адский шум. Ночь содрогалась от криков и выстрелов. Послышался собачий лай. Немцы привели на пляж ищеек. Беатрис поняла, что времени у нее стало еще меньше. Собаки мгновенно обнаружат расщелину, в которой она пряталась, потом возьмут след и бросятся к восточной скале. Немцам сразу станет ясно, какой путь она выбрала. Поймают ее уже наверху.

Она ускорила темп, не обращая внимания на боль в пальцах, судорожно сжимавших ботинки. Последняя скала... Свободной рукой она ухватилась за траву, подтянулась наверх и без сил, тяжело дыша, упала на землю.

Она наверху. Она это сделала.

Беатрис понимала, что залеживаться здесь нельзя. Вокруг было полно немецких солдат. Надо как можно скорее идти дальше.

Она поползла вперед на четвереньках. Встать на ноги она не осмелилась, так как в свете луны ее можно было увидеть издалека. Только дойдя до леска, она остановилась, прислонилась к дереву и попыталась отдышаться. Она разжала онемевшие пальцы, и ботинки упали на траву. Только теперь Беатрис почувствовала, насколько она измотана. В боку колело, ноги дрожали, голова гудела.

Она закрыла лицо руками и принялась ждать, когда все пройдет.

Что случилось с Жюльеном?

Он не мог, конечно, обогнуть вплавь весь остров. Где-то ему придется

выйти на берег. Поймали ли они его?

«Как можно быть таким сумасшедшим? — в отчаянии спросила она себя. — Как можно быть таким ужасно глупым?»

Но надо каким-то образом добраться до дома. Она могла лишь надеяться, что Эриха еще не оповестили о происшествии. Если это произошло, то он проснулся и, естественно, обнаружил, что ее нет дома. Что, черт подери, делать с вещами Жюльена?

Она с трудом поднялась на ноги и направилась к дому. В лесу было тихо, наверное, здесь не было ни единой души, кроме нее. Беатрис пошла дальней дорогой, обогнула деревню и подошла к родительскому дому сзади. Идти по подъездной дорожке было слишком рискованно.

Она проскользнула в сад, посмотрела, нет ли патрулей, и затаила дыхание. Но все было тихо. Она вошла в теплицу, стоявшую в конце двора. Теплица была заброшена, потому что Пьер в одиночку не мог справиться со всей работой.

В углу лежали мешки с землей и торфом, по виду которых было ясно, что к ним не прикасались уже много лет. Беатрис сдвинула мешки в сторону, затолкала за них одежду и ботинки, и задвинула мешки на прежнее место. Пока пусть одежда полежит здесь, потом она что-нибудь придумает.

Ей удалось незаметно проникнуть в дом и подняться в свою комнату. Но только закрыв за собой дверь, Беатрис позволила себе перевести дух. Она сбросила с себя промокшую от пота одежду, бросила ее на кресло и забралась под одеяло, свернувшись в комочек и страдая от усталости и страха. Ее тошнило, зубы лихорадочно стучали. Только теперь до нее стало доходить, что это настоящее чудо, что она жива, что ее могли застрелить, что она только что была на волосок от смерти.

«Но не надо отчаиваться. Может быть, Жюльен жив. Может быть, они его не нашли. Может быть, я надежно спрятала вещи».

Мысли теснились в голове, не давали покоя. В какой-то момент ей захотелось встать и побежать в туалет, так как ей показалось, что ее вот-вот вырвет, но желудок постепенно успокоился, и Беатрис снова уронила голову на подушку.

Под утро она забылась в беспокойном сне. Разбудили ее громкие голоса, шум автомобильных моторов и стук тяжелых сапог на лестнице. В доме было полно людей и царило какое-то необычное беспокойство.

«Жюльен!» — тотчас подумала Беатрис.

Было восемь часов, но ее никто не будил. Потом она вспомнила, что сегодня суббота и в школу идти не надо. Беатрис до сих пор тошнило, а когда она встала и посмотрела на себя в зеркало, то убедилась, что вид у

нее бледный, жалкий и по-настоящему больной.

Измятую одежду она сунула в шкаф, поискала чистую, оделась.

Непослушные, всклокоченные волосы торчали в разные стороны. Расчесать их не было никакой возможности, и Беатрис просто перевязала их лентой.

Выйдя из комнаты, она тут же столкнулась с Хелин.

— А, это ты! Какие дела творятся! — трагическим шепотом сказала Хелин. — Сегодня ночью в Пти-Бо чуть не схватили шпиона!

— Чуть? — оживившись, переспросила Беатрис.

— Он сумел ускользнуть. Но теперь его разыскивают по всему острову. Ему не уйти.

С первого этажа доносился громовой голос Эриха.

— Докладывать обо всем, что происходит! Ясно? Я должен быть в курсе!

Он поднялся наверх и увидел Беатрис.

— Ну и вид у тебя! Ты не заболела? — не дождавшись ответа, он продолжил. — Странная история! В воде обнаружили человека. Интересно, откуда он там взялся?

— Это точно был шпион? — охрипшим, чужим голосом спросила Беатрис.

Эрих снова бросил на нее пытливый взгляд.

— Кто еще это мог быть?

— Не знаю. Может быть, какой-нибудь местный житель решил искупаться.

— Вот уж действительно, — язвительно произнес Эрих, — какие странные идеи приходят тебе в голову! Ночью действует комендантский час. У кого же хватит ума выйти ночью из дома и пойти окунуться в море?

«Ты просто не можешь себе представить, что кто-то может послушаться ваших приказов», — злобно подумала Беатрис.

Эрих — само воплощение важности и значимости — снова спустился вниз. Хелин, посмотрев на Беатрис, озабоченно сказала:

— Ты действительно неважно выглядишь, Беатрис. Эрих прав. Тебе плохо?

— Я просто плохо спала, — ответила Беатрис. Мысленно она благодарила небо за то, что у нее хватило ума и мужества захватить с собой и спрятать одежду Жюльена. Теперь она ни минуты не сомневалась в том, что эта одежда послужила бы для немцев главной уликой.

Весь день она слонялась по дому, мучительно раздумывая, как узнать о местонахождении Жюльена. Где он спрятался? Очевидно, они не сумели

его выследить, об этом она бы уже знала. Она не отважилась пойти к Уайеттам, да и Хелин бы не разрешила ей этого сделать. Она постоянно крутилась возле Беатрис, занимала ее какими-то бессмысленными разговорами, немного пожаловалась, потом заставила Беатрис пойти с собой в сад, но, решив, что в саду прохладно, снова пожелала вернуться в дом. Жюльен оказался прав в своем пророчестве: погода была ясной, но стало заметно холоднее. Небо блистало светлой осенней синевой. Впервые этим летом Беатрис обнаружила, что кончики листьев в саду окрасились желтизной.

«Вот лето и прошло», — подумала она и вздрогнула от второго смысла этих слов, сознавая, что в ее жизни тоже что-то невосвратимо прошло, прошло и уже никогда не вернется.

Весь день она была погружена в мрачные беспокойные мысли, волновалась за Жюльена, инстинктивно понимая, что ситуация пока не разрешилась. Это волновало ее и действовало на нервы. Она сумела на полчаса отделаться от Хелин, пошла в ванную и выстирала одежду, в которой была ночью. Она и сама не знала, какая проблема может возникнуть из-за состояния этой одежды, но ей хотелось уничтожить все мыслимые улики. Когда Беатрис вышла из ванной, чтобы повесить в саду выстиранную одежду, она услышала в прихожей громкий голос Эриха.

— Где Беатрис?

— Не знаю, — ответила Хелин. — Только что была здесь.

— Мне надо немедленно с ней поговорить.

У Беатрис душа ушла в пятки. Эрих говорил не своим обычным приказным тоном. На этот раз в его голосе слышались ярость, недоверие и гнев. Значит, случилось что-то очень важное.

Она начала лихорадочно соображать. Какой след они нащупали? Какие улики оказались в их руках? Что можно отрицать, и в чем можно признаться?

Прятаться не было никакого смысла. Надо пройти через это, выяснить, что же случилось.

— Я здесь, наверху, — голос ее звучал на удивление спокойно.

— Немедленно спускайся вниз! — рявкнул Эрих. — Сейчас же!

Она медленно спустилась по лестнице. Капли с мокрой одежды капали на ступеньки. Эрих и Хелин рядом стояли в холле; Хелин была бледна и испугана, у Эриха же был вид высшего судьи. В руке он что-то держал, но Беатрис не сразу поняла, что именно. Она остановилась на последней ступеньке. Так она была почти одного роста с Эрихом и чувствовала себя более уверенной.

— Ты можешь мне объяснить, что это? — спросил Эрих. Он говорил теперь тихо и вкрадчиво, и от этого казался еще страшнее и опаснее.

Она уставилась на предмет, который он ей показал.

— Что это? — спросила она.

Он сделал шаг вперед.

— Я хочу узнать это от тебя, — он по-прежнему говорил очень тихо. — Именно ты должна мне это сказать.

Она наконец узнала предмет, который он держал в пальцах. Это была бумажка. Обертка. Обертка от шоколада, привезенного Эрихом из Франции.

Отдельные кусочки почему-то не складывались в цельную картину. Мозг отказывался мыслить логически и последовательно. Но в нем билась одна, смутная, но неотвязная мысль: она попала в ловушку.

— Ты что, язык проглотила? — спросил Эрих. — Обычно ты бываешь многословна, как... еврейский торговец!

Очевидно, он считал это самым тяжким из всех оскорблений. Беатрис вздрогнула, потому что теперь она все поняла, и охвативший ее паралич прошел.

— Это обертка шоколада, — сказала она.

Эрих улыбнулся. Это была злобная и коварная улыбка.

— Верно. Совершенно верно. Но это не английская обертка, не так ли? Этими обертками на острове не пользуются, их нигде не продают, так как на острове вообще нет шоколада. Ты это тоже понимаешь?

— Думаю, да, — ответила Беатрис. В душу вполз леденящий страх. Теперь она полностью осознала взаимосвязь вещей, и на мгновение ей стало дурно.

— Это обертка от шоколада, который ты вчера привез из Франции, — простодушно и удивленно сказала Хелин, не понимавшая, почему Эрих видит в этом какую-то особенную проблему.

Он медленно повернулся к жене.

— Правильно, Хелин. Оказывается, ты умеешь думать быстрее, чем наша дорогая Беатрис. Это обертка от шоколада, который я вчера привез из Франции. Но знаешь ли ты, где нашли эту обертку?

— Где? — спросила Хелин, сделав большие глаза.

— На берегу бухты Пти-Бо. В песке.

Хелин пришла в совершенное замешательство.

— Как она там оказалась?

— Гм, — Эрих сделал вид, что напряженно думает. — Есть только три человека, которые могли отнести шоколад на берег. Либо я, либо ты, либо Беатрис. Другие кандидатуры не рассматриваются.

— Я не была на берегу, — сказала Хелин, — уже несколько недель, и уж, во всяком случае, я не была там ни вчера, ни сегодня.

— Я тоже, — сказал Эрих. — Более того, я там вообще ни разу не был.

— Но Беатрис там тоже не было, — растерянно сказала Хелин. — Вчера и сегодня она просто не могла там быть. Мы же все были дома.

— Значит, мы столкнулись со сверхъестественным феноменом. Как могла эта бумажка попасть на пляж? Полагаю, что летать она не умеет, — прищурившись, он пристально посмотрел на Беатрис. С мокрой одежды, которую она держала в руке, на ступеньки натекла лужица.

— В бухте сегодня ночью обнаружили шпиона, — напомнила Хелин. — Может быть, это его обертка.

— Знаешь, — задумчиво произнес Эрих, — остается все-таки только одна возможность: на пляже был один из нас. Что касается вчерашнего или сегодняшнего дня, то здесь у каждого из нас есть железное алиби. Но что касается ночи, то здесь никто не может поручиться за другого.

Беатрис подумала, что мышка, с которой играет кошка, чувствует себя точно так же, как она. Эрих обложил ее со всех сторон и загоняет в угол.

«Скажи, что ты думаешь, скажи прямо, — подумала она, — и тогда посмотрим».

— Кто из нас мог быть ночью на пляже? — закричала Хелин. — Среди нас нет сумасшедших. Да я бы просто умерла от страха!

— Знаешь, тебя я действительно не могу представить ночью на пляже, — сказал Эрих. — Представьте себе такую картину: Хелин, пробравшаяся в Пти-Бо через скалы, сидит на песке и ест шоколад... Тебе не кажется, Беатрис, что такое поведение не свойственно Хелин?

— Нет, не свойственно, — чужим, севшим голосом ответила Беатрис.

— Но и Беатрис никогда бы этого не сделала, — сказала Хелин. — Да и зачем?

— Там на пляже самое подходящее место для романтических встреч, — объяснил жене Эрих. — Теплая августовская ночь, небо, усеянное звездами, шум прибоя... веет нежный ветерок... Бог мой, Хелин, ведь мы тоже когда-то были молодыми!

Эрих посмотрел на Беатрис, мгновенно погасив улыбку.

— Ну, хватит болтать, — холодно произнес он. — О тебе можно многое сказать, Беатрис, но недостатком ума ты не страдаешь. Ты же понимаешь, что отпираться бесполезно. Итак, с кем ты встречалась сегодня ночью на пляже?

Это была невероятная глупость, идиотская ошибка, брать с собой

шоколад! Ни в коем случае нельзя было идти на такой риск.

Эрих был убежден, что только она могла взять с собой на берег шоколад, а человек, которого солдаты приняли за вражеского шпиона, был ее любовником, с которым она тайно встречалась. Тем не менее, он отдал приказ прекратить поиски шпиона, так как нисколько не сомневался в том, что это какой-то местный парень, который давно сидит дома, и найти его не представляется никакой возможности. Но от Беатрис он хотел узнать две вещи: кто этот парень и давно ли она с ним встречается.

Это был форменный допрос, продолжавшийся до позднего вечера. Беатрис сидела на стуле в столовой, держа на коленях мокрое платье, словно защитную подушку. В голову Беатрис лезла неуместная мысль о том, что платье, высохнув, будет очень мятым, и его будет трудно отгладить. Это была самая пустяковая проблема из всех, с которыми ей пришлось столкнуться, но она упрямо держалась за эту мысль, потому что, как она потом поняла, ей, вообще, надо было за что-то держаться.

Эрих расхаживал по комнате, садился, снова вставал и принимался ходить взад и вперед. Он говорил тихо, он кричал, становился то опасно вкрадчивым, то откровенно агрессивным. Он бушевал и орал, он шептал, приблизив лицо к лицу Беатрис так, что она ощущала его дыхание. Она старалась не отпрянуть, старалась не выказать страха. Собственно, сильного страха она и не испытывала. Она была слишком ошеломлена и оглушена, для того чтобы бояться. Она думала только об измятом платье и о том, что надо молчать, молчать, невзирая ни на что.

Несколько раз в комнату заглядывала Хелин. Она выла что-то нечленораздельное, и казалось, что у нее вот-вот случится нервный обморок. Хелин была потрясена до основания. Она была слишком инфантильна для таких сцен и не знала, как далеко может зайти ее муж, чтобы выбить правду из Беатрис. К тому же, фактически получилось, что у ее приемной дочери давно появился друг, к которому она бегала на свидания, и ни она, ни Эрих об этом даже не догадывались. Хелин была в полной растерянности и лишь беспомощно спрашивала себя, как удалось Беатрис сохранить свои отношения в такой тайне, что никто о них не знал.

Беатрис, между тем, упрямо молчала. Час за часом. Постепенно она привыкла к своему молчанию, пряталась в него, как в темное убежище, перестав воспринимать голос Эриха и его жаркое дыхание.

— Ты заговоришь, — сказал он ночью. Голос его звучал хрипло и утомленно. — Рано или поздно ты заговоришь. Я знаю средство развязывать языки.

Беатрис подумала, не собирается ли он передать ее палачам из СС,

которые избьют ее в кровь, как они избили Пьера. Но инстинкт подсказывал, что Эрих никогда этого не сделает. Он делал все, чтобы ее запугать, но, надо отдать ему должное, он ни разу ее не ударил. Что-то удерживало его от того, чтобы делать самому грязную работу или поручить ее другим. Он предпочитал более тонкие методы. Он хотел измотать, лишить способности к сопротивлению, измучить непрерывными прямыми вопросами.

Наконец, движением руки он прогнал ее прочь, в ее комнату. Она поднялась к себе, расправила на стуле мятое платье и забралась под одеяло. Она была истощена и измотана. Но несмотря на страшную усталость, сна не было. Она всю ночь беспокойно ворочалась в постели, а когда настало утро, была готова к продолжению допроса.

Допросы длились почти три недели. Эрих не пускал Беатрис в школу, и сам практически не выходил из дома. На случай, если ему надо было уйти, Хелин и оба солдата получили строжайший приказ ни под каким видом не выпускать Беатрис из дома. У нее не было никакой возможности встретиться с Жюльеном, но и это было возможно только в том случае, если ему посчастливилось вернуться к Уайеттам, но она не могла узнать даже этого. Беатрис допускала, что Мэй могла поинтересоваться, где ее подруга, но ее к ней не пустили. Она не знала, что сказали Мэй, чтобы объяснить отсутствие Беатрис в школе. Но интересовало ли это Уайеттов? Интересовало ли это Жюльена?

Она поняла тактику Эриха: он ее изолировал. Он изолировал ее от всего, что составляло ее жизнь, ее повседневность. Он изолировал ее от друзей, соучеников, от обязанностей и потребностей, определявших течение ее жизни. Она осталась одна, оторванная от всяких сведений о том, что происходит за пределами дома. К тому же, каждый день ей по голове, словно молотом, стучали его вопросы.

Она — и это было самым важным для Эриха — не могла больше встречаться с человеком, которого любила.

— Я не могу понять, — сказала однажды глубоко уязвленная Хелин, — почему ты ничего не рассказала мне. Для меня это совершенно непостижимо. Я всегда думала, что ты мне доверяешь!

— Мне нечего рассказывать, — стереотипно ответила Беатрис. Этой фразой она постоянно отвечала на вопросы Эриха.

Хелин тяжело вздохнула. Разумеется, она не поверила Беатрис. Да и никто бы не поверил. Но вырвать у Беатрис ее тайну оказалось практически невозможно. Расчет Эриха не оправдался: ему не удалось измотать Беатрис, напротив, с каждым днем она все больше и больше

замыкалась в себе, все глубже заворачиваясь в непроницаемый кокон. До нее вообще стало невозможно достучаться. Она не уклонялась, не боролась, не искала способа бежать или покончить с невозможной ситуацией. Она просто терпела все, что с ней происходило. Казалось, она нашла какой-то невидимый для других мир, в который никто, кроме нее, не мог проникнуть.

Она сильно похудела, лицо ее утратило живой цвет. Под глазами легли коричневые круги, волосы топорщились еще сильнее, исчез блеск в глазах. Движения утратили свойственные им прежде легкость и пружинистость.

В конце концов, Эрих сдался. Он понял, что Беатрис не признается, а он не может вечно держать ее взаперти и не пускать в школу. Да и сам он не мог тратить все свое время на допросы и издевательства. Скрипя зубами, он был вынужден признать, что проиграл.

— У тебя нет никаких шансов продолжать с ним встречаться, — сказал он. — Ни на одну минуту, ни днем, ни ночью, не сможешь ты незамеченной выйти из дома. Ты, конечно, думаешь, что победила, но на самом деле ты проиграла. С этой минуты — ты пленница.

Теперь адъютант возил ее в школу и после занятий отвозил домой. Патрульные солдаты, охранявшие дом, получили указание не выпускать Беатрис на улицу. Ночами в холле сидел вооруженный солдат, и Беатрис не могла незамеченной проскользнуть мимо него.

Дом был превращен в крепость.

Но все же теперь Беатрис увиделась с Мэй, которая была просто вне себя от волнения и тревоги. От нее Беатрис узнала, что Жюльен через несколько дней напряженного ожидания вернулся в дом Уайеттов. Несколько дней он прятался в конюшнях и на сеновалах, а потом добрался до дома врача. Он рассказал о своем ночном купании и о том, что его едва не поймали.

— Папа был вне себя от ярости, — рассказала Мэй, — потому что Жюльен подверг всех нас громадной опасности. Конечно, было бы хорошо, если бы папа его прогнал, но тогда его точно бы поймали и он бы все рассказал, — она помолчала и с любопытством спросила: — Ты была с ним в ту ночь?

Беатрис ничего не ответила, но Мэй истолковала ее молчание, как утвердительный ответ.

— Ну, — сказала она, и в ее тоне и в выражении лица Беатрис уловила удовлетворение, — теперь ты никак не сможешь с ним встречаться. Тебя стерегут круглые сутки. Так что эта история закончилась.

ГЕРНСИ, ИЮНЬ 1944 — МАЙ 1945 ГОДА

В ночь с пятого на шестое июня тысяча девятьсот сорок четвертого года началась операция «Оверлорд», означавшая последнюю фазу войны и конец нацистской диктатуры. Шестого июня 1944 года в Нормандии высадились союзные войска. На континент вступили более полумиллиона американских, канадских и английских солдат, а через три недели французский город Шербур был уже в руках американцев. На западе и на востоке немцы теперь терпели одно поражение за другим. Чем слабее становилась армия, тем сильнее звучали призывы властей. Теперь и самые отъявленные пессимисты надеялись, что близок конец этого ужаса.

Высаживаясь на европейский континент, союзники посчитали оккупированные острова в проливе не настолько важной целью, чтобы рисковать потерями до столкновения с основными немецкими силами в Нормандии. Забытые всеми, эти острова, как мелкие опорные пункты нацистского режима, находились теперь в Атлантике, в тылу вторгнувшихся во Францию союзников. С каждым днем острова становились все более отрезанными от «Великогерманского Рейха», откуда прежде обеспечивалось снабжение островов. Правда, снабжение нарушилось еще в 1943 году, так как союзные подводные лодки, курсировавшие перед французским побережьем, сильно его затрудняли, но все же в гавань иногда заходили немецкие корабли, а в аэропорту садились немногочисленные немецкие самолеты. Теперь же всякое сообщение вовсе прекратилось. Англичане, конечно, могли бы сбрасывать продовольствие, но Черчилль запретил всякую помощь оккупированным островам в проливе. Он знал, что все, что будет сброшено, попадет в руки противника. И он не стал ничего посылать. Пусть соотечественники голодают, чтобы ничего не досталось врагам.

Положение стало совершенно невыносимым к концу 1944 года. Люди пили чай из пастернака или малиновых листьев и кофе из желудей. Хлеба почти не было, а сыр и мясо исчезли совершенно, так как перед оккупацией остров покинуло слишком много людей, и теперь некому было всерьез заниматься сельским хозяйством. Когда же наступила осень и приблизилась зима, стало совсем плохо.

И оккупанты, и население голодали сообща. Они мерзли, они страдали, они пытались выжить на жалком подножном корме, но он не насыщал, а лишь вызывал колики в животе. Оккупанты и население сообща чувствовали, что их все забыли. Война шла где-то в другом месте, где

решался ее исход, но они не участвовали в ней. Они находились в тылу прокатившегося над их головами вторжения и были обречены на пассивное ожидание — им не выпало ни бороться, ни побеждать, ни проигрывать, ни умирать. Во всяком случае, с оружием в руках.

Умереть они могли, разве что, от голода. Хуже всего пришлось заключенным концлагеря на Олдерни и подневольным рабочим. Их и без того скудный рацион был урезан настолько, что им практически вообще стало нечего есть, и они, в зависимости от конституции, рано или поздно умирали. Англичане и немецкие солдаты с трудом барахтались на поверхности, столкнувшись со странной ситуацией — они все вместе неожиданно оказались в одной лодке, они были вынуждены бороться с одними и теми же трудностями, понимая, что и те и другие брошены на произвол судьбы своими правительствами. Немцы ругали свое правительство, которое ничего не делало, чтобы вывезти людей с островов или как-то поддержать их в тяжелом положении. Англичане ругали Черчилля, который не постеснялся пожертвовать своими соотечественниками ради того, чтобы уморить противника голодом. Так как от ругани было мало пользы, всем было понятно, что надо каким-то образом самостоятельно выходить из положения. Судьба породила странное сообщество оккупантов и населения. Люди пытались сообща найти способ выжить.

Отношения между оккупантами и населением на островах с самого начала были иными, нежели в других, оккупированных гитлеровцами странах. Немцы были невероятно заносчивыми тиранами и агрессорами, но таких эксцессов и массовых казней, как в Польше, России и даже во Франции, на островах не было. Впрочем, на островах не было и движения сопротивления, поэтому никто и не думал нападать на оккупантов. Всю войну люди провели на островах, отрезанные морем от всех военных перипетий, образовав замкнутое сообщество, все члены которого были вынуждены сосуществовать друг с другом не так, как в других оккупированных странах, где можно было куда-то уйти — во всяком случае, победителям. Надо было как-то приспособливаться друг к другу, ибо уклониться от совместного проживания бок о бок было просто физически невозможно. Из этого положения без всякого внешнего принуждения возникло известное чувство общности.

В последние месяцы войны это чувство, под влиянием голода и страха, переросло в довольно странную солидарность.

В сентябре 1944 года Беатрис исполнилось шестнадцать лет, и она была убеждена, что это последний день рождения, который она отмечает в

условиях оккупации. Поражение врага было неизбежно, и теперь это видели все.

— Еще полгода, — шептались люди, — и все будет позади.

Беатрис испытывала странное чувство, зная, что скоро увидится с родителями. В разлуке прошли четыре года, скоро сравняется пять, и вот уже совсем скоро они смогут заключить друг друга в объятия. Теперь, когда этот момент был близок, Беатрис овладело страшное нетерпение. Она дрожала от волнения, она просто не могла больше ждать. Плен стал невыносим, как и необходимость отчитываться во всех своих действиях. За все это время она только один раз виделась с Жюльеном; это было в марте, на дне рождения Мэй. Эрих в это время находился во Франции, и Беатрис сумела уговорить Хелин отпустить ее на вечеринку, которую устроила Мэй. После долгих препирательств Хелин наконец согласилась. Отделившись от кучки хихикающих девочек, казавшихся ей сущими детьми, Беатрис забралась на чердак, где в последний раз была летом прошлого года. Жюльен полулежал на шезлонге у окна. Он был тепло одет, и откинувшись назад, подставил лицо лучам холодного весеннего солнца. На Беатрис он посмотрел, как на неожиданно явившееся привидение.

— Ты? Я думал, что тебя больше никогда сюда не пустят!

— Они не пускают. Но ради дня рождения Мэй они сделали исключение.

Он встал с шезлонга и подошел к Беатрис. Он был очень бледен, на лице застыла маска покорного мучения, которой раньше, невзирая ни на что, не было. Казалось, фаза мятежного порыва и гнева безвозвратно миновала, оставив по себе могильное спокойствие и привычную подавленность. Он больше не сопротивлялся. Он ушел в себя и ждал конца, каким бы он ни был.

— Хорошо, что ты пришла, — сказал он без всякого, впрочем, энтузиазма.

— Что тебе рассказали Уайетты?

— То, что сказала им Мэй. Что ты практически не выходишь больше из дома и тебе запретили приходить сюда.

— Они знают, что мы... в ту ночь были вместе?

Он кивнул.

— Они сами быстро это сообразили. Все говорят, что в ту ночь тебя видели на пляже с каким-то мужчиной, а так как меня тоже не было... — он пожал плечами. — Они, правда, не знают, насколько далеко зашли наши отношения, но то, что намечалось нечто большее, чем они предполагали, им, конечно, стало ясно. Они очень злы на меня.

— Тем не менее, они тебя снова спрятали.

— Да, мне повезло, хотя я бы не стал называть это так.

— Ты переживешь и это, — сказала Беатрис.

— Да, да, — неопределенно ответил он.

Потом они некоторое время молча стояли рядом, не зная, что сказать. Оба чувствовали, что говорить им, в сущности, не о чем, что все уже сказано, и им остается лишь ждать, что преподнесет им будущее.

— Мне пора вниз, к остальным, — сказала наконец Беатрис, и Жюльен снова произнес:

— Да, да.

Они даже не прикоснулись друг к другу, между ними не было больше нежности, напоминавшей о былой близости и доверии.

«Он даже не спросил, как мне удалось в ту ночь уйти от немцев, — подумала она, спускаясь с чердака по лестнице, — он не сказал ни слова об опасности, которой подверг меня, ни слова сожаления о том положении, в какое он меня поставил, положении пленницы — такой же, как он сам. И все это случилось из-за его легкомыслия».

Потом у Беатрис уже не было случая повидаться с Жюльеном, но, в сущности, она этого и не хотела и не планировала. Она разочаровалась в нем, да, кроме того, и жизнь стала такой тяжелой, что время любви, казалось, навсегда прошло.

Новый, 1945 год Беатрис встретила дома, в обществе Хелин и Эриха. Сначала Эрих говорил, что они пойдут в офицерский клуб, где состоится новогодний вечер, потом заговорил о полученном им приглашении к командующему немецким гарнизоном на острове, но в конце концов он решил не участвовать в этих мероприятиях и сказал, что они все останутся дома. Беатрис предположила, что вечера, на которые он первоначально собирался, будут не слишком праздничными, Эрих это понял и потерял к ним всякий интерес. Да и как можно вообразить себе праздник в такой ситуации? Недостаток продовольствия и голод не обошли стороной и высших офицеров. От прежних привилегий не осталось и следа. Среди немцев царило уныние и ожидание конца, так как радио сообщало только о продолжающемся наступлении союзников и оборонительных боях гитлеровских армий. Британское население островов испытывало смешанное чувство напряженного ожидания и страха. Что, если о них вообще забудут? Война кончится, а они так и останутся сидеть здесь с врагами и умирать от голода? Черчилля ругали уже все, кому не лень. Жители острова так и не простили премьеру его железного упорства, с

которым он обрекал своих соотечественников на невыносимые страдания.

День рождения Эриха двадцать четвертого декабря прошел без достойных упоминания происшествий. Запасы спиртного в доме истощились, а достать его было негде. Пить было нечего, и Эрих медленно отвыкал от алкоголя. Он не мог больше принимать убойную смесь спиртного и таблеток, которая приводила его то в эйфорию, то в невероятную агрессивность. Правда, запас лекарств у него, видимо, сохранился, потому что пока ему удавалось в последний момент удерживаться над пропастью меланхолии, когда он чувствовал ее приближение. Беатрис было интересно, что будет, если Эрих лишится этой последней возможности. Никаких вспомогательных средств у него тогда не останется. Он заболит или свихнется, или произойдет и то и другое вместе.

В новогодний вечер он точно наглотался таблеток, так как пребывал в эйфории и превосходном настроении, хотя для этого не было ни малейшего основания. По радио говорили о прорывах на всех фронтах, и, несмотря на то, что эти катастрофические известия непременно украшались победными заклинаниями, все понимали, что поражение уже началось и конец приближается с нарастающей быстротой. Американцы захватили Аахен и стояли уже на территории Рейха. На востоке русские войска уже находились в угрожающей близости от границ Германии. Немецкая пропаганда трубила, что русским никогда не удастся преодолеть восточный вал и ворваться в земли Рейха, но Би-Би-Си из Лондона передавало, что русское наступление достигло невиданных масштабов. Исполинская Россия, которую немцы сумели застать врасплох, спящей и неспособной оказать сопротивления, проснулась, собрала силы, мобилизовав бойцов со всей своей необъятной территории. Согласно сообщениям Би-Би-Си, судьба Восточной Пруссии, восточной части Рейха, была уже решена. Вопрос дней, когда русские подойдут к ее границам, и вопрос часов, когда они ее взломают.

«Даже Эрих, — думала Беатрис, — не может всерьез верить в конечную победу».

В последний день 1944 года ужин состоял из водянистого перлового супа с черствым и безвкусным серым хлебом; на десерт Хелин подала консервированную мирабель — из запасов Деборы. В качестве сюрприза Хелин поставила на стол последние две бутылки вина, которые она заранее спрятала в платяном шкафу.

— Нам будет, чем чокнуться, — сказала она.

— На тебя и в самом деле можно положиться, — сказал Эрих и громко

захохотал.

В этот момент Беатрис поняла, что Эрих точно принял таблетки, так как в противном случае он сейчас пришел бы в неопишемую ярость. Весь декабрь он каждый вечер заглядывал в погреб, надеясь найти там какую-нибудь выпивку. Иногда он просто приходил в отчаяние, ибо так ничего и не смог найти. Сейчас он напустился бы на Хелин, узнав, что в доме оказывается было целых две бутылки вина. Но теперь он смеялся, говорил, что женился на самой умной, на самой лучшей женщине на свете, женщине, умеющей преподносить приятные сюрпризы. Хелин, сияя, сидела за столом, едва не лопааясь от гордости, слыша такие комплименты.

Эрих пил торопливо и много. В результате обе бутылки были пусты к полуночи и чокаться им пришлось горьким чаем из сушеных малиновых листьев.

— Тысяча девятьсот сорок пятый год, — патетически заговорил Эрих. — Я пью за этот особенный год! Это будет год решающей битвы. Год героической борьбы. Год доблестных мужчин и женщин, которые отдадут последние силы, для того чтобы принести конечную победу немецкому народу и немецкому Рейху! — он поднял чашку с отвратительно пахнущим чаем и крикнул: — Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — послушно повторила за ним Хелин. Беатрис подумала, что никто не будет возражать, если она воздержится от этой пустой фразы. Она чокнулась с Эрихом и Хелин, но промолчала.

В половине первого Эрих объявил, что желает видеть звездное небо и что Беатрис пойдет с ним. Она последовала за Эрихом на заднюю веранду и тотчас ощутила холодную влажность воздуха. Сырость неприятно пробирала до костей, и Беатрис с удовольствием вернулась бы в дом. Продолжавшийся уже несколько месяцев голод истощил ее, и эта зима казалась ей более холодной и промозглой, чем все прошлые зимы. Благодаря выпитому вину, Эрих, напротив — хотя он тоже сильно похудел и сдал — холода не чувствовал.

— Не видно ни одной звезды, — заметил Эрих, взглянув в черное, окутанное туманом небо. — Ни одной звезды в первую ночь этого особенного года. Только туман. Проклятый вечный туман. Здесь, на острове очень много туманов. Там, где я родился, в Берлине, их меньше.

«Наверное, потому что там меньше воды», — подумала Беатрис, но ничего не сказала. Она обхватила себя руками, изо всех сил стараясь не стучать зубами от холода.

— Нам настал конец, — сказал вдруг Эрих. Голос его не изменился, он говорил таким же безразличным тоном, каким ругал туман. — Германии

настал конец. Это знаю я, это знаешь ты. Я просто не хочу слишком сильно пугать Хелин.

— Думаю, — сказала Беатрис, — что Хелин тоже это знает.

Эрих махнул рукой, отмечая такую возможность.

— Хелин — сущее дитя. Она верит тому, что ей говорят, если это звучит достаточно убедительно. Ее нельзя воспринимать всерьез.

Туман окутывал их густой пеленой.

«Я схвачу воспаление легких», — подумала Беатрис.

— Я не знаю точно, как будет выглядеть этот конец, — сказал Эрих, — как он будет выглядеть для людей в Рейхе, а как для нас, здесь. Но, насколько я могу судить, он будет страшным. Он будет страшным, — Эрих прислушался, словно желая уловить отзвук своих слов, без следа проглоченных туманом.

— Происходят нехорошие вещи, — продолжал он, — людям пришлось много страдать. Я не говорю, что мы действовали неправильно, или лучше, что мы не думали, что поступаем правильно. Что мы не хотели сделать, как лучше.

Беатрис вспомнила колонны заключенных, которых видели все на острове, вспомнила истощенных, измотанных подневольных рабочих, их жалкие, отчаявшиеся или потухшие лица. Она вспомнила все, что слышала о пытках и лишениях, о голодных пайках и непосильном труде. Она вспомнила о Жюльене, который вынужден годами прятаться на тесном чердаке. Неужели те, кто все это делал, хотели лучшего?

— Но, конечно, мы делали ошибки, все делают ошибки, но теперь все обратят против нас, и у нас не будет возможности оправдаться, — сказал Эрих, — и у них не будет никаких оснований быть к нам милостивыми.

— Кто эти «они»? — спросила Беатрис.

— Победители. И история. Они вместе проклянут нас. И я хочу попросить тебя об одной-единственной вещи, Беатрис. Что бы ты ни услышала обо мне, какие бы мерзости на меня ни наговаривали, помни меня таким, каким знала все эти годы. Не дай запачкать мой образ, не дай окунуть его в грязь.

— Что вы сделали, сэр? — спросила Беатрис. — Что такого мне могут о вас рассказать?

Он покачал головой.

— Никто не будет делать между нами разницы. Всех нас постригут под одну гребенку. Они нарисуют на всех стенах наши дьявольские рожи. Не поддайся этому, Беатрис.

Она подумала о садистской радости, которую Эрих испытывал, мучая

Жюльена и Пьера. Наверное, дьявольская рожа уже горит на стене. Но такая возможность не приходила Эриху в голову. С каждой минутой он становился все более сентиментальным.

— Кто знает, доживу ли я до конца войны. Или переживу ли я его. Триумф победителей будет беспощадным. Может быть, они меня убьют.

Беатрис промолчала, но Эрих, кажется, и не ждал ответа.

— Я хочу, чтобы ты позаботилась о Хелин, если со мной что-нибудь случится, — неожиданно сказал он после долгой паузы, во время которой он пристально вглядывался в черноту ночи, а Беатрис раздумывала, не сказать ли ему, что она сильно замерзла. — Хелин — человек, который не может жить один. Она спасует перед трудностями жизни. Она слабая, а ты сильная, Беатрис. Ты должна позаботиться о ней, когда меня не станет.

— Я не думаю, что с вами что-то случится, сэр, — сказала Беатрис — отчасти из вежливости, а, отчасти, потому, что и в самом деле не верила, что Эрих лишится жизни. Его же вдохновила эта мысль. Он снова принялся описывать предстоящий конец войны, каким он себе его представлял. Говорил, что на их головы обрушится страшная гибель мира. Он в красках живописал месть победителей и утверждал, что не делал ничего, что не шло, по его мнению, на благо немецкого народа.

— Это же нормально, делать все для своей страны, ты не находишь, Беатрис?

— Я нахожу, что ужасно замерзла, сэр, — ответила Беатрис. Она была уже не в силах унять дрожь и стук зубов.

Он посмотрел на нее странным взглядом.

— Тебе холодно? А мне жарко. Меня сжигает внутренний жар. Это как лихорадка!

— Я пойду домой. Боюсь, что иначе я заболею.

Кажется, он пришел в некоторое раздражение от ее слов. Она перебила его в тот момент, когда он расписывал ужасы конца света. Вероятно, он понял, что она не воспринимает его слова всерьез.

— Хорошо, хорошо, иди в дом! — резко произнес он и махнул рукой. — Мне кажется, что здесь совсем не холодно, но если ты считаешь... — он воспринял ее жалобу на холод, как личное оскорбление, демонстративно провел на веранде еще целый час и вернулся в дом только тогда, когда Хелин и Беатрис уже собирались спать.

Два дня спустя он и Беатрис заболели гриппом.

Эрих оправился от болезни сравнительно быстро, но Беатрис пролежала в постели несколько недель. У нее грипп осложнился

воспалением легких. Ее лихорадило, она жаловалась на колющие боли в боку и бредила, воспринимая свои бредовые фантазии как нескончаемую пытку. Она часто видела в бреду Жюльена, и, приходя в себя, всякий раз боялась, что могла в бессознательном состоянии сказать что-то лишнее. Хелин неотлучно сидела у ее постели и могла услышать. В ее комнату часто заглядывал и Эрих. Дважды Беатрис с ужасом просыпалась, видя над собой склоненное к ней лицо Эриха. Каждый раз она кричала, как попавший в капкан зверек. Это сильно уязвляло Эриха, но он молчал, хотя и выглядел сильно удрученным. Однажды, когда Беатрис была в ясном сознании, она слышала, как Хелин спорила в ее комнате с Эрихом.

— Это же совершенная безответственность! Как ты мог так долго держать ее на улице? — сердито говорила Хелин. Она старалась говорить тихо, и у нее получалось какое-то злобное шипение. — Остается только молиться, чтобы она выжила!

— Но на крыльце было совсем не холодно. Было тепло!

— Ты сошел с ума. Это все таблетки, которые ты глотаешь горстями! Было ужасно холодно и сыро. К тому же она очень нежная, и, как все мы, истощена голодом. Она просто должна была заболеть!

— Но я тоже заболел.

— Это твоя вина. Да и болел ты не так тяжело, как она.

— Прекрати и веди себя тихо. Ты что, хочешь ее разбудить?

Беатрис плотно сомкнула веки. Они не должны знать, что она не спит.

Доктор Уайетт приходил каждый день и осматривал Беатрис. Часто она не замечала его визитов, но иногда чувствовала, что он находится рядом. Хелин всегда стояла рядом, поэтому всякие вопросы о Жюльене были исключены, но однажды, в каком-то полусне, Беатрис все же упомянула его имя.

— Где Жюльен? — спросила она.

Позже она вспоминала, как в этот миг большая рука плотно зажала ей рот. Помнила она и искаженное ужасом лицо доктора Уайетта.

— Что она сказала? — донесся откуда-то издалека голос Хелин.

Уайетт что-то пробормотал, и его ответ, видимо, удовлетворил Хелин, потому что она не стала больше ничего спрашивать. Опасность на этот раз миновала, но не окончательно. Наконец, однажды утром, доктор Уайетт облегченно вздохнул, констатировав, что у Беатрис нет лихорадки.

Между тем, была уже середина февраля, и в трубах завывал злой холодный ветер, когда Беатрис наконец без посторонней помощи встала с кровати. Беатрис ходила по дому на ватных, ослабевших ногах. Она так исхудала, что вся одежда болталась на ней, как на вешалке. Огромные глаза

выделялись на похудевшем и осунувшемся лице. Кожа приобрела синеватый оттенок, выглядела нездоровой и тусклой. Она вымыла голову, но это не прибавило волосам блеска. Это был упадок питания. Беатрис нуждалась в витаминах и здоровой пище, но ее не было, и Беатрис голодала и бедствовала, как и все остальные жители острова. В феврале в гавани острова бросил якорь пароход Красного Креста, привезший бедствующему населению еду и медикаменты, но их не хватило на всех, так как на Гернси было слишком много больных гриппом, слишком много стариков и ослабленных голодом людей. Беатрис еще повезло, что она жила в доме высокопоставленного офицера; благодаря привилегированному положению Эриха он получил много такого, чего не увидели остальные. Но и этого было недостаточно, чтобы поставить Беатрис на ноги — слишком долго и тяжело она болела.

Бледное мартовское солнце выманило Беатрис на улицу. Девушка была похожа больше не привидение, чем на живого человека — худая, бледная до прозрачности, с коричневыми тенями под глазами. Беатрис двигалась с осторожностью человека, который не уверен в силе своего тела. Она много плакала, не в силах смириться с охватившей ее слабостью, плакала оттого, что из-за слабости не могла даже взять в руки книгу и почитать. Вопреки советам доктора Уайетта и несмотря на истерики Хелин, Беатрис потащила в школу, думая, что на людях ей станет легче. Кроме того, она хотела привести свою жизнь в какой-то организованный порядок. Попытка оказалась неудачной. В классе Беатрис от слабости упала в обморок, вызвали немецкого врача и на машине скорой помощи девочку отвезли домой. К неопишуемому ужасу Хелин, Беатрис внесли в комнату на носилках.

— Она все еще нуждается в хорошем уходе, — серьезно сказал врач. — Состояние ее, прямо сказать, плохое. В школу ей не стоит ходить еще недели четыре.

Четыре недели растянулись на восемь. Состояние Беатрис никак не хотело улучшаться. Ноги подгибались, стоило ей сделать хотя бы один шаг. Когда к ней обращались, она, вместо ответа, принималась плакать.

— Это слабость, — сказал доктор Уайетт, когда пришел к Беатрис. — Ты плачешь от слабости, детка. У тебя просто сдали нервы. Тебе надо просто хорошо есть.

Но есть на острове было нечего; голодала даже семья немецкого офицера. Хелин собирала щавель и одуванчики и пыталась готовить их, как овощи; иногда они ели перловый суп, состоявший, по большей части, из воды, а в выходные им доставался серый хлеб, который и через неделю

тяжелым камнем лежал в желудке, создавая иллюзию насыщения.

С начала апреля с синего неба начало припекать солнце. Беатрис целыми днями сидела в саду. Жизнь начала понемногу возвращаться к ней. Солнечные лучи придали ей энергию, которую она не могла получить с пищей. Призрачная бледность постепенно сменилась коричневатым загаром, на ввалившихся щеках заиграл румянец. Настал день, когда Беатрис, наконец, смогла прогуляться до моря. Она долго стояла на берегу, вдыхая чистый соленый воздух, смотрела на солнце, сверкающими бликами отражавшееся от морских волн, и чувствовала, как к ней возвращаются силы. Жизнь одержала верх. Беатрис, как всегда, ощущала грызущий голод, но теперь она знала, что выдержит любые напасти, и что отныне все у нее будет хорошо. И, главное, скоро кончится война.

В эти апрельские дни 1945 года Германия была в агонии. Русские заняли Восточную Пруссию и Силезию, освободили Польшу и стояли у стен Берлина. С запада на территорию Германии продолжали наступать американцы, англичане и французы, занимая город за городом, местность за местностью. Города лежали в руинах, население быстро сдавалось, не обращая внимания на заклинания и призывы правительства Рейха. Мнение людей было единодушным: окончательное поражение немцев — вопрос недель. Скоро Гитлер капитулирует.

«Все кончилось, — думала Беатрис. — Теперь все, действительно, кончилось».

30 апреля, в подвале рейхсканцелярии, Гитлер пустил себе пулю в лоб.

2 мая русские заняли Берлин.

8 мая Германия капитулировала.

— Да, — сказала Беатрис, — так оно и было. Война, собственно говоря, уже закончилась. Но мы продолжали жить здесь с оккупантами и спрашивали себя, что будет дальше. Командование немецкого гарнизона острова капитулировало девятого мая, и тотчас после этого здесь появились наши английские солдаты. До середины мая все немцы были взяты в плен и вывезены с Гернси и других островов. Теперь все действительно кончилось.

Они все еще сидели на камнях у моря. Ветер разогнал последние облака, и солнце начало сильно припекать. Франка отвернулась, чтобы солнечные лучи не падали ей на лицо. У нее была очень чувствительная белая кожа, и Франка боялась солнечного ожога.

— Но Эрих застрелился еще до девятого мая, до капитуляции, — сказала она.

— Да, — подтвердила Беатрис, — он застрелился еще до капитуляции, первого мая, пятьдесят пять лет тому назад.

— Зачем он это сделал?

— Этого я не знаю. Действительно ли он так боялся мести победителей? Позже я много думала о том разговоре в новогоднюю ночь. Тогда он говорил о своем страхе, но я не приняла его всерьез. Он был пьян, наглотался таблеток, и вся его речь была пронизана сентиментальностью, которая для немцев... — она умолкла и рассмеялась. — Простите, Франка, вы ведь тоже немка. Я не хочу обобщать и плохо отзываться о вашем народе. Я имею в виду нацистов. Временами они впадали в невероятную сентиментальность. Они всегда были готовы лить слезы, когда речь заходила об их тяжелой судьбе. Наверное поэтому я не верила ни одному слову из того, что говорил Эрих. К тому же после Нового года я сразу заболела, и мне было уже не до этого. Думаю, правда, что я бы не стала об этом думать, даже если бы не заболела. Я восприняла все это за его обычную душещипательную болтовню, к которой он был очень склонен.

— Как он чувствовал себя до того, как застрелился? — спросила Франка. — Было ли в его поведении что-то особенное?

Беатрис отрицательно покачала головой.

— Он сильно нервничал. Но тогда нервничали все — и немцы, и англичане. Правда, немцы нервничали больше. На острове чувствовалось почти осязаемое напряжение. Все с утра до вечера слушали радио. Никто

не знал, что будет. Офицеры просто сходили с ума. В течение нескольких недель они не получали никаких приказов. Они голодали и были отстранены от всех дел. Они продолжали оккупировать острова у французского побережья, но в силу своей национальности уже потерпели сокрушительное поражение. Оккупация превратилась в фарс, и офицеры не знали, как с ним покончить. Они четко понимали, что им не избежать скорого плена. Сотни заключенных умерли на островах от голода и жестокого обращения. Предстоял суд и казни. Немцы не могли рассчитывать на снисходительное отношение.

— Но между ними и местными жителями сложились вполне дружеские отношения, — сказала Франка.

— «Дружеские отношения» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Но были любовные связи между немецкими солдатами и английскими девушками, а с лета сорок четвертого немцы и англичане совместно терпели нужду и лишения. Настоящей ненависти к оккупантам на острове не испытывал практически никто.

— Тогда Эриху было нечего бояться, — заметила Франка, — ведь здесь у немцев дела обстояли не так, как, например, в Чехословакии. Там можно было ожидать восстания, кровавой мести, и все это действительно произошло. Но здесь...

— Думаю, что Эрих просто не смог смириться с мыслью о поражении. Он был потрясен. Идея, в которую он верил, идея, которой он был предан, оказалась несостоятельной. Это был стыд, позор, понимаете? Он хотел избежать позора, но выход видел только в смерти. — Беатрис посмотрела вдаль, словно что-то ища взглядом на горизонте, но Франка понимала, что мысленно ее собеседница находится сейчас там, в майских днях сорок пятого года, и заново переживает тогдашние события.

— Спасти его мы не могли. Найти врача было невозможно. Уайетт ездил по острову, его жена не имела ни малейшего представления о том, где он находится. Потом выяснилось, что большинство врачей в тот момент находились в лагере военнопленных. Немцы были в панике от плохого состояния заключенных и в последнюю секунду попытались с помощью врачей как-то исправить положение. Но помочь пленным никто не мог. К тому же у врачей не было ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Ну и, — она посмотрела на Франку, вернувшись в реальность, — нам не удалось найти никого, кто мог бы ему помочь. Он умирал, а мы вынуждены были на это смотреть. Может быть, это и к лучшему. Во всяком случае, это было как раз то, чего он сам хотел.

Франка внимательно посмотрела на Беатрис.

— Вам было его жалко, Беатрис?

Беатрис достала из кармана джинсов измятую сигарету и зажигалку, стала прикуривать. Ветер задувал маленькое пламя, и Беатрис смогла прикурить только с пятой попытки.

— Было ли мне жаль Эриха? Сначала я подумала: он умер, и это хорошо. Я несколько не была к нему привязана. Он был нацистом, врагом. Он преследовал Жюльена, он разрушил нашу любовь. Нет, мне не было его жалко. Ни тогда, ни теперь, — она отбросила волосы со лба. — Но постепенно мне стало ясно, что и я проиграла в этой игре со смертью. Пожалуй, я потеряла даже больше, чем Эрих.

— Почему?

— Потому что он оставил мне Хелин, — коротко ответила Беатрис. В глазах ее явственно читалось отвращение, граничившее, как показалось Франке, с ненавистью. — Он оставил мне Хелин, и бывали моменты, когда мне становилось жалко только себя.

Самолет приземлился в Лондоне ровно в семнадцать тридцать. У Майи сильно билось сердце, когда она спускалась по трапу. В Лондоне она была всего два раза в жизни, и оба раза на дне рождения прабабушки Уайетт. День рождения был в августе, но его уже давно перестали отмечать, так как сама юбилярша, по достижении девяноста лет, объявила, что эти праздники стали ей в тягость и она не желает больше принимать подарки и выслушивать пожелания счастья. Майя находила это невозможной глупостью. Лично она и в сто лет не отказалась бы от подарков и почестей. Кроме того, прабабушка Уайетт своей мелочностью перечеркнула возможность каждый год ездить в Лондон за счет Мэй, потому что в случае семейного торжества она оплачивала перелет.

Так и получилось, что она, в свои двадцать два года, была вынуждена потратить последние пенни на эту поездку, да еще залезть в долги, чтобы оказаться в Лондоне. Правда, Мэй возместила ей все расходы. Не обошлось, правда, без нескончаемых увещеваний и требований при каждом удобном случае навещать миссис Уайетт.

— Можешь не возвращать мне деньги, если будешь время от времени навещать маму. Обещаешь? Она будет так рада. Да и мне ты сделаешь большое одолжение.

У Майи не было ни малейшего желания тратить время на посещение девяностопятилетней старухи, но она обещала Мэй, что будет «время от времени» ее навещать. Майе нужны были деньги Мэй, а, помимо того, ей стоило больших трудов убедить бабушку в целесообразности планов отправиться в Лондон и поселиться у Алана.

— Думаешь, Алан этого хочет? — с сомнением в голосе спросила Мэй. — Ты думаешь, что стоит тебе оказаться на пороге его дома, как он примет тебя с распростертыми объятьями? Что ты будешь делать, если он тебя не ждет?

Майя рассмеялась.

— Бабушка, Алан уже сто раз на коленях умолял меня приехать в Лондон и жить с ним. Он почтет за счастье, что я вдруг окажусь у его дверей.

— Когда ты разговаривала с ним в последний раз?

— В начале января, а что?

— Сейчас уже апрель. Ты же не знаешь, что произошло за это время в

его жизни. Может быть, у него другая женщина. Может быть, он переехал в другую квартиру. Может быть...

— Бабушка, не будь зловещей прорицательницей! У Алана ничего не изменилось. Он безнадежно влюблен в меня и будет изнемогать от любви до седых волос. Вот увидишь, все будет так, как захочу я.

Мэй вздохнула, порылась в бумажнике, достала чек и выписала аккредитив на четыреста фунтов.

— Это на крайний случай! В принципе, я хочу, чтобы эти деньги остались нетронутыми. Но в случае, если с Аланом ничего не выйдет, у тебя будут деньги на гостиницу и на обратный путь.

— Они не потребуются, но большое спасибо, — Майя небрежно взяла чек. — Я позвоню, когда буду в Лондоне, бабушка. Не волнуйся, я, как кошка, всегда падаю на ноги.

Тогда она говорила Мэй то, что думала, но сейчас, прилетев в Лондон, она испытывала какие-то смутные опасения. Надо надеяться, что Мэй была права со своим карканьем. Действительно, с того январского разговора она ничего не слышала об Алане. Обычно он звонил ей каждые две-три недели, интересовался ее делами и рассказывал о том, что происходило в его жизни.

Его исчезновение и молчание были подозрительными. С другой стороны, его молчание могло быть простым тактическим ходом. После того как он несколько лет буквально преследовал ее, Алан теперь решил изменить стратегию: он отдалился. Не давал о себе знать, залег на дно. Хочет заставить ее нервничать, заставить первой проявить активность.

«Он решит, что его новая тактика себя оправдала, — думала Майя, — когда я вдруг явлюсь перед ним. Тем более, что я все равно уже приеду. Он сможет спокойно праздновать победу. Главное, что я смогу у него остаться».

Алан жил на Слоун-Стрит, и Майя испытывала искушение поехать туда на такси. Но тогда она потратит последние наличные деньги, и останется только чек Мэй, которого ей, собственно, нельзя было касаться. «Хотя, — подумала она, — распечатать его, судя по всему, все же придется». Но сразу прибегать к последним резервам было неразумно, и скрепя сердце Майя решила поехать в метро.

Лондонская подземка в час пик превращается в ад, тем более, если приходится тащить за собой два чемодана на колесиках и нести на плече тяжеленную сумку. Стоял теплый апрельский день, в вагонах было нечем дышать. Майя сначала поехала не в том направлении, и ей пришлось пересест на другой поезд и проделать весь путь дважды. Ей показалось,

что прошло несколько часов, прежде чем она вышла на Слоун-Стрит, купаясь в поту. Она чувствовала себя липкой, грязной и абсолютно непривлекательной.

«Фантастика, — думала она, — на кого я похожа! Вот уж, воистину, на женщину, которая хочет неожиданно нагрянуть к мужчине, броситься ему на шею и дать понять, что отныне будет жить у него и на его деньги».

Алан ожидал увидеть за дверью кого угодно, только не Майю. Он стоял в гостиной и пил виски, второй раз за день, когда в дверь позвонили. Он на мгновение задумался: стоит ли вообще открывать? День выдался трудный, и Алан не хотел никого видеть и не желал ни с кем говорить. Однако в дверь позвонили еще раз, потом еще. Алан пошел к двери, от души надеясь, что это не Лиз, молодая женщина, с которой у него завязался короткий, на пару недель, роман. Он расстался с ней два дня назад, сам не зная почему. Она была привлекательна, интеллигентна, обладала чувством юмора и была влюблена в него, как кошка. Наверное, он сделал это, потому что она — не Майя. Наверное, он будет расставаться со всеми женщинами, потому что они не Майя.

Он открыл дверь и увидел Майю.

Алан буквально лишился дара речи, но заговорила Майя.

— Привет, Алан. Внизу, на лестничной площадке стоят два чемодана, которые я не смогла втащить наверх. Ты не принесешь их? И скажи мне, пожалуйста, где ванная. Мне надо принять душ.

Он молча открыл дверь ванной, и Майя юркнула туда с быстротой молнии. Он слышал, как она повернула ключ, а потом полилась вода. Он, как последний дурак, поплелся вниз, спустился по трем лестничным маршам и по очереди затащил в квартиру оба чемодана, в которых, судя по всему, лежали мельничные жернова.

«Надолго ли она ко мне пожаловала?» — подумал он.

В чемоданы и сумку она, скорее всего, засунула все свое движимое имущество. Алан постепенно пришел в себя и понял, что не испытывает ничего, кроме раздражения. Как это типично для Майи — свалиться ему на голову, навязывая ему свои решения, свою волю. И он, как бессловесная тварь, бегом бросился выполнять ее приказы. С другой стороны, не мог же он оставить внизу чемоданы и не пустить Майю в ванную. Он слышал, как жужжит фен, а Майя напевает какую-то песенку. Вероятно, она пребывает в безоблачном настроении.

Естественно, ведь все идет так, как она хочет.

Он вошел в гостиную, налил себе еще виски и подумал, есть ли в холодильнике шампанское. Майя захочет выпить бокал, а, может быть, и не

один, а потом они, скорее всего, пойдут ужинать в какой-нибудь дорогой, шикарный и великосветский ресторан.

Зачем ее принесло в Лондон?

Он принялся беспокойно мерить шагами гостиную. Прошло еще довольно много времени, прежде чем Майя вышла из ванной. Она завернулась в большое пушистое полотенце, на голых плечах живописно блестели капельки воды. Наверное, она нанесла их перед выходом специально, так как душ она приняла уже довольно давно и успела высохнуть. Волосы Майи блестели, она накрасила губы и подвела тушью ресницы, sprysнула себя духами. Когда она пришла, вид у нее был измотанный и помятый, но теперь от усталости не осталось и следа. Она выглядела уверенной, юной, свежей и заряженной энергией. Глаза ее сияли.

— У тебя не найдется сигареты? — спросила она. — И чего-нибудь выпить.

Алан молча протянул ей открытую пачку сигарет. Когда он давал ей прикурить, она так близко наклонилась к нему, что он ощутил аромат ее волос и тела. На него тотчас нахлынули все те томительные чувства и желания, которые мучили его сутками напролет. Почему, черт возьми, он не может со всем этим покончить? Почему он с ней давно не распрощался? Он испытывал настоятельную потребность сказать ей слова, которые он должен, просто обязан ей сказать. Он должен ей объяснить, что она, коль скоро она приехала, может, конечно, у него переночевать, но завтра соберет вещички и уедет. Она не должна думать, что он позволит ей помыкать собой и будет плясать перед ней на задних лапках, что он...

«О боже, — устало подумал он, — я же никогда ей этого не скажу. Я снова начну подбирать крошки, которые она будет мне бросать. Она будет торжествовать, потому что все пойдет так, как хочет она».

Она легонько провела пальцами по его лбу.

— У тебя над переносицей появилась морщинка, — сказала она. В ее голосе он уловил нежность и хрипотцу, от которой по спине его пробежал холодок. — Что случилось? Ты не рад, что я приехала?

Он рассмеялся — тихо и смиренно.

— Чего ты ожидала, Майя? Что я запрыгаю на одной ножке от счастья? Я не знаю, зачем ты здесь, не знаю, что у тебя на уме.

— Ты собирался дать мне выпить, — напомнила ему Майя.

Он встал и вышел на кухню. По счастью, в холодильнике действительно лежала бутылка ледяного шампанского. Алан поставил ее в охладитель и понес в гостиную. Майя сидела на ковре, прислонившись спиной к дивану и окидывая комнату трезвым критическим взглядом. Она

даже не пыталась скрыть, что мысленно оценивает стоимость каждой вещи.

«Она так и осталась алчной сопливой девчонкой, — подумал Алан, — и будет такой всегда».

Она торопливо выпила шампанское и протянула Алану пустой бокал — чтобы он налил еще.

— У тебя здесь красиво, — сказала она. — Квартира очень элегантно обставлена. Она тебе идет. Мне здесь нравится.

— Спасибо, но ты так и не ответила на мой вопрос.

— Ты же ни о чем не спрашивал.

— Я сказал, что не знаю, что у тебя на уме. В известном смысле, это вопрос.

Она кокетливо улыбнулась.

— И как ты думаешь, что у меня на уме?

Он поймал себя на том, что снова морщит лоб.

— Не то, Майя. Давай говорить, как разумные люди. Ты сваливаешься мне на голову с двумя громадными чемоданами, на полчаса оккупируешь мою ванную, а потом садишься — красивая и живописная — в моей гостиной и хлопаешь глазами. Тем не менее, ты чего-то хочешь. Мне кажется, что тебе просто нужно бесплатное жилье в Лондоне.

Она капризно надула губы.

— Алан, ты и в самом деле можешь быть холодным и противным. Я...

— Майя! — резко перебил он ее. — Брось эти фокусы. Я не растаю от того, что ты широко раскрываешь глаза и говоришь писклявым голосом. Веди себя, пожалуйста, как взрослая женщина.

Очевидно, она поняла, что он говорит вполне серьезно. Она выпрямилась и плотнее закуталась в полотенце. Взгляд ее стал холодным и сосредоточенным. Она выглядела так соблазнительно, что Алану хотелось протянуть к ней руки и привлечь к себе.

— Хорошо, Алан, поговорим откровенно. Да, я хочу остаться в Лондоне. Я сыта по горло жизнью на Гернси. Она скучна, и я не вижу там для себя никаких перспектив. Моя семья думает, что я уехала в Лондон на пару месяцев, но на самом деле я не хочу возвращаться домой. Я здесь, и я останусь здесь, и надеюсь, что ты мне поможешь.

— На что ты собираешься жить?

— Я поищу работу, — отважно произнесла Майя, — но, конечно, я не смогу найти ее за один день.

— Конечно, нет. На какую работу ты рассчитывала?

Самоуверенность Майи несколько потускнела. Алан понимал, что

задал самый важный вопрос, вопрос, на который у Майи не было готового ответа. Она торопливо затянулась сигаретным дымом.

— Господи, Алан, тебе обязательно нужен этот допрос с пристрастием? Мы сидим здесь, вдвоем, за окном чудесный весенний вечер, тихо шумит транспорт... все может быть таким прекрасным, а ты снова создаешь какие-то проблемы. Я же здесь! — она вызывающе посмотрела на него. — Эй! Ты все еще этого не понял? Я здесь! Я сделала то, чего ты всегда от меня хотел. Я приехала к тебе! И хочу остаться с тобой!

Он не мог дальше сдерживаться. Он должен, обязательно должен к ней прикоснуться. Он осторожно погладил ее пальцем по щеке. Какая у нее бархатистая кожа...

— Я слишком хорошо тебя знаю, — сказал он тихо, — и поэтому не могу представить, что ты делаешь это без всякого расчета. Я уверен, что ты хочешь в Лондон, а не ко мне. Я просто удачно тебе подвернулся, потому что в Лондоне тебе надо где-то жить.

Полотенце соскользнуло вниз, обнажив тело Майи, и Алан не понял, сделала ли она это намеренно, или все произошло случайно. У нее были красивые груди, и он точно знал, каковы они на ощупь. Он смотрел на ее тонкую талию, на нежные полуокружности ребер, на мягкую округлость бедер.

— Может быть, тебе лучше одеться? — сказал он.

— Но для этого мне надо распаковать чемоданы, а я не знаю, разрешишь ли ты мне это сделать.

Он вздохнул.

— Ну конечно разрешу. Я не хочу, чтобы ты, — он сделал неопределенный жест, — расхаживала по дому в таком виде.

Она задумчиво посмотрела на него.

— В самом деле? Тебе это неприятно?

— Это опасно.

— Для тебя или для меня?

— Для меня. Я слабее.

Она снова закуталась в полотенце, завязала его над грудями и встала.

— Ты пригласишь меня на ужин? Ради этого я, конечно, оденусь.

— Естественно, приглашу. И очень охотно.

Он смотрел ей вслед, когда она выходила из комнаты, понимая, что она уже победила, и подозревал, что она тоже это понимает.

Вечер прошел на удивление удачно. Алана смутил уже тот вид, в каком

Майя вышла из ванной, где она одевалась. Обычно ему всегда было больно смотреть на ее внешний вид; она предпочитала слишком короткие юбки, слишком низкие вырезы кофточек и блузок, высоченные шпильки, груды украшений и тонну макияжа на лице. Но сегодня, очевидно, она решила радикально поменять стиль. Майя выпорхнула из ванной в брючном костюме цвета морской волны и в белой шелковой сорочке с высоким воротником. На Майе не было никаких украшений, если не считать маленьких перламутровых сережек и золотого браслета. Не хромала она и на привычных уже высоченных шпильках. Оттенок губной помады — во всяком случае, для нее — тоже можно было назвать вполне приличным. Выглядела она, как светская дама — взрослая, чужая, обновленная и достойная доверия.

«Боже, — подумал он, — как я ее люблю. Я буду любить ее всегда». Эта мысль привела его в ужас. Он ничего не слышал о ней в течение последних трех месяцев, он не звонил ей и надеялся, что постепенно забудет ее. Теперь же он понял, что чувство его осталось таким же, как прежде. Оно ни на йоту не изменилось. Он полюбил ее еще крепче в ее новом обличье. Она стала другой.

Но недоверие, тем не менее, продолжало звучать в его душе в полный голос. Он знал Майю уже несколько лет. Знал, что она может быть расчетливой и коварной, когда речь заходит о выгоде. Зачем она приехала в Лондон? Ради него? Или ее просто влечет большой город, и она хочет использовать его квартиру как стартовую площадку?

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он вслух.

Ее ответ ограничился деловым «спасибо». Она не стала кокетливо хлопать ресницами, не попыталась повернуть ситуацию в свою пользу. Помолчав, она добавила:

— Мы идем? — и он в ответ кивнул и озадаченно поспешил за ней.

Он предложил пойти к итальянцу «за углом», и Майя радостно согласилась, что еще раз удивило Алана. Майя любила все шикарное, светское и дорогое. Она хотела видеть интересных людей, хотела и себя показать. До выхода из дома Алан мог бы поклясться, что она потащит его в «Риц».

Вместо этого она и в самом деле удовлетворилась итальянским ресторанчиком, с удовольствием ела непритязательную лазанью и пила «Пино Гриджо» и не сэкономила калории на десерт. Она рассказала Алану, что происходит на Гернси, не упомянув о своих любовных приключениях, ограничившись рассказом о Мэй, Беатрис и Хелин.

— Эта женщина из Германии снова живет у твоей матери, — сказала

она, — та женщина — как ее? — Франка. Я встретила ее и Хелин в Сент-Питер-Порте. Бабушка говорит, что на этот раз она пробудет на Гернси долго. Кажется, у нее какие-то проблемы с мужем. Ты ее близко знаешь?

— В прошлом году я привез ее домой на машине. У нее что-то не сложилось с бронированием гостиничного номера, и я привез ее к матери. Мы довольно долго с ней разговаривали, но, естественно, я не могу сказать, что хорошо ее знаю.

Он вспомнил теперь ту пугливую, робкую, незаметную женщину с немецким акцентом и красивыми глазами, в которых было столько неуверенности, что они никогда не смогли бы его околдовать. Она избегала смотреть в глаза и вообще напоминала испуганную лань. Алан вспомнил, что в тот момент подумал: кто так поступил с этой женщиной, что она стала так плохо относиться к себе?

— Бабушка, конечно, постаралась побольше разузнать о ней у твоей матери, — сказала Майя. — Ты же знаешь, ее интересует буквально все, что происходит на острове. Пусть даже речь идет о женщине, как эта Франка, в которой при всем желании невозможно найти ничего привлекательного, — это была прежняя Майя, от критического взгляда которой не было пощады ни одной женщине.

— Она, вообще, похожа на корову, испугавшуюся грозы, в ней нет никакого очарования, ты не находишь?

Алан не стал бы судить Франку так строго, но не стал возражать. В этот момент Франка не интересовала его ни в малейшей степени. С каждой секундой он все глубже подпадал под чары Майи.

— Ну, Беатрис не особенно разговорчива, и бедная Мэй так ничего от нее и не добилась, но она все же поняла, что эта милая Франка сбежала от мужа, — она рассмеялась. — Ну вот, теперь ты все знаешь. Больше о Гернси, при всем желании, рассказывать нечего.

Он внимательно смотрел на Майю через стол. На улице, между тем, стемнело, и лицо ее освещалось только горевшими на столе свечами. Без макияжа она выглядела очень молодо, казалась невинной и беззащитной.

«Может быть, — с надеждой подумал он, — она и в самом деле изменилась».

— Зачем, — спросил он, когда они, выйдя из ресторанчика, рука об руку шли по улице, — ты, все-таки, приехала в Лондон?

Она долго молчала, и Алан уже подумал, что она не расслышала вопрос, когда Майя вдруг заговорила.

— Я обдумывала ответ, Алан. Моя жизнь катится по наезженной колее... Нет, собственно говоря, она катится без всякой колее, и в этом моя

проблема. У каждого моего дня нет ни начала, ни конца. Недели, месяцы проходят абсолютно бесцельно. Я принимаю вещи такими, какие они есть, наслаждаюсь моментом, но не задумываюсь о будущем, — она остановилась. — Знаешь, это было хорошо для той фазы, когда я была молода.

Она говорила так серьезно, что Алан невольно рассмеялся.

— Господи, Майя, если бы ты знала, как ты еще молода!

Она сморщила лоб.

— Да, возможно. Но мне уже за двадцать. Ты же сам в январе говорил, что мне пора навести порядок в моей жизни.

Алан не мог поверить своим ушам. Она, оказывается, слушала его, и слова упали на плодородную почву. Он затаил дыхание.

— Майя...

— Я пока не знаю, что из всего этого выйдет. Но я думала, что когда окажусь здесь, то сумею найти и нужную дорогу. Я думала... — она сделала паузу, — что ты сможешь мне как-то помочь. Найти дорогу, хочу я сказать. Ибо, в конце концов... ну, нет другого мужчины, который знал бы меня лучше, чем ты.

Алан внезапно почувствовал себя глубоким стариком. Ему вспомнилось слово «папик». Кажется, она решила поручить ему эту роль, но он был не уверен, что она ему нравится.

— Ты хочешь сказать, — произнес он, — что я могу быть для тебя хорошим советчиком. Поэтому ты и приехала.

Она скупно улыбнулась. Его осторожность, стремление дуть на воду, были, конечно, видны как на ладони.

— Советчиком, — задумчиво повторила она, — нет, в такой роли я тебя, пожалуй, не вижу. Скорее, я вижу в тебе человека, которого люблю. Ты бы хотел начать с этого, или для тебя это слишком интимно?

Она и раньше иногда говорила о любви, особенно в первые недели их отношений. Но со временем он понял, насколько легкомысленно звучит это слово в ее устах. Понял, насколько небрежно и вольно она бросалась им — только потому, что ее мужчинам доставляло удовольствие воображать, что она их любит. Ее «я тебя люблю» ничего не стоило, это признание мог услышать каждый, кто хорошо смотрелся или хорошо ей услужил. Он разрывался между страстным желанием услышать от Майи эти слова и презрением, какое они у него вызывали.

Но на этот раз, как ему показалось, она произнесла слово «люблю» по-другому — мягче и серьезнее. Выражение лица было теплым и искренним.

Но недоверие и осторожность не хотели исчезать. Естественно, ведь

ему уже сорок три года, и он не может легко переходить от одного чувства к другому. Он протянул руку и нежно погладил Майю по щеке.

— Давай просто посмотрим, что из этого выйдет, — сказал он.

Михаэль не давал о себе знать целую неделю, а потом вдруг позвонил дважды в течение двух дней. Первый раз ему ответила Беатрис и сказала, что Франка на берегу, гуляет с собаками. Михаэль попросил передать ей, чтобы она перезвонила ему, когда вернется. Франка попыталась позвонить ему вечером, но никто не взял трубку.

— Наверное, он у своей любовницы, — огорченно сказала она Беатрис.

— Тебе больно? — спросила Беатрис, внимательно глядя на Франку.

Молодая женщина задумалась.

— Немного. Но не очень. Все уже прошло.

На следующее утро Михаэль позвонил сам. Он был явно расстроен.

— Тебе не передали, что я просил тебя позвонить? — спросил он вместо приветствия.

— Я звонила, но тебя не было дома. Между прочим, здравствуй.

— Здравствуй, — он решил не развивать тему своего отсутствия дома. — Я собственно, хочу лишь узнать, когда ты собираешься возвращаться?

Франке показалось примечательным, что он задал этот вопрос таким небрежным тоном.

— Меня удивляет, что это вообще тебя интересует, — сказала она.

— Почему, собственно, это не должно меня интересовать? — раздраженно спросил Михаэль.

Франка знала, что Хелин сидит на кухне и изо всех сил прислушивается к разговору, стараясь не пропустить ни слова. Но, в конце концов, Франке было все равно.

— Ты, кажется, смотришь теперь не в мою сторону, — сказала она. — В твоей жизни появилась другая женщина. Чего же ты хочешь от меня?

Слова Франки безмерно удивили Михаэля.

— Но ты же моя жена.

— За последние годы, ты, кажется, основательно об этом забыл.

Он нервно вздохнул.

— Понятно, ты хочешь выяснения отношений. Но на самом деле ты этого не хочешь, и никогда не хотела. Ты всегда воздерживалась от споров. В тебе слишком силен страх услышать неприятную правду, не так ли?

— Михаэль, я...

— Знаешь, давай перестанем переливать из пустого в порожнее. Я признался, что у меня есть женщина. Ты не можешь спорить с тем, что в этом есть и твоя вина.

«Это не может быть правдой», — подумала Франка.

— Как бы то ни было, но это ненормальное положение, — продолжал Михаэль. — Я уже говорил тебе, что убежав из дома, ты не сможешь убежать от своих проблем. Я буду очень рад, если ты как можно скорее вернешься домой.

— А потом?

— Что значит — потом?

— Михаэль, что будет дальше? Я буду сидеть дома и ждать, когда ты вернешься от любовницы, а ты будешь пропадать ночами, не соблаговоллив поставить меня в известность — придешь ты сегодня домой или нет. Ты считаешь такое положение нормальным?

— Но не можешь же ты неделями сидеть на Гернси!

— Я пробуду здесь до тех пор, пока не решу, как мне жить дальше. Михаэль, я еще относительно молодая женщина. Моя жизнь не может ограничиваться сидением в четырех стенах и ожиданием мужчины, который давно уже не принимает меня в расчет!

— Так, и в этом, похоже, опять виноват один я! — возмущенно воскликнул Михаэль. — Кто из нас добровольно заперся в доме? Я тебя не заставлял! Я никогда не говорил, что ты должна бросить свою профессию! Я никогда не говорил, чтобы ты не высовывала нос за дверь. Я никогда не заставлял тебя морщиться при одном упоминании о гостях. Я никогда...

Полный праведного гнева Михаэль без умолку выплевывал рубленые фразы, квинтэссенцией которых было: он не виноват ни в чем, а она, Франка, во всем. «Но это, — устало подумала она, — было ясно и раньше».

— Так когда ты вернешься? — спросил Михаэль, очевидно исчерпав весь запас упреков.

— Когда приду к решению относительно моего будущего, — ответила Франка и, не попрощавшись, положила трубку.

Когда она шла на кухню, оттуда вышла Беатрис с непроницаемым каменным лицом, прошла мимо и вышла, громко хлопнув дверью.

— Что с ней? — удивленно спросила Франка.

Хелин сидела за столом и перемешивала в чашке чая невероятное количество сахара.

— Здесь только что была Мэй, — ответила Хелин, — и рассказала, что Майя уехала в Лондон и теперь живет у Алана. Беатрис ничего не сказала, но сразу замкнулась в себе и сильно изменилась в лице. Потом она вдруг

встала и вышла. Наверное, пошла на берег, выплескивать свою ярость.

— Но отчего она так разозлилась? — спросила Франка.

Она чувствовала себя не совсем уверенно, потому что до сих пор переживала разговор с Михаэлем. Надо было переварить его слова, но Франка пока и сама не знала, насколько ей это удастся.

— Да садитесь же, — сказала Хелин, — только сначала возьмите чашку. Попейте со мной чаю, это пойдет вам на пользу. Лицо у вас очень бледное. Вы опять поругались с мужем?

Франка села и налила себе чай. Он был горячий и пахнул пряностями. «Действительно, это то, что ей сейчас нужно», — подумала она.

— Мой муж хочет, чтобы я вернулась домой, — сказала она, — но я не могу себе этого даже представить. Меня пугает сейчас понимание того, что я не могу себе представить, что вообще когда-нибудь туда вернуться.

— Вы примете решение и сообщите ему об этом, — сказала Хелин.

Франка кивнула.

— Но мне нужно время. Речь идет о моем будущем. В известном смысле... речь идет о моей жизни.

Она отхлебнула чай. Вкус оказался таким же приятным, как запах.

— Что происходит между Майей и Аланом? — спросила она. Ей показалось, что теперь надо отвлечься от Михаэля и всех мыслей о нем.

Хелин тяжело вздохнула, но по ее глазам было видно, что она не прочь посудачить.

— Ну, у Майи и Алана уже несколько лет тянутся отношения, — принялась рассказывать она. — Точнее говоря, это отношения, которые часто прерываются, потому что Майя никогда не была всерьез привязана к Алану. Наверное, для этого она слишком молода.

— Сколько ей лет?

— Двадцать два. Алану — сорок три. Это все же большая разница в возрасте. Но, знаете ли, когда речь идет о любви...

— Но со стороны Майи здесь ее может и не быть, или я не права?

Хелин покачала головой.

— Майя просто неспособна любить. Между нами говоря, она просто маленькая шлюшка. Думаю, что она переспала со всеми мужчинами на Гернси, кроме Кевина, и то только потому, что он придерживается другой ориентации. К этому надо прибавить туристов... Словом, девушка жила весело, и нет никаких оснований думать, что в обозримом будущем она изменится.

— Почему Алан участвует в этой комедии? Я, правда, знакома с ним мимолетно... — она подумала о встрече с ним в тот теплый сентябрьский

день прошлого года. — Он красивый мужчина. Он интеллигентен и, как мне кажется, успешен. Найдется много женщин, которым он будет интересен. У него нет никаких причин годами давать водить себя за нос какой-то нимфоманке.

— Вокруг Алана постоянно увиваются женщины, — согласилась Хелин, — но у него проблемы с алкоголем. Вы об этом знаете? Но это не отпугивает большинство женщин. Скорее, наоборот. Вероятно, каждая из них мнит себя ангелом-спасителем, который прилетит на крыльях любви и вылечит. Но Алан... — она пожала плечами. — Он не хочет никого, кроме Майи. Он бежит к ней, стоит ей поманить его пальчиком. И он сильно страдает, когда она отворачивается от него и уходит к другому.

— Но почему тогда она все время крутится возле него?

— Об этом спрашивает и Беатрис. Она не ждет от этой связи ничего хорошего. Беатрис прямо сказала Мэй, что ее внучка хочет шикарно жить в Лондоне, а Алан, как последний простофиля, будет за это платить. Мэй обиделась, а Беатрис страшно волнуется.

— Она говорила об этом с Аланом?

— Он взрослый человек, ему за сорок. Он не желает слушать мать. Она это знает и поэтому не звонит.

— Может быть, Майя изменилась.

— Я говорила об этом. Но Беатрис подняла меня на смех. Она не видит в Майе ничего хорошего.

— А вы видите?

Хелин задумалась.

— Боюсь, в данном случае Беатрис права. Нельзя, правда, огульно и навечно осуждать человека. Конечно, Майя может измениться. Но мне кажется, что никто на острове не думает, что это на самом деле возможно.

Франка мелкими глотками пила чай. Она очень устала; ей казалось, что эта усталость — после разговора с Михаэлем — свинцовой тяжестью навалилась ей на плечи. Если подумать, то она всегда, на протяжении всех последних лет, испытывала усталость, когда говорила с ним, и даже тогда, когда просто молча сидела с ним за одним столом. Михаэль как будто высасывал из нее все жизненные соки, всю энергию. Бывали моменты, когда ей становилось лучше, когда она чувствовала, что становится сильнее; но приходил Михаэль и, образно говоря, протыкал иглой воздушный шарик. Воздух со свистом выходил, и оставалась одна обвисшая оболочка.

«Обвисшая оболочка, — подумалось Франке. — В его глазах я никогда не была чем-то большим».

Нет, надо непременно отвлечься от мыслей о Михаэле. Он, словно привидение, поселился в ее мозгу и не собирался никуда уходить. Франка слишком хорошо знала, какая карусель докучливых и изматывающих мыслей завертится в ее голове, если не выгнать оттуда Михаэля.

— Отец Алана жив? — спросила она. — Я хочу сказать, они с Беатрис в разводе, или она вдова?

Хелин тотчас понизила голос.

— Не знаю, имею ли я право об этом рассказывать... — было, однако, ясно, что она об этом *расскажет*. — Кроме меня, об этом знает только Мэй, и я думаю, что она хранит эту тайну.

— О чем?

Хелин заговорила еще тише, и Франке пришлось напрячь слух, чтобы понять слова собеседницы.

— Человек, который был мужем Беатрис, Фредерик Шэй, не был отцом Алана!

— Нет?

— Нет, она ему изменила — и плодом этой измены стал Алан.

— О...

— Да. Беатрис тогда провела на Гернси целое лето. Это было... — Хелин задумалась, — в пятьдесят шестом или пятьдесят седьмом году... нет, в пятьдесят шестом. В тот год она долго пробыла здесь. Она хотела продать родительский дом и искала покупателя.

— Где она тогда жила?

— По ту сторону пролива, в Англии, в Кембридже. Шэй был там профессором колледжа. Беатрис решила не возвращаться на Гернси, и Шэй уговорил ее продать родительскую усадьбу. Сама она никогда бы до этого не додумалась — в конце концов, я продолжала жить в этом доме.

Для Хелин, очевидно, было очень важно подчеркнуть это обстоятельство. Негодяй был Шэй, а не Беатрис. Франка все же сомневалась, что дела обстояли так, как излагала их Хелин. Скорее всего, Беатрис тоже была полна решимости сжечь за собой все мосты. Судя по тому, что Франка уже знала, Беатрис очень хотела — хотя бы отчасти — удалить Хелин из своей жизни.

— Я часто ездила к ним в гости в Кембридж, — продолжала Хелин, — и мне никогда не приходило в голову, что Фредерик что-то имеет против меня. Он был всегда так дружелюбен... Но, думаю, что втайне он всегда интриговал против меня.

— Почему, — спросила Франка, — после войны вы не вернулись в Германию, на родину?

— Вы слишком молоды, — ответила Хелин, — и не жили в то время. После войны вдруг выяснилось, что в Германии никто не был за нацистов. Если бы вы тогда послушали немцев, то узнали бы, что все они в душе были борцами сопротивления. Это означало, что на всех, кто достоверно служил нацистам, на всех, кто чего-то достиг в Рейхе, свалили всю вину. Эрих был мертв, но продолжал оставаться идеальным воплощением образа вездесущего врага. Как его вдова... Господи, я просто боялась. Я не хотела возвращаться, потому что в Германии на меня все показывали бы пальцем.

— Но ваша семья, наверняка, осталась в Германии.

Хелин отрицательно покачала головой.

— Нет. Только мать. Но она еще до войны оказалась прикованной к постели. В возрасте пятидесяти лет она перенесла тяжелый инсульт и с тех пор нуждалась в уходе. Она жила в доме инвалидов и никого не узнавала, даже меня.

— С тех пор вы ни разу не были в Германии?

— Была. Один раз. В апреле 1951 года я ездила на похороны матери, но на следующий же день вернулась назад.

— Я не могу понять одного, — сказала Франка. — Мне все же кажется странным, что здесь вы чувствовали себя лучше. Немцы были здесь оккупантами в течение пяти лет. Не могли же люди относиться к вам, как к друзьям!

— В последний год оккупации, когда наступил голод, здесь на острове возникла своего рода солидарность между немцами и местными жителями, — возразила Хелин. — Беатрис наверняка вам об этом рассказывала. Естественно, была враждебность, направленная, в том числе, и против меня. Но все держались в рамках. В целом здесь мне было лучше, чем если бы я вернулась в Германию.

— Но вы же были здесь совсем одни. После того, как Беатрис уехала...

Лицо Хелин помрачнело.

— Я никогда не понимала, почему она покинула Гернси, — резко произнесла она, — сразу после войны... Ну, хорошо, допустим, она хотела выяснить, что случилось с ее родителями. Для этого она, естественно, должна была поехать в Лондон. Но после этого она не захотела возвращаться. Она, правда, приехала, чтобы окончить школу, а потом уехала учиться в Саутгемптон. Я заклинала ее остаться. Но она отвечала, что не хочет разводить розы, а я говорила, что, ради бога, пусть она этого не делает, что есть и другие возможности заработать на жизнь. Но она не хотела оставаться в родительском доме, потому что ее родители, как она узнала, погибли во время войны.

— О нет! — в ужасе воскликнула Франка.

Хелин многозначительно кивнула, и Франке вдруг показалось, что ее собеседница не очень печалилась по этому поводу. От этой мысли ей стало страшно. Надо остеречься, подумала она, чтобы без предубеждения относиться к Хелин.

— Как умерли ее родители?

— Отец погиб в 1941 году во время бомбежки. Его тело извлекли из-под развалин учреждения, где он работал ночным сторожем. После этого мать впала в тяжелейшую депрессию. Она ушла из дома своей сестры и с тех пор жила в восточном Лондоне в совершенно асоциальных условиях. Она ничего не знала о судьбе единственного ребенка и, к тому же, потеряла мужа. Соседи рассказали Беатрис, что она пила, чтобы заглушить боль, ее часто видели на улице пьяной уже в девять утра. В конце 1944 года она много выпила, а потом отравилась снотворными таблетками, — Хелин тяжело вздохнула. — Ужасная трагедия. В возрасте шестнадцати лет Беатрис осталась круглой сиротой. У нее осталась только я.

— Трагедия, в которой виноваты нацисты, — напомнила ей Франка. — Если бы они не оккупировали Гернси, то семья продолжала бы жить мирно и счастливо. У Беатрис не было из-за этого проблем? Я имею в виду проблем с вами, как с одной из тех... кто принадлежал к врагам?

По выражению лица Хелин было видно, что Франка коснулась болезненного места, но Хелин быстро оправилась и взяла себя в руки.

— Нет, — холодно ответила она. — Такой проблемы у нее не было. Я была ее лучшей подругой, ее приемной матерью, ее защитницей. Она знала, что я никогда не отождествляла себя с идеологией нацизма. Она умела отделять мух от котлет.

Франка решила не развивать дальше эту тему. Хелин очень четко изложила свою правду, и в этом уже ничего нельзя было изменить. Наверное, нет смысла пытаться изменить образ мыслей восьмидесятилетней женщины.

— Так кто же отец Алана? — спросила Франка, вернувшись к началу разговора.

— Один француз. Жюльен. Во время войны он работал у нас.

— Жюльен? Она снова с ним встретилась?

— Вы о нем знаете? — изумленно спросила Хелин.

Франка не знала, что именно известно Хелин, и, поэтому она уклончиво ответила:

— Беатрис несколько раз упоминала о нем.

На лице Хелин отразилось недовольство. Она с удовольствием бы

осталась единственной наперсницей Беатрис.

— У нее с Жюльеном был во время войны роман, — сказала она, снова перейдя на шепот. — Это была неприятная история, в которую она меня тогда, к сожалению, не посвятила. Я бы могла ей помочь. Но ладно, после войны Жюльен уехал во Францию, Беатрис — в Англию, и они не общались, как мне кажется, несколько лет. В то лето, в 1956 году, они случайно встретились здесь, на острове. Жюльен приехал с женой, чтобы познакомиться ее со своим прошлым, но, видимо, не рассчитывал, что неожиданно столкнется с Беатрис. Старые чувства вспыхнули с новой силой. Да, это был очень романтический момент... Как бы то ни было, они начали встречаться, и Беатрис до конца лета так и не нашла покупателя, да, к тому же еще и забеременела.

— Она рассказывала вам об этом?

— Нет, но я все поняла из отношений. Когда же родился ребенок, я смогла сложить два и два. Отцом его мог быть только Жюльен.

— Что было потом? — спросила Франка после долгой паузы.

— А потом, — ответила Хелин, — я поехала к Фредерику Шэю и все ему рассказала.

Тиканье кухонных часов внезапно оглушило Франку. Ей показалось, что она ослышалась.

— Что, что? — спросила она наконец.

— Брак с Фредериком Шэем был расторгнут, — невозмутимо произнесла Хелин, — и Беатрис с ребенком вернулись ко мне.

Вечером снова позвонил Михаэль и поинтересовался, когда Франка думает вернуться домой. Франка ответила, что не знает.

— Из каких, собственно говоря, средств ты собираешься оплачивать свою авантюру? — ледяным тоном спросил Михаэль.

— У нас есть счет в местном банке, — напомнила ему Франка.

— У нас? Это у меня есть счет. Ты должна раз и навсегда уяснить, что это мои деньги!

— У меня есть доверенность на распоряжение счетом. Много лет ты считал, что я вполне способна сюда ездить и для тебя...

— Господи, такие вещи не обсуждаются по телефону, — зашипел Михаэль, — ты, кажется, и в самом деле ни о чем не догадываешься!

— Я знаю. Ты объясняешь это мне ежедневно на протяжении уже почти десяти лет.

— Наверное, потому, что это действительно так.

Она с трудом удержалась от того, чтобы положить трубку. Но нельзя же каждый раз так заканчивать разговор.

— Почему бы нам на некоторое время не воздержаться от телефонных разговоров? — предложила она. — Позволь мне решить, как жить дальше, а за это время ты и сам сможешь подумать, что делать дальше тебе. Нам обоим нужно для этого время.

— Не вижу такой необходимости. Прежде всего, нет никакого смысла обдумывать то, о чем мы не можем друг с другом поговорить. Это ни к чему не приведет.

— Михаэль, — сказала Франка, — у тебя есть любовница. Ты должен сам, без меня, решить, нужна она тебе или нет. Не надо об этом со мной разговаривать, я ничем не смогу тебе помочь.

— Ага, ты хочешь жить на Гернси и тратить мои деньги до тех пор, пока я с покаянием не вернусь к тебе?

«Какой же он мерзкий», — подумала Франка почти с состраданием.

— Я не думаю, что я здесь напрасно трачу наши деньги, — строго сказала она, — и речь идет не о том, чтобы ты, каясь, вернулся ко мне. Речь идет о том, чтобы ты принял решение. Каким бы оно ни оказалось — ты должен его принять.

— Ты говоришь, как школьный завуч, — раздраженно сказал Михаэль и на этот раз сам, не прощаясь, положил трубку.

Франка пошла в столовую, где сидела Беатрис. На столе перед ней стоял стакан красного вина и лежала развернутая газета. Но Беатрис не читала. Погруженная в свои мысли, она бесцельно смотрела в стол.

— Я не помешала? — спросила Франка.

Беатрис вздрогнула и подняла голову.

— Нет, конечно, нет. Я не могу понять, который теперь час. Вы не хотите поесть? Боюсь, что я сегодня не буду ничего готовить, но...

— Нет, нет, спасибо, я не голодна. Можно мне выпить глоток вина? Только что звонил мой муж, а меня страшно угнетают его звонки.

— Пейте, сколько хотите, — сказала Беатрис и пододвинула Франке бутылку, — у меня это сегодня будет тоже не последний бокал. Мне надо укрепить силы.

Франка достала из шкафа бокал и села рядом с Беатрис.

— Вас тревожит Алан? — неуверенно спросила она. — Хелин сегодня намекала на это.

— Насколько я знаю Хелин, она никогда ни на что не намекает, а подробно рассказывает, — сказала Беатрис и добавила, видя, как изменилось лицо Франки: — Не переживайте, ничего страшного. Я и так уже много вам рассказала, и пара лишних деталей здесь уже ничего не изменят. Вы можете все узнать и от меня.

— Где сейчас Хелин?

— Ужинает с Мэй. Мэй страшно обиделась, потому что я сказала ей, что Майя дрянь и потаскуха, и теперь Хелин хочет ее морально поддержать. Якобы ради нашей с ней дружбы, но на деле она заботится о себе. Мэй часто возит ее в магазины и в кафе, и Хелин панически боится, что все это кончится, если мы с Мэй окончательно разругаемся.

— Эта история с Майей не угрожает вашей дружбе?

Беатрис беспечно махнула рукой.

— О, пустяки! Мэй и без того знает, что я думаю о Майе, я говорила ей об этом уже сто раз. Наверное, она в этот раз надулась из-за формы, в какой это было сказано. Единственный человек, на которого ее рассказ может произвести впечатление, — это Хелин.

— Вы говорили с Аланом?

— У меня руки чешутся взять трубку и позвонить, — призналась Беатрис, — но я всякий раз удерживаю себя. Алану сорок три года. В сущности, я не имею права вмешиваться в его жизнь.

— Я не могу понять, почему он так привязался к Майе, — сказала Франка. — Да, она смазливая девочка, но я не увидела в ней ничего особенного, никакой изюминки. На ее месте могла бы быть любая другая женщина.

— Он хочет только ее. Не спрашивайте меня, почему. Почему люди влюбляются друг в друга, почему любовь иногда так захватывает человека, что он не может отделаться от нее, даже если его постоянно унижают и оскорбляют? Или само это страдание делает невозможным разрыв отношений? Иногда я думаю, что Алан не сможет покончить с этими отношениями до тех пор, пока не установится равновесие сил. Но может быть, я просто мудрствую и придаю всему слишком много несуществующего смысла. Может быть, в Майе есть нечто такое, что очаровывает его и не дает уйти.

— Она сейчас с ним?

На лице Беатрис не дрогнул ни один мускул, но глаза затуманились.

— Да, она с ним. Наверное, убеждает его в том, что безумно его любит, что сильно изменилась. Он, конечно, ухватился за эту соломинку и крепко за нее держится. Но она, несомненно, снова обманет его, и он опять будет страдать.

— Вы не сможете его защитить, — тихо сказала Франка, — защитить надолго. Он уже взрослый.

Беатрис зажгла сигарету и нервно затянулась дымом. Франка видела, что она часто так курит.

— Я знаю. Я сама все время себе это говорю. Это его жизнь, его опыт, его шишки, которые он должен набить. Но, с другой стороны, это же мое дитя. И он всегда останется им.

— Вы сильно к нему привязаны?

— Я воспитала его одна. Может быть, поэтому наши отношения стали такими тесными. Не было равновесия. Не было партнера, мужа, на плечи которого можно было бы переложить часть груза. Мы всегда были вдвоем — Алан и я.

— И Хелин, — тихо подсказала Франка.

Беатрис поморщилась.

— Верно. Я чуть не забыла про Хелин. Хелин разрушила мой брак с Фредериком Шэем — она рассказала вам об этом? Вы, конечно, должны были вместе с ней пережить эту, поставленную ею, драму — как развивалась история с Фредериком, когда она поняла, что я ускользаю из ее рук...

НОЯБРЬ 1952 — СЕНТЯБРЬ 1953 ГОДА

Той осенью, семь лет спустя после войны, Беатрис болела, болела душевно. Она бродила по туманному Лондону и видела вокруг безнадежность, зеркально отражавшую ее внутреннее состояние. Бегством в бурную деятельность она отреагировала на окончательный разрыв с Жюльеном и на известие о смерти родителей. Она вернулась на Гернси и окончила школу. Пресытившись вечными слезами и жалобами Хелин, она уехала учиться в Саутгемптон. Она удержалась на поверхности, перебиваясь многочисленными случайными заработками, ходила по Лондону в пальто со слишком короткими рукавами и в дырявых туфлях. Она училась, надрывалась на работе, но смогла, по крайней мере, в то время, идти прямо к цели, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Теперь все осталось позади. В кармане был диплом по английской и романской филологии, но работу она найти не смогла и провалилась в какую-то черную дыру. Ее захлестнули события, страхи, заботы; они душили ее, рвали на части. Впервые у нее появилось чувство, что смерть родителей окончательно опустошила ее, причинила боль, от которой было трудно дышать. Она вдруг поняла, что потеряла все. В мире не осталось ни одного человека, который принадлежал бы ей. С немногочисленными родственниками, жившими в Англии, она практически не общалась, и они

были ей чужие. Дебора и Эндрю умерли. Она чувствовала, что не сможет вернуться и на Гернси. Остров и дом стали для нее невыносимыми. Значит, и родины у нее теперь не было. Все, что у нее осталось — это скорбь и боль.

Она жила в восточном Лондоне, в удручающей обстановке рабочего квартала, где до сих пор оставались нетронутыми разрушения, причиненные немецкими бомбами. Здесь не было части крыши, там окна с выбитыми стеклами были забиты фанерой. Во дворах, а иногда и на улицах, громоздились груды строительного мусора. Летом над стеной покачивалась покрытая листвой ветка дерева, но теперь, осенью, листва опала, и отвратительные голые сучья скрипели на ветру под безрадостным осенним небом, усиливая впечатление полной безнадежности.

Беатрис снимала квартиру на Бридж-Лэйн, в сером грязном доме, перед дверью которого никогда не высыхала большая лужа. На ступеньках валялся мусор, а на площадках стояли пустые бутылки. Обитателями дома были, в большинстве, безработные, многие из них, к тому же, беспробудно пили. Большие семьи в страшной тесноте ютились в крошечных квартирках. Жестокие ссоры и драки были в порядке вещей. Беатрис не могла их не замечать, и это внушало ей еще больший страх, опустошало и расстраивало ее. Свои жалкие гроши она зарабатывала, преподавая французский язык богатым светским дамам, и ей было невыносимо каждый вечер возвращаться из фешенебельных домов Западного Лондона в убогий полуразрушенный квартал, где она жила. Не для того она училась, чтобы из последних сил вбивать французскую лексику и грамматику в тупые головы избалованных пресыщенных женщин. Но выбора у нее не было. Даже исполнение давней мечты — получить работу в книжном издательстве — не принесло ей счастья. Потери, которые она пережила, подтачивали ее душу. Чувство внутренней пустоты и одиночества давило к земле. Иногда ее томительно тянуло на Гернси, она вспоминала луга, крутые скалы, вид моря и неба, которое было выше и чище неба над Лондоном. Но каждый раз, когда Беатрис отдавалась этим чувствам, позволяла себе такие мысли, она тотчас расплачивалась за них болью неотвязных воспоминаний; в голову тотчас вторгались мысли о родителях, о детстве, о розах и о тепле, которым был когда-то наполнен каждый день ее жизни. Вспоминала она и годы войны, то странное время, которое теперь казалось ей порождением страшного сновидения. Снова возникало то глухое, безысходное чувство, от которого сдавливало горло и становилось трудно дышать; от этих мыслей и чувств ей переставали повиноваться руки и ноги; казалось, что тяжкая печаль замедляет даже биение сердца.

«Не думать об этом! — каждый раз приказывала она себе, — только не думать!»

Хелин бомбардировала ее письмами, в которых заклинала вернуться домой.

«Чего ты ждешь от Лондона? — писала она. — От этого холодного отвратительного города, в котором ты никого не знаешь, где нет ни одного человека, которому бы ты могла довериться? Здесь, на Гернси, у тебя есть друзья. Здесь у тебя есть я!»

Иногда Беатрис казалось, что именно из-за Хелин она не хочет возвращаться домой. Ей была невыносима мысль о том, чтобы жить с Хелин в одной семье, каждый день близко сталкиваться с ней. Сама Беатрис ни на секунду не считала Хелин своей приемной матерью, в роли которой она сама так охотно себя видела. Однажды, когда к ней в Лондон приехала Мэй, Беатрис поговорила с ней о проблеме с Хелин. Мэй была удивлена до глубины души.

— Мы все думали, что ты к ней сильно привязана, — сказала она. — Если это не так, то почему ты не выставишь ее прочь? По какому праву она расселась в твоём доме?

— Но не могу же я ее просто выгнать.

— Ты не обязана за нее отвечать.

Это была правда. Но поскольку в тот момент Беатрис так или иначе не собиралась возвращаться на Гернси, ей было удобно иметь человека, который заботился бы о доме в ее отсутствие. В известном смысле Хелин помогла отсрочить окончательное решение вопроса о родительском доме. С этим, благодаря Хелин, можно было подождать, выйти из депрессии и надеяться, что время само подскажет, что делать дальше.

Беатрис почти не выходила из дома, иногда бывала в баре, да и то только тогда, когда выкраивала для этого немного денег, что случалось достаточно редко. Она сильно колебалась, когда одна из ее учениц пригласила ее на фортепьянный вечер.

— Не знаю, придусь ли я по вкусу вашим друзьям, — неуверенно ответила она. — Может быть, мне лучше остаться дома?

— О, вы, естественно, понравитесь нашим друзьям! — воскликнула в ответ миссис Чендлер. — Беатрис, вы прелестный человек, своим приходом вы доставите мне большую радость!

Миссис Чендлер была в высшей степени экзальтированной дамой, и Беатрис понимала, что ей просто интересно и занимательно заполучить в собрание светского общества учительницу французского. Чендлеры жили в большом красивом доме в Виндзоре, и, в принципе, Беатрис ходила к ним с

большим удовольствием, несмотря на то, что добираться туда ей было очень далеко. Сама мысль о том, что придется идти туда холодным ноябрьским вечером, а возвращаться поздней ночью, не внушала Беатрис оптимизма и даже пугала, но она решила, что выбора у нее нет. Миссис Чендлер не только щедро ей платила, но и баловала едой, а иногда и одеждой. Было бы глупо обижать именно эту женщину.

Предстоящий вечер, тем не менее, вселял в нее почти мистический ужас. Ей пришлось надеть одно из платьев, подаренных ей миссис Чендлер, потому что среди своих вещей она при всем желании не смогла бы найти ничего подходящего для вечера в избранном обществе. Беатрис понимала, что весь вечер будет мучиться от мысли о том, что все присутствующие дамы сразу узнают черный бархатный костюм, в котором она сама чувствовала себя неуютно и фальшиво. Доехать до Виндзора было несложно, но от автобусной остановки надо было довольно долго идти пешком до дома Чендлеров. Обычно она ездила к ним днем, и никаких проблем не возникало, но этим темным, почти зимним вечером Беатрис показалось, что она шла целую вечность. Туман пропитал сыростью пальто, сквозь ветхую ткань и тонкий бархат проникал до самой кожи. Беатрис забыла надеть шляпу или платок и чувствовала, как волосы мокрыми прядями липнут к голове. Когда она наконец добралась до дома Чендлеров, щеки ее горели от холода, а, посмотрев в зеркало в прихожей, Беатрис поняла, что выглядит, как драная кошка. Какая же она худая. Она ушила костюм, но он все равно болтался на ней, как на вешалке.

«Своей привлекательностью я могу поспорить с огородным пугалом», — обреченно подумала она.

В доме собралось около шестидесяти гостей. Все были, видимо, очень богаты; во всяком случае, на всех была хорошая одежда и дорогие украшения.

— О, — заметила одна, сильно пахнувшая дорогими духами дама в длинном облегающем платье, — как оригинально! Этот костюм выглядит на вас совершенно не так, как на миссис Чендлер! Вы намного стройнее, не так ли?

Она не стала дожидаться ответа, отвернулась, кивнула какому-то знакомому, и, испустив радостный вопль, бросилась к нему на шею. Такое поведение, как убедилась Беатрис, было обычным в приличном обществе и считалось проявлением высшего шика. Все демонстрировали преувеличенные чувства, пытаясь создать впечатление, что их любят, и как много у них близких друзей. Беатрис находила это фальшивым, но никого, кроме нее, это, кажется, нисколько не волновало. Она чувствовала себя

жалкой и одинокой. Держа в руке бокал вина, Беатрис бесцельно бродила по комнатам, делая вид, что разглядывает книги на полках и картины на стенах, но в действительности, она просто скользила по ним глазами, тоскуя по своей тесной убогой квартирке, где она могла уединиться, просто закрыв за собой входную дверь.

Прошла целая вечность, прежде чем миссис Чендлер позвала гостей к столу. Это время показалось Беатрис вечностью, потому что она понимала, что не сможет уйти до ужина, а чем дальше оттягивалось его начало, тем позже придется ей прощаться. По комнатам первого этажа было расставлено множество столов на восемь персон каждый. Карточек с именами на столах не было, и Беатрис тщетно обошла пять столов, но сестре ей не удалось, так как каждый раз ей намекали, что места зарезервированы для других гостей, и что ей следует поискать место за другим столом. Она вспотела от стыда, стоя посреди зала под равнодушными взглядами гостей и не зная, куда приткнуться. Наконец, она нашла место за столом, поставленным в зимнем саду. Ветка какого-то неизвестного ей растения впивалась ей в волосы всякий раз, как она откидывалась назад. Гостям, сидевшим за этим столом, было от семидесяти до девяноста лет. Говорили о войне. Одна дама, сын которой погиб в Дюнкерке, разразилась слезами, когда какой-то господин начал пылко описывать блистательную операцию по эвакуации английских солдат. Господин был туговат на ухо, и не сразу сообразил, что рядом с ним сидит человек, для которого Дюнкерк связан с другими, не столь славными ассоциациями. Только когда дама, отодвинув стул, встала и выбежала из-за стола, до него дошло, что он говорит не вполне уместные вещи.

— Я сказал что-то не то? — уязвленно спросил он.

Но никто не потрудился объяснить пожилому джентльмену, в чем дело. Все продолжали ковыряться в тарелках, делая вид, что ничего особенного не произошло. Беатрис уже примирилась с мыслью, что ей придется пробыть на этом вечере еще некоторое время, что она просто должна это сделать и выдержать, как бы трудно это ни было. Вероятно, она была единственным человеком за этим столом, а, возможно и единственной гостьей вечера, кто пережил немецкую оккупацию, и ей было ясно, что она одним своим словом могла бы привлечь к себе всеобщее внимание, если бы начала рассказывать. Но она не захотела. И не смогла.

«Собственно, я, вообще, никому об этом не рассказывала, — подумала Беатрис. — Даже миссис Чендлер не знает, что я родом с Гернси».

К одиннадцати часам со всеми блюдами меню было покончено, и Беатрис, извинившись перед миссис Чендлер, сказала, что уходит, так как

ехать ей очень далеко, но миссис Чендлер не желала ее слушать.

— Сейчас придет пианист! Это же кульминация вечера! Я ни в коем случае вас не отпущу!

«Ей не придется тащиться пешком три мили до автобусной остановки, — с горечью подумала Беатрис, — а потом дрожать на ней от холода, не зная, придет ли автобус».

Пианист оказался угреватым молодым человеком с длинной тонкой шеей. Костюм был широк ему в плечах. Юноша то и дело нервно потирал руки. Концертный рояль поставили в гостиной. Пока гости ели, слуги рядами расставили стулья, но для всех места, естественно, не хватило, и многим гостям пришлось стоять в дверях и в холле. Миссис Чендлер порхала по гостиной, без устали повторяя, какой замечательный юный талант почтил своим присутствием их общество. Она говорила так, словно сама открыла это юное дарование, и, наверное, подумала Беатрис, так оно и есть.

Она очень устала и была сильно подавлена. Ей удалось занять место на стуле и ее несколько не волновало, что она, молодая женщина, сидит, в то время как некоторым старым хрычам, сидевшим с ней за одним столом, приходится стоять. Беатрис не хотела быть вежливой. Ей хотелось, чтобы весь этот вечер поскорее кончился.

Молодой пианист сыграл несколько вещей Шопена, потом перешел к Генделю. Насколько могла судить Беатрис, играл он, действительно, мастерски. Нервозность его прошла, он был сосредоточен и уверен. «Его кто-то открыл, — подумала Беатрис, — и мне следовало бы за него порадоваться».

Она изо всех сил старалась не вслушиваться в мелодию. Музыка сильно волновала ее, заставляла острее чувствовать одиночество, напоминала о душевной печали. Здесь, среди множества людей, она чувствовала себя более одинокой, чем в своей тесной комнатке. Никто из этих людей не имел к ней ни малейшего отношения. Никто ее не знал, никто не интересовался ее жизнью. Она была им чужой, и никто из них не спешил открыть ей дверь.

Миссис Чендлер объявила короткий антракт, но почти никто не встал с места, чтобы не лишиться его. Беатрис тоже осталась сидеть, тем более, что она не знала, куда ей пойти.

Сидевший рядом с ней господин, на которого она до сих пор не обращала внимания, наклонился к ней.

— Он одаренный молодой музыкант, — сказал он, — вы не находите?
Она кивнула.

— Без сомнения, он очень талантлив. Без него этот вечер потерял бы всякий смысл.

Он улыбнулся.

— Вам здесь не нравится?

— Не могу точно сказать, — ответила Беатрис. Она была гостьей миссис Чендлер и не хотела плохо отзываться о вечере. — Боюсь, что я здесь лишняя, — вымолвила она наконец. — Я здесь никого не знаю. Миссис Чендлер пригласила меня с самыми добрыми намерениями, но...

Она не закончила фразу. Наверное, сосед догадается, что она имеет в виду.

Он протянул ей руку.

— Меня зовут Фредерик Шэй. Теперь вы здесь кого-то знаете. Вы знаете меня.

Беатрис заставила себя улыбнуться.

— Да, кажется, я понемногу делаю успехи. Меня зовут Беатрис Стюарт. Я учу миссис Чендлер французскому языку.

— Вы учительница?

— Собственно, нет. Я изучала в университете романскую и английскую филологию, но в данный момент не могу найти работу. Приходится подрабатывать частными уроками.

Ей показалось, что в его глазах мелькнуло восхищение.

— Вы изучали романскую филологию? Вы любите Францию?

— Я никогда там не была, — ответила Беатрис, — но я люблю французский язык и литературу. Я жила очень близко от Франции, на Гернси. Там люди считают себя наполовину французами.

— Как это интересно, — сказал Фредерик Шэй. По глазам было видно, что говорил он вполне искренне. — Гернси. Значит, вы пережили немецкую оккупацию?

— Да, — сказала Беатрис, — пережила. Но я не хочу об этом говорить.

Он понимающе кивнул.

— Естественно. Простите, если я причинил вам боль.

— Вы не могли этого знать.

— Тем не менее, прошу меня простить.

— Вам не за что извиняться.

Фредерик Шэй рассмеялся.

— Так мы можем препираться до бесконечности.

Беатрис тоже засмеялась.

— Тогда давайте просто оставим эту тему.

Фредерик Шэй был на машине и настоял на том, что отвезет ее домой,

когда услышал, как далеко ей придется добираться до дома.

— Это не подлежит обсуждению, — сказал он. — Уже далеко за полночь. Автобусы, вероятно, уже не ходят. Я не могу отпустить вас одну в такую темень.

Они стояли в прихожей и ждали, когда горничная принесет им пальто.

— Как жаль, что вам надо уезжать! — с чувством воскликнула миссис Чендлер. — Может быть, вы все-таки еще ненадолго останетесь? Здесь только сейчас становится по-настоящему приятно!

— Нет, большое спасибо, — в один голос ответили оба. Они оба стремились уехать с праздника, и Фредерик заметил, что поскольку полночь уже наступила, то их отъезд не будет слишком ранним.

Фредерик вел машину сам. Дождь превратился в снежную крупу, но туман рассеялся, и видимость стала лучше. Фредерик вел машину сосредоточенно и немного напряженно.

— Прошу меня простить, — извинился он, — но у меня проблемы с ночным зрением. Приходится ехать очень осторожно.

Беатрис уже знала, что Фредерик — профессор Кембриджского университета, что он учился в одной школе с миссис Чендлер и поэтому был на правах старого знакомого приглашен на вечер. В течение последнего года он жил в Лондоне, куда его отпустили для научной работы в университетской лаборатории. Фредерик Шэй был биологом, и Беатрис с интересом слушала рассказ о его работе. Пока они ехали в машине по темным лондонским улицам, она несколько раз искоса взглянула на него. У него были темные волосы и очень светлые глаза, светлое, почти прозрачное лицо отличалось тонкостью черт. Ей понравился его точеный профиль и изящные руки, вцепившиеся в руль. Впервые за долгое время — впервые после Жюльена — она заинтересовалась мужчиной как мужчиной. Это удивило и одновременно смутило ее. Этот интерес никак не гармонировал с печалью и горечью. Она и сама пока не знала, хочет ли она, чтобы треснул панцирь, которым она себя окружила.

Когда они наконец подъехали к ее дому, снег уже лежал тонкой пеленой на тротуарах и крышах домов. Фредерик Шэй проводил Беатрис до подъезда.

— Мне было бы очень приятно, если бы мы с вами еще раз увиделись, — сказал он на прощание. — Вы разрешите вам позвонить?

— У меня нет телефона, — ответила Беатрис.

Он задумался.

— Когда вы бываете у Чендлеров? Я попытаюсь застать вас там.

Она сказала ему расписание занятий, и он пообещал его запомнить. Но

когда они попрощались, Беатрис подумала: «Нет. Я не хочу его больше видеть. Я не хочу впутываться в любовные истории».

Фредерик Шэй не бросал слов на ветер. Он звонил каждый раз, когда Беатрис была у Чендлеров, и каждый раз пытался пригласить ее на обед. Но Беатрис каждый раз говорила, что у нее нет времени, тотчас противясь любой его попытке встретиться с ней. Миссис Чендлер, естественно, поняла, что происходит, и буквально осадила Беатрис, убеждая ее оставить неуместную сдержанность.

— Фредерик — очаровательный мужчина, — без устали уверяла она Беатрис. — Конечно, на первый взгляд он кажется чудачком не от мира сего, кажется погруженным в себя, но на самом деле он очень интересный и интеллигентный человек. Вы просто должны с ним встретиться.

— У меня много других дел, — возражала Беатрис.

В ответ миссис Чендлер возмущенно фыркала.

— Не так уж у вас много дел, дитя мое. В этом-то и проблема. Вы никак не можете найти работу. Время, которое вам подарено, вы можете со спокойной совестью потратить на Фредерика Шэя.

Так прошел декабрь. Ранним утром двадцать четвертого декабря Беатрис села на пароход, направлявшийся на Гернси. Она ехала почти против воли, ибо с куда большим удовольствием осталась бы в Лондоне и забаррикадировалась в своей квартирке и в своей безутешности. Но Хелин одолела ее письмами, в которых убеждала приехать, и Беатрис, скрипя зубами, решила наконец уступить этому натиску. Она не видела Хелин почти год и боялась, что та в один прекрасный день окажется у ее дверей, если она и дальше будет откладывать приезд.

На море был шторм и холод, плавание оказалось сущей катастрофой. Беатрис было так плохо на нижней палубе, что она боялась умереть в этой духоте, и поэтому, несмотря на сильный ветер и холод, выбралась на верхнюю палубу — бледная, как мел, прижимая руку к животу. Она надеялась, что на воздухе ей станет лучше, но в конце концов покорилась судьбе, повиснув на леерном ограждении. Когда они наконец прибыли в Сент-Питер-Порт, колени Беатрис были ватными и дрожали, как осиновый лист. Хелин ждала ее на пристани с машиной. Хелин выглядела уверенно и элегантно. Щеки ее горели румянцем от мороза.

— Боже, да что с тобой? — были ее первые слова. — Ты бледна как стенка и к тому же совсем отоцала. Нет, тебе нельзя жить в Лондоне! Там ты слишком мало ешь и спишь!

— Чепуха, — раздраженно ответила Беатрис. Она ужасно себя

чувствовала, но желудок начал понемногу успокаиваться. — Я подхватила морскую болезнь, вот и все. Морское путешествие зимой имеет свои прелести, можешь мне поверить!

— Я же не виновата, что случился шторм, — жалобно сказала Хелин, испуганно и немного плаксиво. — Я же не могу...

— Ты же просто вынудила меня приехать сюда, — сказала Беатрис и швырнула чемодан на заднее сиденье. — Если бы я осталась в Лондоне, то у меня не было бы никаких проблем.

Глаза Хелин влажно заблестели.

— Ты и правда собиралась праздновать Рождество без меня?

— Хелин, прошу тебя, не устраивай этот спектакль с Рождеством, — нервно ответила Беатрис. — Это не играет абсолютно никакой роли, где и с кем провести этот день. Я не могу понять, как можно сходить с ума из-за таких пустяков!

— А я не могу понять, как можно быть такой холодной, — уязвленно сказала Хелин. — Я думала, что мы — одна семья. У нас же больше никого нет!

Беатрис чувствовала, что для продолжения разговора у нее просто нет сил. Она плюхнулась на переднее сиденье, мысленно посылая к черту свой желудок.

— Вези меня домой, — устало попросила она. — Мне все равно. Единственное, что мне нужно — это немного выпить и поспать в теплой постели.

Она проспала до вечера, потом встала, чувствуя себя свежей и здоровой. Она посидела с Хелин в столовой перед камином. Они разговаривали и пили портвейн. Потом Беатрис недолго погуляла у моря, отыскивая дорогу в свете луны и мерцающих звезд. Шторм утих, сухой холодный воздух пахнул зимой, уснувшим вереском и ледяной водой. Беатрис дышала глубоко и ровно. После лондонской суеты, после тамошней вони и тесного скопления людей, остров представился ей убежищем — райским и тихим. Она понимала, что самое разумное, что она может сделать — это остаться здесь, найти работу и наслаждаться покоем, который мог дать ей только Гернси. Но она хорошо понимала, что из этого ничего не выйдет. Старая боль напала на нее, словно взбесившийся пес, когда она стояла на берегу и смотрела на лунную дорожку, протянувшуюся по морю до самого горизонта. Память о прошлых событиях была жива и бередила старые душевные раны Беатрис. Жизнь на Гернси будет для нее невыносимой.

На следующее утро они с Хелин обменялись рождественскими

подарками. День, как и предыдущий, был холодный и ветреный. Завернувшись в теплые халаты, женщины сидели у камина и распаковывали подарки. Собственно, распаковывала одна Беатрис, потому что Хелин очень быстро покончила с этим делом. Она получила в подарок книгу, которую Беатрис — невольно испытывавшая теперь что-то вроде угрызений совести — выбрала для нее без особой любви. Буквально в последнюю секунду перед отъездом Беатрис вдруг вспомнила, что нужно купить рождественский подарок, забежала в книжный магазин и схватила с полки первую попавшуюся книгу. Речь в ней шла о животном мире Кении, о предмете, которым Хелин никогда в жизни не интересовалась. Она с изумлением прочитала название, но быстро взяла себя в руки и принялась пылко благодарить.

— Чудесная книга! Большое тебе спасибо, Беатрис. Я прочту ее и узнаю о вещах, о которых до сих пор не имела никакого представления!

Напротив, Беатрис потребовалось больше получаса на то, чтобы открыть и развязать все пакеты и свертки. Стало ясно, что Хелин очень серьезно думала о подарках и изо всех сил постаралась купить то, что, как она думала, могло порадовать Беатрис. Нейлоновые чулки, меховые перчатки, французский крем для лица, серебряные часики, мохеровый платок, перламутровые сережки и многое, многое другое. Из последнего пакета Беатрис извлекла тяжелую серебряную рамку с черно-белой фотографией Хелин. Она сфотографировалась с распущенными по плечам светлыми волосами и со сладкой ангельской улыбкой. Беатрис фотография показалась слишком сахарной, она никогда не поставит ее на стол в своей квартире. Но сейчас она сделала вид, что портрет ей очень понравился.

Хелин просияла.

— Теперь я всегда буду с тобой! Ах, Беатрис, — порывисто вздохнув, Хелин обняла ее, — ты не представляешь, как мне тебя недостает, как я скучаю по тебе, когда ты в Лондоне! Ты не представляешь, как я хочу, чтобы ты снова оказалась здесь! Ведь у нас с тобой на всем белом свете есть только мы!

«Рядом с тобой я постоянно испытываю патологический страх», — подумала Беатрис и высвободилась из объятия. Почему Хелин не найдет себе какого-нибудь симпатичного мужчину, не выйдет за него замуж и не забудет меня на веки вечные?

В обед позвонил Фредерик Шэй и пожелал Беатрис веселого Рождества. Трубку взяла Хелин, которая, с изумленным видом войдя в столовую, объявила, что с Беатрис хочет поговорить какой-то господин.

— Какой господин? — рассеянно отозвалась Беатрис, углубившаяся в

книгу о кенийской фауне.

— Кэйн или Шэйн или что-то в этом роде, — ответила Хелин. — Кто это? Лондонский знакомый?

— Профессор биологии, с которым я познакомилась на званом вечере, — сказала Беатрис и встала. — Господи, откуда он узнал номер телефона?

Как выяснилось, Фредерик — через миссис Чендлер — узнал, что Беатрис уехала на Гернси. От той же миссис Чендлер он узнал фамилию Хелин и позвонил в справочную, где ему и сказали номер телефона.

— У твоей знакомой, как будто, немецкая фамилия, да и говорит она с акцентом. Она живет на Гернси со времен оккупации?

— Да, — коротко ответила Беатрис. Она видела, что Хелин, наострив уши, стоит в дверях гостиной.

— Мне, — продолжал Фредерик, — было бы, конечно, безумно приятно встретиться с вами на Рождество в Лондоне, но я понимаю, что вам хотелось поехать домой.

— Вы остались в Лондоне, не поехали в Кембридж?

— Что мне делать в Кембридже? Меня там никто не ждет, — сказал Фредерик. — Здесь, в Лондоне я хотя бы могу спокойно работать.

— Как продвигается работа?

— В принципе, неплохо, — он ненадолго замолчал. — Мне очень жаль, что мы с вами так и не смогли встретиться, — продолжил он наконец, — и у меня такое чувство, что я вам сильно докучаю. Это было бы мне очень неприятно, и я, конечно, пойму, если вы скажете, чтобы я больше не звонил вам.

— Вы несколько мне не докучаете, — ответила Беатрис. Мысленно она проклинала Хелин, которая, как вкопанная, стояла на месте, не желая пропустить ни одного слова. — Я лишь... Я не знаю, хочу ли я впутываться в какие-то отношения.

— Вы ни во что не впутаетесь, если мы с вами просто пообедаем.

— Конечно, нет, — она вдруг показалась себе полной дурой. — Конечно, не впутаюсь.

— Так я могу пригласить вас на обед в Лондоне в начале января?

Беатрис сдалась.

— Хорошо. В начале января. Мы созвонимся?

— Я позвоню вам через Чендлеров. Всего хорошего, Беатрис. И... веселого Рождества! — с этими словами он положил трубку.

— Веселого Рождества, — произнесла Беатрис в замолчавшую трубку. Тотчас подошла Хелин.

— Кто это был?

— Я же сказала. Я познакомилась с ним на званом вечере.

— Но почему он звонит тебе сюда?

Беатрис чувствовала себя, как на допросе.

— Не имею никакого представления. Он хочет снова со мной встретиться.

— Как же ты говоришь, что не имеешь никакого представления, и тут же утверждаешь, что он хочет снова с тобой встретиться? — придирчиво спросила Хелин. — Ты не думаешь, что он в тебя влюблен?

— Хелин, мы виделись с ним всего один раз. Я действительно не знаю. И почему тебя это вообще интересует?

— Но позволь! — Хелин была воплощенное негодование. — Почему это не должно меня интересовать? Меня интересует все, что касается тебя. Мы же принадлежим друг другу.

— Но несмотря на это, я все же могу знакомиться с другими людьми. Я живу в Лондоне, ты живешь на Гернси. Мы не можем считать себя связанными.

— Это большая ошибка, что ты живешь в Лондоне, — укоризненно произнесла Хелин. — Из-за этого мы с тобой обе одиноки. Что в этом хорошего?

— Ты говоришь так, словно мы с тобой муж и жена. Ты исходишь из того, что мы должны жить вместе, но это невозможно!

У Хелин дернулись уголки рта.

«Господи, — подумала Беатрис, — она сейчас зарыдает!»

— Ты же знаешь, как я одинока с тех пор, как умер Эрих, — сказала Хелин. — Люди на острове избегают меня и...

— Это неправда, они хорошо к тебе относятся. Особенно, если учесть, кто ты, и кем был Эрих!

— Но я...

— Прошу тебя, Хелин, давай прекратим этот разговор, — раздраженно сказала Беатрис. Она не выносила, когда Хелин округляла свои детские глазки и впадала в плаксивый тон. — Фредерик Шэй не должен быть причиной, испортившей нам Рождество. Я пойду на море, прогуляюсь. Вернусь к кофе.

— Можно я пойду с тобой? — спросила Хелин.

— Нет, — отрезала Беатрис.

На холодном свежем воздухе ей стало легче. Она вдыхала его полной грудью, понемногу стряхивая подавленность, в которую ее неизменно погружала Хелин. Хелин не удастся верховодить ею. Она вспомнила

теплый голос Фредерика. Потом она поняла, что именно тогда сумрачным декабрьским днем, гуляя по берегу моря, она преодолела внутреннее сопротивление, справилась с предубеждением против Фредерика. Но только много позже она поняла, что большую роль сыграло желание поступить в пику Хелин.

Вечером, когда уже стемнело, пришла Мэй и представила Беатрис и Хелин застенчивого молодого человека, назвав его своим женихом. Молодого человека звали Маркусом Эшуортом. Он работал служащим в банке в Сент-Питер-Порте. Мэй лучилась радостью, щеки горели здоровым румянцем, глаза сверкали. Когда они с Беатрис вышли вдвоем на кухню, чтобы наполнить тарелки и сварить свежий кофе, Мэй сказала:

— Мы с Маркусом скоро поженимся. Я беременна.

— Мэй. Я очень за тебя рада, — искренне сказала Беатрис. Глаза Мэй излучали такое счастье, что было понятно, что беременность ей в радость. — Вы останетесь здесь, на Гернси?

— Думаю, да, — ответила Мэй. — Да что там, точно останемся. Маркус здесь родился и вырос, как и я. Мы не представляем, что можно жить где-то в другом месте, — она с любопытством посмотрела на Беатрис. — Как ты только выдерживаешь этот Лондон? Ты не хочешь все-таки вернуться домой?

— Не знаю, — медленно произнесла Беатрис, — я не уверена, могу ли я сюда вернуться.

— Тебя не мучает ностальгия?

— Мучает. Но меня удерживают плохие воспоминания.

Она посмотрела на умиротворенную краснощекую Мэй, заглянула в ее уверенные глаза. В них не было ни страха, ни боли. Всю оккупацию Мэй прожила с родителями, она никогда не теряла чувства защищенности и заботливого тепла. Беатрис же провела пять лет — самых важных в становлении личности — в доме нацистского офицера, она была, по воле судьбы, неожиданно разлучена с родителями. У нее были напряженные и опасные отношения с человеком, которому приходилось прятаться, который из-за этого едва не сошел с ума. Она с тех пор так и не увидела живыми ни отца, ни мать. Глядя на Мэй, она поняла, какая пропасть их разделяет.

— Посмотрим, что будет, — неопределенно произнесла Беатрис.

— У тебя есть мужчина в Лондоне? — не скрывая любопытства, спросила Мэй. — Не могу себе представить, что у тебя, пока ты училась в университете, не было ни одного романа!

— В университете я занималась другими делами.

— Господи, ну не могла же ты круглые сутки только учиться! Я слышала, что в универе очень весело.

— У меня не было времени на веселье, — сдерживаясь, сказала Беатрис. — Мне пришлось много заниматься.

— А теперь? — Мэй не унималась. — Теперь у тебя кто-нибудь есть?

— Откуда? Я учу избалованных богатых дам из высшего света французскому. С кем я могу там познакомиться?

— Возможность всегда есть. Ну хорошо, у тебя действительно либо никого нет, либо ты не хочешь говорить. Но когда ты освободишься, возвращайся, мы все будем очень рады.

— Кто будет очень рад? — огрызнулась Беатрис, чувствуя, как в ней закипает раздражение. — Ты будешь счастлива в семье. Не думай, что у тебя будет время на кого-то еще, тем более, когда родится ребенок!

— Во-первых, обрадуется Хелин, — сказала Мэй. — Она чувствует себя здесь очень одинокой.

— Она и тебе плачется?

— Да, она часто жалуется, — осторожно сказала Мэй, — но она действительно одинока. По-настоящему она не общается на острове ни с кем. Только со мной и немного с моими родителями. Это так трагично, стать молодой вдовой.

— У нее есть все возможности начать жизнь сначала. Но, возможно, не здесь. Ей надо вернуться в Германию. Я не понимаю, почему она до сих пор этого не сделала.

— Там все начнут показывать на нее пальцами. После войны вдруг выяснилось, что все немцы были против Гитлера. Послушать их, так можно подумать, что все они участвовали в сопротивлении, — язвительно сказала Мэй. — Тогда, правда, непонятно, как Гитлеру удалось так долго продержаться. Комично, да? Но Хелин, как вдове офицера СС, будет трудно это говорить. Она не сможет представиться невинной овечкой. Поэтому я понимаю, почему она не хочет возвращаться в Германию.

— Но и здесь ей не лучше, как ты сама говоришь, Мэй. Что бы она ни делала, это ее жизнь. Она должна все решать сама. Не может же она всю жизнь цепляться за меня. Она мне не мать и не сестра. Я за нее не отвечаю.

— Но она рассчитывает на тебя, — сказала Мэй.

Беатрис резким движением схватила с плиты чайник с кипящей водой и начала лить воду на фарфоровый фильтр кофейника. Она делала это так торопливо, что пролила половину воды на стол.

— Но я на нее не рассчитываю! — зло произнесла она.

Хелин пролила море слез, провожая Беатрис в начале января обратно в Лондон. День был дождливый и ветреный, Гернси показывал себя во всей своей коварной красе. Беатрис хорошо понимала, что Хелин страшно не хочется одной возвращаться домой, где единственными ее занятиями были решение кроссвордов и ожидание развлекательных радиопередач.

— Я знаю, — рыдая говорила она, когда они стояли в порту и Беатрис нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, так как ей уже давно пора было садиться на пароход, — что ты едешь в Лондон только из-за этого человека. Он окончательно вскружил тебе голову. Я для тебя уже вообще ничего не значу.

— Это сущий вздор! — раздраженно возразила Беатрис. — Я возвращаюсь, потому что в Лондоне у меня дела, которые я не могу отложить, и я надеюсь, кроме того, найти там настоящую работу. Вот и все.

— Но он так часто звонил! — глотая слезы, выдавила из себя Хелин. Ветер трепал ее мокрые волосы. Она был слишком легко одета для такой погоды и сильно дрожала. У нее был вид беззащитного обиженного ребенка. — И не рассказывай мне, что это для тебя ничего не значит!

Фредерик Шэй звонил еще два раза: под Новый год и в начале января, чтобы спросить, когда Беатрис будет в Саутгемптоне, чтобы он смог ее там встретить. Беатрис говорила с Фредериком сухо и по-деловому, но заметила, что Хелин оба раза внимательно прислушивалась и очевидно инстинкт подсказал ей, что по телефону разговаривают люди, не совсем безразличные друг другу. Это сильно встревожило Хелин. У Беатрис было такое впечатление, что Хелин слушает и внимательно анализирует каждое ее слово, каждый вздох.

— Мистер Шэй звонил не так уж часто, — нервно сказала она. — Послушай, Хелин, мне пора на пароход. У тебя нет никаких причин для слез. Сегодня к тебе придет Мэй; мы с тобой тоже обо всем поговорили. Так что ты не так уж и одинока.

— Но это же совсем разные вещи! Она будет сидеть напротив меня, а я все эти вечера буду думать о том, что на этом месте должна быть ты. Мне будет так грустно и...

— Хелин, возьми себя в руки! — резко произнесла Беатрис. — Единственное, что я могу сделать, это прислать к тебе Мэй, и попросить, чтобы она время от времени заходила к тебе. Что она, кстати, очень трогательно, делает и сама. Тебе живется лучше, чем многим. К тому же тебе всего лишь немного за тридцать. У тебя есть все возможности завязать новые знакомства.

— Как? Из-за Эриха я...

Беатрис знала литанию, которая должна была сейчас последовать, наизусть, она слышала ее сотни раз. Она обняла Хелин, легонько поцеловала ее в щеку и сказала:

— Мне надо идти. Не вешай голову, счастливо!

Она схватила чемодан и побежала по трапу. Оборачиваться она не стала. Она не хотела брать с собой в Англию ни укоризненный взгляд Хелин, ни ее искаженное страданием лицо.

Вернувшись в Лондон, она стала часто встречаться с Фредериком Шэем. Они вместе обедали, ходили в кино и в театры, а в начале февраля Фредерик повез ее в Кембридж, чтобы показать мир, который он считал своим домом. Это были два звенящих от мороза зимних дня. Тонкий слой снега лежал на лужайках и крышах зданий колледжей. Там, где исчезала за горизонтом речка Кем, в пастельном ледяном небе висело красноватое солнце. Беатрис сняла номер в маленькой гостинице близ колледжа Святой Троицы, но, прежде чем идти в бар, Фредерик пригласил ее в свой дом, стоявший на окраине Кембриджа. Вдоль поднимавшейся вверх дороги стоял длинный ряд домов, в середине которого находился дом Фредерика. Дом был сложен из белого камня, крышу украшали слуховые окна с синими переплетами, входная дверь была выкрашена веселой голубой краской. В палисаднике росли кусты. Теперь они были голые, и Фредерик объяснил, что это жасмин, и летом вся улица наполняется его ароматом. В садике за домом тоже рос жасмин, две яблони, возле которых приютился каменный колодец, похожий на купель.

— Подарок моих студентов, — пояснил Фредерик. — Летом он наполняется водой, и я бросаю туда розовые лепестки.

Дом был небольшой, но очень уютный. Почти во всех комнатах были высокие, до потолка, стеллажи, уставленные книгами. В комнатах было промозгло, сыро и холодно.

— Прошу прощения, что здесь так неуютно, — извинился Фредерик, — но я не был здесь уже несколько месяцев.

— Фредерик, нельзя оставлять дом нетопленным на зиму, — сказала Беатрис. — У вас же все испортится — книги, мебель... У вас нет экономки, которая следила бы за домом?

— Нет.

— Надо включить отопление и затопить камин. В эти выходные надо как следует протопить дом.

Они решили, что сегодня никуда не пойдут. Фредерик отправился в магазин купить что-нибудь съестного, а Беатрис включила во всех комнатах

газовые обогреватели, принесла из подвала дров и жарко растопила камин в гостиной. Потом она ненадолго открыла окна, чтобы выветрить запах плесени, появившейся на стенах. Постепенно в доме стало тепло и уютно. Беатрис села на пол перед камином и принялась смотреть на огонь, чувствуя, как ее охватывает приятная истома.

Впустив в дом волну холода, вернулся Фредерик. Щеки его покраснелись от мороза. Он купил в кафе котелок ирландского жаркого, рыбу с картошкой, разных сортов хлеб, сыр и бутылку вина. С обедом они расправились, сидя перед камином. Они не разговаривали, прислушиваясь к потрескиванию поленьев в камине и к скрипу половиц, оживших в тепле.

— Как это чудесно, — произнес наконец Фредерик, — сидеть здесь с вами, Беатрис. Сколько вечеров я провел здесь один! Не хочется даже вспоминать об этих вечерах, — он наклонился к Беатрис, поцеловал ее в обе щеки, а потом, помедлив, поцеловал в губы.

Она затаила дыхание, тело ее сильно напряглось. Все ее существо воспротивилось этому поцелую. Она вспомнила, каким мягким и податливым становилось ее тело от поцелуев Жюльена, как она томилась под его ласками. Она ожидала, что сейчас у нее возникнет это знакомое и желанное чувство, но она оказалась неспособной ответить Фредерику.

«Что со мной, черт возьми?» — подумала она, чувствуя себя совершенно несчастной.

— Думаю, мне пора в гостиницу, — сказала она и встала. Она стряхнула хлебные крошки с блузки и оправила юбку, словно это могло привести в порядок и ее мысли.

Фредерик тоже поднялся.

— Прости, что я был слишком настойчив. Я не хотел ставить тебя в неловкое положение, и уж точно не хочу, чтобы ты ушла.

— Нет, нет, я все поняла правильно.

Она понимала, что стоит, как чучело, источая формальную вежливость, уместную когда угодно, но только не в февральский вечер возле камина.

— Доброй ночи, Фредерик. Не выключай печки, пусть они горят до утра.

— Я провожу тебя до гостиницы, — сказал Фредерик, помогая Беатрис надеть пальто. — Наверное, было бы лучше пойти в бар. Это была неудачная мысль, приглашать тебя домой.

— Хорошо, что пригласил, иначе твой дом скоро бы весь покрылся плесенью.

— Верно, буду иметь в виду на будущее.

Они шли по тихим темным улицам. Холод колот лица иголками. Когда они дошли до дверей гостиницы, Фредерик торопливо заговорил:

— Вероятно, сейчас не самый подходящий момент говорить об этом, Беатрис, но нет смысла все время держать это при себе. Я люблю тебя. Не знаю, отвечаешь ли ты мне взаимностью, и не знаю, можешь ли себе представить, что ответишь. Но ты должна знать, что чувствую я.

Он прижал ее руку к губам, поцеловал и исчез в ночи так быстро, словно боялся, что ее ответ развеет все его надежды. Она еще некоторое время постояла на улице, дожидаясь, когда схлынет судорожное напряжение. Постепенно кровь снова спокойно потекла по жилам, а сердце забилося в своем привычном ритме.

Может быть, это отвращение пройдет. Как-нибудь, когда-нибудь. Может быть, жизнь вернется к ней, снова станет легкой и приятной. Может быть, она снова будет способна любить.

Вернувшись в Лондон, они стали видеться почти каждый день. Беатрис начала понемногу привыкать к его обществу, его близости. Он все больше узнавал о ней, о ее жизни со всеми постигшими Беатрис ударами судьбы, и, кажется, многое понял в той боли, которая никак не хотела ее отпускать. Однажды Беатрис рассказала Фредерику и о Жюльене. Он выслушал и задал неизбежный вопрос:

— Ты его до сих пор любишь?

Она задумалась.

— Нет. Думаю, что нет.

— Ты думаешь?

— Я до сих пор чувствую обиду. Обиду за то, что он бесцеремонно, не думая, подвергал мою жизнь опасности. За то, что он, не попрощавшись, исчез с острова сразу после войны. Эта история до сих пор причиняет мне боль.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Если тебе больно, значит он до сих пор не отпустил тебя.

Она пожала плечами, но ничего не ответила. Они сидели в маленькой пивной в Сохо, пили темное пиво и слушали прокуренный голос черной певицы, изо всех сил пытавшейся развлечь немногочисленных посетителей. На улице впервые за много дней дул теплый ветер, несший запах оттаивающей земли.

— Хочешь, пойдем ко мне? — предложила Беатрис.

— Сейчас?

— Да, — она кивнула. — Сейчас.

В груди наконец появилось теплое нежное чувство. Оно пришло тихо

и незаметно, как дыхание весны. Панцирь треснул. Она без колебаний взяла его под руку, когда они вышли на улицу. Держа Фредерика под руку, она — к собственному удивлению — могла спокойно дышать. Она могла радоваться его близости, ночи, которая им предстояла.

Она отперла дверь подъезда и снова взяла его под руку, когда они стали подниматься по лестнице.

Перед дверью квартиры, на чемодане, сидела Хелин и укоризненно смотрела на Беатрис.

— Я сижу здесь уже несколько часов, — сказала она. — Скажи, где тебя носит?

Она говорила по-немецки, сразу исключая Фредерика из разговора.

— Что *ты* здесь делаешь? — вопросом на вопрос ответила Беатрис. Она демонстративно заговорила по-английски.

Хелин с трудом поднялась с чемодана. Она, видимо, страшно устала, была бледна и выглядела не на тридцать пять, а на все сорок лет.

— Я приехала, чтобы увидеться с тобой, — она упорно продолжала говорить на родном языке, разговор пошел на двух языках, так что Фредерик мог понимать только половину.

— Ты не писала мне целых пять недель. Ты очень странно вела себя на Рождество и на Новый год. Я подумала, что с тобой что-то случилось, поэтому и решила тебя навестить.

— Хелин, это Фредерик Шэй, — сказала Беатрис. — Фредерик, это Хелин Фельдман.

Из рассказов Беатрис Фредерик хорошо знал, кто такая Хелин. Он протянул ей руку.

— Очень рад с вами познакомиться, миссис Фельдман. Беатрис много мне о вас рассказывала.

Хелин взяла протянутую руку, но было видно, какого труда ей это стоило. Она не смогла даже вежливо улыбнуться.

— Добрый день, — выдавила она из себя.

Беатрис тем временем открыла дверь.

— Как ты вошла в дом?

— Меня впустила какая-то женщина, когда я объяснила, что иду к тебе, — Хелин дрожала. — Там внизу я бы совсем замерзла. Или упала бы в обморок. В каком ужасном месте ты живешь. Как ты это выносишь?

— Я всем довольна, — лицо Беатрис побелело от ярости. Хелин не могла выбрать более неудачный момент для своего неожиданного появления.

— Не мешало бы предупредить меня о приезде, — сквозь зубы

произнесла она.

— Но как? — в голосе Хелин появились хорошо знакомые Беатрис плаксивые нотки. — С тобой вообще невозможно связаться.

— Ты же знаешь, что со мной можно связаться через миссис Чендлер. Могла бы выяснить номер и позвонить. Но ты сознательно этого не сделала, потому что знала, что я тебя не приглашу.

Хелин стояла посреди крошечной комнатухи, крепко вцепившись в сумочку.

— Ты что, вообще не рада меня видеть?

— Ты могла бы подумать о том, что твой приезд может оказаться некстати, — враждебно ответила Беатрис.

Фредерик между тем занес в квартиру чемодан Хелин и поставил его в угол.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо сказал Фредерик. — Вам лучше остаться наедине.

Она хотела было попросить его остаться, но в присутствии Хелин, — в бешенстве подумала она, — это было лишено всякого смысла. Поддерживать светскую беседу в такой ситуации было невозможно. В воздухе буквально физически чувствовалось напряжение.

— Может быть, мы увидимся завтра? — жалобно спросила Беатрис.

— У тебя гостя, с которой тебе придется заняться, — сказал Фредерик. — Но мы созвонимся, хорошо?

Он поцеловал Беатрис. Краем глаза она заметила, как застыла Хелин, сжав губы в тонкую нитку. «Проклятая ревнивая ворона», — злобно подумала Беатрис.

Хелин немного успокоилась, когда Фредерик ушел, но не смогла скрыть ужаса от условий, в которых жила Беатрис.

— У тебя только одна эта комната? — спросила Хелин после того, как безуспешно попыталась найти еще одну дверь. — Где ванная?

— Здесь есть один туалет на всех съемщиков этого и верхнего этажа, — объяснила Беатрис. — Туалет находится выше — на один лестничный марш.

— О... и как много людей пользуются этим... туалетом?

— Семнадцать или восемнадцать. Точно я не знаю.

Лицо Хелин было таким серым и изможденным, что Беатрис стало ее даже жалко.

— Ты меня не покормишь? И где я буду спать?

— Я сплю на диване, но уступаю его тебе, — теперь она должна отдать ей и свое спальное место, подумалось Беатрис. — Себе я постелю на

полу.

— А...

— Чего еще ты хочешь? Ах, да, поешь. Посмотри вон в том шкафу.

Она показала Хелин угол, в котором стояла электрическая плитка и маленький шкафчик, в котором Беатрис хранила посуду и еду. Хелин пошарила в шкафчике и нашла там немного хлеба, плитку мармелада и пару кексов.

— У тебя же почти ничего нет. Понятно теперь, почему ты такая худая.

— Я редко ем дома.

— Ты ешь вместе с этим... этим Фредериком Шэем?

— Обычно я ем в перерывах между уроками в близлежащих кафе. Но вечерами я, да, часто ужинаю с Фредериком.

Кусок кекса, который Хелин только что сунула в рот, едва не застрял у нее в горле.

— Я не понимаю, почему...

— Что ты не понимаешь?

— Почему ты так живешь. В этой жалкой дыре, которую ты именуешь квартирой. У нас на Гернси такой чудесный дом. Ты...

— Хелин, прости меня за прямоту, но на Гернси дом у меня, а не у нас. Он принадлежит мне. Ты просто можешь в нем жить, вот и все. И я одна буду решать, где мне жить. В данный момент я хочу жить в Лондоне, а не на Гернси. Ты сможешь когда-нибудь это понять?

У Хелин дернулись углы рта.

— Ты хочешь жить здесь из-за этого человека, ты в него влюблена.

Беатрис промолчала. Она, черт возьми, не обязана отчитываться перед Хелин.

— Как он на тебя смотрел! — продолжила Хелин. — И какие взгляды ты бросала на него. Я сразу заметила, что между вами чувство. Но как ты могла прийти с ним вечером в свою квартиру? Это очень неудачное время, и мне кажется, что ты должна...

У Беатрис застучало в висках. Нервы загудели, как провода.

«Ее надо раз и навсегда поставить на место, — подумала Беатрис. — Раз и навсегда. Иначе это никогда не кончится. Расслабляться нельзя ни в коем случае».

— Хелин, сегодня ты, конечно, можешь переночевать у меня, но завтра утром ты соберешься и уедешь. Я очень тебя об этом прошу, — сказала Беатрис. — Я тебя не приглашала. Я не хочу, чтобы ты была здесь.

— Что, что? — переспросила Хелин, не веря своим ушам.

— Я не хочу, чтобы ты была здесь, — повторила Беатрис, — и прошу,

чтобы ты завтра уехала.

— Ты шутишь!

— Нет, я говорю вполне серьезно. У меня своя жизнь. Уже много лет. Ты должна наконец начать жить своей жизнью. Ты еще достаточно молода для этого.

Лицо Хелин мертвенно побледнело и стало серым, осунувшимся и безмерно усталым.

— После всего, что было, — сказала она, — после всего, что мы пережили вместе, нас уже ничто не сможет разлучить.

Беатрис без сил упала на диван. В словах Хелин она услышала неприкрытую угрозу.

— Господи, — тихо простонала она, — ты когда-нибудь оставишь меня в покое?

— Мы принадлежим друг другу, — мягко возразила Хелин. — Почему ты этому противишься?

— Потому что я хочу жить своей жизнью.

— Наши жизни неразделимы.

— Завтра ты уедешь.

— Я останусь, — сказала Хелин.

Хелин осталась и прожила в Лондоне четыре недели. На третий день Беатрис поняла, что не сможет выгнать ее из своей квартиры. Она выносила за дверь ее чемодан, но Хелин садилась на него и сидела, не двигаясь с места. «Она была как клещ, и даже хуже клеща, — думала Беатрис, — который вцепился в шкуру собаки». Клеща можно тащить, вертеть, крутить до тех пор, пока он не сдастся и не отцепится от своей жертвы. Хелин можно было тащить и крутить, сколько угодно, но она не отставала. В известном смысле, Хелин была очень подвижна. Она крепко держалась за свою цель, и на пути к ней с Хелин можно было делать все, что угодно — она терпела, позволяла себя гонять, пинать и щипать, но в конце концов всегда оказывалась там, куда хотела прийти. Она оправлялась, приходила в себя и, оставшись целой и невредимой, овладевала тем, чего добивалась с самого начала.

Через несколько дней Беатрис сдалась, предоставив Хелин полную свободу действий и отступила, избегая вообще появляться у себя дома. Она понимала, что это единственная тактика, которая позволит ей взять Хелин измором. Теперь не работала ее тактика, но сие не означало, что Хелин отступила от своих намерений.

Почти все ночи Беатрис проводила у Фредерика. Так начались их

почти официальные отношения, но они начались бы совсем по-другому в тот романтический, почти весенний, февральский вечер. Теперь же Беатрис руководствовалась отнюдь не романтическим настроением, а простым нежеланием возвращаться в свою квартиру и видеть там Хелин. Беатрис была страшно зла и раздражена и спала с Фредериком из духа противоречия. Беатрис и сама не знала, во что переродится их любовь, когда этот визит, наконец, закончится, но пока именно Хелин посчастливилось создать ситуацию с препятствием, тем первым, незаметным препятствием между любящими, которое со временем сглаживается, но может усилить взаимное чувство.

Хелин, между тем, не теряла времени даром. Она ходила по магазинам и покупала вещи, по ее мнению, позарез нужные Беатрис. Она купила ковер, кресло, картины, кухонные принадлежности, цветы в горшках, торшер с шелковым абажуром и кучу всяких мелочей, которые, и в самом деле, превратили убогую квартирку Беатрис во что-то более или менее сносное. Когда Беатрис однажды пришла домой, то едва не задохнулась от изумления.

— Что ты здесь сделала? — спросила она, придя наконец в себя.

Хелин, которая, несомненно, была страшно разозлена и уязвлена постоянным отсутствием Беатрис, еле-еле улыбнулась в ответ:

— Я решила немного украсить твоё жилище. Да, я знаю, что у тебя мало денег, но все равно, ты могла бы чуть красивее обставить свою комнату. Тебе нравятся вещи, которые я купила?

Без сомнения, у Хелин был безупречный вкус. Ковры, подушки и картины идеально гармонировали друг с другом.

— Откуда у тебя деньги? — вместо ответа сказала Беатрис. Хелин получала весьма скромную пенсию за погибшего супруга. К тому же прошло довольно долгое время, прежде чем разбитая Германия смогла выплачивать какие-то деньги и переводить их на Гернси.

— Я живу очень экономно, — сказала Хелин, — и поэтому могу себе позволить время от времени доставлять тебе маленькие радости.

Беатрис села в новое кресло и вытянула уставшие ноги.

— Ты не доставляешь мне этим никакой радости, Хелин. Ты мне досаждаешь. Ты силой вторгаешься в мою жизнь. Ты пытаешься навязать мне свой вкус. Ты не желаешь понять, что мы — два разных человека.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо, — мягко произнесла Хелин.

— А я хочу просто жить своей жизнью, — устало ответила Беатрис.

В конце марта Фредерик спросил Беатрис, не хочет ли она выйти за него замуж. Она знала, что он непременно задаст ей этот вопрос, но не

рассчитывала, что это случится так скоро. Она ответила согласием, а вернувшись домой, сообщила Хелин, которая сидела на диване с полотенцем на вымытой голове, что они с Фредериком скоро поженятся. Лицо Хелин исказилось.

— Вы хотите пожениться? — спросила она наконец.

— Да, мы поженемся и будем жить в Кембридже.

— Я не приеду на эту свадьбу, — сказала Хелин. Лицо ее окаменело.

— Собственно, я и не собиралась тебя приглашать, — отрезала Беатрис.

На следующее утро Хелин собрала чемодан и на такси уехала на вокзал. Весь последний вечер она не проронила ни слова, а утром ушла, не попрощавшись. Она была невероятно обижена, и Беатрис от души надеялась, что теперь-то Хелин наконец оставит ее в покое.

Фредерик был поражен, узнав об этом. Он много слышал о Хелин от Беатрис, но до последнего времени не понимал, что связывает этих двух женщин и каковы их истинные отношения.

— Мне кажется, что это я вас наконец разлучил, — виновато сказал он.

— Ты не мог нас разлучить, потому что мы никогда не были вместе.

Они с Фредериком поженились в июне. Хелин не давала о себе знать, но Беатрис послала ей открытку, в которой сообщила свой новый адрес. В ответ от Хелин пришло холодное письменное поздравление. Мэй, приехавшая на свадьбу и с гордостью демонстрировавшая своего ребенка, сказала, что Хелин совершенно отгородилась от всех.

— Она полностью замкнулась в себе. Я иногда захожу к ней, но ее это кажется совсем не радует. Господи, она же еще совсем молодая женщина! Но живет, как старая вдова.

— Ничего, думаю, она скоро опомнится, — коротко сказала Беатрис.

Свою работу в Лондоне Фредерик завершил в конце августа, и в начале сентября они переехали в Кембридж. Маленький домик и профессура колледжа встретили их тепло и приветливо. Беатрис устроилась на работу в библиотеку колледжа Святой Троицы. Друзья-профессора приглашали их на вечеринки, а они отвечали им тем же. Это был замкнутый, маленький, дружелюбный мирок, жизнь в котором текла спокойно и размеренно. Если и были в колледже какие-то интриги, они не касались Беатрис. Она видела, как постепенно становилась частью этого спокойного и созерцательного существования. Она всем своим существом впитывала тепло Фредерика и чувствовала, что понемногу начинает отдавать его мужу. Старые душевные раны начали затягиваться.

ЛЕТО 1956 ГОДА

Летом 1956 года Беатрис поехала на Гернси, чтобы продать родительский дом.

Это решение созрело у нее в первой половине года. Теперь она жила в Кембридже, а Гернси принадлежал прошлому, которое все больше и больше подергивалось туманом забвения. Фредерик пару раз пытался уговорить ее съездить туда, провести летний отпуск в теплом климате и встретиться со старыми друзьями.

— Если хочешь, я поеду с тобой, если нет, то можешь ехать одна.

Но она каждый раз отказывалась, и однажды Фредерик сказал:

— У меня такое чувство, что ты вообще не хочешь ехать на родину.

Они сидели в маленьком кафе в центре Кембриджа и пили вино. Разговор то и дело прерывался приветствиями проходивших мимо студентов и преподавателей. В этой атмосфере Беатрис чувствовала себя уверенно и надежно. Спокойное, умное лицо Фредерика будило в ней теплое чувство.

Любовь? Она не могла бы с уверенностью сказать, что любит его, но это чувство очень напоминало любовь.

— Думаю, что я и в самом деле никогда туда не поеду, — сказала она в ответ на его замечание. — Я так рада, что смогла забыть многое из того, что там со мной происходило. Мне не хотелось бы заново беречь старые раны.

— Ты считаешь правильным, что Хелин Фельдман будет до конца своих дней жить в твоём доме? — осторожно поинтересовался Фредерик. — Я хочу сказать, что ты сможешь выручить немало денег, если продашь дом или будешь его сдавать. Я бы не сказал, что мне это особенно нужно, — торопливо добавил он, — мы ни в чем не нуждаемся. Но подумай, хочешь ли ты, чтобы тебя и дальше использовали.

Беатрис приняла решение в течение секунды.

— Я хочу продать дом, — сказала она, — да, я хочу его продать.

— Тогда надо это сделать, — сказал Фредерик.

Все следующие месяцы Беатрис думала не о своем решении — оно было принято окончательно, а о том, что делать с Хелин, как лучше всего сообщить ей об этом. Конечно, лучше всего было бы нанять маклера и спрятать голову в песок, уклонившись от неприятных контактов. Но Фредерик сказал, что так делать нельзя.

— Во-первых, это будет нечестно в отношении Хелин, — сказал он, —

а во-вторых, это и не в твоих интересах. Надо подумать о мебели, о памятных вещах, обо всем, что тебе принадлежит, чтобы потом не жалеть, что все это попало в чужие руки.

— Это значит, — ответила ему Беатрис, — что мне надо ехать на Гернси.

— Думаю, что так и надо поступить, — поддержал ее Фредерик. — Мне поехать с тобой?

Немного подумав, Беатрис отрицательно покачала головой.

— Нет, это я должна сделать сама.

В самый последний момент, перед тем как сесть в Портсмуте на пароход, она дала Хелин телеграмму, в которой извещала о своем приезде. Она понимала, что Хелин сильно встревожится, но не хотела звонить и что-то невнятно бормотать по телефону, объясняя ситуацию. Это надо сделать лично, глядя Хелин в глаза.

Ясным июньским вечером Беатрис сошла с парохода в Сент-Питер-Порте. Было тихо и тепло. С моря тянуло легким ветерком, пахнувшим морской водой и летом. Дома на холме были еще освещены заходящим солнцем. Чайки с пронзительными криками взлетали со стен гавани в синее небо. Беатрис ощутила странное, тянущее чувство, стеснившее ей грудь. Она давно не испытывала его, но чувство это было ей до боли знакомо.

Ее охватило нехорошее предчувствие. «Мне не надо было сюда приезжать», — подумала она.

Она не пожалела денег и взяла такси до Ле-Вариуфа. Как же хорошо знакомы ей узкие дороги острова, обрамленные каменными заборами и живыми изгородями, как крепко помнит она маленькие домики и чарующие садики, цвета и запахи, яркий свет и солнечные блики на листве. Она помнила каждый поворот дороги, все те места, где захватывало дух, так как из-за поворота в любой момент могла появиться встречная машина.

«Странно, — подумала Беатрис, — в прошлый приезд я не так остро воспринимала все эти вещи. Может быть, дело в том, что теперь я знаю, что никогда больше сюда не вернусь».

Хелин ждала ее в сильном волнении и тревоге. Они не виделись четыре года, и расстались они тогда врагами — с горечью и злобой. На открытку Беатрис с извещением о свадьбе Хелин ответила холодным формальным поздравлением, а потом они обменивались вежливыми, ничего не говорящими открытками по случаю дней рождения и Рождества.

Но сегодня Хелин была полна решимости отбросить ледяной тон. Безошибочный инстинкт подсказал ей, что к ней подкралась какая-то беда. Она не знала точно, что ей угрожало, но хорошо понимала, что у Беатрис

были веские основания пересечь пролив и приехать на остров. Эти основания не сулили Хелин ничего хорошего.

Беатрис была вынуждена признать, что Хелин содержала дом и усадьбу в образцовом порядке. Сад был ухожен, живые изгороди аккуратно подстрижены и даже заброшенные теплицы выглядели вполне пристойно. В самом доме все сияло и блестело. Хелин встретила Беатрис в столовой, щеки ее горели лихорадочным румянцем.

— Я так рада, что ты приехала, — сказала Хелин. В голосе ее проступал детский страх и волнение.

«Выглядит она хорошо, — подумала Беатрис. — Она стала еще красивее, чем прежде. Возраст пошел ей на пользу». Она сделала короткую стрижку, лицо стало уже. По глазам было видно, что она почти все время одна и часто плачет. Печаль оставила неизгладимый след на ее лице, из черт которого исчезла былая миловидность, придававшая ему невинное детское выражение. Теперь это было серьезное лицо зрелой женщины, женщины, которую и следовало принимать всерьез.

— Мне тоже приятно, что мы наконец встретились, — сказала Беатрис. Это была неправда, но Беатрис решила, что сейчас она просто обязана это сказать.

Хелин скользнула взглядом по фигуре Беатрис.

— Ты прекрасно выглядишь. Этот костюм очень тебе идет. Брак с этим... Фредериком пошел тебе на пользу.

— Я очень счастлива в Кембридже, — сказала Беатрис. Конечно, не следовало бы с места в карьер переходить к делу, но Беатрис решила, что лучше сказать о нем сразу.

— У меня есть серьезные причины для приезда, — торопливо сказала она. Ей хотелось скорее покончить с этим. — Я решила навсегда остаться в Кембридже. Теперь это моя родина. Поэтому...

— Что? — спросила Хелин. В голосе ее прозвучала неприкрытая паника.

Беатрис не стала юлить.

— Я должна решить, что делать с домом и усадьбой, Хелин. Ты должна понять, что я... ну, короче, мне надо что-то решить с домом. Зачем он мне, если я больше сюда не вернусь? Жить я в нем не буду, поэтому...

— Что? — снова переспросила Хелин.

— Я хочу продать дом. Он стал для меня ненужным балластом. На вырученные деньги мы с Фредериком сможем купить в Кембридже что-нибудь более приличное. Или купить коттедж в Северной Англии, куда сможем ездить в отпуск. Что-нибудь нам подвернется, — она деланно

рассмеялась. — Всегда что-нибудь подворачивается, если есть деньги.

Хелин мертвенно побледнела.

— Но в этом доме живу я, — с трудом произнесла она.

— Хелин, в сущности для тебя одной он очень велик, — испытывая страшную неловкость, сказала Беатрис. — Стоит он на отшибе. Ты живешь здесь отрезанной от всего мира. Нельзя же так заживо себя хоронить. Ты молода, ты красива. Ты можешь снова выйти замуж...

— Ты выставляешь меня за дверь! После всего того, что мы вместе...

— Если уж ты решительно не хочешь возвращаться в Германию, то купи себе квартиру на острове. Например, в Сент-Питер-Порте. Там люди. Там ты найдешь друзей. Здесь, — она жестом обвела комнату, подразумевая дом, сад и лужайку, — ты окончательно впадешь в депрессию.

— В депрессию? Это единственное место, где я могу жить. Это место, где Эрих и я... — она не закончила фразу.

— ...где Эрих и ты были счастливы? — договорила за нее Беатрис. — Ох, Хелин!

Они в упор смотрели друг на друга. Беатрис ждала, что Хелин сейчас разразится слезами — она всегда реагировала плачем на трудные ситуации. На этот раз однако рыданий не последовало.

— Когда это произойдет? — спросила Хелин с удивившей Беатрис деловитостью.

— Тебе нужно время, чтобы подыскать себе подходящее жилье, — ответила Беатрис. — Никто не собирается выставлять тебя на улицу. Все, что я буду делать, я буду согласовывать с тобой.

Хелин бросила на Беатрис взгляд, исполненный едко сарказма.

— В самом деле? — спросила она. — Ты действительно это сделаешь?

— Конечно. Я же тебе не враг, Хелин. Просто я хочу, чтобы у меня была нормальная жизнь.

— Если ты думаешь, что только так сможешь стать счастливой...

— Что значит «только так»?

— Так, как ты пытаешься это сделать. В Кембридже. С этим Фредериком. Ты считаешь, что станешь счастливой, если отвернешься от Гернси и сожжешь за собой все мосты.

— Я не знаю, буду ли я счастлива в будущем, — сказала Беатрис. — Но я знаю, что счастлива сейчас. Во всяком случае, теперь я счастливее, чем раньше, — поправила она себя. — Я стала спокойнее. Старые воспоминания уже не причиняют мне такую сильную боль. Я хочу навеки похоронить их, и, поэтому... поэтому мне надо развязаться с Гернси. Я не могу вечно носить в себе прошлое.

— Для меня очевидно, что ты хочешь развязаться и со мной, — сказала Хелин. — Во всяком случае, ты делаешь все для того, чтобы мы окончательно расстались.

— Я делаю все для того, чтобы каждая из нас могла жить своей жизнью, — сказала Беатрис, — но, конечно, могут быть точки соприкосновения...

— Господи, какие точки соприкосновения! — крикнула Хелин. — Ты думаешь, это то, что я всегда от тебя хотела?

— И чего же ты от меня хотела? — поинтересовалась Беатрис.

— Теперь это уже неважно, — сказала Хелин и вышла из комнаты.

На следующий день Беатрис нашла в Сент-Питер-Порте женщину-маклера, чтобы поручить ей продажу дома и усадьбы. Маклер выразила надежду, что продать дом удастся быстро.

— Сейчас не самое лучшее время, — сказала она, — но возможности все же есть, и их немало. Естественно, я должна сама посмотреть дом, но, судя по тому, что вы рассказываете, нам будет нетрудно найти покупателей.

После этого разговора Беатрис испытала большое облегчение. Она сделала первый шаг, и пути назад уже не было. Ощущение отсутствия выбора вызывало облегчение, но, конечно, все было не совсем так, ибо в любой момент она могла отказаться от продажи. Но машина была запущена, и теперь она начнет работать сама по себе, независимо от Беатрис. У нее было такое чувство, словно она перепрыгнула через высокий барьер.

Все следующие дни она осматривала предметы домашнего обихода: мебель, картины, ковры, кухонную утварь. Было ясно, что она не сможет забрать все, и она предложила Хелин взять все, что ей нравится.

— Будет очень жаль, если все это попадет в чужие руки, — сказала она. — Хелин, я на самом деле хочу, чтобы ты взяла все, что тебе нравится.

— Не думаю, что я что-нибудь возьму, — сказала Хелин с каменным выражением лица. — Мне придется начинать новую жизнь, не так ли? Ведь ты этого хочешь? Мне тоже не захочется вспоминать о прошлом.

— Я не могу тебя принуждать, но ты могла бы...

— Ты уже сделала, все, что могла, — произнесла Хелин. — Теперь позволь уж мне самой решать, что делать с грудой обломков.

— Ты не подыскала себе квартиру? — спросила Беатрис после долгого молчания, во время которого она напряженно думала, стоит ли говорить о грудке обломков, или перевести разговор на другую тему, и выбрала второе.

— О дате моего отъезда я тебе сообщу, — сказала Хелин, — сообщу вовремя, так что можешь не волноваться.

«Господи, — подумала Беатрис, — мне объявлена война. Насчет этого мне действительно не стоит волноваться».

Она каждый день разговаривала с Фредериком по телефону и держала мужа в курсе всех своих действий.

— Завтра дом посмотрит одна супружеская пара, — сказала Фредерику Беатрис через десять дней после своего приезда на Гернси. — Я страшно волнуюсь. Может быть, они купят дом.

— Не слишком обольщайся, — предостерег жену Фредерик. — Такие вещи быстро не делаются. Можно считать, что тебе повезет, если ты продашь дом с четвертой или пятой попытки.

Как всегда, его нежность и понимание успокоили Беатрис.

— Конечно, ты прав, — сказала она, — но мне хотелось бы поскорее с этим покончить. Я... мне здесь очень нелегко.

— Мне приехать? — спросил Фредерик. — Если хочешь, я буду на острове со следующим парходом.

Она невольно улыбнулась.

— Фредерик, не можешь же ты оставить своих студентов одних в аудитории. У меня все в порядке, я справлюсь.

— Я тебя люблю, — тихо сказал Фредерик.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она. «И буду очень рада, когда снова тебя увижу», — мысленно добавила она. Как она жалела потом, что не произнесла этого вслух.

На следующий день она встретила Жюльена.

Встреча была неожиданной, как гром с ясного неба. Ни к чему на свете не была она так плохо готова, ничто не было бы более неожиданным, чем это потрясение. Утром, вместе с женщиной-маклером пришли первые клиенты осматривать дом, но при взгляде на них Беатрис стало ясно, что из этого дела ничего не выйдет. Парочка показалась ей мелочной и придиричливой. Толстый мужчина с бледным одутловатым лицом молча расхаживал по дому, время от времени строя кислую мину, а его жена без умолку задавала вопросы, критикуя все, что попадалось ей на глаза. Маклерша реагировала на эти проявления неприкрытого недовольства деланным юмором, отвечая на недовольство непринужденной веселой болтовней, которая с каждой минутой все больше и больше действовала Беатрис на нервы. Ей было невыносимо слушать, как какая-то парочка нуворишей ругает единственное достояние ее родителей. Хелин, как ребенок радовалась недовольству клиентов, и это еще больше омрачало настроение Беатрис, хотя Хелин имела все основания для радости и упрекать ее за это было бы глупо.

Когда муж, жена и говорливая маклерша наконец ушли, Беатрис надела крепкие ботинки и отправилась гулять в Пти-Бо. День был холодный и ветреный, воздух — кристально-чистый, над морем не было даже намека на туман. Солнце то и дело скрывалось за стремительно несущимися по небу облаками. Фруктовые деревья вдоль дороги отцвели, скоро урожай.

«В конце лета можно будет полакомиться ежевикой», — подумала Беатрис, но сразу вспомнила, что у нее не будет больше ни одной осени на острове.

Сначала она заметила женщину — черноволосую привлекательную женщину, сидевшую на стоявшей у дороги скамейке. С нее открывался великолепный вид на море и на крутые скалы, обрамлявшие бухту. Солнце как раз вынырнуло из-за облаков, и ландшафт сразу заиграл яркими красками. Море блестело глубокой, яркой бирюзой. Женщина на скамейке сияла. На ней были короткие, до колен, светлые бриджи и короткий темно-серый свитер. Выглядела женщина веселой и счастливой. Черные как смоль волосы блестели, словно их каждый день полировали бархатом.

«Как заразительно она улыбается», — подумала Беатрис, и, подойдя ближе, заметила мужчину, который, присев на корточки в нескольких шагах от скамейки и держа перед глазами огромный фотоаппарат, торопливо делал снимок за снимком. Женщина не меняла позы, но изобретательно играла своим лицом, меняя улыбку — она становилась то теплой и нежной, то кокетливой и соблазнительной, то сдержанной и таинственной. В этом угадывалась какая-то профессиональная привычка держать себя раскованно в любой ситуации.

Этот мужчина был Жюльен.

Прошло одиннадцать лет после окончания войны, шестнадцать — после их первого знакомства. Она нашла, что Жюльен почти не изменился. Теперь он выглядел немного старше, но был силен и выглядел свежим и отдохнувшим. Лицо и руки были покрыты темным загаром, он ничем не напоминал тот бледный призрак, каким был, когда сидел на чердаке дома доктора Уайетта. Но она видела его и загорелым, когда он работал у Эриха, так что и этот новый его облик не слишком удивил Беатрис. Это был ее Жюльен.

Он узнал ее тотчас, так же мгновенно, как и она его. Он опустил фотоаппарат и изумленно уставился на Беатрис. Черноволосая женщина сразу поняла, что что-то произошло, и обернулась. Все трое в упор смотрели друг на друга, в воздухе витало почти осязаемое напряжение.

Жюльен оправился от изумления первым.

— Беатрис! — крикнул он. — Что ты здесь делаешь?

Он говорил по-французски, и она ответила ему на том же языке.

— Думаю, что нет ничего странного в том, что я здесь. Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся. Смущение прошло, он взял себя в руки и овладел положением.

— Путешествую по следам моего прошлого. Сюзанна захотела узнать, где я был во время войны.

Черноволосая женщина улыбнулась.

— Жюльен очень много рассказывал мне о тех временах. Наконец я не выдержала и сказала ему, что хочу посмотреть сцену его тогдашней жизни.

— О, — только и сказала Беатрис. Она понимала, что это восклицание звучит глупо, но ничего более удачного не пришло ей в голову.

— Ты не хочешь нас представить? — спросила Сюзанна, повернувшись к Жюльену. Очевидно, она была хозяйкой положения.

Жюльен выполнил ее просьбу, несколько помедлив.

— Моя жена Сюзанна, — сказал он. — Беатрис Стюарт, моя... подруга из тех времен.

Беатрис протянула руку Сюзанне.

— Беатрис Шэй, — сказала она. — Я замужем.

Сюзанна снова улыбнулась. Она просто излучала неотразимое обаяние.

— Как приятно познакомиться с вами, Беатрис. Мне так хочется познакомиться со всеми людьми, которые в то время имели какое-то отношение к жизни моего мужа. Вы не окажете мне любезность и не поужинаете ли с нами сегодня вечером?

Беатрис сразу заметила, что эта идея отнюдь не вдохновила Жюльена, но возразить он не мог и только кивнул, изображая на лице радость.

— Конечно, это было бы прекрасно. Если у тебя есть время, Беатрис...

Инстинкт подсказывал, что от этого приглашения лучше отказаться. Одновременно, она понимала, что ее разбирает страшное любопытство, что она так потрясена неожиданностью этой встречи, чтобы пренебречь ею. Всплыло что-то старое, похороненное, забытое и отброшенное, что-то дикое, легкомысленное, рискованное вылезло из прежних, давно миновавших времен и заставило звучать давно умолкнувшие струны. Она сделает это. Она хочет еще раз послушать звон этих струн.

Вечером, за ужином, она узнала, что Жюльен и Сюзанна женаты четыре года, а до этого были знакомы полгода. Сюзанна работала

фото моделью, и познакомились они на Лазурном берегу, где Жюльен проводил отпуск, а Сюзанна снималась для журнала мод.

За ужином Жюльен говорил мало, но зато Сюзанна болтала, трещала и смеялась без умолку.

Вечером на ее лице стало немного больше макияжа. В белом костюме Сюзанна выглядела умопомрачительно элегантно. Она то и дело отбрасывала на плечи свои роскошные черные волосы и, смеясь, показывала ослепительно белые зубы. С каждой минутой Беатрис казалась себе все более невзрачной.

Она полдня провела перед зеркалом, пытаясь уложить свои непослушные волосы в какое-то подобие прически, но потом, идя по улице и глядя на свое отражение в витринах, с ужасом поняла, что ее проклятые кудри снова топорщатся в разные стороны вокруг головы. Да и костюм ее был не так элегантен, как наряд Сюзанны. Ткань была грубее и слишком теплая для сегодняшнего вечера. Светло-зеленый цвет, который, как утверждал когда-то Жюльен, очень ей шел, показался ей совершенно неуместным.

«Я выгляжу, как кусок козьего сыра», — подумала она, окончательно растерявшись.

Сюзанна предложила пойти в рыбный ресторан в Сент-Питер-Порте. Они сидели на веранде с видом на море и ели морской язык, но Беатрис не находила никакой разницы между морским языком и порцией рыбы с жареной картошкой в каком-нибудь темном кабачке. Ее не трогала еда, ее не интересовал волшебный вечерний свет, заливший гавань. Она смотрела на Жюльена и думала, как выглядит в его глазах.

Она не выдерживала никакого сравнения с Сюзанной, и, естественно, Жюльен прекрасно это видел. У нее не было ни обаяния, ни красоты, ни элегантности Сюзанны.

Она просто серая мышка из Кембриджа.

Самое ужасное было то, что она так себя и воспринимала — как серую мышку из Кембриджа. При этом этикетка «Кембридж», которая внезапно показалась ей липкой и натертой воском, еще более усиливала ощущение собственной незначительности. «Кембридж» — это тихие, спокойные дни, размеренное течение жизни, неторопливая череда событий, которые никогда не были неожиданными. «Кембридж» — это долгие разговоры с Фредериком, туманные вечера, проведенные у камина, интеллектуальные дискуссии об университетских делах, выходные дни, заполненные работой, когда лишь вечерами удавалось что-то приготовить и посидеть за бутылкой вина, читая друг другу выдержки из газет... «Кембридж» — это был

Фредерик. Она вспомнила его умные теплые глаза. Потом она взглянула в горящие черные глаза Жюльена и подумала, что не должна ощущать те чувства, которые она сейчас испытывала. Она должна сбросить с себя напряжение, вызванное мыслью о том, что жизнь безвозвратно проходит мимо.

Жюльен жил в Париже и работал в одной из газет редактором политического отдела. Он много ездил, водил знакомства с невероятно интересными людьми, вел насыщенную, лихорадочную жизнь, с превратностями которой справлялся с помощью литров черного кофе и дикого количества выкуренных сигарет. Сюзанна снималась по всей Европе, тоже была знакома с интересными людьми, прежде всего, актерами. Сегодня она была в Риме, завтра в Лондоне, а послезавтра в Ницце. Время от времени они с Жюльеном встречались в Париже, обедали с политиками, ходили на званые вечера к деятелям искусства и интеллектуалам. Сюзанна сыпала именами, которые простой человек знал только из газет. Наконец, она замолчала, улыбнулась чарующей улыбкой и спросила:

— А как вы живете, Беатрис? Я все время говорю о себе, но вам, наверняка, тоже есть что рассказать.

— О, — возразила Беатрис, — боюсь, что мне нечего рассказывать. В Кембридже спокойная жизнь. Я работаю в университетской библиотеке, а это не слишком увлекательное занятие.

— Не прячь свой светильник в меру, — сказал Жюльен. Он в первый раз вмешался в разговор. До этого он только поздоровался и сделал заказ. — Ты делаешь вид, словно твоя жизнь — это череда дней, не отмеченных никакими событиями. Но ты всегда была склонна к приключениям.

— Мне так хочется о них услышать! — воскликнула Сюзанна. — Могу себе представить, сколько приключений вы пережили вместе.

— Была война, — напомнил ей Жюльен, — остров был оккупирован. Мне пришлось прятаться, так как меня, вероятно бы, расстреляли, если бы немцам удалось меня поймать. Даже в обыденной жизни было невозможно избежать известного риска.

— Вы много времени проводили вместе? — поинтересовалась Сюзанна. Вопрос прозвучал безобидно, но Беатрис почувствовала, куда клонит Сюзанна.

— Беатрис навещала меня. Я был несчастным жалким пленником. Хуже могло быть разве что в замке Иф. Мы читали книги, и я учил ее французскому, на котором она теперь так безупречно говорит.

— Мы читали «Собор Парижской богородицы», — сказала Беатрис.

— Какое подходящее чтение! — заметила Сюзанна. — Виктор Гюго. Сколько лет вам тогда было, Беатрис?

— Когда появился Жюльен? Четырнадцать или пятнадцать. Во всяком случае, я была очень молода.

— Как романтично все это звучит, — сказала Сюзанна и рассмеялась. Смех ее, однако, был уже не таким звонким и показался Беатрис неискренним и фальшивым. — Могу себе представить, как жарким летним днем вы сидите на пыльном чердаке, читаете Виктора Гюго, Жюльен с тоской смотрит на синее небо, а маленькая Беатрис изо всех сил старается облегчить судьбу несчастного узника... Красивая история, правда?

— В воспоминаниях — да, — сказал Жюльен, — все это выглядит красивой историей. На самом деле, это была страшная история.

— Могу себе представить, — согласилась Сюзанна. Она взяла со стола сумочку.

— Простите, я ненадолго отлучусь.

Когда она исчезла в направлении дамского туалета, Жюльен тихо сказал:

— Ты сильно изменилась.

— Прошло довольно много лет. Я стала старше.

Он задумчиво стряхнул несколько крошек со скатерти.

— Естественно, но я говорю не об этом. Сколько блеска было раньше в твоих глазах. В них была жажда жизни, отвага, решительность — все, что так пленило меня. Куда все это делось?

Беатрис убрала руки со стола, хотя Жюльен не выказывал ни малейшего намерения к ним прикоснуться.

— За то, что я тебя пленила, ты тогда очень быстро и без проблем исчез.

Он вздохнул.

— Да. Это было... — он пытался найти нужные слова, но так и не смог придумать, что и как он хотел сказать. — Я не мог тогда думать ни о чем, кроме свободы, — проговорил он наконец. — Свободы и жизни. У меня были украдены лучшие годы жизни, и я хотел их вернуть. Ни о чем другом думать я тогда не мог.

— И поэтому ты забыл обо мне.

— Я никогда тебя не забывал, — возразил Жюльен. — Ни в мае сорок пятого, когда пришло освобождение, ни потом. Я не забыл тебя до сих пор. Но ты отошла на второй план. А потом...

— А потом мы потеряли друг друга из вида.

— Да, я был во Франции, а ты здесь. Это, конечно, не Бог весть какое расстояние, но, наверное, в тот период жизни оно оказалось непреодолимым.

— Да, очевидно. А потом появилась Сюзанна.

— Потом появилась Сюзанна, — он замолчал, словно прислушиваясь к звучанию этого имени. — Она появилась и была рядом. То, что потом произошло, казалось тогда неизбежным.

— Почему она захотела приехать на Гернси?

— Я много ей о нем рассказывал.

— Ты рассказывал ей обо мне?

— Нет. Ты рассказывала обо мне своему мужу?

— Нет.

Жюльен улыбнулся.

— Какой он?

— Кто? Мой муж? Он... — она помедлила. — Он — моя надежная опора. В нем много тепла и спокойствия.

Жюльен продолжал улыбаться.

— Но блеск в твоих глазах исчез.

— Блеск исчезает, когда человеку тепло и спокойно.

Ее ответ, кажется, не убедил Жюльена, но возразить он не смог, потому что в этот момент к столу вернулась Сюзанна. Она подкрасила губы, расчесала волосы. Сейчас она была не просто красива, она источала почти неземное совершенство.

— Привет, парочка, — сказала она, — кажется, в мое отсутствие вы успели поделиться некоторыми воспоминаниями?

— Да, вспомнили славные старые времена, — ответил Жюльен. — Ты прекрасно выглядишь, *cherie*. Не хочешь кофе?

— На прощание я лучше выпью бокал шампанского, — сказала Сюзанна. — В конце концов, сегодня особенный вечер. Наш последний вечер на Гернси, — она наклонилась к Беатрис. — Завтра утром я улетаю в Венецию, сниматься для журнала мод.

— Мы же договорились, что я побуду здесь еще пару дней, а в конце недели мы встретимся в Париже, — напомнил ей Жюльен.

— Я поменяла планы, — с чарующей улыбкой ответила Сюзанна. — Ты поедешь со мной в Венецию, и тогда мне будет легче сосредоточиться на съемках.

— Я бы хотел остаться, — возразил Жюльен.

— Ты поедешь со мной, — безапелляционно объявила Сюзанна.

«Наверняка она устроила ему вчера хорошую сцену, — думала Беатрис, — она не из тех женщин, которые легко позволяют перечеркивать их планы».

Солнце пекло слишком сильно для июня, у горизонта над морем стелилась едва заметная дымка. Гладкие камни на берегу бухты Пти-Бо излучали приятное тепло. Над кустами, обрамлявшими тропу в скалах, деловито жужжали пчелы. Сонная атмосфера висела, казалось, над всем островом. Где-то кипела жизнь, но ее натиск не доходил до бухты. Две пожилые дамы, разувшись и подтянув штанины брюк, шли по кромке прибоя вдоль берега. Белопенные волны перекатывались через их босые ступни, и, откатываясь назад, заливали их следы. Кроме этих двух женщин, на берегу не было ни единой души.

— Сейчас просто слишком жарко, — пробормотал Жюльен, — слишком жарко, чтобы заниматься чем-нибудь разумным.

Он улегся на широкий камень, положил голову на соседний камень и, прищурившись, стал смотреть на солнце. Загар на его лице стал еще темнее. Жюльен выглядел фантастически молодым и здоровым.

— Нам надо окупаться, как те пожилые дамы, — сказала Беатрис, — это в высшей степени полезно для здоровья.

Жюльен в ответ буркнул что-то невнятное. Он был абсолютно, раздражающе, спокоен, слишком спокоен, если предположить — а Беатрис предполагала, — какое раздражение вызывала у него Сюзанна. Она вынуждена была улететь в Венецию, чтобы не опоздать на запланированные съемки, а Жюльен остался на Гернси, и Сюзанна ничего не смогла с этим поделать. Беатрис могла только догадываться о том, что она часто ему звонила, чтобы высказать свои упреки, но об этом Жюльен ничего не говорил. Казалось, его совершенно не трогало то, что Сюзанна в Италии кипит от негодования. Он остался на Гернси и наслаждался жизнью. Проблемами он займется потом. С совершенно обезоруживающей самоуверенностью он тотчас назначил свидание Беатрис, исходя, видимо, из того, что они, конечно же, должны вместе провести оставшееся ему на острове время. Беатрис не смогла ничего возразить против этого наглого предложения. Жюльен не поинтересовался ее мнением, но, самое удивительное, она и сама не хотела, чтобы ее о чем-то спрашивали. Она чувствовала, что какая-то волна накатилась на нее и сомкнулась над ее головой. У Беатрис не было ни сил, ни желания сопротивляться.

— У меня нет никакого желания плескаться в воде между этими старыми тетками, — пробурчал Жюльен. — Мне хочется, чтобы они поскорее исчезли.

— Почему? Они же никому не мешают.

— Не мешают? — он открыл глаза и внимательно посмотрел на Беатрис. — Тебе нравится, что они здесь?

— Нет, — она постаралась не обращать внимания на его призывный взгляд. — Мне от их присутствия ни хорошо, ни плохо. Мне все равно.

— Ага, — он снова закрыл глаза. — В прежние времена мы бывали здесь одни.

— Да, но это было так давно, — она ждала, что он ответит, но Жюльен надолго замолчал, и Беатрис даже подумала, что он заснул. Но он вдруг неожиданно спросил, ясно и отчетливо:

— Ты вообще любишь своего мужа?

Придя в себя, она ответила вопросом на вопрос:

— Ты любишь Сюзанну?

— Думаю, что да, — помедлив, ответил он.

Ревность тонкой иглой уколола Беатрис в самое сердце.

— Потому что она такая красивая?

— У нее есть и другие качества, — вяло ответил он.

— Какие? — Беатрис хорошо понимала, что сейчас добровольно прыгнет через палочку, которую он ей подсовывает, но не смогла удержаться. — Какие качества есть у Сюзанны, кроме того, что она чудесно выглядит, безмерно обаятельна и носит наряды, о которых другие женщины могут только мечтать?

Жюльен задумался.

— Жизнь с ней разнообразна. Сюзанна постоянно куда-то ездит, а возвращаясь домой, она всегда полна энергии, событий, успеха. Она — мотор, который работает без остановки. Воздух вокруг нее всегда вибрирует. С ней нет ни секунды покоя.

— Тебя это не очень напрягает?

— Конечно, напрягает. К тому же мою работу тоже не назовешь спокойной. Но я не смог бы жить по-другому.

— Ты бы не смог жить так, как я?

— Нет. Уют и покой не для меня. Я до сих пор не получил того, что у меня когда-то отняли. Может быть, я никогда этого не получу. Я оставил позади украденные у меня годы, но меня часто посещает чувство, что я никогда не смогу спокойно откинуться на спинку кресла и сказать: я снова их обрел.

— Но Сюзанна, по крайней мере, иногда, создает у тебя иллюзию, что ты все же сможешь достигнуть цели.

Жюльен улыбнулся.

— Да. Конечно, это иллюзия. Но многие люди, наверное, даже большинство, всю жизнь перескакивают от одной иллюзии к другой и, в известном смысле, это помогает им выжить. И это в моих глазах оправдывает существование иллюзий, — он сел. В глазах его не осталось и следа сонливости. — Дамы ушли, — объявил он. — Мы одни.

От тона его голоса у Беатрис по коже побежали мурашки.

— Мы оба состоим в браке, — напомнила она.

Жюльен взял ее за руку. Глаза его заблестели.

— Да, в самом деле, — сказал он, — это так. Ты всерьез думаешь, что я мог об этом забыть?

Она попыталась вернуть себе здравый смысл, взять себя в руки, вернуть себе хладнокровие, с каким она привыкла встречать трудности, но привычная стратегия не сработала. Ни голова, ни тело не желали слушать доводы разума.

— Ты мог бы об этом и забыть, — охрипшим голосом сказала она.

— Это ты могла бы об этом забыть, — поправил Жюльен Беатрис и поцеловал ее.

Она хотела его оттолкнуть, но была не в состоянии это сделать. Не теперь, когда его рука, приподняв подол платья, принялась неторопливо ласкать ее бедро, когда его пальцы нежно заскользили по ее коже. Сейчас она не могла сопротивляться. Стояло лето, было тепло. Был слышен негромкий шум прибоя, нежное дыхание ветра оведало ее лицо. Она снова была той юной девочкой, которая бежала по вырубленной в скалах тропинке на свидание с возлюбленным, ее сердце билось от томительного предчувствия и ожидания, как и от быстрого бега, как и от страха, потому что на острове были немцы, и каждая ночная вылазка могла закончиться смертью.

Она лежала между камнями на влажном песке, Жюльен был над ней, и ей казалось, что не прошло и дня с того времени вечного сердцебиения.

— Скажи, что ты смертельно скучаешь со своим мужем, — сказал Жюльен, оттягивая наслаждение, но она желала его так сильно, так неудержимо, что забыла всю свою гордость и остатки верности.

— Я смертельно скучаю с моим мужем, — прошептала она, понимая, что в этот момент сказала и сделала все, что он от нее требовал. В следующую секунду он овладел ею, и она забыла Фредерика и все, что было в ее жизни.

— Уже второй час, — тихо сказала Франка, — и я не заметила, как быстро прошло время.

Беатрис вздрогнула, словно очнувшись от воспоминаний, в которые была погружена.

— Простите меня, Франка, я слишком разговорилась и не даю вам спать. Надеюсь, вам было не очень скучно.

— Совсем нет, напротив! Что было дальше?

Беатрис вздохнула.

— Ну... этим, естественно, не кончилось. Мы оба хотели большего. Мы начали встречаться каждый день, и каждый день любили друг друга. Мы забыли все и вся. Хелин заметила, что что-то происходит, заметил это и Фредерик. Он, как обычно, звонил мне каждый день, а я рассказывала ему, что дело с продажей дома не продвигается, и мне придется задержаться дольше, чем я думала. Он говорил, что у меня какой-то странный голос, и что я вообще изменилась. Он чувствовал, что со мной что-то не так, но я, конечно, спорила с ним, говоря, что все в порядке. Но все было не в порядке. У меня был роман с мужчиной, который уже однажды бросил меня, и я знала, что он снова это сделает, но не могла сопротивляться, — Беатрис нервно пошевелила руками. — Я лишилась всего, чем прежде так гордилась: силы воли, гордости, дисциплины. Я была воском в руках Жюльена. И я не испытывала ни малейшего желания перестать быть воском. Я жила! Каждой клеточкой моего тела и моей души я жила. Добровольно я не отказалась бы ни от одного мгновения той жизни.

— Вы говорили о будущем? Я хочу сказать, о вашем совместном будущем.

Беатрис отрицательно покачала головой.

— Мне почему-то было ясно, что об этом не может быть и речи. Жюльен ничего об этом не говорил, но все было ясно и так. У нас были только эти две летние недели. После этого каждый из нас должен был вернуться к своей обычной жизни, и, вероятно, мы бы никогда после этого не встретились.

— И вы могли с этим жить?

— Я должна была с этим жить, и поэтому смогла. Думаю, что каждый из нас получил то, что хотел. О будущем мы не думали.

— Что получили вы?

— У меня была печальная молодость, — сказала Беатрис. — После войны мне пришлось пролить море слез. Мне пришлось окунуться в жизнь, которая не соответствовала моему возрасту. Жюльен смог дать мне легкость бытия. Эта легкость так и не исчезла, она до сих пор при мне. И за это я очень благодарна Жюльену, как и своей судьбе.

— Но чего хотел Жюльен?

Беатрис пожала плечами.

— На это надо смотреть без всяких сантиментов. Жюльен просто хотел снова овладеть своим прежним имуществом. Ему хотелось убедиться, что он может опять завладеть мною. Таковы южные французы.

— Сюзанна что-то заметила?

— Разумеется. Впоследствии мне стало ясно, что она все поняла уже в первую секунду, когда мы встретились на скалах и мы с Жюльеном узнали друг друга. Ужин ей понадобился для того, чтобы полностью уяснить ситуацию. Недаром она захотела, чтобы Жюльен отправился с ней в Венецию. Безусловно, она окончательно все поняла, когда Жюльен, вместо того, чтобы приехать в Париж в конце недели, как они договаривались, позвонил ей по телефону и сказал, что задержится еще на недельку. У Сюзанны были съемки и она не могла приехать и вмешаться. Наверное, ее сильно нервировало, что мы на острове наслаждаемся друг другом, а она снимается для модных журналов и не может ввязаться в драку.

— Для вас это была очень некрасивая и неприятная ситуация.

— Естественно. Должно быть в ней накопилось много ярости, потому что когда она приехала в конце июля на Гернси, то закатила сцену, которую можно было снимать в кино. Я не буду рассказывать подробности, потому что Сюзанна употребляла слова, которые не принято произносить в приличном обществе. Она превратилась в дикого зверя, когда возникла угроза ее собственности.

— И все это слышала Хелин, — сказала Франка.

Беатрис кивнула.

— Да, эта ссора произошла в нашем доме. Хелин все время была рядом, да, между прочим, и Мэй тоже. Она как раз пришла к нам в гости. В конце концов, обе поняли, что у меня в течение шести недель была любовная связь с каким-то французским журналистом, который, к тому же, был моим любовником во время войны. Бедная Хелин была близка к обмороку. Я обманула ее дважды: во время войны и теперь. Но теперь она знала все, о чем не ведала раньше.

— После этого вы виделись с Жюльеном?

— Ни разу. Ни разу после устроенной Сюзанной сцены, которая,

можно сказать, и была нашим прощанием. Мы даже не смогли сказать друг другу «до свидания». Когда я на следующий день пришла в отель, их там уже не было. Думаю, что она предъявила Жюльену ультиматум: или он уезжает с ней, не повидавшись со мной, или она с ним разведется. Жюльен понял, что ее терпение лопнуло. К тому же, он получил то, что хотел. Он уехал.

— А вы...

— А я была беременна. Как вскоре выяснилось. Я вернулась в Кембридж, не продав дом, и скоро Фредерик понял, что у нас будет ребенок. Естественно, он думал, что это его ребенок. Он был просто вне себя от счастья.

— А вы?

— Для меня это был плохой период, — ответила Беатрис. — Я чувствовала себя жалкой и несчастной. Беременность протекала тяжело, меня постоянно тошнило, началась депрессия. Меня тянуло к Жюльену, мучила совесть по отношению к Фредерику, который не знал, куда меня усадить. Конечно, он видел мою раздражительность, мои постоянные слезы, но списывал их на счет беременности. Ему даже в голову не приходило, что могла быть какая-то другая причина.

— Это бы никогда и не открылось, — тихо проговорила Франка.

— Нет, — согласилась Беатрис, — не открылось бы. Алан родился бы и воспитывался, как наш с Фредериком ребенок. Я бы снова привыкла к размеренной кембриджской жизни, и, вероятно, снова обрела бы душевный покой. Мне было бы хорошо. Мы с Фредериком до самой старости прошли бы по жизни рука об руку.

— Но тут появилась Хелин...

— Да, в буквальном смысле. Она приехала. В начале января 1957 года. Она появилась у наших дверей так же неожиданно, как в Лондоне, когда я хотела привести Фредерика в свою квартиру. У нее было два чемодана и она была страшно обижена тем, что мы не пригласили ее ни на Рождество, ни на Новый год. Я была на седьмом месяце, у меня был большой живот, отекавшие лодыжки, и ходила я, переваливаясь как утка. К тому времени я уже начала успокаиваться и привыкать к своей обычной жизни. Но у людей бывают иногда странные предчувствия, правда? Стоило мне увидеть стоявшую на пороге Хелин, как я поняла, что у меня будут большие неприятности.

— Она рассказала Фредерику все, что знала.

— Я не знаю, приехала ли она в Кембридж с таким намерением, или решение созрело спонтанно, но однажды, когда я отправилась на прогулку,

Хелин выложила мужу всю правду, рассказала о событиях прошлого лета, о Жюльене, обо мне и Сюзанне, о том, что ребенок, который должен был появиться на свет в марте, у меня от Жюльена, а не от него, Фредерика. Еще я помню, что это был очень холодный январский день, я гуляла до наступления сумерек и основательно замерзла. Вернувшись, я с удовольствием приняла теплую ванну, выпила горячего чая и собралась остаток вечера провести сидя перед камином. Хелин уже легла спать, что очень меня удивило, а Фредерик не вышел из своего кабинета, чтобы встретить меня, как он обычно это делал. В конце концов, я сама пошла к нему. В кабинете сильно пахло виски, что тоже было совершенно необычно. До тех пор я ни разу не видела, чтобы Фредерик столько выпил. Глаза его были красны от слез, лицо — мертвенно-бледным. Сначала я подумала, что умер кто-то из близких ему людей. Может быть, кто-то из студентов? Я перебирала возможности, стоя на пороге, и смотрела, как он идет ко мне. Я не понимала, в чем дело, но почувствовала, что между нами, мной и Фредериком, возникло что-то темное, что над нами нависла какая-то опасность. Я не знала, что это за опасность, но мне стало страшно.

— Фредерик, — прошептала я, — что случилось?

Выпил он, должно быть, много, но на ногах стоял твердо. Вероятно, потрясение было так велико, что алкоголь не оказал на него никакого действия. Говорил он запинаясь, но внятно и отчетливо. Он был одновременно пьян и не пьян. Никогда в жизни мне не приходилось видеть человека в таком состоянии.

— Скажи, что это неправда, — взмолился он, — ради господина Бога, скажи, что это неправда!

Сначала я не поняла, что он имеет в виду, но он, казалось, не мог сформулировать и высказать, что было у него на уме. Если бы не запах виски, я бы даже не предположила, что он пьян, скорее, подумала бы, что он заболел. Я усадила его в кресло перед камином и снова спросила, что случилось. Больше всего мне хотелось сесть у его ног и обнять его колени, но из-за живота я не могла этого сделать. Я стояла перед Фредериком и гладила его по волосам, прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он смог подобрать слова и пересказать мне свой разговор с Хелин. Рассказывая, он смотрел не на меня, а на противоположную стену, а лучше сказать, в пустоту. Я тоже отвела взгляд и уставилась на книжную полку, машинально читая тисненые заголовки на корешках книг. Пол подо мной закачался, во рту высохло, к горлу подступила тошнота. Мне сразу стало ясно, что я ничего не смогу отрицать, хотя Фредерик был готов поверить каждому моему слову.

— Скажи, что это неправда, — повторил он и на этот раз посмотрел мне в глаза. Он прочитал в них ответ до того, как я успела открыть рот. Он еще больше побледнел, хотя это казалось невозможным, и заплакал, а я продолжала механически гладить его по голове. Мне стало трудно стоять — до того сильно кружилась голова. Никогда в жизни не приходилось мне видеть такого раздавленного, морально уничтоженного человека. Я поняла, что кувшин разбился вдребезги и склеить его уже не удастся. В тот вечер Фредерик был раздавлен. Раздавлена была и вся наша жизнь. Вскоре распался и наш брак.

Беатрис молчала, воспоминания болью отражались на ее лице.

— Нам не стоило делать вторую попытку, — добавила она, помолчав.

— Он потребовал развода? — охрипшим голосом спросила Франка.

— Нет, он не стал этого делать. Он был готов дать будущему ребенку свое имя, был готов наладить нашу совместную жизнь. Он хотел, чтобы все стало так, как было прежде. Но из этого ничего не получилось. Он не смог переступить через эту историю, а мне стало ясно, что я не смогу жить с этим сломленным человеком. Его уныние давило меня все сильнее и сильнее, я потеряла всякий вкус к жизни, я худела, бледнела и часто плакала. Когда Алану было полгода, я решила уехать. Фредерик сразу с этим согласился. Ему тоже стало понятно, что у нашей совместной жизни нет будущего.

— И вы вернулись сюда.

— Это было единственное место, куда я могла уехать. Здесь мой дом, моя родина. Альтернативой была маленькая квартирка, но мне хотелось, чтобы Алану было просторно, чтобы он рос на природе. Для этого Гернси — идеальное место.

— Но здесь была Хелин, — напомнила Франка, — и именно она все разрушила. Как вы смогли жить с ней под одной крышей?

— Сначала мне казалось, что не смогу, — сказала Беатрис, — во мне клокотала ярость, мне было очень больно. Мне хотелось раз и навсегда вышвырнуть ее из дома. Но когда я приехала, она сидела здесь, за этим столом, плакала, жаловалась и проклинала себя, и я поняла, что не смогу этого сделать. Она являла собой очень жалкую картину, а кроме того, мне в голову пришло, что... — Беатрис помедлила, — что, в конце концов, не Хелин разрушила мой брак. Она поступила нехорошо, но она сказала правду. Понимаете? Роман с Жюльеном действительно был. Чувства, толкнувшие меня к Жюльену, были истинными. В наших отношениях с Фредериком была какая-то фальшь, иначе я никогда бы не бросилась в объятия Жюльена. Думаю, что и без вмешательства Хелин наш брак все

равно бы распался.

— Вы больше не испытывали к ней ненависти?

— О, испытывала, и еще какую, — ответила Беатрис, — я испытываю ее и теперь. Но не из-за этой истории. Я ненавижу Хелин за то, что она вцепилась в меня и на всю жизнь привязала к себе. В 1940 году она вошла в мой дом и оккупировала его, и она оккупирует его до сих пор. Она так и осталась оккупантом. Когда Уинстон Черчилль объявил об освобождении островов в проливе, он забыл о Хелин Фельдман.

— Вы снова, как и ваши родители, занялись разведением роз? — осторожно спросила Франка.

Где-то в доме пробили часы.

— Половина второго, — сказала Беатрис, — пора потихоньку укладываться спать. Давайте, — она взяла со стола бутылку вина, — выпьем еще по глотку. После этого чувствуешь себя намного лучше, — она разлила в стаканы рубиновый напиток.

Да, я занялась разведением роз, — Беатрис без всякого перехода начала отвечать на вопрос Франки, — мне же надо было чем-то заняться. Продолжить дело родителей — это напрашивалось само собой, — она сделала порядочный глоток. По ее глазам было видно, что мысленно она вернулась в те годы.

Я наняла одного местного садовника, хорошо понимавшего в розах, и он научил меня тому, чего я не знала. Должна сказать, что основную работу сделал, конечно, он, и если мне удалось добиться каких-то успехов в селекции и выведении сортов, то это только благодаря ему. Я не стала богачкой, но смогла расплатиться с садовником и прокормить себя. К тому же я получаю небольшую пенсию, и все вместе позволяет мне держаться на плаву. Вместо Кембриджа у меня теперь эти проклятые розы, — она горько улыбнулась.

Я растила сына и заботилась о Хелин, которая с годами становилась все более и более неприспособленной к жизни. Бывали моменты, когда я ненавидела каждый миг своей жизни. Но каким-то образом я выстояла и думаю, что сегодня у меня нет никаких оснований жаловаться на жизнь. В целом, все вышло не так уж плохо.

«Она лжет», — подумала Франка, но из уважения к пожилой женщине не стала ей возражать.

Она никогда не думала, что ей в жизни придется так скучать. Ну, уж, во всяком случае, не в Лондоне. По Сент-Питер-Порту ей были хорошо знакомы серые пустые дни, когда бесконечное вязкое утро медленно переходит в такой же пустой и скучный день. С наступлением вечера жизнь немного оживлялась, но каждый наступивший день ставил перед ней все ту же непреодолимую проблему — чем занять себя до вечера?

Она, конечно, могла спать, сколько ей было угодно, но, самое позднее, в одиннадцать часов она просыпалась окончательно и не могла больше лежать в постели. Встав, она — в трусиках и футболке — принималась бродить по квартире, разглядывая картины на стенах, хотя уже наизусть выучила, как они выглядят. Потом она брала с полки пару книг, скучая, перелистывала их, ставила на место и останавливалась, наконец, на модных журналах, которые покупала, как правило, накануне. *Ego* газеты, которыми был набит весь дом, ее не интересовали, это были периодические издания по юриспруденции.

Завтрак, который она ела, читая — а, точнее, рассматривая фотографии — состоял из апельсинового сока, бутерброда с сыром и многих чашек крепкого черного кофе. Потом она выкуривала сигарету и смотрела в окно, присматриваясь и прислушиваясь к тому, что происходило на улице, и спрашивая себя, *так ли должно выглядеть приключение*, на которое она рассчитывала.

Потом она принимала душ, одевалась и была готова идти — правда, она и сама не знала, куда. Она шаталась по улицам и магазинам, жадными глазами смотрела на восхитительные вещи, которые с удовольствием бы купила, часами бродила по «Хэрроду», примеряла десятки платьев и уходила, так как у нее не было денег на все это великолепие.

Погода стояла солнечная и теплая, и около двух часов она, обычно, заходила в какое-нибудь уличное кафе, выпивала чашку кофе и съедала пончик. Чтобы немного повеселеть, она напоследок выпивала бокал шипучего вина — конечно, она предпочла бы шампанское, но деньги угрожающе таяли, и она не могла позволить себе такую роскошь.

«Алан мог бы время от времени подбрасывать мне денег», — раздраженно думала она.

Она прожила в Лондоне у Алана уже десять дней, и пока не было никаких признаков того, что ее жизнь как-то изменится в лучшую сторону.

Алан совсем не думал о том, как сделать ее существование более приятным.

Вечерами он всегда приглашал ее на ужин, это она была вынуждена признать, а потом, по возвращении домой щедро поил ее дорогими винами и шампанским. Но рано утром он уходил в свою контору и возвращался лишь вечером.

«Его абсолютно не интересует, что я делаю целыми днями», — злясь на него, думала она.

На второй день после приезда она неожиданно нагрянула в контору, чтобы пойти с ним в ресторан пообедать. Алан в это время беседовал с двумя клиентами, но вышел, когда секретарша сказала ему, что пришла Майя. Она была одета дорого и шикарно, и заметила, что очень ему нравится.

— Прости, радость моя, — с искренним сожалением произнес он, — но обедать мне придется с клиентами. Мы уже договорились об этом.

Она надула губки и отбросила волосы назад с такой силой, что тихо звякнули сережки.

— А завтра?

— Завтра будет то же самое. Извини. Но зато мы сегодня поужинаем, идет?

Он нежно провел пальцем по ее щеке.

— Мы каждый вечер куда-нибудь ходим, но днем я не могу, прости.

— Почему я не могу пойти с вами?

— Потому что эти люди хотят обсудить со мной вещи, которые предназначены только для моих ушей. Они не станут разговаривать в присутствии посторонних людей. Так что это невозможно.

Уйдя из конторы не солоно хлебавши Майя жутко проскучала весь остаток дня, и, как того следовало ожидать, Алан вечером начал с того, что спросил, как она представляет себе свою дальнейшую жизнь, что она хочет делать и какую работу найти.

— Нельзя же целыми днями сидеть дома или болтаться по улицам, — добавил он напоследок.

Она с самого своего приезда со страхом ждала этого разговора, но надеялась, что Алан начнет его не так скоро.

Она посмотрела ему в глаза, постаравшись вложить в свой взгляд всю искренность и прямоту, на какие только была способна.

— Конечно, ты прав, Алан, — сказала она, — но дай мне, пожалуйста, еще немного времени, хорошо? Для меня все здесь такое новое, такое чуждое. Я должна хоть немного привыкнуть, начать уверенно себя

чувствовать в этом городе.

— Если ты займешься делом, то познакомишься с новыми людьми, — веско произнес Алан, — а это поможет тебе скорее привыкнуть к новому месту.

— Дай мне время, — снова попросила она. — Все такое непривычное и сложное. Но скоро я буду чувствовать себя здесь, как дома.

Как она и надеялась, он не стал возвращаться к этой теме. Конечно, когда-нибудь он снова начнет занудствовать, но она очень хорошо его знала, и понимала, что произойдет это нескоро, а пока он надолго оставил ее в покое. Алан был слишком чувствительным, чтобы давить на других.

«Но если он опять начнет приставать, — подумала она, — то я что-нибудь придумаю».

Дважды звонила Мэй и спрашивала, навестила ли уже Майя прабабушку Уайетт. Мать сильно разозлилась, когда узнала, что Майя еще не заглядывала к старухе.

— Майя, я разочарована! Ты же мне обещала. Почему ты не можешь оказать мне эту единственную любезность? Я сказала маме, что ты в Лондоне, и она очень расстраивается, что ты до сих пор не пришла.

«Какая радость — проболтаться целый день в доме престарелых», — недовольно подумала Майя.

Но сегодня, на десятый день пребывания в Лондоне, она уже думала о визите к прабабушке немного по-другому. О том, что она «проболтается» целый день неведомо, где, Майя уже не говорила — она и так не делала ничего другого, заполняя дни бессмысленной деятельностью, которую стыдно было так называть. Вместо того чтобы ходить по магазинам, в которых она все равно ничего не может купить и впадает от этого в еще большую депрессию, она лучше поедет к прабабушке Уайетт и проведет день среди старых вешалок, которые будут ездить ей по ушам. Она подозвала официанта, рассчиталась за тост, вышла на улицу, перешла на другую сторону, подошла к телефону-автомату и набрала номер прабабушки.

Эдит Уайетт, как и многие старики, жила прошлым, прилипнув к старым историям о войне. Она могла часами говорить об оккупации немцами Гернси. Так было всегда, сколько Майя себя помнила. Старуха постоянно жевала одну и ту же жвачку, к которой Майя не испытывала ни малейшего интереса.

Дом престарелых находился близ Лондона, в идиллической деревушке недалеко от Хенли. Большой, украшенный многочисленными

архитектурными излишествами, дом, построенный еще в викторианскую эпоху, был со всех сторон окружен широкой верандой и стоял в большом, немного запущенном саду, где среди фруктовых деревьев были расставлены белые скамьи и стулья. Но старики сидели не там, среди уютной высокой травы и малиновых кустов, а рядами расположились на веранде, как голодные вороны, ждущие, что им перепадет что-нибудь съестное. Когда Майя подошла к веранде, разговоры стихли и все головы повернулись в ее сторону. С каким удовольствием она показала бы им язык.

Майя ненавидела стариков. Она ненавидела седые волосы, трясущиеся головы и слюнявые рты. Она ненавидела зрелище упадка, напоминавшее о том, как близко она сама стоит от той черты, дальше которой начинается прямой путь к неминуемой смерти.

«Жить, — думала она, проходя мимо ворон и стараясь не вдыхать исходивший от них запах старости и болезни, — я должна жить, я должна жить изо всех сил, не так уж много мне и осталось».

Мысль о том, что с Аланом она просто теряет время, пришла ей в голову уже два дня назад и без того сильно ее занимала, но теперь, вдохнув этот мерзкий запах, она поняла, что теперь эта мысль ни на секунду не выпустит ее из своих цепких когтей.

Эдит Уайетт, единственная из всех, сидела не на веранде, а в саду, в глубоком плетеном кресле. На столике перед ней стоял чайник, два столовых прибора и тарелка с печеньем. Миссис Уайетт была просто вне себя от радости от прихода правнучки.

— Наливай себе чай, — сказала она, — и возьми печенье! Ты такая худая, детка. Дай-ка я на тебя посмотрю. Никогда бы не сказала, что ты отпрыск нашей семьи. Таких красивых женщин в нашем роду никогда не было.

К счастью, от прабабушки Уайетт ничем не пахло, иначе сидеть с ней было бы невыносимо.

Майя отказалась и от чая, и от печенья. Все это находилось в посуде, из которой ели старики. Сама мысль об этом вызывала тошноту. «Кто знает, хорошо ли здесь моют посуду», — подумала она, ощутив, как по коже снова побежали мурашки.

Естественно, Эдит Уайетт хотела как можно больше узнать о Гернси, услышать все сплетни и толки, но почти все, кого она знала, уже умерли, а имена, которые называла ей Майя, были Эдит незнакомы.

— Я потеряла всякую связь с Гернси, — печально сказала она, немного помолчав. — И зачем только мы уехали оттуда? Остров был моим миром.

Как верная супруга старой закалки, она без возражений последовала за

мужем, который в середине пятидесятих годов перебрался в Лондон, чтобы принять практику умершего однокашника — это был шанс, упустить который не мог ни один разумный человек. Но Эдит Уайетт так и не привыкла к жизни в Англии, и когда муж умер, она долго колебалась, не вернуться ли ей на Гернси, к детям и внукам. Но муж задолго до смерти купил им места в доме престарелых, и Эдит казалось предательством отказаться от его планов и провести остаток жизни по своему желанию. Так уж она была воспитана: жена должна следовать за мужем. По ее представлениям, этот принцип сохранял свою силу и после смерти супруга.

— Ах, как бы мне хотелось хоть одним глазом еще раз увидеть Сент-Питер-Порт, — она тяжело вздохнула. — Через две недели будет День Освобождения. Остров будет утопать в цветах. Ты тоже примешь участие в шествии, дорогая?

— В это время я буду еще в Лондоне, — напомнила ей Майя. Она сильно хотела пить, но не могла переступить через себя и притронуться к чаю. — Я не могу так скоро вернуться на Гернси!

Эдит посмотрела на Майю умными, проницательными глазами.

— Мэй рассказывала, что ты живешь в Лондоне с Аланом Шэем, сыном Беатрис Шэй.

— Да, он много лет хотел, чтобы я приехала к нему, и я наконец это сделала.

— Ты любишь его? Хочешь с ним остаться?

Майя беспокойно заерзала на стуле.

— Нам надо сначала привыкнуть друг к другу.

— Но вы знакомы уже довольно много лет. Ты уже должна была определиться со своими чувствами, — Эдит снова вздохнула. На ее взгляд, современные молодые люди слишком безответственно относились друг к другу. Они совершенно разучились строить прочные отношения. — Алан Шэй — очень добрый человек, — продолжила она, — на него всегда можно положиться.

— Ты же с ним едва знакома!

— Он много раз навещал меня и твоего прадедушку. Да и здесь был несколько раз. Он очень верный человек, он не забывает людей только потому, что они старые, больные и не могут ему ничего дать.

Майя была удивлена. Алан не рассказывал ей, что время от времени навещает прабабушку Уайетт.

«Очень типично для Алана», — подумала она, недоумевая, почему он ее раздражает. Ведь он, в сущности, очень хороший.

— Ну, ладно, — сказала Эдит. — Надеюсь, что у вас все будет хорошо.

Расскажи мне о Беатрис, о Хелин. Как у них дела?

Майю одинаково не интересовала ни Беатрис, ни Хелин, да, собственно, она и не могла ничего о них рассказать.

— Не знаю, — неохотно ответила она, — наверное, у них все, как всегда.

— Господи, я сейчас словно наяву вижу их молодыми, — сказала Эдит, и глаза ее блеснули, а Майя с ужасом подумала: «Нет, только не воспоминания о военных временах!»

— Тогда, в мае сорок пятого, почти в это же самое время, больше пятидесяти лет назад... знаешь, о чем я думаю каждый раз в мае, в День Освобождения? Эта картина, как живая, стоит у меня перед глазами.

«В этом-то вся беда с вами, стариками», — нервно подумала Майя.

— Беатрис было шестнадцать, она была такая стройная и юная, — продолжила Эдит, — худая, голодная. Как все мы, она, дрожа от нетерпения, ждала, что же будет дальше. Хелин превратилась в собственную тень от страха. Третий рейх рухнул, и она не знала, что будет с ней и ее мужем. Немцы продолжали удерживать острова, но время шло, и люди все чаще спрашивали друг друга, каким будет конец. Мы продолжали прятать этого французского пленного, Жюльена, и нервничали сильнее, чем раньше. Нами овладел суеверный страх, страх, что в последний момент произойдет что-то ужасное, именно потому, что до сих пор нам везло.

Майя вздохнула. Она слышала эту историю уже сто раз!

— В те последние дни продолжали происходить страшные события, — продолжала рассказывать Эдит. — Смертные приговоры приводились в исполнение, немцы стали свирепствовать, понимаешь? О, как мы все дрожали! С невероятной быстротой стали распространяться слухи. Одни утверждали, что немцы взорвут остров. Другие говорили, что они расстреляют всех жителей. Все это, конечно, была полная чушь.

— Конечно, — скучным голосом согласилась Майя.

— Но оккупанты нервничали, а нервные люди особенно опасны, — продолжала Эдит. — Опаснее других был Эрих Фельдман. Мы слишком поздно узнали, что он всю войну глотал психотропные таблетки, и теперь они были ему нужны больше, чем раньше. Но взять их было уже негде. Положение со снабжением острова было катастрофическим. Из медикаментов можно было с трудом раздобыть кое-что для раненых, ну и немного пенициллина... но психотропных лекарств не было нигде, даже на черном рынке, и Эрих все больше и больше впадал в панику, так как был полностью зависим от них.

Майя снова вздохнула, на этот раз громче. Меньше всего на свете ее

интересовал Эрих Фельдман и его проблемы.

— Он стал угрожать Томасу, твоему прадедушке, — сказала Эдит. — Я тебе об этом не рассказывала? Утром того дня, когда он умер — я имею в виду Эриха. Он явился в кабинет к Томасу ни свет ни заря. Выглядел Эрих ужасно: лицо пепельно-бледное, глаза налиты кровью. Он потребовал возбуждающие средства, кричал, что у Томаса, как у врача, должны быть запасы и наверняка у него есть тайные источники... У Томми не было ничего, но Эрих ему не поверил, достал пистолет, и Томасу пришлось открыть ему все ящики, все шкафы — и не только в кабинете, но и во всем доме. Эрих вел себя как одержимый. Мы едва не сошли с ума от страха, потому что на чердаке сидел Жюльен, а люк, ведущий на чердак, был четко виден на потолке. Каждую секунду движимый отчаянием Эрих — а ему и в самом деле позарез были нужны лекарства — мог потребовать у нас лестницу, чтобы обыскать и чердак. Это был настоящий кошмар, — Эдит содрогнулась при воспоминании. — Мне хотелось кричать от ужаса, у меня едва не сдали нервы. Но от этого стало бы еще хуже. Приходилось изо всех сил делать вид, что ничего особенного не происходит.

Эту историю Майя не знала, но никакого интереса к прабабушкиному рассказу не испытывала. Это было страшно давно и не имело никакого значения для ее, Майи, жизни.

— Полагаю, что он не нашел Жюльена, иначе ты не сидела бы сейчас здесь, — недовольным тоном произнесла она.

— Нет, — согласилась Эдит, — я бы здесь не сидела. Эрих ушел, не заглянув на чердак. Но я нутром чувствовала, что этим дело не кончится, и оказалась права. Ближе к вечеру того же дня Томаса вызвали Беатрис и Хелин. Томас приехал к ним. На кухне лежал другой француз, он работал у Эриха, его звали Пьер. Пьер был тяжело ранен. Эрих в него выстрелил. Не знаю, за что... — Эдит наморщила лоб. — Наверное, они поспорили. К тому же Эрих был просто не в себе из-за того, что не мог получить лекарств. Томас рассказывал, что выглядел Эрих еще хуже, чем утром.

— Он смог помочь французу? — спросила Майя. Ей казалось, что еще немного, и она умрет от жажды. «Может быть, мне удастся что-нибудь найти на кухне — банку, не открытую бутылку — чтобы с гарантией знать, что к ней не прикасался ни один из стариков».

— Томас смог ему помочь, — ответила Эдит. — Насколько я помню, Эрих прострелил Пьеру ногу, тот потерял довольно много крови, к тому же стояла страшная жара... — глаза Эдит слегка затуманились. — Да, такие вот были времена, — неопределенно сказала она, и в голосе ее послышалась тоска. — Они были страшными, они были опасными, но мы

все держались друг за друга, мы жили... а здесь у меня порой возникает чувство, что меня вообще уже больше нет.

— Тебе надо вернуться на Гернси, — сказала Майя. — Бабушка будет очень рада, если ты поселишься у нее.

— Не знаю... — пробормотала в ответ Эдит, причем так и осталось неясным, относится ли ее сомнение к радости Мэй, или к самому предложению вернуться на родину. — Кто знает, нужна ли я там кому-нибудь...

Майя встала.

— Прости, я на минутку сбегаю на кухню, ладно? Мне очень хочется пить...

Эдит показала рукой на чайник.

— Чай...

— Я хочу чего-нибудь холодного, — поспешно возразила Майя, — сегодня слишком тепло для чая.

— Да, весна стоит солнечная, — согласилась Эдит, — и наверное поэтому у меня такие живые воспоминания. В сорок пятом было так же тепло. Тепло и в апреле, и в мае...

«Они все ведут себя так, как будто это были прекрасные времена, — думала Майя, идя к дому. — Но ведь тогда было просто страшно. Она просто не смогла бы тогда жить. Война, голод, плохая одежда...»

Она скорчила недовольную гримасу и вздрогнула. Дойдя до дома, она — к своей радости — обнаружила открытую заднюю дверь. Ей очень не хотелось снова проходить мимо стариков, которые опять принялись бы на нее глазеть.

Коридор от двери привел Майю на кухню, уставленную рядами больших холодильников. В центре стояла исполинская плита. На кухне стояла немыслимая чистота — ни грязной посуды, ни пылинки. При всем желании этот дом престарелых нельзя было назвать неряшливым.

Один из холодильников был открыт. Возле него сидел на корточках какой-то молодой человек и рылся на полках. Услышав шаги Майи, он смущенно вскочил и обернулся. В руке он держал бутылку кока-колы. Бутылка запотела от холода, по стенке медленно сползала капля. При виде бутылки у Майи подогнулись колени.

— О, — сказала она, — здесь, оказывается, есть кока-кола!

— Я бы с радостью расплатился, — смущенно произнес молодой человек, — но никого здесь не нашел. Вы здесь работаете? Я могу...

— Я — посетительница, — перебила его Майя, — и почти умираю от жажды, — с этими словами она отодвинула молодого человека в сторону,

сунула руку в холодильник и извлекла оттуда еще одну бутылку. — Не хочу пить чай, который им здесь дают.

— Чай у них отвратительный, — согласился молодой человек, — он такой жидкий, что с равным успехом можно пить просто воду.

— Я его даже не пробовала, — сказала Майя. Бутылка тихо зашипела, когда она отвернула колпачок. — Меня тошнит от их посуды. Не знаю, хорошо ли ее моют.

— Я видел здесь большие посудомоечные машины, — возразил молодой человек. Он тоже открыл бутылку. Очевидно, Майя придала ему мужества. — Как вкусно, — пробормотал он.

Майя одним глотком выпила почти всю бутылку.

— Да, и правда, вкусно, — сказала она. — Не знаю, что на меня так действует — жара или здешняя атмосфера, но мне очень хотелось взбодриться.

— Вы приехали к бабушке или к дедушке? — поинтересовался молодой человек. По его глазам было видно, что он очарован Майей. Она давно привыкла к тому, что при взгляде на нее в глазах мужчин сразу появляется такой блеск.

— Я навещаю свою прабабушку, — сказала она.

Он не смог скрыть изумления.

— В самом деле? Это большая редкость. Я хочу сказать, что редко у кого есть прабабушки.

— В нашей семье много долгожителей, — сказала Майя.

Они стояли друг против друга в какой-то нерешительности. Майя отметила, что у молодого человека мягкие, шелковистые светло-русые волосы, глаза цвета топаза, нежные, притягательные чувственные губы.

«Какой красивый мальчик», — подумала она.

— Меня зовут Фрэнк, — сказал он, — Фрэнк Лэнгтри.

— Майя Эшуорт.

— Очень приятно, Майя. Где вы живете, в Лондоне?

— Да. И вы тоже?

— Да. Может быть, поедем назад вместе. Вы на машине?

— Нет, я приехала автобусом.

— Тогда я подвезу вас. Если вы, конечно, не возражаете.

Майя очень обрадовалась. Она ненавидела автобусы, и к тому же красивый мужчина позволит ей скорее забыть мерзкое впечатление от дома престарелых.

— В пять часов? — спросила она.

Он торопливо кивнул.

— Отлично. Встретимся у ворот в пять часов.

День снова обрел смысл. Майя ощущала это почти физически, возвращаясь к Эдит с бутылкой кока-колы, в которой оставался еще глоток напитка. Солнце сияло веселее, зелень кустов и деревьев стала ярче. Теплый ветерок ласково играл ее волосами.

«Посмотрим, что будет, — думала Майя. — Оказывается, не так уж глупо время от времени посещать дома престарелых».

Первое мая выпало на понедельник. Франка еще накануне приготовила чашу для крюшона, с которой собиралась праздновать наступление мая. Пришли Мэй и Кевин. Мэй снова разговаривала с Беатрис, но напряжение продолжало сильно чувствоваться — во всяком случае, слова окончательного примирения произнесены еще не были. Беатрис почти две недели ничего не слышала об Алане, и Франка поняла, что она хочет послушать, что Мэй расскажет о Майе. Судя по всему, правда, никто этого не замечал. Беатрис пила крюшон, смотрела на море, и по ее бесстрастному лицу было невозможно понять, что происходило в ее душе.

— Майя, слава богу, наконец-то съездила к моей матери, — сообщила Мэй. — Мама была просто потрясена ее красотой. Выглядит она умиротворенной, — Мэй искоса посмотрела на Беатрис. — Кажется, у нее все хорошо.

— Восхитительно, — коротко отозвалась Беатрис.

— Все люди когда-нибудь взрослеют, — продолжала Мэй, — может быть, повзрослела и Майя. Ведь это возможно, правда?

После всего, что она узнала о Майе, Франка сильно сомневалась, что эта девушка сможет зайти так далеко, но ничего не сказала. В принципе, Майя и Алан настолько же не подходили друг другу, как не подходила вражда отношениям между Мэй и Беатрис. Несмотря на то, что Франка теперь знала довольно подробно историю жизни Беатрис она все же, испытывала некоторое стеснение, не дававшее ей вмешиваться в отношения пожилой дамы. Она чувствовала, что несмотря на откровенность, между ними оставалась дистанция, и Франке казалось, что Беатрис хочет, чтобы она эту дистанцию соблюдала.

Они допоздна просидели на выходящей во двор веранде; вечер был светлым и теплым, горизонт на западе темнел медленно и неторопливо. Франка, как всегда, вела себя как сторонний наблюдатель. Она сразу заметила, что Кевин очень бледен и сильно нервничает, а Хелин погружена в свои мысли. Франка вспомнила, что первое мая — день смерти Эриха Фельдмана. Наверное, Хелин мысленно снова переживает те драматические часы, от которых ее теперь отделяли пятьдесят пять лет. Мэй и Беатрис время от времени обменивались колкостями. По сути, жизнь здесь вовсе не такая идиллическая, как ей могло показаться на первый взгляд.

К полуночи почти все спиртное было выпито, и Беатрис предложила Мэй и Кевину остаться на ночлег. Мэй тотчас отказалась, сказав, что привыкла спать в своей постели и в привычной обстановке.

— Но ты оставайся, Кевин, — но и он отказался от предложения.

— Нет, нет, мне надо домой, — поспешно сказал он.

«Он сильно сдал, — подумала Франка, — у него даже ввалились щеки».

Он был теперь не так ухожен, как прежде, не такой стильный. Он давно не стригся, от него пахло потом. Ему было плохо, но было непонятно, идет ли речь о душевных страданиях, или о физическом недуге. Он не выказывал ни малейшего желания рассказывать о том, что с ним происходит, но вместо этого торопливо попрощался.

— Его может остановить полиция, а он, ко всему прочему, потерял права, — с тревогой в голосе сказала Беатрис. — Такого легкомыслия я никогда раньше за ним не замечала. К тому же он сильно нервничает. Хотелось бы мне знать, чем он теперь занят.

На следующий день все спали допоздна. В доме было еще тихо, когда проснулась Франка. Она прищурилась от яркого солнца, села и едва не вскрикнула от боли. Голова раскалывалась, глаза горели.

— О, господи, — пробормотала она вслух, — сколько же я вчера выпила?

Она осторожно встала с постели, дотащилась до окна и выглянула на улицу. Майский день открылся ей в своем солнечном сиянии, свежести и прозрачности. Вдали сверкало и искрилось море. У горизонта над водой висела привычная утренняя дымка, но и она почти растаяла.

«Какой чудесный день», — подумалось ей.

Она надела халат, и, как можно тише ступая на цыпочках, спустилась вниз. Во рту страшно пересохло, и очень хотелось пить.

На столе стояли неубранные со вчерашнего вечера стаканы и тарелки. В большом кувшине малиново пламенел крушон. Франка заковыляла в кухню. Каждый шаг отдавался в голове болезненным толчком.

«Хотелось бы мне знать, где здесь аспирин», — подумала она.

Она стояла, опершись на раковину, и мелкими глотками пила воду, когда на улице раздались чьи-то шаги. Кто-то шел к дому. Через секунду в кухонном окне показалось лицо Кевина, стоявшего у входа на веранду. Франка так испугалась, что едва не выронила стакан.

— Господи, это же всего лишь Кевин, — сказала она себе вслух и открыла ему дверь.

Он тотчас вошел, очевидно, испытывая большое облегчение от того,

что встретил в доме уже проснувшегося человека.

— Ах, Франка, как приятно вас видеть, — сказал он. — Я понимаю, что еще очень рано, но...

Он не закончил предложение, так как и сам не мог объяснить, какая причина вытолкнула его в такую рань из постели. Если он, вообще, в ней был. Глядя на него, Франка сильно в этом сомневалась. Кевин выглядел так, словно всю ночь не смыкал глаз и даже не ложился.

— Я хотел спросить, нет ли у вас желания прийти сегодня вечером ко мне, — торопливо заговорил он, — я имею в виду всех — вас, Хелин и Беатрис. Сегодня день смерти мужа Хелин, и ей всегда тяжело в этот день. Я что-нибудь приготовлю, и мы сможем немного отвлечь ее от мрачных мыслей.

— О, это превосходная идея, — удивленно ответила Франка. — Я с удовольствием приду. Хелин и Беатрис еще спят, но думаю, что и они будут очень рады.

— Ну так, может быть, вы мне позвоните, когда все будет ясно, — Кевин нерешительно переминался с ноги на ногу. Было видно, что он сильно нервничает и очень напряжен. Его явно расстроило, что он не встретил ни Хелин, ни Беатрис, но на это он едва ли мог рассчитывать в такой ранний час.

— Вы действительно думаете, что они согласятся? — спросил Кевин.

Казалось, что от этого решения для него зависело очень многое. Франка смотрела на его бледное лицо и думала: неужели одни только денежные проблемы могли лишить этого человека сна и покоя?

— Не вижу здесь никакой проблемы, — дружелюбно ответила Франка. — Я, во всяком случае, приду.

— Отлично, значит, договорились? Я жду вас у себя в семь часов, — сказал Кевин. Он устало отбросил со лба прядь волос, и Франка заметила, что лицо его покрыто пленкой пота.

— Вы себя плохо чувствуете? — спросила она. — Вы ужасно выглядите. Не хотите кофе?

— У вас нет коньяка? — неожиданно спросил он.

Франка, смутившись, принесла из столовой бутылку и стакан. Кевин одним глотком опрокинул стакан, еще раз напомнил Франке время визита и попрощался.

Франка заварила себе крепкий кофе, еще раз безуспешно поискала аспирин, и, взяв книгу, вернулась в гостиную. Тяжесть в голове и недосыпание сделали свое дело.

Несмотря на выпитый кофе, Франка уснула, сидя в кресле.

Алан сидел за столом, завтракал и читал «Таймс», и в отчаянии спрашивал себя, почему так часто приходится ему дважды прочитывать один и тот же абзац, чтобы понять его содержание. Почему он не может сосредоточиться? На столе был апельсиновый сок, чай, яйца всмятку, обжаренный хлеб, разные сорта мармелада, сыр и пара ломтиков лосося. Алан прилагал все мыслимые усилия, чтобы на столе было все, что любила Майя. Это был настоящий воскресный завтрак — но он приготовил его в понедельник. В восемь часов он позвонил секретарше и сказал, что не придет сегодня в контору.

— Но... у вас назначены встречи... — в ужасе залепетала она, но Алан перебил ее: — Отмените все. Я приду завтра утром, — и положил трубку.

В субботу он скупил почти весь продовольственный отдел в «Хэрроде», потратив массу времени на то, чтобы выбрать все самое лучшее. Собственно, он хотел поехать в магазин с Майей, но она еще утром объявила, что поедет к Эдит и проведет с ней весь день.

— Ты снова собираешься к Эдит? — спросил Алан, удивленно вскинув брови. — За последнюю неделю ты была у нее уже два раза!

— Я знаю. Но в выходные дни она особенно радуется. Знаешь, в домах престарелых субботы длятся целую вечность.

— Ты меня и в самом деле удивляешь. Ты все время жаловалась, что я о тебе совсем не забочусь, что меня все время нет дома, что ты все время одна. Теперь у меня есть время, я могу провести с тобой целый день, и именно на этот день ты куда-то исчезаешь. Ты могла бы навестить Эдит и на следующей неделе!

Она озабоченно посмотрела на него.

— Ой, об этом я и не подумала. Прости, Алан. Но если я откажу Эдит, то...

— Нет, нет! — смиренно возразил он. — Ни в коем случае. Нельзя отказываться от визита в последний момент. Эдит почувствует себя обманутой, — он задумался. — Если бы я поехал с тобой, тогда...

Он почти сразу заметил, что это предложение ее ужаснуло.

— Знаешь, Алан, она неважно себя чувствует. Думаю, она хочет побыть со мной наедине. Так что, если ты не обидишься...

— Нет, нет!

Он, естественно, не чувствовал обиды. Он ощутил беспокойство. Что-то здесь не сходилось. Он знал Майю с момента ее появления на свет. Он слишком хорошо ее знал. Майя никогда не выказывала особой привязанности к семье. Майя была в какой-то степени привязана к своей

бабушке Мэй, но эта привязанность основывалась главным образом на банкнотах, которыми бабушка Мэй щедро делилась с внучкой. Наверное, она неплохо относилась и к Эдит, но, зная Майю, трудно было бы предположить, что она побывает в доме престарелых трижды в течение каких-то десяти дней. Он-то хорошо знал, какой суеверный страх она испытывает перед стариками. Их она избегала, как только могла.

В довершение всего, она и в воскресенье собралась ехать в Хенли. Алан уже принялся готовить завтрак, который должен был выглядеть в точности как сегодняшней, когда вошла Майя и сказала, что уедет на целый день.

— Эдит что-то совсем расхворалась. Я просто хочу побыть с ней, пожалуйста, пойми меня!

И вот теперь, за одиноким завтраком первого мая, в голове его ворочались неприятные мысли. Может быть, все это лишь игра его воспаленного воображения? Майя же говорила ему, что хочет измениться. Она даже показала ему, что сказала это вполне серьезно.

Но так ли это?

В первый вечер, во всяком случае, это было так. Он положил в чашку сахар и принялся задумчиво его размешивать. Он мысленно увидел ее: опрятно одетую и прилично накрашенную — совершенно не похожую на ту размалеванную девицу, какой он привык ее видеть. Но все это было чисто внешнее, это было маской. Сделать это Майе было легко и просто.

«Она все вечера проводила дома», — мысленно прикрикнул он на себя. Каждый раз, когда он возвращался из конторы, она была дома. Лежала на диване, читала, смотрела телевизор и очень радовалась его приходу.

Так отчего он так мучается? В субботу он таскался по городу, делал покупки и отчаянно, но безуспешно пытался избавиться от нараставшего чувства какой-то угрозы. Отмахнуться от нее. Но чувство это постепенно захватило его, и отделаться от него он уже не мог.

Он стоял в «Хэрроде» и думал: «Этого просто не может быть! Я говорю ей: мы идем за покупками. „Покупка“ всегда было для нее волшебным словом. Она же знает, что поход в магазин открывает ей возможность получить массу всяких вещей. Она должна была бросить все на свете и броситься со мной по магазинам, в которых побывала в течение последней недели. Но вместо этого она едет в дом престарелых к Эдит Уайетт!»

Все воскресенье он читал, сидя на скамейке в Сень-Джеймском парке, и чувствовал себя очень одиноко. С наступлением вечера он вернулся домой, надеясь застать там Майю и пойти с ней куда-нибудь

выпить, а потом поужинать. Но в квартире было пусто и тихо. Он смешал себе джин с тоником, зная, что перейдет к более крепким напиткам, если Майя не придет в самое ближайшее время. Пока она жила у него, Алан стал воздерживаться от выпивки. Теперь она была не нужна ему вечерами, когда Майя встречала его нежной улыбкой, когда обвивала его руками, когда он целовал ее, вдыхая ее запах; запах, казавшийся ему невероятно сладким, теплым и знакомым, томительно манящим и принадлежащим ему одному. Сердце, душа, или что там еще есть, начинали бурлить при одном воспоминании о ней. «Господи, — беспомощно думал он, — можно ли в это поверить!»

Всю субботу и все воскресенье у Алана чесались руки — так ему хотелось взять телефонную трубку и позвонить Эдит, узнать, у нее ли Майя или уже ушла. На самом деле, ему, конечно же, хотелось узнать, была ли она там вообще.

Он казался себе подлым отвратительным шпиоком, и каждый раз откладывал трубку в сторону. Он не стал звонить Эдит, потому что не хотел шпионить за Майей. Или, может быть, потому, что не хотел ничего знать.

В десять часов вечера он выпил первую порцию виски, потом вторую, потом третью. Алана тошнило, он едва не дрожал от холода. Где она болтается так поздно, черт бы ее побрал? В полночь Алан был уже в полном отчаянии. Собственно, в субботу она вернулась домой раньше, чем в воскресенье, но при ее образе жизни Майе абсолютно все равно — выходной завтра или рабочий день, она все равно будет спать до полудня. Но можно ли посетителям так поздно находиться в доме престарелых? Это было просто невероятно. В половине первого он лег в постель, но, несмотря на выпитый виски, уснуть он не мог. Ворочаясь, он непроизвольно прислушивался к тиканью часов. Услышав тихий стук входной двери, он посмотрел на дисплей электронного будильника, стоявшего на ночном столике, и убедился, что была уже половина третьего. Этому уже не могло быть никакого разумного объяснения — при всей его готовности поверить всему, что она ему скажет.

«Не сейчас, — думал он, — только не сейчас. Мне нужно время, чтобы все обдумать и взвесить. Главное — никаких опрометчивых действий».

Он притворился спящим, хотя ему казалось, что кровать сотрясается от невыносимо громких ударов сердца. Майя долго пробыла в ванной, а потом на цыпочках прокралась в спальню. Из всех сил стараясь не шуметь, она заползла в постель. «Естественно, — раздраженно подумал он, — она ни в коем случае не хочет меня разбудить, чтобы я не знал, в котором часу она явилась домой».

Под утро он забылся сном, но в половине седьмого снова открыл глаза. Короткий сон не освежил его, скорее, лишил последних сил. Рядом слышалось ровное дыхание Майи. Солнечный свет сочился сквозь щели жалюзи, не оставив и следа от ночной темноты. Он видел только разметавшиеся по постели волосы Майи. Она зарылась лицом в подушку, плотно завернувшись в одеяло. Проснется она теперь нескоро.

И вот он сидит за красиво накрытым столом и думает, ради чего потратил он столько усилий, зачем, угождая Майе, он не пошел сегодня на работу. Он изо всех сил старался не обращать внимания на пульсировавшую в голове боль. Вчера он выпил слишком много виски, и теперь придется терпеть последствия. Теперь, после того как он в течение двух недель воздерживался — по его меркам — от алкоголя, похмелье давало себя знать сильнее, чем обычно. Сможет ли он когда-нибудь отказаться от алкоголя, как от средства утешения?

«Он погибает, — подумал Алан и потер горевшие, словно песком засыпанные, глаза. — Он сам видит, что погибает, но ничего не может с этим поделать».

Он посмотрел на себя беспощадным взглядом, без следа той мягкости, какую обычно проявлял по отношению даже к самым грубым из своих клиентов. Он видел перед собой сорокатрехлетнего человека, в одиночестве сидящего за завтраком, прогулявшего работу и неспособного притронуться ни к одному из стоявших перед ним гастрономических изысков. Он видел человека, на лице которого многолетнее злоупотребление спиртным оставило неизгладимые следы — мешки под глазами, бледность и расширенные поры. Алан видел некогда красивого мужчину, который изо всех сил стремился к краю пропасти: он рискует потерять почву под ногами, сломаться и через пять лет стать похожим на шестидесятилетнего алкоголика. Но у него еще есть время вывернуть руль. Честность, с которой он сейчас на себя смотрел, указывала ему возможности. Он еще достаточно молод, чтобы заново возродиться. Он еще может избавиться от отпечатков нездоровых излишеств. У него еще есть шанс.

Но как ему воспользоваться этим шансом, если с каждым днем ему вся яснее становилось, насколько основательно он уже успел испортить свою жизнь! Множество никчемных романов вместо долгих, основанных на доверии и товариществе, отношений. Почему он до сих пор не женат, почему у него нет двоих детей, дома, сада и собаки? Зачем он спутался с женщиной на двадцать лет моложе себя, с женщиной, которая спит с каждым первым встречным мужчиной? С женщиной, которая его использует, каждый раз заманивая лживыми обещаниями, делает его

смешным, играет с ним, как ей хочется, и годами мешает ему вступить в отношения с другой женщиной, в отношения, которые, в любом случае, будут лучше, чем авантюра с Майей.

Он должен, просто обязан от нее избавиться, выбросить ее из своей жизни. «Наверняка, — думал он, — и вчера и позавчера она была с каким-нибудь парнем. Вероятно, она обманывает его уже всю неделю, и, при этом не стыдится угощать его байками о прабабушке Эдит, которую она так самоотверженно навещает».

Он понимал, что должен стать агрессивным и злым для того, чтобы указать Майе на дверь. Но по каким-то, ему самому не понятным причинам, он не чувствовал злобы — только печаль, смирение и полную беспомощность.

Франке снилось, что она забивает в стену гвоздь, чтобы повесить картину. Она изо всех сил била по шляпке, но гвоздь ни в какую не желал входить в бетон.

«Наверное, гвоздь, вообще, невозможно забить в бетон», — подумала она и в этот момент проснулась и растерянно посмотрела по сторонам. Она хорошо понимала, что все это ей приснилось, но почему тогда не стихают удары молотка? Гремело во всем доме, и только через несколько секунд до Франки дошло, что кто-то стоит у входной двери и непременно желает попасть в дом.

Она встала и едва не вскрикнула от боли. От долгого сидения в неудобной позе у нее заныли все суставы, шея болела при малейшей попытке повернуть голову. Книга, которую она читала, упала на пол, и, открытая, валялась на ковре. Несмотря на теплую погоду, Франке было холодно. Неудивительно, что она сразу почувствовала себя несчастной и жалкой.

Она вышла в холл. Беатрис уже спускалась по лестнице — заспанная и растрепанная.

— Что случилось? — крикнула она. — Почему меня никто не разбудил? Уже почти двенадцать часов.

— Я тоже только что проснулась, — призналась Франка. — Мы вчера выпили лишнего.

— Боюсь, что да, — Беатрис потуже затянула пояс халата и раздраженно посмотрела на дверь. — Господи, что за ненормальный так стучит? — она попыталась поправить непослушные волосы. — Вы не откроете дверь, Франка?

Франка подошла к двери и открыла. На пороге перед ней стоял

Михаэль.

— Боже мой, — яростно прошипел он, — я уже думал, что никого нет дома!

— Михаэль! — совершенно растерявшись, воскликнула Франка.

Михаэль поднял с крыльца небольшой чемоданчик.

— Я могу войти? Я стою здесь уже целую вечность.

Франка отступила на один шаг.

— Да, конечно.

Михаэль вошел, и Франке показалось, что ясный день потускнел и померк. Франка еще сильнее ощутила пронизавший ее холод, невидимая удавка сдавила горло — это ощущение преследовало ее уже много лет. Ей стало тяжело дышать, грудь с трудом поднималась и опускалась в такт дыханию. Ее охватил противный страх. Страх, неуместный в ее возрасте, неуместный для взрослой женщины. Она помнила, что испытывала его, будучи маленькой девочкой, но почему он вполз в нее сейчас? Но страх был, переполнял ее, поднимался к горлу, и не было никакой возможности от него отделаться.

— Добрый день, — сказал Михаэль, увидев Беатрис. — Я — Михаэль Пальмер.

— Беатрис Шэй, — приветливо отозвалась Беатрис. С налетом раздражения она посмотрела на Франку. — Вы не сказали мне, что ждете мужа.

— Она меня не ждала, — объявил Михаэль, — я приехал экспромтом.

— Ах, вот оно что, — сказала Беатрис. Франка могла бы поклясться, что от Беатрис не укрылось ее замешательство.

— Франка, идите с мужем в гостиную. Из кухни возьмите кофе, чай, воду и что там еще вам может понадобиться. Если я вдруг понадоблюсь, то я наверху.

У Франки вдруг возникло совершенно детское желание попросить Беатрис остаться. Но она, естественно, подавила этот порыв. Она лишь сказала:

— Беатрис, приходил Кевин. Он пригласил нас на ужин — вас, Хелин и меня, на семь часов.

— Удивительно, какой у нас сегодня с самого утра наплыв посетителей, — сказала Беатрис. — Вы уверены, что это был Кевин? По будням он обычно не приглашает.

— Он сделал это из-за Хелин... — начала было Франка, но услышав нетерпеливый кашель Михаэля, умолкла. — Но, в любом случае, это был Кевин, — зачем-то сказала она, хотя было ясно, Беатрис и без того в этом

не сомневается.

— Есть ли здесь комната, которую я бы мог снять на одну ночь? — спросил Михаэль. — Иначе мне придется искать гостиницу.

— Комната, где живет ваша жена — единственная, которую мы сдаем, — объявила Беатрис.

— Но чемодан ты можешь поставить и в мою комнату, — торопливо сказала Франка. — Пойдем. Я покажу тебе комнату.

— Я бы с удовольствием поел, — сказал Михаэль, поднимаясь вслед за Франкой по лестнице. — Нам же не обязательно говорить здесь, или я не прав?

— Ну... как ты хочешь... мы можем куда-нибудь поехать...

Михаэль занес в комнату чемодан, который — несмотря на свои скромные размеры — показался здесь громадным чужеродным черным предметом. Потом Михаэль исчез в ванной, чтобы «немного освежиться». Франка вытерла повлажневшие ладони об джинсы и посмотрела на себя в зеркало. Нет ли пятен на футболке? Не помяты ли джинсы? Почему она утром не помыла голову? Она кое-как пригладила волосы, пощипала себя за щеки, чтобы придать им хоть какой-то цвет, еще раз посмотрелась в зеркало и нашла себя непривлекательной и безвкусной. В голове промелькнула мысль о том, что в течение предыдущих двух недель она была вполне довольна своей внешностью, но теперь, с приездом Михаэля, сразу утратила уверенность в себе.

«Он не успел произнести ни одного слова, — подумала она, — прошло всего каких-то пять минут, а она уже превратилась в кричащий комок нервов».

— Вам стоило бы принять хороший глоток шнапса, — произнес рядом с ней чей-то голос. Беатрис, которая собиралась уйти в свою комнату, но передумала и незаметно вошла в комнату Франки. — Тогда вы опомнитесь и соберетесь с силами, а не будете сидеть, как заяц под дулом охотничьего ружья. Это вам совершенно не нужно.

Франка вздохнула.

— Я действительно так выгляжу?

— Вы до неузнаваемости изменились за последние две минуты, — сказала Беатрис. — Честно говоря, женщина, которой вы были до этого, нравилась мне гораздо больше. Мне кажется, что то была настоящая Франка. Сейчас же я вижу перед собой перепуганное создание, вошедшее в роль маленькой девочки, которая хочет угодить злему папе. С маленькими девочками очень нежно обращаются. Во всяком случае, вы сильно на это надеетесь.

— Я не знаю, что произошло. Как-то...

— Покажите ему зубы, — сказала Беатрис, — и перестаньте приглаживать волосы. Это он нагрел с неожиданным визитом. Не мог же он ожидать, что вы будете выглядеть, как королева на официальном приеме.

Франка невольно рассмеялась.

— Да, выгляжу я, конечно, не очень стильно. Господи, у меня все поджилки трясутся. Мне и правда надо выпить чего-нибудь крепкого. Кевину сегодня рано утром тоже потребовался коньяк. Что это с нами делается?

— Здесь вообще все стали очень нервные, — заметила Беатрис. — Наверное, что-то нехорошее носится в воздухе. Я не знаю, что это, но оно мне не нравится. Кажется, у людей застоялись эмоции, — она тяжело вздохнула. — Может быть, мне стоит позвонить Алану?

— Почему нет? Сегодня первое мая. Вы можете пожелать ему счастливого лета.

— Позвоню во второй половине дня. Мне надо собраться с духом.

Франка спустилась вниз, во второй раз за сегодняшний день взяла бутылку коньяка, налила в стакан добрую порцию и одним глотком ее выпила. Напиток огнем обжег горло, но Франке почти сразу стало легче. Напряжение немного отпустило ее. Она выпила еще и перевела дух.

Это не должно стать правилом, но выпить иногда не повредит.

— Начинаешь пить с самого утра? — раздался за ее спиной холодный голос. — Должен признаться, что это меня немного удивляет.

Франка обернулась. Михаэль незаметно вошел в комнату и неодобрительно смотрел на жену. Он пронизывал ее острым взглядом, которого Франка панически боялась с тех пор, как они познакомились. Действие алкоголя улетучилось так же быстро, как и началось. Она снова стала маленькой девочкой, и ничего не могла с этим поделать. Как это сказала Беатрис: «Покажите ему зубы!»

Она очень хотела показать ему зубы. Ни за что на свете не хотела она быть и дальше маленькой девочкой. Она хотела стать сильной взрослой женщиной.

Но ей это не удалось.

— Мне просто надо было выпить, — тихо сказала она.

Михаэль взял бутылку у нее из рук и поставил на место.

— С этим лучше не начинать. Между прочим, я осмотрел комнату, которую ты занимаешь. Как ты могла выбрать такую спартанскую обстановку! Я бы не выдержал в этой комнате и одну ночь!

— Как ты меня нашел? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Я знал имя твоей хозяйки, Беатрис Шэй. Этот остров — суцая деревня. В Сент-Мартине, в аэропорту, я спросил о ней, и мне выдали полную информацию. Я взял напрокат машину и приехал.

Она кивнула. Да, найти ее не составило для него никакого труда.

— Зачем ты приехал? — спросила она.

Он скорчил нетерпеливую гримасу.

— Мы будем обсуждать это здесь? Я голоден, и мне хотелось бы найти уютное место, где мы могли бы спокойно поговорить. Это возможно?

— Да, это возможно, — сказала Франка. Она взяла со стола ключи от своей машины.

Михаэль отрицательно покачал головой.

— Поведу я, — сказал он.

Собственно, было неважно, кто сядет за руль, но Франке вдруг показалось очень важным настоять на своем.

— Нет, — сказала она. — Машину поведу я.

Что-то в ее тоне поразило Михаэля. Он удивленно посмотрел на Франку и кивнул.

— Хорошо, я не против. Садись за руль ты.

Они сидели на веранде гостиницы «Шале» над бухтой Фермейн. Под горой, протянувшись к морю и окружая здание гостиницы, буйно цвел сад. Майское солнце припекало, люди искали защиты под навесами. Над морем колыхалась легкая дымка тумана, полдень не был таким ясным, как раннее утро, небо начало хмуриться. С моря дул легкий ветерок, омывая гору соленым воздухом.

— Тепло, как летом, — сказала Франка.

Михаэль помешал сахар в чашке кофе. За обедом они ели киш и салат, пили местное пиво, а теперь заказали кофе, но до сих пор обменялись лишь ничего не значащими банальностями. Михаэль рассказывал о своих проблемах в лаборатории, об увольнении своих лучших сотрудников, что было для него тяжким ударом. Франка говорила о своих прогулках по острову, о том, что пятьдесят пять лет назад, первого мая застрелился Эрих Фельдман. Эти новости, казалось, ни в малейшей степени не интересовали Михаэля, но он вежливо слушал.

«Он пропускает мои слова мимо ушей, — заметила Франка, — но, с другой стороны, он приехал сюда не для того, чтобы выслушивать истории о Хелин и Эрихе».

За обедом Франка почувствовала себя немного увереннее. Михаэль одобрил выбор ресторана, и это было его первое одобрение за последние

пять лет.

— Да, — сказал он, наконец, — ты не находишь, что нам все же надо серьезно поговорить друг с другом? Ты, очертя голову, сбежала на Гернси и не желаешь объяснять свое поведение, и вообще уклоняешься от всяких вопросов о том, что же будет дальше. Выяснить это по телефону было невозможно, поэтому я и приехал.

Он был явно обижен. Естественно, он считал несправедливым, что ему пришлось совершить такое дальнейшее путешествие.

«Интересно, что он говорил своей любовнице, — подумала Франка. — Едва ли она была в восторге от его намерения нанести визит жене».

— Я ведь уже объяснила тебе по телефону, что это ты должен принять решение, — сказала Франка. — Это у тебя роман или даже серьезные отношения — этого я не знаю. Это ты должен решить, как тебе жить дальше.

Он с еще большей силой принялся помешивать кофе. Тема была ему неприятна, но он хорошо понимал, что уйти от ответа он не сможет.

— В этом романе, как ты его называешь, есть и доля твоей вины, — сказал он. — Я уже не раз тебе это говорил.

— Естественно, — сказала Франка, — не можешь же ты взять на себя ответственность.

— Нет, не могу, потому что это было бы несправедливо. При том, как ты себя вела, я не мог сделать ничего иного, как... — он замолчал, подыскивая нужные слова.

— ...как залезть в постель другой женщины, — продолжила за него Франка. — Ты ведь это хотел сказать, не так ли?

— Не надо все упрощать и сводить к одной постели. В первую очередь я искал не сексуальных отношений. Я искал нечто другое — мне хотелось найти женщину, с которой можно что-то делать. Ходить в кино, в театр, в оперу. Ходить с ней в гости к друзьям и приглашать к себе друзей. Женщину, уверенную в себе и сильную. Женщину, которая может поделиться со мной своей силой, если я вдруг скину. Я хотел просто жить, Франка. Неужели это так трудно понять?

«Для него это тоже было непросто, — подумала Франка, — очень непросто. Женщина, которая часто плачет, женщина страдающая неврозом, впадающая в панику от минимального скопления людей... да, такая женщина, конечно, портила ему жизнь».

— Я могу это понять, — сказала она. — Любой человек может это понять. Но в том, как ты это представляешь, и в чем ты убедил сам себя, не хватает большей части правды. Я не могу взвалить всю вину на тебя,

Михаэль, но с первого дня нашего знакомства ты делал все, чтобы усилить мою неуверенность. Просто я никогда не могла ничего сделать, как надо. Была не в состоянии поступать правильно. И ты всегда что-нибудь на меня взваливал, оставляя меня без помощи. Разве ты не понимаешь, что именно так, а не иначе подрывают уверенность в себе любого человека? Что эта уверенность уменьшается, а иногда и пропадает вовсе?

— Теперь ты скажешь, что один я виноват в твоих вечных сомнениях и неврозах! — негодуяюще воскликнул Михаэль. — Во-первых, все это началось после твоего провала в школе.

Она вздрогнула. Она и сама воспринимала как провал, то, что произошло с ней в школе, но совсем иное — услышать это слово из его уст.

«Оно, это обращение, превратило меня в ничто, — устало подумала она. — Почему в этой ситуации он не может подобрать какое-то другое слово, менее оскорбительное? Почему он усугубляет мои неприятности, а не облегчает их?»

— Да, согласна, это был провал, — сказала она спокойным тоном. Но может быть, в этом-то и состояла ее главная ошибка — в вечном стремлении «держаться в рамках». Она никогда не кричала, никогда не выказывала ярости, страха, боли. Может быть, поэтому он никогда не понимал, как ей больно?

— Но, — продолжила она, — но ты когда-нибудь думал, что этому провалу немало содействовал один человек, который еще до государственного экзамена постоянно твердил мне, что эта профессия — не для меня? Кто, не переставая, говорил, что я слишком застенчива, слишком слаба и поэтому неспособна на самоутверждение? Когда я впервые оказалась у доски, перед классом, уже тогда, не успев произнести ни слова, я была убеждена, что все пойдет криво.

— Не кажется ли вам, мадам, что вы слишком упрощаете картину? Ты всерьез утверждаешь, что все у тебя было бы хорошо, если бы я не предупредил тебя о трудностях? Но ведь я делал это из самых лучших побуждений.

Ничего такого она не утверждала, и понимала, что он великолепно это знает. Все разговоры последних лет заканчивались ничем из-за того, что он ловко извращал факты, намеренно понимая ее превратно. Все обычно заканчивалось тем, что она тратила массу сил на то, чтобы опровергать надуманные обвинения и не могла из-за этого сосредоточиться на теме, с которой разговор начинался. Под конец ей приходилось лишь оправдываться, а это окончательно лишало ее сил.

— Я не думаю, что все пошло бы, как по маслу, если бы ты ничего мне

не говорил, но мне кажется, что было бы — хоть чуть-чуть — лучше. У меня было бы совершенно иное настроение, если бы ты вселял в меня мужество. Но, — она повысила голос, чтобы в зародыше пресечь протест, уже готовый сорваться с губ Михаэля, — теперь это уже неважно. Мы можем напрасно тратить часы, дни, недели, подсчитывая, что каждый из нас — на взгляд другого — сделал не так. Из этого не выйдет ничего хорошего. Нам надо думать, что делать дальше.

— Наше будущее зависит от нашего прошлого, — упрямо возразил Михаэль, — потому что мы оказались в невыносимом положении из-за ошибок прошлого.

«Он всегда говорит „мы“», — подумала Франка.

Он замолчал. Слышался лишь шум ветра в листве, да с моря доносились крики чаек. Потом за соседним столиком рассмеялась женщина, и воздух сразу наполнился людской разноголосицей.

— Я сел в самолет и прилетел сюда, для того чтобы говорить с тобой, — сказал наконец Михаэль. — Одно это должно показать тебе, что я думаю о наших отношениях.

Франка, не отвечая, выжидающе смотрела на мужа.

— Если ты сможешь измениться, — продолжил он, — если ты всерьез попытаешься это сделать... Отношения с той женщиной для меня абсолютно не важны. Я готов их закончить.

Франка ощутила в висках тихий стук. Это была боль, но такая слабая, что ощущалась просто как неприятная помеха.

Если ты сможешь измениться, если ты всерьез попытаешься это сделать...

«Ничего из этого не получится, — подумала она, на удивление холодно и по-деловому восприняв это осознание банкротства ее брака. — Ничего не получится, и ничего не может получиться. В этом нет никакого смысла. Любая попытка будет лишь пустой тратой времени».

— Ах, Михаэль, — разочарованно произнесла она. Боли не было. Конец отношений был так очевиден, что перестал ее причинять. Наверное, этот конец наступил слишком поздно — прошло столько лет! — но он неизбежно должен был наступить.

— Что значит *Ах, Михаэль?* — вызывающе спросил он. — Тебе больше нечего сказать? Я сделал тебе предложение. На него можно ответить что-то большее, чем просто «Ах, Михаэль»!

В висках застучало сильнее. Тихий стук превратился в громкий гул. Гул, заглушивший все звуки внешнего мира — звук голосов, звон тарелок, крики чаек. Она перестала чувствовать даже запах пищи и соли. Померкли

краски цветов, моря и неба.

«Жаль, что у меня нет с собой таблеток, — подумала она, — надо было захватить их с собой».

— Михаэль, я хочу развестись с тобой, — сказала она.

Майя проснулась около часа дня и вышла в гостиную — невыспавшаяся и разбитая с похмелья. Лицо покрывала сильная бледность, большие глаза превратились в узкие щелочки. Выглядела она сейчас не на свои двадцать два года, а гораздо старше. Сейчас в ней не было ничего привлекательного и сексуального, но не была она похожа и на милого заспанного ребенка.

«Она выглядит, как развалина», — подумал Алан.

На ней была надета растянутая белая футболка с застиранным медвежонком на груди. Шлепая босыми ногами и сверкая голыми икрами, она тяжело плюхнулась на свое место и обхватила голову руками.

— Господи, как же мне плохо! — пробурчала она.

— Не хочешь поесть? — спросил Алан, отложив в сторону газету. Он сам удивился будничности и равнодушию своего голоса. Внутри у него все дрожало и вибрировало, как напряженный нерв. Наглость, с которой она демонстрировала проведенную в пьяном загуле бессонную ночь, шокировала его. Она даже не потрудилась представить дело так, будто вчера она была на мирном чаепитии в доме престарелых.

«Кто я для нее? — подумал он. — Половая тряпка, которую используют, не обращая на нее ни малейшего внимания».

— Нет, только не это, — с трудом отозвалась она, — думаю, от еды меня сразу вырвет. Можно мне чашку чая?

— Чай остыл, — сказал Алан.

— Ну так завари его снова, — пробормотала она.

Внутренняя дрожь усилилась.

— Завари его сама, — сказал Алан.

Этой фразой он вывел ее из состояния отупения, в каком она пребывала. Она удивленно воззрилась на Алана. Глаза ее немного приоткрылись.

— Что ты сказал? — спросила она.

— Ты сама заваришь себе чай, — повторил Алан. — Я с раннего утра ждал тебя за завтраком. Мы не виделись ни вчера, ни позавчера, поэтому я отменил все встречи и не пошел сегодня на работу. Ты выползаешь из кровати после полудня и рассчитываешь, что я вскочу и начну по второму разу заваривать тебе чай и ставить все на стол?

— Ну, уж и все! Я прошу всего лишь маленькую чашечку чая, и даже ее я не могу получить!

— Ты знаешь, где находится кухня, и знаешь, где находится чай, — сохраняя хладнокровие, произнес Алан. — Никто не мешает тебе брать все, что захочешь.

Она удивленно уставилась на Алана, потом порывисто вскочила, достала из шкафа бутылку коньяка, налила его в стакан, предназначенный для апельсинового сока, и одним глотком выпила.

— Вот так! — сказала она. — Тогда я выпью вот это. Если я могу брать все, что хочу, то ты не станешь возражать.

— Я не стану возражать, — ответил Алан, — но думаю, что тебе будет от этого мало пользы. Ты сейчас выглядишь лет на десять старше своего возраста. От коньяка лучше выглядеть ты не будешь.

Она демонстративно налила себе еще и снова выпила.

— Знаешь, — зло сказала она, — очень смешно слышать это от тебя. Кто из нас здесь алкоголик? Да, может быть, сейчас я выгляжу старше своих лет, но завтра утром я буду в полном порядке. Я забуду об этой пьяной ночи, она пройдет для меня бесследно. В отличие от тебя. Тебе сорок три, а выглядишь ты на все пятьдесят. Ты уже не сможешь этого изменить, как бы ни старался. Это необратимо. Ты уже не восстанавливаешься.

Каждое ее слово было, как удар в лицо, как пощечина. Алану приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не вздрагивать. Самое ужасное, что она права. Она не просто изливала на него свой яд, не просто старалась причинить ему боль. Нет, она называла факты, против которых ему нечего было возразить.

— Это же не основание для подражания. Или ты хочешь меня догнать? — ей надо было ответить, и он сказал первое, что пришло ему в голову.

Она улыбнулась. Ей было, по-прежнему, скверно, но, во всяком случае, она окончательно проснулась и была готова к драке. Алан не испытывал к себе ничего, кроме презрения: он боялся Майю, когда она была готова к драке.

— Я не хочу тебя догонять, не волнуйся, — сказала она. — Такой, как ты, я не стану никогда. Я сильнее тебя, я знаю, когда нажать на тормоз.

— Так о себе думали многие, но неизменно терпели фиаско.

Она пожала плечами.

— Мне все равно, что ты обо мне думаешь. Квакаешь, как старуха. Ты заваришь мне чай?

— Нет, — ответил Алан.

Она резко выпрямилась и посмотрела на него.

— Ладно, Алан, что случилось? У тебя сегодня с утра лицо гувернантки, и ведешь ты себя невыносимо. Кто испортил тебе настроение?

Он отказался от сдержанности, от колких намеков и приличных умолчаний.

— Где ты была вчера? — спросил он прямо.

На ее лице не дрогнул ни один мускул.

— У Эдит, я же тебе говорила.

— До половины третьего ночи? Я не верю, что в доме престарелых так поздно заканчиваются посещения. Ты и в субботу вернулась довольно поздно, а для воскресенья могла бы придумать и более правдоподобное объяснение.

— Конечно, я не была у Эдит так поздно.

— Так значит это ты признаешь. Но где ты тогда была?

Она тихо и театрально застонала.

— Ты не представляешь, как мне тошно тебя слушать. Знаешь, каким мерзким ты становишься, когда так себя ведешь? Мне не нравится, когда ты устраиваешь мне допрос.

— Если не возражаешь, я все же продолжу этот допрос. Я хочу знать, где ты была.

— По какому праву ты хочешь это знать?

— Ты живешь в моей квартире и живешь на мои деньги. По твоему желанию мы пытаемся найти подходящую для нас форму отношений. В такой ситуации от тебя требуется определенная доля искренности, — он с удивлением слушал собственный голос. Он говорил спокойно, уравновешенно, аргументировано и по-деловому, обдумывая каждое слово, прежде чем оно срывалось с губ.

«Это неправильно, — говорил ему внутренний голос, — ты снова объясняешь, снова оправдываешься. Прикрикни на нее! Потеряй самообладание! Обращайся с этой шлюшкой, так, как ты должен был обращаться с ней все эти годы! Она принадлежит к такому сорту женщин. Она просто не понимает другого языка».

Но вся проблема заключалась в том, что он не владел этим языком. Он понимал его, но не знал, как им пользоваться. Как юрист, он умел пользоваться всем диапазоном угроз — от скрытых до самых откровенных, но здесь было совсем другое: в профессиональных делах он обладал оружием, которое приходилось складывать в частной жизни.

— Я жду ответа, — сказал он. — Где ты была?

— Господи, ты и правда не представляешь, как ты меня нервируешь! Ну ладно, слушай. Я пробыла у Эдит до семи часов. Но потом я села не в тот автобус и оказалась в какой-то заднице мира. Не могу понять, куда меня вообще завезли. Ну вот, когда я поняла, что еду не тем маршрутом, я вылезла в какой-то дыре и стала ждать автобуса, который шел назад, к дому престарелых. Там мне потом пришлось опять ждать автобуса до Лондона, а потом... — она перевела дух и укоризненно посмотрела на Алана. — Это была жуткая ночь. Я замерзла, мне было страшно. А на следующее утро я еще должна выслушивать твои упреки.

— Мне не совсем ясны здесь три вещи, — сказал Алан. — Во-первых, как ты могла сесть не в тот автобус, если за последнюю неделю ты уже четыре раза ездила этим маршрутом? Во-вторых, как получилось, что ты была не в состоянии найти телефон, позвонить мне и сказать, что ты приедешь позже. Ты могла бы попросить меня приехать за тобой, что я, несомненно, сделал бы без всякого промедления. И, в-третьих, где ты за время своих блужданий успела напиться так, что сегодня еле открыла глаза?

— Я не смогла найти телефон — дом престарелых находится в деревне! Это вообще страшная дыра, захолустье! Мне надо было лазить по кустам, чтобы найти телефон?

— У тебя случайно не было с собой мобильного телефона?

— Я забыла его дома, — она солгала. Это он понял тотчас, но так как он не мог ничем уличить ее во лжи, то не стал больше об этом расспрашивать.

— Хорошо, — он кивнул, — но остаются два вопроса — об автобусе и спиртном.

— Ты что сам никогда, ну, никогда в жизни, не садился не в тот автобус? Тебе никогда не случалось заблудиться? Ты никогда...

— Хорошо, хорошо, — он махнул рукой. — Случайность, недоразумение. Это может случиться с каждым. Но как нам быть, — он наклонился к ней и внимательно посмотрел ей в глаза, — с алкоголем? Когда ты успела так надрызгаться, что сегодня похожа на ходячий труп?

Она была загнана в угол и отреагировала в своей обычно манере: в мгновение ока она превратилась в разъяренную кошку.

— Какой же ты пошлый, Алан Шэй! — зашипела она. — Пошлый и злобный! Пытаешься разыгрывать из себя вшивого прокурора, пытаешься меня допрашивать, пытаешься унижить. Но тебе это не удастся. Я просто перестану отвечать на твои вопросы. У тебя вообще нет никакого права на

меня давить! У тебя нет права настаивать. Это мое право — что и где пить, и с кем!

Он прекратил игру. Для этого наступило самое подходящее время. Он знал, что иногда наступает такой момент, когда обвиняемый устает от лжи и начинает говорить правду. Сейчас для Майи как раз и наступил такой момент.

— Да, прекратим это, — сказал он. — Мы оба прекрасно знаем, что произошло, и можем покончить с этими недостойными экивоками. Если ты вообще была вчера у Эдит, то ушла ты от нее очень рано, но мне кажется, что ты у нее вообще не была. Ты встретила с каким-нибудь типом, болталась с ним по кабакам, а потом вы отправились к нему в постель. Так?

Его расчет оправдался. Она была прижата к стенке и отбросила всякую осторожность. Она не хотела больше защищаться, она хотела ответить ударом.

— Да, — решительно сказала она, — ты все правильно понял, Алан. Я переспала с другим мужчиной. С ним мне было гораздо лучше, чем с тобой!

Он и до этого понимал, что она ему изменяет, но все равно ему стало больно. Ему было так больно, что перехватило дыхание.

— Но почему ты тогда до сих пор здесь? — спросил он, услышав свой голос как будто издалека.

— Что значит: «почему ты до сих пор здесь»?

— В твоей жизни появился другой мужчина, он фантастически хорош в постели. Поэтому я и хочу знать, почему ты находишься здесь.

Она рассмеялась, однако очень неуверенно.

— Господи, Алан, да вся эта история с Фрэнком не стоит и выеденного яйца! Ты же все время где-то пропадаешь, оставляешь меня одну, ну, я и решила немного утешиться. Вот и все!

— Фрэнк тоже так смотрит на это дело?

Она пожала плечами.

— Откуда я знаю, как смотрит на это Фрэнк?

— У вас довольно интимные отношения. Наверняка, вы говорите друг другу о своих чувствах.

Она нетерпеливо отмахнулась. Было видно, что она раздражена. Она не хотела отказываться от Фрэнка. Ей хотелось взять назад свое высказывание, она не была готова попасть в силки, расставленные для нее Аланом. Он понимал, что для нее сейчас главное — сбросить со счетов Фрэнка.

— Фрэнк и правда ничего из себя не представляет. Он милый мальчик,

но для меня он не мужчина, понимаешь? Если бы я не была так одинока, то никогда не случилось бы ничего подобного.

Он еще раз удивился, с какой неприкрытой наглостью она выпутывается из своих ошибок.

— Ага, — сказал он, — следует ли это понимать так, что и в будущем, когда тебе вдруг станет скучно и одиноко, ты найдешь в этом оправдание интрижке с каким-нибудь мужчиной? Так, только ради времяпрепровождения. Другие ходят на языковые курсы или занимаются спортом, а ты будешь бегать на сторону. Для тебя все это приблизительно одно и то же.

— Как ты это формулируешь...

— Думаю, что формулирую так, как оно есть в действительности. Все другое было бы пустым украшательством, — он сделал короткую паузу. Он ощущал невыносимую боль. Ему было больно не только из-за того, что произошло. Его мучило ясное понимание того, что отношения с Майей надо прекращать, если он хочет сохранить хотя бы остатки уважения к себе. Крайняя точка достигнута. Если он ею не воспользуется, то никогда уже без стыда не сможет смотреть на себя в зеркало.

— Я говорил, что хочу на тебе жениться, — снова заговорил он, — но ты хочешь и дальше делать то же самое даже тогда, когда станешь миссис Шэй — не так ли?

— Откуда я могу это знать, Алан?! Можно мне объяснить тебе это раз и навсегда? Ты хочешь знать, что, когда и как я буду делать в любой ситуации? Ни один из нас не может сказать, что будет. Никто не знает...

— Покончим с этими разглагольствованиями, Майя!

Расстанься наконец с этой женщиной, Алан!

— Перестань наконец обходить суть! Мы оба знаем, в чем дело. Ты не можешь быть верной. Не можешь, даже если очень захочешь. Ты не сможешь хранить верность, даже если от этого будет зависеть твоя жизнь. Так уж ты устроена, и, наверное, не стоит тебя в этом винить.

Он посмотрел на нее. Она выглядела так жалко, что глядя на нее он не мог не испытывать нежности.

«Мне будет долго ее не хватать», — подумал он. Ему стало страшно, едва он представил себе бесконечные, одинокие, печальные вечера, когда он будет изо всех сил пытаться по кусочку вырывать ее из своего сердца. «Пройдет целая вечность, прежде чем я смогу окончательно избавиться от нее, если мне вообще когда-нибудь это удастся».

— Но я не могу смириться с этим, — продолжил он, — хотя и пытался делать это в течение пяти лет. Я надеялся, что либо ты изменишься, либо я

найду способ привыкнуть к твоему поведению. У меня не получилось ни то, ни другое. Да и глупо было бы с моей стороны на это надеяться. Я сберег бы много сил и времени, если бы раньше понял тщетность этих надежд.

Он увидел, что по ее лицу пробежала тень беспокойства. Очевидно, она поняла, что дело приняло непривычный оборот. Он говорил с ней таким тоном и раньше, она привыкла и перестала воспринимать эти разговоры всерьез.

«Но сейчас она нервничает», — подумал он, но ее тревога не вызывала у него чувства торжества.

— Алан, мы должны... — заговорила она, но он, второй раз за сегодняшний день, жестом приказал ей замолчать.

— Мы уже ничего не должны, Майя. Мы должны только одно — расстаться. Это единственное верное и разумное решение.

Она наклонилась через стол к нему, хотела взять его за руки, но он отдернул их, желая избежать прикосновения.

Она прищурила глаза.

— Ты говоришь это всерьез?

Он не отвел взгляда, хотя и знал, что на его лице, кроме непреклонной решимости, отпечаталась и невыносимая душевная боль.

— Да, я говорю вполне серьезно и не хочу тянуть с этим до бесконечности. После завтрака ты собираешь свои вещи и уходишь.

— И куда же я пойду?

— К Фрэнку.

— К Фрэнку? Фрэнк живет в крошечной меблированной комнате! Там нет места для меня.

— Очевидно, там хватило места, чтобы встретиться и лечь в постель. Думаю, тебе надо быть последовательной. Просто ты некоторое время поживешь в «крошечной меблированной комнате». Вот увидишь, тебе понравится.

Майя вцепилась пальцами в салфетку и судорожно смяла ее в комок.

— Господи, Алан, — тихо заговорила она, — ты не представляешь, с какой радостью я от тебя ухожу! Я по горло сыта нашей совместной жизнью! Ты скучный обыватель и выглядишь, как спившийся старик! — она медленно встала, продолжая метать в него ядовитые стрелы. — Да, Алан, мне очень жаль, но я вынуждена сказать, что выглядишь ты и правда неважно. Когда-то ты был очень красив и привлекателен, но ты пропил свою красоту. Как я могла быть глупа настолько, что провела с тобой столько дней! И ночей! — она заговорила тише, но злее. — В постели ты

абсолютный нуль, Алан, абсолютный нуль! Каждая секунда с тобой была пустой тратой времени. Но я скажу тебе и кое-что еще, — она наклонилась к нему, глаза ее яростно засверкали. — Ты будешь без меня плакать! Ты будешь умолять меня вернуться. Потому что ты никого больше не найдешь. Никого! Ты будешь так одинок, что станешь еще больше пить, и это будет твой конец. Тебе будет так плохо, что ты, стуча зубами, побежишь за мной. Ты будешь жалеть обо мне всем сердцем, Алан!

Она швырнула смятую салфетку на стол и вышла из комнаты.

Удивительно, но несмотря на то, что стоял тихий вечер и дул нежный ветерок, море внизу бушевало. Волны с неистовой силой бились об обрывистый берег, взлетали на скалы, крутясь белопенными брызгами, откатывались назад и с удвоенной, яростной силой вновь обрушивались на противостоявшие им скалы. Внизу стоял такой рев, что едва можно было расслышать собственный голос. Но сюда, наверх, доносился лишь тихий рокот, напоминавший шум ветра в листве деревьев.

Солнце, как громадный огненно-красный шар, висело у горизонта над самой поверхностью воды, рисуя на гребнях волн медно-золотистую широкую дорожку, окуная скалы и чахлую рыжую траву на камнях в свет неземной красоты. Светились даже облака, несущиеся по небу. Картина могла бы показаться вульгарной, если бы не суровый, грубый и несентиментальный ландшафт.

Беатрис больше всего любила именно это место острова. Она могла часами сидеть здесь, на мысе Плейнмонт, на юго-западной оконечности Гернси, и смотреть на воду или гулять на ветру, игравшем ее непослушными волосами. Она любила дикость берега и силу моря. Она любила уединение, источаемое этим местом. Плейнмонт казался ей отражением ее собственной сущности: суровой, холодной, твердой. Плейнмонт не знал покоя, он неизменно утверждал себя перед лицом жестокого моря. Здесь не росли ни цветы, ни пальмы. И если солнце было не на закате, то и цветов здесь было всего два — серо-коричневый цвет скал и серо-зеленый — травы. К небу поднимались уродливые каменные башни построенного немцами укрепления. Здесь упорство и решительность соседствовали с меланхолией, печалью и красотой, понимать которую было дано очень немногим.

«В любом случае, — думала Беатрис, — я принадлежу этому месту, нравится мне это или нет».

Она сидела в машине, припаркованной на пыльной грунтовой площадке в десяти минутах ходьбы от Плейнмонтской башни, курила сигарету и рассеянно слушала льющуюся из приемника тихую музыку.

Она сидела здесь уже час, и за все это время мимо прошли только двое гуляющих. Несмотря на красоту захода солнца, он почему-то не привлекал сюда туристов. «Наверное, большинство сейчас ужинает, — подумала Беатрис, — или скорее бродят по песчаным пляжам юга и востока острова,

или мечтают на вырубленных в скалах тропинках». Но это к лучшему. Она не хотела, чтобы сейчас ее что-нибудь отвлекало.

Она привезла Хелин к Кевину и извинилась перед ним.

— Мне очень жаль, Кевин. Я понимаю, что невежливо отказываться в последний момент, но я не могу остаться у тебя на ужин. Это невозможно, я... — она умоляюще посмотрела на него, молчаливо надеясь на понимание. — Не сердись, мне надо побыть одной.

— Она поговорила по телефону с Аланом, — вмешалась в разговор Хелин, одновременно красноречиво вскинув брови, — и этот разговор... не доставил ей никакой радости.

— Очень жаль, — произнес Кевин. Он был страшно бледен. Беатрис сразу заметила, что руки Кевина слегка дрожат. — Он опять?..

Она кивнула. Говорить она была не в силах.

— Господи, — сказал Кевин, — какая жалость, — обеими ладонями он попытался пригладить волосы. Они топорщились на его голове, и зрелище это неприятно поразило Беатрис, знавшую, как ревностно ухаживает Кевин за своей внешностью.

— Где Франка? — спросил он. — Она придет одна?

— Кевин, прости, пожалуйста, но Франка тоже не придет, — сказала Беатрис, прикусив губу. Еще днем Франка просила Беатрис передать Кевину, что не сможет прийти, но после разговора с Аланом эта просьба вылетела у нее из головы.

«Мы невозможно ведем себя друг с другом, — подумала она. — Кевин наготовил еды на трех гостей, а теперь остается только с одним».

— Неожиданно приехал муж Франки, — объяснила Хелин. — У них состоялся какой-то не очень приятный разговор, и вечер она проведет с ним.

Мертвенная бледность Кевина стала пугающей.

— Значит, мы с вами остаемся вдвоем, — сказал он, обращаясь к Хелин. — Господи, я-то думал... Я столько всего наготовил, и вот...

— Мне, правда, очень жаль, — сказала Беатрис. — Сегодня ужасный день — во всех отношениях, и для всех нас.

— Для меня — нет, — Хелин лучезарно улыбнулась. Сегодня, по случаю визита, она завернулась в небесно-голубую шелковую шаль, платье заканчивалось тюлевым подолом, напоминая пышные нижние юбки пятидесятых годов. На взгляд Беатрис, Хелин смотрелась гротескно, но сама она была вполне довольна своим внешним видом.

— Меня уже радует вечер с тобой, Кевин, — сказала она. — Мы чудесно проведем время, не так ли? У тебя всегда так уютно и приятно, а

еда пахнет просто восхитительно.

Кевин проводил Беатрис до машины и еще раз спросил, не хочет ли она остаться, и она довольно резко отказалась, о чем тут же пожалела. В конце концов, это она поступила невежливо, а не он. Правда, ее удивило, что он так настаивает на ее присутствии. Обычно, он ограничивался одной Хелин, чтобы было удобнее выпрашивать у нее деньги.

«Это, в конце концов, не моя проблема, — подумала она. — Я не могу сейчас думать о Кевине, у меня хватает своих забот».

Она затушила наполовину выкуренную сигарету в пепельнице, открыла дверь машины и вышла. Ей нужен свежий воздух, нужно немного пройтись. Ветер стал прохладным, и Беатрис плотнее запахнула куртку. Пройдя по тропинке, она повернула налево и пошла по луку к возвышавшимся впереди скалам. Дороги здесь не было, земля была каменистой и неровной, но впереди было море, вокруг скалы, луга и одиночество. В ней снова проснулось ошеломляющее чувство свободы, которую она ощущала всякий раз, оказавшись в этом месте, но заботы продолжали тяжело давить на плечи, и она не могла полностью отдаться своему чувству, не могла забыть тревогу, не могла расслабиться.

Полдня она терзалась сомнениями и боролась с собой — звонить Алану или нет? Все это время ей казалось, что внутренний голос не велит ей это делать. Потом она поговорила с Франкой, и та вообще не смогла понять, что мешает Беатрис позвонить Алану. И она в конце концов подумала: «В чем собственно, проблема? Я хочу поговорить с сыном, узнать, как у него дела. Это же самая обычная на свете вещь, в этом нет ничего особенного».

В четыре часа она позвонила в контору, и секретарша сказала, что на сегодня Алан отменил все встречи и остался дома. Беатрис овладело нехорошее предчувствие. Волнуясь, она набрала его домашний номер. Целую вечность к телефону никто не подходил. Когда она уже собиралась положить трубку, в последнюю секунду Алан наконец отозвался. Сначала она не поняла, что это он, но потом поняла, и была обескуражена.

Даже теперь, на этом суровом поле, залитом краснозолотистым светом чудесного майского вечера, она ощущала леденящую боль того момента. Она помнила каждое слово, каждую паузу, каждый вздох того разговора.

— Кто это? — проблеяла трубка, и Беатрис снова повторила: — Алло?

— Кто это? — снова спросил голос на другом конце провода, и в эту секунду у Беатрис сжалось сердце.

— Алан?

— Да. Кто это?

— Это я, Беатрис, твоя мама. Алан, ты заболел? Ты так странно говоришь.

Она знала, что он не болен, но продолжала изо всех сил цепляться за искорку безумной надежды.

Он ответил не сразу. Казалось, ему было трудно собраться с мыслями и сосредоточиться.

— Мама?

— Да. Алан, как твои дела? У тебя все в порядке?

— О... конечно... все в порядке... — он говорил отрывисто, рублеными фразами, глотая слоги. — Как... у тебя... дела?

— Алан... — голос ее дрогнул. — Ты выпил?

— О, господи... мама... ты звонишь... чтобы... спросить об этом? — он говорил так невнятно, что она с трудом его понимала.

— Алан! — она решила подбодрить его своим голосом. — Почему ты пил? Сейчас середина дня! Почему ты не на работе?

— Всего... стаканчик виски... — с трудом выдавил он из себя. — Честно... всего один... малюсенький стаканчик.

— Какой стаканчик? Ты выпил несколько стаканчиков. По меньшей мере. Ты же совершенно пьян!

— Че... чепуха, мама... ты слишком не... нервничаешь, — слова давались ему с невероятным трудом. — Н... не волнуйся. У ме... меня и правда... все... хорошо. Честно...

— Ничего хорошего я не вижу. Иначе ты не стал бы пить днем. Где Майя?

— Майя?

— Да, Майя. Она уже две недели живет у тебя. Где она?

— Она... ее... нет.

— Где она?

— Я... я н-не знаю.

— Не знаешь? А должен бы знать, коли вы живете вместе. Алан, возьми себя в руки, сосредоточься, — в отчаянии она пыталась вырвать из его затуманенного алкоголем мозга хотя бы обрывки воспоминаний. — Где Майя? Вы поссорились?

Алан не понимал, чего она от него хочет, пытался успокоить ее совершенно бессмысленными рассказами о юридическом казусе, которым он занимается уже целый год. Иногда он замолкал так надолго, что Беатрис думала, не уснул ли он у аппарата. Потом он снова принимался что-то мычать, нес совершеннейшую чушь и два раза рассмеялся так визгливо и истерично, что у Беатрис упало сердце. Битый час она провела у телефона,

пока, наконец, ей не удалось выяснить, что Майя ушла навсегда, а точнее, он просто вышвырнул ее из дома.

— Она... теперь... у Фрэнка, — объявил он, после того как долго вспоминал имя соперника, к которому ушла Майя. — Я сказал ей, чтобы она шла к нему.

— Это разумно, Алан. Это было единственное верное решение. Алан, послушай меня, — она пыталась рассеять его отчаяние деловым тоном. — Алан, ты никогда больше не увидишь эту девушку. Понял? Майя не принесет тебе ничего хорошего. Всегда у тебя с ней будет одно и то же. Отношения между вами невозможны, тебе от них будет только хуже. Ты слышишь? Ты понял, что я тебе сказала?

Она смогла, в конце концов, достучаться до него, и Алан заверил мать в том, что никогда больше не будет встречаться с Майей, но Беатрис сильно сомневалась в том, что сын вообще понимает, что происходит. Она уговаривала его убрать все бутылки, лечь спать и ни в коем случае не брать сегодня в рот ни капли алкоголя. Он пообещал ей и это, но было маловероятно, что он сдержит слово. Он сегодня выпьет все свои запасы, а они, надо полагать, не маленькие.

Беатрис закончила разговор и впала в глубокую депрессию, не зная, что делать дальше. Некоторое время она бесцельно слонялась по дому, потом вышла в сад и принялась пропалывать розы. Но руки ее дрожали, колени подгибались. Потом явилась Франка, бледная как полотно.

— Где остался ваш муж? — машинально, без всякого интереса, спросила Беатрис.

— Мы победили в «Шале», — ответила Франка, — у бухты Фермейн. Он снял там номер, где и остался, — Франка явно волновалась и нервничала.

«Нехороший сегодня день», — подумала Беатрис.

— Сегодня я не смогу пойти к Кевину, — сказала Франка, — мне придется еще раз встретиться с Михаэлем. Нам... надо обсудить некоторые вещи, поэтому нам надо увидеться еще раз. Если вы скажете мне номер телефона Кевина...

— Я, так или иначе, вернусь в дом и сама позвоню, — ответила Беатрис, — и, покачнувшись, встала на ноги. Не было никакого смысла пытаться отвлечь себя розами. Ее тошнило, она, кажется, совсем расклеилась. Она вошла в дом, но у нее не было сил говорить с Кевином, и она решила отложить звонок. Она поднялась в свою комнату, где пробыла до вечера. Потом она услышала, как Хелин отправилась в ванную. Как обычно, она что-то напевала себе под нос. Было такое впечатление, что

Хелин полностью довольна жизнью, и это разозлило Беатрис.

«Франке плохо, мне плохо, — подумала она, — а она ничего не замечает и ведет себя так, словно в мире не происходит ничего особенного».

Франка, наконец, ушла на встречу с Михаэлем, надев свое новое короткое платье, купленное ей Хелин в Сент-Питер-Порте. Легкий загар, вымытые волосы и подкрашенные губы делали ее на редкость привлекательной, несмотря на серьезный и печальный вид.

«Ее муж сделает все, чтобы отвоевать назад ее сердце, — подумала Беатрис, — но едва ли у него это получится».

И вот теперь она бродит по скалам, чтобы не проводить вечер с Хелин. Сама мысль об этом казалась ей невыносимой. Если бы она провела вечер с одним Кевином, она могла бы рассказать ему о телефонном разговоре, обсудить с ним свое положение. Но ей не хотелось выслушивать комментарии Хелин. Ей она не хотела ничего рассказывать. Ужасное состояние Алана не касается Хелин. Плохо, конечно, что она о чем-то догадывается — ведь она подслушала разговор и сделала какие-то выводы. Собственно, она знает эту проблему. Ее знают все на Гернси, да и в Лондоне о ней тоже знают многие.

«Боже, — думала она, — ведь я знала, я знала. Как только я услышала, что к нему приехала Майя, я уже знала, что из этого выйдет».

Она шла очень быстро, ей стало тяжело дышать. Она взобралась на стоявшую перед ней скалу и положила руки на теплый, нагретый весенним солнцем камень. Ей показалось, что сила камня медленно вливается в нее. Волшебство не изменило Беатрис, и даже в такой ужасный день утешило ее. На душе стало спокойнее, напряжение спало. Она села на камень на вершине скалы и подперла голову руками.

«Черт возьми, — подумала она, — самостоятельно он с этим не справится. Он не сможет. Он не выпутается из этого положения, пока душа его будет рваться на части».

Она пришла в такой ужас, услышав по телефону его мычание, потому что знала этот голос. Сын говорил так, когда был настолько пьян, что переставал держаться на ногах, когда язык отказывался ему повиноваться, когда он превращался в маленького ребенка, и, ухватившись за одну мысль, не мог с ней покончить.

«Когда это случилось в первый раз?» — подумала она. Она покопалась в памяти: ему тогда было двадцать один или двадцать два года. Он уже учился в университете, и на каникулы приехал на Гернси. У него была одна проблема, к которой он снова и снова возвращался. Речь шла, если она

правильно помнила, о неудаче с какой-то экзаменационной работой. Однажды упомянув об этом, он не мог остановиться, и все время говорил только о своей неудаче. Она занимала его и днем и ночью. Ни Хелин, ни сама Беатрис не считали это событие катастрофой, как казалось Алану. Но теперь Беатрис понимала, что к ней надо было отнестись с большим вниманием.

Ни один человек не станет непрерывно говорить о каком-то предмете, если тот не задевает его до глубины души. Однажды ночью она услышала, как он вошел в дом, начал тяжело подниматься по лестнице и упал. Беатрис тогда выбежала из комнаты и отпрянула, остановленная облаком алкогольного запаха, витавшего на лестнице. Алан лежал на нижних ступенях лестницы и стонал. Рубашка выбилась из-под ремня, куртку он потерял в прихожей. Волосы торчали в разные стороны, лицо пылало нездоровым румянцем.

— П... привет, мама, — невнятно пролепетал он, попытался встать, но тотчас снова упал.

— Святые небеса, Алан, что ты наделал? — она наклонилась к нему, приподняла его голову и погладила по пылающей щеке.

— Мне... плохо, — пробормотал Алан.

Естественно, Хелин тоже проснулась и выскочила на лестницу. Она отреагировала на происходящее очень бурно, почти истерично.

— О, нет! Что случилось? Алан ранен? Великий Боже, он не пьян? От него просто разит алкоголем! Ты думаешь, он?..

— Да, он выпил, — коротко ответила Беатрис. — С молодыми людьми это время от времени случается, а сейчас помоги мне втащить его в комнату.

Вместе они затащили Алана вверх. По дороге его вырвало, отчего Хелин снова раскричалась. Она чересчур драматизировала эту историю — так, во всяком случае, казалось тогда Беатрис. Сегодня она думала по-другому: не догадывалась ли Хелин о начале трагедии?

Алан упал на свою кровать, продолжая непрерывно говорить о своем провале на экзамене. Беатрис раздела, помыла его и принялась уговаривать забыть об этих дурацких экзаменах. Он их пересдаст, и скоро вся эта история порастет травой. Она убеждала себя, что у Алана что-то пошло не так, и он никак не может освободиться от подавленного настроения. С кем такого не бывало?

Но это стало происходить каждый вечер на протяжении всех каникул. Он уходил с друзьями и возвращался мертвецки пьяным. Несколько раз он не приходил, и Беатрис отправлялась на поиски. Она находила сына в Сент-

Питер-Порте лежащим на скамейках или на камнях. Иногда он едва не захлебывался собственной рвотой. Она начала понимать, что это ненормально. Он пил часто и неумеренно. Он не просто напивался. Он, казалось, хотел напиться до смерти. Казалось, что жизнь стала для него такой невыносимой, что ему хотелось поскорее с ней покончить. Беатрис изо всех сил тешила себя надеждой, что это происходит только на каникулах, причем, только на *этих* каникулах. Вернувшись в университет и начав учиться, он едва ли сможет позволить себе такие эскапады. В Лондоне он вернется к прежнему образу жизни.

Но к прежнему образу жизни он уже не возвращался — во всяком случае, надолго. Бывали периоды, когда Алан оставался относительно трезвым, но это означало лишь, что он потреблял алкоголь в разумных границах, и его пьянство оставалось незамеченным. Он пил каждый день, оставаясь «на плаву» — он был успешен, общителен и уверен в себе. Если Алан не добирал, то у него начинали трястись руки, а сам он превращался в комок нервов. Если же он перебирал, то лежал в углу, как бесчувственная колода. Своему окружению — собственно, одной Беатрис — он сумел надолго внушить, что у него все в порядке. Те, кто не знал типичных признаков алкоголизма, — пористая кожа, покрасневший нос, желтоватая бледность щек и мешки под глазами — считали его нормальным здоровым человеком, который, правда, иногда довольно жалко выглядел, но это можно было объяснить стрессом и переутомлением. Беатрис потребовалось много лет для того, чтобы понять, что ее сын пьет каждый день, что все свои проблемы он топит в вине — профессиональные трудности, конфликты с коллегами и клиентами, неудачи в личной жизни. Она и сама не могла бы сказать, когда именно пришло к ней это понимание — то был долгий процесс, по ходу которого она научилась видеть зловещие признаки, стала бдительной и проницательной. В конце концов, она не смогла больше себя обманывать. Ее сын — алкоголик, и помочь ему невозможно. Она лишь могла дать ему понять, что всегда находится рядом. Что он — что бы с ним ни происходило — может без стеснения опереться на нее.

Она сидела на камне, смотрела, как солнце постепенно погружается в море, и в отчаянии думала, что все стало хуже, когда он спутался с Майей. Какого черта он нашел в этой маленькой шлюшке, которая, случись что, не подаст ему и стакана воды? Майя была привлекательна, но на свете есть и куда более привлекательные женщины, но многие из них соблюдают стиль и приличия, живут по известным моральным нормам. Алан красив, у него хорошая и престижная профессия. Беатрис знала, что многие женщины от

него без ума. Почему он должен липнуть к этой твари с Гернси?

Естественно, и на этот раз все пошло криво. В его отношениях с Майей никогда не было ничего хорошего, это видели и понимали все, кроме самого Алана. Майя держалась ровно две недели, а потом снова сорвалась в свой привычный образ жизни. Прошло целых две недели, прежде чем Алан ее наконец раскусил.

Но Мэй, эта наивная дура! Кроме Алана, это был единственный человек, искренне считавший, что Майя может перемениться.

«Как обиделась Мэй, когда я выказала ей свою озабоченность», — подумала Беатрис. Она уверена, что я преувеличиваю. Мэй всегда закипает, когда кто-нибудь плохо отзывается о ее маленькой любимице. До самой своей смерти будет она считать Майю невинной овечкой.

Она замерзла. Солнце скрылось в море, и сразу стало холодно. Небо на западе было еще окрашено в красноватые тона, но на скалы и луга уже напознала темнота. Беатрис очень хорошо понимала, что будет дальше: Алан не ограничится сегодняшним понедельником, он будет напиваться до бесчувствия ежедневно в течение этой и следующих недель. Его секретарша, надежная, порядочная и неболтливая женщина, приложит все силы, чтобы хоть как-то спасти положение, найдет подходящие объяснения, что-то придумает, чтобы оградить своего шефа хотя бы от клиентов, сохранить его репутацию и престиж. Беатрис догадывалась, что с каждым разом это будет удаваться все хуже и хуже. В адвокатской среде наверняка уже давно идут разговоры о том, что с Аланом Шэем творится что-то неладное, и никто не будет заботиться о соблюдении внешних приличий. Никому даже в голову не придет оберегать психику Алана. Вопрос времени, когда начнут разбегаться клиенты. Все зависит от того, насколько часто он будет отменять назначенные встречи. Никто не станет долго этого терпеть. Люди пойдут искать себе другого адвоката, и Беатрис чувствовала, что многие уже так и поступили, просто Алан ей об этом не рассказывает. Майя не только испортит ему здоровье, она окончательно разрушит и его карьеру.

По многолетнему болезненному опыту Беатрис знала, как будут дальше развиваться отношения Алана и Майи. Расставшись с ней, он страдал, как верный пес, а она, сохраняя полное душевное спокойствие, ждала, не отказывая себе в удовольствиях. Она четко знала, что он возьмет ее назад, что будет умолять ее вернуться, когда она того пожелает. Две недели он будет пить, потом снова появится на работе, бледный, больной и жалкий, как призрак, как выходец с того света, отмеченный его неизгладимой печатью, но вынужденный отбывать свой срок в мире

живых. Его дом — ад, и нужно лишь небольшое потрясение, чтобы он снова туда вернулся. Он снова начнет тянуть свою адвокатскую лямку, станет «умеренно» потреблять виски, что, как и всегда в таких случаях, позволит ему еще некоторое время продержаться на плаву. Он будет страдать, болеть от одиночества, она снова проникнет в каждую клеточку его тела, его души, сделает его слабым, безутешным и больным. Внутреннее одиночество, охватывавшее его без Майи, было злейшим его врагом, а для Майи — ключом к возвращению. Пока, во всяком случае, исключений не было. Он забывал гордость и чувство собственного достоинства. Она торжественно заверяла его, что изменилась, что она стала лучше, и он безоглядно ей верил, цепляясь за обманчивую надежду, и спешил навстречу следующему падению.

Она встала и еще плотнее закуталась в куртку, но это не защитило от холодного ветра, задувшего с моря. К тому же ее донимал внутренний холод, а от него не спасешься никакой шерстью.

«Хоть бы она умерла», — думала Беатрис, возвращаясь к машине. Отчаяние вызывало острую боль, притупляло ужас этого страстного желания. «Я хочу, чтобы она просто перестала существовать».

Чувствуя себя ничтожной и потерянной, Беатрис села в автомобиль. Ее терзали муки совести. Она виновата в том, что происходит. Алан — ее дитя. Она не смогла защитить его.

Домой ей не хотелось. Она сидела в машине и смотрела в ночь, опускавшуюся на остров.

Они сидели в «Старинном борделе», дешевом, каком-то плюшевом заведении, что вполне соответствовало названию, не обращая внимания на зевки и покашливания официанта, который кругами ходил вокруг них, с нетерпением ожидая, когда они потребуют счет и, наконец, уйдут. В этот поздний час они были единственными посетителями. За вечер в зал зашла еще одна пара. Они быстро поели и ушли. Франке даже показалось, что пять минут назад кто-то сделал громче музыку. Официант хотел затруднить им разговор, выжить их из ресторана.

Собственно, они и так уже не разговаривали в течение получаса. Михаэль заказал коньяк и ожесточенно крутил в руках бокал, словно желая отломить ножку. В бокале оставалась еще капля коньяка, окрашивавшая дно в золотистый цвет.

«Почему он не допивает? — недоумевала Франка. — Это повод для того, чтобы, наплевав на все приличия, продолжать сидеть здесь? Или он хочет удержать здесь меня? Он знает, до какого абсурда я могу прийти в

своей вежливости. Я ни за что не встану и не уйду, если мой спутник продолжает есть и пить».

Она приняла таблетку, чтобы пережить вечер, потом села в машину и заехала за Михаэлем в гостиницу. Сначала она хотела предоставить ему выбор ресторана, но Михаэль так давно не был на Гернси, что не ориентировался в кафе, барах и ресторанах. Они поехали к гавани, припарковали машину у тротуара, и пошли по улице, разглядывая вывески. Михаэль вдруг сказал: «Смотри, вон тот ресторан называется „Старинный бордель“! Забавно, правда? Войдем?»

Сегодняшний вечер отнюдь не казался Франке забавным, поэтому она не поняла юмора, но согласилась, так как ей было абсолютно все равно, где есть. Тем более, что они сели у окна, из которого открывался красивый вид на замок Корнет. Хотя, в принципе, и это не играло никакой роли. Речь шла о разводе, и удобства имели лишь второстепенное значение.

Михаэль сначала попытался завести светскую беседу, заговорив о погоде, об острове и менталитете местных жителей.

— В гостинице одна дама только что сказала мне, что девятого мая на острове будет праздник, — сказал он. — Шествия, парады, цветы. Может быть, нам побыть здесь неделю и посмотреть на это торжество? Конечно, по работе я не могу себе это позволить, но неужели я не заслужил права хоть ненадолго стать двоечником — просто закрыть глаза и ни о чем не думать... Как ты к этому относишься?

В такой момент ей пришлось во второй раз вернуться к своей теме.

— Я не хочу ничего с тобой праздновать, — сказала она, — я хочу обсудить детали нашего развода.

Официант принес еду, и Михаэль замолчал, хотя официант наверняка не понял бы ни слова из их разговора, который они вели по-немецки.

— Ты возбуждена и взволнована, — сказал Михаэль, когда официант отошел, — ты впуталась здесь в какие-то дела... Поэтому я считаю совершенно недопустимым то, что ты просто сбежала и приехала сюда. Я понимаю, что моя... моя измена тебя разозлила, — он задумчиво поковырялся вилкой в тарелке.

— Мне очень жаль, — сказал он наконец. Любой, кто его знал, мог оценить неповторимость момента. Франка не помнила, чтобы Михаэль когда-нибудь извинялся — перед кем бы то ни было.

— Это было неправильно с моей стороны, я сильно тебя обидел. Я покончу с этим делом, оно никогда больше не повторится.

— Михаэль...

Он поднял руку.

— Момент. Хочу еще добавить, что в таких ситуациях бегство — не выход из положения.

«Конечно, — подумала Франка, — он говорит так, потому что это был первый и единственный мой правильный поступок за все время нашей совместной жизни».

— Это очень плохо, замыкаться в себе и бесконечно думать. Я могу понять, что ты хочешь отдалиться, побыть в одиночестве. Но когда человек оказывается в плену своего сознания, ему в голову начинают лезть глупые мысли. Возникает порочный круг. Так получилось и у тебя. Ты думаешь о разводе — но это же просто чрезмерная реакция.

Франка отодвинула от себя тарелку. При всем желании она не могла сейчас даже думать о еде.

— Это не чрезмерная реакция, и я не задумывала никакого плана в «плену моего сознания», как ты это назвал. Факт заключается в том, что еще сегодня утром я и не помышляла о разводе. Это решение пришло ко мне в ту секунду, когда ты вошел в дверь... — она задумалась, как облечь в слова свои чувства. — Именно в ту секунду я поняла, что нам надо расстаться. Пойми, я не стала раздумывать. Это было знание. Мне не надо было над ним раздумывать. Мы просто не можем больше быть вместе.

— Боже мой, но это еще хуже! — Михаэль тоже отодвинул от себя тарелку и закурил сигарету. — Это как короткое замыкание. Тебе в голову стрельнула какая-то мысль, мысль, чреватая тяжкими последствиями. Ты же воображаешь, что речь идет о непререкаемом знании и — бах! Ты твердишь мне о разводе и не желаешь со мной разговаривать!

— Если бы я не хотела с тобой разговаривать, мы не сидели бы сейчас здесь. Конечно, после десяти лет совместной жизни невозможно расстаться молча. Мы можем говорить, но это не изменит моего решения. Потому только, что я — даже если бы сильно захотела — просто не смогла бы его изменить. Я не могу! Из этого ничего не выйдет. Пойми, наконец, даже в чисто телесном отношении я не могу оставаться с тобой.

Он обеспокоенно посмотрел на нее.

— Ты не хочешь больше со мной спать? Но мы и так очень редко...

— Речь идет не о сексе! — она так и знала, что он превратно ее поймет. — Сегодня утром у меня были все телесные симптомы реакции страха. У меня вспотели ладони и подогнулись колени. Мне стало трудно дышать. Я заметила, что... Господи, Михаэль, но это же ненормально! Ни одна женщина не должна так себя чувствовать, когда в дом входит ее муж.

— Конечно, нет, но разве это не твоя обычная реакция на все, что угодно? Я, на самом деле, готов принять на себя большую часть вины...

«Именно к этому ты и не готов», — подумала Франка.

— ...но я никогда не соглашусь с тем, что это реакция именно на меня. Ты на все так реагируешь. Такова ты сама! Склонная к панике, боязливая, нервная — и прости меня — истеричная. В этом была причина твоей профессиональной неудачи.

— Но даже если это и так, то, по крайней мере, с тобой я должна была чувствовать себя защищенной. Или я не права?

— Да, это было бы прекрасно. Я думаю, что многое сделал, чтобы внушить тебе это чувство, — он обиженно посмотрел на нее, оскорбившись тем, что она не оценила по достоинству его усилий. — Но, очевидно, от этого не было никакой пользы. Ты всегда отказывалась от моей помощи. Я пытался тебя поддержать, объяснял тебе, что стал бы делать на твоём месте, а от чего бы воздержался... Но каждый раз ты упрекала меня в том, что я вожу тебя на помочах и чрезмерно опекаю. Что бы я ни делал, тебе было не по нраву.

Франка снова ощутила головную боль, она была пока слабой, это было лишь легкое дуновение боли, но Франка знала, что теперь она не пройдет, а будет с минуты на минуту усиливаться. У нее всегда болела голова, когда Михаэль начинал на нее нападать. Может быть, боль возникала от его напористости, а может, от вечных упреков, которые он высказывал, независимо от темы разговора. Ее страшно удивляло, что он не замечает, что весь этот разговор не имеет ни малейшего смысла, что их отношения зашли в безнадежный тупик.

«Но он не замечает этого, — думала Франка, — потому что никогда не страдал от их брака. Его никогда не унижали. Он никогда не ждал нападения, ощущая свою полную незащищенность. Ему никогда не приходилось изо дня в день ставить под вопрос смысл своего существования. Он никогда не страдал грызущей головной болью. Он всегда был неизмеримо сильнее».

Между тем, официант заметил, что они оба не притронулись к тарелкам, и поспешил к их столу.

— Вам не нравится еда? — спросил он. — С ней что-то не в порядке?

— Просто мы не голодны, — проворчал Михаэль. — Уберите их.

— Но...

— Я сказал, уберите. И принесите мне выпить что-нибудь крепкое!

Официант забрал тарелки и отошел прочь. Михаэль нервно курил, делая торопливые глубокие затяжки.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал он, — но здесь, на Гернси, у тебя почему-то появилась мания величия. Ты слишком много о себе

вообразила! Ты же совершенно неспособна жить одна. Ты неделями не могла появляться даже в супермаркете, потому что там у тебя начинались панические реакции. Поэтому ты решила вообще туда не ходить. Ты, наверное, умерла бы с голода, если бы я не приносил продукты. Ты сама подумай, как может хотеть самостоятельной жизни женщина, которая не может высунуть нос за дверь, если не проглотит предварительно успокаивающую таблетку.

— Тем не менее, на Гернси я вполне спокойно живу одна, — напомнила ему Франка, — и, веришь ты или нет, но я сама хожу в супермаркеты. Сейчас я сижу с тобой в ресторане и не ощущаю никакой паники.

— Наверное, ты приняла таблетку.

— Да. Но я и раньше их принимала, и тем не менее никогда не могла себе позволить пойти в ресторан.

«Мне надо поесть, — подумала она. — От голода усиливается головная боль. Но есть я сейчас не смогу».

— Гернси — это маленький замкнутый мирок, который, очевидно, внушает тебе чувство защищенности, — сказал Михаэль, — но это обманчивое чувство. Рано или поздно тебе придется вернуться в нормальную жизнь, и у тебя снова возникнут те же проблемы.

— Может быть, я останусь на Гернси, — сказала Франка.

Опешив, Михаэль не мигая уставился на жену.

— На Гернси? Что ты собираешься здесь делать?

— Жить.

— Жить? Позволь мне узнать, на что?

— Какое-то время я смогу жить после того, как мы поделим имущество. А потом я посмотрю.

— Ага, наконец-то ты заговорила открытым текстом. Ты хочешь денег.

— Думаю, что половина нашего имущества причитается мне. Это так.

— Да, это, конечно, тебе подходит. Ты хочешь сделать меня нищим, а потом заняться поисками. Наверное, ты надеешься получить больше, чем половину. Но я...

Боль в голове стала оглушительной. Такой сильной головной боли у нее давно не было. Ей казалось, что какой-то зверь вцепился острыми когтями в ее скальп.

— Я не хочу получить больше, чем мне положено, — с трудом произнесла она. — Но об условиях мы можем поговорить и позже. Как-нибудь мы придем к согласию. Думаю, нам стоит попытаться достойно и прилично пережить развод.

Михаэль закурил следующую сигарету. Кожа вокруг его носа слегка пожелтела, а это был признак сильного волнения.

— Это невозможно понять, — сказал он, — это просто невозможно понять! Мы сидим на каком-то богом забытом острове вечером первого мая и говорим о разводе! Я не могу в это поверить!

— Когда-нибудь мы оба почувствуем большое облегчение, освободившись друг от друга.

Она порылась в сумочке, достала таблетку аспирина и бросила ее в стакан с водой.

— Прости, но мне надо принять таблетку.

С этого момента за их столиком воцарилось молчание, время от времени прерывавшееся обвинениями и жалобами Михаэля, который самыми мрачными красками рисовал будущее Франки. В промежутках он заказывал вино и коньяк и велел официанту принести ему пачку сигарет. Франка пила минеральную воду. К ее радости, головная боль немного прошла, и она надеялась пережить этот злосчастный вечер. Она томительно желала одного — скорее отделаться от Михаэля. Она чувствовала, что исполнила долг вежливости, согласившись на эту встречу с Михаэлем и дав ему возможность высказаться, пусть даже он, при этом, по каплям вливал в нее накопившийся в нем яд. Она потребовала развода, и ей казалось справедливым, что она должна теперь сидеть с ним за одним столом и выслушивать его упреки и обвинения. Она решила терпеть до конца. На крайний случай у нее есть еще одна таблетка аспирина.

«Ничего, — думала она, — очень скоро, в самом недалеком будущем, все это окажется позади. Мы с ним больше никогда не увидимся. Он пойдет по жизни своей дорогой, а я — своей. У нас не останется больше точек соприкосновения».

Она постаралась найти в душе хотя бы следы печали или подавленности, но там не было ничего. Вместо этого ей представилось, что где-то впереди, за горами забытой боли и старого страха, лежит страна живой радости, спокойствия и счастья, которое своей силой почти пугало ее. Один внутренний голос взывал к осторожности, но другой громко кричал, что ей не нужна больше осторожность. Что-то изменилось, было ясно, что перемены на этом не остановятся, но она пока не доверяла себе, не доверяла тому предложению, что делала ей жизнь. Слишком долго была она лишена чувства счастья, радости и веры в себя. Она просто не знала, что с ними делать.

Было около полуночи, когда к их столику подошел нервничавший официант.

— Мы закрываем в двенадцать часов, — пробормотал он, — и если не возражаете, то я хотел бы принести вам счет и...

— Я сам решу, когда мне уходить, — рявкнул Михаэль. Он был уже изрядно пьян и теперь искал отдушину, чтобы излить свой гнев. Франка понимала, что муж сцепится с официантом, если тот допустит хотя бы малейшую оплошность. Франка торопливо взяла в руки сумочку.

— Принесите мне счет, — сказала она, — я сама его оплачу.

— Ты позволяешь этому типу к чему-то тебя принуждать? — едва ворочая языком, спросил Михаэль. — Моя жена позволяет выкинуть себя из ресторана, как последнего бродягу? Ты...

— Мы сидим здесь уже очень долго, — перебила его Франка. — Этим людям тоже хочется отдохнуть. Мы должны были уже давно...

— Мы ничего не должны были делать давно! Я снова вижу типичную Франку! Приходит какой-то тип, что-то говорит, и Франка тут же поджимает хвост. Ты не смеешь пикнуть, когда кто-то открывает рот. Таких покорных, как ты, свет еще не видывал. Ты...

— Михаэль! — тихо, но с силой произнесла Франка. Он сильно разошелся, и официант стал поглядывать в их сторону с нескрываемым раздражением.

— Я устала, — сказала Франка, — и хочу домой.

— Ты хочешь домой? Ты хочешь закончить разговор? И ты думаешь, что сможешь так легко отделаться? Заявляешь, что тебе нужен развод, а потом говоришь, что ты устала и хочешь в кровать?

— Нам нечего больше обсуждать, — сказала Франка, — поэтому нет никакого смысла сидеть здесь дальше.

Официант принес счет, и Франка положила на стол две купюры.

— Но это еще не конец, — сказал Михаэль.

Франка встала, едва удержавшись на подгибавшихся коленях. Весь день прошел на нервах, но чувствовала она себя на удивление хорошо.

— Нет, Михаэль, — сказала она, — это конец.

Как он поедет в гостиницу — его дело. Для этого существует такси. И вообще это не ее проблема. Она вышла из ресторана, зная, что он беспомощно смотрит ей вслед и направилась к своей машине. Она чувствовала, что он думает в этот момент: Нет никакого смысла ее удерживать. Она все для себя решила.

Она открыла дверь машины и упала на переднее сиденье за руль. Впереди сверкал огнями замок Корнет. На темном пляже рокотал прибор.

«Я свободна», — подумала она. Это чувство настолько сильно ошеломило ее, что она несколько секунд просидела за рулем, закрыв глаза.

«Я свободна. Я сама завоевала свою свободу. Никто не помогал мне, никто не вынуждал и никто не делал поблажек. *Я ее завоевала*».

Франка открыла глаза. Она знала, что сомнения и страхи снова проснутся и будут немилосердно ее грызть. Но сейчас она ощущала в себе такую безмерную силу, что от нее перехватывало дыхание.

«Я должна на всю жизнь запомнить эти секунды, — подумала она, — на всю жизнь, до самой смерти. Я должна помнить, что у меня есть сила. Я не чувствовала бы эту силу, если бы ее не было, но она есть. И будет всегда. Просто мне надо это знать».

Она посидела еще немного, выждав, когда успокоится сердцебиение, повернула ключ зажигания, включила мотор и выехала с парковки.

Было ровно двенадцать.

Она проехала по улицам спящей деревни и выехала на круто поднимающуюся вверх извилистую дорогу на краю Ле-Вариуфа. Ночь была ясная и темная. «Небо, наверное, усеяно звездами», — подумалось Франке.

Она свернула на подъездную дорожку и затормозила возле стоявшей за воротами машины. Это был автомобиль Беатрис. Франка вышла из машины и только тогда заметила, что Беатрис сидит за рулем.

Она постучала в стекло. Беатрис вздрогнула и открыла дверь.

— Ах, Франка, это вы, — сказала она. — Я совсем забыла о времени. Который теперь час?

— Должно быть, половина первого. Что вы делаете в машине?

— Я задумалась, — Беатрис вылезла из машины и тряхнула головой, словно желая стряхнуть с себя неприятные мысли. — Знаете, с Аланом проблемы. Не могу избавиться от них весь вечер.

— Кевин не сумел отвлечь вас от дурных мыслей?

— Я там не была. Я отвезла Хелин и поехала на мыс Плейнмонт. Там я долго сидела на скале. Вероятно, — она натянуто рассмеялась, — я подхватила простуду, и это единственное, что принес мне этот вечер.

Они направились к дому, поднялись на крыльцо и вошли внутрь.

— Хелин, наверняка, уже спит, — сказала Беатрис. — Как прошел вечер, Франка? Вы поговорили с мужем?

Франка пожала плечами.

— Это был неприятный разговор. Но, думаю, что с этим делом покончено.

Беатрис внимательно посмотрела на Франку.

— Вид у вас отнюдь не грустный!

— Мне вовсе не грустно, — ответила Франка, вешая в шкаф плащ, висевший у нее на руке. — Мне легко.

— Я поднимусь наверх, загляну к Хелин, — сказала Беатрис, — посмотрю, как она добралась до дома. Потом мы с вами выпьем вина и вы расскажете мне о разговоре с мужем, хорошо?

Франка коснулась плеча Беатрис.

— Что с Аланом? — тихо спросила она.

— Я вам расскажу, — пообещала Беатрис.

Она поднялась по лестнице, а Франка осталась внизу, у зеркала.

«Как выглядит, — подумала она, — свободная женщина?» Она

улыбнулась своему отражению. Женщина в ярко-красном платье улыбнулась в ответ. «Она неплохо выглядит, — решила Франка. — Свобода, оказывается, красит женщин».

В этот момент на площадку второго этажа выбежала Беатрис, перегнулась через перила и крикнула:

— Хелин нет! — в голосе Беатрис звучала тревога. — Ее нет в кровати.

— Может быть, она где-нибудь в доме? — предположила Франка.

Беатрис сморщила лоб.

— В доме темно и тихо. Нет, дома ее нет.

— Значит, она просто задержалась у Кевина. Наверняка, она скоро придет.

Беатрис бегом спустилась на первый этаж. Было видно, что она сильно раздражена.

— Хелин никогда не засиживается у него допоздна. К половине одиннадцатого она уже смертельно устает. Она еще ни разу не возвращалась домой так поздно.

Было видно, что Беатрис не на шутку встревожена.

— Все это кажется мне очень странным, — сказала она.

В четверть второго они позвонили Кевину, а до этого обшарили весь дом. «В конце концов, Хелин могла спуститься в подвал и там упасть», — предположила Беатрис.

В доме они не нашли никаких следов Хелин.

— Ее плаща в гардеробе нет, — сказала Франка, — значит, домой она не возвращалась.

Беатрис схватила лежавший в кухне на полке большой карманный фонарь.

— Может быть, она забыла ключ и находится где-то в саду. В теплице или в сарае. Если ее там нет, то я позвоню Кевину, хотя, понятно, что он уже давно спит.

— Я пойду с вами, — вызвалась Франка.

Женщины, спотыкаясь, вышли в ночной сад. Мощный фонарь отбрасывал на землю яркий конус света. В небе висел тоненький серп Луны, ветер таинственно шелестел в листве деревьев. Франка наступила на мягкий холмик кротовой норки.

— Как здесь жутко ночью! — воскликнула она, задрожав.

Беатрис громко окликнула Хелин по имени, но ответа не последовало. Она осветила фонарем все углы обеих теплиц, осмотрела и сарай, в котором теперь не было ничего, кроме старых велосипедов, разбитой

мебели и пары сундуков с книгами. Франка забралась по лестнице на чердак, в маленькую комнатку, вспугнув там мышей и запутавшись в липкой паутине.

— Здесь тоже никого нет! — крикнула она Беатрис.

— Сейчас буду звонить Кевину, — решительно сказала Беатрис.

Прошла целая вечность, прежде чем Кевин подошел к аппарату. Беатрис трижды набирала номер и долго ждала. Наконец Кевин ответил. В голосе его не было и следа сонливости.

— Алло, кто это? — спросил он бодрым голосом.

— Кевин, боже мой. Я уже думала, что ты выключил телефон. Это Беатрис. Хелин еще у тебя?

— Нет, она уже давно ушла.

— Когда именно она ушла?

Он задумался.

— Около половины одиннадцатого.

— Половины одиннадцатого? Скоро уже половина второго, а ее до сих пор нет.

— Это странно, — сказал Кевин.

— Странно? Я нахожу это тревожным. Ты видел, как она вошла в дом?

— Я не отвозил ее домой.

— Как же она тогда вернулась?

— На такси. Она заказала машину где-то между десятью и половиной одиннадцатого.

— Как получилось, что ты ее не отвез? Ты же всегда это делал!

— Да, но на этот раз не смог, я слишком много выпил.

— Такого с тобой еще никогда не происходило!

— На этот раз произошло. Неужели это преступление — один раз как следует выпить?

Беатрис чувствовала, как в ней постепенно закипает гнев. Какого черта! Кевин не должен делать вид, что ничего особенного не произошло. Он нарушил правила игры, и теперь они не могут найти Хелин, а Кевина, кажется, это вовсе не волнует.

— Кевин, черт возьми, эта старуха была у тебя, и, значит, ты должен был за нее отвечать! Кто водитель такси?

— Я не знаю, она сама заказывала такси.

— Но номер телефона дал ей ты!

— Нет, номер висит у меня над телефоном, она сама его набрала.

— Почему она сама...

— Господи, Беатрис, я был пьян! Я отключился... она захотела

уехать... и нечего на меня кричать из-за этого!

— Мне нужен номер телефона такси. Что-то здесь неладно. Хелин не могла просто раствориться в воздухе!

— Может быть, она поехала еще куда-нибудь, — предположил Кевин. Беатрис возмущенно фыркнула.

— Кевин, я тебя умоляю! Мы оба знаем Хелин. Это не та женщина, которая поедет по кабакам Сент-Питер-Порта! Будь добр, дай мне телефон такси! Может быть, произошло какое-то несчастье.

Она записала номер и торопливо попрощалась.

— Я позвоню позже, Кевин!

Она нажала на рычаг и позвонила в такси. Она снова и снова набирала номер, прежде чем ей ответила какая-то женщина. Голос у нее был заспанный и страшно недовольный.

— Простите, пожалуйста, — сказала Беатрис, — но мы потеряли женщину, которая сегодня вечером ехала на одной из ваших машин. Женщина до сих пор не вернулась домой.

На другом конце провода раздался аппетитный и демонстративный зевок.

— Это дело не может подождать? — раздраженно спросила женщина.

— Конечно, нет, — ответила Беатрис. — Возможно, со старой дамой что-то случилось. Я не могу ждать до утра.

— Сегодня вызовы обслуживал мой муж. Сейчас я его разбужу. Уверяю вас, он будет этим не очень доволен.

Беатрис слышала, как женщина, шаркая тапочками по полу, отошла от телефона. Она ждала, испытывая все большую тревогу и страх. Хелин вез сам владелец компании. Он спокойно спит в своей постели. Значит, никакого несчастья не произошло и никто не пострадал, но от этого дело представлялось еще более загадочным.

«Сейчас я что-то узнаю», — подумала она, но, одновременно, ее пронзило предчувствие чего-то ужасного.

Водитель такси, который, спустя целую вечность, недовольно и ворчливо ответил по телефону, первым делом сообщил, что его единственный шофер в отпуске и прохлаждается во Франции, и ему приходится самому выезжать на вызовы. Он сразу вспомнил вызов в Тортеваль, вспомнил и Хелин, которую забрал в Тортевале и отвез в Ле-Вариуф.

— Очень пугливая особа, — сказал он, — я сам говорил с ней по телефону и едва смог понять, что она говорит. Она что-то шептала в трубку. Я чуть не вывихнул себе ухо, чтобы понять, где она находится и чего хочет.

Я попросил ее говорить громче, но она не смогла.

— Она шептала?!

— Я же вам говорю. Когда я приехал в Тортеваль, она уже стояла на углу главной улицы, и увидев меня, почти бегом бросилась к машине. Когда она уселась, то ей, кажется, стало легче. Она сказала, что хочет в Ле-Вариуф, и что нам следует поторопиться.

Все это звучало более чем странно и все больше и больше тревожило Беатрис.

— Вы высадили ее у подъема? — спросила она. — Или довезли ее до входа в дом?

Было слышно, что водитель колеблется, но потом решил, что лучше сказать правду.

— Я не подвез ее до дома, — смущенно пробормотал он, — я хочу сказать, что я не довез ее до усадьбы. Я... черт возьми, не мог же я знать, что эта старая дама вдруг исчезнет! Я высадил ее, не доезжая сотни метров до дома.

— Но почему? — упавшим голосом спросила Беатрис.

— Дорога там разветвляется, — было ясно, что шофер сейчас проклинает свою лень, которая теперь может обернуться для него неприятностями. — Я подумал, что там, наверху, мне будет трудно развернуться. Сзади меня, вплотную, ехала другая машина, и... да и дорога там очень узкая...

— На острове почти все дороги узкие, — перебила его Беатрис, — и к тому же на нашей подъездной дорожке вы могли развернуться без всякого труда.

— Да, но старая дама сказала, что ворота, возможно, закрыты, и пока она их откроет... Да и тот чужак просто дышал мне в затылок... Я спросил ее: ничего, если я высажу ее на развилке, и она сказала, что с удовольствием прогуляется, это пойдет ей только на пользу. И вот так...

— И вот так вы оставили восьмидесятилетнюю женщину одну, на улице и ночью! Должна сказать, что я...

— Всего сто метров! — водитель окончательно проснулся и сильно нервничал. — Наверняка не больше. Вы же наверняка знаете это место!

— На этих ста метрах что-то случилось, из-за чего Хелин не смогла попасть домой. У вас могут быть проблемы, надеюсь, вы это понимаете? — она бросила трубку и повернулась к Франке, стоявшей рядом. — Каков идиот! Только ради того, чтобы не разворачиваться, он оставил Хелин на развилке! Неужели ему было так трудно подняться до дома и удостовериться, что она вошла в дверь? Боже, ведь она же старая женщина!

— Но, в самом деле, что могло с ней случиться на этой дороге, на каких-то ста метрах? — сказала Франка. — Мы же не в Нью-Йорке, где на вас могут напасть на каждом углу. Гернси! Я всегда думала, что здесь вообще ничего не случается.

— Я ничего не понимаю, — Беатрис задумчиво покачала головой. — Но меня мучает страшное предчувствие.

— Может быть, она зашла к каким-нибудь соседям?

— Но не так же поздно? Света нигде нет. Все давно спят.

— Но тогда...

— Может быть, она заблудилась, пошла не к дому, а к берегу, к скалам...

— Это очень опасно, — сказала Франка, — там так темно... К тому же она не очень уверенно держится на ногах.

— Так, — решила Беатрис, — сейчас мы снова выйдем на улицу, но на этот раз возьмем с собой собак. Надо осмотреть улицу перед усадьбой.

Франка вздрогнула.

— Может быть, нам стоит позвонить в полицию?

— Если мы в течение часа ничего не найдем, то позвоним в полицию, — ответила Беатрис.

Собаки прыгали вокруг Беатрис и лаяли — громче всех неутомная Мисти — возбужденные перспективой ночной прогулки. Они так яростно обнюхивали обочину дороги, словно за прошедшие восемь часов здесь появились сотни новых запахов. Беатрис снова включила фонарь. Круг света выхватывал таинственные очертания каменных оград, колючих кустов, плюща, деревьев. По небу неслись облака, время от времени закрывая луну.

— Будет дождь, — сказала Беатрис, и Франка только теперь заметила, что в воздухе висит тяжелая сырость.

— Не пошла ли она в Пти-Бо? — сказала Франка, но Беатрис возразила:

— Непонятно, с какой стати она бы туда пошла. Она никогда туда не ходила.

Мисти, вырвавшаяся далеко вперед, вдруг остановилась как вкопанная и задрала вверх морду. Уши ее встали торчком, все тело сильно напряглось. Остальные собаки последовали ее примеру. Все три пса остановились посреди дороги.

— Там впереди что-то случилось, — сказала Беатрис. — Может быть...

Мисти тихо завывала. От собак исходило что-то пугающее.

— Не нравится мне все это, — сказала Беатрис. Через две секунды обе женщины поравнялись с собаками и так же, как они, не могли уже сдвинуться с места.

Но потом они все разом двинулись с места — собаки впереди, Беатрис и Франка за ними. Собаки, громко лая, снова остановились, и Беатрис тихо сказала:

— Господи, кажется, это конец.

— Вы хотите сказать, что... — начала было Франка, и в этот миг тоже увидела на дороге какой-то продолговатый сверток, возле которого сгрудились собаки. Мисти тихо скулила, остальные псы, оцетинившись, злобно рычали. Беатрис медленно направила луч фонарика на сверток и тотчас узнала узкое лицо Хелин. Длинные седые волосы выбились из-под заколки и разметались вокруг головы по мостовой. Потом Беатрис заметила темную лужу, в которой лежала голова Хелин.

— Мне кажется, что это кровь, — в ужасе пробормотала Франка.

Рука Беатрис дрогнула, и луч фонаря спустился чуть ниже, и они увидели, что у Хелин на шее, под подбородком, зияет рана. Кто-то перерезал ей горло и бросил истекать кровью на дороге в Пти-Бо.

По меркам Гернси, где и в самом деле практически не совершались преступления, — если не считать, конечно, воровства яхт, которое за последние десятилетия стало частью местных достопримечательностей, — на место преступления прибыла целая армия полицейских. Особое внимание полицейские уделили сохранности следов, для чего была оцеплена большая часть дороги. Искали следы людей, фотографировали и фиксировали следы протекторов. Действия полиции привлекли внимание жителей деревни. Люди начали просыпаться и выходить на улицу, теснясь вокруг оцепления. Люди приехали даже из Сент-Мартина, не желая упускать подробностей происшедшего. Каким-то таинственным образом всем было уже известно, что жертвой преступления стала Хелин Фельдман. Дрожа от ужаса, люди говорили друг другу:

— Говорят, что ей перерезали горло? Великий Боже, вы можете себе это представить?

Беатрис и Франка сидели в гостиной, в креслах, на порядочном расстоянии друг от друга. Было такое впечатление, что им стало трудно выносить присутствие друг друга. Чиновник опросил Беатрис после того, как врач дал на это разрешение. Франка была убеждена, что Беатрис пережила тяжелое потрясение. Франка впервые видела эту пожилую женщину абсолютно безвольной и неспособной к действию. Увидев труп Хелин, она отошла в сторону, остановилась на тропинке и начала дрожать. Рука ее разжалась и фонарь с грохотом упал у ее ног. Франка подняла фонарь и взяла Беатрис под руку. Удивительно, но сама она не дрожала.

«Наверное, страх придет позже», — подумала она.

— Надо позвонить в полицию, — сказала Франка. — Беатрис, идемте домой.

Беатрис без сопротивления позволила увести себя с места преступления. Франка позвала собак, и те, оцетинившись и опустив головы, неохотно потрусили следом.

Придя в дом, Франка усадила Беатрис в кресло и поставила перед ней стакан коньяка. Потом она позвонила в полицию и рассказала ошеломленному дежурному, который, видимо, только что решив кроссворд, собрался вздремнуть, что произошло. В первый момент дежурный подумал, что это неудачная шутка.

— Вы уверены, что все, что вы сейчас рассказали, правда? — спросил

он.

— Я прошу вас немедленно приехать, — сказала Франка, чувствуя, что у нее нет сил долго дискутировать с этим человеком.

— Вы не выпили, мадам? — поинтересовался дежурный.

— Нет. Пожалуйста, немедленно пришлите сюда людей!

Полицейский, видимо, наконец пришел в себя.

— Сейчас пришло, — сказал он. — Ничего не трогайте на месте преступления.

Франка вернулась в гостиную, где, оцепенев, сидела в кресле мертвенно-бледная Беатрис. К коньяку она не притронулась.

— Беатрис, сделайте хотя бы глоток, — настойчиво сказала Франка, — иначе вы сейчас просто упадете.

Беатрис взглянула на Франку пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Ей перерезали горло, — прошептала она. — Как это ужасно. Как это невообразимо ужасно.

— Не надо сейчас об этом думать, — сказала Франка. Она понимала, что сама не выдержит, если начнет сейчас думать о деталях преступления. Ей становилось страшно от одной мысли о том, что по окрестностям бродит какой-то душевнобольной, который нападает на людей и перерезает им горло, психопат, прятавшийся в кустах и напавший на беззащитную Хелин... «Он мог напасть на любого, — думала Франка, — в том числе и на меня. Как часто в последнее время я в одиночестве гуляла по прибрежным скалам».

Франка почувствовала, что к горлу начинает подступать тошнота, и отбросила ненужные мысли. Думать обо всем этом ужасе она будет потом, а сейчас надо поберечь нервы.

Явились двое полицейских. Вид у них был недоверчивый. Они по-прежнему были убеждены, что звонившая страдала галлюцинациями, либо неудачно и зло пошутила. Франка, не вступая с ними в долгие дискуссии, отправила полицейских к месту происшествия, сказав, что они найдут там труп пожилой женщины с перерезанным горлом. Полицейские вышли, и вскоре один из них вернулся. Лицо его было пепельно-серым.

— Господи, — выдавил он из себя, с трудом переводя дыхание, — такого я еще никогда не видел.

Спустя короткое время вокруг дома было уже полно полицейских, прожектора залили место происшествия ярким светом, по периметру оцепления толпились любопытные; ночную тишину прорезала сирена скорой помощи. Франка сказала врачу, что сама она в полном порядке, но

Беатрис чувствует себя плохо, и ей требуется помощь. Врач внимательно посмотрел на Франку.

— Боюсь, что у вас просто запоздалая реакция, — сказал он и сунул ей в руку флакончик с белыми шариками. — Это чисто гомеопатический препарат. Если почувствуете, что у вас сдают нервы, примите пять шариков.

Франка пообещала, и врач занялся Беатрис, которая без возражений позволила сделать себе укол.

— Это всего лишь легкое успокаивающее средство, — заверил ее врач.

Через короткое время щеки Беатрис немного порозовели, и она мало-помалу стала выходить из поразившего ее транса.

— Спрашивайте, — твердым и уверенным голосом сказала Беатрис полицейскому, который нерешительно подошел к ней, — я отвечу на все ваши вопросы.

Она с поразительным спокойствием реагировала на все вопросы, заданные ей полицейским. Беатрис рассказала, что вечером Хелин ужинала у Кевина в Тортевале, откуда уехала на такси около половины одиннадцатого. Торопливо записывавший ее слова полицейский насторожился, когда услышал, что таксист высадил Хелин, не доезжая до дома.

— На этих ста метрах она и встретилась со своим убийцей, — заметил он.

— Она шла по дороге, которая проходит вдоль восточной стороны нашей усадьбы и ведет к тропинке в скалах, — сказала Беатрис, то есть по дороге, на которой...

— Да. На которой и находится место преступления.

— Как вы думаете, ее убили на том месте, где мы ее нашли? — спросила Беатрис. — Или еще на улице? Ее могли потом...

Полицейский отрицательно покачал головой.

— Поиск следов продолжается, но, судя по тому, что я видел, могу сказать, что ее убили именно там, где вы ее увидели. Нигде больше нет следов крови, и не похоже, что ее откуда-то волокли.

— Да, конечно, — согласилась Беатрис и снова немного побледнела.

— Мне надо знать, где вы обе были сегодня вечером, — сказал полицейский и обернулся к Франке. — Вы провели этот вечер вместе?

— Нет, — ответила Франка и рассказала об ужине с мужем в «Старинном борделе».

— Но ваш муж не живет здесь? — въедливо поинтересовался полицейский.

Франка покачала головой.

— Он живет в гостинице «Шале» у бухты Фермейн.

— Ага, и он не проводил вас до дома?

— Нет, я сама приехала на машине.

— Миссис Шэй была дома, когда вы приехали?

— Она сидела в машине, стоявшей на подъездной дорожке.

Полицейский посмотрел на Беатрис.

— Значит, вы сами только что приехали? Или вы собирались куда-то уезжать?

— Я просидела в машине около получаса, — ответила Беатрис, — я просто сидела в машине и думала.

Полицейский удивленно воззрился на Беатрис.

— Вы полчаса сидели в машине и думали? Но почему вы не шли в дом?

Беатрис в ответ пожала плечами.

— Не было желания. Мне это даже в голову не приходило. Я совершенно забыла о времени. Если бы не приехала Франка, я бы, наверное, еще долго сидела в машине.

— Очень странно, — пробормотал полицейский и, покачав головой, что-то записал в свой блокнот.

Франка не видела ничего странного в том, что человек может, забыв о времени, сидеть в машине и думать, если этого человека обуревают какие-то тяжелые проблемы, но едва ли это можно было донести до простой души полицейского.

— Возможно ли, что вы приехали сюда раньше, чем было совершенно преступление?

Беатрис задумалась, но тут в разговор вмешалась Франка.

— Нет, я была здесь приблизительно, в двадцать минут первого. Если Беатрис находилась во дворе уже полчаса, то, значит, приехала она примерно без четверти двенадцать. Хелин села в такси в Тортевале в половине одиннадцатого. Следовательно, она была здесь в одиннадцать, то есть, на три четверти часа раньше, чем Беатрис.

— Может быть, таксист поможет более точно установить время, — сказал полицейский. — К тому же мне кажется, что миссис Шэй не вполне уверена, сколько времени она просидела в машине — полчаса, час или полтора. Она же сама говорит, что забыла о времени.

— Я думаю, что до половины двенадцатого я пробыла на Плейнмонте, — сказала Беатрис, — но, конечно, я могу и ошибиться.

— Что вы искали ночью на мысе Плейнмонт? — по виду полицейского

было ясно, что поведение Беатрис представляется ему все более и более странным.

— Я приехала туда еще вечером, — Беатрис принялась отвечать на вопрос. — Немного погуляла, любовалась заходом солнца, а потом посидела в машине.

Полицейский вскинул брови.

— Насколько я понимаю, весь вечер и половину ночи вы просидели в машине? Сначала на мысе Плеймонт, а потом здесь? Мне это кажется очень странным. Вас в это время занимали какие-то очень тяжелые проблемы?

— Да, — коротко ответила Беатрис. По выражению ее лица было ясно, что большего полицейский сейчас от нее не добьется.

— То есть к моменту совершения преступления вы могли быть здесь?

— Если преступление было совершено до одиннадцати часов, то нет. С Плеймонта я уехала не раньше одиннадцати.

Он что-то записал в блокнот и посмотрел на Беатрис. Лицо его стало холоднее и жестче.

— Кто-нибудь может подтвердить ваши показания? — спросил он.

Беатрис отрицательно покачала головой.

— Нет.

Полицейский закрыл блокнот.

— Пока у меня больше нет вопросов.

«Но оставайтесь в нашем распоряжении», — подумала Франка.

— Но оставайтесь в нашем распоряжении, — сказал он.

Алан медленно положил трубку на телефон и посмотрел на аппарат так, словно видел его впервые. Новость подействовала на него ошеломляюще. Он ощущал свою полную беспомощность.

— Боже мой, — пробормотал Алан. Он подошел к серванту, достал бутылку шерри, откупорил ее, налил стакан и залпом осушил его. Потом он открыл бутылку виски. Для такого потрясения одного шерри было мало. К тому же было уже шесть вечера, а в это время можно позволить себе и кое-что покрепче. Он сделал глоток, почувствовал, как виски обожгло горло. Какое приятное жжение! «Сейчас жизнь станет чуть-чуть легче», — подумал он, и в этот момент позвонили в дверь.

Он задумался, стоит ли открывать. У него не было ни малейшего желания это делать. Он хотел остаться наедине со своим ужасом и со своим виски.

«Меня просто нет дома, — подумал он. День был очень тяжелый и напряженный. Накопилась масса неприятных дел. Спасался он лишь

джином и виски. За три дня он совершенно раскис. Он пил весь понедельник, весь вторник и половину среды. Вечером в среду его несколько часов рвало, и он пришел в ужас от вида небритого, неопрятного человека, взглянувшего на него из зеркала. Руки его сильно дрожали.

«Развалина, — подумал он, — я выгляжу, как старая, никуда не годная развалина».

Несколько раз звонил телефон, но он не подходил к аппарату. Он сильно сомневался, что сможет выдавить из себя хотя бы одно членораздельное предложение. В конце запоя он был в состоянии лишь мычать. Он хотел испытать себя и сказать пару слов своему отражению в зеркале, но не решился даже на это. Его потряс уже один внешний вид, слышать к тому же и голос было бы и вовсе невыносимо.

Поздно вечером его еще раз вырвало, и он настолько ослаб, что с трудом выполз из ванной на четвереньках. Опять звонил телефон. Кто-то, видимо, очень хотел с ним поговорить. Наверное, Беатрис. Он смутно помнил, что говорил с ней в понедельник. Он был тогда сильно пьян, и мать, вероятно, сильно возбудилась по этому поводу. У него не было ни малейшего желания и сил отвечать на ее упреки и вопли, как он их называл.

Он лег в кровать, ожидая, что переутомление поможет ему заснуть, но — к своему удивлению — уснуть он не смог из-за какого-то странного беспокойства. Он ворочался с боку на бок, испытывая страстное желание глотнуть еще виски. От этого пройдет дрожь, успокоится сердцебиение, он обретет, наконец, покой... Но он не остановится на одном глотке, он отчетливо это понимал, сознавая опасность такого глотка. «Если я завтра хочу попасть, наконец, на работу, — в отчаянии думал он, — то мне ни в коем случае нельзя пить. Все начнется сначала. Одиночество и пьянство».

Он и сегодня утром выглядел ужасно, но, приняв душ, вымыв голову и уложив волосы феном, выпив две чашки крепчайшего кофе, он мог рискнуть показаться на людях. Он надел один из своих лучших костюмов и принял две таблетки аспирина.

На работе секретарша сказала, что у них возникли проблемы из-за пропущенных за предыдущие три дня встреч. Алан кивнул. Он и сам это знал; такое случалось всегда, когда он срывался в запой. Пока это не создавало неразрешимых проблем, но он сознавал, что дальше так продолжаться не может.

— Если позвонит моя мать, — сказал он секретарше, — то не соединяйте меня с ней. Скажите, что у меня важная встреча.

Секретарша кивнула. Она и сама это знала. После срывов шеф никогда не разговаривал с матерью. Вероятно, пожилая дама могла наговорить ему

массу неприятных вещей.

— Ваша мать звонила сегодня дважды, — сказала она в полдень. Он так и думал. Во всяком случае, она теперь знает, что он пока жив.

«Больше ее ничто не интересует», — внезапно разозлившись, подумал он.

Ему, каким-то образом, удалось пережить этот день, в течение которого его грела мысль о том, как вернувшись домой, он выпьет виски.

«Стаканчик виски мне не повредит», — говорил он себе, но теперь он держал в руке уже второй стакан, а до этого выпил шерри, но после того, что он узнал, шерри было не в счет.

В дверь продолжали настойчиво звонить. Это упорство говорило о том, что стоявший за дверью человек решил во что бы то ни стало попасть в квартиру.

«Меня нет дома», — подумал Алан и сделал глоток. В этот момент он услышал, как в замке поворачивается ключ. Выйдя в прихожую, он нос к носу столкнулся с Майей.

— Извини, пожалуйста, — сказала она вместо приветствия, — но так как ты не открываешь...

— Ты решила, что можешь просто взять и войти!

— У меня пока есть ключ. Я очень беспокоилась о тебе. С позавчерашнего дня я безуспешно пытаюсь связаться с тобой по телефону. В конторе тебя не было, а дома никто не подходил к трубке. Я решила сама посмотреть, что здесь происходит.

Он протянул вперед руку.

— Отдай, пожалуйста, ключ и уходи. Теперь ты знаешь, что у меня все в порядке.

Она сморщила свой красивый носик — он всегда казался ему таким хрупким и нежным — потянула в себя воздух. Как зверь, берущий верховой след.

— Ты пил, — констатировала она.

Он кивнул.

— Виски. Это разрешено? А теперь давай мне ключ.

Не отвечая на его требование, она прошла мимо Алана в гостиную. Везде стояли бутылки и стаканы. Знакомая картина, все сказавшая Майе.

«Черт ее побери», — подумал Алан и пошел за ней.

Майя обернулась. Она была чем-то напугана, глаза ее были еще больше, чем обычно.

— Ты слышал о Хелин? — спросила она.

Он тяжело вздохнул.

— Да, только что. Мне звонила Беатрис.

— Бабушка рассказала мне об этом утром во вторник. Она так плакала, что я с трудом смогла ее понять. Я, собственно, звонила ей, чтобы попросить денег, и тут такое! После этого я начала звонить тебе. Мне захотелось поговорить с кем-нибудь, кто знал Хелин, кто, так же, как и я, ничего не может сделать... — она осеклась. В глазах ее плескался непритворный ужас.

«Как все это странно», — подумал Алан. Впервые, за все время, что он знал Майю, он видел ее в состоянии такой подлинности. Потрясение ее было неподдельным. Как будто с ее лица слетела многолетняя маска, и теперь перед ним стоял человек, каким она была, в действительности: милая, нормальная девушка.

— Это ужасно, — сказал Алан, — это непостижимо. Такое преступление на Гернси...

Он вспомнил Хелин. Она стала неотъемлемой частью его жизни. Как старая бездетная тетушка, ставшая приживалкой в семье. Хелин заботилась о нем, когда Беатрис отлучалась из дома, Хелин рассказывала ему разные истории, пекла вкусное печенье, читала ему немецкие сказки и успокаивала, когда он по ночам просыпался от страшных снов. Если у него случались неприятности, он бежал к Хелин. Беатрис могла быть жесткой, неотзывчивой, часто раздражалась. Хелин всегда была уравновешенной, мягкой и всегда приветливой, заботливой и готовой помочь. Только ей он рассказывал о плохих отметках, придирках учителей и ссорах с одноклассниками.

Он просто не мог себе представить, что Хелин больше нет. Еще меньше укладывалось у него в голове, что ее постиг такой ужасный конец. «Как страшно, — думал он, и тошнота подкатывала ему к горлу. — Как же она страдала, как ей было больно и страшно!»

— Бабушка говорит, что рядом с ней лежала ее сумочка, — сказала Майя. — В ней нашли деньги и кредитную карту... значит, ее не собирались грабить.

— Преступление на сексуальной почве тоже исключили? — спросил Алан. Он недолго разговаривал с Беатрис. Он был так потрясен, что в первый момент был не способен задавать вопросы.

— Определенно да, — ответила Майя. — Кто мог польститься на такую старую женщину?

— Такое время от времени случается, — возразил Алан. — Случается вообще много всякого.

— Говорят, что полиция бродит в потемках в том, что касается

мотива, — сказала Майя. — Но сексуальный мотив они даже не рассматривают.

— Мне кажется, что преступником мог быть только душевнобольной, — сказал Алан, — сумасшедший, которым двигала только жажда убийства. Хелин не повезло, что она оказалась в это время в этом месте. Что она вообще делала на улице ночью?

— Она возвращалась от Кевина. Таксист высадил ее, немного не доезжая до дома. На этом участке... — у Майи перехватило дыхание.

— Можно мне выпить виски? — тихо спросила она.

Алан молча налил ей, и она залпом выпила виски, как воду.

— Черт, — с чувством выругалась она, — у меня такое чувство, что я никогда больше не буду свободной. Понимаешь, что я имею в виду? До сих пор все как-то, было в порядке, но теперь уже ничто не будет так, как прежде. Много лет не будет.

Он понимал, что она хочет сказать. Ни он, ни она никогда в жизни не сталкивались с насилием в такой форме. О насилии они знали из телевизора и из газет. Они знали о нем, но само оно никогда их не касалось. Теперь насилие стало осязаемым. Рана, от которой Хелин истекла кровью, поразила знакомого им человека.

«Может быть, она права, — подумал Алан, — и в нашей жизни все и навсегда станет не таким, как было раньше».

— Мать говорит, что они отдадут... — Алан прикусил губу. Он хотел сказать «труп», но это слово показалось ему столь неуместным в отношении к Хелин, что он не смог его произнести. — Полицейские отдадут Хелин только в начале следующей недели, и похороны состоятся в среду, — сказал он.

— Ты поедешь?

— Конечно. Хелин была мне как вторая мать. Кроме того, надо позаботиться и о Беатрис. Ей сейчас нужна помощь.

— Мне так не кажется, — возразила Майя. — Беатрис, конечно, потрясена, как все мы, но ее боль не безгранична.

Алан удивленно посмотрел на Майю.

— Она прожила с Хелин практически всю жизнь. Со смертью Хелин для нее весь мир может перевернуться.

— Она никогда не любила Хелин. Наверное, не было на свете человека, от которого она бы так сильно хотела избавиться, как от Хелин.

— Ты преувеличиваешь. Конечно, между ними бывали какие-то трения, но это нормально. В принципе...

— В принципе, Хелин вцепилась в Беатрис, как клещ, и Беатрис всегда

хотела послать ее ко всем чертям, — сказала Майя. Потрясение не подействовало на ее способность к трезвым суждениям и на умение ясно излагать мысли.

— Выбирай выражения и думай, когда говоришь, — раздраженно сказал Алан. — Мне кажется, что ты не...

Она тихо засмеялась, но в ее смехе не было ни прежнего веселья, ни кокетства. Он прозвучал пронзительно и горько.

— Алан, ты неподражаем. Ты рос и воспитывался с этими двумя женщинами, ты провел с ними полжизни, но тебе так и осталось неведомым то, что знает весь остров: все пятьдесят лет их отношения были ужасными, они живут в одном доме и терпеть не могут друг друга. Хелин не уходила от Беатрис, потому что зависела от нее, а Беатрис не могла от нее избавиться, потому что жалела ее или, может быть...

— Моя мать никогда никого не жалела, — возразил Алан, — и это не могло быть мотивом. Она не стала бы терпеть в доме человека, от которого хотела избавиться. Беатрис не такова. Все-таки я ее немного знаю. Если ей кто-то не нравится, она скажет это ему в глаза, четко и недвусмысленно.

— Очевидно, она не стала этого делать по отношению к Хелин.

— Наверное, потому, — сказал Алан, — что она любила Хелин.

— Мэй говорит...

— Мэй! — Алан недовольно поморщился. — Не обижайся, Майя, но твоя бабушка Мэй, если дать ей волю, может наговорить массу глупостей. Не во всем можно ей верить.

— Конечно, не во всем, Алан. Но она права в том, что говорит о Хелин и Беатрис, потому что, кроме нее, так же думают сто человек. У меня самой всегда было такое же ощущение.

— Нет смысла сейчас это обсуждать, — сказал Алан. — Хелин умерла и... Боже мой! — он упал в кресло и обхватил лицо ладонями. Когда он поднял голову, Майя заметила, что глаза у него красные, хотя он и не плакал.

— Что ты вообще здесь делаешь? — бесцветным тоном спросил он.

— Я же тебе сказала, — ответила она, стоя посреди комнаты с пустым стаканом в руке. — Мне хотелось поговорить с человеком, который знал Хелин.

— Ты могла бы поехать к Эдит.

— Эдит не должна это знать. Она слишком стара для таких потрясений.

— Ну, хорошо. Ты пришла ко мне. Ты со мной поговорила. Теперь можешь уходить.

— Да, могу.

— И?

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Если у тебя какие-то проблемы, то поделись ими со своим другом.

Думаю, он сможет тебя утешить.

— Ах, этот... — сдавленным голосом произнесла Майя.

— Что, что?

— С ним покончено. У меня больше ничего нет — ни денег, ни жилья, ни человека, — она заплакала. — Мне придется вернуться в этот проклятый богом Сент-Питер-Порт.

— Я не понимаю, как можно быть таким бессердечным. Этот полицейский допрашивал Беатрис в день похорон Хелин, — сказала Франка. — Неужели он не мог подождать?

— Это был не допрос, — возразил Алан. — Это была короткая беседа, и следователь сначала спросил, согласна ли Беатрис на нее. Беатрис изъявила готовность. Кроме того, ей придали уверенности моя возможная помощь. Мне, кроме того, кажется, что она ничего не имела против этой беседы.

Стоял чудесный майский день; на синем небе не было ни облачка. Солнце припекало, как в разгар лета, буйно цвели луга и кусты вдоль скал и берега моря, а само оно сверкало сияющей бирюзой. Несколько парусных судов скользили по водам залива. Стоял жаркий, тихий, сонный день.

— Мне надо прогуляться, — сказала Франка после того как пришел полицейский следователь и уединился с Беатрис в гостиной, — иначе у меня просто голова лопнет.

— Если вы не против, то я пойду с вами, — сказал Алан. Он тоже нерешительно топтался в прихожей после того как за матерью и полицейским закрылась дверь гостиной и щелкнул замок. — Мне тоже стоит немного размяться.

Траурная церемония сильно утомила его; он смог ее выдержать, только опрокинув пару рюмок коньяка. После похорон Беатрис устроила поминки с холодными блюдами, вином и пивом. Алан выпил достаточно для того, чтобы сохранить душевное равновесие. Он, конечно, заметил, что мать пристально следит за ним и считает, сколько стаканов он выпил, но в присутствии множества гостей не могла ничего ему сказать, а он изо всех сил старался не оказаться с ней наедине. Вскоре после того как ушли последние гости, явился полицейский, и у Беатрис снова не было возможности выговорить сыну за чрезмерное пьянство.

Теперь он шел рядом с Франкой по вившейся вдоль моря дороге. Не сговариваясь, они пошли по той дороге, на которой нашли убитую Хелин. Они спустились в деревню, обогнули бывший дом Уайеттов и направились к бухте Пти-Бо. От деревьев на дорогу падала густая тень, от свежей травы на обочине дороги веяло прохладой. Потом деревья стали попадаться реже, и солнце снова стало сильно припекать.

— Может быть, стоит повернуть назад, — предложил Алан. Он не

переоделся после похорон и по-прежнему был в черном костюме. На Франке тоже был черный костюм; к тому же она была в туфлях на высоком каблуке. — Как вы вообще можете ходить в таких туфлях?

— Если не идти слишком быстро...

Впереди показалось море — сверкающее на солнце огромное зеркало. Именно в такие дни, как сегодня, Франка особенно остро чувствовала красоту ландшафта.

— Как здесь красиво, — сказала она.

— Да, не правда ли? — он проследил за ее взглядом и подумал, что она права: здесь и в самом деле изумительно красиво. Он видел этот ландшафт с детства и воспринимал его дикую чарующую красоту, как нечто само собой разумеющееся. Теперь он посмотрел на него глазами Франки, и, казалось, увидел его впервые. Море и скалы утешали, вливали в душу умиротворение. Теперь Хелин была навсегда связана с островом.

«Ей будет хорошо здесь, в таком красивом месте», — подумал он и смутился от этой детской мысли.

— Вы заметили взгляды, какими нас провожали в деревне? — спросила Франка.

Нет, Алан ничего не заметил. Он был глубоко погружен в свои мысли.

— Нет, а кто провожал нас взглядом?

— Несколько человек в деревне. Я видела, как в некоторых окнах раздвигали занавески и люди смотрели нам вслед, а другие отрывались от работы в саду и тоже смотрели на нас.

— Это нормально, — сказал Алан. — В моей семье произошло страшное преступление. Поэтому люди смотрят на меня. Вам не повезло, вы прожили в нашем доме несколько недель, поэтому люди смотрят и на вас. Таковы люди.

Франка покачала головой.

— По острову бродит ужасное подозрение.

— Подозрение?

— Беатрис не может объяснить, где она провела тот вечер. То есть, она, конечно, может объяснить, но для большинства это объяснение звучит очень странно. Она несколько часов просидела в машине на мысе Плейнмонт, а потом еще полчаса сидела в машине возле собственного дома. Многие говорят, что это очень странно.

— Откуда вы знаете, что говорят многие?

— Об этом рассказала Мэй.

— Мэй! Опять эта Мэй! — резким жестом Алан отмахнулся от этого имени. — Здесь что, все слушают болтовню этой старой сплетницы?

— Кто еще?

— Майя. Она рассказала мне об этом за два дня до вас.

Франка пожала плечами.

— Я могу сказать только то, что слышала. Да я и сама это чувствую. Люди хотят сенсации.

Алан остановился.

— Кто-то всерьез думает, что Беатрис убила Хелин?

— Не думаю, что кто-то действительно может себе это представить, — сказала Франка, — но все шушукаются о том, что рассказ Беатрис о том, как она провела вечер, звучит очень и очень странно. Потом, все же знают о ненависти и...

— О, нет, — перебил ее Алан. — Вы тоже говорите об этом! Моя мать не испытывала ненависти к Хелин.

Франка смотрела на него. В ее глазах он не прочитал ни жажды сенсации, ни желания посплетничать. В них было только тепло, участие и искренность.

— Я тоже думаю, что ненависть — не самое подходящее слово, — сказала она. — Но ваша мать всегда хотела избавиться от Хелин. Это знают все жители Гернси.

«Как это странно, — думала Беатрис, — ходить по дому, зная, что в нем нет Хелин, что она никогда больше сюда не придет».

Полицейский следователь ушел пятнадцать минут назад. Он снова задавал вопросы о том злосчастном вечере, хотел знать, что, где и когда делала тем вечером Беатрис.

— Вы были приглашены на ужин к Кевину Хэммонду. Почему вы не пошли к нему?

— Я уже говорила вам, что у меня были проблемы. Я хотела побыть одна.

Следователь терпеливо кивнул.

— Я знаю, проблемы с вашим сыном. Какого рода эти проблемы?

— Это мое частное дело.

Следователь не стал настаивать на ответе.

— Не заметили ли вы в тот день чего-нибудь необычного в поведении Хелин Фельдман?

— Нет, она вела себя как обычно. Очень радовалась предстоящему ужину. Нет, я не заметила ничего особенного, ничего.

— Она часто бывала в гостях у мистера Хэммонда?

— Наверное, каждые четыре-пять недель. Но это в среднем. Иногда

она ездила к нему чаще, иногда — реже. Они очень хорошо друг друга понимали.

— Странно, не правда ли? Этот молодой человек и старая женщина. Это очень редкое сочетание.

— Она была его доверенным надежным другом, можно сказать, матерью. А его она считала сыном. Своих детей у нее не было.

— Они часто встречались вдвоем?

— Да, но в тот вечер на ужине должны были присутствовать и мы с миссис Пальмер. Это чистая случайность, что, в конце концов, они остались вдвоем.

— Насколько мне известно, миссис Пальмер в тот вечер встречалась с мужем, который — совершенно неожиданно — прилетел утром из Германии.

— Да.

— Почему же мистеру Хэммонду не пришло в голову перенести ужин на другой день? Если из троих гостей двое не могут прийти...

— Мы поступили не слишком вежливо. Мы не позвонили Кевину заранее. Только когда я привезла к нему Хелин, я сказала, что ни я, ни Франка не сможем быть на ужине.

— Он рассердился?

— Не скажу, что он был очень доволен. Он наварил еды, подготовился...

— Вы договорились, что он привезет домой Хелин Фельдман?

— Конкретно мы об этом не договаривались. Это разумелось само собой. Он всегда привозил ее домой после ужина.

— То есть, обычно она не ездила на такси?

— Нет, она никогда не возвращалась на такси.

— Мистер Хэммонд говорит, что не смог привезти Хелин Фельдман домой, потому что был пьян. Такого раньше никогда не было?

— Насколько я помню, такого вообще ни разу не было.

— Почему он так много выпил именно в этот вечер?

— Это вы должны спросить у него. Я не знаю.

— Естественно, мы его спросили. Он сказал, что с некоторых пор находится в затруднительном финансовом положении, которое усугубилось покупкой двух теплиц. В последнее время, сказал мистер Хэммонд, он вообще много пьет, чтобы забыть о своих бедах.

— Если он это сказал, значит, так оно и есть.

— Очевидно также, что он был не в состоянии заказать такси для миссис Фельдман. Удивительный факт — гость сам заказывает такси, не

правда ли? Когда вы ночью говорили с ним по телефону, он был пьян? Собственно, он — по идее — не мог быть в состоянии связать пару слов.

Беатрис ненадолго задумалась.

— Нет... нет, у меня вообще не сложилось впечатление, что он был пьян. Мне показалось, что он трезв и способен ясно мыслить.

— Гм. Вы должны признать, что все это звучит довольно странно, не так ли? Между десятью и половиной одиннадцатого человек настолько пьян, что не может заказать для гостя такси, а в начале второго он уже способен вести связный разговор. В этом деле надо разобраться, — он заглянул в блокнот. — Водитель такси показал, что Хелин Фельдман произвела на него странное впечатление. Она так тихо говорила по телефону, что он едва смог ее понять. Миссис Фельдман всегда тихо говорила по телефону?

— Нет, она говорила негромко, но так, что ее всегда можно было хорошо понять.

— Кроме того, она ждала такси на углу улицы. Она не стала ждать его дома. Мне кажется, что такое поведение не совсем типично для пожилой дамы!

Беатрис не знала, что сказать по этому поводу.

— Я не имею ни малейшего представления о том, что с ней там происходило. Могу только сказать, что в тот день она вела себя как обычно. Она была немного подавлена, но она всегда бывает такой первого мая. В этот день, пятьдесят пять лет назад, умер ее муж.

— Могло ли случиться так, что вечером — после того, как она сама немного выпила — она впала в слишком сентиментальное или депрессивное состояние? Может быть, поэтому она говорила так тихо и не могла дожждаться приезда такси в доме?

— Это возможно. Хелин так и не оправилась от потрясения, вызванного смертью мужа.

— Водитель такси утверждает, что за ним вплотную ехала другая машина. Она была так близко, что водитель решил воспользоваться ближайшей возможностью разворота и высадил миссис Фельдман, не доезжая до дома. В той машине, возможно, находился важный свидетель, и было бы очень желательно его найти. Таксист, естественно, не видел номер автомобиля и не знает даже его марку. Мы дали в газетах и по радио объявление, в котором просили откликнуться водителя той машины, но пока никто этого не сделал, — следователь встал и положил блокнот в карман. — В каких отношениях вы находились с Хелин Фельдман?

Позже, бродя по дому в поисках человека, которого там уже не было,

она долго думала о своем ответе.

— Мы знали друг друга почти шестьдесят лет.

Следователь посмотрел на Беатрис и сказал:

— Это не ответ на мой вопрос.

Беатрис не испытывала ни малейшего желания рассказывать полицейскому о нюансах своих отношений с Хелин.

— Мы действительно прожили около шестидесяти лет под одной крышей. Это все же ответ на ваш вопрос. Мы стали, можно сказать, семьей. Членов семьи не выбирают и не задают себе вопросов, как к ним относятся. Это невозможно изменить. Люди вынуждены жить друг с другом.

Следователь не дал увести себя в сторону.

— Часто ли вы ссорились?

— Нет, ссорились мы очень редко.

— Не испытывали ли вы к ней неприязни? В конце концов, миссис Фельдман была женой оккупанта, захватившего ваш дом.

— Господи, да я же тогда была еще ребенком! Это уже давно не играло никакой роли, давно не играло.

— Но что играло роль в ваших отношениях с миссис Фельдман?

— Мы уважали друг друга. И мы привыкли друг к другу.

Следователь тяжело вздохнул. Было видно, что эта информация его не устраивает.

«При этом, — думала теперь Беатрис, — я дала ему самый правдивый ответ. Уважение и привычка. Именно они определяли наши отношения все последние годы».

Но так ли это? Она поднялась по лестнице, открыла дверь комнаты Хелин, вошла в нее и остановилась. В комнате ничего не изменилось. Казалось, еще мгновение, и войдет ее обительница. В комнате до сих пор пахло Хелин, ее духами, тальком, которым она пользовалась вместо пудры. На изящном секретере у окна лежала стопка бумаг, исписанных почерком Хелин. Бесчисленное множество записок, писем и газетных вырезок. «Боже мой, она сохраняла все, что попадало ей в руки, — подумала Беатрис, — и мне будет трудно все это просмотреть и рассортировать».

Надо разобрать вещи и белье в шкафу. Часть придется выбросить, а часть отнести в какую-нибудь благотворительную организацию. Надо разобраться и с бумагами, счетами, выписками из банковских счетов.

Кто унаследует ее деньги? Оставила ли она завещание?

Останется ли комната Хелин комнатой Хелин — даже после ее смерти? Это будет означать, что она и после смерти останется здесь, во всяком случае, пока.

«Нет, комнату надо освободить, — решила Беатрис. — Я выброшу все, как платья, как бумаги, и буду сдавать комнату приезжим туристам».

Быстрота, с какой она приняла решение избавиться от пожитков старухи, вдруг ужаснула ее.

В каких отношениях вы находились с миссис Фельдман?

Она оглядела комнату.

— Она порядком испортила мне жизнь. Бывали моменты, когда мне хотелось, чтобы она провалилась ко всем чертям.

Хотите ли вы и теперь, чтобы она провалилась ко всем чертям? — спросил бы ее полицейский. Она задумалась.

— Не думаю, что мое отношение к ней переменялось. Да, я хочу и всегда, каждый день моей жизни хотела, чтобы она провалилась ко всем чертям.

Испытываете ли вы облегчение от того, что она умерла?

— Не знаю. Я, во всяком случае, никогда не желала ей такого конца. Но думаю, когда шок пройдет, я испытаю облегчение.

«Вероятно, — подумала она, — за такие слова мне могут предъявить обвинение в убийстве».

Но кто, на самом деле, так ужасно обошелся с Хелин?

За последние дни они много говорили об этом с Франкой и пришли к выводу, что это сделал какой-то сумасшедший. С этой версией им обоим было легче жить. Конечно, то, что на Гернси завелся какой-то маниакальный убийца, было плохо, но еще хуже было бы знать, что кто-то до такой степени ненавидел Хелин, что перерезал ей горло и бросил на дороге истекать кровью.

Она услышала на лестнице какой-то шум и вздрогнула. На мгновение ей показалось, что это полицейский следователь потихоньку проник в дом и подслушал ее монолог. Нет, это абсурд. Ни один английский полицейский никогда себе такого не позволит.

Она вышла из комнаты, перегнулась через перила и крикнула:

— Кто здесь?

Она сразу увидела Кевина, который как раз собрался поставить ногу на ступеньку лестницы. Казалось, оклик Беатрис испугал его едва ли не до смерти. Он вздрогнул всем телом и резко побледнел.

— Господи, я думал, никого нет дома! Я долго стучался в дверь, потом через кухню вошел в дом, покричал, но никто не ответил, — Кевин явно волновался и сильно нервничал. — Простите, что я просто так...

— Чепуха. Ты же как член семьи, Кевин, — она сбежала по лестнице, поняв одновременно, что он и в самом деле хотел подняться наверх — это

не на шутку ее удивило.

— Что ты хотел наверху, Кевин? — как можно более небрежным тоном спросила она и поцеловала его в обе щеки.

Он ответил на поцелуй. Губы его были холодны, как снег.

— Я понимаю, что это... не совсем прилично. Но я хотел в последний раз зайти в ее комнату.

— Так поднимайся. Тебе это последнее прощание так же необходимо, как и мне. Иди, а я пока заварю кофе.

Беатрис слышала, как он ходил по второму этажу, пока она возилась на кухне. «Может быть, — думала она, — я была несправедлива к нему, подозревая, что он ищет ее общества только для того, чтобы сосать из нее деньги. Может быть, их связывало что-то большее. Может быть, она правильно сказала полицейскому, что Хелин была для Кевина кем-то вроде матери».

Она поставила на поднос кофейник, чашки, сахарницу, молоко и вышла на веранду за кухней. На мгновение ей вспомнилась та новогодняя ночь, когда она стояла здесь с Эрихом. То был один из редких моментов, когда он говорил не о конечной победе. Ему было страшно. Он понял, что фюрер привел их всех к гибели, и они все должны будут умереть вместе с ним. Тогда он попросил ее не бросать Хелин.

Поднос задрожал в ее руках, зазвенели чашки. Беатрис поспешно поставила поднос на стол.

К черту, сейчас не время вспоминать об этом. Та ночь была много лет тому назад, осталась по ту сторону прожитой жизни. Та сырая холодная ночь, в которую она подхватила воспаление легких.

Сейчас не ночь, а жаркий полдень. Теплый ветер шуршал листвой деревьев в саду.

Беатрис перевела дух. Вместе с Хелин исчезла еще одна часть тягостного прошлого. Но как поздно, как поздно!

— Никогда не прощу себе этого вечера, — сказал Кевин, — последнего вечера с Хелин.

Он незаметно спустился на первый этаж и вышел на веранду к Беатрис.

— Не вини себя за это, Кевин. Это же совершенно нормально, отправить гостя домой на такси. Да и водителя не в чем упрекнуть. Откуда он мог знать, что ее убьют. Нет, — Беатрис беспомощно подняла руки, — это судьба. Так должно было случиться, и никто не смог бы это изменить.

Кевин достал из кармана сигарету и попытался прикурить. Он сломал о коробок три спички, прежде чем это ему удалось.

— Господи, Кевин, да что с тобой? — спросила Беатрис. — С каких это пор ты снова закурил?

— С тех пор, как начал много пить, — он сделал две торопливые затяжки. — Беатрис, у меня очень серьезные трудности. Я понимаю, что сегодня неподходящий день для такого разговора, мы только что похоронили Хелин и...

— Если эти трудности у тебя сегодня, то и говорить о них надо сегодня. Все же видят, что в последнее время дела у тебя идут неважно.

— Да... ну, — он помялся, торопливо куря сигарету. Кевин был так бледен, что можно было подумать, что он серьезно болен. — Беатрис, мне очень нужны деньги. Речь идет о весьма большой сумме. Для меня теперь на кон поставлено все. Вся моя жизнь, все, что у меня есть.

— Сколько тебе нужно денег и зачем?

— Пятьдесят тысяч фунтов.

— Пятьдесят тысяч фунтов! Боже, это же целое состояние!

— Я знаю! — в отчаянии он нервно провел правой рукой по всклокоченным волосам. — Я понимаю, что это ужасно много денег. Мне ни в коем случае нельзя было так зарываться, но что произошло, то произошло. Эта сумма нужна мне как можно быстрее.

— Кому ты ее должен?

— Банку. Я заложил все — дом, усадьбу. Все, от фундамента до крыши. У меня нет ни одной соломинки, на которую не была бы наложена ипотека.

— Но зачем тебе столько денег? В конце концов, ни один человек не может вот так, мимоходом, задолжать пятьдесят тысяч!

— Все это накопилось за годы, — удрученно сказал Кевин. — Жизнь дорожает и... и на розах я никогда не мог выкрутиться.

— Ты не так уж плохо зарабатывал, — сказала Беатрис, — но жил на слишком широкую ногу. Твой образ жизни не соответствовал твоим доходам.

— Да, так оно и было, — тихо согласился Кевин. — И это моя погибель.

— Банк предъявил тебе претензии?

— Процент просто ломает мне шею. Я уже несколько месяцев не могу его выплатить. О выплате самого долга я даже говорить не хочу. Но что касается процентов, то здесь банк решил закрутить гайки, — он отчаянно, с яростью затушил сигарету. — Господи, Беатрис, я потеряю все, все!

— Может быть, тебе стоит поискать человека, который взял бы на себя

проценты, чтобы не наложили арест на имущество, — неуверенно предложила Беатрис.

— Но какая от этого польза в перспективе? В следующем месяце мне снова придется платить, и через месяц тоже. Я должен сразу уплатить большую сумму, чтобы процент стал меньше, понимаешь?

— Я бы охотно тебе помогла, Кевин, но у меня нет столько денег. При всем желании я не наберу такую сумму. Садись, — она налила кофе в чашки, села и указала Кевину на второй стул. — Садись, выпей кофе. Надо спокойно подумать, что можно сделать.

Руки Кевина так дрожали, что когда он поднял чашку со стола, то плеснул кофе себе на брюки.

— Хелин все время тебе помогала? — опасливо, но настойчиво спросила Беатрис.

— Да, — он кивнул. — Без нее я бы уже давно погиб. Она, в сумме, дала мне намного больше денег, чем получаешь ты. Речь идет о десятках тысяч.

— Откуда у нее такие деньги?

— Они у нее были.

— Она получала пенсию, но не слишком большую. Не могу себе представить, что из нее она могла отложить большие сбережения.

— В тот вечер, когда она умерла, — сказал Кевин, — я впервые описал ей всю тяжесть моего отчаянного положения. Я рассказал ей, сколько я фактически должен банку.

— До тех пор она этого не знала?

— Я никогда ничего не говорил конкретно, я только время от времени называл ей суммы, в которых нуждался.

— Она никогда не спрашивала, зачем они тебе нужны?

— Спрашивала, но мне всегда казалось, что это был чисто риторический вопрос. По-настоящему она никогда этим не интересовалась. В принципе, я всегда говорил ей правду, а именно, что задолжал банку. Она просто не знала истинной суммы долга.

— А в понедельник вечером...

— ...я выложил все карты на стол.

— Как отреагировала Хелин?

— Она была потрясена куда меньше, чем я ожидал. Она меня отругала, за то, что я самого начала не был с ней откровенен. Попрекнула меня в том, что я ей не доверял и тому подобное. Я немного успокоился, — он снова попытался глотнуть кофе и снова запачкал штаны. — Она сидела в своем нелепом небесно-голубом платье, сильно накрашенная, со слишком

длинными седыми волосами, как старуха, которая тщетно пытается выглядеть, как юная девушка, но на этот раз она вела себя как мудрая бабушка. Она впервые показалась мне зрелой женщиной. Ты ведь знаешь, что Хелин никогда не производила такого впечатления, она никогда не была похожа на взрослую...

Беатрис кивнула. Как часто она сама с раздражением думала, что Хелин, если доживет до ста лет, все равно будет вести себя, как дитя.

— Она сказала, что все будет хорошо, — продолжил Кевин. Он судорожно глотнул, едва, казалось, сдерживая слезы.

— Она сказала, что поможет мне, сказала, чтобы я не тревожился.

— Это, конечно, было очень мило с ее стороны, — сказала Беатрис, — но такая сумма превосходит все мыслимые реальные границы. Гора твоих долгов была ей явно не под силу.

Он снова попытался выпить кофе, и снова беспомощно поставил чашку на стол. Он никак не мог донести ее до рта.

— Она сказала, что даст мне деньги, — сказал Кевин. Голос его звучал надтреснуто. Он был так близок к цели. Жестокий удар настиг его совершенно неожиданно. — Она решила на завтра поехать в свой банк. Я должен был отвезти и привезти ее. Она хотела одолжить мне пятьдесят тысяч.

Беатрис подалась вперед, наморщив лоб.

— Откуда она хотела взять столько денег?

Кевин посмотрел на нее пустым, ничего не выражающим взглядом.

— Ты не все знаешь о Хелин, — сказал он, — она пылко разыгрывала из себя твою лучшую подругу и наперсницу, но она так же умело утаила от тебя пару деталей своей прошлой жизни. Беатрис, Хелин была очень богатой женщиной. У нее было большое состояние. Рассказни о скромной пенсии, которыми она постоянно тебя кормила, чтобы ты за ней ухаживала, были не чем иным, как фарсом. Пятьдесят тысяч для меня она могла получить на почте.

Беатрис чувствовала, что бледнеет.

— Откуда у нее взялись деньги?

— Это долгая история, — сказал Кевин. Было не похоже, что он наслаждается ролью вестника, который сейчас поведаст сенсационную историю, расскажет о своей тайной соучастнице, которая была убита самым зверским образом. Кевин был так утомлен, что едва ли вообще был способен чувствовать что-то, кроме своей усталости. — Если хочешь, я тебе ее расскажу.

— Очень тебя об этом прошу, — сказала Беатрис.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«От знакомства с новым человеком может измениться вся жизнь, — думал Алан, — и то же самое происходит, когда теряешь человека».

Он сидел в «Террасе», на берегу гавани Сент-Питер-Порта и пытался осознать, что Хелин больше нет в живых.

Вокруг царила веселая суета, кафе было битком набито туристами. С синего неба жарко пекло солнце, люди теснились под тентами, пытались отвоевать себе хоть кусочек тени. В воздухе висел запах картошки-фри, гамбургеров и жареных колбасок. Посетители кафе тащили с собой бутылки воды и вина в огромных лоханях со льдом. Внизу, в гавани, готовились к отплытию яхты. Но стоял полный штиль, и преимущество было за моторными лодками. Длинной чередой они выходили из бухты, направляясь в открытое море. За штурвалами стояли загорелые люди в солнцезащитных очках с развевающимися на ветру волосами, воплощая собой телесную радость жизни. Они найдут какой-нибудь подходящий заливчик, бросят там якорь и будут целый день плавать, нырять и загорать, чтобы вечером усталыми и голодными вернуться, штурмом взять кафе и рестораны столицы острова и засесть там до поздней ночи. «Как они все веселы», — подумал Алан.

Он приметил какую-то девушку, сидевшую внизу, возле каменной стены гавани; на девушке были укороченные джинсы с бахромой выше загорелых колен и бикини со спущенными на плечи бретельками. Девушка подставила лицо солнцу и зажмурила глаза. Рядом с ней стояла бутылка воды.

«Такого Хелин никогда уже не сможет себе позволить», — подумал Алан, удивившись абсурдности этой мысли. Хелин никогда, ни при каких обстоятельствах не вела себя так. Она никогда не ходила под парусом, никогда не каталась на скутерах и глиссерах, она никогда не сидела, прислонившись к стене гавани и мечтая о море. Хелин была неспособна расслабиться до такой степени, чтобы получать удовольствие от такого отдыха. Если бы Хелин вообще уселась на солнце в гавани — но Алан сомневался, что она когда-либо это делала — то, в любом случае, не в шортах и не в бикини, и не с закрытыми глазами. Хелин всегда внимательно осматривала и анализировала места, в которых находилась. Опасности чудились ей за каждым углом. Сколько Алан помнил Хелин, она все время ныла, плакалась, жаловалась на судьбу и предавалась мрачным

пророчествам. Относительно веселой она становилась только в обществе Кевина. Кевин сумел коснуться таких струн в душе Хелин, до которых никто, кроме него, не мог дотянуться. В такие моменты в Хелин просыпалась та беззаботная девушка, какой она, вероятно, некогда была. Тогда становилась видна неизвестная Алану часть ее личности. Эти мгновения всегда глубоко трогали его.

Он пил уже второй стакан вина, думая, зачем он вообще заказал полусладкое. Было такое впечатление, что пьешь смесь спирта с сахарной водой. Он и так умудрился продержаться сегодня без выпивки всю первую половину дня. Все утро он не мог выпить под недреманным оком Беатрис. Пить алкоголь в доме матери было решительно невозможно. Она всегда была рядом, всегда была за спиной, могла неожиданно вынырнуть из любого угла и сразу разгадывала его тайные желания насладиться глотком шерри или портвейна. Поэтому он взял ее автомобиль, чем помешал ей поехать вслед за ним, и удрал в Сент-Питер-Порт. Облегчение он испытал уже от первого глотка вина. Первый глоток дня всегда был самым лучшим.

Хелин уже два дня покоилась в земле, и Алану уже давно было пора вернуться в Лондон. Его ждали неотложные дела, к тому же надо было наверстать упущенное за предыдущие недели. Секретарша пришла в отчаяние, когда он объявил ей, что появится в конторе только в следующий понедельник.

— Не знаю, как мне... — в панике начала она, но Алан не дал ей договорить.

— Вы же знаете, что давняя подруга моей матери была зверски убита, и я не могу взять и бросить мать одну.

Против этого секретарше было нечего возразить, да и откуда она могла знать, что ее шеф беззастенчиво лжет? Беатрис не нуждалась в утешениях. Лицо ее все эти дни было непроницаемо, как камень; когда к ней обращались, она вздрагивала от неожиданности, словно возвращаясь из какого-то другого мира; но, несмотря на это, было не похоже, что она нуждается в помощи. Возможно, жестокая смерть Хелин потрясла ее глубже, чем казалось, но в любом случае она сама неплохо справлялась с этим потрясением. Иногда Алан спрашивал себя: понимает ли вообще Беатрис, что значит принять сочувствие и поддержку других людей?

У него не было никаких причин и дальше задерживаться на Гернси, но что-то удерживало его от того, чтобы сесть на ближайший самолет и улететь в Лондон. У Алана не было склонности лгать самому себе — иногда он даже думал, что никогда не стал бы алкоголиком, если бы лучше владел этим искусством — и сейчас, сидя в «Террасе», он честно признался

себе в том, что его удерживает страх перед возвращением в пустую квартиру, перед возвращением в пустую жизнь.

Ему была отвратительна сама мысль о возвращении в дом, где его никто не ждет. Мужчину его возраста должна ждать дома жена, двое немного капризных детей-подростков, виляющий хвостом пес и мурлычущая кошка. На него должна была обрушиться груда новостей: домработница уволилась, математичка придирается и ставит плохие отметки, а лучшая подруга оказалась сущей змеей.

— Господи, — сказал бы он в ответ, — дайте мне хотя бы умыться с дороги и прийти в себя.

Они толпой пошли бы за ним к ванной, продолжая трещать ему в оба уха, и он не стал бы наливать себе виски, потому что на это у него просто не было бы времени. Он не чувствовал бы пустоту жизни, и ему не пришлось бы заливать ее алкоголем.

«Загубленная жизнь, — подумал он, и чувство безнадежности вцепилось в него своими ледяными пальцами, заставляя дрожать, несмотря на несусветную жару. — Суетливая, загубленная жизнь».

Может быть, ему сейчас так тяжело из-за смерти Хелин. Вероятно, его точно так же потрясла бы смерть любого родственника или близкого знакомого. Неожиданно и быстро оборванная жизнь с неумолимой ясностью показала ему всю ограниченность земного бытия его самого, как и любого другого существа, живущего под солнцем. Даже если ему повезет и ему не перережут горло и не бросят на проселочной дороге, то все равно перед смертью он неизбежно столкнется с тем же ужасом, с которым столкнулась Хелин. Она всегда говорила, что ее жизнь прошла впустую. Как же горько умирать с этим знанием.

Он решил собраться с силами, подняться и взять еще вина, хотел уже выбраться из-за стола и встать в очередь к стойке, когда увидел подходившую к нему Майю.

Майя шла к его столику так целеустремленно, что Алан понял — она давно его увидела, и поэтому не было никакого смысла смотреть в стол и притворяться, что его здесь нет. Как он раньше радовался даже случайным встречам с Майей, ибо в каждой такой встрече он видел шанс для них обоих. Теперь его мучило новое, противоположное желание — спрятаться в норку, лишь бы не вступать с Майей в разговор.

«Наверное, это оттого, — подумал он, — что наши отношения закончились, исчерпав себя до дна».

Он встал, чтобы поздороваться с ней. Они поцеловались, и он ощутил холод ее губ на своей щеке. Он заметил, что у Майи не накрашенные губы

и заплаканные глаза.

— Привет, Майя, — сказал он.

— Я стояла у церкви, — объяснила она, — увидела, что ты сидишь здесь, и подошла удостовериться. Я думала, что ты уже давно в Лондоне.

— Нет, я не в Лондоне, — вяло ответил он и указал на свободный стул. — Не хочешь присесть? Я как раз хотел пойти за бокалом вина. Тебе принести?

— Принеси мне воды, — сказала она и, немного помедлив, добавила: — Пожалуйста. Я не переношу алкоголь в такую жару.

Он вошел внутрь кафе и встал в медленно продвигавшуюся очередь. Люди хотели есть и подолгу выбирали блюда. Алан оглянулся и поискал глазами стол, за которым сидела Майя. Она порылась в сумочке, достала темные очки и надела их. Обычно она усаживалась за столиком, как на сцене — распустив по плечам роскошные волосы, положив ногу на ногу, она окидывала томным взглядом присутствующих, прежде чем надеть очки, спрятав за темными стеклами глаза с чувственно-длинными ресницами.

Но на этот раз Майя обошлась без этого спектакля. Она не стала оглядывать террасу, выискивая интересного мужчину, который обратил бы на нее внимание. Сейчас Майя сидела уставившись в стол и грызла ногти.

Алан наконец, взял напитки и вернулся к столу.

— Если ты все же хочешь глоток вина... — сказал он. — Мне кажется, что вино бы тебе сейчас не повредило.

— Нет, спасибо, — она отпила воду из стакана. Алан невольно удивился, когда заметил, что на краю стакана не осталось следов губной помады. — Может быть, тебе следовало бы взять и себе минеральной воды.

— Вино нравится мне больше.

— Как знаешь, — она сделала еще один глоток. — А почему, — спросила она, — ты не в Лондоне?

В ответ он угостил ее той же ложью, что и секретаршу.

— Я должен позаботиться о матери. Ее нельзя сейчас оставлять одну.

Но провести Майю ему не удалось.

— Ох, перестань! Если есть на свете человек, которого можно оставить без посторонней помощи, так это твоя мать. Из-за нее ты точно не стал бы оставаться здесь.

— Я знаю свою мать лучше, чем ты.

Она печально улыбнулась.

— Говори это себе. Если тебе нужен повод для того, чтобы не возвращаться в Лондон, держись за мать.

— Ты тоже остаешься? Я хочу сказать: ты действительно не собираешься возвращаться в Лондон?

— Что мне там делать? На что я буду жить? У меня нет денег даже на билеты, — она приподняла голову. Алан заметил, что при этом движении она постаралась удержать подступившие к глазам слезы.

— Я все испортила. Я испортила себе жизнь.

Алана странно тронули эти ее слова. Всего несколько минут назад его самого посетила эта мысль — мысль о попусту растроченной жизни. Вспомнил он, что то же самое часто говорила и Хелин. «Сколько людей, — подумалось Алану, — мучает эта страшная мысль? Она не дает нам покоя из-за краткости и быстротечности отпущенного нам срока. Но мы упрямо строим планы, лелеем надежды, питаем желания, мечтаем. Но как мы при этом слабы. Мы хромаем, пытаюсь переменить жизнь, суедемся, но неизбежно теряем силы и сдаемся».

Он протянул руку и коснулся руки Майи, слегка пожав ее. Это был нежный отеческий жест, в котором не было и следа эротического зуда, который прежде пропитывал все их отношения.

— Ты еще так молода, — сказал он. — Ты справишься.

— Ах, да ты посмотри на меня! — раздраженно сказала она и сняла очки. Ее заплаканные глаза покраснели еще больше. — Все же можно прочесть по моему лицу, не так ли? Да ты и сам всегда мне это говорил. Что все это отпечатается на лице.

Он внимательно посмотрел на нее. Такой трезвой и объективной он ее еще ни разу не видел. Она выглядела очень молодо и была похожа на упрямого обиженного ребенка с бледными щечками и красным носиком. Но то, что она говорила, было правдой. В чертах ее лица проступало что-то грубое и заурядное. Алкоголь и бессонные ночи пока щадили ее тело, по ее внешности нельзя было сказать, что она много пьет и курит. Она жила легко и бездумно, бросаясь на шею портовым рабочим и загорелым туристам, к которым, казалось, приросла доска для серфинга. Порочная жизнь явственно отпечаталась на ее лице. «Какая она дешевка», — подумал он и ужаснулся беспощадности этой мысли. Она выглядит, как дешевка.

От нее не укрылось то, что происходило в его голове.

— Да, — тихо произнесла она, — ты и сам это видишь.

— Ах, Майя, — устало ответил он, — мы так часто об этом говорили. Нам просто уже нечего сказать на эту тему.

— Мы будем видеться?

— Конечно. Теперь я буду часто сюда приезжать, так что время от времени мы будем встречаться.

— Прекрасно. Как это говорят? Мы будем добрыми друзьями? Мы действительно можем быть добрыми друзьями.

— Это лучше, чем если бы мы и дальше пытались строить какие-то отношения. В конце концов, мы не смогли бы сказать друг другу ни одного доброго слова. Все кончилось бы обоюдной ненавистью. Новый вариант нравится мне гораздо больше.

— В моей жизни появятся другие мужчины, — неожиданно, без всякого перехода, сказала она. В тональности ее голоса что-то изменилось. В нем появился зародыш надежды. Несмотря на поражение, несмотря на смерть Хелин, несмотря на бесславный конец их отношений, Майя не потеряла способности сопротивляться. Она вела распутную жизнь, не берегла ни себя, ни свою честь, но могла еще восстановиться.

«Она снова наступит на те же грабли, — подумал он, — она уже близка к этому».

В этот момент он увидел, что привлекло ее внимание, что заставило выпрямиться и почувствовать уверенность в себе. Из здания ресторана вышел какой-то тип и направился на террасу. Это был тот самый гнусный тип, с которым он видел ее в сентябре прошлого года, когда она вела его в свою квартиру. Отвратительная рожа, которую Алан никак не мог вытравить из памяти, снова мозолила ему глаза. Алан снова вспомнил тот страшный день, когда он целую вечность, испытывая безмерную мучительную боль, просидел в машине под ее окнами. Вспомнил занавешенные, закрытые окна ее квартиры, вспомнил, как рисовал в воображении, как Майя тешится в объятиях этого типа, физиономия которого напоминала клише гангстера из сексуально-криминальных третьесортных фильмов.

Этот человек шел между столами с кружкой пива в руке и искал глазами свободное место. За ним шел другой мужчина, который по возрасту вполне годился Алану в отцы. У мужчины, правда, были темные волосы и темные глаза, да и выглядел он поприятнее. Он тоже держал в руке пиво и искал место. Очевидно, ни тот ни другой, пока не заметили Майю.

— Это не?.. — спросил Алан.

Майя стремительно надела очки. Она понимала, насколько непривлекательны сейчас ее красные, заплаканные и неподведенные глаза.

— Ты знаешь Жерара? — спросила она.

— Жерара? Я не знал, что его так зовут, и не могу сказать, что я с ним знаком. Но я однажды видел его с тобой. Это было полгода назад. Вы шли к тебе домой, — странно, но сейчас он мог говорить об этом совершенно спокойно. Раньше это ни за что бы ему не удалось. Теперь ему было не

больно. Пустоту он ощущал, невероятную пустоту, но боли не было. Он вдруг понял, насколько его переполняла та былая боль, он даже вспомнил, что иногда люди не желают избавляться от боли, потому что для них она лучше, чем пустота; и, видимо, в этом сложном механизме человеческой психики крылась причина его многолетней, разрушительной привязанности к Майе.

— Этот тип выглядит как преступник, — сказал он и вдруг неожиданно испытал несказанное облегчение оттого, что распрощался с миром Майи, оттого, что отныне ему не придется делить эту женщину с людьми, которым он никогда бы не подал руки. — Ты до сих пор с ним?

Она пожала плечами.

— Я давно его не видела, потому что была, как ты знаешь, в Лондоне. Да и нельзя сказать, что я была с ним. Я только...

— Понимаю, ты только время от времени с ним спала, — он задумчиво посмотрел на нее. — Майя, это абсолютно меня не касается, и, надеюсь, ты больше не держишь меня за занудного учителя. Но будь все же осмотрительнее в выборе своих постельных приятелей. С Хелин произошло нечто ужасное. Мир может быть жестоким и страшным, а твой... друг, действительно, выглядит...

— ...как преступник, ты это уже говорил, — она отвернулась от Жерара и посмотрела на Алана. За темными стеклами очков он не мог рассмотреть ее глаза. — Он и есть преступник, Алан. Он гнусный, отпетый вор. Между прочим, тот, который идет с ним — тоже. Я подцепила преступника, и это сильно волновало мне кровь. Преступников у меня до этого никогда не было, понимаешь? Когда живешь так, как я, то нужны постоянные встряски, потому что иначе становится нестерпимо скучно. Он сильно заводил меня, когда я... — она умолкла, но инстинкт подсказал Алану, что она имела в виду.

— Весь смак был в смещении, — закончил он ее мысль, — ты попеременно ложишься в постель то с ним, то со мной. То с юристом, то с вором.

— Между прочим, — сказала она, — он едва ли теперь захочет меня знать.

— Попытка не пытка, — небрежно заметил Алан. — Тебя долго не было, может быть, он снова тебя захочет.

Ей было неприятно его замечание, он понял это по тому, как дернулись уголки ее рта, а ему самому собственные слова показались нелепыми и детскими. Только что он предостерегал Майю от связей с такими типами, как Жерар, а теперь подстрекает ее снова испытать на нем свои чары — и

все это только затем, чтобы вволю поиграть своей свободой, которая позволяла ему без всяких душевных мук переносить общество Майи.

— Прости, я сказал глупость, — произнес он. — Но если серьезно, Майя, то держись подальше от этого типа. Не знаю, чем он занимается, но это слишком дурная для тебя компания и...

— Ты хочешь это узнать? — спросила Майя.

— Что?

— Чем он занимается. На чем он зарабатывает свои грязные деньги.

— Не знаю. Я...

Она подалась вперед, и Алан ощутил запах табака и мятных конфет. Майя понизила голос:

— Ты адвокат. Я могу рассчитывать на конфиденциальность, не так ли?

— Я не знаю, хочу ли я знать, чем занимается твой любовник... — у него возникло нехорошее чувство. Такой поворот дела ему совсем не нравился. *Он не желал ничего знать.* — Майя...

Теперь она говорила шепотом.

— Они воруют яхты. Здесь, в гавани. Их перекрашивают, меняют название и перегоняют во Францию. Это очень выгодное дельце. Насколько я знаю, они неплохо на этом зарабатывают.

— О, господи! — у Алана появилось плохое предчувствие. — И ты?..

Она полезла в сумочку за сигаретами.

— Я не была прямой соучастницей. Но иногда я... Черт, где мои сигареты? — она наконец, нащупала пачку, выудила оттуда мятую сигарету и вставила в рот. Алан щелкнул зажигалкой.

— Иногда я выманивала с яхт клиентов, а потом они некоторое время отсутствовали, ну и так далее. Вот так, — она, очевидно, заметила его искаженное ужасом и отвращением лицо и попыталась сгладить впечатление. — Я просто иногда зондировала почву, между прочим, очень редко. И все. О, Алан, не смотри на меня так! Это было очень давно. Мне были позарез нужны деньги, а Жерар говорил... — она осеклась, мгновенно превратившись в робкую, смущенную девочку. — Ты думаешь, что это очень плохо? — спросила она.

«Мне срочно нужен еще бокал вина», — подумал Алан. Он и сам не понимал, что его так потрясло, но он вдруг почувствовал себя жалким и разбитым.

— Эх, Майя, — беспомощно сказал он.

— Привет, Франка, — крикнула Беатрис, — вы не знаете, Алан

вернулся? Машины нет, но может быть, что...

— Я его нигде не видела, — ответила Франка. — Ни его, ни машины. Куда он уехал?

— Я не знаю. Думаю, поехал в Сент-Питер-Порт. Я немного волнуюсь... — Беатрис замолчала, прикусив губу. Ей казалось предательством говорить с чужими — а в известном смысле она причисляла к ним и Франку — о пристрастии сына к спиртному. Конечно, об этом знали все, и Франка тоже, но Беатрис считала, что мать должна вести себя так, будто этой болезни не существовало. Ей казалось, что этим она оберегает сына от злословия, сплетен и ядовитых комментариев. Словно она могла одеть его своим молчанием, как покрывалом, защищающим от бед ее такого уязвимого сыночка. Так она закутывала его в пушистое одеяльце, когда он был младенцем, чтобы никакой сквозняк...

«Чушь, — прикрикнула она на себя. *Он — уже не младенец!* Обращайся с ним, как со взрослым мужчиной, а это значит, что нечего прятать его от резких и беспощадных взглядов, и неважно, что это причинит ему боль. Он должен быть достаточно сильным для того, чтобы это вынести».

— Франка, я боюсь, — сказала она, — что Алану нехорошо. Он все время откладывает возвращение в Лондон. Он продолжает жить здесь... а это плохо. Конечно, я бы хотела привязать его к себе, чтобы отучить от бутылки, но как это сделать? Вот и сейчас он, наверное, сидит в каком-нибудь кабаке и оттягивается вином.

Они с Франкой столкнулись в прихожей: Беатрис только что вернулась из сада, где она вполсилы занималась цветочными грядками, а Франка как раз спустилась со второго этажа. Беатрис сразу отметила, как свежо выглядит эта молодая женщина. Кожа ее была покрыта густым красивым загаром, а волосы, выгорев на солнце, стали еще светлее. Было видно, что она полна жизни и ожидания. Ее тронула смерть Хелин, но из всех, кто так или иначе был причастен к этой трагедии, она единственная сохранила силы и бодрость духа. Собрав в кулак все свои пять чувств, она принялась заниматься хозяйством — ходила в магазины, готовила еду и стирала белье.

«Собственно, я не должна брать с нее плату за проживание, — подумала Беатрис, — без нее здесь просто все остановится».

Сама Беатрис была не в состоянии заниматься домом. Она с большим трудом избавлялась от потрясения, вызванного смертью Хелин. Потом еще эта история, рассказанная Кевином... Она бродила по дому, словно погруженный в транс лунатик, отгородившийся от всех событий пеленой нереальности. Единственное, на что Беатрис была еще способна

реагировать — это на алкогольные проблемы Алана. Забота о сыне заполнила все ее бытие, заставив не думать о Хелин, о женщине, с которой она столько лет делила кров и которая так бессовестно ее обманула и предала — во всем, что касалось жизни и многого другого.

— Не думайте об этом, — сказала Франка в ответ на опасения Беатрис. — Думаю, что Алан сумеет взять себя в руки и хорошо распорядиться своей жизнью. Не спрашивайте меня, почему. Я просто это чувствую.

Беатрис внимательно оглядела ее.

— Вы хорошо выглядите, Франка. Я не узнаю в вас ту женщину, которая в сентябре прошлого года неожиданно появилась в доме. Здешняя жизнь пошла вам на пользу.

— На пользу мне пошла свобода, — возразила Франка. Она откинула волосы со лба жестом, напомнившим о неуверенности прежних дней. — Я начинаю понемногу снова верить в себя.

Беатрис хотела было спросить, принимает ли Франка таблетки, но вовремя напомнила себе, что не имеет права лезть в чужую жизнь. Таблетки были частным делом Франки, и кто знает, какие раны Беатрис бы разбередила, если бы спросила ее об этом.

— Должно быть, вы не слишком уютно себя чувствуете, очутившись во всем этом кошмаре. Никто не ожидал такого поворота, не правда ли? Мы, конечно, знаем о таких вещах — о преступлениях, чудовищных мерзостях, которые люди причиняют друг другу. Мир полон таких вещей, мы узнаем о них из газет и телевидения и как будто становимся их участниками. Они нас шокируют, ошеломляют. Но совсем другое дело, когда они касаются лично нас.

— Это трагедия, — сказала Франка, — но все же... — она помолчала, подыскивая подходящие слова. — Беатрис, мне, конечно, не следует этого говорить после всего того, что здесь произошло... но я чувствую, что стою на пороге новой жизни.

— Вам не следует за это извиняться, — сказала Беатрис. — У вас своя жизнь, у меня — своя. Своя жизнь была и у Хелин. У всех людей разные судьбы. Я вижу, что для вас наступают хорошие времена, Франка. И не будем омрачать ваше настроение.

— Я хочу пойти на кладбище, положить цветы на могилу Хелин.

Беатрис улыбнулась.

— Вот и сделайте это. Да, кстати, ваш муж уехал?

— Позавчера. Он, наконец, сдался.

— И вы уверены, что действительно хотите развода?

— На все сто процентов, — ответила Франка.

Франка подошла к ограде кладбища, расположенного на южной окраине Сент-Питер-Порта, и толкнула калитку. На Франке были джинсы, которые в этот жаркий день немилосердно липли к ногам, футболка и соломенная шляпа. Стояла невыносимая, поистине июльская жара, установившаяся в День Освобождения. По сторонам улиц стояли толпы празднующих людей, цветы на грузовиках с откинутыми бортами сияли на солнце, соперничая друг с другом яркими красками. Играл оркестр, толпа пела «Land of Hope and Glory» и «Rule Britannia!». ^[2] Одетый как Уинстон Черчилль оратор обратился к толпе с пламенной патриотической речью, закончившейся известными словами бывшего премьера, до сих пор божественной музыкой звучавшими для ушей обитателей острова: «And our beloved channel islands will also be freed today!» ^[3] Ликующие крики толпы заглушали отдельные голоса. В этом шуме было невозможно расслышать собственные слова.

В Сент-Питер-Порте Франка пробыла недолго, бросив лишь мимолетный взгляд на празднество. Участвовать в нем Франке не хотелось. Слишком свежа была память о смерти Хелин. Всеобщий восторг был ей сейчас неприятен.

«Сейчас не время, — думала Франка. — Этой весной невозможно предаваться безмятежному веселью».

В этот день ей хотелось побыть одной, хотелось, уединившись, подумать. Сначала она намеревалась отправиться в Пти-Бо и посидеть там на разогретых солнцем камнях, но потом она вспомнила о Хелин, о том, что ее убийца до сих пор не пойман и что смерть продолжает бродить по окрестностям. Гернси перестал казаться ей раем. Где-то среди уютных деревушек, благоухающих садов, живописных бухт и суровых скал скитался сумасшедший, который напал на женщин и перерезал им горло.

Франка купила большой букет роз и решила, что будет неплохо посидеть на могиле Хелин, поговорить с ней, а заодно подумать и о своей жизни. После отъезда Михаэль больше не давал о себе знать, а у Франки не было ни малейшего желания звонить ему в Германию. После того вечера в «Старинном борделе» Михаэль еще раз появился в доме Беатрис, потрясенный смертью Хелин и преисполненный решимости «вызволить жену из этого безумия». Правда, здесь свое веское слово сказала полиция: Франка, Беатрис и Кевин до выяснения всех обстоятельств должны

оставаться на острове. Михаэль вышел из себя и принялся угрожать.

— Послушай, — сказал он, — ты не должна иметь ничего общего со всей этой грязью. Они не имеют никакого права тебя здесь удерживать. Дай бог, если они через сто лет узнают, кто убил старуху. Если я пойду в посольство, то я добьюсь, чтобы ты смогла уехать отсюда!

— Из этого ничего не выйдет, Михаэль, — сказала Франка.

Он тотчас взвился на дыбы.

— Что значит «ничего не выйдет»? Ты понимаешь, что это опять прежняя типичная Франка? Почему, это ничего не выйдет? Ты будешь терпеть, когда эти люди...

— Я ничего не собираюсь терпеть, — перебила его Франка. — Ты неправильно меня понял. Я хочу остаться здесь. Я не хочу возвращаться с тобой в Германию. Для меня не стоит вопрос о том, законно или незаконно меня здесь удерживают. Я здесь, потому что сама этого хочу.

Пару секунд он мерил ее оценивающим взглядом.

— Да, тебе уже не поможешь, — сказал он наконец, — ты упиваешься своей идефикс о свободе, самореализации или о чем там еще ты думаешь. Я думаю, что ты совершаешь большую ошибку. Если ты это поймешь, то позвони мне.

Она поняла это как требование еще раз все обдумать и покориться, но Франка непоколебимо чувствовала, что дороги назад для нее нет. Она ничего не изменит своим возвращением и поэтому решила, что у нее нет никаких причин звонить Михаэлю. Ей будет только лучше, если она не будет ни говорить с ним, ни выслушивать его нравоучения. Что же касается ее собственного будущего, то оно никоим образом не могло быть связано с Михаэлем. Она одна должна решать, какими будут ее следующие шаги.

Она прошла по гравийной дорожке и по ступенькам спустилась к рядам могил. Отсюда, сквозь кроны цветущих деревьев, открывался вид на море. Оно сегодня было такое же синее, как и безоблачное небо.

«Похоже на живописный пейзаж», — подумалось Франке.

Здесь ей было хорошо. Все последние дни ей на давала покоя мысль о том, что она так и не смогла как следует попрощаться с Хелин. Во время похорон на кладбище была такая толпа, что люди наступали друг другу на ноги.

«Неужели Хелин так любили?» — спрашивала себя в тот день Франка, но потом, приглядевшись, поняла, что на большинстве лиц было написано любопытство и нездоровый интерес. Большинство пришло для того, чтобы упиться мрачным зрелищем, встряхнуть чувства страхом. Люди глазели на Беатрис и Кевина — все знали, что свой последний вечер она провела у

него. К горлу подступала тошнота, но Франка подавила ее, сознавая, что она несправедлива к пришедшим. Люди не могли не испытывать мрачного очарования при мысли о старой женщине, найденной на дороге с перерезанным горлом.

Во время похорон она постояла на могиле не больше двух секунд; потом ее оттеснили. Теперь она наверстает упущенное.

Могилка располагалась в самом нижнем ряду, на краю кладбища, у опушки леса, тянувшегося дальше, к скалам. Здесь больше пятидесяти лет назад был похоронен Эрих Фельдман. В той же могиле обрела свой вечный покой и Хелин.

Подойдя ближе, Франка заметила, что она не одна. Кто-то уже стоял перед свежей могилой и смотрел на надгробный камень с надписью. Это была Майя, что безумно удивило Франку. Она могла ожидать увидеть здесь кого угодно, только не Майю.

— Добрый день, Майя, — нерешительно сказала она, — я вам не помешаю, если положу на могилу розы?

Майя вздрогнула и обернулась.

— Нет, конечно, нет. Добрый день, Франка. Я уже и сама не помню, сколько я здесь стою, — она поморщилась. — От такой жары у меня разболелась голова.

— Да, и мне тоже очень жарко, — согласилась Франка. Так же, как Алан несколько часов назад, Франка с удивлением обратила внимание на заплаканные глаза девушки и на полное отсутствие косметики.

— Бедная Хелин, — пробормотала Майя.

У Франки до сих пор не было впечатления, что Майя была в близких отношениях с Хелин. Печаль девушки поразила ее.

— Да, бедная Хелин, — сказала она тихо. — Ужасный конец, жестокий и бессмысленный.

Обе женщины одновременно посмотрели на могилу. Черный холм жирно блестел на солнце. Скоро эта могила, как и все другие, зарастет травой. На камне стояло имя Эриха, имени Хелин на нем пока не было.

Подполковник Эрих Фельдман

Родился 24.12.1899

Умер 01.05.1945 года

«А ведь я как-то не подумала о том, что они умерли в один день, — подумала Франка, — как это странно. С промежутком в пятьдесят пять лет, но оба первого мая!»

Она положила розы на могильный холм. Жара уже побила лепестки, скоро цветы совсем завянут.

— Завтра будет дождь, — сказала Майя. — Я его носом чую.

— Растениям от этого будет только польза. Наверное, у вас болит голова оттого, что завтра изменится погода.

— Может быть, — равнодушно сказала Майя. Она смотрела на свежую могилу, и в глазах ее было такое отчаяние, что Франке захотелось обнять Майю за плечи. Она удержалась, не зная, понравится ли это девушке.

— Вы так сильно были к ней привязаны? — спросила Франка, скосив глаза на могилу.

Майя отрицательно покачала головой.

— Я была едва с ней знакома.

— Но почему тогда это событие так сильно вас потрясло?

— Мне всегда становится страшно, когда кто-то внезапно умирает. Только что она была жива, и вдруг ее больше нет. И все так бессмысленно, так...

— Преступление кажется вообще бессмысленным, но...

— Я имею в виду не преступление, — энергично возразила Майя. Из глаз ее снова потекли слезы. — Я имею в виду жизнь. Что она от нее получила. Что получила Хелин от своей жизни?

Какая-то непонятная злость, прозвучавшая в словах Майи, заставила пораженную Франку сделать шаг назад.

— Майя...

— Она потеряла мужа, когда была еще очень молодой. Потом она так и не нашла человека, который бы ее полюбил. Она жила в чужой стране. Она жила с людьми, с которыми ей приходилось говорить на чужом языке. Все знали, что Беатрис только из жалости не вышвыривает ее вон. Беатрис ее терпела, как терпят старую, никому не нужную тетушку, у которой нет никого на свете, и которую поэтому надо жалеть. В ином случае Беатрис выгнала бы ее из дома, не задумываясь. И Хелин это знала. Жизнь ее прошла даром. И теперь никто не вернет ей эти даром потраченные годы.

— Но может быть, она сама не считала эти годы потерянными.

— Считала, и еще как! Вы были недолго с ней знакомы, иначе вы бы и сами это увидели. Хелин была разочарована, одинока и прекрасно сознавала, что проиграла все.

— Но не стоит же вам из-за этого... — начала Франка, но Майя тотчас перебила ее.

— Хелин — это всего лишь пример! На нем я вижу, как выглядит попусту растроченная жизнь. На ее примере я вижу, какой будет моя жизнь!

Франка озадаченно посмотрела на Майю.

— Ваша жизнь? Но вашу жизнь ни в коем случае нельзя сравнивать с жизнью Хелин. Вы — молодая, безумно привлекательная женщина, к вам тянутся все и, прежде всего, мужчины. Пройдет еще пара лет, вы перебеситесь, выйдете замуж за достойного человека и создадите семью. В вашей жизни нет ничего похожего на жизнь Хелин!

— Что за ерунду вы говорите! — запальчиво крикнула Майя. Она была неправа и несправедлива, но сейчас все это было ей безразлично. Ей нужна была отдушина, и Франка попала под горячую руку. — Я уже все испортила! Я даже не окончила школу. У меня нет образования. У меня нет работы. Я вынуждена выпрашивать деньги у бабушки и постоянно слышать, что я ее разочаровала. Все обращаются со мной, как с пустышкой. Я...

— Это не так, и вы сами это знаете. Что же касается школы и образования, то никто не мешает вам наверстать упущенное. Вам двадцать два! Вы так молоды. Перед вами открыты все пути.

Майя отвернулась. За несколько минут она еще больше побледнела и выглядела теперь еще моложе.

— Кроме пути к Алану, — тихо сказала она.

«Бедняжка, — подумала Франка, — как она сейчас одинока».

Она сделала шаг вперед, подошла к Майе и обняла ее за плечи. Майя прижалась к Франке и заплакала. Она плакала все горше до тех пор, пока все ее тело не стало сотрясаться от рыданий.

— Все так ужасно, — жаловалась она сквозь слезы, — я его потеряла. Никогда больше он не подпустит меня к себе, никогда. Я столько лет знала, что могу делать, что хочу, но он всегда примет меня назад. Всегда, неважно, какую боль я ему до этого причинила, как сильно я его обидела. Он принимал меня в свои объятия, он все мне прощал, а я... — она не могла больше говорить, слезы ручьями струились по ее щекам. Франка нежно гладила Майю по волосам.

— Вы часто причиняли ему боль все эти годы, да? — тихо спросила она.

Майя судорожно кивнула.

— Я делала все, что приходило мне в голову, — рыдая, заговорила она. — Все, что мне нравилось. Иногда я путалась с ужасными типами, с пьяницами, преступниками, со всякими подонками. Но я почему-то ничего не боялась. За моей спиной всегда стоял Алан. Я знала, что он защитит меня. Я знала, что со мной ничего не может случиться.

— Но с вами и теперь ничего не может случиться.

— Его уже нет рядом.

— Он еще здесь. Да, наверное, сейчас вас разделяют боль и обиды, но они пройдут, но сохранится все, что вас связывает. Он всегда будет вашим другом, Майя. Не любовником, а другом.

— Но я люблю его, — крикнула Майя. Она постепенно перестала рыдать, но в глазах застыла глубокая печаль. — Я и в самом деле его люблю!

— Он почти вдвое старше вас, Майя. Поэтому у каждого из вас свой взгляд на жизнь, и ваши взгляды не совпадают. Вы хотите наслаждаться своим бытием, флиртовать, танцевать, испытывать ваши чары на мужчинах. Алану уже за сорок. Он смотрит на жизнь по-иному и хочет от нее совсем другого. Это нормально, просто плохо сочетается одно с другим.

Майя уставилась на могильный камень с таким выражением лица, словно он воплощал в себе всю безутешность, уготованную ей жизнью.

— Он тоже умер первого мая, — сказала она, — точно как Хелин.

— Да, — согласилась Франка, — я тоже это заметила. Первого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. И точно так же, как Хелин, он умер насильственной смертью. Пусть он даже сам выстрелил в себя — все равно, это было насилие.

— Остались бы они вместе, если бы Эрих остался в живых?

Франка пожала плечами.

— Думаю, да. Хелин не нашла бы в себе сил расстаться с Эрихом. Она была привязана к нему так же, как потом была привязана к Беатрис.

— Почему, — спросила Майя, — никто тогда не смог оказать ему помощь? Он... выстрелил себе в голову?

— Насколько я знаю, он выстрелил себе в грудь и жил еще довольно долго. Его можно было бы спасти, но рядом не оказалось врача, и он истек кровью. Ваш прадедушка ездил по острову, а никого другого найти не удалось. Это и определило судьбу Эриха Фельдмана.

Майя задумчиво наморщила лоб.

— Мой прадедушка был целый день в разъездах?

— На острове творился полный хаос. За день до этого застрелился

Гитлер. Русские стояли в Берлине. Союзники наступали. Никто не знал, что будет с немцами на острове. Все врачи были заняты, и никому не было дела до того, что кому-то вдруг понадобилась экстренная помощь.

— Я говорю не об этом, — сказала Майя. — Я удивляюсь, потому что...

— Что?

— Мне кажется, что прабабушка Уайетт рассказывала мне, что ее муж в день смерти Эриха был там, в доме Беатрис. Его позвали туда вечером... случилось какое-то несчастье с французским рабочим... я, правда, не помню точно...

— Странно, — сказала Франка, — я была уверена, что Беатрис мне рассказывала, как...

— Наверное, я что-то перепутала, — перебила ее Майя. Она обхватила себя руками, как будто ей вдруг стало холодно. Стояла несусветная жара, но холод мог идти и изнутри.

— Я действительно что-то не поняла, — добавила Майя.

Кожа ее блестела от пота.

— Думаю, мне пора домой. Извините, Франка, что я досаждаю вам своими проблемами.

— Вы мне несколько не досаждаете. До свидания, Майя. Сядьте дома на солнышке и немного расслабьтесь.

Она проводила взглядом высокую, тонкую, невероятно длинноногую фигурку с длинными волосами.

«Она сущий ребенок, — подумала Франка. — Как мог Алан потратить столько лет своей жизни на ребенка?»

Вернувшись в Ле-Вариуф, Франка увидела ожидавшую ее на крыльце Беатрис. Похоже, она за весь день ни разу не причесалась, так как ее взлохмаченные волосы были в полном беспорядке. После работы в саду она не переоделась. Джинсы были испачканы землей, большая, не по размеру мужская рубашка была зеленой от травы. За последние две недели черты лица Беатрис заострились, она похудела и постарела. «Сейчас впервые, — подумала Франка, — она выглядит на свой возраст».

— Как хорошо, что вы приехали, Франка! — облегченно воскликнула Беатрис. — Я целый день пыталась дозвониться до Майи, узнать у нее, где может быть Алан. Пару минут назад я наконец застала ее дома. Она сказала, что вы с ней встретились на кладбище. Сегодня днем она была с Аланом в «Террасе», и, очевидно, уже тогда Алан был в изрядном подпитии. Я так ждала вашего возвращения, Франка. В другой раз я бы

вызвала такси, но так... — она говорила так быстро, что едва не задохнулась, и замолчала, чтобы перевести дух. — Франка, вы не могли бы отвезти меня в Сент-Питер-Порт? Я хочу забрать оттуда Алана. Меня мучают дурные предчувствия. Может быть, он уже настолько пьян, что не в состоянии вести машину, и я не хочу, чтобы он сегодня ночью упал в воду или попал еще в какую-нибудь беду.

— Конечно, я вас отвезу, — с готовностью ответила Франка. — Подождите секунду, я только возьму сумочку.

Она взбежала по лестнице в свою комнату, достала из ящика стола таблетку и, не запивая, проглотила ее. Она уже приняла одну таблетку утром, а по дороге с кладбища ощутила легкое покалывание в пальцах — верный признак того, что действие лекарства заканчивается и скоро появится исподволь начавшаяся нервозность. Теперь Франка принимала транквилизаторы регулярно — два раза в день — утром и вечером, и считала, что это прогресс. Она перестала бесконтрольно глотать таблетки и перестала носить с собой флакончик с таблетками, чтобы спастись от панической атаки, которая раньше могла начаться в любой момент. Собственно, атак у нее больше не было, они сменились ощущением легкого беспокойства, какое она испытывала сейчас. Франка предполагала, что эта нервозность могла бы перерасти в панику, если бы она пустила дело на самотек, но теперь всего двух таблеток в день хватало для предупреждения атак.

«Когда-нибудь, — подумала она, — я научусь жить без таблеток. Может быть, не скоро, но я обязательно это сделаю».

Спускаясь по лестнице, Франка невольно улыбнулась: сейчас она вместе с Беатрис поедет спасти Алана от алкогольных излишеств, но для того, чтобы это сделать, ей самой приходится глотать таблетки. «В сущности, я ничем не отличаюсь от Алана, — подумала она, — просто мне посчастливилось злоупотреблять транквилизаторами, а это не так заметно».

Когда они сели в машину, Беатрис принялась извиняться.

— Надеюсь, Франка, вы не думаете, что я беззастенчиво использую вас в корыстных целях. У вас самой происходит драма, и мне думается, что мы взвалили непомерную тяжесть на ваши хрупкие плечи.

— Прошу вас, не волнуйтесь, Беатрис. Драма *моей* жизни не имеет никакого отношения к Гернси и совершенно вас не касается. С моей драмой я справлюсь сама, — она помедлила и добавила: — Здесь и теперь я справляюсь с ней лучше, чем раньше. Но я уже утром говорила вам об этом.

— Я очень рада, что вы здесь, — тихо сказала Беатрис, — потому что

я, впервые в жизни, совсем скисла. Впервые я чувствую, что не могу справиться со свалившимися на меня бедами и заботами. Сейчас я могу целыми днями стоять посреди комнаты, опустив руки и уставившись в пустоту, и даже это меня выматывает.

Франка искоса бросила взгляд на Беатрис.

— Вы плохо выглядите. Вы сегодня вообще чего-нибудь ели?

— Нет. Как-то так получилось, что я не успела сегодня поесть.

Они приехали в Сент-Питер-Порт. Франка нашла свободную парковку перед церковью, решительно въехала на нее и нажала педаль тормоза.

— Неважно, сидит ли еще Алан в «Террасе», или нет. Сейчас мы пойдем туда, и я не выпущу вас из-за стола, пока вы не поедите.

— Франка, я и в самом деле не могу...

— И не возражайте. Вы бы сейчас посмотрели на себя. Вы за короткое время потеряли в весе килограммов пять. Неудивительно, что у вас нет сил, и вы чувствуете себя измотанной.

В «Террасе» было шумно и многолюдно. Ресторан был открыт и манил гостей теплом и вкусными запахами. Люди охотно занимали места на веранде. Беатрис и Франка прошлись по ресторану, но Алана здесь уже не было.

— Он отправился дальше, — с безнадежной покорностью в голосе сказала Беатрис. — Сидит уже в десятом кабаке и уже довольно сильно пьян. Господи, Франка, нам надо...

Франка взяла Беатрис за руку и силой усадила на стул.

— Никому не будет никакой пользы, если вы сейчас упадете. Вы немного посидите, а я принесу чего-нибудь поесть. Один час ничего не решит. Потом мы пойдем искать Алана, а пока нам надо немного подкрепиться. Нам потребуется немало времени, чтобы обшарить все бары и кафе Сент-Питер-Порта.

Оставив Беатрис за столиком, она вошла в зал и встала в хвост длинной очереди. Франка невольно вспомнила, как впервые пришла сюда в сентябре прошлого года. Тогда она впала в панику и в страхе убежала, разбив при этом посуду. Теперь же она стояла в очереди совершенно спокойно, не испытывая никакой паники. Неужели она стала другой женщиной? Она покосилась на свое отражение в зеркальной стене и убедилась в том, что она с тех пор сильно изменилась — по крайней мере, внешне. Она не была такой бледной и выглядела намного эффектнее — голова высоко поднята, плечи расправлены. Исчезла прежняя нервозность в глазах, взгляд был прямым и ясным. Мало того, теперь на нее стали оборачиваться мужчины.

«Неплохо, — подумала она, — неплохо для женщины, которой Михаэль сказал, что самостоятельно она не сможет выжить».

Она взяла два одинаковых тайских блюда — что-то совершенно неопределимое — смесь лапши и овощей, и два бокала вина. Беатрис сейчас не повредит глоток алкоголя.

Беатрис, конечно, тотчас начала клясться, что не может съесть ни кусочка, но Франка пригрозила ей, что если Беатрис откажется есть, то она, Франка, не поедет искать Алана, после чего Беатрис принялась уныло ковыряться вилкой в тарелке.

— Мой мир трещит по всем швам, — сказала она, и в голосе ее прозвучала беспомощность, какой Франка не ожидала от этой сильной женщины. — Я никак не могу снова обрести равновесие.

— На вас так подействовала смерть Хелин? — осторожно спросила Франка. — Или это проблемы с Аланом?

— Хелин, Алан... в общем, все вместе. Когда равновесие нарушается, все вещи сразу становятся тяжелее. Все стало шатким и неустойчивым, — глаза Беатрис затуманились. — Собственно, я и раньше всегда спрашивала себя, что я сделала не так. Если единственное дитя никак не может устроить свою жизнь, то мать неизбежно начинает задавать себе такие вопросы. Конечно, Алан рос без отца. Он вырос в доме с двумя женщинами, из которых одна — невротичная и капризная — его обожествляла, а другая — его мать — стараясь уравновесить отношения, проявляла, где это было возможно, строгость, — Беатрис наконец поднесла вилку ко рту, но тотчас снова опустила ее в тарелку. — Мне кажется, что мы обе — и Хелин, и я — требовали от него слишком многого. Мы хотели, чтобы он был идеальным сыном, идеальным учеником, идеальным мужчиной и идеальным адвокатом. Мы ожидали, что он воплотит наши ожидания и представления — которые часто противоречили друг другу, ибо мы вкладывали в них разные, противоречивые чувства. Алкоголизм Алана начался после того, как он неудачно сдал пару экзаменов. Это мы виноваты в том, что ему не хватило стойкости. Алан свято верил, что не имеет права на неудачи. И в какой-то момент не выдержал этого прессинга. Ему нужна была отдушина, и в один прекрасный день он ее нашел. С тех пор эта драма никак не может закончиться.

— Не судите себя так строго, Беатрис, — сказала Франка и коснулась руки пожилой женщины. — Вы сделали для Алана все, что могли. Есть ли вообще на свете идеальные матери? Если вы требуете от себя именно этого, то вы требуете невозможного.

— Наверное, мне нужно было не допускать его к Хелин. Наша так

называемая семья была порождением только ее прихоти. Прихоти сентиментальной, пребывавшей в вечном пессимизме и ожидании конца мира женщины, которую ждет скорая и неминуемая смерть, если я перестану о ней заботиться, — Беатрис желчно рассмеялась. — Она была вечно чем-то недовольна. Недовольна погодой, королевским домом, ирландским конфликтом, едой, своими воображаемыми болезнями. Жаловалась, что ее пенсия так мала, что она будет вечно зависеть от меня. «Я бы жила в крысиной норе, если бы у меня не было тебя», — Беатрис с отвращением поморщилась. — Эта плаксивая и всем недовольная женщина была весьма хладнокровной дамой, не упускавшей своей выгоды. Теперь я просто снимаю перед ней шляпу. Всю жизнь, как выяснилось, она была куда умнее меня.

Франка внимательно смотрела на Беатрис.

— Вы сегодня говорите не так, как говорили прежде. У меня никогда не было впечатления, что между вами была дружба, но... Ваш тон стал жестче, циничнее. Обычно таким тоном не говорят о близких людях, которых постигла страшная участь. В этих случаях обычно прощают все прошлые ошибки и прегрешения, говорят о человеке мягче и дружелюбнее. Что произошло?

Беатрис положила вилку на стол и отодвинула тарелку. Было еще светло, и Франка отчетливо видела, как плохо выглядит эта пожилая женщина, на лице которой теперь явственно отпечатался ее возраст.

— Я не могу есть, Франка, и не принуждайте меня, пожалуйста. Мой желудок не принимает сегодня пищу.

— Так что произошло?

Беатрис покачала головой.

— Я не могу об этом говорить. Все это... так близко, так свежо. Мне надо все переварить, а для этого требуется время.

Франка не стала настаивать.

— Майя сегодня сказала одну странную вещь, — небрежным тоном произнесла Франка. — Мы встретились на могиле Хелин, и как-то сразу обе заметили, что и она, и Эрих умерли в один день — первого мая. Какое странное совпадение, правда?

— В мире не бывает случайных совпадений, — сказала Беатрис. Взгляд ее неожиданно прояснился. — Так какую странную вещь сказала Майя?

— Мы говорили о том дне, когда умер Эрих, и я сказала, что его, вероятно, можно было бы спасти, если бы удалось найти врача. Но из-за царившего на острове хаоса сделать это было невозможно. Майя очень

удивилась, услышав это. Прабабушка рассказала ей, что в тот день доктор Уайетт был у вас в связи с несчастьем, происшедшим с французским рабочим, которому срочно потребовалась медицинская помощь. Я поняла это так, что в это время Эрих уже был ранен и боролся со смертью. Значит, доктор Уайетт мог его видеть, не так ли? — Франка пожалала плечами и посмотрела на Беатрис. — Но, может быть, я что-то неправильно поняла?

На улице между тем стемнело, между деревьями во дворе ресторана легли густые тени. В сумеречном свете лицо Беатрис стало серым. Но наверное, подумалось Франке, дело не в свете, а в страдании, и лицо ее посерело от сильной душевной боли.

— То первое мая, — тихо сказала Беатрис, — то первое мая сорок пятого года... Боже, что это был за день! Это был роковой день. Все решилось тогда, всего за несколько часов, тогда решилась вся наша дальнейшая судьба, хотя сами мы этого еще не понимали.

Франка подалась вперед и снова коснулась руки Беатрис, ощутив сухую морщинистую кожу пожилой женщины. Франка почувствовала, что Беатрис дрожит от внутреннего напряжения.

— Что произошло в тот день, Беатрис? — тихим голосом спросила она. — Что случилось первого мая пятьдесят пять лет назад?

ГЕРНСИ, МАЙ 1945 ГОДА

С начала этого года Германия неудержимо покатила к окончательной катастрофе, и голоса, предвещавшие скорую конечную победу, становились все тише и нерешительнее. «Дойче Гернси Цайтунг» печатала на первой странице заклинания о победе, но едва ли находились люди, которые бы искренне в это верили. «Мы никогда не сдадимся» — аршинными буквами на первых полосах было напечатано и 20 апреля, в день рождения фюрера. Английские газеты острова «Стар» и «Ивнинг Пресс» соперничали с немецким листком в восхвалении Адольфа Гитлера и его гения, писали, что под водительством фюрера немецкий народ придет к победе. В это время Берлин был уже окружен русскими, была освобождена Польша, потеряны Восточная Пруссия и Силезия. Русские продолжали наступать, из разрушенных бомбами немецких городов тянулись толпы из сотен тысяч беженцев. Никакое чудо уже не могло спасти гибнущий рейх. Капитулировала одна немецкая армия за другой. Исход войны был предрешен, и тот, кто публично заявлял, что немцы победят, либо

сознательно лгал, либо был настолько оболванен нацистской идеологией, что просто закрывал глаза на фактическое положение вещей.

Эрих, который к тому времени стал подполковником, менял свое мнение по пять раз на день. Перепады настроения, которыми он страдал и раньше, стали сильнее и чаще, поэтому никто не мог сказать, в каком настроении он будет через пять минут. Эрих впервые признался, что пил какие-то таблетки, в том, что он зависит от таблеток. На отрезанном от внешнего мира острове, где катастрофически не хватало продовольствия и самых необходимых медикаментов, конечно же, не было и веселящих таблеток. Эрих страдал от абстиненции. Чем дальше, тем отчаяннее становилось его положение. Он оказался беззащитным перед лицом страхов, фобий и депрессии. Иногда он часами молча сидел в углу, уставившись пустым взглядом в пространство перед собой. Потом он резко пробуждался от спячки и снова становился агрессивным и деятельным. Он принимался обыскивать дом, переворачивал все шкафы и ящики, стремясь найти случайно завалившиеся таблетки. В феврале он однажды обнаружил в старом чемодане, несколько лет провалявшемся на чердаке, упаковку с двумя таблетками. С тех пор Эрихом овладела навязчивая идея: он был уверен, что в доме должны быть запасы, которые он просто не может найти. Он по сто раз искал их в одних и тех же местах, и когда Хелин спросила, не думает ли он, что какой-то добрый дух положит туда лекарство, он в ответ дал волю своему гневу.

— Ты уже говорила, что в доме ничего нет! — орал он. — Но я все-таки кое-что нашел! Так что заткнись! Ты вообще ничего не понимаешь! Ты никогда не хотела, чтобы я глотал таблетки, и теперь воображаешь, что можешь торжествовать. Но меня голыми руками не возьмешь, поняла? Я буду пить таблетки, и ты не сможешь мне помешать!

Когда ему становилось совсем плохо, он превращался во взбесившегося зверя. Он выбрасывал содержимое ящиков на пол, рылся в нем, не давая себе труда убрать все на место. Он выкидывал из шкафов платья Хелин и разбрасывал их по полу. Он бушевал на кухне и при этом нещадно бил стекло и фарфор. Устав от погрома, он усаживался посреди разбросанных вещей, тупо смотрел перед собой и бормотал: «Я знаю, что где-то они есть. Я точно знаю».

Конечно, февральское чудо больше не повторилось, никаких забытых запасов Эрих больше не обнаружил. Иногда — обычно после особенно сильной вспышки агрессии — он становился дружелюбным, впадал в благодушие, говорил, что все будет хорошо, не уточняя, правда, что именно, и строил планы на послевоенное будущее. При этом он не говорил,

каким будет исход войны, но создавалось впечатление, что он смотрит на развитие событий с большим оптимизмом.

— Я думаю, Хелин, что мы с тобой останемся на Гернси, — говорил он, — мне здесь очень нравится. На острове такой приятный климат. Как ты думаешь, не остаться ли нам здесь?

Когда он заводил такие речи, Хелин неизменно бледнела, цепенела и падала духом. Она не знала, как объяснить ему всю абсурдность этого предложения. При этом ей приходилось изо всех сил делать вид, что она с ним согласна. Чаще всего она ограничивалась тихим восклицанием: «Ах, Эрих...», и он почти всегда принимал это за согласие. Только один раз его глаза злобно сверкнули, и он нетерпеливо спросил: «Что ты хочешь сказать? Что значит: Ах, Эрих?»

Хелин, естественно, тут же потеряла дар речи.

— Я не знаю... я хотела только...

— И что ты хотела?

— Эрих...

Он угрожающе посмотрел на нее.

— Я хочу знать твое мнение, Хелин. Я хочу, чтобы ты высказала его честно, понимаешь?

— Я не понимаю, куда ты клонишь, Эрих. Я и в самом деле хотела только...

— Так скажи же, наконец, чего ты «хотела только».

— Я думаю, что после войны нам придется несладко, — сказала Хелин, собрав все свое мужество. — Мы не знаем, захотят ли жители Гернси, чтобы мы жили здесь.

— Почему это они не захотят?

— Ну... мы же оккупировали остров, и может случиться, что потом... я хочу сказать, после войны... нам нельзя будет здесь оставаться.

Он окинул ее испепеляющим взглядом.

— Значит, ты думаешь, что Германия проиграет войну?

Хелин в этот момент была похожа на загнанного в угол зверя.

— Никто из нас не знает, что будет, — прошептала она.

— Мы не знаем? Может быть, Хелин, ты этого и не знаешь, но зато знаю я! — он вышел на середину комнаты и произнес длинную пламенную речь о конечной победе, пытаясь, весьма шатко, объяснить, почему, по его мнению, конечная победа не только близка, но и неизбежна. Никто не осмеливался ему перечить. Он окриком вернул в гостиную Беатрис, которая попыталась было улизнуть в свою комнату. Потом, вспоминая эту сцену, она думала, что они с Хелин, как две примерные ученицы, сидели,

выпрямившись на стульях, слушая обрушившееся на них словоизвержение и от души надеясь, что строгий учитель не заставит их повторить сказанное. Эрих наконец иссяк и устало повалился на диван.

— Вы все равно никогда этого не поймете, — пробурчал он. — Вы не сможете ухватить суть!

— Если бы я могла где-нибудь найти эти таблетки, — не раз говорила Хелин Беатрис. — Раньше я ненавидела, когда он их глотал, а сейчас я бы сама их ему подала. Как иначе привести его в чувство?

Беатрис было шестнадцать лет, но она была не по годам зрелой девушкой и понимала, что Эрих — это бомба с заведенным часовым механизмом. До тех пор, пока он не получит свои лекарства, он останется непредсказуемым. Беатрис не покидало чувство, что все катится к какой-то ужасной развязке.

Эриху постоянно были нужны жертвы, на которых он мог бы вымещать подавленность, беспокойство и нараставшую панику. Он часто орал на Виля, который время от времени продолжал исполнять поручения начальника, но никогда — по мнению Эриха — не справлялся со своими обязанностями. Иногда громоотводом служила Хелин; он все время упрекал ее в том, что она никогда не открывает рта и вообще выглядит, как курица или напуганная громом корова. Хелин ходила по дому как тень, изо всех сил стараясь оставаться незаметной. Она и в самом деле, научилась пропадать из вида, двигаться абсолютно бесшумно и таинственным образом сливаться с фоном. Иногда Эрих по несколько часов не мог ее отыскать, хотя она находилась в доме. Было такое впечатление, что Хелин обзавелась сверхчувствительным сейсмографом, который подсказывал ей, когда в комнату войдет Эрих. Она почти всегда умудрялась за несколько минут до его появления ускользнуть из комнаты. Вибрирующая нервозность Эриха, естественно, усиливалась от того, что его жертва постоянно от него ускользала. В таких случаях он принимался искать другого козла отпущения. Больше всего доставалось в таких случаях Пьеру, французскому военнопленному. Он продолжал заниматься садом, хотя абсурдность этого занятия при катастрофическом положении острова была очевидна. Кому были теперь нужны розы, подстриженные газоны, посыпанные гравием дорожки. Пьер не имел ни малейшего понятия об огороде, и поэтому не знал, как использовать грядки и теплицы для выращивания овощей, что могло бы позволить им хотя бы иногда есть салаты или помидоры. Когда Эрих был в плохом настроении, его это страшно возмущало.

— У нас большая усадьба! — гремел он. — У нас отличная земля и

полно грядок! У нас две теплицы! Я хочу знать, почему ты не в состоянии вырастить в них что-нибудь стоящее. Почему у нас нет салата? Почему у нас нет цветной капусты? Почему у нас вообще нет ничего съестного?

Пьер, такой же истощенный, как и все — кожа да кости — мял в руках шапку. Несмотря на истощение, ему приходилось работать, и он постоянно находился на грани голодного обморока.

— Дело в том, что я не огородник, господин подполковник, — сказал он, — я этому не учился. Дома, во Франции я начал изучать историю и литературу. У меня нет ни малейшего понятия о том, как выращивают овощи. Я вырос в центре Парижа. У нашей семьи никогда не было сада. У нас не было даже балкона.

Эрих смерил Пьера взглядом презрительно прищуренных глаз.

— Сколько ты уже находишься здесь, у нас? Об этом ты имеешь понятие, или этот вопрос превосходит твои умственные способности?

— Нет, господин подполковник. Скоро будет пять лет, как я нахожусь здесь.

— Пять лет, так-так, — глаза Эриха источали нечеловеческий холод. — Надеюсь, ты согласишься с тем, что пять лет — это большой срок?

Для Пьера прошедшие пять лет были нескончаемой вечностью.

— Это большой срок, — тихо сказал он, — это очень большой срок, господин подполковник.

— Это достаточный срок для усвоения знаний, или я ошибаюсь?

— Но я...

— Не виляй, ответь на мой вопрос. Тебе не кажется, что пяти лет вполне достаточно для того, чтобы приобрести знания в той области, о которой до этого ты не имел ни малейшего представления?

— Господин подполковник, это было бы верно, если...

— Твое обучение в университете продолжалось бы ровно столько же. Или ты хотел быть вечным студентом и всю жизнь сидеть на шее у родителей? Я почти уверен, что ты человек именно такого сорта. Один из тех, кто до старости не может стоять на собственных ногах, кто всю жизнь хитрит и жульничает и досыта ест за чужой счет.

— Мне кажется, что меня здесь никто не учил, — возразил Пьер с мужеством, достойным удивления, ибо он понимал, что Эриху нет никакого дела до выяснения истины и справедливости. Единственная цель Эриха состояла в том, чтобы выпустить пар, и любые оправдания Пьера только подхлестывали его ярость.

Эрих медленно покачал головой.

— Тебе не хватало руководства и обучения? Это интересная мысль. Очень интересная мысль. Ты был уверен, что твое пребывание на Гернси станет временем обучения? Образования? Ты всерьез думал, что получишь здесь бесплатное образование? Ты понимаешь, я надеюсь, что «бесплатно» в данном случае означат «за счет немецкого народа»?

— Нет, господин подполковник, я только сказал, что...

— Ты ожидал, что немецкий народ будет финансировать образование такого, никуда не годного француза, как ты? Трудолюбивым немецким рукам больше нечего делать, как работать на твое образование? Ты полагал, что у тебя есть на это право?

Пьер не стал отвечать, поняв всю бессмысленность спора. Он опустил голову и принялся безропотно выслушивать брань, которая потоками полилась на него. Эрих закончил свой монолог тем, что объявил Пьеру, что отныне будет воспитывать его по-другому. Теперь Пьер будет получать урезанный рацион, так как до этого он слишком жирно ел, работал, спустя рукава, а жрал за троих. Теперь все будет наоборот. На его, Эриха, взгляд, люди быстро умнеют, когда они целый день заняты и у них нет времени набивать себе брюхо.

Едва ли можно было урезать рацион Пьера, но Эрих сказал, что позаботится о том, чтобы Пьер получал достаточно еды для выживания. Ему хватит, если, конечно, он не заболеет или с ним не случится чего-то исключительного. Вскоре Пьер стал еще больше похож на ходячий скелет, один вид которого вызывал острую жалость. Хелин, как всегда, сильно боялась мужа и не осмеливалась подкармливать несчастного француза, но Беатрис то и дело побрасывала ему что-нибудь съестное, хотя делать это становилось день ото дня труднее. У них самих уже практически ничего не осталось. В марте и апреле оккупанты, местные жители и пленные чувствовали, что скоро все они вместе умрут от голода.

Тридцатого апреля в имперской столице, почти целиком занятой русскими, застрелился Адольф Гитлер, а первого мая дошла до своего логического финала ситуация в занятом Фельдманами доме.

Естественно, они ничего не знали о смерти фюрера. Эту новость им никто не сообщил; возможно, этого не знали и в охваченном боями Берлине, или просто у властей не хватило мужества подтвердить упорно циркулировавшие слухи. Утром радио сообщило, что русские войска занимают улицу за улицей, но немецкие солдаты, несмотря ни на что, продолжают оказывать доблестное сопротивление. Никто не отважился произнести вслух слово «капитуляция», но Беатрис понимала, что развязка

уже на пороге. Что еще должно произойти, чтобы Германия, наконец, сдалась? Окончательная катастрофа рейха была вопросом дней.

Эрих в то утро проснулся очень рано. Уже в пять часов Беатрис услышала, как он ходит по дому. Было ясно, что Фельдман снова принялся за поиски таблеток. Беатрис слышала, как он выдвигал ящики столов, открывал шкафы, а потом начал отодвигать от стен диваны и прочую мебель. Около шести часов он стал громко звать Хелин.

— Хелин! Черт возьми, где ты прячешься? Спустись и помоги мне!

Послышался топот босых ног, потом в дверь Беатрис просунулась голова Хелин.

— Ты спишь? — громко прошептала она.

Эрих орал так громко, что мог бы разбудить и мертвого, поэтому Беатрис — как ни хотелось ей оставить Хелин наедине с ее проблемами — не стала притворяться спящей.

— Что случилось? — неохотно отозвалась она.

— Ты не спустишься вниз со мной? — снова шепотом спросила Хелин. — У Эриха, как мне кажется, ужасное настроение. Я его боюсь и не хочу быть с ним одна.

— Но звал-то он тебя, — констатировала Беатрис, — и до меня ему, кажется, дела нет.

Хелин побледнела и беспомощно заморгала глазами.

— Пожалуйста, Беатрис. Он ищет таблетки, но мы же знаем, что он ничего не найдет, и весь его гнев обрушится на одну меня.

Беатрис с удовольствием бы объяснила Хелин, что это она вышла замуж за Эриха, и, в конце концов, это ее дело — приспособливаться к его характеру, но не стала ничего говорить, так как это было совершенно бессмысленно. Сейчас был не самый подходящий момент обсуждать с Хелин ее отношения с Эрихом.

Накинув халаты, обе женщины бегом спустились на первый этаж. Эрих стоял посреди столовой у тяжелого буфета из мореного дуба. Лицо его пылало багровым румянцем, он сильно потел, источая неприятный запах. Руки его дрожали.

— А, хорошо, что вы пришли вдвоем! Нам надо отодвинуть буфет. Помнится, за него когда-то завалилась пачка таблеток. Думаю, она там лежит до сих пор.

— Ничего там не лежит, — сказала Беатрис, — и я не думаю, что нам удастся сдвинуть буфет с места.

— Мы справимся, если все втроем сразу его толкнем, — сказал Эрих. — Вы вдвоем беритесь с той стороны, а я толкну здесь. Ну, взяли!

Беатрис не помнила, чтобы этот буфет когда-нибудь сдвигали с места. Он и сейчас не поддался их усилиям. Несмотря на все усилия, они не смогли сдвинуть его ни на сантиметр.

— Это не имеет никакого смысла, — тяжело дыша, сказала Беатрис. — Мы его не сдвинем!

По лицу Эриха ручьями тек пот.

— Конечно, не сдвинем, он же доверху набит посудой. Надо все из него вытащить.

— О, мой Бог, — жалобно простонала Хелин. — Там же гора!

Эрих уже открыл все дверцы, выдвинул все ящики и судорожными движениями принялся опустошать буфет. На середину комнаты полетели сложенные скатерти и салфетки, за ними последовала посуда. В считанные минуты в столовой воцарился полный хаос. Сначала Эрих обращался с посудой довольно бережно, но потом потерял терпение, и ему стало все равно, разобьется фарфор или нет. Он швырял тарелки и чашки на пол с такой же свирепой небрежностью, как и скатерти.

Беатрис попыталась спасти то, что можно было спасти. Она стала быстро, как могла, вынимать из буфета дорогие стаканы и бокалы матери, потом праздничную посуду, которую Дебора берегла, как зеницу ока. Работала Беатрис быстро, но угнаться за Эрихом было невозможно. Большая супница со звонким грохотом ударилась о ножку стола.

Эрих громко выругался.

— Чертова супница! Кому только пришла в голову безмозглая идея натолкать сюда все это барахло? Это невозможно понять! Надо было давно навести тут порядок!

Буфет наконец опустел, а комната стала похожа на свалку. Теперь им, и в самом деле, удалось общими усилиями отодвинуть от стены тяжеленный буфет. На стене обозначился его темный контур, а с пола поднялась туча пыли.

Эрих тотчас протиснулся в щель между стеной и буфетом и принялся рыться в мусоре так старательно, словно от этого зависела его жизнь. Он кашлял и задыхался, пот тек с него потоками, он нестерпимо вонял.

— Надо отодвинуть его еще немного, — сказал он и смахнул пот со лба, — наверное, пачка лежит не у самой стены.

— Дальше мы его не отодвинем, — едва не плача, сказала Хелин. — Здесь начинается ковер. При всем желании мы не сможем этого сделать.

— Значит, надо скатать ковер, — решил Эрих.

— На ковре стоит обеденный стол, — с сомнением в голосе произнесла Беатрис. Она понимала, что остановить Эриха невозможно. Он

не успокоится, пока не перевернет вверх дном всю комнату. — К тому же на ковре гора посуды.

Глаза Эриха лихорадочно заблестели.

— Все это надо убрать, — распорядился он. — Начали! Где запропастился этот француз? Как только эта тварь нужна, она тотчас куда-то исчезает!

— Пьера привезут в семь часов, — пискляво сказала Хелин, — а сейчас только четверть седьмого.

— Я положу этому конец! — заорал Эрих. — Семь часов! Семь часов! Здесь что, санаторий?

Они вытащили стол и стулья в холл и начали выносить туда же посуду. Между тем появились охранник и Пьер, которых тут же запрягли в работу. Пьер еще не завтракал и выглядел так, будто в любой момент мог упасть в обморок. Охраннику, естественно, было понятно, что они тратят массу сил на полную бессмыслицу, но возражать он не осмелился. Избегая взглядов Хелин и Беатрис, он делал вид, что в этом мартышкином труде не было ничего необычного.

Ковер был наконец скатан и вынесен прочь, а Эрих, Пьер и охранник со скрипом выволокли буфет на середину комнаты. В воздухе повисла туча пыли, а на полу, на том месте, где стоял буфет, обнаружилась куча грязи. Не было только вожделенных таблеток. Эрих ползал по грязи на коленях и неистово ругался. Он был настолько убежден, что найдет лекарство, что жаждал его, как никогда прежде. Было видно, что за таблетку антидепрессанта он готов убить, и Беатрис была уверена, что он это сделает.

— Никто не выйдет из комнаты, — рявкнул Эрих, — до тех пор, пока не найдутся таблетки!

Все словно приросли к полу. Хелин отчаянно боролась со слезами, и было ясно, что эту борьбу она проиграет. Пьер был бледен, как полотно, последние недели он находился на грани голодной смерти, и сейчас выглядел совершенно обессиленным. Эрих оглядел всех сумасшедшими глазами.

— Никто из вас не припрятал таблетки? — спросил он и уставил немигающий взгляд на Хелин. — Они должны быть здесь, понимаете? Если их здесь нет, значит, кто-то из вас их стащил!

— Никому из нас ни за что не удалось бы сдвинуть с места буфет. Во всяком случае, вы бы это заметили, — сказала Беатрис. — Вы же сами видите, что для этого нам пришлось все вынести из комнаты!

Эрих приумолк, переваривая ее слова.

— Может быть, кто-то быстренько их схватил, когда я смотрел в другую сторону, — предположил он. — Как вам это? Такое могло быть, Хелин?

Хелин вздрогнула.

— Почему я? — прошептала она. — Почему ты думаешь, что это непременно я?

Эрих тяжело дышал. В его глазах плескалась такая ненависть, что Беатрис содрогнулась. «Как же он хочет, чтобы она провалилась ко всем чертям», — устало и удрученно подумала Беатрис.

— Почему ты? — он подошел к ней вплотную. Хелин отступила на шаг. — Почему именно ты? Потому что ты всегда причиняешь одни неприятности, потому что ты всю жизнь только тем и занимаешься, что создаешь мне проблемы. С того проклятого дня, когда я познакомился с тобой, были одни только трудности. Что еще тебе сказать? — он подошел к ней еще ближе. Хелин прижалась спиной к стене. Отступить ей было некуда, хотя она с радостью вдавилась бы в стену. — Зачем я только тебя встретил? Мне было бы гораздо лучше, если бы я прожил жизнь без тебя. Посмотри на себя. Когда ты была молоденькой девушкой, то была хотя бы аппетитной, но это осталось в прошлом. Ты уже не красива. Понимаешь? Иди, посмотри на себя в зеркало, но поосторожнее, не то до смерти испугаешься.

Хелин разразилась слезами. Его упреки были несправедливы, и, вероятно, она это понимала, но слова Эриха потрясли ее до глубины души. Хелин отскочила от стены и опрометью выбежала из комнаты. Было слышно, как она взбежала вверх по лестнице и захлопнула дверь своей комнаты.

Эрих принялся расхаживать по комнате, время от времени ударяя кулаком в ладонь. Он о чем-то напряженно думал. Наконец он остановился.

— Одевайся! — приказал он Беатрис. — Мы идем к Уайеттам.

— К Уайеттам? — переспросила Беатрис, хотя прекрасно поняла, что сказал Эрих. Мысли ее заметались. Она отчаянно искала причину, которая могла бы отвлечь Эриха от этого намерения. Жюльен до сих пор находился в доме Уайеттов, и было опасно пускать туда Эриха.

— Да, — нетерпеливо повторил Эрих, — к Уайеттам. Я уверен, что у доброго доктора найдется пара пачек таблеток, и я уверен, что он с радостью мне их отдаст.

— Я не думаю, что они у него есть. Врачи снабжаются так же плохо, как и все остальные. Думаю, что у доктора Уайетта не осталось даже таблеток от головной боли.

Но Эрих очевидно потерял всякую способность разумно рассуждать. До него никак не доходила абсурдность его плана.

— Что-то у него есть, — сказал он с тем же упрямством, с каким искал таблетки за буфетом. — Да одевайся же, наконец, Беатрис, и не копайся!

Она медленно поднялась наверх. Надо бы позвонить Уайеттам, но телефон стоит в холле, прямо возле открытой двери. Исключено, что Эрих ничего не услышит. Но, может быть, ей удастся уговорить Эриха предварительно позвонить доктору? По крайней мере, Уайетты успеют вывести Жюльена из дома, хотя, конечно, им не удастся ликвидировать все следы его пребывания на чердаке. Эриху с первого взгляда станет ясно, что на чердаке кто-то жил.

Эрих, однако, не был расположен кому-то звонить.

— Нет, черт возьми, зачем? — вызывающе спросил он. — Ну, ты готова наконец? Пошли!

Они быстрым шагом пересекли деревню. Подойдя к воротам Уайеттов, Эрих достал из кобуры пистолет.

— Здесь нам лучше зайти с козырей, — сказал он. — Я уверен, что здесь мы найдем полное понимание. Мы не выйдем отсюда без чертовых таблеток, пусть даже для этого мне придется перевернуть здесь все вверх дном.

Беатрис вознесла небесам короткую молитву и пошла за Эрихом.

Эрих топал ногами, грозил, ругался и размахивал пистолетом. Он открыл все шкафы. Выдвинул все ящики и разбросал их содержимое по комнатам. Он даже заглянул в клетки с кроликами, думая, что там могли спрятать таблетки. Он нагнал такого страха на семью доктора, что миссис Уайетт, казалось, вот-вот хватит удар. Вставшая с постели Мэй дрожала, как осиновый лист.

— Что это с ним? — прошептала она, повернувшись к Беатрис, но она не успела ответить, так как Эрих стремительно обернулся и направил оружие на Мэй.

— Всем молчать! — заорал он. — Поняли? Еще одно слово, и я стреляю!

Эдит Уайетт обняла дочь, которая уже переросла ее на целую голову, и прижала к себе, стремясь успокоить ее, как когда-то давным-давно, в другой жизни успокаивала крошку Мэй.

Доктор Уайетт изо всех сил пытался утихомирить Эриха, но тот и не собирался униматься.

— Мне нужно лекарство, — с маниакальным упрямством повторял он

снова и снова, — мне нужно это проклятое лекарство!

Беатрис умоляюще посмотрела на доктора Уайетта, но он только виновато пожал плечами и беззвучно, одними губами шепнул: «У меня действительно ничего нет!»

Это было чудо, но Эрих не полез на чердак. Он был настолько одержим, что его не смогли бы удержать, вздумай он потребовать лестницу, чтобы забраться на чердак и учинить обыск там. Но, видимо, он был настолько захвачен поиском, что не удосужился поднять голову и посмотреть на потолок. Он перерыл платяной шкаф в спальне, выбросил на кровать белье миссис Уайетт, потом перевернул матрац и долго, выпучив глаза, смотрел на ржавую сетку, словно она могла выдать ему какую-то тайну. После этого Эрих принялся за комнату Мэй, и, покончив с этим, с грохотом спустился на первый этаж. Беатрис видела, что Эдит близка к обмороку. Немцы на острове до сих пор выносили и приводили в исполнение смертные приговоры. Эдит понимала, что всю их семью расстреляют, если Эрих найдет Жюльена.

Эрих, между тем, устал настолько, что у него задрожала рука, державшая пистолет. Лицо утратило багровый цвет и стало бледным, как мел. Под глазами четко обозначились темные тени. Выглядел Эрих совершенно больным.

— Послушайте, Уайетт, — хрипло выдохнул он, с ненавистью глядя на врача. — Вы конченный человек, если я выясню, что вы лжете. Если выяснится, что у вас в доме все же есть лекарство, то я сам, лично, вас застрелю, клянусь вам!

— У меня ничего нет, сэр, — сохраняя хладнокровие, ответил Уайетт, и Беатрис удивилась безмятежности, которую буквально излучал мистер Уайетт. Должно быть, и у него душа ушла в пятки, но внешне это было совершенно незаметно. — Могу вас уверить, что в последние месяцы я получаю только самое необходимое для лечения моих больных. То, что вам нужно, к этой категории не относится.

По пути домой Эрих окончательно выбился из сил, и едва одолел крутой подъем, ведущий к дому Беатрис. За эти несколько часов он совершенно измотался. Беатрис очень надеялась, что остаток дня он проведет в постели.

Действительно, как только они вошли в дом, Эрих, не говоря ни слова, отправился в спальню и заперся там. Кухонная дверь приоткрылась, и в щель высунулась Хелин.

— Что случилось? — прошептала она.

— Доктор Уайетт не смог ему ничем помочь, — ответила Беатрис, —

но, надеюсь, теперь он успокоится. Он очень устал и, думаю, проспит несколько часов.

— Он становится все хуже и хуже, — сказала Хелин. Было видно, что она плакала. — Я не верю, что на сегодня он успокоился. Он немного поспит, а потом все начнется сначала.

— Нам надо переждать, — сказала Беатрис, — а пока надо навести порядок в столовой.

— Он ненормальный, — прошептала Хелин. Казалось, она не могла больше ни о чем думать. — Он просто больной. Его надо лечить. Что с ним будет, когда кончится война?

Беатрис от души надеялась, что после войны Эрих отправится в плен и много лет не будет никому мешать, но ничего не сказала Хелин, решив понапрасну ее не тревожить. Ей и без того плохо.

— У нас есть что-нибудь на завтрак? — спросила Беатрис.

Хелин беспомощно пожала плечами.

— У нас не осталось ни куска хлеба. Нет никаких овощей. Я сварила эрзац-кофе, и это все.

Беатрис выпила чашку кофе, больше похожего на воду. В доме не было ни сахара, ни молока, поэтому подсластить коричневатую жидкость было нечем.

Хелин, бессильно уронив руки, сидела за столом, жаловалась на Эриха, причитала, что скоро все они умрут голодной смертью, а под конец заявила, что ей все равно, есть у них еда или нет, потому что она и так не может проглотить ни кусочка.

Беатрис села на веранде и принялась смотреть в сад, где Пьер, под присмотром охранника, пропалывал грядки. Работал он медленно и часто останавливался, чтобы перевести дух. Он с утра тоже ничего не ел, и, казалось, вот-вот упадет. Охранник жевал кусок древесной коры и смотрел перед собой невидящим взглядом.

Солнце уже довольно высоко поднялось над восточным горизонтом, суля жаркий день. «Надо обратиться в столовой», — вяло подумала Беатрис, но она была настолько измотана, что понимала: на уборку у нее просто не хватит сил. Внутренний голос говорил ей, что на этот раз Хелин не ошиблась в своих мрачных прогнозах: Эрих сегодня не даст им покоя.

День обещал быть тяжелым, и дело было не в погоде — жаркой, сухой, но не душной. В доме царило какое-то тихое, медленно вибрирующее напряжение, набиравшее силу под обманчиво спокойной поверхностью. Все напоминало пресловутое затишье перед бурей, обманчивую безмятежность, одурманившую людей и природу. В этой тишине была

зловещая фальшь. Под покровом тишины зрело что-то страшное и жуткое.

Около трех часов дня охранник упал в обморок. Солдат весь день просидел на бревне, сдирал с него кору и меланхолично ее жевал. Как и всем на острове, есть ему было нечего. С утра он был очень бледен, но здесь давно не видели краснощеких здоровяков, и эта бледность не особенно бросалась в глаза. С полудня охранник перестал понукать Пьера, и Беатрис решила, что и он, наконец, проникся сочувствием к несчастному Пьеру, который окончательно выбился из сил, и понуждать его к физическому труду было просто бесчеловечно. Пьер прилег в тени яблони и, закрыв глаза, время от времени отирал со лба пот. Дышал он часто и поверхностно.

Охранник встал — видимо, решив пойти за водой, — еще сильнее побледнел и грохнулся на землю. Падал он, как в замедленной съемке, — неотвратно и беззвучно. Упав, солдат больше не шевелился.

Беатрис, которая все еще сидела на веранде, борясь с безжалостной слабостью, встала.

— Что это с ним? — спросила она.

Пьер с трудом поднялся, подошел к охраннику и присел рядом с ним.

— Голодный обморок, — сказал Пьер. — Он без сознания.

Беатрис во все глаза уставилась на пленного француза, но тот в ответ лишь устало улыбнулся.

— Нет, мадемуазель, спасибо, — он прекрасно понял, чего ждала от него девушка. — Я не убегу. Не знаю, куда бежать, да, к тому же, я слишком слаб. Я остаюсь. Скоро все и так кончится.

— Надо перенести его в тень, — сказала Беатрис. Собравшись с силами — которых у обоих оставалось не слишком много — они подтащили бесчувственного охранника к яблоне, под которой только что лежал Пьер. Беатрис принесла кружку холодной воды, смочила солдату лоб и растерла запястья.

— Надо позвать врача, — нерешительно сказала Беатрис, — что-то он долго не приходит в себя.

В этот момент охранник открыл глаза и, ничего не понимая, посмотрел на Пьера и Беатрис. Веки его дрожали.

— Что со мной? — спросил он.

Не успела Беатрис ответить, как охранник снова закрыл глаза, вздохнул и отключился.

— Я позвоню доктору Уайетту, — Беатрис вскочила на ноги. От этого быстрого движения в глазах у нее потемнело. Девушка пошатнулась и

ухватилась за яблоню, чтобы не упасть. Закрыв глаза, она немного постояла, дожидаясь, пока пройдет головокружение. Когда она наконец открыла глаза и обернулась, то сразу увидела вышедшего на веранду Эриха. Он был бледен как смерть и держал в руке пистолет. За ним, как маленькая жалкая тень, жалась Хелин с лицом, оцепеневшим от страха.

События разворачивались с такой быстротой, что Беатрис только потом удалось вспомнить их последовательность и понять, что же, собственно, происходило.

Эрих спустился с веранды в сад и направил оружие на Пьера, который, по-прежнему, лежал в траве рядом с охранником.

— Ну, теперь, — сказал Эрих, — ты от меня не уйдешь.

Пьер не делал ни малейшей попытки бежать, и мысль о его бегстве могла возникнуть только в воспаленном воображении осатаневшего Эриха, быстро пришедшего в ярость.

Хелин вскрикнула от ужаса. Этот крик был больше похож на писк испуганной птички. Он возник и замер, и Эрих не обратил на него никакого внимания.

«Не делай этого!» — мысленно закричала Беатрис. Трагедия надвигалась неумолимо, но Беатрис была не способна ни словом, ни делом остановить ее. Все застыли на месте, парализованные ненавистью, бурлившей в глазах Эриха.

Эрих выстрелил в Пьера, но промахнулся. Пуля ударила в землю рядом с ним. Пьер не пошевелился.

— Беги! — закричала Беатрис. — Беги же!

Эрих выстрелил еще раз. На этот раз он попал Пьеру в ногу. Молодой француз вскрикнул от боли и прижал руку к ране. Пуля попала ему чуть ниже колена. Пьер, наконец, начал двигаться и попытался уползти прочь от Эриха по траве, но шансов уйти у него не было, потому что впереди была заросшая травой лужайка, на которой Пьер представлял бы собой отличную мишень.

— Пистолет! — не выдержав, крикнула Беатрис. — Пьер, пистолет! Стреляй! Стреляй в него!

Несмотря на охватившую его панику, Пьер понял, что имела в виду Беатрис — оружие бесчувственного охранника. Пьер повернулся и подполз к солдату.

Эрих выстрелил еще раз. Пуля снова попала Пьеру, который уже успел вытащить из кобуры пистолет охранника, в ногу и швырнула его на землю.

Эрих сделал еще два шага вперед.

«Он наслаждается, — подумала Беатрис, взглядевшись в выражение лица Эриха, — он наслаждается этой игрой».

Эрих ждал. Он ждал, когда серый от боли Пьер соберется с силами, ждал, когда он поднимет выпавший из руки пистолет, ждал, когда француз снимет оружие с предохранителя и направит на него.

Они выстрелили одновременно.

На этот раз Эрих промахнулся. Пуля взметнула фонтанчик земли довольно далеко от Пьера.

Но сам Эрих в этот момент рухнул на землю, как срубленное дерево. Он упал и не шевелился.

Наступила неестественная, поистине мертвая тишина. Умолкли даже щебетавшие в саду птицы, напуганные выстрелами. Тишина стояла такая, словно мир затаил дыхание. Солнце освещало призрачную сцену с тремя лежавшими в траве мужчинами и двумя застывшими на месте женщинами, толком не понявшими, что произошло. На сцене лежали и два пистолета, как реквизит, с точным расчетом положенный на нужное, предназначенное ему место.

Декорация кульминационной сцены драматического спектакля. Актеры не знают, что делать дальше, ибо режиссер забыл дать им дальнейшие указания. Немая сцена с застывшими в недоумении актерами.

3

— Так значит в Эриха выстрелил Пьер! — воскликнула Франка. — Значит, Эрих не застрелился.

— Да, он не застрелился, — подтвердила Беатрис. В ресторане между тем зажгли лампы. В их красивом теплом свете лицо Беатрис уже не казалось таким жалким, каким оно выглядело в начале вечера, но в глазах ее застыло выражение печали и боли. — Пьер защищался, но это бы ему несколько не помогло. Если бы немцы узнали об этом, его бы расстреляли на месте. Надо было как можно скорее что-то делать.

— Эрих был убит?

Беатрис отрицательно покачала головой.

— Нет. Эта часть истории соответствует действительности. Эрих не был убит, но было ясно, что без медицинской помощи у него не было никаких шансов выжить — пуля прошла над сердцем.

— Охранник...

— ...слава Богу, был без сознания и ничего не видел и не слышал. В противном случае всем нам был бы конец.

— Что вы стали делать? Как вы справились с ситуацией?

— Пьер потерял очень много крови, — ответила Беатрис, — и я сказала, что надо немедленно позвать врача. Пьер окончательно впал в панику; мы не знали, как объяснить то, что случилось, и Пьер боялся за свою жизнь, так как врачу, если он придет, надо будет объяснить, что произошло. Мы с Хелин затащили его на кухню, и пока Хелин перевязывала ему две раны на ноге, чтобы остановить кровотечение, я пошла посмотреть, что с Эрихом. Он тихо стонал, но был практически без сознания. Охранник пока не шевелился, но было ясно, что рано или поздно он придет в себя, и до этого нам надо что-то придумать. Я вернулась в дом и сказала Хелин, что она должна помочь мне втащить в дом Эриха. Тащить его оказалось труднее, чем Пьера — он помогал нам, ковыляя в дом, а Эрих безвольно висел на наших плечах. Сама не знаю, как, но мы смогли втащить его в столовую. Он лежал на полу, как труп. Он тоже терял кровь, но не так, как Пьер, раны которого очень сильно кровоточили, несмотря на наложенные Хелин повязки. Мы с ней принялись обсуждать, что нам делать дальше, когда я посмотрела в окно и увидела, что к дому ковыляет охранник. Если бы он вошел и увидел устроенный нами лазарет, то, конечно, поднял бы крик и стал звать на помощь. Пускать его в дом было

нельзя ни в коем случае, и я выбежала на крыльцо.

— В саду была кровь? — спросила Франка. — Вы же тащили Пьера по траве и...

— Конечно, в саду была кровь, — сказала Беатрис, — и ее заметил бы всякий, сохранивший ясность зрения. Но охранник сам был на грани полного физического истощения. Казалось, что он вот-вот снова упадет в обморок. Его сильно шатало. Он не мог идти прямо. Если бы он заметил кровь, то, наверное, решил бы, что у него галлюцинации.

— Разве он не испугался, увидев, что нет пленного?

— Конечно, испугался, но не забывайте, что при этом ему надо было изо всех сил бороться с собственной дурнотой. Ему, и в самом деле, было очень плохо. К счастью, он не смог одолеть четырех ступенек крыльца, сел на нижнюю ступеньку, обхватил руками голову и застонал. Я сказала ему, чтобы он не тревожился, так как Эрих держит все под контролем. Я сказала охраннику, что за ним сейчас приедут и отвезут в часть. Надо просто посидеть и немного подождать, — Беатрис помолчала, снова видя перед своим мысленным взором ту картину. — Мне бы следовало дать ему воды, — снова заговорила она, — но я боялась, что от воды у него прибавится сил, и он все-таки зайдет в дом. На кухне лежал Пьер, и охранник сразу бы наткнулся на него.

— Как же вы смогли от него избавиться?

— Хелин позвонила Вилю и попросила его приехать. Виль явился тотчас. Мне надо было срочно принять решение — посвящать Виля в то, что случилось на самом деле, или нет. Я понимала, что мне будет нелегко всучить ему охранника и отправить с ним с глаз долой. Виль бы захотел узнать, где Пьер, и знает ли обо всем этом Эрих. Виль наверняка захотел бы переговорить со своим начальником. Я пошла на риск и вкратце рассказала Вилю все.

Франка задумчиво посмотрела на пожилую собеседницу.

— Вы принимали решения, которые обычно бывают не под силу шестнадцатилетней девушке, — тихо сказала она.

— Того требовала ситуация, — возразила Беатрис. — Я не могла просто сложить руки, сесть в уголок и заплакать. На Хелин, как и всегда, я положиться не могла. Она еще смогла как-то мне помочь — мы вместе втащили раненых в дом, но потом Хелин скисла. Она так и не осмелилась войти в столовую, и все время сидела на кухне возле Пьера, меняя совершенно бесполезные повязки и с ужасом глядя на расплывавшуюся по полу лужу крови. Хелин дрожала, как осиновый лист. Силы почти совсем ей изменили.

— В какой-то степени, — сказала Франка, — могу себе это представить.

— Да, конечно. Таким образом, решать эту проблему выпало одной мне. Я должна была все организовать, и если бы я допустила ошибку, то Пьера можно было считать покойником. Хотя война уже практически кончилась и исход ее был предрешен, Пьера бы расстреляли на месте. Немцы свирепствовали до самого конца.

— Как воспринял Виль ваш рассказ?

— Мой расчет оправдался. Виль не был нацистом. В принципе, он сказал мне об этом в самом начале оккупации, летом и осенью сорокового года, когда он на чердаке учил меня немецкому языку. Я исходила из того, что он не захочет выдать Пьера на расправу. Я рассказала ему, что случилось, и что теперь нам надо каким-то образом вызвать врача. «И что вы скажете врачу?» — спросил Виль, и я ответила, что об этом мы пока думаем. Но самое главное — это убрать охранника, пока он ничего не сообщает. Виль помог нам, взяв на себя большой риск. Он не должен был по просьбе какой-то шестнадцатилетней девчонки забирать охранника, не поговорив с Эрихом. Но он понимал, правда, что ему не грозит смертная казнь, и, к тому же, он надеялся, что с нацистами будет покончено, прежде чем его призовут к ответственности.

— Значит, вы и Хелин остались одни с Пьером и Эрихом?

— Да, мы остались с ними одни. Я постаралась вместе с Хелин составить план действий, но она могла только плакать, потеряв всякую способность думать. Она никак не хотела идти к Эриху. Я сама пару раз заглянула к нему. Он был без сознания и тихо стонал. Я сказала Хелин, что он, наверное, умрет, если мы не вызовем врача, но Пьер тут же сказал, что умрет он, если мы вызовем врача... Но ближе к вечеру стало понятно, что Пьер не выживет. Он истекал кровью у нас на глазах. Кухня выглядела так же, как ванная, когда Хелин перерезала себе вены, пытаясь покончить с собой. Я пошла к телефону и позвонила доктору Уайетту.

— Вы дозвонились? — тихо спросила Франка.

Беатрис кивнула.

— Да, я дозвонилась, и он сразу приехал.

ГЕРНСИ, 1 МАЯ 1945 ГОДА

Доктор Уайетт приехал около пяти часов и быстро оказал первую

помощь Пьеру, который был уже почти в агонии.

— Его надо отвезти в госпиталь, — сказал он. — Беатрис, позвони туда. Они должны прислать машину, если, конечно, у них еще есть бензин.

Беатрис позвонила в госпиталь и вернулась в кухню.

— Как это произошло? — первым делом спросил доктор Уайетт.

— Мой муж начал в него стрелять, — сказала Хелин. Беатрис заметила, что Хелин перестала плакать. — Сегодня он... ну, он был...

— Я знаю, каким он был сегодня, — сухо перебил ее доктор Уайетт. — Утром я имел удовольствие видеть вашего супруга, — он остановил кровотечение, но Пьер был уже больше похож на мертвеца, чем на живого человека. — Господи, почему вы не позвонили мне раньше? — он не стал дожидаться ответа и спросил: — Где мистер Фельдман?

Беатрис открыла было рот, чтобы сказать, что Эрих находится за стенкой и тоже борется со смертью, но прежде чем она успела вымолвить слово, заговорила Хелин. Голос ее звучал на удивление уверенно и спокойно.

— Мы не знаем, где он, — сказала она. — После стрельбы мой муж ушел из дома. Он был совершенно не в себе, мы не смогли его остановить.

Уайетт вполне удовлетворился этим ответом. Он только кивнул в ответ и снова занялся больным. Беатрис, ничего не понимая, смотрела на Хелин. Та ответила ей безмятежным взглядом. «Она не хочет его спасать, — подумала Беатрис. — Боже мой, она просто бросила его умирать».

У Беатрис едва не подкосились ноги. Она поспешно села на стул и стала смотреть, как доктор Уайетт старается сохранить Пьеру жизнь и ждала, когда же, наконец, приедет машина из госпиталя. При этом Беатрис обуревали и другие мысли: Что сейчас происходит в голове Хелин? Почему она солгала Уайетту? Она приговорит Эриха к смерти, если оставит его лежать в соседней комнате без помощи. Надо ли вмешаться? Сказать, что Хелин сказала неправду? Что?..

«Может быть, — подумала она, — Хелин руководствовалась той мыслью, которую Беатрис высказала еще днем в лихорадке происходившего на их глазах ужаса: спасти Эриха — это значит неизбежно погубить Пьера. Выживший Эрих его уничтожит».

«Неужели, причина в этом, — засомневалась Беатрис. — Пожертвовать Эрихом, чтобы спасти Пьера? Пожертвовать мужем ради французского военнопленного и раба?»

Вскоре приехала госпитальная машина, и Пьера увезли. Вслед за ними уехал и доктор Уайетт на своей машине. Когда она исчезла из вида, свернув за поворот, на дом и усадьбу снова опустилась первозданная тишина.

Теперь обе женщины остались одни с Эрихом Фельдманом.

Беатрис искоса взглянула на Хелин.

— Почему ты это сделала? — спросила она. — Почему ты сказала, что Эрих ушел? Почему ты?..

— А что еще я должна была сделать? — вопросом на вопрос ответила Хелин.

— Это из-за Пьера? Ты хотела его спасти?

— Нет, я не хотела спасти Пьера. О нем я, вообще, не думала.

— Но?..

— Я думала о себе, — сказала Хелин. — Я хотела спасти себя.

Беатрис во все глаза уставилась на Хелин. Она не могла понять, о чем та говорит. По сути, она только что сказала, что решила дать мужу умереть, чтобы раз и навсегда от него избавиться. Беатрис показалось, что она оказалась в каком-то нереальном страшном сне наяву. Хелин целый день плакала, дрожала и жаловалась, что больше этого не выдержит, а теперь, сохраняя полное хладнокровие, заявляет, что без колебаний бросит своего мужа умирать, чтобы избавиться от него до конца своих дней.

— Мы не можем этого допустить, — сказала Беатрис, снова обретя дар речи. — Это... очень похоже на убийство.

Слово «убийство» повисло в воздухе, как чужеродный предмет, о котором никто не имел никакого представления, за исключением того, что этот предмет источал угрозу и ужас.

— Либо Пьер, либо Эрих, — сказала Хелин, но ее мотив был другим, и это было самое худшее.

— Пойдем, посмотрим на него, — только и смогла вымолвить Беатрис.

Эрих лежал на полу в убранной столовой, посреди которой криво стоял буфет. Они подложили под Эриха одно одеяло и укрыли его другим. Лицо Эриха приобрело желтоватый оттенок — он продолжал понемногу терять кровь. Дыхание его было частым и поверхностным, но он был в сознании и повернул голову, когда женщины вошли в столовую.

— Ублюдох, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Проклятый ублюдох. Где он? Он не должен уйти.

Беатрис сразу поняла, что он говорит о Пьере, и то обстоятельство, что Эрих — по крайней мере, сейчас — отчетливо знал, что произошло, делало для Пьера вызов врача и в самом деле смертельно опасным.

«Но мы не можем бросить и Эриха на произвол судьбы», — содрогнувшись, подумала Беатрис.

Эрих попытался сесть, но не смог. Голова его бессильно упала на одеяло.

— Больно, — прошептал он, — мне больно. Мне нужен врач.

— Мы не можем его вызвать, — сказала Хелин. Она опустилась на колени рядом с Эрихом и положила руку ему на лоб. Выглядела она в этот момент как настоящая добрая самаритянка. — Все врачи в разъездах, и мы не можем до них дозвониться. Но мы продолжаем звонить.

— Госпиталь, — с трудом произнес Эрих. — Отвезите меня в госпиталь.

— У нас нет машины, — мягко ответила Хелин.

— Пусть приедет Виль.

— Мы не знаем, где он. Мы никому не можем дозвониться. Лежи спокойно. Я уверена, что сегодня вечером приедет доктор Уайетт!

— До вечера я не доживу, — невнятно пробормотал Эрих. Лицо его было покрыто тонкой пленкой пота. Он потерял много крови, а теперь его начала мучить и боль, которую раньше притуплял шок. Пуля пробила мышцы, нервы, и, вероятно в ключья разорвала легкое. Эрих начал плакать, как ребенок. К боли примешивалось чувство страха и нараставшая лихорадка.

Единственным желанием Беатрис было заткнуть уши и закрыть глаза.

— Хелин, — сказала она, — это бесчеловечно, — я не могу этого вынести, я...

Странным образом эти две женщины в каком-то смысле поменялись ролями. Теперь взрослой была Хелин — она владела ситуацией, у Беатрис же совершенно сдали нервы, и она не знала, что делать дальше.

— Выйди из комнаты и займись чем-нибудь полезным, — жестко приказала Хелин. — Постарайся что-нибудь приготовить. Я останусь с Эрихом.

— Но...

— Выйди отсюда, — резко повторила Хелин таким тоном, какого Беатрис ни разу от нее не слышала. Для Хелин сейчас решалось все. Она была преисполнена решимости освободиться от Эриха, и она проявила силу, о которой едва ли раньше можно было догадываться.

Беатрис встала и выскользнула из комнаты. В саду было жарко и сухо, солнце начинало клониться к западному горизонту. Не было ни ветерка, не шевелились ни листья, ни травинки. Беатрис села на ступеньки, ведущие с веранды в сад, и уронила голову на руки. Надо было встать и пойти в деревню. Может быть, кто-нибудь из крестьян продаст ей пару яиц и кусок хлеба, но Беатрис боялась, что по ее виду люди смогут догадаться, что произошло в их доме. Все сразу поймут, что Эрих лежит в столовой и умирает, что приезжал врач, но ему ничего не сказали, что Хелин решила

дать Эриху умереть и раз и навсегда от него избавиться.

«Кошмар, — беспомощно и уныло подумала она, — жуткий кошмар, который неизвестно как закончится».

Ее качало от голода, но есть она не хотела, да и не могла. Сейчас она была убеждена, что не сможет есть вообще никогда. Она наконец встала, и, спотыкаясь, прошла на кухню, чтобы попить воды, но вместо этого села на стул и стала ждать, что будет дальше. Она ждала, что что-то произойдет, хотя и сама не понимала, что именно должно произойти.

Около половины шестого Эрих начал громко стонать. До этого в столовой было тихо. В сад не доносилось ни одного звука, и только войдя в кухню, Беатрис расслышала какое-то невнятное бормотание. Хелин и Эрих о чем-то тихо разговаривали друг с другом, и Беатрис даже подумала, что, может быть, не все так плохо. Но потом Эрих застонал, и она поняла, что настоящая агония только началась.

— Последняя фаза умирания длилась около часа, — сказала Беатрис. Жуть того дня ясно прочитывалась в ее глазах, и Франка отчетливо это видела. — Когда человек часами молит о помощи, когда он изо всех сил сопротивляется смерти, хотя и знает, что она уже схватила его и уже не отпустит, тогда такие часы кажутся нескончаемой вечностью, превращаются в годы. Время тянулось, Эрих продолжал стонать, и мне казалось, что я этого не вынесу. Я убежала в сад, бросилась ничком на землю и зажала уши. Я молила Бога, чтобы все это поскорее кончилось. Наверное, Эрих ужасно страдал. Ему не дали ни морфия, ни эфира — ничего. Он должен был терпеть муки до самой смерти.

— И Хелин до самого конца оставалась с ним? — спросила Франка.

Беатрис кивнула.

— Она выдержала. Бог знает, кто или что придало ей сил. Я бы этого не вынесла. Я вообще не знаю человека, который бы это вынес. Эрих мучительно умирал, а она не просто сидела рядом, она железной рукой претворяла в жизнь свой план. Я все время думала: вот сейчас она не выдержит. Она вызовет врача. Только чудовище могло сейчас отказать ему в помощи... Но Хелин не была чудовищем. Она была нервной, сентиментальной и уязвимой и жалостливой личностью, которая своими причитаниями и жалобами заставляла других таскать за нее каштаны из огня и всячески о ней заботиться. Она вообще была не в состоянии принимать решения и брать на себя ответственность. Но она без колебаний вошла в столовую и проследила за тем, чтобы Эрих умер, и не сделала ничего, ровным счетом ничего, чтобы спасти его от смерти.

Франка допила вино. Оно стало теплым и противным, нагретым за два часа от солнца и ладоней Франки, которая все время разговора вертела бокал в руках.

— Я не думаю, что она была такой, — сказала она. — Я имею в виду, что она не была нервной и сентиментальной личностью... Хелин очень хорошо знала, чего хочет. Она знала это лучше, чем Эрих или вы. Она сделала свою жизнь так, как ей хотелось: она осталась на Гернси, она осталась в доме, она — с вами и Аланом — составила маленькую семью. В сущности, все сложилось так, как она хотела. У нее была определенная стратегия: стань маленькой и слабой, проси и жалуйся, и заставляй других делать то, что тебе угодно. Она примирилась с тем, что ее считали слабой и

презирали, так как для нее был важен результат, и она его добилась — в полном соответствии со своими представлениями. Ее поведение в отношении Эриха полностью укладывалось в ее логику, но, в данном случае, ей пришлось поменять тактику. Она не могла сидеть и плакать, потому что в таком случае Беатрис не выдержала бы и перечеркнула все ее планы. Хелин должна была проявить активность, которая всегда была ей свойственна. Просто в тот момент эта активность стала явной и видимой. Хелин превосходно разыграла свою партию. В тот день она не была другой, Беатрис. Она была той же самой Хелин, что и всегда. Она приняла решение и выполнила его. В ее поведении не было абсолютно ничего необычного.

Беатрис повертела в руках пустой бокал.

— Да, — тихо сказала она, — это так, Франка. Она была сильна. Эгоистична. Коварна. За всю жизнь я так этого и не поняла. Я поняла это в тот день, когда Хелин похоронили, и то только потому, что Кевин рассказал мне, что еще произошло первого мая сорок пятого года.

Франка задумчиво наморщила лоб.

— Что же там еще произошло? Я хочу сказать, что вообще могло тогда произойти, о чем бы вы не знали?

Беатрис наклонилась и приблизила свое лицо к лицу Франки. Вид у нее был совершенно измученный, говорила она почти шепотом.

— Я хотела бы для начала удостовериться в одной вещи, Франка. Вы — первый человек, которому я рассказала правду — правду о смерти Эриха. Кроме доктора Уайетта, которого мы были вынуждены посвятить в эту тайну, чтобы покончить со всей этой историей. Но Уайетт, который к тому же почти всю войну прятал Жюльена, был частью нашего заговора, был частью того времени и дел, к которым то время принуждало людей. Но кроме него — никому. Никому. И я хотела бы знать, что вы обо всем этом думаете, Франка. Как вы к этому отнеслись? Что вы думаете о Хелин и обо мне, о людях, которые это сделали? Стали ли мы в ваших глазах убийцами? Считаете ли вы, что мы — убийцы?

Она раздумывала над этим вопросом, идя по набережной Сент-Питер-Порта, заглядывая в кафе, бары и рестораны в поисках Алана, окидывая взглядом стоявшие по тротуарам скамьи. Над гаванью сияли огни, и в городе было светло, как днем. Но, конечно, Алан мог сидеть где-нибудь в укромном уголке, или вообще уехать на другой конец острова.

Она отправила Беатрис домой, потому что выглядела она ужасно — пожилая женщина была измотана, бледна и обессилена, и Франка решила, что нет никакого смысла заставлять ее бродить по городу. Она и без того

потратила массу сил на рассказ о смерти Эриха.

— Знаете что, — сказала Франка. — Поезжайте домой и ложитесь отдыхать. Иначе вы просто упадете, а это совершенно никому не нужно. Я сама поищу Алана.

Беатрис, конечно, начала энергично протестовать.

— Ни в коем случае, Франка. Вдвоем искать легче, чем одной. Кроме того, у вас не будет машины, если я поеду в Ле-Вариуф на вашей!

— У меня будет машина — ваша, когда я найду Алана.

— А если вы его не найдете?

— Тогда я возьму такси, так что не вижу здесь никакой проблемы.

Беатрис сдалась. Ее внешность не обманывала, она и в самом деле отвратительно себя чувствовала.

— Но вы привезете его? — удостоверилась она еще раз.

— Я непременно его привезу, — пообещала Франка. — Можете на меня положиться.

Пока она нигде не смогла найти Алана, и начала уже опасаться, что ей придется вернуться домой без него. «Бедная Беатрис, — подумалось ей, — она же, в таком случае, всю ночь не сможет сомкнуть глаз».

Несколько раз она обернулась, чтобы полюбоваться сказочным видом ярко освещенного замка Корнет. Ночь была теплой, на улице по-прежнему было многолюдно, было такое впечатление, будто она находится в каком-нибудь южном курортном городе.

В голове у нее кружилось слово «убийцы».

— Вы и Хелин не были убийцами, — сказала она Беатрис, когда они еще были в «Террасе». — Выстрел, убивший Эриха, произвели не вы, а Пьер. То, что сделали вы, называется неоказанием помощи.

Беатрис резким жестом отмахнулась от этого утешения.

— Мне не нужно юридическое определение того, что я сделала, меня интересует моральная сторона дела. И мы обе превосходно понимаем, что это было убийство, не так ли? Мы не можем его приукрасить.

— Но вы же не можете отрицать, что спасение Эриха означало убийство Пьера. Но Пьер был куда более невинной жертвой, чем Эрих.

— Но нашим мотивом было не спасение Пьера. Меня же интересует то, что мы чувствовали в глубине души. Внешне мы — и я это понимаю — выглядели не так уж плохо. Эрих был нацистским бонзой. На его счету были преступления, он душой и телом, верой и правдой служил своему преступному режиму. И мы, на самом деле, спасли Пьера — молодого французского военнопленного, которого Эрих годами мучил и унижал. Думаю, никто не осудил бы нас за то, что мы сделали. Но я-то знаю, что не

за верность Гитлеру мы оставили Эриха умирать, и не из-за Пьера. Просто Хелин хотела от него освободиться. Она вышла замуж не за того человека и не знала, как ей выйти из этого положения. Как только Хелин представилась возможность, она тотчас за нее ухватилась и использовала. Так просто, и ничего героического. Обычное убийство опостылевшего супруга, которое — ни в малейшей степени — не имеет отношения к войне, преследованиям или бедствиям того времени.

— Но какой мотив был у вас? — спросила Франка, и Беатрис ответила ей удивленным взглядом.

— Мой мотив?

— Да. Вы рассказали мне о мотиве Хелин, но каков был ваш мотив? Юная Беатрис была сильной и умной девушкой, зрелой личностью, что она не раз доказывала делом. Вы могли незаметно выскользнуть из дома и привести врача, вместо того чтобы лежать в саду и затыкать себе уши, чтобы не слышать предсмертных стонов Эриха.

Сейчас, стоя на набережной, Франка вспомнила ответ Беатрис — простой, ясный и искренний.

— Моим мотивом была месть. Мечь за оккупацию моего острова. Мечь за изгнание моих родителей. Мечь за годы, которые он незаконно провел в моем доме. Я не убила его собственноручно, но не видела никаких причин не дать ему умереть.

«Да, — подумала Франка, — это можно понять. Никто не сможет упрекнуть за это Беатрис. Никто бы этого не сделал. Но она не смогла себе этого простить. Она не смогла покончить с этим в своей душе».

— Вы посвятили в это дело и доктора Уайетта? — деловито спросила Франка, просто для того, чтобы что-то сказать. Она не ждала ответа от Беатрис, но она заговорила сама.

— Мы были вынуждены ему все рассказать. Он не мог теперь сказать, что из-за Пьера уже был в доме. Он выписал на Эриха свидетельство о смерти, в котором было сказано, что Эрих хотел убить себя выстрелом в голову, но не смог этого сделать и выстрелил себе в грудь. Пуля прошла чуть выше сердца. Доктор Уайетт позаботился о том, чтобы труп увезли и похоронили. Он пообещал нам, что будет хранить тайну о том, что в действительности произошло в первый день мая сорок пятого. Ему мы, конечно, сказали, что хотели спасти Пьера. Уайетт воспринял это, как безвыходную ситуацию, в которой мы поступили единственным разумным способом. Он был очень благодарен нам, что мы ничего ему не сказали, когда он приехал к нам днем, так как ему было бы очень трудно поступиться своим врачебным долгом и клятвой и отказать в помощи

Эриху. Но он ничего не знал, и поэтому его совесть абсолютно чиста. Уайетт сказал, что обо всем поставит в известность жену, так как она знала, что он был в пять часов у Пьера, а потом все время находился дома, и до него вполне можно было дозвониться. Миссис Уайетт крепко хранила эту тайну всю жизнь и хранит ее до сих пор. Сейчас ей девяносто, и думаю, что она уже никогда и никому ничего не скажет.

«Пять человек, — думала Франка, — пять человек знали эту тайну и молчали. И именно она, эта тайна, привязывала ее к Хелин крепче, чем она сама думала. Они вместе совершили преступление. Это преступление сковало их одной цепью, пусть даже они сами этого не сознавали».

Она пошла дальше и вдруг увидела сидящего на скамье человека. Еще не видя его лица, она поняла, что это Алан.

Она успела уже довольно далеко отойти от «Террасы» и оказалась на широкой улице, спускавшейся к пирсу, с которого на паромы грузили автомобили туристов. На больших щитах были написаны названия паромных связей и указаны полосы, на которые надо перестраиваться. В этот ночной час здесь почти никого не было. Большие люминесцентные лампы отбрасывали синеватый свет на парковки и опустевшие учреждения. Волны тихо бились в каменную облицовку набережной.

Она подошла к Алану и нерешительно сказала:

— Алан? Мы вас уже потеряли.

Он обернулся и посмотрел на нее.

— Ах, Франка, это вы. Что вы здесь делаете в такой поздний час?

Она с удивлением поняла, что Алан не пьян. Нет, он, конечно, выпил в течение дня пару бокалов вина, но это была пренебрежимо малая величина. Поход по кабакам, которого так боялась Беатрис, видимо, сегодня не состоялся.

— Я сказала, что мы вас потеряли — ваша мама и я.

— Где мама?

— Я отправила ее домой. Она сегодня неважно себя чувствует. Хелин и... все прочее, — она сделала неопределенный жест. — Да вы и сами знаете.

— Да, я знаю.

Он принялся снова смотреть на воду, и Франка, недолго поколебавшись, села рядом с ним.

— Вы не хотите поехать домой? — спросила она. — Не можете же вы просидеть здесь всю ночь.

— Который теперь час?

— Уже двенадцатый час. Если точно, то половина двенадцатого.

— Не знаю. Я бы посидел здесь еще немного.

— Беатрис сильно волнуется.

Он желчно рассмеялся.

— Держу пари, она думает, что я надрался до посинения! И поэтому решила прочесать Сент-Питер-Порт, не так ли? Ради этого вы жертвуете своим временем и ночным отдыхом. Мама думает, что я шатаюсь по улицам или упал в воду.

Первым побуждением Франки было возразить: «Нет, что вы, мы просто тревожились за вас, потому что вы долго не возвращались!» — но потом решила, что это будет слишком фальшиво и нечестно.

— Разве это удивительно, что она так думает? — спросила Франка. — Не думаю, что вам стоит на это обижаться.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, обижаться мне не на что.

— Но вы не пьяны, — сказала Франка. — Ваша мама испытает большое облегчение.

— И очень удивится, — сказал он. — В первую очередь, удивится.

Он снова отвернулся.

— Может быть, мне лучше уйти, — спросила Франка, — и оставить вас в покое?

Он довольно долго молчал, и Франка уже собиралась повторить вопрос, а потом вдруг неожиданно сказал:

— Я расстался с Майей. Окончательно и бесповоротно.

— Почему? — спросила Франка и в следующий момент едва не влепила себе пощечину за такую бестактность. Она знала Майю, знала, что она сделала Алану. И Алан знает, что она это знает. «Каким глупым показался ему мой вопрос», — подумала она. Но Алан, помолчав заговорил совершенно спокойно.

— Она еще более испорчена, чем я думал. Она делала куда худшие вещи, чем я мог предполагать. Я тратил время, силы и любовь на обыкновенную... — он не закончил фразу и после паузы сказал: — Собственно, теперь уже все равно.

— Майя молода и легкомысленна, — сказала Франка. — Вероятно, она станет нормальным человеком, когда хорошенько перебесится.

— Не знаю. Честно говоря, я в этом сомневаюсь. Она сегодня кое-что рассказала мне о себе. Любой нормальный человек осудит ее за это. У нее нет морали, Франка, нет, ни в малейшей степени. У нее нет чувства чести, у нее нет гордости, которую обычно теряют вместе с честью. У нее нет моральных границ, она не останавливается ни перед чем. Чувства других

людей интересуют ее не больше, чем придорожная пыль. Ей безразличны понятия о чужой собственности, а уж о таких замшелых вещах, как закон и порядок, она и вовсе не имеет понятия. Эти ценности не имеют в ее глазах никакого значения. Это не только юношеское легкомыслие или потребность прожигать жизнь. Это ее характер — безнравственный и бесчестный. Господи, и я любил эту женщину, — Алан говорил тихим надтреснутым голосом. — Я и в самом деле любил эту женщину.

Франка не имела ни малейшего понятия, что мог узнать Алан о Майе, но поняла, что он потрясен до глубины души и находится на грани срыва. Ему было настолько плохо, что он уже не искал утешения и успокоения в алкоголе, ибо в этом случае он до утра осел бы в каком-нибудь кабаке. Франку тронуло его отчаяние, и она сказала:

— Это очень плохо, я знаю. Это очень тяжело вдруг узнать о человеке всю его подноготную. Это не обязательно должно быть что-то драматичное. Думаю, что это всегда тяжело — вдруг заглянуть в самые сокровенные уголки души другого человека. Это знание разрушает иллюзии, уничтожает сотворенный нами образ, и нам бывает трудно с ним примириться. Оно причиняет страдание и лишает опоры.

Он снова повернулся к Франке. Он был очень расстроен и подавлен, но взгляд его оказался неожиданно мягким.

— Да, это так. Мы теряем равновесие, когда нас лишают иллюзий. Возможно, это зависит от того, что в такие моменты оказываются под вопросом наши способности к суждениям. В какой еще сфере мы обманываемся так болезненно? Почему мы раньше не понимали, что происходит? Почему мы были так слепы и глухи?

— Дело не только в этом, — возразила Франка. — Конечно, нас охватывают сомнения, страх, неуверенность. Но я думаю, что самое худшее из всего — это раны, нанесенные чувствам. Они страдают куда больше, чем способности к суждению. Нет, наверное, ничего более болезненного, чем обманутые чувства.

— Со временем эти раны заживают, — тихо сказал Алан, скорее самому себе, чем Франке, — это мы, по крайней мере, знаем. Со временем они заживают.

Она бы с радостью сказала ему что-нибудь утешительное, то, что смогло бы укрепить его дух и излечить от безнадежности, но что она могла сказать, кроме прописных истин, которые он знал не хуже его, истин, рожденных умом, но не трогающих сердце.

— От Кевина Беатрис узнала о Хелин нечто такое, что совершенно выбило ее из колеи, — сказала она. Беатрис не взяла с Франки слово, что

она никому об этом не расскажет; Франка, правда, и сама понимала, что Беатрис поделилась с ней сокровенным, но подумала, что может вместо Беатрис рассказать эту историю ее сыну, хотя бы для того, чтобы отвлечь его от горестных мыслей. Чтобы показать, что то, что произошло с ним, может произойти с любым человеком, что такие неприятности могут в любой момент коснуться каждого.

— О Хелин? — удивленно спросил Алан. — Что же такое знал Кевин, что было бы неизвестно Беатрис?

— О, думаю, что Хелин доверяла Кевину, как никому другому. Она побаивалась острого языка Беатрис, но с душкой Кевином чувствовала себя вполне уверенно.

Алан усмехнулся, стараясь, правда, не выглядеть насмешливым.

— У нашей доброй Хелин была тайная любовная связь? Страстный многолетний роман, о котором никто не знал?

Франка ответила Алану улыбкой, только затем, чтобы она не сразу угасла.

— Нет, думаю, что она осталась верна своему Эриху и после смерти. И для этого были веские причины: прежде чем умереть, муж сделал ее сказочно богатой женщиной.

— Хелин была богата? — недоверчиво спросил Алан. — Наша Хелин?

— Она сидела на мешке с деньгами. В буквальном смысле слова. Большую часть своих денег она держала в платяном шкафу. Но время от времени она переводила более или менее крупные суммы на различные банковские счета. В целом ее состояние можно оценить где-то в полмиллиона фунтов. Она постоянно выручала Кевина из его финансовых неприятностей — вероятно, для того чтобы сделать себя интересной и привлекательной для него и во что бы то ни стало сохранить его расположение. В какой-то момент до Кевина дошло, что у Хелин не может быть таких денег при ее скромной пенсии, и он прямо спросил Хелин, откуда у нее деньги. Она не смогла сдержаться и рассказала ему правду. С тех пор Кевин стал ее постоянным клиентом. Он выкачивал из нее деньги десятками тысяч.

— Но откуда, — в полном замешательстве спросил Алан, — у Хелин было такое состояние? Я хочу сказать, где взял эти деньги Эрих, если, как вы говорите, Хелин получила их от него?

— У евреев, — ответила Франка. — Эрих обогатился на еврейской собственности. Во время войны он часто бывал во Франции. Он присвоил себе огромное количество денег и ценностей французских евреев, которых выселяли из их домов и депортировали. На Гернси жили две состоятельные

еврейские семьи, и Эрх обещал переправить их в Англию за передачу ему всего их имущества. Он получил, что хотел, а потом передал этих несчастных в руки береговой охраны, которая их тут же расстреляла. Во всяком случае, он оставил после смерти неплохо обеспеченную вдову, которая была богаче, чем все думали.

— Хелин знала? — поинтересовался Алан. — Я имею в виду, знала ли она во время войны, чем занимался ее муж, и что в их доме накапливается внушительное состояние.

Франка покачала головой.

— Нет, этого она не знала. Он сказал ей о деньгах и ценностях только в день своей смерти. Она сидела с ним все последние часы. За это время он успел рассказать ей о деньгах и сказал, как их найти. Беатрис была в саду и, естественно, ничего не слышала.

— Бог ты мой, — пробормотал Алан, — и все эти годы...

— ...она молчала. Обладание таким состоянием делало ее слишком сильной, и, в конце концов, Беатрис выставила бы ее за дверь.

— Она всегда жаловалась, что у нее мало денег, — вспомнил Алан. Он был в замешательстве. — Иногда она при нас подсчитывала свою пенсию и приговаривала, что этого слишком мало, чтобы жить, но слишком много, чтобы умереть. Ей как-то удалось убедить нас, что это правда. У нее и в самом деле было мало денег.

— Это была одна из ее хитростей. Она хотела заставить Беатрис всю жизнь о ней заботиться, — сказала Франка. — Она боролась всеми средствами. Хелин была абсолютно эгоцентрической личностью.

— И только Кевин знал правду...

— Да, и, естественно, он молчал, так как хотел один доить эту корову. В день похорон он проник в дом вашей матери. Он хотел обыскать комнату Хелин, думая, что найдет там какие-то деньги. Но в доме он столкнулся с Беатрис, и, в конце концов, все ей рассказал. Кажется, он в очередной раз попал в весьма затруднительное финансовое положение.

Алан прищурил глаза. Он явно оживился. Казалось, отчаяние отпустило его. Взгляд его стал внимательным и напряженным.

— Значит, Кевин был единственным, кто знал, — медленно произнес Алан. — Кевин знал о деньгах, и Хелин была убита. Убита в тот вечер, когда она была в гостях у Кевина. В день похорон Кевин пытался найти в ее комнате деньги...

Невысказанное, но от этого не менее отчетливое подозрение буквально повисло в воздухе. Франка на мгновение в ужасе затаила дыхание.

— О нет, — сказала она. — Это мог сделать кто угодно, только не

Кевин. Такое я не могу даже вообразить.

Она искоса взглянула на Алана и поняла, что он-то как раз может это вообразить. Да она и сама за последнее время убедилась, что в жизни порой случаются и невообразимые вещи.

— Давайте поедem домой, — сказала она.

На следующее утро от прекрасной солнечной погоды не осталось и следа — словно ночью где-то щелкнули выключателем, переведя его в положение «дождь». Когда Франка и Алан ночью приехали в Ле-Вариуф и, выйдя из машины, направились к крыльцу, было тепло и ясно. Во всех окнах было темно.

— Я очень надеюсь, что Беатрис удалось заснуть, — сказала Франка. — Она в последнее время ужасно выглядит. Ей просто необходимо отдохнуть.

Они на цыпочках поднялись по лестнице и остановились у двери комнаты Франки. Алан пожал Франке руку.

— Спасибо, — сказал он.

— За что? — недоуменно спросила Франка.

— За то, что вы меня искали, нашли и привезли домой.

Франка внезапно смутилась.

— Прошу вас... это было совершенно естественно... я очень рада, что вы не обиделись... это же само собой разумеется...

— Нет, это не само собой разумеется. Это было очень мило и любезно с вашей стороны.

— Вы тоже когда-то мне помогли, — напомнила ему Франка. — Тогда вы могли просто не обратить внимания на незнакомую полусумасшедшую женщину. Я же была вам абсолютно незнакома.

— Вы очень крепко держались за мой автомобиль. Я просто не мог не обратить на вас внимание.

— Но вы могли бы не тратить на меня столько сил, — упрямо сказала Франка, одновременно чувствуя, что в разговоре с мужчиной ведет себя с обычной своей неуклюжестью. Он был симпатичным мужчиной, нравился ей, и к тому же стояла такая теплая, тихая ночь.

«Любая другая на моем месте, — подумала она, — непременно бы немного пофлиртовала с ним. Или сказала бы что-то значительное, выставяющее в приятном свете — что-нибудь содержательное или остроумное... А я стою, как колода и лепечу какие-то банальности. Господи, я, наверняка, кажусь ему невероятно скучной».

— Значит, мы оба не пожалели усилий друг для друга, — сказал Алан, и по его тону Франка поняла, что он начинает терять терпение.

И тут она сделала нечто невысказанное. То, чего она не делала никогда и

думала, что на такое у нее вообще не хватит мужества. Она приподнялась на цыпочки и, едва коснувшись губами, поцеловала его в щеку.

— Простите меня, я иногда говорю такие глупости!

Она стремительно исчезла в своей комнате и закрыла за собой дверь. Наконец-то она сделала то, что ей хотелось. Пусть даже Алану ее поведение показалось непозволительным и шокирующим, она все равно была довольна тем, что смогла поступить так, как ей в тот момент диктовали чувства.

Они увиделись на следующее утро за завтраком. Алан сидел за столом, ел мюсли, тосты, пил кофе и читал газету. Увидев Франку, он отложил в сторону газету, встал и, подойдя к ней, поцеловал в щеку.

— Доброе утро, — сказал он, — как спалось ночью, или, вернее, в те часы, что от нее остались?

— Я заснула как убитая — как только коснулась головой подушки, — она посмотрела в окно. — Как жаль, что испортилась погода. Вчера было, как летом, а сегодня... — с неба сеялся частый дождь, горизонт заволокли свинцовые облака, сливаясь с серым незаметным морем. В саду порывы ветра гнули до земли деревья.

— Погода здесь меняется быстро, — сказал Алан, — но, по счастью, дожди редко бывают затяжными. Так что сегодня, мы, возможно, еще увидим солнце.

Франка села за стол и взяла кофейник. Она чувствовала себя неловко, ей хотелось заговорить с Аланом на какую-нибудь нейтральную тему, но она никак не могла придумать ничего подходящего.

— Не хотите чего-нибудь съесть? — спросил Алан. — Ну, хотя бы маленький кусочек тоста?

Она отрицательно показала головой.

— Спасибо, но по утрам я почти никогда не ем. Правда, часам к десяти у меня просыпается волчий аппетит, и тогда я начинаю запихивать в рот что попало — например, шоколад.

— Вы вполне можете себе это позволить, — Алан принялся крошить пальцами тост, лежавший на его тарелке. — Я подумал о нашем вчерашнем разговоре, — сказал он наконец. Он бросил быстрый взгляд в сторону двери и немного понизил голос. — Думаю, мы не имеем права держать при себе наше подозрение. Надо сообщить о нем в полицию.

— О каком подозрении? — изумленно спросила Франка.

— Насчет Кевина, — ответил Алан. — Помните, что вы мне вчера рассказали? О деньгах Хелин. Кевин был единственным, кто о них знал...

— Так думал сам Кевин, — горячо перебила Алана Франка, — он

считает, что Хелин ему одному рассказала о деньгах. Но может быть, она говорила о деньгах и другим людям.

— В это я никогда не поверю. В этом случае весть о деньгах Хелин облетела бы остров со скоростью лесного пожара. Гернси — это деревня. Здесь невероятно любят сплетни. Это просто чудо, что никто не знает об этом от Кевина, но дело, естественно, в том, что Кевин молчал, как могила — он ни в коем случае не смел подвергнуть опасности источник, из которого черпал, как из рога изобилия, — Алан задумчиво покачал головой. — Я уверен, что Кевин был единственным, кто знал о деньгах.

— Но...

— Хелин была далеко не глупа. Она бы не рискнула доверить свою тайну Мэй или какой-нибудь другой сплетнице. Кроме того, у этого дела есть и юридический аспект. Деньги были когда-то украдены у тех несчастных людей. Хелин не имела на них никакого права. С ее стороны было легкомыслием уже то, что она рассказала обо всем Кевину, но, думаю, что ей, кроме всего прочего, хотелось облегчить муки совести. Кевин же, с его постоянной потребностью в деньгах, был самым безопасным объектом — именно в силу того, что в его интересах было молчать, на что и рассчитывала Хелин.

— Но зачем Кевину было ее убивать? Он же все время в ней нуждался!

— Мы пока не знаем, что, на самом деле, произошло в тот вечер в Тортевале, — сказал Алан. — Мы знаем только версию Кевина. Может быть, Хелин забастовала. Может быть, она сказала Кевину, что все кончено и он больше не получит от нее ни гроша. Такая угроза, естественно, повергла Кевина в отчаяние. Я не знаю, во что он впутался, но в любом случае ему постоянно были нужны деньги, и кроме того, похоже, на него постоянно давили. Вы сказали мне, что моя мать обнаружила его в день похорон, когда он проник в дом и хотел войти в комнату Хелин, чтобы искать там деньги? Может быть, в этом и заключался его план: убить Хелин и завладеть ее состоянием.

— Кевин, — сказала Франка, — это человек, который, как мне представляется, менее всего способен на насилие. Если честно, то я вообще не могу себе такого представить, но Кевин... Он такой нежный, такой безвредный!

— Вы же не можете знать, под каким прессингом он находился. Вы бы удивились, узнав, во скольких нежных и безвредных людях просыпается сущий зверь, когда у них возникает острая потребность в деньгах. Может быть, на Кевина давил банк. Или кто-то, кто был в состоянии потребовать деньги более жесткими методами, чем банк.

Франка наморщила лоб.

— Что вы имеете в виду?

— Я могу себе представить, — медленно заговорил Алан, — что Кевин впутался в какие-то нечистые махинации. Конечно, это лишь мое предположение, и у меня пока нет никаких доказательств в подтверждение этого подозрения. Но эта постоянная нехватка денег... Я знаю Кевина много лет. Знаю, как он живет, знаю стиль его жизни. Кевин живет на широкую ногу, и, вероятно, часто тратит больше, чем у него на счету, но, по моему мнению, речь не может идти о по-настоящему серьезных суммах. Во всяком случае, о таких суммах, которые вынуждали бы его совершать безумные глупости...

— Что вы имеете в виду под безумными глупостями? До сих пор я не слышала...

Алан наклонился к Франке.

— Я нахожу невероятной глупостью — проникнуть в дом для того, чтобы украсть деньги убитой женщины. Этот поступок чреват огромным риском. Даже если он сам, лично, и не убивал Хелин, такой поступок порождает сильное подозрение, по крайней мере, в соучастии.

— Насколько я знаю, он купил две теплицы, и это подкосило его финансовое положение.

— Теплицы не могут разорить человека и пустить его по миру. Да, возможно, он взял под них кредит, да, возможно, он задолжал банку, но из-за такого кредита он никогда в жизни не попал бы в безвыходное положение. Он мог рассказывать это Хелин или моей матери, но мне его версия кажется в высшей степени подозрительной.

Франка налила себе вторую чашку кофе. Она немного замерзла и принялась греть пальцы о теплый фарфор. Комната не отапливалась, а через приоткрытое окно в дом просачивались холод и сырость. Алан, заметив, что Франка дрожит, встал и закрыл окно. Задержавшись возле него, он посмотрел на сад, затянутый пеленой дождя.

— Есть, кроме того, показания водителя такси, — сказал он, — согласно которым за ним всю дорогу от Тортеваля до Ле-Вариуфа ехала какая-то машина. Что, если это был Кевин?

— Но это было бы полное безумие. Ведь только по чистой случайности таксист не обратил внимания на номер машины.

— Если за вами вплотную едет машина с включенными фарами — а таксист утверждает, что тот автомобиль едва не касался его багажника — то вы ни за что не сможете рассмотреть ее номер. Кевин мог это сделать.

— Нет, не мог. Для него это было бы слишком рискованно.

Алан отвернулся от окна и посмотрел на Франку. Она отметила его сосредоточенный взгляд. Алан был собран и внимателен. Сейчас она видела не того мужчину, который прятался за завесой пьяных ночей и легкомысленных романов. Франка видела в нем успешного, умного юриста, человека, умеющего логически и правильно мыслить, человека, твердо стоящего на ногах и способного распорядиться собственной жизнью. Она поняла, насколько он силен. Но одновременно она поняла и то, что дьявол спиртного может в одночасье разрушить и такую личность, если всерьез возьмется за свою разрушительную работу.

— В этом вечере вообще очень много странностей, — сказал Алан, — если вспомнить, как проходили подобные совместные вечера Хелин и Кевина раньше. Хелин никогда не приезжала домой на такси. Кевин всегда привозил ее домой, подчеркиваю, всегда. Это была существенная составная часть всей церемонии — он забирал ее и привозил обратно, как... влюбленный юноша свою подругу из школы танцев, если воспользоваться жаргоном Хелин. Она же стремилась воссоздать ту часть своей жизни, которая была безвозвратно для нее утеряна.

— В тот вечер ритуал был нарушен с самого начала, — напомнила Алану Франка. — Кевин не забрал Хелин. Ее к нему отвезла Беатрис.

— Да, потому что в этот раз он пригласил не одну Хелин. Это была лишь случайность, что она... — Алан осекся, затем, помедлив, продолжил. — Но почему, собственно, — спросил он, — моя мать не осталась у Кевина? Почему она весь вечер провела в скалах на мысе Плейнмонт?

Франка уже давно ждала этого вопроса, хотя он был ей неприятен.

— Она... она не совсем хорошо себя чувствовала, — уклончиво начала она.

Алан бросил на нее пронизательный взгляд.

— Почему она неважно себя чувствовала? Она же наверняка вам это сказала.

Франка помолчала, но потом решилась.

— Днем она говорила с вами по телефону. Вы только что расстались с Майей и...

Она ничего больше не сказала, но Алан и сам понял, о чем идет речь.

— Я был в дым пьян, — сказал он, — это я помню. Это страшно ее расстроило, так?

— Она была просто сама не своя. Она была потрясена, расстроена, беспомощна. Такой я ее ни разу не видела. Беатрис сказала, что не сможет весь вечер слушать болтовню Хелин... ну и поехала в Плейнмонт, чтобы

побыть там в одиночестве.

Алан оперся о подоконник. Вид у него был задумчивый и серьезный.

— Я взвалил непосильную ношу на мамины плечи, — тихо сказал он. — Матери, должно быть, безумно тяжело видеть, как ее сын гибнет от алкоголизма.

— Но она видит в вас и другого человека, которым страшно гордится.

Он улыбнулся.

— Вы очень милый человек, Франка. Но почему вас не было у Кевина? Он вас не пригласил?

— В тот день на Гернси неожиданно прилетел мой муж. Он хотел уговорить меня вернуться к нему, а я хотела просить у него развода. Поэтому в тот вечер я была занята весьма острым разговором.

— И? — спросил Алан.

Она недоуменно посмотрела на него.

— Что: и?

— Вы возвращаетесь? Или вы разводитесь?

— Я развожусь, — коротко ответила Франка.

Алан кивнул, но ничего не сказал.

— Между прочим, — заговорила Франка, — ваша теория хромает. В тот вечер Кевин не собирался вымогать деньги у Хелин. Иначе он не стал бы приглашать меня и Беатрис.

— Может быть, и не собирался. Он думал, что не может все время приглашать одну только Хелин. Это было бы подозрительно, поэтому время от времени он приглашал и остальных членов семьи. Но оставшись неожиданно наедине с Хелин, он воспользовался этой возможностью, чтобы снова потребовать у нее денег. Хелин отказала.

— Но почему она должна была отказаться? Она же всегда безотказно его выручала.

— Всему когда-нибудь наступает конец. Возможно, у Хелин было очень много денег, но и до нее, в конце концов, стало доходить, что и их не мешало бы экономить. Она могла подумать, что со временем будет не в состоянии себя обслуживать и ей потребуется дорогой уход, и решила подвести черту.

— Гм, — буркнула Франка и налила себе третью чашку кофе. Сегодня у нее целый день будет сердцебиение, но сейчас она не смогла отказаться себе в удовольствии.

— Вы помните показания таксиста? — спросил Алан. — Хелин звонила ему из дома Кевина. Обычно все же такси для гостя вызывает хозяин, вы не находите? Кевин якобы был сильно пьян, но моя мать

говорит, что он казался совершенно трезвым, когда она той ночью говорила с ним по телефону. У матери не сложилось впечатление, что он много выпил. Таксист, кроме того, показал, что Хелин говорила по телефону очень тихо и казалась сильно встревоженной. Когда он подъехал к дому Кевина, Хелин ждала его на улице. Мы с вами знаем Хелин. Поздно вечером она ни за что бы не вышла одна на улицу. Она ждала бы в доме, пока таксист не позвонил бы в дверь. Значит...

— Что?

— Значит, Хелин угрожали. Ей так сильно угрожали, что ей пришлось бежать из дома Кевина. Возможно, что в такси она звонила тайком — и поэтому говорила шепотом. Ей каким-то образом удалось пробраться к телефону, а потом выскользнуть на улицу.

— Все это может быть, — сказала Франка, — если не считать того, что я не могу себе представить, чтобы Кевин кому-то сильно угрожал. Более того, я нахожу совершенно нелогичным, что он — даже если он и угрожал Хелин — спокойно ждал, когда Хелин вызовет такси. Потом она смогла какое-то время простоять на улице в ожидании машины, а Кевину даже не пришлось в голову пойти ее поискать. Он бы тотчас ее обнаружил. К тому же, не кажется ли вам странным, что Хелин — уж коли она добралась до телефона — не позвонила одновременно и в полицию?

Алан пару раз прошелся между окном и столом, а потом снова вернулся к окну. Дождь постепенно ослабевал, но с моря надвигались новые тучи, а ветер продолжал трепать мокрые деревья.

— Думаю, что это как раз очень характерно для Хелин, что она в такой ситуации захотела сначала попасть домой. Она была сильно растеряна, если Кевин ей действительно угрожал. Такого она от него просто не ожидала. Не уверен, что она могла в таком состоянии сразу вспомнить о полиции. Кевин был ее другом, ее доверенным лицом, почти сыном. Кевин был единственным человеком, которому она рассказала о деньгах, оставленных ей Эрихом. Никто сразу не натравливает полицию на лучших друзей. Сначала пытаются осмыслить ситуацию. Стараются понять, что происходит.

Франка беспомощно пожала плечами.

— И что теперь? Что нам делать?

— Идти в полицию и сообщить о наших подозрениях.

— Или, — сказала Франка, — сначала поговорить с Кевином.

Алан хотел что-то ответить, но его перебила Мэй, внезапно появившаяся на пороге. Ни Франка, ни Алан не слышали ее машину.

— Привет, — нерешительно поздоровалась она, — я долго стучалась,

но мне никто не открыл. Я договорилась с Беатрис, что приду.

Мэй была одета явно не по погоде — в светло-желтое льняное платье без рукавов и в легкие белые туфельки. Вероятно, она подобрала этот наряд еще вчера и решила от него не отказываться, хотя шел дождь и похолодало на целых восемь градусов. От холода ее тонкие морщинистые руки покрылись гусиной кожей.

«Истинная Мэй, — нежно подумала Франка, — она лучше умрет, чем пожертвует своим тщеславием».

— Мы с Беатрис собрались поехать в Сент-Питер-Порт, — продолжила Мэй, — походить по магазинам и пообедать.

— Думаю, мама еще наверху, — сказал Алан. — Пойду, посмотрю, что она делает. Посиди пока с Франкой и налей себе кофе.

Мэй села и принялась благодарно греть пальцы о чашку.

— Что за отвратительная погода, — сказала она, посмотрела в окно и вздрогнула, — сегодня и не подумаешь, что вчера люди бегали по улицам чуть ли не в купальниках.

— Если бы еще не было так холодно, — пожаловалась Франка. — Сегодня с утра мне так не хотелось снова залезать в теплый свитер.

— Я приехала сюда через Сент-Питер-Порт, — сказала Мэй, — и в гавани видела Майю и Кевина. Майя, как всегда, была одета очень легко.

Франка мысленно улыбнулась. Мэй, кажется, не замечает, что яблоко от яблоньки недалеко падает.

— Она и Кевин стояли под дождем без зонтиков, без плащей, о чем-то говорили и энергично жестикулировали. Я им и сигналила, и махала рукой, но они меня, кажется, так и не заметили, так были увлечены разговором. — Мэй возмущенно тряхнула головой. — Этих молодых людей иногда так трудно понять. Кстати, — она заговорщически понизила голос, — как там дела у Алана и Майи? Они остались вместе?

— Они расстались, — ответила Франка, — и, думаю, не надо им мешать. Слишком велика разница в возрасте, слишком разные представления о жизни. Думаю, будет лучше, если каждый из них найдет для себя кого-нибудь другого.

— Алану будет трудно это сделать, — Мэй не терпелось выставить внучку в выгодном свете, — я хочу сказать, какой женщине нужен пьющий мужчина? И, знаете, мне кажется, Алан не стал меньше пить. Он совершенно безвольный человек.

Франке показалось, что таким авторитетным тоном и с таким придыханием можно было бы сказать то же самое и о Майе, но она промолчала. Говорить об этом с Мэй было бессмысленно.

В столовую спустились Беатрис и Алан, и Беатрис без всякого энтузиазма спросила, не хочет ли Мэй отказаться от посещения Сент-Питер-Порта ввиду плохой погоды. Мэй скорчила такую недовольную гримасу, что стало ясно: она сочтет себя смертельно обиженной, если Беатрис откажется с ней ехать.

— Ну, хорошо, — покорно сказала она, — но ты что, собралась ехать в таком виде? Ты же замерзнешь до смерти!

— Мне нисколько не холодно, — запротестовала Мэй, — по мне, сейчас можно ходить и так.

Алан обернулся к Франке.

— Может быть, нам тоже поехать? Мы можем поехать и отдельно. Но у меня нет ни малейшего желания целый день просидеть дома, глядя на дождь.

— Мне кажется, это хорошая идея, — быстро согласилась Беатрис. — Франка, не хотите составить ему компанию? Если он сегодня один просидит до вечера дома...

— ...то обязательно напьется, — закончил Алан предложение матери. В голосе его прозвучала горечь. — Не волнуйся, мама. Я так отвлекусь, что меня даже не потянет к бутылке.

— Вчера Алан был совершенно трезв, — торопливо добавила Франка. — Он был в полном порядке.

Алан улыбнулся.

— Спасибо, Франка. Но ваши слова едва ли произведут впечатление на мою маму. Она убеждена в полной моей безвольности. Один вечер воздержания — это для нее не аргумент.

В комнате повисло неловкое молчание, потом заговорила Мэй — деланно бодрым голосом.

— Ну, так поехали же! Мы превосходно проведем день!

— Вы поезжайте вперед, — а мы с Франкой выедем позднее. Нам не обязательно все время тереться рядом.

Было ясно, что Алан не хочет слишком долго находиться рядом с матерью — боясь, что она опять начнет упрекать его в злоупотреблении спиртным.

— Скажи просто, что ты не хочешь... — возмущенно заговорила Беатрис, но Франка не дала ей договорить.

Они договорились встретиться в час дня у «Бруно», итальянца, державшего ресторан на Порт-стрит. Было десять утра, дождь все еще продолжался.

В половине первого дождь прекратился, как по мановению волшебной палочки. Сильный ветер разогнал облака, и между тучами стали появляться островки синего неба. Листья и трава блестели от влаги. Сразу стало припекать солнце, от земли, дрожа и наполняя воздух сыростью, поднимался пар. Алан и Франка вернулись с прогулки — по вырубленной в скалах тропе они дошли до бухты Мулен-Гюэ. Они промокли насквозь — вода крупными каплями стекала с волос и дождевиков.

— Стоило нам вернуться домой, как сразу закончился дождь. Мы очень неудачно выбрали время для прогулки, — сказал Алан.

— Нам надо в Сент-Питер-Порт, — напомнила Алану Франка и посмотрела на часы. — Ваша мама и Мэй ждут.

— Ах, давайте не поедem, — сказал Алан. — Мне совершенно не улыбается сидеть в ресторане с матерью битых два часа и выслушивать ее поучения.

— Вообще-то, это было ваше предложение — поехать с ними.

— С моей стороны это была глупость. Приехав сюда, я думал, что мне надо уделить матери побольше внимания, по крайней мере, пока я здесь... но я забыл, какой несносной и раздражительной она может быть, забыл, что она никогда не перестанет по поводу и без повода меня воспитывать.

— Да, но сегодня мы не можем заставить их сидеть у Бруно и напрасно нас ждать, — сказала Франка. — Надо ехать, ничего не поделаешь.

Алан покорно вздохнул и выудил из кармана брюк ключ зажигания.

— У вас плащ не промок? Вы не будете переодеваться?

— Нет, все нормально, можно ехать.

Машина стояла внизу, у въезда во двор. Они пошли к ней, задевая деревья. Каждый раз листва окатывала их холодным душем дождевой воды. Вдруг Франка что-то вспомнила.

— Вот дьявол! — выругалась она по-немецки и остановилась.

Алан не понял и удивленно спросил:

— Что случилось?

Франка ненадолго задумалась.

— Знаете, я думаю, что мне все-таки стоит переодеться, причесаться... и вообще. Привести себя в порядок. Вы меня подождете?

— Разумеется, — сказал Алан. — Я буду в машине.

Франка кивнула и побежала назад к дому. Она поднялась по лестнице, вошла в свою комнату и заперла за собой дверь. Утром она об этом забыла. Она забыла принять таблетку. Франка выдвинула ящик стола, взяла в руку упаковку и открыла. Полоска была пуста.

Прошло двадцать минут, но Франка так и не нашла в комнате никаких резервов. Пачку, лежавшую в столе, она использовала до конца. Ничего не понимая, она держала ее в руке и смотрела на нее остекленевшими глазами. Потом попыталась вспомнить вчерашний вечер. Она приняла одну таблетку, прежде чем везти Беатрис в Сент-Питер-Порт. Она очень спешила, но все равно заметила, что вытащила из полоски последнюю таблетку. Она даже заглянула в коробочку и отчетливо увидела там еще одну — полную полоску, но теперь поняла, что это был какой-то оптический обман. В картонной коробочке лежала только инструкция по применению лекарства.

— Дерьмо! — выругалась Франка. Она вчера вообще была в какой-то лихорадке. Какая небрежность, какая рассеянность! Но если быть честной, то она всю жизнь была такой — небрежной и расхлябанной. На острове этого препарата нет, достать она его не сможет. На то, чтобы заказать его в Германии и получить, уйдет не меньше двух недель.

Она, оцепенев, продолжала стоять посреди комнаты.

«Почему я не сделала этого раньше, — подумала она, — ну почему? Такого со мной еще ни разу не случилось...»

Она снова принялась обыскивать комнату, невольно вспомнив про Эриха, который в последний день своей жизни так же лихорадочно и торопливо переворачивал все в доме вверх дном.

«Ты не Эрих, — напомнила она себе, — ты не такая, как он. Возьми себя в руки и успокойся».

Но это было легко сказать. Нервозность нарастала с каждой минутой. В пальцах стало нестерпимо покалывать. Франка понимала, что еще несколько минут, и у нее начнут трястись руки.

Она еще раз оглядела комнату, судорожно стараясь подавить нараставшую панику.

«Пока я всего лишь волнуюсь из-за того, что не могу найти таблетки, — подумала она, — иначе я бы вообще ничего не заметила. Это чистой воды внушение. Это не настоящая паника».

Франка понемногу опомнилась. Не может же она оставаться здесь вечно. Она посмотрела на часы — ровно час. Она ушла в дом ровно двадцать пять минут назад. Алан начнет ее искать, придет сюда и увидит, что она и не думала переодеваться, хотя именно за этим вернулась в свою комнату.

«Чемодан! — вдруг вспомнила она. — Таблетки могут быть в чемодане. Где чемодан?»

Она торопливо осмотрелась, потом вспомнила, что затолкала чемодан на шкаф. Она подставила к шкафу стул, забралась на него и принялась на ощупь рыться в чемодане. Даже встав на стул, она не могла заглянуть внутрь, но, проведя рукой по подкладке, она убедилась, что чемодан пуст.

Она попыталась расстегнуть молнию внутреннего кармашка, для чего встала на цыпочки и потянулась вверх. Каблуки резиновых сапог, которые она не сняла, скользнули по гладкому дереву стула. Франка попыталась ухватиться за край шкафа, но не смогла. Она потеряла равновесие и неминуемо рухнула бы со стула навзничь, если бы ее не обхватили две сильные руки.

— Осторожнее, — сказал Алан, — такое падение чревато. Что вы ищете там наверху?

Франка твердо встала на ноги и обернулась. Стоявший внизу Алан опустил руки.

— Спасибо, — сказала Франка. — Вы явились как раз вовремя.

— Простите, что я без стука вломился в вашу комнату, — извинился Алан, — но я сидел в машине и думал, что переодевание не может продолжаться так долго! — он смерил Франку взглядом. — Но вы и не переоделись, — сухо констатировал он. — Вы даже не сняли плаща... и резиновых сапог!

Спорить с этим было бессмысленно, и Франка просто кивнула. Алан подал ей руку и помог слезть со стула.

— Вы очень бледны, — сказал он, — у вас что-то случилось?

Она стояла перед ним в мокрой одежде, опустив руки, как воплощенное несчастье.

— Вы же знаете, — смиренно произнесла она, — вы же прекрасно знаете, что случилось.

— У вас нет таблеток.

— Мне надо принимать по одной таблетке утром и вечером, и тогда я прекрасно себя чувствую. Утром я не приняла таблетку и непременно должна выпить ее сейчас. Но коробочка пуста! — она в отчаянии махнула рукой в сторону ночного столика. Ящик был выдвинут, рядом с настольной лампой валялась пустая коробочка и скомканная инструкция. — Какая же я идиотка! — она была готова заплакать и едва сдерживала слезы. — Я все время думала, что эта дурацкая бумажка — блистер с таблетками. Все думала, что еще есть время заказать лекарство. Потом я понадеялась, что какая-нибудь пачка завалялась в чемодане.

— Но там ничего не оказалось.

— Да, проклятый чемодан безнадежно пуст! Я просто не знаю, где еще

можно поискать!

Он оглядел комнату.

— Наверное, таблеток и в самом деле нет.

— Я тоже боюсь, что их нет.

Они стояли друг напротив друга, нерешительно и беспомощно оглядываясь.

Наконец Алан заговорил.

— Знаете, по-моему, эти таблетки вам больше не нужны!

Франка горько рассмеялась.

— О, вам ли не знать? Вы же видели меня во всей красе в сентябре прошлого года!

— Это было, вы правильно заметили, в сентябре прошлого года, а сейчас на дворе май, и передо мной стоит совершенно другая женщина. Женщина, у которой едва ли есть что-то общее с тем дрожащим созданием, которое держалось за мою машину, а до этого било посуду в «Террасе».

— Я не другая женщина, — сказала Франка, но Алан тотчас с жаром возразил ей.

— Нет, другая! Вы не можете об этом судить, потому что не видите себя со стороны. Вы очень сильно изменились, и я думаю, что вам можно навсегда забыть об этих таблетках.

Франка почувствовала, как в ней закипает гнев. Она прочитала достаточно книжек по психотерапии и была сыта по горло глупыми советами:

Вам не нужны таблетки!

Вы сильная!

Вы не должны никого и ничего бояться!

Вы можете делать все, что вам хочется!

Прошли те времена, когда она верила подобным сентенциям. В прошлом остались смехотворные попытки с помощью упрямых внушений избавиться от проблем, с которыми так или иначе сталкивается человек. От этих внушений не становилось лучше и, по крайней мере, не было хуже, но Франку раздражали утверждения профанов о том, что вылечиться можно такими простыми и дешевыми средствами.

— И вы считаете, что знаете это лучше меня? — ответила она вопросом на вопрос. В тоне ее прозвучала несвойственная Франке резкость. — Вы хотите сказать, что так хорошо меня знаете, что можете давать мне советы?

Он не поддался на провокацию и не повелся на ее раздраженный тон.

— Я не особенно хорошо вас знаю, это верно. Но у меня есть глаза. И я вижу, что вы изменились. Хотите вы меня слушать или нет, будете вы со мной спорить или нет — я могу судить о вас только по моим впечатлениям.

— Вы не думаете, что чужие впечатления меня не очень интересуют, — заносчиво возразила Франка, — и уж, во всяком случае, не... — она не договорила, но Алан сразу понял, что она хотела сказать.

— И уж, во всяком случае, не мне об этом говорить — мне, законченному алкоголику, вы это хотели сказать? Вы не производите на меня впечатления неустойчивой, лабильной, зависимой, слабой и несчастной женщины. Вы активны и энергичны, вы уверенно идете по жизни, но по каким-то причинам считаете, что вам надо принимать психотропные препараты, чтобы твердо стоять на ногах.

Она слышала его слова, но не воспринимала их.

— Мне нужны таблетки, — сказала она без гнева, скорее с безнадежной покорностью судьбе. — Я не могу обходиться без них.

— Неужели их нельзя купить здесь?

— Нет. Это я выяснила еще в прошлом году. Я могу заказать эти таблетки только в Германии по рецепту моего врача.

Алан подошел к ночному столику, взял инструкцию и положил ее в карман.

— В инструкции напечатан состав препарата. Полагаю, что химические названия выглядят одинаково на разных языках. Может быть, мы найдем аптекаря, который продаст вам что-нибудь похожее.

Франка уныло пожала плечами.

— Не знаю. Трудно купить это лекарство без рецепта. Это очень сильные таблетки, Алан. Их не продают просто так.

— Мы попытаемся, — невозмутимо ответил Алан. — Идемте, или вы действительно хотели переодеться?

Франка недоуменно посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что я поеду с вами в Сент-Питер-Порт?

Алан посмотрел на часы.

— Сейчас четверть второго! Мы договаривались на час. Нам надо поспешить. Две пожилые леди уже сидят в ресторане и воображают, что с нами приключилось какое-нибудь несчастье.

— Я не могу поехать с вами.

— Почему?

Во Франке снова вскипела ярость. Его невежество, которое он самоуверенно считает верной стратегией, начало всерьез действовать ей на

нервы.

— Почему? Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но, как мне кажется, я уже давно вам все объяснила! О чем, как вы думаете, мы все это время говорили? О погоде? — Франка слышала свой пронзительный, визгливый, неприятный голос, но паника неудержимо рвалась наружу сквозь напряженные нервы, заставляя забыть о приличиях.

Алан не поддался и на эту провокацию.

— Думаю, мы уже оба поняли, о чем идет речь. Но я не понимаю, почему вы, собственно, хотите остаться дома. У вас нет таблеток и вы боитесь панической атаки. Отлично. Но если она наступит, то она наступит. Неважно где — здесь или в Сент-Питер-Порте. Вы от нее нигде не уберетесь. Так что можете спокойно ехать.

— Если я останусь дома, то атака не будет такой сильной.

— Вы в этом уверены?

Франка вдруг почувствовала страшную усталость.

— Не знаю. Но обычно мне бывает очень плохо, и я не хочу, чтобы приступ настиг меня в общественном месте.

— Это понятно, но здесь вы будете совсем одна, а это тоже нехорошо.

Усталость наваливалась на Франку все сильнее, и она вдруг поняла, что сейчас, в данный момент паническая атака ей уже не грозит. Усталость была знаком того, что паника улеглась, не успев поразить ее. Паника переродилась в невероятное, невообразимое бессилие. Теперь паника вернется нескоро. Сначала должны восстановиться силы.

У нее не было даже сил на то, чтобы сдержать слезы. Она дала им волю, и они потекли по ее щекам.

— Простите, — пробормотала она, — я сама не знаю, почему я плачу. Я так устала, я так ужасно устала.

Она почувствовала, как руки Алана обняли ее, и уткнулась лицом в его мокрую куртку, но она этого не почувствовала, так как куртка стала еще мокрее от ее слез. Утешительная темнота окружила Франку, а руки Алана крепко держали ее, грели, не давали упасть.

Словно издалека она услышала его голос:

— Тебе не за что извиняться, в этом нет ничего страшного и стыдного. Плачь, просто плачь. Плачь столько, сколько тебе хочется!

Она отдалась на волю своих слез, своих всхлипываний, своего голоса. Она не желала больше сопротивляться, хотя и могла.

«Мне нужна сила, — думала она, — мне надо где-то взять силу».

К своему удивлению, она вдруг поняла, что нашла ее источник.

6

Был уже третий час, когда они, наконец, добрались до ресторана «Бруно».

— Моя мать уже все поняла и расстроилась, — заметил Алан. — Она убеждена, что я уже напился и лежу в каком-нибудь уголке, а ты никак не можешь заставить меня встать.

Они перешли на «ты» после сцены в комнате Франки. Франка проплакала полчаса, она всхлипывала, дрожала и при этом чувствовала, что плачет не из-за таблеток, а от покидавшей ее застарелой, накопившейся в душе боли, плачет по растроченным попусту годам, плачет оттого, что ее никогда не любил Михаэль, оплакивала все свои обиды и бессилие, с которым она им противостояла.

Алан не мешал ей плакать, он ждал, когда слезы Франки иссякнут сами, ждал, когда она успокоится, когда она выплачет все свое горе. В какой-то момент он погладил ее по волосам и сказал: «Я понимаю твои чувства. Я очень хорошо их понимаю». И она вдруг поняла, что и он держится за нее, что и он находит в ней утешение, пусть даже и казалось, что она черпает у него силу.

— Все прошло, — сказала она наконец смущенно, освободилась из его объятий и пригладила волосы. — Должно быть, я ужасно выгляжу.

— Выглядишь ты хорошо, — сказал он, — но тебе не мешало бы умыть лицо. Иначе нам придется объясняться с мамой и Мэй.

Франка пошла в ванную, ополоснула холодной водой лицо, припудрила нос и причесалась. Вид у нее все равно был довольно взъерошенный, но времени на переодевание и приведение себя в порядок уже не было.

«Все равно, — подумала она, — Алан — не Михаэль. Он может показаться со мной на людях и в таком виде».

В машине, по пути в Сент-Питер-Порт, они не говорили о том, что произошло. Ветер, между тем, разогнал последние облака, и небо снова синело, как накануне.

— Я знал, что сегодня будет хорошая погода, — удовлетворенно произнес Алан. — Все-таки я немного знаю свой остров.

— Тебе никогда не хотелось сюда вернуться? — спросила Франка, и Алан ответил:

— Иногда я чувствую ностальгию. Но на острове для меня нет

интересной работы. А мне надо думать и об этом... Собственно говоря, об этом я должен думать в первую очередь, — добавил он после короткой паузы, словно стараясь убедить себя.

Когда они остановились перед рестораном и Алан сказал, что мать, наверное, расстроилась, Франка отмахнулась от такого предположения.

— Я ни разу не видела твою мать расстроенной. Она — очень сильная личность. Я восхищаюсь ею.

— Я бы скорее подумал, что иногда она слишком уж культивирует в себе эту силу. Она так зависит от этого образа сильной женщины, что ее можно на этом использовать. Ты же рассказывала мне, что Хелин лгала ей для того, чтобы всю жизнь провести в ее доме. Но если подумать, то у мамы не было никаких причин оставлять у себя в доме вдову немецкого офицера-оккупанта и мучиться с ней пятьдесят пять лет. Маме были открыты все пути... она могла бы не сидеть здесь и выращивать розы, которые она терпеть не может. Но ей, наверное, нравилось, что она может предоставить убежище Хелин. Наверное, ей нравилась роль крепкой главы семьи, нравилось в одиночку воспитывать ребенка, ухаживать за жалкой женщиной и самой справляться со всеми делами. Я думаю, ее сейчас мучает не то, что случилось, а знание того, что Хелин превзошла ее силой и коварством. Беатрис вложила все свои силы в человека, который вовсе в этом не нуждался. Именно поэтому мама теперь кусает себе локти.

Франка продолжала обдумывать слова Алана, входя вслед за ним в ресторан. В зале было занято всего несколько столиков; хорошая погода выгнала туристов на улицу. За одним из столиков в углу сидела Мэй в своем летнем платье, которое, как оказалось, она сегодня выбрала не зря. Было видно, что старушка пребывает в состоянии, близком к отчаянию. Увидев Франку и Алана, она дико замахала рукой.

— Вот и вы, наконец! Вы опоздали больше чем на час! Что случилось?

— Моя мать уже ушла? — осведомился Алан. Они сели за столик Мэй, и Алан продолжил. — Прости, Мэй. Мы с Франкой пошли гулять, немного увлеклись и зашли слишком далеко. Надеюсь, ты уже поела.

Перед Мэй стоял бокал шерри. Она кивнула.

— Да, но без всякого аппетита. Я почти не притронулась к еде. Мне вообще не хотелось есть.

Франка вдруг поняла, что Мэй расстроена отнюдь не их опозданием. Ее удручало что-то еще.

— Где Беатрис? — спросила Франка.

— Она еще не пришла, — с обиженным видом, раздраженно ответила Мэй. — Думаю, что можно было прямо сказать, что нет никакого желания

договариваться о встрече. Я же никого не неволю. Мы бы встретились, погуляли по городу, походили по магазинам, потом прекрасно провели бы время за обедом. Но вместо этого я два часа сижу в полном одиночестве в какой-то забегаловке — нет, это неправильно. Я бы могла и лучше провести этот день.

— Но мы опоздали не на два часа! — запротестовал Алан. — Всего лишь на час с небольшим!

— Я сижу здесь с двенадцати часов, — надув губы, сказала Мэй, — а сейчас уже почти половина третьего.

— С двенадцати? Но почему? И почему не пришла мама?

— Она встретила своего знакомого. На набережной, — пустилась в объяснения Мэй, — и с этого момента я перестала для нее существовать.

Алан наморщил лоб.

— Знакомого? Она до сих пор с ним?

— Они хотели сесть где-нибудь в гавани и попить кофе. Погода к тому времени как раз улучшилась. Они не сказали мне, что хотят поговорить наедине, но я почувствовала, что мешаю им, и не стала навязываться, — обиженно сказала Мэй. — Беатрис сказала, что подойдет к половине второго, и просила меня передать вам, что она немного задержится. Но я-то знала, что она вообще забудет о времени.

— Так кого она встретила? — рассеянно спросил Алан. Он взял в руки меню, раскрыл его и принялся изучать карту вин. Разобравшись с ними, он перешел к пасте.

Мэй слегка подалась вперед и понизила голос. Вид у нее стал весьма таинственным.

— Вы не поверите, — прошептала она. — Через столько лет... я сначала думала, что Беатрис обозналась, но она была права. Это, действительно, был он.

— Кто? — спросила Франка.

— Жюльен. Француз. Француз из прошлого.

— Кто такой Жюльен? — удивленно спросил Алан.

— Этого не может быть! — одновременно с ним воскликнула Франка.

Алан заказал неаполитанское «Ригатони», а Франка, измотанная сегодняшними переживаниями, решила, что ей можно немного погрешить. Она заказала спагетти с четырьмя сортами сыра. Она пила пино «Гриджо», а Алан принялся выяснять, кто такой Жюльен. Мэй пришлось изворачиваться. Вероятно, когда-то она пообещала подруге, что никогда не расскажет Алану о Жюльене, но, с другой стороны, ее буквально пожирало

желание быть первой, кто расскажет Алану об интимных деталях жизни его матери.

— Самое безумное было то, что Беатрис еще в прошлом году, однажды вечером, показалось, что она увидела его. Мы сидели в «Моряке», это было не то в конце августа, не то в начале сентября, и вдруг Беатрис сказала, что, кажется, увидела его в толпе. Я тогда сказала ей, что этого не может быть. Я-то думала, что за столько лет он должен был до неузнаваемости измениться, но она была уверена, что не ошиблась. Вот и сегодня она вдруг застыла на месте и сказала: «Это Жюльен!» Должна признать, что и я сразу его узнала. Теперь он, конечно, уже старик, ему под восемьдесят, но черты его лица, как это ни странно, не изменились. Для своего возраста он очень молодо выглядит. Он до сих пор остался красивым и интересным мужчиной, — Мэй вздохнула. — Впрочем, надо сказать, что красив он был и тогда.

— Кто-нибудь, наконец, объяснит мне внятно, кто такой этот таинственный Жюльен? — спросил Алан. — Кажется, он много значит для моей матери, если из-за него она забыла, что мы трое ждем ее в этом ресторане.

Мэй опустила глаза, а Франка подумала, что даже человек не такой умный, как Алан, по ее жеманству давно бы понял, о чем идет речь.

— Это друг ее юности, — сказала она. — Друг со времен войны. Он работал у Эриха Фельдмана.

— Ясно, — сказал Алан, — первая любовь моей мамы?

Франка не видела никаких причин это отрицать.

— Да. Это было несколько лет очень романтических отношений. Он смог бежать и...

— ...и мои родители спрятали его на чердаке, — закончила предложение Мэй, — что, естественно, было очень опасно. Моему отцу это могло стоить жизни.

— Интересно, — сказал Алан. — Значит, вся эта идиллия происходила на чердаке?

— Можно сказать и так! — ответила Мэй. Было видно, что она и поныне не могла смириться с тем фактом, что Жюльен в свое время предпочел Беатрис. — Конечно, Беатрис была еще слишком юна, и я нахожу, что...

— Думаю, что на это надо смотреть глазами людей того времени, — поспешно сказала Франка. — Я думаю, что люди, и молодые люди тоже, жили, постоянно сознавая близость смертельной опасности. Все могло кончиться сразу, в любой момент. Никто не ждал наступления подходящего

возраста, чтобы влюбиться. Брели то, что могли взять, и спешили брать.

— Между прочим, в наши дни девочки начинают заниматься этими делами тоже очень рано, — вставил слово Алан. — Кажется, нижняя возрастная граница опускается все ниже и ниже, и конца этому не видно.

Мэй уныло кивнула.

— О, да, и я нахожу это очень прискорбным. Молодые девушки должны отдаваться по истинной любви, чтобы испытать настоящее наслаждение. Я вспоминаю, в каком ужасе я была, когда узнала, что Майя потеряла невинность в тринадцать лет. В тринадцать! На заднем сиденье автомобиля. Держу пари, что она не помнит даже имени того парня.

— В этом я глубоко убежден, — сухо сказал Алан. — Помнить всех любовников Майи — это все равно, что выучить наизусть телефонную книгу всех наших островов, а это очень сложно.

Мэй поджала губы, но не решилась возражать, так как понимала, что Алан прав.

— Ну, ладно, — сказала она, и, порывшись в сумочке, достала кошелек, — я не буду больше ждать Беатрис. Считаю, что она поступила невежливо, но я уже давно к этому привыкла.

— Можешь остаться, Мэй, — сказал Алан, — и, пожалуйста, извините поведение моей матери. Но если этот человек был ее первой любовью... — он улыбнулся, но не смог смягчить Мэй. Она покинула ресторан с высоко поднятой головой, а выражение лица красноречиво выдавало ее дурное настроение.

— Вынужден констатировать, что ты куда лучше осведомлена о жизни моей матери, чем я, — сказал Алан, когда Мэй исчезла из вида. — Мне она никогда не рассказывала об этом Жюльене.

— Думаю, матери вообще редко рассказывают сыновьям о своих любовных романах, — сказала Франка, — так что не принимай это за личную обиду.

Но Алан очевидно и не собирался дальше развивать эту тему. Его не особенно интересовали мужчины, с которыми у матери когда-то были связи и отношения. Его очень обрадовал уход Мэй.

— Я подумал и решил, — сказал он, — что нам лучше всего сейчас поехать к Кевину и обрушить ему на голову наши подозрения. Посмотрим, как он отреагирует. Я предложу ему юридическую помощь. Думаю, что это будет честно.

— Если это не он, — возразила Франка, — а я в этом твердо убеждена, то он очень обидится. И по праву. Это ведь не просто подозрение, Алан. Речь идет об убийстве. Причем, о жестоком убийстве. И именно эта

жестокость, — добавила она, помолчав, — убеждает меня в том, что убийца — не Кевин. Даже если все совпадает, даже, если все, что ты говоришь, верно — то все равно, Кевин не мог пойти за ней и хладнокровно перерезать ей горло! Он мог бы в аффекте задушить ее, ударить по голове, но такое ужасное преступление он совершить не мог. Кевин... — она умолкла, подыскивая подходящие слова, а когда наконец нашла, то они были не слишком складными, но, по существу, верными. — Он слишком чувствителен для такой жестокости.

— Мы представим ему наши рассуждения, — стоял на своем Алан. — Может быть, он расскажет нам что-то такое, что лишит наши подозрения всякого основания. Это лучше, чем сразу идти в полицию, после чего ему придется оправдываться перед следователем.

— Мне это отвратительно, — сказала Франка. У нее пропал аппетит, и она отодвинула от себя почти нетронутую тарелку. К горлу снова подступила паника. «Она сегодня все-таки меня одолеет, — подумала Франка, — причем, в самый неподходящий момент, может быть, у Кевина».

Алан тоже отодвинул в сторону тарелку. Кажется, он тоже не особенно проголодался.

— Я уверен, что полиция и сама скоро выйдет на след Кевина. Полицейские сейчас тоже не сидят сложа руки. Они собирают сведения, комбинируют, сопоставляют факты. Скоро им будет ясно, что здесь не все чисто. Это займет некоторое время, потому что им известны не все известные нам факты: они не знают о деньгах Хелин, они не знают, что Кевин постоянно занимал у нее деньги, не знают, что в день похорон он пытался проникнуть в ее комнату и так далее. Но поверь мне, они все это узнают, и тогда ему не отвертеться. В принципе, мы поможем ему, если придем к нему раньше, чем полицейские.

Слова Алана убедили Франку, но она все же испытывала какое-то глупое и неприятное чувство, и изо всех сил пыталась отогнать его от себя. Может быть, она чувствует себя такой несчастной только из-за того, что не приняла таблетку.

— Ну, хорошо, едем, — сказала она и встала.

К маленькому кафе в гавани примыкала терраса, расположенная над самой водой. Пол, сколоченный из грубо оструганных досок, простые деревянные столы и стулья, потрепанные ветром и выгоревшие на солнце зонтики.

Здание кафе стояло так, что закрывало веранду от всякого ветра, и на ней было очень жарко.

Беатрис давно уже сняла куртку, а теперь стянула через голову и свитер. Под свитером была белая футболка, на груди которой была изображена лошадиная голова. Беатрис попыталась обеими руками кое-как пригладить растрепавшиеся волосы.

— Господи, кто бы мог подумать, что сегодня будет такая жара!

Жюльен посмотрел на нее и улыбнулся.

— Беатрис, я сейчас скажу тебе избитый комплимент, но, знаешь, ты совсем не изменилась. Конечно, ты стала старше, так же, как и я. Но твои движения, твоя улыбка, поворот головы... все это осталось прежним. В твоём облике нет ничего старушечьего. Ты осталась той же юной девочкой, которая сидела со мной на чердаке в Ле-Вариуфе и читала Виктора Гюго.

— Ты преувеличиваешь, — возразила Беатрис, — между мной и той девочкой — световые годы. Больше того, целая жизнь.

— Ты с тех пор перечитывала историю звонаря Собора Парижской Богоматери?

Она посмотрела на него, раздумывая, в какой степени можно продемонстрировать ему свою сентиментальность.

— Я часто ее перечитывала, — сказала она наконец, — и каждый раз она вызывала у меня массу воспоминаний. Наверное, с возрастом человек начинает находить в воспоминаниях все больше и больше удовольствия.

— Я тоже часто перечитывал эту книгу и каждый раз вспоминал о нас с тобой, — он вытащил из коробки сигару и протянул ее Беатрис, но она в ответ покачала головой. Она никогда не любила сигары.

— Оглядываясь назад, видишь многие вещи в ином свете, — снова заговорил он, — для меня те времена все больше и больше затягиваются романтической дымкой, и мне приходится каждый раз напоминать себе, что они были далеко не прекрасны. Они были жестокими и опасными, а я был в полном отчаянии. Нацисты украли у меня лучшие годы жизни. Я сидел на чердаке, смотрел сквозь слуховое окно на синее небо и был готов выть, проклиная судьбу. Но ты и так это знаешь. Я тогда постоянно жаловался тебе на судьбу.

— Думаю, однако, что понятием «судьба» ты только что воспользовался по праву, — сказала Беатрис. — Такова была наша судьба. Твоя и моя. Мы не должны запрещать себе видеть в ней романтическую сторону. Это значит, что мы приняли то, что было нам суждено, что мы примирились с этим. И это хорошо. Все иное привело бы нас к озлобленности, сделало бы жертвами болезней.

На мгновение Жюльен оторопел, потом рассмеялся.

— Ты всегда была изумительно практична. Мы стали бы жертвами

болезней! Не знаю никакой другой женщины, способной на такие ассоциации.

Она помешала ложечкой в чашке. Она продолжала напряженно, как и в начале их встречи, всматриваться в Жюльена. Ему скоро восемьдесят, но она бы дала ему не больше семидесяти. Все, что он говорил о живости ее движений, с полным правом можно было бы сказать и о нем. Он не производил впечатления старика. Его некогда темные волосы стали седыми, гладкое юношеское лицо покрылось морщинами, но глаза остались ясными, блестящими и острыми.

Он рассказал ей, что развелся с Сюзанной, развелся давно, еще в шестидесятые годы, а потом был женат дважды. Со второй женой он развелся в семидесятые, а третья жена умерла от рака в 1992 году.

— С ней я был по-настоящему счастлив, — убежденно произнес он, — у нас было полное взаимопонимание, мы не стесняли свободу друг друга. Наверное, все дело в том, что мы оба были уже не молоды, были уже зрелыми людьми. Она не пыталась меня перевоспитать, а я перестал оглядываться на других женщин. В какой-то момент жизни это становится смешным, ты не находишь? Во всяком случае, когда в волосах появляется седина. Мне это стало не нужно. У меня было ощущение, что я возместил потери упущенных лет — если вообще можно так говорить. Каждая пора жизни имеет свои особенности, каждая невосполнима и неповторима.

Только теперь, спустя несколько часов после того, как они столкнулись на набережной и, не веря своим глазам, уставились друг на друга, он спросил:

— Что стало с твоим — как его звали? — Фредериком? Вы все еще вместе?

Она покачала головой.

— Нет, и уже очень давно. Мы развелись больше сорока лет назад. С тех пор мы ни разу не виделись. Я даже не знаю, жив ли он.

— Поэтому ты снова на Гернси, — заключил он. — Я думал, что ты навсегда осталась в Кембридже. Ты тогда была полна решимости навсегда уехать с острова.

— Все вышло по-другому, — сухо произнесла она, и по ее тону было ясно, что она не хочет углубляться в эту тему. — Практически всю свою жизнь я провела на Гернси.

Он внимательно и задумчиво посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Я был здесь несколько раз, — сказал он, — в последний раз в марте, а до этого в прошлом году в августе. Сегодня я приехал рано утром из Сен-Мало, и задержусь здесь на пару дней.

— Ты ни разу не попытался меня найти, даже когда приезжал сюда. Ни разу — за все годы.

— Я же думал, что ты в Кембридже, — вяло попытался оправдаться он, но Беатрис только качнула головой.

— Ты не мог точно это знать. Стоило хотя бы попытаться.

— Ты права. Но... знаешь... как-то не сложилось.

Она поняла, что он хотел этим сказать: ей нет больше места в его жизни. Она уже не вписывается в нее. Она принадлежит к иной эпохе, и он не испытывал никакого желания включать ее в свою новую жизнь. Это означало бы смешение несовместимых частей, а он хотел размежеваться.

Но он, однако, перечитывал Виктора Гюго, и это вызывало у Беатрис почти детское ликование: он читал Гюго и вспоминал о нас. Он так и не смог полностью выбросить ее из сердца. Между ними не было отчуждения, хотя они не виделись почти полвека. Они мирно сидели на солнышке, как пожилая супружеская чета, которой есть о чем помолчать, ибо они и без слов понимают друг друга. Они могли бы раскрыться друг перед другом в рассказах о том, что произошло с ними за прошедшие годы и десятилетия, но они не испытывали в этом ни малейшей потребности. Время от времени они перебрасывались несколькими словами, делясь друг с другом какими-то фактами, но в основном они молчали.

— Она еще жива? — спросил вдруг Жюльен. — Ты понимаешь, о ком я. Вдова Фельдман. После войны она осталась жить в твоём доме.

Беатрис была изумлена. В последние две недели на острове только и говорили, что о смерти Хелин, и Беатрис испытала жгучее раздражение от безмятежного тона, каким был задан этот вопрос. Но потом она вспомнила, что Жюльен приехал из Франции только сегодня утром.

— Хелен умерла, — сказала она, — ее убили две недели назад. Мы нашли ее на дороге, прямо возле нашего дома. Ей перерезали горло.

Произнося эти слова, Беатрис испытывала почти физическую дурноту. Происшедшее было ужасно, неправдоподобно, отвратительно. Она должна была сказать нечто совсем другое: «Она умерла. Уснула и не проснулась», или: «Она долго и тяжело болела, но теперь все ее мучения позади». Обычно так говорят о смерти старой дамы, но ни в коем случае не «кто-то перерезал ей горло»!

«О, господи», — подумала она.

— О, господи, — севшим голосом произнес Жюльен. — Не может быть! Кто это сделал?

— Убийцу пока не нашли. Полиция топчется на месте.

Жюльен был потрясен настолько, что на несколько минут потерял дар

речи и молча курил свою сигару. Беатрис тоже закурила, раздумывая, не заказать ли ей две рюмки шнапса. Она скользнула взглядом по набережной и увидела идущих мимо Франку и Алана.

Она вскочила на ноги и замахала рукой.

— Алан, Франка! Идите сюда!

Оба остановились, удивленно оглянулись и увидели машущую Беатрис. Через минуту оба уже стояли на веранде.

— Мой сын Алан, — сказала Беатрис. — Алан, это Жюльен, мой старый друг.

Мужчины протянули друг другу руки. Жюльен широко улыбнулся, но Алан вел себя более сдержанно.

«Отец и сын, — подумала Франка, — и оба даже не догадываются об этом».

Беатрис представила и ее, и Жюльен галантно с ней поздоровался. «Каким же красавцем был раньше этот мужчина, — подумала Франка, — по таким женщины просто сходят с ума». Даже став стариком, Жюльен продолжал излучать невероятное обаяние.

«Какой красивый человек, — думала она, — как трудно, наверное, жить с таким мужчиной».

— Мама, мы едем домой, — сказал Алан, — не хочешь поехать с нами? На Мэй можешь больше не рассчитывать, она в гневе отправилась домой после того, как ты заставила ее целую вечность просидеть в ресторане.

— Вы езжайте, — сказала Беатрис, — а мы с Жюльеном еще поболтаем о старых временах. Потом я приеду на автобусе.

— Или я тебя отвезу, — предложил Жюльен, — я с утра взял напрокат машину, — он повернулся к Алану. — Я только сегодня утром приехал из Франции.

— Да, да, — сказал Алан. Что-то в Жюльене сильно его насторожило, но Франка не могла понять, что именно. — Если вы привезете маму домой, то это будет очень любезно с вашей стороны.

— Это не любезно, это само собой разумеется, — возразил Жюльен.

Он продолжал стоять до тех пор, пока Алан и Франка не спустились с веранды на улицу.

— Ты не говорила, что у тебя есть сын, — сказал он, обернувшись к Беатрис.

— Я многого тебе не говорила, — ответила она.

— Как удачно, что нам не пришлось везти маму домой, — сказал Алан, когда они сели в машину. — Теперь мы можем ехать прямо к Кевину, и не надо придумывать никаких объяснений.

Франка опустила стекло, чтобы впустить в салон хоть немного свежего воздуха. Она понимала, что сейчас ей позарез нужна таблетка. Алан, очевидно, забыл, что собирался зайти в аптеку и поинтересоваться, нет ли там похожего препарата. Сейчас он был захвачен погоней за преступником, проигрывая в голове предстоящий разговор с Кевином. Франка решила не напоминать ему об этом, тем более, что считала это бессмысленным: ее лекарство не продается в аптеках без рецепта.

Солнце палило немилосердно. К усталости присоединилась хорошо знакомая головная боль. Обычно она возникала от стычек с Михаэлем, но сегодня это была реакция на отсутствие лекарства.

«Будь оно все проклято», — устало подумала она.

— Этот тип кажется мне знакомым, — сказал Алан. — Не помню только откуда и в связи с чем я его знаю. Но этого человека я где-то видел.

— Может быть, он когда-нибудь бывал в вашем доме?

Алан отрицательно покачал головой.

— Это я бы запомнил. Нет, нет. Это было в каком-то другом месте... Но я никак не могу вспомнить.

Он замолчал и больше ничего не говорил до самого Тортеваля. Ворота усадьбы Кевина были закрыты, и они припарковали машину на противоположной стороне дороги. Остроконечные шпили Тортевальской церкви четко вырисовывались на фоне синего неба. Франка рассмотрела огромные синие гортензии, росшие вдоль кладбищенской стены, старой, сложенной из заросших мхом камней. Она постаралась сосредоточиться на этой идиллии, почерпнуть силы в покое заколдованной, утопающей в цветущих садах деревни. Надо во всеоружии встретить неумолимо надвигающуюся панику, отразить ее и ни в коем случае не сдаваться.

«Гортензия — оружие против страха», — подумала Франка и попыталась улыбнуться этой мысли. Но улыбнуться не получилось. Страх нарастал и не поддавался шуткам.

Они открыли калитку и вошли в сад. Среди деревьев жужжали пчелы, ветер стряхивал с вишен белые цветы. Двери и окна дома были закрыты. Алан несколько раз постучал в дверь молоточком, но реакции не

последовало. Они обошли дом, но так никого и не увидели.

— Кевина, как я понимаю, нет дома, — разочарованно сказал Алан. — Ничего не понимаю! Куда он мог деться?

— Может быть, поехал за покупками, — предположила Франка. Втайне она испытывала большое облегчение. Это было выше ее сил — высказывать Кевину обвинения, каковые Алан искренне считал очевидными фактами. Кроме того, Франке хотелось как можно скорее вернуться домой, чтобы оказаться под защитой надежных стен, когда паническая атака захлестнет ее своей беспощадной волной.

Алан заглянул в сад, в конце которого солнце отражалось от стекол теплиц.

— Интересно, где же эти пресловутые новые теплицы, из-за которых, как говорят, Кевин окончательно запутался в долгах? — сказал он, поморщившись. — Те развалюхи стоят здесь уже целую вечность.

— Не имею понятия, — ответила Франка. — Я вообще здесь впервые.

В этом доме Хелин провела последний вечер своей жизни... Франка оглядела фасад. Восточная стена была оплетена плющом. Квадратные окна с перекладинами и зелеными ставнями. Невозможно было себе представить, что в этом доме замыслилось преступление. Но что-то здесь происходило... что-то... и, хотя Франка не разделяла многих предположений Алана, она не могла отрицать, что были странные факты, против которых было нечего возразить: Хелин действительно ждала такси на улице перед домом, и этому не было пока убедительного объяснения.

Она была здесь, в этом красивом, уютном домике, сидела за столом с Кевином, пила вино, ела, болтала... Но потом она услышала или увидела что-то такое, отчего поспешила к телефону и шепотом вызвала такси, отчего не смогла остаться в доме и дожидаться приезда такси.

«Чего она испугалась? — думала Франка. — Что привело ее в такой неопикуемый ужас у Кевина, которого она знала едва ли не с рождения, которого любила, которому доверяла и который был для нее, как родной сын?»

— Может быть, у него есть еще один участок? — принялся вслух рассуждать Алан. — Наверное там и находятся эти злосчастные теплицы. Посмотрю, нет ли дома соседей. Может быть, они знают, где Кевин.

Она удивленно посмотрела на него. Удивленно, потому что ее поразила уверенность и решимость Алана. Он сегодня выпил всего лишь один бокал вина. Трезвый он был необыкновенно хорош: твердый, решительный, уверенный в себе. Франка на собственном опыте хорошо знала, что значит лишиться привычного наркотика. Алан, в этом она была

теперь абсолютно убеждена, нисколько не нуждался в алкоголе. Наверное, он начал пить, потому что не верил, что сможет без алкоголя противостоять превратностям жизни, но это была ошибка — трагическая недооценка своих способностей. Алан был красивый, умный, образованный мужчина. К тому же, вероятно, блестящий адвокат. Франке показалось, что он и сам не знает свою истинную цену.

Они пошли к воротам и по пути столкнулись с молодым человеком, который как раз входил в сад. Молодой человек был очень высок и чрезвычайно худ. Тщательно подстриженные и уложенные светлые волосы отливали на солнце серебром. Он был настолько «голубой», что показался Франке просто воплощением гомосексуальности.

Он испугался, увидев Франку и Алана, но быстро взял себя в руки.

— Мистер Шэй? — сказал он. — Не знаю, помните ли вы меня. Стив Грей. Мы с вами два или три раза встречались в доме вашей матери. Мы приходили к вам с Кевином, когда еще были вместе.

Алан на мгновение наморщил лоб, потом вспомнил.

— Да, верно! Добрый день, мистер Грей. Мы хотели зайти к Кевину, но его, кажется, нет дома.

— В последнее время он редко бывает дома, — пожаловался Стив. Вид у него, и в самом деле, был несчастный. Франка решила, что бедняга до сих пор любит Кевина, но тот не проявляет ответных чувств. — Я очень за него беспокоюсь.

Алан, естественно, тут же вцепился в сказанную фразу.

— Да? Почему?

Стиву явно хотелось излить кому-нибудь накипевшие чувства.

— Он стал каким-то затравленным, беспокойным. Его все время одолевают какие-то страшные заботы. Ему все время нужны деньги, но я, честно говоря, не понимаю, зачем.

— Насколько я слышал, — сказал Алан, — он построил или купил новые теплицы и сильно на них потратился.

— А, — отмахнулся Стив, — не мог он много заплатить за эти теплицы! За эти старые дырявые развалюхи. Предыдущий владелец наверняка отдал их Кевину почти задаром.

— И где же находятся эти теплицы? — Алан огляделся по сторонам. — Мне кажется, здесь их нет.

— Нет, они не здесь. Они стоят прямо на берегу Жемчужной бухты. Некогда они принадлежали одной крупной садоводческой компании, но ее владелец два года назад умер. Наследники не были заинтересованы в продолжении бизнеса, разделили между собой участок и продали. Кевин

мне тогда рассказывал... — он умолк и бросил на Франку печальный взгляд. — В то время мы с Кевином уже три года были парой, — вдруг признался он, — но я всегда боялся, что он мне изменяет.

— Он рассказал вам, кто ему предложил теплицы у Жемчужной бухты? — спросил Алан. Личная жизнь Стива его ни в малейшей степени не интересовала.

— Да, он мне это рассказал. Он даже занимал у меня деньги. Я его всячески отговаривал. Мне казалось сущей бессмыслицей покупать теплицы, расположенные вдалеке от усадьбы. Это же будет сплошная морока!

— Где находится эта Жемчужная бухта? — вмешалась в разговор Франка.

— На Западном берегу, чуть севернее Плейнмонта. На машине рукой подать. Я лично не нахожу ничего удивительного в том, что Кевин оставил там теплицы.

— Он сделал из них страшную тайну, — сказал Стив, — он даже не хотел брать меня туда. Я думал... я думал, что он встречается там с другим мужчиной... и как-то раз я скрытно последовал за ним. Это и в самом деле страшные развалюхи. Зачем он только их купил? Две штуки. Дребезжат на ветру и вот-вот упадут.

— Что он там устроил?

Стив пожал плечами.

— В то время он еще ничего не планировал, он же только что их купил. Правда, он собирался выращивать там овощи. Кевин страшно разозлился, когда узнал, что я следил за ним. Мне никогда раньше не приходилось видеть его в таком бешенстве. Боже мой, — он провел пальцами по волосам, но они были так аккуратно причесаны и уложены, что тотчас приняли свою прежнюю форму, — думаю, что тогда я окончательно разрушил наши отношения. После этого они совсем развалились. Мы так и не помирились.

— Мне очень жаль, — сказал Алан. Было видно, что он взволнован и напряженно размышляет. Только что полученная информация подкрепляла его теорию. Что-то было не так с историями Кевина, и это усиливало подозрения Алана.

— Ну, если его нет... — нерешительно произнес молодой человек, — то я, пожалуй, пойду. Думаю, что он в Жемчужной бухте, но туда я не поеду. Знаете, я очень хочу помириться с ним. Я всегда очень любил Кевина, и думаю, что мы еще поладим.

«Бедный мальчик, — сочувственно подумала Франка. — Какой он

одиноким и потерянным. Ну, ничего, в один прекрасный день он найдет свою любовь и будет счастлив».

— Нам надо непременно поговорить с Кевином, — сказал Алан. — Сейчас мы поедем в Жемчужную бухту.

Стив с ужасом посмотрел на Алана.

— Ничего не говорите ему обо мне! Он не должен знать, что это я рассказал вам о теплицах. Он расценит это как предательство. Пожалуйста, ничего ему не говорите! — страх молодого человека вызывал сострадание.

— Нет, нет, — пообещал Алан, — мы ничего ему не скажем. Ты идешь, Франка?

Она пошла за Аланом к машине. «Да, не скоро я еще попаду в свою комнату», — обреченно подумала она.

Они уже издалека увидели две длинные теплицы, стоявшие у самого берега бухты. Сейчас, когда прилив достиг своей высшей точки, вода доходила почти до самых строений. От кромки берега теплицы отделяли всего несколько метров. Какой-то человек шел по узкой полоске пляжа. Больше вокруг не было ни души.

Они поставили машину и пошли по утоптанной тропинке, вившейся среди травы и вереска, по направлению к морю. Подойдя ближе, они поняли, что имел в виду бывший любовник Кевина. Строения действительно находились в совершенно плачевном состоянии. Стенки были наглухо заколочены досками. В окнах не было стекол, а сами окна были закрыты огромными ставнями. Было очень сомнительно, что Кевин потратил сумасшедшие деньги, чтобы купить эти полуразрушенные хибары.

— За теплицей стоит машина Кевина, — сказала Франка.

— Значит, он здесь, — сказал Алан, — можно считать, что нам повезло.

Они дошли до первой теплицы. Алан открыл дверь и заглянул внутрь. В помещении было темновато, так как большая часть окон была заколочена досками. Вдоль стен и на полу посреди теплицы стояли ящики для цветов. Из земли торчали чахлые побеги каких-то овощей. Вся обстановка говорила о полном запустении, которое не вязалось с обычной аккуратностью и педантичностью Кевина.

— Ты можешь себе представить, что это процветающее предприятие? — недоверчиво спросил Алан. — Это самая бестолковая теплица, какую я когда-либо видел.

— Да, Кевин из рук вон плохо ведет свои дела, — сказала Франка. —

Здесь вообще царит какой-то невообразимый хаос.

— Я бы сказал, что это ложная теплица, — сказал Алан, — здесь всерьез никто ничего не выращивает.

Он внимательно осмотрелся, но в длинном помещении никого не было.

— Заглянем в другую теплицу, — сказал он. — Кевин наверняка где-то тут, если здесь стоит его автомобиль.

Они вышли из жалкого сарая. Выйдя на улицу, Франка полной грудью вдохнула морской воздух. В теплице стояла невообразимая духота, от которой у Франки еще сильнее разболелась голова. На воздухе ей стало легче.

— Хорошо, давай заглянем.

Они открыли дверь второй теплицы. Это была даже не дверь, а очень широкие ворота с двумя открывающимися наружу створками. Окна и здесь были заколочены досками, щитами и картоном. Правда, в этой теплице горел свет. Вдоль стен тоже стояли какие-то цветочные ящики, но всю середину помещения занимала бело-зеленая яхта. Возле нее что-то делали какие-то люди.

Один из них был Кевин.

Франка не сразу поняла, что здесь происходит, и у нее было такое впечатление, что и Алан не тотчас разобрался в том, что предстало его взору. Люди вокруг яхты резко умолкли. Все обернулись к двери и, оцепенев, смотрели на вошедших. Кевин побледнел, как мертвец, темные круги под его глазами обозначились еще резче.

Он первым нарушил молчание:

— Алан! — крикнул он.

Оба смотрели друг на друга молча, словно изо всех сил стараясь понять, что у другого на уме.

Первое потрясение прошло. Один из людей возле судна громко спросил:

— Кто эти двое?

Мысли заметались в голове Франки. Яхта, пятеро незнакомых мужчин, Кевин, полуразрушенные теплицы, страшная, угрожающая атмосфера... Она не могла пока точно объяснить, как все это связано, но, бросив искоса взгляд на Алана, она по его лицу поняла, что он уже сделал свои выводы, но не собирается ни с кем ими делиться.

— Мы друзья Кевина, — ответил Алан. — Мы как раз ехали мимо, осматривали остров и решили заглянуть. Не знали, что помешаем, — он

говорил непринужденно, небрежно. Тех, кто хорошо знал Алана, такое его поведение должно было насторожить: он всегда напускал на себя такой равнодушный вид, когда хотел что-то скрыть.

— Ладно, Кевин. Я вижу, что ты занят. Мы проедемся еще к северу. Франка хочет посмотреть самые красивые уголки острова, которых она ни разу не видела.

— Понятно, — сказал Кевин и улыбнулся вымученной улыбкой, — она еще плохо знает Гернси.

— Пока, — сказал Алан, кивнул незнакомцам и подтолкнул Франку к двери. Он взял ее сзади за талию с такой силой, что ей стало больно.

Он хотел как можно скорее выйти из теплицы, немедленно выпроводить отсюда Франку и обставить дело так, будто он ничего не понял и не заподозрил.

Как только они вышли, Алан шепнул Франке:

— Быстро идем к машине. Но не бежать. Они следят за нами, и если мы побежим, они поймут, что мы что-то заподозрили.

— Кто эти люди?

— Ты видела лодку? Это украденная яхта. В так называемой теплице Кевина ее перекрашивают, а потом, наверное, переправят во Францию.

Они неторопливо удалялись от теплицы. У Франки задрожали руки, пот выступил на ладонях и животе. Опасность, которую она до сих пор ощущала как нечто смутное и неопределенное, вдруг стала реальной и зримой. Уединение этого места потеряло все свое очарование, став угрожающим и опасным. Тихо рокотал прибой, чайки своими криками словно предупреждали об опасности. Она явственно представила себе Хелин, лежавшую на дороге в луже крови.

«Господи», — подумала она, придя в ужас. Франка поняла, что все звенья этой истории связаны друг с другом, и что она только что видела убийц Хелин. И что они с Аланом были сейчас наедине с этими убийцами.

— Ты думаешь, что Кевин... — начала было Франка, но Алан не дал ей закончить.

— ...имеет какое-то отношение к убийству? Несомненно. Он в нем замешан. И одного из этих типов я знаю. У Майи была с ним связь.

«С кем только, — подумала Франка, — у Майи не было связи?»

По пути сюда дорога от оставленной ими машины до теплицы не показалась ей особенно длинной. Но теперь, когда за спиной были люди, убившие Хелин, та же дорога стала бесконечной. Хотелось бежать, но Франка, повинувшись какой-то сверхъестественной силе, смогла укротить это желание. Она шла, будто гуляла летним днем по лесу.

— Теперь я вспомнил, откуда я знаю Жюльена, — тихо произнес Алан. — Я видел его вчера в «Террасе». Он был вместе с Жераром — тем парнем, который спросил, кто мы такие.

— Но тогда...

Он кивнул.

— Тогда нам надо срочно предупредить мою мать. Или попросить ее задержать Жюльена до приезда полиции. Мой мобильный телефон лежит в машине. Как называется кафе, в котором они сидели?

— Не знаю, — сказала Франка. — Не имею понятия. Я не обратила внимания.

— Я сейчас вспомню. В этом кафе я бывал сотню раз.

В этот момент сзади раздался резкий окрик.

— Минуточку! Остановитесь!

Алан выругался.

— Они наконец поняли, что мы все поняли. Бежим, Франка, бежим, как можно быстрее!

Она почувствовала, как он схватил ее за руку и рванулся вперед. Колени ее задрожали и подогнулись.

— Я не могу, — выдохнула она, но Алан немилосердно тащил ее вперед.

— Вспомни Хелин! Вспомни, что они с ней сделали! Мы должны добежать до машины!

Франка спотыкалась на каждом шагу. Она бы давно упала, если бы ее не поддерживал Алан. Стоило ей подумать о Хелин, как паника накатывалась на нее громадной темной волной. Ей удавалось отогнать ее, но тут же впереди возникала следующая, грозившая накрыть ее с головой и смыть в бездну. Сейчас она остановится и не сделает больше ни шагу.

Она слышала, как бежали следом за ними преступники. Слышала их крики, ощущала дрожание земли под ногами. До машины пятьсот метров. Заперли они машину? Заведется ли она?

«В фильмах машины никогда не заводятся», — подумала она, а так как она чувствовала себя участницей фильма — или кошмарного сновидения — то была готова к тому, что машина их подведет и оставит в беде.

— «Вид на море», — услышала она слова бежавшего рядом Алана, — так называется кафе, где сидит мама!

В этот момент прозвучал первый выстрел. Пуля пролетела над их головами и перепугала чаек, которые эхом отозвались на выстрел дикими криками. Последовал второй выстрел. До машины триста метров. Франка

больше не сомневалась, что если преследователи догонят их, то непременно убьют. Слишком многое было на их счету. Они не только воровали яхты. Они убили человека.

Когда Алан упал, то в первый момент подумал, что просто споткнулся, не веря, что в него попала пуля. Удивительно, но в первый момент он не почувствовал боли. «Должно же где-то болеть», — деловито подумал он, смутно ощущая, что задает себе этот несущественный вопрос, подсознательно не желая думать о главном: если они поймают его, то обязательно убьют.

Он попытался встать, но тут же от острой боли в лодыжке снова повалился на землю. Попала ли туда пуля, или он просто подвернул или растянул ногу?

«Или, не дай Бог, сломал», — подумал он.

Он заметил, что Франка замерла на месте и стоит рядом с ним. Он держал ее за руку, пока они бежали, и она едва не упала вместе с ним. Теперь она неподвижно стояла и, тяжело дыша смотрела на Алана. Глаза ее остекленели, как у насмерть перепуганного зверька. Алан вытащил из кармана ключ от машины и бросил его Франке.

— Беги, беги к машине. Езжай в полицию и позвони маме! Живее!

Она не двинулась с места.

— Беги! — прикрикнул он на нее.

Через луг к ним бежали два человека. Один из них был Жерар. Тот самый преступный тип, которого он видел тогда, на Отвиль-Роуд у дома Майи, тот тип, который с тех пор врезался ему в память. Жерар, любовник Майи. Жерар — убийца. Наверное, он в банде отвечает за грязную работу.

— Франка, не стой и не смотри на меня, как кролик на змею! — он вдруг вспомнил их первую встречу — там же, на Отвиль-Роуд, и в тот же день, когда он впервые увидел Жерара. Как кролик перед дулом ружья, подумал он тогда о ней. Была кроликом, кроликом и осталась!

Почему он думает сейчас о такой ерунде?

— Беги сейчас же! — заорал он на нее. — Беги, не то я тебе ноги вырву!

Полная чушь, но она подействовала. Франка открыла рот.

— Нет, я никуда не побегу без тебя. Я тебе помогу, вставай!

— Это бессмысленно, я не смогу встать! Прошу тебя, беги! Предупреди мать!

Глаза ее вспыхнули.

«Только без паники!» — мысленно взмолился Алан.

Франка бегом кинулась к машине, как будто Алан сумел нажать какую-

то нужную педаль. Франка добежала до машины, рывком распахнула дверь, упала на сиденье водителя и включила зажигание. Двигатель завелся тотчас. Завизжав колесами, она развернулась. Раздался еще один выстрел, но машина дернулась и покатила вперед.

«Слава Богу», — подумал Алан и упал в траву, на мгновение закрыв глаза. Открыв их, он увидел склонившегося над ним Жерара. Какое холодное и безжалостное лицо. Ни намека на человечность. Одна только неподвижная и беспощадная жестокость.

Он подумал о Хелин. О женщине, которая рассказывала ему сказки и читала книжки, приносила ему в кровать теплое молоко. Подумал он и о том, что умирая она смотрела в эти же нечеловеческие глаза, глаза убийцы. Она не могла надеяться на его милость. Понимала ли это Хелин? Или все случилось так быстро, что она не успела понять, что произошло?

Зачем ему понадобилось самому искать Кевина, разыгрывать из себя сыщика?

«Это конец», — подумал он. Его пронзило мимолетное сожаление о даром прожитой жизни. Потом он отвернулся.

Ему не хотелось умереть, глядя в глаза Жерара.

— Мне очень жаль того, что случилось с Хелин, — сказал Жюльен. — Должно быть, это было ужасно для тебя.

Они перекинулись всего несколькими словами после ухода Франки и Алана. Жюльен погрузился в свои мысли. Он дважды заказывал себе кофе, и Беатрис думала, что у него сейчас сердце выпрыгнет из груди. Жюльен пил черный кофе без сахара. Он так пил его и раньше? Она задумалась, но вспомнила, что во время войны не было кофе, да и сахара с молоком тоже не было. Пили эрзац-кофе, страшную бурду, но и она казалась вкусной за неимением лучшего.

— Это был шок, — ответила она наконец на слова Жюльена. — Это всегда шок, когда внезапно умирает человек, но если он умирает так, как Хелин, то это шок вдвойне... С этим невозможно смириться. Иногда я просыпаюсь по ночам и думаю, что все это мне приснилось, но потом понимаю, что все произошло наяву, что отныне это часть моей жизни, — она пожала плечами. — Часть жалкого остатка моей жизни.

— Ты проживешь до ста лет, — уверенно напроорочил Жюльен, — а это значит, что еще тридцать лет тебе обеспечены.

— Ну да, — равнодушно отозвалась Беатрис. — Придется вытерпеть и это.

Они посмотрели друг на друга, Жюльен через стол протянул руку, и она схватила ее. Они долго сидели так, взявшись за руки и дыша в унисон.

— Иногда я думаю... — заговорил наконец Жюльен, но умолк, не закончив фразу, а она не стала его ни о чем спрашивать, так как знала, что он хотел сказать. Он хотел сказать о жизни, которую они могли бы прожить вместе, но лишили себя этого, а ведь та жизнь могла оказаться лучше того, с чем они остались на склоне лет. Он промолчал, потому что осознал абсолютную невозвратимость упущенного шанса.

— Хорошо сидеть вот так, на море под солнцем, — сказал он вместо этого, и они снова долго молчали, и Беатрис думала, испытывает ли он ту же печаль, что охватила все ее существо.

«Ну почему, — думала она, — так многое в жизни идет вкривь и вкось?»

Но такова жизнь и нельзя приходить в отчаяние. Она попыталась обуздать боль и, прищурившись от солнца, принялась смотреть на замок Корнет, величественно и несокрушимо возвышавшийся над гаванью. Этот

замок был с ней всю ее жизнь. Его мощь возвращала ей покой, внушала уверенность.

Жюльен посмотрел на часы.

— Мне пора, — сказал он, — у меня одна важная встреча. Прости, что так скоро...

К их столику подошла светловолосая официантка.

— Миссис Шэй? — спросила она.

Беатрис подняла глаза.

— В чем дело?

— Вас зовут к телефону. Он стоит в зале, на стойке.

— О! — Беатрис была удивлена. Никогда в жизни ее не звали к телефону в кафе или ресторане. Она встала. — Жюльен, подожди меня минутку, ладно? Я скоро вернусь.

Ей показалось, что он сильно нервничает, видимо, действительно спешил. Она же просто хотела спросить его, с кем у него назначена встреча. Она всегда думала, что он ездит на Гернси, повинаясь сентиментальным чувствам, но, оказывается, у него здесь какие-то дела.

«С ней он никогда не договаривался о встречах», — ревниво подумала она, и эта ревность больно уколола ее в сердце.

Трубка лежала на стойке рядом с аппаратом. Шедшая впереди официантка жестом указала на телефон.

— Вот. Прошу вас!

Беатрис взяла трубку.

— Беатрис Шэй, — представилась она.

На другом конце провода была Франка. Кажется, она была совершенно растеряна и подавлена.

— Беатрис, вы еще с Жюльеном? Хорошо. Задержите его. Что? Сейчас я не могу вам это объяснить. Он член банды, которая ворует на островах яхты и перепродает их во Францию. Да, я понимаю, что это звучит абсурдно. Но Алан твердо в этом убежден. В эту банду входил и Кевин. Я должна позвонить в полицию и направить ее в Жемчужную бухту и в «Вид на море». Жюльен должен остаться на месте. Беатрис, возможно, он опасен. Возможно, он имеет отношение к смерти Хелин. Нет, я не фантазирую. Прошу вас, Беатрис, верьте мне. Я только что избежала смертельной опасности. Вы должны сделать только одно — задержать Жюльена. Пожалуйста, просто сделайте то, о чем я вас прошу. Сейчас я буду звонить в полицию. Мы поговорим позже!

Она выключила телефон. Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она разобралась, как он работает. Она стояла у въезда в какую-то прибрежную деревню, не понимала, где находится, но предполагала, что где-то недалеко от Плейнмонта. Она остановила машину на обочине дороги и занялась мобильным телефоном. Еще сидя за рулем, Франка пыталась поймать сеть, но это ей не удалось. Она поняла, что на ходу не справится с телефоном. Если же он не заработает, то она заедет в ближайшее кафе или ресторан и позвонит оттуда.

«Спокойно, — уговаривала она себя, — спокойно. Не нервничай, иначе у тебя ничего не получится».

Телефон вдруг запищал, и Франке даже удалось связаться с сервисной службой оператора. Она попросила дать связать ее с кафе «Вид на море», и, к ее удивлению, вскоре в трубке раздался женский голос.

— Мне нужна миссис Шэй, — начала она объяснять девушке, — седая дама семидесяти лет. Она сидит у вас на веранде, у самой воды.

Потом до нее дошло, что веранда кафе окружена водой с трех сторон, и описание оказалось не вполне точным, но девушка сказала, что найдет. Руки Франки дрожали от волнения, пока она ждала. Правильно ли она поступила? Может быть, надо было сначала позвонить в полицию? Но тогда они упустили бы Жюльена. Она не смела думать об Алане. Она покрылась холодным потом, в пальцах началось привычное покалывание. О, господи, она не смеет сейчас думать об Алане!

Потом она услышала голос Беатрис и срывающимся голосом рассказала ей о случившемся и попросила задержать Жюльена. Она ничего не сказала об Алане и отключилась, прежде чем Беатрис успела задать вопрос. Франка заметила, что Беатрис решила, что она не в своем уме, и не стала ввязываться в бесполезный спор. Она выключила телефон и перевела дух, надеясь, что Беатрис сделает то, о чем ее попросили.

«У меня нет времени об этом думать, нет времени. Я должна позвонить в полицию».

Сейчас надо точно так же связаться со справочной. Она снова включила телефон.

Надо было с самого начала звонить в полицию. Почему она этого не сделала? Почему?

У Франки неудержимо затряслись руки. Слово «почему» стучало в висках, как молот. Привычная пулеметная очередь, она стучала в голове всякий раз после разговоров с Михаэлем. Она все сделала не так. Она вообще ни на что не способна. Она всегда теряет и принимает идиотские решения. По-другому у нее не получается. Она всегда была такой. Выбрала

не ту профессию. Выбрала не того мужа. В ресторанах она всегда заказывает не те блюда, а в магазинах покупает не те платья. Вот и позвонила она в неправильной последовательности. Для Алана речь идет о жизни и смерти, а она звонит сначала Беатрис, чтобы задержать какого-то, никому не нужного Жюльена.

«Но даже если ты поступила неправильно, — сказал внутренний голос, — то ничто еще не потеряно. Не время раздумывать. От этого все будет еще хуже. Звони же, наконец, в полицию!»

Пальцы тряслись так, что она не могла нажать нужные кнопки. Все вибрировало — ноги, руки, тело. Она буквально купалась в поту. Ею овладела полная безнадежность и парализующая беспомощность.

Паника. Паника, с которой она боролась весь день, все-таки добралась до нее. У нее было время собраться с силами. И она была полна решимости не поддаться панике. Она отражала ее натиск много часов. Но сейчас силы иссякли, и Франка сдалась.

Не сейчас, не сейчас, не сейчас! Я должна позвонить в полицию. Господи, не сейчас!

Ей перестало хватать воздуха, перед глазами заплясали радужные круги. Она не могла ни на чем остановить взгляд. Все вокруг завертелось в бешеном вихре. Телефон выскользнул из руки и упал куда-то между педалями. Она была такая мокрая, словно только что вышла из воды. Страх окутывал ее, словно туман, сгущавшийся с каждой секундой все сильнее и сильнее. Туман слепил глаза, становился все темнее. Вот он стал черным. Вот он превратился в черную стену, неудержимо падавшую на нее.

Господи, я умру. Я сейчас умру.

Она судорожно хватала ртом воздух. Она всегда боялась, что в один прекрасный день паника задушит ее. И этот день наступил. Она сидит на Гернси, в машине, на обочине дороги, у въезда в деревню, название которое ей неизвестно, а Алан висит на волоске между жизнью и смертью, а, может быть, его уже убили, как Хелин, а она, как всегда, все перепутала и теперь не может даже позвонить в полицию, а сейчас на нее нахлынула паника, которая ее задушит. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял неумолчный звон. Она хотела открыть дверь машины, выбраться на воздух, но руки отказывались повиноваться. К тому же она ничего не видела и не могла отыскать ручку двери. Ей казалось, что ветровое стекло наваливается ей на грудь, лишает способности дышать. Она не могла даже закричать. Ужас сковал ее до такой степени, что она не могла вымолвить ни слова. Крик о помощи оглушительно звучал в голове, но не мог вырваться из горла. Ей становилось все хуже. С каждой секундой нарастал страх, чувство

смертельной опасности и угрозы. С каждым мгновением хуже становилось и положение Алана.

От мысли об Алане ей стало немного легче. Появились какие-то ассоциации, мысли. Она сама не могла пока толком понять, что это, но, во всяком случае, в океане бушующего хаоса появился маленький островок порядка. За него можно было ухватиться, как за соломинку. Возник какой-то образ... Она пыталась удержать его, но он, как уносимый ветром листок, ускользал каждый раз, как она протягивала за ним руку.

Но вот она ощутила листок между пальцами и крепко его ухватила. Волна. Образ волны. Волны, которая нарастает, нарастает и нарастает, возвышается, как гора, а затем стремительно рушится вниз, опадает и успокаивается, накатываясь на берег плоским барашком пены.

Об этом говорил ей Алан. Это он нарисовал ей когда-то образ волны. Как он сказал тогда? Она была уверена, что если вспомнит его слова, то паника пройдет. Что же он сказал о волне?

Ничто не может подняться выше своей наивысшей точки. После этого начинается спад. Как у морской волны.

И еще он сказал:

Вы должны всегда помнить, как спадает паника. Помнить, как снова приходит способность дышать, как уходит дрожь, как возвращается способность жить.

Она должна помнить, что останется жива. Франка ухватилась за эту мысль, явственно представила себе голос Алана, который говорил ей:

Что вы останетесь живы. Вы не умрете от паники. Вы в любом случае ее переживете. Вы не должны испытывать и половину того страха, какой мучает вас сейчас.

Волна продолжала нарастать. Франке было по-прежнему трудно дышать, но слова Алана были ее якорем спасения. Она перестала сопротивляться панике, поддалась ее напору. Черная стена была уже перед самыми глазами. Она так близка... вот она приблизилась еще на миллиметр, вот она уже рядом, сейчас она задушит ее, придавит, убьет, раздавит...

Но именно в этот момент волна достигла своей высшей точки. Франка еще раз попыталась схватить ртом воздух, ее еще раз облила волна холодного пота, но паника вдруг начала опадать, съеживаться, слабеть и уменьшаться. Она превратилась в плоскую пену, лениво накатывающуюся на плоский берег.

Она снова задышала, утих звон в ушах. В глазах перестали мелькать радужные круги, все предметы снова проступили из темноты и обрели

ясные очертания. Она увидела деревья, цветы, асфальтированную дорогу, ведущую в деревню, почувствовала запах машинного масла и бензина, запах сидений и резиновых протекторов. К этим запахам примешивался сладковатый запах начавшего высыхать пота. Франка услышала щебетание птиц, где-то в небе проревел самолет. Она была в сознании и жива. Жива — в полном смысле этого слова. Она выстояла. Одна, без таблеток, без людей, которые могли бы ей помочь, как Алан на Отвиль-Роуд в Сент-Питер-Порте. Паника перекадилась через нее, и теперь Франка могла поднять голову и сказать себе, что никакой трагедии не произошло. Было, конечно, неприятно, мерзко и страшно, но в конце концов и длилось это не так долго.

«Если даже приступ повторится, то теперь я его переживу», — подумала она.

Но у нее не было времени сидеть и праздновать победу. Это можно будет сделать и позже. Она нужна Алану. Она наклонилась и пошарила рукой между педалями в поисках мобильного телефона. Надо немедленно направить полицию к Жемчужной бухте и в «Вид на море» в Сент-Питер-Порте.

Беатрис не спеша вернулась к столу на залитой солнцем веранде. Мысли путались в голове. То, что срывающимся голосом рассказала ей по телефону Франка, казалось таким до невозможности странным, что Беатрис не могла в это поверить. Жюльен — участник банды, ворующей яхты и продающей их во Францию? Кажется, она еще сказала, что все это имеет какое-то отношение к смерти Хелин. Франка, видимо, окончательно свихнулась.

«Что же мне теперь делать?» — подумала Беатрис.

Она принялась вспоминать, что она знала о Франке.

Она принимала какие-то таблетки, потому что у нее были непонятные приступы страха. Она вечно сомневается в себе, страдает комплексом неполноценности и находится в плену своих невротических представлений. Правда, за последние недели самочувствие ее как будто немного стабилизировалось, но, естественно, нельзя исключить, что сегодня у нее случился рецидив. По телефону она, конечно, говорила вполне разумно, но, наверное, постороннему человеку трудно судить о ее истинном состоянии.

Жюльен встал, когда Беатрис подошла к столу, и положил коробку с сигарами в карман.

— Вот и ты, — сказал он. — Как ни жаль, но мне действительно пора идти. Все в порядке? Ты немного побледнела. Кто это хотел с тобой поговорить?

Беатрис ответила вопросом на вопрос.

— С кем ты должен встретиться?

— Ты не знаешь этих людей, — уклончиво ответил Жюльен. — Это мои друзья... Знаешь, я уже немного опаздываю, — он жестом указал на две фунтовые банкноты, которые он положил на стол и придавил пепельницей. — Ты мой гость.

Он обнял ее за плечи, наклонился и хотел поцеловать, но Беатрис отвернулась.

— Что случилось? — спросил Жюльен.

Беатрис ответила прямо и не колеблясь. Наверное, это был внезапный произвольный порыв. Но скорее ответ соответствовал жизненной позиции. Беатрис никогда не прибегала к околичностям и не искала обходных путей.

— Правда ли, что ты связан с людьми, которые крадут суда и

переправляют их во Францию? — спросила она.

Он прищурил глаза и сжал губы.

— Кто тебе звонил?

Беатрис тряхнула головой.

— Это неважно. Я жду ответа на мой вопрос.

— О господи! — он схватился за голову. — О господи!

Жюльен буквально упал на стул. На какой-то момент у него сдали нервы. Выглядел он сейчас жалким и очень старым.

Беатрис уставилась на него во все глаза. Сама того не желая, она в мгновение ока сделала то, о чем просила ее Франка. Жюльен не мог уйти. Наверное, у него просто подогнулись колени. Беатрис настолько сильно его поразила, так ошарашила, что он на несколько минут потерял способность ясно мыслить.

Беатрис тотчас поняла, что Франка сказала чистую правду. Иначе реакция Жюльена была бы иной. Он был бы озадачен, ошеломлен. Может быть, он бы рассмеялся и спросил, что за чушь она несет... Но он бы не упал на стул и не побледнел бы так сильно. Сейчас он был воплощением признания вины.

— О господи! — прошептала и Беатрис.

День и город остались такими же, как были. Море продолжало разбивать солнечный свет на тысячи сверкающих осколков. В чудесном летнем воздухе ликующе кричали чайки. Вокруг болтали и смеялись люди. Замок Корнет по-прежнему возвышался над гаванью, снисходительно глядя на людскую суету.

Но для Беатрис все разительно изменилось. Мир стал мрачным, темным и угрожающим. Мир словно отгородился непроницаемой стеной от нее и от Жюльена. Они больше не принадлежали миру. Они остались одни.

В тот же миг растворились и канули в небытие все прошедшие годы. Жюльен уже не был седовласым мужчиной с изборожденным морщинами лицом, а она уже не была старухой, которой скоро стукнет семьдесят два. Перед ней снова был прежний, юный Жюльен с его темными блестящими глазами, с его смехом, его слезами, его негодованием. Она снова видела его на тесном чердаке, видела, как он с тоской смотрит в окно на квадрат синего неба и всем своим существом чувствовала его отчаяние. Его страх и его ярость. Она ощущала его тоску по украденным у него годам. Она снова стояла рядом с ним, юная девочка, страстно желавшая помочь ему, хотя и знала, что ничего не может для него сделать, не может освободить его, вернуть ему подаренную матерью жизнь.

Тогда она не смогла ему помочь, но сможет сейчас.

Действительность снова обрела краски. Стена исчезла. Снова появились чайки, солнце, люди. Она очнулась и знала, что делать.

Она потрясла Жюльена за плечо.

— Идем, скорее. С минуты на минуту здесь будет полиция. Франка и Алан каким-то образом выследили вашу банду, и Франка направляет сюда полицию. Мы должны исчезнуть!

Он смотрел на нее расширенными от удивления глазами. Она схватила его за руку и потащила за собой.

— Да идем же! Быстрее! У нас не так много времени!

Она выволокла его из кафе. На улице они остановились.

— Где твоя машина?

— Что?

— Твоя машина. Ты же говорил, что взял ее напрокат.

Он наконец обрел способность двигаться.

— Она стоит немного ниже, на этой улице. Я просто припарковал ее к обочине.

Они отыскали машину, сели в нее.

— Куда? — спросил Жюльен.

— Не знаю. Едем отсюда!

— Я уже двадцать лет занимаюсь этими делами, — сказал Жюльен. — Двадцать лет я преступник, если тебе угодно так меня называть. Поздновато, правда, начал.

— Зачем ты это делаешь?

Он пожал плечами.

— Из жажды приключений. Люблю пощекотать себе нервы. Кстати, мне пока еще нужны деньги, они меня возбуждают. Я не тот человек, который в шестьдесят — столько мне было тогда — тихо уходит на покой. Мне нужно было испытать что-нибудь новенькое. И я нашел, что искал. Правда, в не совсем подходящем месте.

Они сидели на берегу бухты Пти-Бо. Машину они оставили на дороге, а сами спустились вниз, в тень цветущих кустов и деревьев. Пляж был залит яркими лучами солнца. На берегу было многолюдно. Прилив достиг своей высшей точки, и полоска песка на пляже стала совсем узкой. Пара купающихся плескались в волнах прилива. У входа в бухту покачивалось парусное судно. Беатрис и Жюльен расположились немного в стороне, на удобном плоском камне, основание которого лениво лизали волны. Со стороны берега над ними высились скалы.

— Состав группы постоянно менялся, но я оставался при шефе единственной постоянной величиной, — рассказывал Жюльен. — Мы

воровали яхты на островах, перекрашивали их и продавали во Франции. Я занимался перепродажей — находил клиентов и передавал деньги.

Беатрис слушала, прищурившись на солнце. Она испытывала чувство, близкое к тошноте.

— Никак не могу совместить все это с тобой, — сказала она, — с тем твоим образом, который я себе слепила.

— И что же это за образ?

— Ты — человек, которого я когда-то любила. Я вижу тебя взбалмошным, легкомысленным мужчиной, которому, в принципе, нет дела до других. Но в моей пьесе, в которой ты играешь, ты числишься в положительных героях. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — ответил он, — понимаю. Наверное, тебе придется пересмотреть этот образ.

— Кажется, да.

— Конечно я понимал, что мы занимаемся криминалом. В этом отношении я никогда себя не обманывал. Правда, до сих пор...

— Что — до сих пор?

— До сих пор речь шла только о воровстве, об укрывательстве, но теперь...

Беатрис стало холодно. Несмотря на то, что с неба немилосердно пекло солнце, на руках выступила гусиная кожа, тело сотряс озноб.

Франка была во всем права.

— Хелин, — сказала она. — Вы действительно имеете отношение к смерти Хелин?

— Я узнал об этом убийстве только вчера, — сказал Жюльен, — но я до последнего момента не знал, что это была Хелин. Я приехал из Сен-Мало еще вчера, а не сегодня. Я тебя обманул, потому что... ах, ладно, так мне было проще. Вчера же я узнал от Жерара — это один из банды, очень неприятный тип — что произошло несчастье. Он сказал, что ему пришлось убить женщину, которая напала на наш след. Старуху, которой просто не повезло оказаться в неудачном месте в неудачное время... Я был в шоке, в ужасе, — он замолчал, выгреб из углубления в камне пригоршню песка и рассеянно пропустил его сквозь пальцы. Рядом кричали дети, игравшие во фрисби. Их дочерна загорелые, стройные тела стремительно метались между валунами.

— Я уже сказал, я не знал, что это была Хелин. Я не знал, что он... перерезал ей горло. Но мне и без того было плохо. Воровство — это одно, а убийство — совсем другое.

— Кевин Хэммонд тоже состоит в вашей банде? — Беатрис поняла,

что Франка коротко передала ей всю информацию.

— Кевин Хэммонд? Садовник, у которого теплицы в Жемчужной бухте? Мы два года перекрашивали там украденные яхты, не привлекая ничего внимания, — он внимательно посмотрел на Беатрис. — Ты знаешь Кевина?

— Мы давние друзья. Хелин была дружна с ним еще больше. Он был ее доверенным лицом, ее ближайшим другом. Она была убита в тот вечер, когда была у него в гостях. Думаю, что она услышала или увидела то, что для нее не предназначалось.

— Я не знаю конкретных подробностей, но твое предположение верно. Видимо, так все и было.

— Неужели Кевин сам?..

— Нет, это сделал Жерар. Он занимался такими делами. Он много лет был профессиональным киллером в Южной Франции. Каким-то образом он связан с французской мафией. Я с самого начала был против его включения в группу, он в высшей степени опасен. Но мой голос не был решающим.

— Франка сказала, что направит полицию в Жемчужную бухту.

Жюльен поморщился.

— Значит, их там всех повяжут. Я тоже должен быть там. Сегодня забирают судно, которое мы должны переправить в Кале. Поэтому вся банда находится там в полном сборе. Судно должно быть уже качается на волне. Во всяком случае, так было запланировано. Но, наверное, полиция уже там.

— Очень на это надеюсь, — с чувством произнесла Беатрис. — От всего сердца надеюсь, что всех этих преступников схватят. Видит Бог, Хелин не была ангелом, но такого конца она не заслужила. Я никогда в жизни не забуду этого ужасного зрелища, — она приподняла плечи и обхватила себя руками, словно стараясь защититься от напастей, уготованных жизнью для ее созданий. — Я хочу, чтобы они были наказаны. Хочу, чтобы этот Жерар остаток жизни провел за решеткой.

Жюльен медленно наклонил голову. Не глядя на Беатрис, он спросил:

— Почему ты не захотела этого для меня?

— Чего?

— Я тоже отношусь к тем людям. Почему ты не хочешь, чтобы и я провел остаток жизни за решеткой?

— Ты не замешан в убийстве Хелин.

— Разве дело только в Хелин?

Она задумалась. Для нее речь шла *только* о Хелин.

— Я хочу, чтобы она была отмщена. Она предавала и обманывала меня. Она украла у меня лучшие годы жизни. Но и я позволяла себя обкрадывать. Думаю, что зачастую жертва несет такую же ответственность, что и преступник. Я сама освободила место, которое Хелин заняла в моей жизни. Без моего попустительства ей бы это не удалось. Так что, думаю, у меня нет оснований ее осуждать.

— Так говорит твой разум, но что говорят чувства?

Яркий диск фрисби просвистел над их головами и шлепнулся в море. Толпа детишек с воплями бросилась за ним.

— Мое чувство говорит мне, — сказала Беатрис, — что Хелин тоже кое-что дала мне. Как бы абсурдно это ни звучало из моих уст, но большую часть своей силы я черпала у Хелин. Она всегда была при мне. Она беспрерывно жаловалась. Она вымаливала у меня благосклонность. Она пускалась во вся тяжкие, лишь бы привязать меня к себе. И сегодня я думаю, что мне это было нужно. Мне нужны были ее претензии, которые она мне предъявляла, мне нужно было ее заискивание, мне нужны были ее причитания и дрожь. Я была сильна за счет ее слабости. Пусть даже все это оказалось неправдой, но все равно это была пожизненная, укрепляющая иллюзия, от которой ни она, ни я не желали отказываться. Без нее мы не смогли бы существовать. Таким образом, — она пожала плечами, стараясь показать этим жестом равнодушие, какого на самом деле не испытывала, — я заключила с Хелин мир. Но для ее мира, ее покоя, важно, чтобы ее убийцы оказались под судом.

— Но ты все равно, — настаивал на своем Жюльен, — не ответила на мой вопрос. Почему ты предупредила меня?

— По старой дружбе.

Он с сомнением посмотрел на нее.

— По дружбе?

— Большого с твоей стороны никогда не было.

— Что же было с твоей стороны?

Беатрис подумала, что в их возрасте не должно быть места притворству и кокетству.

— С моей стороны была любовь. Чего еще ты мог ожидать от четырнадцатилетней девочки, какой я тогда была? Это была любовь, любовь достаточно глубокая и сильная для того, чтобы до конца жизни сделать меня невыносимой для любого другого мужчины.

— Боже мой, — пробормотал Жюльен.

Беатрис изо всех сил постаралась в зародыше задушить сентиментальное чувство, которое грозило вот-вот захлестнуть ее.

— Да, — сказала она, — я считаю, что никто больше не имеет права запереть тебя в клетку. Ты и так много лет своей жизни провел в плену, в клетке, в которую упрятали тебя немцы, причем безвинно. Если угодно, то за свое соучастие в убийстве Хелин ты свой срок отсидел. Таким образом, справедливость не пострадала.

Он посмотрел на нее.

— Беатрис, ты удивительная женщина. Ты действительно не хочешь видеть меня за решеткой?

Он ясно видел, насколько это для нее серьезно.

— Нет, — ответила она, — этого я не хочу больше видеть, не хочу больше это переживать. Я никогда не забуду, какое выражение было в твоих глазах все те годы. Оно преследует меня и доньне. Оно переполняет меня. И поэтому сегодня, в кафе я приняла решение — в твою пользу.

— Я должен, — сказал Жюльен, — как можно скорее покинуть остров. До того, как полиция выяснит мое имя и перекроет все аэропорты и порты.

Он заволновался. До этого он производил впечатление человека, которого настолько сильно потряс ход событий, что он перестал им сопротивляться. Но теперь он был снова готов к действию и понимал, что надо спешить.

— Мне надо идти, — сказал он и встал.

Беатрис тоже поднялась.

— Как это сделать, ты решишь сам. Желаю тебе удачи.

Они в последний раз посмотрели друг на друга. Оба понимали, что никогда больше не встретятся. Никто не знал, что сказать на прощанье. Но мыслями Беатрис была уже далеко.

— Алан, — нервно сказала она. — Франка не сказала, где Алан. Почему звонила она, а не он? Мне надо немедленно ехать в Жемчужную бухту. Быстро отвези меня домой, Жюльен, чтобы я могла сесть в мою машину. Боже, хоть бы с Аланом ничего не случилось!

Она уже издали увидела полицейское оцепление. Увидела теснившуюся перед оцеплением толпу любопытных зевак, неизвестно как пронюхавших о происшествии. Услышала она и голос, что-то говоривший в мегафон, но не смогла разобрать слов. Низко над сценой кружил вертолет. У входа в бухту покачивался на волнах полицейский катер. Беатрис не на шутку встревожилась. К тревоге примешивался страх. Она почувствовала, что произошло что-то страшное. Она нетерпеливо нажала педаль газа, но была вынуждена тут же притормозить — вокруг было слишком много людей.

Дорогу ей преградил полицейский. Он положил руку на капот ее машины и жестом предложил остановиться. Беатрис опустила оконное стекло.

— В чем дело? — спросила она.

— Дальше ехать нельзя, мадам. Я вынужден попросить вас остановиться.

— Мой сын, — простонала она, — где-то там находится мой сын.

— Где, мадам?

— У преступников. Он должен быть где-то там.

Полицейский с сомнением посмотрел на женщину.

— Как вас зовут?

— Шэй. Беатрис Шэй.

— Подождите минуту, — он отошел от машины, чтобы посоветоваться с другим полицейским.

Беатрис воспользовалась моментом. Она выскочила из машины и бросилась сквозь толпу, расталкивая попадавшихся навстречу людей. Сзади раздался голос полицейского.

— Миссис Шэй! Миссис Шэй, постойте!

Но она и не подумала остановиться. За линией оцепления стояла машина скорой помощи. Сердце, казалось, перестало биться. Что делает здесь скорая помощь? Есть раненые? Не ранен ли Алан?

«Боже милостивый, — вслух взмолилась она, — только не Алан. Господи, сделай так, чтобы это был не он!»

Теперь она, тяжело дыша, стояла впереди всей толпы, вцепившись в ограждение, выставленное полицией.

Изо всех сил она старалась понять, что происходит.

Со стороны бухты, на песчаной тропинке, показались два санитары с носилками. На носилках лежало тело, целиком завернутое в простыню.

«Почему завернута голова», — подумала Беатрис. Она знала ответ, но изо всех сил пыталась вытеснить его из сознания. Человек на носилках был мертв.

Со стороны теплиц вывели группу людей в наручниках. Их сопровождали полицейские с автоматами. Все происходящее казалось призрачным и нереальным. Как будто снимали фильм. Не хватало только камер и режиссера, выкрикивающего распоряжения актерам и оператору. Такого не может быть в жизни, это не должно быть реальностью.

Беатрис отодвинула в сторону решетку ограждения и с быстротой молнии проскользнула за него. Стоявший в нескольких шагах от нее полицейский обескуражено посмотрел на Беатрис.

— Мадам... — крикнул он, но Беатрис увернулась от его протянутой руки и проворно, как ласка, несмотря на свои семьдесят лет, бросилась к носилкам. Она бежала по лугу, спотыкаясь о кочки, но, слава богу, на ней были кроссовки. Мэй в своих туфлях на высоком каблуке не пробежала бы и двух шагов.

Беатрис добежала до носилок. Наступил самый страшный момент в ее жизни. Все чувства, все мысли угасли, осталась одна оболочка, двигавшаяся, как автомат. Она делала то, что должна была сделать, но ничто не могло сейчас ее тронуть.

Прежде чем санитары успели понять, что происходит, Беатрис рванула на себя белую простыню и сдернула ее с безжизненного тела.

На нее смотрели остекленевшие мертвые глаза Кевина Хэммонда.

— Я не могу этого понять, — сказал Алан. — Я просто не могу понять, мама, почему ты дала этому Жюльену улизнуть?

Он удобно расположился в кресле на веранде материнского дома, положив туго забинтованную ногу на поставленный перед креслом стул. Пуля разорвала сухожилие, и врач предписал Алану полный покой. Впрочем, и без этого предписания Алан не торопился вставать.

Беатрис, устроившаяся на лавке с бокалом шерри в руке, виновато покачала головой.

— Я была просто потрясена тем, что услышала, и не сразу поняла, в чем дело. Мне показалось, что Франка либо пьяна, либо не в себе. Я ей не поверила. Весь ее рассказ показался мне абсурдным. Когда я вернулась к столу, Жюльен уже собрался уходить. Он очень спешил.

— Конечно, спешил. Ему надо было вовремя попасть к своим сообщникам в Жемчужную бухту. Но, странное дело, он там так и не появился. Наверное, почувствовал неладное.

— Когда туда приехала я, — сказала Беатрис, — там было полно полицейских. Он это увидел и повернул назад. Не мог же Жюльен в здравом уме добровольно шагнуть в западню.

— Меня ужасно злит, что он сбежал, — настаивал на своем Алан, — он — преступник, и должен был сесть вместе с остальными.

Беатрис промолчала и сделала глоток шерри. Только что вошедшая на веранду Франка, слышавшая последние слова Алана, испытующе посмотрела на Беатрис, и та ответила ей абсолютно безмятежным взглядом. Франка понимающе кивнула и воздержалась от своих оценок.

Всех их несколько часов допрашивали в полиции, прежде всего, Алана, который оказался свидетелем убийства Кевина. Преступники взяли Алана в заложники, утащили его в теплицу и забаррикадировались там.

Сам он до сих пор не мог понять, как ему удалось остаться в живых. Когда он, раненый, лежал в траве, то был уверен, что Жерар его застрелит. У бандита не было никаких причин его щадить. Но потом он вдруг услышал, как Жерар крикнул, обращаясь к другим:

— Бьюсь об заклад, старуха послала сюда ищеек. Нам не уйти. Тащите его в теплицу!

Сильные руки подхватили Алана и поставили его на ноги. От боли он едва не потерял сознание. Боль в ступне резко отдавалась во всем теле.

Путь до теплицы показался ему бесконечной, нескончаемой пыткой. Таких мучений он не испытывал никогда в жизни. Когда его наконец привели в теплицу, он без сил повалился между цветочным горшком с узамбарскими фиалками и соломенной корзиной с цветочными луковичками. Тяжело дыша, он пытался думать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от пульсировавшей в стопе боли. Он посмотрел на Кевина, но тот сразу отвел взгляд. Бандиты о чем-то тихо совещались, и Алан не мог разобрать ни одного слова.

Все, что происходило потом, он помнил как в тумане. Боль не отпускала, не давала покоя, мешала сосредоточиться. В какой-то момент он понял, что теплицу окружили полицейские, которые стали ждать подкрепления. Между тем, гангстеры объявили, что у них есть заложник, и Алану потребовалось немало времени, чтобы понять, что заложник — это он.

Он не знал, сколько времени прошло. Позже он узнал, что вся драма продолжалась чуть больше двух часов. Ему эти часы показались днями. Боль поразила не только его тело, но и рассудок, душу, все его чувства. Деться от боли было некуда, она вытеснила все. Аланом овладело полное безразличие. Он хотел только одного — чтобы прекратилась наконец эта невыносимая боль.

Как случилось, что в теплице вдруг неожиданно раздался выстрел? Полицейские хотели выяснить это у него, и Алан сломал себе голову, стараясь изложить правдивую картину происшедшего. Он лежал между горшком и корзиной, чувствуя лишь пульсирующую в голове боль. Закрыв глаза, он погрузился в непроницаемый мрак отчаяния и страха. Он услышал голос одного из бандитов только потому, что тот вдруг пронзительно закричал:

— Они идут сюда! Проклятье, легавые пошли на штурм!

— Отлично, — хладнокровно произнес Жерар, — тогда мы скажем им, что шлепнем заложника. Если они этого хотят, то пусть подходят ближе!

Кто-то громко обратился к полицейским.

— Они уже рядом, — снова раздался вопль, — они все равно идут! Вот дерьмо! Надо было сматываться!

— Сейчас нам пригодится этот тип, — сказал Жерар. — Они должны его увидеть. Поставьте его к двери!

Этого Алан боялся больше смерти. Он не вынесет, если сейчас его заставят встать. Это было хуже пытки. Он громко застонал, когда двое мужчин схватили его под руки и поставили на ноги.

— Не надо! — умоляюще крикнул он. — Прошу вас, не надо!

Они не обратили на его мольбу ни малейшего внимания. Он попытался опираться только на здоровую ногу, но боль, невзирая на это, вцепилась в него, как взбесившийся зверь. Из глаз по щекам потекли слезы, и он ничего не мог с ними поделать. Алан понял, что его тащат к двери, и не знал, как он это выдержит, надеясь, что потеряет сознание.

У него было темно в глазах, когда мучители дотащили его до двери. Он повис у них на руках, как мешок, стараясь не кричать. Где-то в мозгу пульсировала мысль, что недостойно в последние минуты жизни так по-детски хныкать.

Он снова и снова пытался вспомнить, что случилось потом, но никак не мог заполнить возникший в памяти провал.

— Он направил на меня пистолет.

— Кто это сделал?

— Француз. Они называли его Жераром. Я не знаю, настоящее ли это имя.

— Значит он направил на вас оружие. Как далеко от вас он стоял? Скажите хотя бы приблизительно.

— В трех, может быть, в четырех шагах от меня. Я стоял в дверном проеме, а он внутри теплицы и целился в меня.

— Вы видели подходивших полицейских?

Он попытался вспомнить, но не мог. Перед глазами вставали лишь какие-то неясные тени.

— Нет, не думаю, что я вообще был в состоянии что-то видеть и ясно воспринимать. Я видел только пистолет. Думать я ни о чем не мог. Боль сводила меня с ума.

— Что произошло потом?

— Все произошло очень быстро... к тому же я, время от времени, закрывал глаза. Мне помнится, что Кевин стоял приблизительно в двух шагах слева от меня. В тот момент, когда Жерар выстрелил... — Алан прикрыл глаза, вспоминая, — в тот момент Кевин закричал.

— Что кричал мистер Хэммонд?

— Он закричал: «Нет!», а потом вдруг прыгнул вперед и оказался между мной и Жераром.

— Он действительно прыгнул?

Алан беспомощно пожал плечами.

— Я только помню, что он вдруг оказался передо мной. В тот же миг грохнул выстрел.

Жерар попал Кевину прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно.

— Может быть, его кто-то толкнул?

— Этого я не знаю. Действительно не знаю. Но я не могу себе такого представить. Зачем кому-то понадобилось его толкать?

— Но зачем мистер Хэммонд пожертвовал собой за вас?

Об этом Алан и сам много и мучительно думал. Зачем Кевин пожертвовал ради него своей жизнью?

— Мне кажется, что это случилось у него непроизвольно. Он хотел помешать Жерару выстрелить. Может быть, Кевин думал, что Жерар не станет стрелять, если вместо меня под прицелом окажется другой человек... Но, может быть, Кевина мучило чувство вины. Кевин Хэммонд много лет был дружен с нашей семьей, часто бывал в доме моей матери. Только что была убита Хелин. Может быть, он не мог допустить, чтобы умер еще один член нашей семьи. Он хотел сделать все, чтобы этого не произошло, — Алан поправил свою ошибку: — Он сделал все, чтобы этого не произошло.

Но у этого дела был и другой аспект. Алан не стал говорить это вслух, так как не мог подкрепить свою уверенность никакими доказательствами. Это было, скорее, чувство, и Алан сам не знал, на чем оно основано. Что-то подсказывало Алану, что Кевин сознательно искал смерти. Он хотел умереть. Теперь, по прошествии времени, Алан вспомнил, что давно замечал в Кевине это стремление к смерти. Наверное, оно было у Кевина всегда. Он всегда был не от мира сего, и это было связано не с его извращенной сексуальностью. Он был мечтателем, человеком, предпочитавшим общество цветов обществу людей. Он был человеком, хорошо понимавшим старую женщину, которая по-доброму и заботливо относилась к нему, женщину, которая так же, как он, страдала от тягот жизни и человеческой черствости. Кевин всегда старался держаться в стороне от всего грубого, отвратительного и примитивного. Он устроил себе жизнь более нежную, более тонкую, более чистую, чем жизнь большинства людей. Трагедия Кевина состояла в том, что ему пришлось, в конце концов, столкнуться со злом, жестокостью и насилием, которые кажутся обычными многим и многим людям. После того как он связался с преступниками, Кевин с каждым днем становился все более несчастным, печальным и утомленным. За последние два года он превратился в тень. Он покончил с жизнью, до которой он так и не дорос ни духовно, ни физически. Может быть, в долю секунды он разглядел свой шанс и воспользовался им.

Потом все произошло очень быстро. Полицейские штурмом, без единого выстрела захватили теплицу. Алан в это время, почти в

беспамятстве, лежал на земле. Державшие Алана бандиты бросили его, когда упал застреленный Кевин. Алан до сих пор не понимал, что помешало Жерару выстрелить еще раз. Может быть, потому, что полицейские очень быстро ворвались в теплицу. Или, быть может, несмотря на всю свою жестокость и бесчувственность, Жерар был потрясен видом убитого им человека.

Алан все это время был ни жив, ни мертв. Только после того как врач сделал ему обезболивающий укол, и когда волшебное лекарство подействовало, Алан понял, что беда миновала. Следующее воспоминание: Франка держит его за руку и сбивчиво рассказывает о том, что ей ужасно стыдно, что она не смогла действовать быстрее, что она зачем-то позвонила сначала в «Вид на море», а это было лишнее, потому что Жюльен все равно ускользнул, а потом у нее была паническая атака, а из-за этого она потеряла еще больше времени...

Он плохо понимал, что она хочет сказать, и лишь повторял:

— Ничего, ничего, все в порядке. Все в полном порядке.

Алан смотрел на Франку, и от одного ее вида ему становилось спокойно и хорошо на душе.

Тогда он еще не знал, что Кевин мертв.

Чувствовалось, что Беатрис сильно переживает смерть Кевина. Сидя на лавке и держа в руке бокал шерри, она вдруг сказала:

— Никогда не придется мне выпить в его компании.

Франка и Алан сразу поняли, что она говорит о Кевине.

— Кевин был очень хрупким человеком, — сказал Алан, сам не зная, зачем. Этим замечанием он едва ли мог утешить мать. — Более крепким людям не стоит ввязываться в криминальные истории, а уж Кевину...

Сообщники не стали упираться на следствии. Они рассказали, что Кевин примкнул к банде два с половиной года назад через одного молодого француза, с которым у него была тогда связь. Тот познакомил Кевина со своими друзьями. В какой-то момент Кевину стало ясно, что эти друзья — члены преступного сообщества, но к тому времени он стал воском в руках своего друга и ни за что на свете не хотел его потерять, постепенно превратившись в пособника: исполнял поручения, передавал информацию, оповещал об опасности. В конце концов, он дал себя уговорить и купил две пустующие теплицы на берегу Жемчужной бухты и для маскировки записал их на свое имя, как часть его цветочного предприятия. Бандиты начали прятать и перекрашивать в этих теплицах похищенные яхты. Вскоре после этого Кевин расстался с французом и решил завязать.

Но ему пригрозили взрывом дома. Для бандитов в этом не было никакого риска — в любой момент они могли бежать во Францию и там затаиться, а Кевин был бы навсегда разорен и уничтожен. Кевин покорился судьбе.

К несчастью, в один из интимных моментов он рассказал своему другу, что нашел в Хелин неиссякаемый источник денег и настоящую благодетельницу. Друг передал эту информацию своим сообщникам, и те принялись раз за разом требовать от Кевина денег, которые он регулярно вытряхивал из Хелин.

— Бизнес с похищением яхт становился все более рискованным и все менее прибыльным, — рассказал в полиции один из бандитов. — Доходы сильно упали. Когда нам нужны были деньги, мы шли к Кевину Хэммонду, а он брал их у старухи. Однажды, в прошлом году, он отказался это делать, и нам пришлось немного покорезить его машину. Он все понял и больше не сопротивлялся.

Больше всего их — и Беатрис, и Алана, и Франку — удручало то, что они не видели, в каком отчаянии был Кевин все это время. Он подвергался сильнейшему прессингу, но не осмелился никому об этом рассказать. В тот вечер первого мая, когда погибла Хелин, положение Кевина стало еще более отчаянным. За несколько дней до этого он решительно, хотя и не без страха, объявил, что выходит из дела.

— Я не позволю больше себя шантажировать! — кричал он. — Оставьте меня, наконец, в покое!

Жерар предупредил Кевина, что явится к нему вечером первого мая.

— Думаю, что именно поэтому он и пригласил всех нас, — сказала Беатрис. — Он думал, что если в доме будет много гостей, то они не смогут ему ничего сделать. Он был просто потрясен, когда я, привезя к нему Хелин, сказала, что уезжаю. Он окончательно расстроился, когда я сказала ему, что и Франка не сможет прийти. Должно быть, он очень испугался, — она вздрогнула и сильнее обхватила пальцами бокал шерри. — Мне многое стало теперь ясно. Я поняла, почему он стал таким боязливым, почему стал запирает дом. Я думала, что это чудачество, но это был просто страх — причем реальный и вполне обоснованный.

— Этот Жерар убил Хелин? — спросила Франка. Ее саму уже допросили в полиции, но она не знала о результатах других допросов.

Беатрис кивнула.

— Следы крови Хелин нашли на лезвии его складного ножа. Она находилась в столовой, когда к Кевину пришли эти люди. Скорее всего, они вошли в дом через кухню, как договаривались. Он вышел к ним, но не сказал, что у него гостья. Бандиты стали угрожать Кевину, говорить, что не

дадут ему житья — будут резать протекторы, бить стекла в доме и все прочее в том же духе. Кевин умолял отпустить его. Очевидно, Хелин подслушала их разговор. Может быть, она решила просто посмотреть, что Кевин так долго делает на кухне, но, подойдя к двери она услышала нечто, что взволновало ее, заставило остановиться и прислушаться. Могу только догадываться, в каком ужасе она была. Она тихо прокралась в гостиную, шепотом вызвала такси и, наверное, немного подождала. Когда она выходила из дома, преступники, видимо, услышали, как хлопнула входная дверь, — Беатрис замолчала.

— Как же ей было страшно, — сказала Франка.

— Хелин, которая боялась пауков, — сказала Беатрис, — Хелин, которая закрывала глаза, когда по телевизору показывали криминальную хронику, вдруг оказалась в центре реальной криминальной разборки.

Они посмотрели друг на друга и одновременно подумали об одном и том же: вот сейчас откроется дверь веранды и войдет Хелин в своем летнем платьице с рюшечками.

— О, — скажет она, — как вы хорошо все здесь сидите! Почему вы мне ничего не сказали?

Они все почувствовали бы упрек и виновато промолчали, а Хелин налила бы себе шерри, погладила бы по голове Алана и сказала бы Франке какой-нибудь совершенно искренний комплимент. Потом она уселась бы на стул и принялась жаловаться. Она жаловалась бы на погоду, на мировую политику и на Мисти, от шерсти которой в доме просто не стало житья. В какой-то момент Беатрис бы не выдержала и сказала:

— Да, мы все это знаем, Хелин. Жизнь ужасна, а для тебя она просто-таки невыносима. Может быть, теперь ты немного помолчишь и дашь нам насладиться прекрасным днем?

— Да, пожалуйста, — сказала бы Хелин и обиженно поджала губы.

— Жерар, — продолжила Беатрис, — решил узнать, кто это вышел из дома. Кевин лопотал что-то невнятное, но один взгляд на столовую сразу сказал преступникам, что здесь только что кто-то был. Было нетрудно сообразить, что этот гость улизнул из дома после того, как услышал то, что ему было не положено знать. Жерар выскочил из дома, но сначала побежал в сад. Он не слышал телефонного разговора и подумал, что Хелин спрячется в саду, в кустах. Но в конце концов ему пришло в голову выглянуть на улицу. Он увидел, как Хелин садится в такси. По ночам в Тортевале никто не ездит. Жерар сообразил, что в гостях у Кевина была та самая его знакомая старуха. Он сел в свою машину и последовал за Хелин и убил ее, чтобы она никому не сказала, что слышала. Это был

единственный мотив убийства.

— Если бы Михаэль не приехал в этот день, — сказала Франка, — если бы Алан...

— Если бы я в тот день не напился, как свинья, — закончил Алан начатую Франкой фразу, — то мама не поехала бы на Плейнмонт, а ты бы не сидела с мужем в ресторане. Вы пошли бы к Кевину вместе с Хелин, и, наверное, она была бы до сих пор жива. Но что проку об этом думать. Еще меньше прока упрекать себя в чем-то. Здесь уже ничего не изменишь. Может быть, такова была судьба.

— Да, наверное, так оно и есть, — согласилась Беатрис. — Наверное, с самого начала Хелин было суждено ровно через пятьдесят пять лет после смерти мужа умереть ночью на проселочной дороге. Ничто не могло бы ее спасти. Никто не смог бы ее защитить, — она поставила бокал на стол и встала. — Знаете что, — произнесла она жестким тоном, который не вязался с выражением ее лица, — вы, конечно, мне не поверите, но я по ней скучаю. Я скучаю по ней, и мне будет не хватать ее до конца моих дней.

Она быстрым шагом вышла в сад, но Франка успела заметить, что из глаз Беатрис текли слезы. Она хотела выплакаться, но так, чтобы никто этого не видел.

— Бедная мама, — сказал Алан. — Она все-таки ее любила, хотя и странной любовью.

— Да, — согласилась Франка, — мне тоже так кажется.

Алан взял ее за руку.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Ты здесь еще побудешь?

— Да, одну-две недели. Не хочу торопить события и оставлять Беатрис одну. Она должна привыкнуть к своей новой жизни. В ее возрасте это трудно.

— Мне кажется, она сейчас похожа на старую женщину, у которой умер муж, — сказал Алан. — Брак был неудачный, они сильно действовали друг другу на нервы. В их отношениях уже давно не было ничего хорошего. Но они вместе выросли, повзрослели и состарились, и теперь она чувствует себя так, словно ей ампутировали ногу. Исчезла часть тела — пусть даже она болела и причиняла страдания. В каком-то смысле мать овдовела.

— Постепенно она определится со своими чувствами, — сказала Франка, — ей придется разобраться с ненавистью, любовью, зависимостью и раздражением. Для этого ей придется быть до конца честной с собой.

После того как она все это переварит, она сможет вписаться в свою новую жизнь.

Он посмотрел на нее, и Франка прочитала в его взгляде любовь.

— Ты знаешь, о чем говоришь, — сказал он.

— Да, — согласилась она, — я очень хорошо знаю, о чем говорю.

— Когда ты собираешься ехать в Германию?

— Когда почувствую, что Беатрис можно оставить одну. Мне надо заняться разводом, утрясти финансовые дела, подыскать себе квартиру. Мне... — она беспомощно приподняла плечи, — надо подумать, как начать новую жизнь, и как она будет выглядеть.

Он на мгновение задумался.

— Подавай заявление на развод. Проясней то, что надо прояснить. Но прежде чем искать квартиру, работу и все прочее — приезжай все-таки ко мне в Лондон. Я буду очень рад.

Она с сомнением посмотрела на Алана.

— Надо ли мне приезжать к тебе в Лондон?

— По крайней мере, посмотришь этот город. Дай нам обоим шанс поближе друг с другом познакомиться. Без обязательств. Мы оба много пережили, и нам нужно время, чтобы прийти в себя. Но нам не стоит терять друг друга из вида.

— Думаю, что это можно сделать, — нерешительно сказала Франка. — Наверное, я приеду в Лондон.

— Обещаешь? — спросил он.

— Обещаю, — ответила Франка.

Эпилог

Хозяин «Моряка» подошел к столу у окна, за которым сидели две пожилые дамы.

— Два шерри, как всегда? — спросил он.

— Два шерри, как всегда, — ответила Беатрис. — И два салата. Авокадо с апельсином.

— С удовольствием. Сейчас все будет готово! — он улыбнулся. — Даже не верится, правда? Скоро год, как мы говорили здесь о похищениях судов. Как называлась та яхта, которую тогда как раз украли? Какое-то странное название...

— «Небеса могут подождать», — сказала Беатрис, — вот как она называлась.

— Верно, «Небеса могут подождать». Боже мой, а теперь ваш сын разоблачил целую банду!

— Вы немного преувеличиваете. Но у него вовремя сработал верный инстинкт.

— И как трагично, что погиб мистер Хэммонд! Кто бы мог подумать, что на нашем мирном острове могут случиться такие ужасные вещи?

— Они могут произойти везде. Такова жизнь.

— Да, да, — горестно вздохнул хозяин. В душе он не возражал против суматохи, которая поднялась из-за поимки банды и двух убийств. Такая драма всегда идет на пользу делу. Люди чаще собираются, горячо обсуждают случившееся, пьют вдвое больше обычного и сами этого не замечают. Хозяину ресторана такое всегда на руку.

Он поспешил выполнять заказ. Мэй посмотрела ему вслед и сказала:

— Что-то он мне не нравится. Очень падок на сенсации.

Сама она приняла очень близко к сердцу, то, что случилось. Два человека, которых она высоко ценила, ставшие частью ее жизни, были жестоко убиты. Ей казалось, что она до сих пор до конца не осознала, что их больше нет. Ей безумно хотелось, чтобы все это оказалось страшным сном, не имеющим никакого отношения к реальности.

— Почти все люди любят сенсации, — заметила Беатрис, — и он — не исключение. Смерть Хелин и Кевина на несколько недель дала всем пищу для разговоров и тем доставила людям массу удовольствия.

Мэй вздохнула. Как всегда, они мало говорили, хотя Мэй каждый раз устраивала их встречи под тем предлогом, что неплохо было бы поболтать

о том, о сем.

Хозяин принес шерри — как всегда, в высоких стаканах для игристого вина. Женщины чокнулись.

— Если ты не против, то я хотела бы выпить за Майю, — неуверенно сказала Мэй, — за то, что она, наконец, справилась с собой!

— Вам крупно повезло, что тебе удалось выбить для нее место ученицы в гостинице «Шале», — сказала Беатрис. — Ведь она даже не окончила школу, я уж не говорю о ее скверной репутации.

Мэй поджала губы. За все годы их знакомства она так и не привыкла к солдатской прямоте Беатрис, к ее привычке резать в глаза правду-матку.

— Между прочим, Майя и в самом деле переменилась, — принялась она защищать внучку. — Окончательный разрыв с Аланом просто потряс ее. Думаю, теперь она и в самом деле всерьез задумается о своей жизни.

— Ну, будем надеяться, что ей это удастся. Во всяком случае, у тебя поубавится забот, а за это и правда стоит выпить, — Беатрис так и не смогла выдать из себя похвалу в адрес Майи. Она не могла простить ей беды и неприятности, которые она причинила Алану.

Мэй сочла за лучшее сменить тему.

— Как ты думаешь, Франка действительно разведется? — спросила она с сомнением в голосе. — Боюсь, что муж так ее обработает, что она забудет о своих намерениях и решит сделать еще одну попытку с этим Михаэлем.

— Не думаю, что она это сделает, — возразила Беатрис.

Она только вчера попрощалась с Франкой.

— Она сильно окрепла.

Мэй не смогла сдержать любопытства.

— А что Алан? Они увидятся? Недавно ты говорила, что...

— ...что они понравились друг другу? Да, это так. Франка приедет к Алану в Лондон, после того как подаст в Берлине заявление о разводе. Потом будет видно.

— Выйдет ли что-нибудь хорошее у двух таких хрупких людей? — с сомнением в голосе спросила Мэй.

— Я не думаю, что они хрупкие, — возразила Беатрис, — просто обоим пришлось пережить тяжелые времена. Это пошло им на пользу, я твердо в этом убеждена.

— Ну да... — проговорила Мэй. Обе снова замолчали, глядя в окно, за которым теплый июньский день незаметно перетекал в долгий светлый вечер. На фоне бледно-голубого неба отчетливо вырисовывались мачты парусников. Люди, гулявшие по набережной, ели мороженое. Над зубцами

замка Корнет развевался британский флаг.

Хозяин принес две тарелки салата и вазу с цветком.

— На вашем столе нет цветов, — сказал он, — а это непорядок!

В вазе красовалась темно-красная роза. Беатрис коснулась кончиками пальцев нежных лепестков. «Какие они мягкие, бархатистые, какие они красивые», — подумала она.

Она ждала совсем иного чувства, которое неизменно возникало у нее при взгляде на розы. Чувство похищенной у нее жизни, чувство безысходности.

Но через секунду Беатрис вдруг поняла, что привычное чувство так и не появилось, и роза по-прежнему казалась ей красивой, что она снова и снова с наслаждением прикасалась к ее лепесткам и вдыхала нежный аромат.

«Это что-то новое», — удивленно подумала она.

— Ты так смотришь на розу, словно впервые в жизни ее видишь, — заметила Мэй, — и это при том, что ты сама их выращиваешь!

— В известном смысле, — сказала Беатрис, — я, действительно, никогда не видела роз. Во всяком случае, я никогда не смотрела на них такими глазами, как сейчас.

Мэй задумалась, что имела в виду ее подруга, но так ничего не придумала и решила, что просто Беатрис с возрастом становится все чуднее.

— Ты что-нибудь слышала о Жюльене? — спросила она.

— Нет, — ответила Беатрис, — конечно, нет. Он теперь долго не рискнет здесь появиться.

— Ты когда-нибудь могла себе представить, что Жюльен окажется в одной компании с преступниками? — спросила Мэй.

— Ах, — ответила Беатрис, — с Жюльеном можно представить себе все, что угодно.

— Гм, — Мэй смерила Беатрис задумчивым взглядом.

— Как тебе теперь живется? — спросила она после недолгого молчания. — Я имею в виду, совсем одной в доме, без Хелин?

— Я скучаю без нее, — просто ответила Беатрис.

Мэй изумленно уставилась на подругу.

— Да?

— Да, — Беатрис устала взор на гавань. В ее жизни, конечно, многое изменилось. Она смогла, наконец, заключить мир. Лучше поздно, чем никогда. Мир с розами.

И с Хелин.

— Пойдем, — сказала она Мэй. — Давай рассчитаемся и поедем
домой. Я устала.

— Хорошо, — согласилась Мэй.

notes

Примечания

1

«Небеса могут подождать» (*англ.*).

2

«Страна надежды и славы», «Правь, Британия!» (*англ.*)

3

«И сегодня будут освобождены наши возлюбленные острова в проливе!» *(англ.)*

Table of Contents

[Шарлотта Линк Хозяйка розария](#)

[Пролог](#)

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

6

7

8

9

10

11

Эпилог

Примечания

1

2

3